зала 18
шкафт 268.
полка 5.
№ 1. 12.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Е. САЛТЫКОВА, т. VII.

ИСТОРІЯ ОДНОГО ГОРОДА

[1869 — 1870 гг.]

УБѢЖИЩЕ МОНРЕПО

[1878 — 1879 гг.]

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ

[1866 — 1869 гг.]

зала 18
шкафъ 268.
полка 5.
№ 1. 7

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1895.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА

[Н. ЩЕДРИНА]

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

—

1895.

М. Е. Салтыковъ

[Н. Щедринъ]

ИСТОРІЯ ОДНОГО ГОРОДА

[1869—1870 гг.]

УБѢЖИЩЕ МОНРЕПО

[1878—1879 гг.]

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ

[1866—1869 гг.]

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1895.

2297

СОДЕРЖАНІЕ.

Исторія одного города.

	стр.
Отъ издателя.	1
I.—Обращеніе къ читателю	4
II.—О корени происхожденія глуповцевъ	6
III.—Опись градоначальникамъ.	15
IV.—Органчикъ	18
V.—Сказаніе о шести градоначальницахъ	32
VI.—Извѣстіе о Двоекуровѣ.	46
VII.—Голодный городъ	48
VIII.—Соломенный городъ	63
IX.—Фантастическій путешественникъ	75
X.—Войны за просвѣщеніе.	80
XI.—Эпоха увольненія отъ войнъ.	103
XII.—Поклоненіе мамонѣ и покаяніе.	122
XIII.—Подтвержденіе покаянія.—Заключеніе	153
Оправдательные документы	184

Убѣжище Монрепо.

I.—Общій обзоръ	199
II.—Тревоги и радости въ Монрепо	230
III.—Монрепо-усыпальница	266
IV.—Finis Монрепо.	294
V.—Предостереженіе	332

Признаки времени.

I.—Завѣщаніе моимъ дѣтямъ	363
II.—Новый Нарцизъ	382
III.—Легковѣсные	399

IV.—Литературное положеніе 416
V.—Сеничкинъ ядъ 435
VI.—Русскіе „гулящіе люди“ за границей 450
VII.—Нашъ „savoir vivre“ 465
VIII.—Проектъ современнаго балета 481
IX.—Хищники 499
X.—Самодовольная современность. 518
XI.—Сила событій . . . . . 532—555

I.

ИСТОРІЯ ОДНОГО ГОРОДА

ПО ПОДЛИННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ

[1869—1870 гг.]

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Давно уже имѣлъ я намѣреніе написать исторію какого-нибудь города (или края) въ данный періодъ времени, но разныя обстоятельства мѣшали этому предпріятію. Преимущественно же претятствовалъ недостатокъ въ матеріалѣ сколько-нибудь достовѣрномъ и правдоподобномъ. Нынѣ, роясь въ глуповскомъ городскомъ архивѣ, я случайно напалъ на довольно объемистую связку тетрадей, носящихъ общее названіе „Глуповскаго Лѣтописца“, и, разсмотрѣвъ ихъ, нашелъ, что онѣ могутъ служить немаловажнымъ подспорьемъ въ дѣлѣ осуществленія моего намѣренія. Содержаніе „Лѣтописца“ довольно однообразно; оно почти исключительно исчерпывается біографіями градоначальниковъ, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія владѣвшихъ судьбами города Глупова, и описаніемъ замѣчательнѣйшихъ ихъ дѣйствій, какъ-то: скорой ѣзды на почтовыхъ, энергическаго взысканія недоимокъ, походовъ противъ обывателей, устройства и разстройства мостовъ, обложенія данями откупщиковъ и т. д. Тѣмъ не менѣе, даже и по этимъ скуднымъ фактамъ оказывается возможнымъ уловить физіономію города и усмотрѣть, какъ въ его исторіи отражались разнообразныя перемѣны, одновременно происходившія въ высшихъ сферахъ. Такъ, напримѣръ, градоначальники временъ Бирона отличаются безразсудствомъ, градоначальники временъ Потемкина — распорядительностью, а градоначальники временъ Разумовскаго — неизвѣстнымъ происхожденіемъ и рыцарскою отвагою.

Всѣ они сѣкутъ обывателей: но первые сѣкутъ абсолютно; вторые объясняютъ причины своей распорядительности требованіями цивилизаціи; третьи желаютъ, чтобъ обыватели во всемъ положились на ихъ отвагу. Такое разнообразіе мѣропріятій, конечно, не могло не воздѣйствовать и на самый внутренній складъ обывательской жизни: въ первомъ случаѣ обыватели трепетали безсознательно, во второмъ —трепетали съ сознаніемъ собственной пользы, въ третьемъ—возвышались до трепета, исполненнаго довѣрія. Даже энергическая ѣзда на почтовыхъ—и та неизбѣжно должна была оказывать извѣстную долю вліянія, укрѣпляя обывательскій духъ примѣрами лошадиной бодрости и нестомчивости.

Лѣтопись ведена преемственно четырьмя городовыми архиваріусами и обнимаетъ періодъ времени съ 1731 по 1825 годъ. Въ этомъ году, повидимому, даже для архиваріусовъ литературная дѣятельность перестала быть доступною. Виѣшность „Лѣтописца" имѣетъ видъ самый настоящій, т.-е. такой, который не позволяетъ ни на минуту усомниться въ его подлинности; листы его такъ же желты и испещрены каракулями, такъ же изъѣдены мышами и загажены мухами, какъ и листы любого памятника Погодинскаго древлехранилища. Такъ и чувствуется, какъ сидѣлъ надъ ними какой-нибудь архивный Пименъ, освѣщая свой трудъ трепетно-горящею сальною свѣчкой и всячески защищая его отъ неминуемой любознательности гг. Шубинскаго, Мордовцева и Мельникова. Лѣтописи предшествуетъ особый сводъ, или „опись", составленная, очевидно, послѣднимъ лѣтописцемъ; кромѣ того, въ видѣ оправдательныхъ документовъ, къ ней приложено нѣсколько дѣтскихъ тетрадокъ, заключающихъ въ себѣ оригинальныя упражненія на различныя темы административно-теоретическаго содержанія. Таковы, напримѣръ, разсужденія: „объ административномъ всѣхъ градоначальниковъ единомысліи"; „о благовидной градоначальниковъ наружности"; „о спасительности усмиреній (съ картинками)"; „мысли при взысканіи недоимокъ"; „превратное теченіе времени", и наконецъ довольно объемистая диссертація „о строгости". Утвердительно можно сказать, что упражненія эти обязаны своимъ происхожденіемъ перу различныхъ градоначальниковъ (многія изъ нихъ даже подписаны) и имѣютъ то драгоцѣнное свойство, что, во-первыхъ, даютъ совершенно вѣрное понятіе о современномъ положеніи русской орографіи и, во-вторыхъ, живописуютъ

своихъ авторовъ гораздо полнѣе, доказательнѣе и образнѣе, нежели даже разсказы „Лѣтописца“.

Что касается до внутренняго содержанія „Лѣтописца“, то оно по преимуществу фантастическое и по мѣстамъ даже почти невѣроятное въ наше просвѣщенное время. Таковъ, напримѣръ, совершенно ни съ чѣмъ несообразный разсказъ о градоначальникѣ съ музыкой. Въ одномъ мѣстѣ „Лѣтописецъ“ разсказываетъ, какъ градоначальникъ леталъ по воздуху, въ другомъ — какъ другой градоначальникъ, у котораго ноги были обращены ступнями назадъ, едва не сбѣжалъ изъ предѣловъ градоначальства. Издатель не счелъ, однакожъ, себя вправѣ утаить эти подробности; напротивъ того, онъ думаетъ, что возможность подобныхъ фактовъ въ прошедшемъ еще съ большею ясностью укажетъ читателю на ту бездну, которая отдѣляетъ насъ отъ него. Сверхъ того, издателемъ руководила и та мысль, что фантастичность разсказовъ нимало не устраняетъ ихъ административно-воспитательнаго значенія, и что опрометчивая самонадѣянность летающаго градоначальника можетъ даже и теперь послужить спасительнымъ предостереженіемъ для тѣхъ изъ современныхъ администраторовъ, которые не желаютъ быть преждевременно уволены отъ должности.

Во всякомъ случаѣ, въ видахъ предотвращенія злонамѣренныхъ толкованій, издатель считаетъ долгомъ оговориться, что весь его трудъ въ настоящемъ случаѣ заключается только въ томъ, что онъ исправилъ тяжелый и устарѣлый слогъ „Лѣтописца“ и имѣлъ надлежащій надзоръ за орографіей, нимало не касаясь самаго содержанія лѣтописи. Съ первой минуты до послѣдней, издателя не покидалъ грозный образъ Михаила Петровича Погодина, и это одно уже можетъ служить ручательствомъ, съ какимъ почтительнымъ трепетомъ онъ относился къ своей задачѣ.

I.—Обращеніе къ читателю

отъ послѣдняго архиваріуса-лѣтописца *).

Ежели древнимъ еллинамъ и римлянамъ дозволено было слагать хвалу своимъ безбожнымъ начальникамъ и передавать потомству мерзкія ихъ дѣянія для назиданія, ужели же мы, христіане, отъ Византіи свѣтъ получившіе, окажемся въ семъ случаѣ менѣе достойными и благодарными? Ужели во всякой странѣ найдутся и Нероны преславные, и Калигулы, доблестью сіяющіе **), и только у себя мы таковыхъ не обрящемъ? Смѣшно и нелѣпо даже помыслить таковую нескладицу, а не то чтобы оную вслухъ проповѣдовать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые вольнолюбцы, которые потому свои мысли вольными полагаютъ, что онѣ у нихъ въ головѣ, словно мухи безъ пристанища, тамъ и сямъ вольно летаютъ.

Не только страна, но и градъ всякій, и даже всякая малая весь, —и та своихъ доблестью сіяющихъ и отъ начальства поставленныхъ Ахилловъ имѣетъ, и не имѣть не можетъ. Взгляни на первую лужу — и въ ней найдешь гада, который пройствомъ своимъ всѣхъ прочихъ гадовъ превосходитъ и затемняетъ. Взгляни на древо — и тамъ усмотришь нѣкоторый сукъ больший и противъ другихъ крѣпчайшій, а слѣдственно и доблестнѣйшій. Взгляни, наконецъ, на собственную свою персону — и тамъ прежде всего встрѣтишь главу, а потомъ уже не оставишь безъ примѣты брюхо и прочія части. Что же, по твоему, доблестнѣе: глава ли твоя, хотя легкою начинкою начиненная, но и за всѣмъ тѣмъ горѣ устремляющаяся, или стремящееся долу брюхо, на то только и пригодное, чтобы изготовлять... О, подлинно же легкодумное твое вольнодумство!

---

*) „Обращеніе“ это помѣщается здѣсь досрочно словами самого „лѣтописца“. Издатель позволилъ себѣ наблюсти только за тѣмъ, чтобы права буквы *ъ* не были слишкомъ безцеремонно нарушены.

**) Очевидно, что лѣтописецъ, опредѣляя качества этихъ историческихъ лицъ, не имѣлъ понятія даже о руководствахъ, изданныхъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Но страннѣе всего, что онъ былъ незнакомъ даже съ стихами Державина:

Калигула! твой конь въ сенатѣ
Не могъ сіять, сіяя въ златѣ:
Сіяютъ добрыя дѣла!

Прим. изд.

Таковы-то были мысли, которыя побудили меня, смиреннаго городового архиваріуса (получающаго въ мѣсяцъ два рубля содержанія, но и за всѣмъ тѣмъ славословящаго), купно съ тремя моими предшественниками, неумытными устами воспѣть хвалу славныхъ оныхъ Нероновъ *), кои не безбожіемъ и лживою еллинскою мудростью, но твердостью и начальственнымъ дерзновеніемъ преславный нашъ градъ Глуповъ преестественно украсили. Не имѣя дара стихослагательнаго, мы не рѣшились прибѣгнуть къ бряцанію и, положась на волю Божію, стали излагать достойныя дѣянія недостойнымъ, но свойственнымъ намъ языкомъ, избѣгая лишь подлыхъ словъ. Думаю, впрочемъ, что таковая дерзостная наша затѣя простится намъ въ виду того особливаго намѣренія, которое мы имѣли, приступая къ ней.

Сіе намѣреніе есть изобразить преемственно градоначальниковъ, въ городъ Глуповъ отъ россійскаго правительства въ разное время поставленныхъ. Но, предпринимая столь важную матерію, я, по крайней мѣрѣ, не разъ вопрошалъ себя: по силамъ ли будетъ мнѣ сіе бремя? Много видѣлъ я на своемъ вѣку пронзительныхъ сихъ подвижниковъ; много видѣли таковыхъ и мои предмѣстники. Всего же числомъ двадцать-два, слѣдовавшихъ непрерывно, въ величественномъ порядкѣ, одинъ за другимъ, кромѣ семидневнаго нагубнаго безначалія, едва не повергшаго весь градъ въ запустѣніе. Одни изъ нихъ, подобно бурному пламени, пролетали изъ края въ край, все очищая и обновляя; другіе, напротивъ того, подобно ручью журчащему, орошали луга и нажити; а буйность и сокрушительность предоставляли въ удѣлъ правителямъ канцеляріи. Но всѣ, какъ буйные, такъ и кроткіе, оставили по себѣ благодарную память въ сердцахъ сограждан, ибо всѣ были градоначальники. Сіе трогательное соотвѣтствіе само по себѣ уже столь дивно, что немалое причиняетъ лѣтописцу безпокойство. Не знаешь, что болѣе славословить: власть ли, въ мѣру дерзающую, или сей виноградъ, въ мѣру благодарящій?

Но сіе же самое соотвѣтствіе, съ другой стороны, служитъ и немалымъ для лѣтописателя облегченіемъ. Ибо въ чемъ состоитъ собственно задача его? Въ томъ ли, чтобы критиковать или порицать? Нѣтъ, не въ томъ. Въ чемъ же? А въ томъ, легкодумный вольно-

*) Опять та же прискорбная ошибка.—*Изд.*

думець, чтобы быть лишь изобразителемъ означеннаго соотвѣтствія, и объ ономъ передать потомству въ надлежащее назиданіе.

Въ семъ видѣ взятая задача дѣлается доступною даже смиреннѣйшему изъ смиренныхъ, потому что онъ изображаетъ собой лишь скудельный сосудъ, въ которомъ замыкается разлитое въ изобиліи славословіе. И чѣмъ тотъ сосудъ скуднѣе, тѣмъ краше и вкуснѣе покажется содержимая въ немъ сладкая славословная влага. А скудельный сосудъ про себя скажетъ: вотъ и я на что-нибудь пригодился, хотя и получаю содержанія два рубля мѣдныхъ въ мѣсяцъ.

Изложивъ такимъ манеромъ нѣчто въ свое извиненіе, не могу не присовокупить, что родной нашъ городъ Глуповъ, производя обширную торговлю квасомъ, печенкой и вареными яйцами, имѣетъ три рѣки и, въ согласность древнему Риму, на семи горахъ построенъ, на коихъ въ гололедицу великое множество экипажей ломается и столь же безчисленно лошадей побивается. Разница въ томъ только состоитъ, что въ Римѣ сіяло нечестіе, а у насъ—благочестіе; Римъ заражало буйство, а насъ — кротость; въ Римѣ бушевала подлая чернь, а у насъ—начальники.

И еще скажу: лѣтопись сію преемственно слагали четыре архиваріуса: Мишка Тряпичкинъ, да Мишка Тряпичкинъ другой, да Митька Смиромордовъ, да я, смиренный Павлушка, Маслобойниковъ сынъ. При чемъ единую имѣли опаску, дабы не попали наши тетрадки къ г. Бартеневу, и дабы не напечаталъ онъ ихъ въ своемъ „Архивѣ". А за тѣмъ Богу слава и разглагольствію моему конецъ.

II.—О корени происхожденія глуповцевъ.

„Не хочу я, подобно Костомарову, сѣрымъ волкомъ рыскать по земли, ни, подобно Соловьеву, шизымъ орломъ ширять подъ облаки, ни, подобно Пыпину, растекаться мыслью по древу, но хочу ущекотать прелюбезныхъ мнѣ глуповцевъ, показавъ міру ихъ славныя дѣла и предобрый тотъ корень, отъ котораго знаменитое сіе древо произросло и вѣтвями своими всю землю покрыло" *).

*) Очевидно, лѣтописецъ подражаетъ здѣсь „Слову о полку Игоревѣ". „Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеся мыслью по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки". И далѣе: „о, Бояне! соловію стараго времени! Абы ты сіи пълки ущекотал, и т. д. *Изд.*

Такъ начинаетъ свой разсказъ лѣтописецъ, и затѣмъ, сказавъ нѣсколько словъ въ похвалу своей скромности, продолжаетъ.

Былъ, говоритъ онъ, въ древности народъ, головотянами именуемый, и жилъ онъ далеко на сѣверѣ, тамъ, гдѣ греческіе и римскіе историки и географы предполагали существованіе Гиперборейскаго моря. Головотянами же прозывались эти люди оттого, что имѣли привычку „тянать“ головами обо все, что бы ни встрѣтилось на пути. Стѣна попадется—объ стѣну тянаютъ: Богу молиться начнутъ—объ полъ тянаютъ. По сосѣдству съ головотянами жило множество независимыхъ племенъ, но только замѣчательнѣйшія изъ нихъ поименованы лѣтописцемъ, а именно: моржеѣды, лукоѣды, гужеѣды, клюковники, куралесы, вертячіе бобы, лягушечники, лаптяники, черноземные, долбежники, проломленныя головы, слѣнороды, губошлепы, вислоухіе, кособрюхіе, рянушники, заугольники, крошевники и рукосуи. Ни вѣроисповѣданія, ни образа правленія эти племена не имѣли, замѣняя все сіе тѣмъ, что постоянно враждовали между собою. Заключали союзы, объявляли войны, мирились, клялись другъ другу въ дружбѣ и вѣрности; когда же лгали, то прибавляли: „да будетъ мнѣ стыдно“, и были напередъ увѣрены, что „стыдъ глаза не выѣстъ“. Такимъ образомъ взаимно разорили они свои земли, взаимно надругались надъ своими женами и дѣвами и въ то же время гордились тѣмъ, что радушны и гостепріимны. Но когда дошли до того, что содрали на лепешки кору съ послѣдней сосны, когда не стало ни женъ, ни дѣвъ и нечѣмъ было „людской заводъ“ продолжать, тогда головотяны первые взялись за умъ. Поняли, что кому-нибудь да надо верхъ взять, и послали сказать сосѣдямъ: будемъ другъ съ дружкой до тѣхъ поръ головами тянаться, пока кто кого перетянетъ. „Хитро это они сдѣлали,—говоритъ лѣтописецъ:—знали, что головы у нихъ на плечахъ ростутъ крѣпкія—вотъ и предложили“. И дѣйствительно, какъ только простодушные сосѣди согласились на коварное предложеніе, такъ сейчасъ же головотяны ихъ всѣхъ, съ Божьею помощью, перетянали. Первые уступили слѣнороды и рукосуи; больше другихъ держались гужеѣды, рянушники и кособрюхіе. Чтобы одолѣть послѣднихъ, вынуждены были даже прибѣгнуть къ хитрости. А именно: въ день битвы, когда обѣ стороны встали другъ противъ друга стѣной, головотяны, неувѣренные въ успѣшномъ исходѣ своего дѣла, прибѣгли къ колдовству: пустили на кособрюхихъ солнышко.

Солнышко-то и само по себѣ такъ стояло, что должно было свѣтить кособрюхимъ въ глаза; но головотяны, чтобы придать этому дѣлу видъ колдовства, стали махать въ сторону кособрюхихъ шапками: вотъ, дескать, мы каковы, и солнышко заодно съ нами. Однако, кособрюхіе не сразу испугались, а сначала тоже догадались: высыпали изъ мѣшковъ толокно и стали ловить солнышко мѣшками. Не изловили, и только тогда, увидѣвъ, что правда на сторонѣ головотяновъ, принесли повинную.

Собравъ воедино куралесовъ, гужеѣдовъ, и прочія племена, головотяны начали устраиваться внутри, съ очевидною цѣлью добиться какого-нибудь порядка. Исторіи этого устройства лѣтописецъ подробно не излагаетъ, а приводитъ изъ нея лишь отдѣльные эпизоды. Началось съ того, что Волгу толокномъ замѣсили, потомъ теленка на баню тащили, потомъ въ кошелѣ кашу варили, потомъ козла въ соложеномъ тѣстѣ утопили, потомъ свинью за бобра купили, да собаку за волка убили, потомъ лапти растеряли да по дворамъ искали: было лаптей шесть, а сыскали семь; потомъ рака съ колокольни звономъ совстрѣчали, потомъ щуку съ яицъ согнали, потомъ комара за восемь верстъ ловить ходили, а комарь у пошехонца на носу сидѣлъ, потомъ батьку на кобеля промѣняли, потомъ блинами острогъ конопатили, потомъ блоху на цѣпь приковали, потомъ бѣса въ солдаты отдавали, потомъ небо кольями подпирали, наконецъ утомились и стали ждать, что̀ изъ этого выйдетъ,

Но ничего не вышло. Щука опять на яйца сѣла; блины, которыми острогъ конопатили, арестанты съѣли; кошели, въ которыхъ кашу варили, сгорѣли вмѣстѣ съ кашею. А розынь да галдѣнье пошли пуще прежняго: опять стали взаимно другъ у друга земли разорять, женъ въ плѣнъ уводить, надъ дѣвами насмѣяться. Нѣтъ порядку да и полно. Попробовали снова головами тянаться, но и тутъ ничего не досчѣли. Тогда надумали искать себѣ князя.

— Онъ намъ все мигомъ предоставитъ, — говорилъ старецъ Добромыслъ:—онъ и солдатовъ у насъ надѣлаетъ, и острогъ, какой слѣдуетъ, выстроитъ! Айда̀, ребята!

Искали, искали они князя и чуть-чуть въ трехъ соснахъ не заблудились, да спасибо случился тутъ пошехонецъ-слѣпородъ, который эти три сосны какъ свои пять пальцевъ зналъ. Онъ вывелъ ихъ на торную дорогу и привелъ прямо къ князю на дворъ.

— Кто вы такіе? и зачѣмъ ко мнѣ пожаловали? — вопросилъ князь посланныхъ.

— Мы головотяны! нѣтъ въ свѣтѣ народа мудрѣе и храбрѣе! Мы даже кособрюхихъ и тѣхъ шапками закидали!—хвастали головотяны.

— А что̀ вы еще сдѣлали?

— До вотъ комара за семь верстъ ловили, — начали-было головотяны, и вдругъ имъ сдѣлалось такъ смѣшно, такъ смѣшно... Посмотрѣли они другъ на дружку и прыснули.

— А вѣдь это ты. Пётра, комара-то ловить ходилъ! — насмѣхался Ивашка.

— Анъ ты!

— Нѣтъ, не я! у тебя онъ и на носу-то сидѣлъ!

Тогда князь, видя, что они и здѣсь, передъ лицомъ его, своей розни не покидаютъ, сильно распалился и началъ учить ихъ жезломъ.

— Глупые вы, глупые!— сказалъ онъ:—не головотянами слѣдуетъ вамъ, по дѣламъ вашимъ, называться, а глуповцами! Не хочу я володѣть глупыми! а ищите такого князя, какого нѣтъ въ свѣтѣ глупѣе—и тотъ будетъ володѣть вами.

Сказавши это, еще маленько поучилъ жезломъ и отослалъ головотяновъ отъ себя съ честію.

Задумались головотяны надъ словами князя; всю дорогу шли и все думали.

— За что̀ онъ насъ раскастилъ?—говорили одни:—мы къ нему всей душой, а онъ послалъ насъ искать князя глупаго!

Но въ то же время выискались и другіе, которые ничего обиднаго въ словахъ князя не видѣли.

— Что̀ же,—возражали они:—намъ глупый-то князь, пожалуй, еще лучше будетъ! Сейчасъ мы ему коврижку въ руки: жуй, а насъ не замай!

— И то правда,—согласились прочіе.

Воротились добры-молодцы домой, но сначала рѣшили опять попробовать устроиться сами собою. Пѣтуха на канатѣ кормили, чтобъ не убѣжалъ, ложку съѣли... Однако толку все не было. Думали-думали и пошли искать глуповскаго князя.

Шли они по ровному мѣсту три года и три дня, и все никуда

придти не могли. Наконецъ, однако, дошли до болота. Видятъ, стоитъ на краю болота чухломецъ-рукосуй. рукавицы торчатъ за поясомъ, а онъ другихъ ищетъ.

— Не знаешь ли, любезный рукосуюшко, гдѣ бы намъ такого князя сыскать, чтобъ не было его въ свѣтѣ глупѣе? — взмолились головотяны.

— Знаю, есть такой,—отвѣчалъ рукосуй:—вотъ идите прямо черезъ болото, какъ разъ тутъ.

Бросились они всѣ разомъ въ болото, и больше половины ихъ тутъ потонло („многіе за землю свою поревновали", говоритъ лѣтописецъ): наконецъ вылѣзли изъ трясины и видятъ: на другомъ краю болотины, прямо передъ ними, сидитъ самъ князь—да глупый-преглупый! Сидитъ и ѣстъ пряники писаные. Обрадовались головотяны: „вотъ такъ князь! лучшаго и желать намъ не надо".

— Кто вы такіе? и зачѣмъ ко мнѣ пожаловали? — молвилъ князь, жуя пряники.

— Мы головотяны! нѣтъ насъ народа мудрѣе и храбрѣе! Мы гужеѣдовъ—и тѣхъ побѣдили!—хвастались головотяны.

— Что же вы еще сдѣлали?

— Мы щуку съ яицъ согнали, мы Волгу толокномъ замѣсили... —начали-было перечислять головотяны, но князь не захотѣлъ и слушать ихъ.

— Я ужъ на что глупъ, — сказалъ онъ: — а вы еще глупѣе меня! Развѣ щука сидитъ на яйцахъ? или можно развѣ вольную рѣку толокномъ мѣсить? Нѣтъ, не головотянами слѣдуетъ вамъ называться, а глуповцами! Не хочу я володѣть вами и ищите вы себѣ такого князя, какого нѣтъ въ свѣтѣ глупѣе,—и тотъ будетъ володѣть вами.

И, наказавъ жезломъ, отпустилъ съ честію.

Задумались головотяны: надулъ курицынъ сынъ рукосуй! Сказывалъ, нѣтъ этого князя глупѣе—анъ онъ умный! Однако воротились домой и опять стали сами собою устраиваться. Подъ дождемъ опять сушили, на сосну Москву смотрѣть лазили. И все нѣтъ какъ нѣтъ порядку, да и полно. Тогда надоумилъ всѣхъ Пётра Комаръ.

— Есть у меня,—сказалъ онъ,—другъ-пріятель по прозванью воръ-поворотъ: ужъ если экая выжига князя не сыщетъ, такъ судите вы меня судомъ милостивымъ, рубите съ плечъ мою голову безталанную!

Съ такимъ убѣжденіемъ высказалъ онъ это, что головотяны послушались и призвали новотора-вора. Долго онъ торговался съ ними, просилъ за розыскъ алтынъ да деньгу, головотяны же давали грошъ да животы свои въ придачу. Наконецъ, однако, кое-какъ сладились и пошли искать князя.

— Ты намъ такого ищи, чтобъ немудрый былъ!—говорили головотяны новотору-вору:—на что намъ мудраго-то, ну его къ лѣду!

И повелъ ихъ воръ-новоторъ сначала все ельничкомъ да березничкомъ, потомъ чащею дремучею, потомъ перелѣсочкомъ, да и вывелъ прямо на поляночку, а посередь той поляночки князь сидитъ.

Какъ взглянули головотяны на князя, такъ и обмерли. Сидитъ-это передъ ними князь да умной-преумной; въ ружьецо поналиваетъ да сабелькой помахиваетъ. Что ни выпалитъ изъ ружьеца, то сердце насквозь прострѣлитъ; что ни махнетъ сабелькой, то голова съ плечъ долой. А воръ-новоторъ, сдѣлавши такое накостное дѣло, стоитъ, брюхо поглаживаетъ да въ бороду усмѣхается.

— Что ты! съ ума никакъ спятилъ! пойдетъ ли этотъ къ намъ? во сто разъ глупѣе были,—и тѣ не пошли!—напустились головотяны на новотора-вора.

— Ништо! обладимъ!—молвилъ воръ-новоторъ:—дай срокъ, я глазъ-на-глазъ съ нимъ слово перемолвлю.

Видятъ головотяны, что воръ-новоторъ кругомъ на кривой ихъ объѣхалъ, а на попятный ужъ не смѣютъ.

— Это, братъ, не то, что съ „кособрюхими“ лбами тягаться! нѣтъ, тутъ, братъ, отвѣтъ подай: каковъ таковъ человѣкъ! какого чину и званія?—гуторятъ они межъ собой.

А воръ-новоторъ этимъ временемъ дошелъ до самого князя, снялъ передъ нимъ шапочку соболиную и сталъ ему тайныя слова на ухо говорить. Долго они шептались, а про что—не слыхать. Только и почуяли головотяны, какъ воръ-новоторъ говорилъ: „драть ихъ, ваша княжеская свѣтлость, завсегда очень свободно“.

Наконецъ и для нихъ насталъ чередъ встать передъ ясныя очи его княжеской свѣтлости.

— Что вы за люди? и зачѣмъ ко мнѣ пожаловали?—обратился къ нимъ князь.

— Мы головотяны! нѣтъ насъ народа храбрѣе,—начали-было головотяны, но вдругъ смутились.

— Слыхалъ, господа головотяпы!—усмѣхнулся князь („и таково ласково усмѣхнулся, словно солнышко просіяло!“ замѣчаетъ лѣтописецъ):—весьма слыхалъ! И о томъ знаю, какъ вы рака съ колокольнымъ звономъ встрѣчали—довольно знаю! Объ одномъ не знаю, зачѣмъ же ко мнѣ-то вы пожаловали?

— А пришли мы къ твоей княжеской свѣтлости вотъ что объявить: много мы промежъ себя убиствъ чинили, много другъ дружкѣ разореній и нарутательствъ дѣлали, а все правды у насъ нѣтъ. Иди и володѣй нами!

— А у кого, спрошу васъ, вы допрежъ сего изъ князей братьевъ вопхъ съ поклономъ были!

— А были мы у одного князя глупаго, да у другого князя глупаго жъ—и тѣ володѣть нами не похотѣли!

— Ладно. Володѣть вами я желаю,—сказалъ князь:—а чтобъ идти къ вамъ жить—не пойду! Потому вы живете звѣринымъ обычаемъ: съ безпробнаго золота нѣники снимаете, сноха портите! А вотъ посылаю къ вамъ, замѣсто меня, самаго этого новотора-вора: пущай онъ вами дѣма правитъ, а я отсель и имъ, и вами помыкать буду!

Попурили головотяпы головы и сказали:

— Такъ!

— И будете вы платить мнѣ дани многія,—продолжалъ князь:—у кого овца ярку принесетъ, овцу на меня отними, а ярку себѣ оставь: у кого гроши случится, тотъ разломи его на-четверо: одну часть мнѣ отдай, другую мнѣ же, третью опять мнѣ, а четвертую себѣ оставь. Когда же пойду на войну—и вы идите! А до прочаго вамъ ни до чего дѣла нѣтъ!

— Такъ!—отвѣчали головотяпы.

— И тѣхъ изъ васъ, которымъ ни до чего дѣла нѣтъ, я буду миловать; прочихъ же всѣхъ—казнить.

— Такъ!—отвѣчали головотяпы.

— А какъ не умѣли вы жить на своей волѣ и сами, глупые, пожелали себѣ кабалы, то называться вамъ впредь не головотяпами, а глуповцами.

— Такъ!—отвѣчали головотяпы.

Затѣмъ приказалъ князь обнести пословъ водкою, да одарить по пирогу, да по платку алому, и, обложивъ данями многими, отпустилъ отъ себя съ честію.

Шли головотяны домой и воздыхали. „Воздыхали не ослабляючи, воіяли сильно!“ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ. „Вотъ она, княжеская правда какова!“ говорили они. И еще говорили: „тàкали мы тàкали, да и протàкали!“ Одинъ же изъ нихъ взялъ гусли и запѣлъ:

Не шуми, мати зелена дубровушка!
Не мѣшай добру молодцу думу думати,
Какъ заутра мнѣ, добру молодцу, на допросъ идти
Передъ грознаго судью самого царя...

Чѣмъ далѣе лилась пѣсня, тѣмъ ниже понуривались головы головотяновъ. „Были между ними,—говоритъ лѣтописецъ,—старики сѣдые, и плакали горько, что сладкую волю свою прогуляли; были и молодые, кои той воли едва отвѣдали, но и тѣ тоже плакали. Тутъ только познали всѣ, какова прекрасная воля есть“. Когда же раздались заключительные стихи пѣсни:

Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя столбами съ перекладиной...

—то всѣ пали ницъ и зарыдали.

Но драма уже совершилась безповоротно. Прибывши домой, головотяны немедленно выбрали болотину и, заложивъ на ней городъ, назвали Глуповымъ, а себя по тому городу глуповцами. „Такъ и процвѣла сія древняя отрасль“, прибавляетъ лѣтописецъ.

Но вору-новотору эта покорность была не по нраву. Ему нужны были бунты, ибо усмиреніемъ ихъ онъ надѣялся и милость князя себѣ снискать, и собрать хабару съ бунтующихъ. И началъ онъ донимать глуповцевъ всякими неправдами, и дѣйствительно, не въ долгомъ времени возжегъ бунты. Взбунтовались сперва заугольники, а потомъ сычужники. Воръ-новоторъ ходилъ на нихъ съ пушечнымъ снарядомъ, палилъ неослабляючи и, перепаливъ всѣхъ, заключилъ миръ, то-есть у заугольниковъ бѣлъ палтусину, у сычужниковъ—сычуги. И получилъ отъ князя похвалу великую. Вскорѣ, однако, онъ до того проворовался, что слухи объ его несытомъ воровствѣ дошли даже до князя. Распалился князь крѣпко и послалъ невѣрному рабу петлю. Но новоторъ, какъ сущій воръ, и тутъ извернулся: предварилъ казнь тѣмъ, что, не выждавъ петли, зарѣзался огурцомъ.

Послѣ новотора-вора пришелъ „замѣстъ князя“ одоевецъ, тотъ самый, который „на грошъ постныхъ яицъ купилъ“. Но и онъ догадался, что безъ бунтовъ ему не жить, и тоже сталъ донимать. Поднялись кособрюхіе, калашники, саламатники—всѣ отстаивали старину да права свои. Одоевецъ пошелъ противъ бунтовщиковъ, и тоже началъ неослабно палить, но, должно быть, палилъ зря, потому что бунтовщики не только не смирялись, но увлекли за собой черноёбыхъ и губошлеповъ. Услыхалъ князь безтолковую пальбу безголковаго одоевца и долго терпѣлъ, но напослѣдокъ не стерпѣлъ; вышелъ противъ бунтовщиковъ собственною персоною и, перепаливъ всѣхъ до единаго, возвратился во-свояси.

— Посылалъ я сущаго вора — оказался воръ, — печаловался при этомъ князь; — посылалъ одоевца по прозванію „продай на грошъ постныхъ яицъ“ — и тотъ оказался воръ же. Кого пошлю нынѣ?

Долго раздумывалъ онъ, кому изъ двухъ кандидатовъ отдать преимущество: орловцу ли — на томъ основаніи, что „Орелъ да Кромы — первые воры“ — или шуянину, на томъ основаніи, что онъ „въ Питерѣ бывалъ, на полу спалъ, и тутъ не упалъ“, но, наконецъ, предпочелъ орловца, потому что онъ принадлежалъ къ древнему роду „Проломленныхъ Головъ“. Но едва прибылъ орловецъ на мѣсто, какъ встали бунтомъ старичане и, вмѣсто воеводы, встрѣтили съ хлѣбомъ-солью нѣтуха. Поѣхалъ къ нимъ орловецъ, надѣясь въ Старицѣ стерлядями полакомиться, но нашелъ, что тамъ „только грязи довольно“. Тогда онъ Старицу сжегъ, а женъ и дѣвъ старицкихъ отдалъ самому себѣ на поруганіе. „Князь же, увѣдавъ о томъ, урѣзалъ ему языкъ“.

Затѣмъ князь еще разъ попробовалъ послать „вора попроще“, и въ этихъ соображеніяхъ выбралъ калязинца, который „свинью за бобра купилъ“; но этотъ оказался еще пущимъ воромъ, нежели новоторъ и орловецъ. Взбунтовалъ семендяевцевъ и заозерцевъ и „убивъ ихъ, сжегъ“.

Тогда князь выпучилъ глаза и воскликнулъ:

— Нѣсть глупости горшія, яко глупость!

И прибылъ собственною персоною въ Глуповъ и возопилъ:

— Запорю!

Съ этимъ словомъ начались историческія времена.

III.—Опись градоначальникамъ,

за разное время въ городъ Глуповъ отъ нашего начальства поставленнымъ

(1731—1826).

1) Клементій. Амадей Мануиловичъ. Вывезенъ изъ Италіи Бирономъ, герцогомъ Курляндскимъ, за искусную стряпню макарон: потомъ, будучи внезапно произведенъ въ надлежащій чинъ, присланъ градоначальникомъ. Прибывъ въ Глуповъ, не только не оставилъ занятія макаронами, но даже многихъ успѣшно къ тому принуждалъ, чѣмъ себя и возпрославилъ. За измѣну, битъ въ 1734 году кнутомъ и, по вырваніи поздрей, сосланъ въ Березовъ.

2) Ѳеранонтовъ, Ѳотій Петровичъ, бригадиръ. Бывшій брадобрѣй онаго же герцога Курляндскаго. Многократно дѣлалъ походы противъ недоимщиковъ и столь былъ охочъ до зрѣлищъ, что никому безъ себя сѣчь не довѣрялъ. Въ 1738 году, бывъ въ лѣсу, растерзанъ собаками.

3) Великановъ. Иванъ Матвѣевичъ. Обложилъ въ свою пользу жителей данью по три конѣйки съ души, предварительно утопивъ въ рѣкѣ экономіи директора. Перебилъ въ кровь многихъ капитанъ-исправниковъ. Въ 1740 году, въ царствованіе кроткія Елисаветъ, бывъ уличенъ въ любовной связи съ Авдотьей Лопухиной, битъ кнутомъ и, по урѣзаніи языка, сосланъ въ заточеніе въ чердынскій острогъ.

4) Урусъ-Кугушъ-Кильдибаевъ, Манылъ Самыловичъ, капитанъ-поручикъ изъ лейбъ-кампанцевъ. Отличался безумной отвагой и даже бралъ однажды приступомъ городъ Глуповъ. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія, похвалы не получилъ и въ 1745 году уволенъ съ распубликованіемъ.

5) Ламврокакисъ, бѣглый грекъ, безъ имени и отчества, и даже безъ чина, пойманный графомъ Кирилою Разумовскимъ въ Нѣжинѣ, на базарѣ. Торговалъ греческимъ мыломъ, губкою и орѣхами; сверхъ того, былъ сторонникомъ классическаго образованія. Въ 1756 году былъ найденъ въ постели, заѣденный клопами.

6) Бакланъ, Иванъ Матвѣевичъ, бригадиръ. Былъ роста трехъ аршинъ и трехъ вершковъ, и кичился тѣмъ, что происходитъ по прямой линіи отъ Ивана-Великаго (извѣстная въ Москвѣ коло-

кольня). Переломленъ пополамъ во время бури, свирѣствовавшей въ 1761 году.

7) Пфейферъ, Богданъ Богдановичъ, гвардіи сержантъ, голштинскій выходецъ. Ничего не свершивъ, смѣненъ въ 1762 году за невѣжество.

8) Брудастый, Дементій Варламовичъ. Назначенъ былъ виноныхахъ и имѣлъ въ головѣ нѣкоторое особливое устройство, за что и прозванъ былъ „Органчикомъ“. Это не мѣшало ему, впрочемъ, привести въ порядокъ недоимки, запущенныя его предмѣстникомъ. Во время сего правленія произошло пагубное безначаліе, продолжившееся семь дней, какъ о томъ будетъ повѣствуемо ниже.

9) Двоеруковъ, Семенъ Константиновичъ, статскій совѣтникъ и кавалеръ. Вымостилъ Большую и Дворянскую улицы, завелъ пивовареніе и медовареніе, ввелъ въ употребленіе горчицу и лавровый листъ, собралъ недоимки, покровительствовалъ наукамъ и ходатайствовалъ о заведеніи въ Глуповѣ академіи. Написалъ сочиненіе: „Жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ обезьянъ“. Будучи крѣпкаго тѣлосложенія, имѣлъ послѣдовательно восемь амантъ. Супруга его, Лукерья Терентьевна, тоже была весьма снисходительна и тѣмъ много способствовала блеску сего правленія. Умеръ въ 1770 году своею смертью.

10) Маркизъ де-Санглотъ, Антонъ Протасьевичъ, французскій выходецъ и другъ Дидерота. Отличался легкомысліемъ и любилъ нѣть непристойныя нѣсни. Леталъ по воздуху въ городскомъ саду и чуть было не улетѣлъ совсѣмъ, какъ зацѣпился фалдами за шпицъ, и оттуда съ превеликимъ трудомъ снять. За эту затѣю уволенъ въ 1772 году, а въ слѣдующемъ же году, не унывъ духомъ, давалъ представленія у Излера на минеральныхъ водахъ *).

11) Ѳердыщенко, Петръ Петровичъ, бригадиръ. Бывшій деньщикъ князя Потемкина. При не весьма обширномъ умѣ, былъ косноязыченъ. Недоимки запустилъ: любилъ ѣсть буженину и гуся съ капустой. Во время его градоначальствованія городъ подвергся голоду и пожару. Умеръ въ 1779 году отъ объяденія.

12) Бородавкинъ, Василискъ Семеновичъ. Градоначальничество сіе было самое продолжительное и самое блестящее. Предво-

*) Это очевидная ошибка.—*Прим. изд.*

дительствовалъ въ кампаніи противъ недоимщиковъ, причемъ спалилъ тридцать-три деревни и съ помощью сихъ мѣръ взыскалъ недоимокъ два рубля съ полтиною. Ввелъ въ употребленіе игру ламушъ и прованское масло; замостилъ базарную площадь и засадилъ березками улицу, ведущую къ присутственнымъ мѣстамъ; вновь ходатайствовалъ о заведеніи въ Глуповѣ академіи, но, получивъ отказъ, построилъ съѣзжій домъ. Умеръ въ 1798 году, на экзекуціи, напутствуемый капитанъ-исправникомъ.

13) Негодяевъ, Онуфрій Ивановичъ, бывшій гатчинскій истопникъ. Размостилъ вымощенныя предмѣстниками его улицы и изъ добытаго камня настроилъ монументовъ. Смѣненъ въ 1802 году за несогласіе съ Новосильцовымъ, Чарторыйскимъ и Строгоновымъ (знаменитый въ свое время тріумвиратъ) насчетъ конституцій, въ чемъ его и оправдали впослѣдствіи.

14) Микаладзе, князь Ксаверій Георгіевичъ, черкашенинъ, потомокъ сладострастной княгини Тамары. Имѣлъ обольстительную наружность и былъ столь охочъ до женскаго пола, что увеличилъ глуповское народонаселеніе почти вдвое. Оставилъ полезное по сему предмету руководство. Умеръ въ 1814 году, отъ истощенія силъ.

15) Беневоленскій, Ѳеофилактъ Иринарховичъ, статскій совѣтникъ, товарищъ Сперанскаго по семинаріи. Былъ мудръ и оказывалъ склонность къ законодательству. Предсказалъ гласные суды и земство. Имѣлъ любовную связь съ купчихою Распоповою, у которой, по субботамъ, ѣдалъ пироги съ начинкой. Въ свободное отъ занятій время сочинялъ для городскихъ поповъ проповѣди и переводилъ съ латинскаго сочиненія Ѳомы Кемпійскаго. Вновь ввелъ въ употребленіе, яко полезные, горчицу, лавровый листъ и прованское масло. Первый обложилъ данью откупъ, отъ коего и получалъ три тысячи рублей въ годъ. Въ 1811 году, за потворство Бонапарту, былъ призванъ къ отвѣту и сосланъ въ заточеніе.

16) Прыщъ, маіоръ Иванъ Пантелеичъ. Оказался съ фаршированной головой, въ чемъ и уличенъ мѣстнымъ предводителемъ дворянства.

17) Ивановъ, статскій совѣтникъ, Никодимъ Осиповичъ. Былъ столь малаго роста, что не могъ вмѣщать пространныхъ законовъ. Умеръ въ 1819 году отъ натуги, усиливаясь постичь нѣкоторый сенатскій указъ.

18) Дю-Шарю, виконтъ. Ангелъ Дорофеевичъ, французскій выходецъ. Любилъ рядиться въ женское платье и лакомился лягушками. По разсмотрѣніи, оказался дѣвицею. Высланъ въ 1821 году за границу.

20) Грустиловъ, Эрастъ Андреевичъ. статскій совѣтникъ. Другъ Карамзина. Отличался нѣжностью и чувствительностью сердца, любилъ пить чай въ городской рощѣ и не могъ безъ слезъ видѣть, какъ токуютъ тетерева. Оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій идиллическаго содержанія и умеръ отъ меланхоліи въ 1825 году. Данъ съ откупа возвысилъ до пяти тысячъ рублей въ годъ.

21) Угрюмъ-Бурчеевъ, бывшій прохвостъ. Разрушилъ старый городъ и построилъ другой на новомъ мѣстѣ.

22) Перехватъ-Залихватскій, Архистратигъ Стратилатовичъ, маіоръ. О семъ умолчу. Въѣхалъ въ Глуповъ на бѣломъ конѣ, сжегъ гимназію и упразднилъ науки.

IV.—Органчикъ *).

Въ августѣ 1762 года въ городѣ Глуповѣ происходило необычайное движеніе по случаю прибытія новаго градоначальника, Клементія Варламовича Брудастаго. Жители ликовали: еще не видавъ въ глаза вновь назначеннаго правителя, они уже разсказывали о немъ анекдоты и называли его „красавчикомъ“ и „умницей“. Поздравляли другъ друга съ радостью, цѣловались, проливали слезы, заходили въ кабаки, снова выходили изъ нихъ и опять заходили. Въ порывѣ восторга вспомнились и старинныя глуповскія вольности. Лучшіе граждане собрались передъ соборной колокольней и, образовавъ всенародное вѣче, потрясали воздухъ восклицаніями: „батюшка-то нашъ! красавчикъ-то нашъ! умница-то нашъ!“

*) По „Краткой описи“ значится подъ № 8. Издатель нашелъ возможнымъ не придерживаться строго-хронологическаго порядка при ознакомленіи публики съ содержаніемъ „Лѣтописца“. Сверхъ того, онъ счелъ за лучшее представить здѣсь біографіи только замѣчательнѣйшихъ градоначальниковъ, такъ какъ правители не столь замѣчательные достаточно характеризуются предшествующею настоящему очерку „Краткою описью“.

Явились даже опасные мечтатели. Руководимые не столько разумомъ, сколько движеніями благороднаго сердца, они утверждали, что при новомъ градоначальникѣ процвѣтетъ торговля и что подъ наблюденіемъ квартальныхъ надзирателей возникнутъ науки и искуства. Не удержались и отъ сравненій. Вспомнили только-что выѣхавшаго изъ города стараго градоначальника, и находили, что хотя онъ тоже былъ красавчикъ и умница, но что, за всѣмъ тѣмъ, новому правителю уже по тому одному должно быть отдано преимущество, что онъ новый. Однимъ словомъ, при этомъ случаѣ, какъ и при другихъ подобныхъ, вполнѣ выразились: и обычная глуповская восторженность, и обычное глуповское легкомысліе.

Между тѣмъ новый градоначальникъ оказался молчаливъ и угрюмъ. Онъ прискакалъ въ Глуповъ, какъ говорится, во всѣ лопатки (время было такое, что нельзя было терять ни одной минуты), и едва вломился въ предѣлы городского выгона, какъ тутъ же, на самой границѣ, пересѣкъ уйму ямщиковъ. Но даже и это обстоятельство не охладило восторговъ обывателей, потому что умы еще были полны воспоминаніями о недавнихъ побѣдахъ надъ турками, и всѣ надѣялись, что новый градоначальникъ во второй разъ возьметъ приступомъ крѣпость Хотинъ.

Скоро, однакожъ, обыватели убѣдились, что ликованія и надежды ихъ были, по малой мѣрѣ, преждевременны и преувеличенны. Произошелъ обычный пріемъ, и тутъ въ первый разъ въ жизни пришлось глуповцамъ на дѣлѣ извѣдать, какимъ горькимъ испытаніямъ можетъ быть подвергнуто самое упорное начальстволюбіе. Все на этомъ пріемѣ совершилось какъ-то загадочно. Градоначальникъ безмолвно обошелъ ряды чиновныхъ архистратиговъ, сверкнулъ глазами, произнесъ: „не потерплю!“ и скрылся въ кабинетъ. Чиновники остолбенѣли; за ними остолбенѣли и обыватели.

Несмотря на непреоборимую твердость, глуповцы — народъ изнѣженный и до крайности набалованный. Они любятъ, чтобъ у начальника на лицѣ играла привѣтливая улыбка, чтобы изъ устъ его, по временамъ, исходили любезныя прибаутки, и недоумѣваютъ, когда уста эти только фыркаютъ или издаютъ загадочные звуки. Начальникъ можетъ совершать всякія мѣропріятія: онъ можетъ даже никакихъ мѣропріятій не совершать, но ежели онъ не будетъ при этомъ калякать, то имя его никогда не сдѣлается популярнымъ. Бывали

градоначальники истинно мудрые, такіе, которые не чужды были даже мысли о заведеніи въ Глуповѣ академіи (таковъ, напримѣръ, статскій совѣтникъ Двоекуровъ, значащійся по „описи“ подъ № 9; но такъ какъ они не обзывали глуповцевъ ни „братцами“, ни „робятами“, то имена ихъ остались въ забвеніи. Напротивъ того, бывали другіе, хотя и не то чтобы очень глупые—такихъ не бывало, —а такіе, которые дѣлали дѣла среднія, то-есть сѣкли и взыскивали недоимки, но такъ какъ они при этомъ всегда приговаривали что-нибудь любезное, то имена ихъ не только были занесены на скрижали, но даже послужили предметомъ самыхъ разнообразныхъ устныхъ легендъ.

Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Какъ ни воспламенились сердца обывателей, по случаю пріѣзда новаго начальника, но пріемъ его значительно расхолодилъ ихъ.

— Что жъ это такое! фыркнулъ—и затылокъ показалъ! нѣтто мы затылковъ не видали! а ты по душѣ съ нами поговори! ты ласкойто, лаской-то пронимай! ты пригрозить пригрози, да потомъ и помилуй! Такъ говорили глуповцы, и со слезами припоминали, какіе бывали у нихъ прежде начальники, все привѣтливые, да добрые, да красавчики—и всѣ-то въ мундирахъ! Вспомнили даже объ бѣлаго грека Ламврокакиса (по „описи“ подъ № 5), вспомнили, какъ пріѣхалъ, въ 1756 году, бригадиръ Баклань (по „описи“ подъ № 6), и какимъ молодцомъ онъ на первомъ же пріемѣ выказалъ себя передъ обывателями.

— Натискъ,—сказалъ онъ,—и притомъ быстрота. Снисходительность и притомъ строгость. И притомъ благоразумная твердость. Вотъ, милостивые государи, та цѣль, или, точнѣе сказать, тѣ пять цѣлей, которыхъ я, съ Божьею помощью, надѣюсь достигнуть при посредствѣ нѣкоторыхъ административныхъ мѣропріятій, составляющихъ сущность или, лучше сказать, ядро обдуманнаго мною плана кампаніи!

И какъ онъ потомъ, ловко повернувшись на одномъ каблукѣ, обратился къ городскому головѣ и присовокупилъ:

— А по праздникамъ будемъ ѣсть у васъ пироги!

— Такъ вотъ, сударь, какъ настоящіе-то начальники принимали!—вздыхали глуповцы:—а этотъ что! фыркнулъ какую-то нелѣпицу, да и былъ таковъ!

Увы! послѣдующія событія не только оправдали общественное мнѣніе обывателей, но даже превзошли самыя смѣлыя ихъ опасенія. Новый градоначальникъ запершся въ своемъ кабинетѣ, не ѣлъ, не пилъ и все что-то скребъ перомъ. По временамъ онъ выбѣгалъ въ залъ, кидалъ письмоводителю кипу исписанныхъ листковъ, произносилъ: „не потерплю!“ и вновь скрывался въ кабинетъ. Неслыханная дѣятельность вдругъ закипѣла во всѣхъ концахъ города: частные пристава поскакали; квартальные поскакали; засѣдатели поскакали; будочники позабыли, что̀ значитъ путемъ поѣсть, и съ тѣхъ поръ пріобрѣли нагубную привычку хватать куски на-лету. Хватаютъ и ловятъ, сѣкутъ и порютъ, описываютъ и продаютъ... А градоначальникъ все сидитъ и выскребаетъ все новыя и новыя понужденія... Гулъ и трескъ проносятся изъ одного конца города въ другой, и надъ всѣмъ этимъ гвалтомъ, надъ всей этой сумятицей, словно крикъ хищной птицы, царитъ зловѣщее: „не потерплю!“

Глуповцы ужаснулись. Вспомнили генеральное сѣченіе ямщиковъ, и вдругъ всѣхъ озарила мысль: а ну, какъ онъ этакимъ манеромъ цѣлый городъ выпоретъ! Потомъ стали соображать, какой смыслъ слѣдуетъ придавать слову „не потерплю!“ — наконецъ, прибѣгли къ исторіи Глупова, стали отыскивать въ ней примѣры спасительной строгости, нашли разнообразіе изумительное, но ни до чего подходящаго все-таки не доискались.

— И хоть бы онъ дѣломъ сказывалъ, по скольку съ души ему надобно! — бесѣдовали между собой смущенные обыватели: — а то цыркаетъ да и на̀ поди.

Глуповъ, безпечный, добродушно-веселый Глуповъ, пріунылъ. Нѣтъ болѣе оживленныхъ сходокъ за воротами домовъ, умолкло щелканье подсолнуховъ, нѣтъ игры въ бабки! Улицы запустѣли, на площадяхъ показались хищные звѣри. Люди только по нуждѣ оставляли дома свои и, на мгновеніе показавши испуганныя и изнуренныя лица, тотчасъ же хоронились. Нѣчто подобное было, по словамъ старожиловъ, во времена тушинскаго царька, да еще при Биронѣ, когда гуляющая дѣвка, Танька-коривая, чуть-чуть не подвела всего города подъ экзекуцію. Но даже и тогда было лучше: по крайней мѣрѣ, тогда хоть что-нибудь понимали, а теперь чувствовали только страхъ, зловѣщій и безотчетный страхъ.

Въ особенности тяжело было смотрѣть на городъ поздними ве-

черомъ. Въ это время Глуповъ, и безъ того мало оживленный, окончательно замиралъ. На улицѣ царили голодные псы, но и тѣ не лаяли, а въ величайшемъ порядкѣ предавались извѣженности и распущенности нравовъ; густой мракъ окутывалъ улицы и дома, и только въ одной изъ комнатъ градоначальнической квартиры мерцалъ, далеко за полночь, зловѣщій свѣтъ. Проснувшійся обыватель могъ видѣть, какъ градоначальникъ сидитъ, согнувшись, за письменнымъ столомъ, и все что-то скребетъ перомъ... И вдругъ подойдетъ къ окну, крикнетъ: „не потерплю!“ —и опять скребетъ...

Начали ходить безобразные слухи. Говорили, что новый градоначальникъ совсѣмъ даже не градоначальникъ, а оборотень, присланный въ Глуповъ по легкомыслію; что онъ по ночамъ, въ видѣ ненасытнаго упыря, паритъ надъ городомъ и сосетъ у сонныхъ обывателей кровь. Разумѣется, все это повѣствовалось и передавалось другъ другу шопотомъ; хотя же и находились смѣльчаки, которые предлагали поголовно пасть на колѣни и просить прощенья, но и тѣхъ взяло раздумье. А что, если это такъ именно и надо? что, ежели признано необходимымъ, чтобы въ Глуповѣ, грѣхъ его ради, былъ именно такой, а не иной градоначальникъ? Соображенія эти показались до того резонными, что храбрецы не только отреклись отъ своихъ предложеній, но тутъ же начали попрекать другъ друга въ смутьянствѣ и подстрекательствѣ.

И вдругъ всѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что градоначальника секретно посѣщаетъ часовыхъ и органныхъ дѣлъ мастеръ Байбаковъ. Достовѣрные свидѣтели сказывали, что однажды, въ третьемъ часу ночи, видѣли, какъ Байбаковъ, весь блѣдный и испуганный, вышелъ изъ квартиры градоначальника и бережно несъ что-то обернутое въ салфетку. И что всего замѣчательнѣе—въ эту достопамятную ночь никто изъ обывателей не только не былъ разбуженъ крикомъ: „не потерплю!“ —но и самъ градоначальникъ, повидимому, прекратилъ на время критическій анализъ недоимочныхъ реестровъ *) и погрузился въ сонъ.

*) Очевидный анахронизмъ. Въ 1762 году недоимочныхъ реестровъ не было, а просто взыскивались деньги, сколько съ кого надлежитъ. Не было, слѣдовательно, и критическаго анализа. Впрочемъ это скорѣе не анахронизмъ, а прозорливость, которую лѣтописецъ, по мѣстамъ, обнаруживаетъ въ столь сильной степени, что читателю дѣлается даже не совсѣмъ ловко.

Возникъ вопросъ: какую надобность могъ имѣть градоначальникъ въ Байбаковѣ, который, кромѣ того что нилъ безъ просыпа, былъ еще и явный прелюбодѣй?

Начались подвохи и подсылы съ цѣлью выѣдать тайну, но Байбаковъ оставался нѣмъ какъ рыба, и на всѣ увѣщанія ограничился тѣмъ, что трясся всѣмъ тѣломъ. Пробовали споить его; но онъ, не отказываясь отъ водки, только потѣлъ, а секрета не выдавалъ. Находившіеся у него въ ученьи мальчики могли сообщить одно: что дѣйствительно приходилъ однажды ночью полицейскій солдатъ, взялъ хозяина, который черезъ часъ возвратился съ узелкомъ, заперся въ мастерской и съ тѣхъ поръ затосковалъ.

Болѣе ничего узнать не могли. Между тѣмъ таинственныя свиданія градоначальника съ Байбаковымъ участились. Съ теченіемъ времени Байбаковъ не только пересталъ тосковать, но даже до того осмѣлился, что самому градскому головѣ посулилъ отдать его безъ зачета въ солдаты, если онъ каждый день не будетъ выдавать ему на никалику. Онъ сшилъ себѣ новую пару платья и хвастался, что на дняхъ откроетъ въ Глуповѣ такой магазинъ, что самому Винтергальтеру *) въ носъ бросится.

Среди всѣхъ этихъ толковъ и пересудовъ, вдругъ какъ съ неба упала повѣстка, приглашавшая именитѣйшихъ представителей глуповской интеллигенціи, въ такой-то день и часъ, прибыть къ градоначальнику для внушенія. Именитые смутились, но стали готовиться.

То былъ прекрасный весенній день. Природа ликовала: воробьи чирикали; собаки радостно взвизгивали и виляли хвостами. Обыватели, держа подъ мышками кульки, тѣснились на дворѣ градоначальнической квартиры и съ трепетомъ ожидали страшнаго судьбища. Наконецъ, ожидаемая минута настала.

Онъ вышелъ, и на лицѣ его въ первый разъ увидѣли глуповцы ту привѣтливую улыбку, о которой они тосковали. Казалось, благотворные лучи солнца подѣйствовали и на него (по крайней мѣрѣ многіе обыватели потомъ увѣряли, что собственными глазами видѣли,

Такъ, напримѣръ (мы увидимъ это далѣе), онъ провелъ изобрѣтеніе электрическаго телеграфа и даже учрежденіе губернскихъ правленій.

Издатель.

*) Новый примѣръ прозорливости: Винтергальтера въ 1762 году не было.

Издатель.

какъ у него тряслись фалдочки). Онъ, по очереди, обошелъ всѣхъ обывателей, и хотя молча, но благосклонно принялъ отъ нихъ все что̀ слѣдуетъ. Окончивши съ этимъ дѣломъ, онъ нѣсколько отступилъ къ крыльцу и раскрылъ ротъ... И вдругъ что-то внутри у него зашипѣло и зажужжало, и чѣмъ болѣе длилось это таинственное шипѣніе, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе вертѣлись и сверкали его глаза. „П...п...ило!“ наконецъ вырвалось у него изъ устъ... Съ этимъ звукомъ онъ въ послѣдній разъ сверкнулъ глазами и опрометью бросился въ открытую дверь своей квартиры.

Читая въ „Лѣтописцѣ“ описаніе происшествія столь неслыханнаго, мы, свидѣтели и участники иныхъ временъ и иныхъ событій, конечно, имѣемъ полную возможность отнестись къ нему хладнокровно. Но перенесемся мыслью за сто лѣтъ тому назадъ, поставимъ себя на мѣсто достославныхъ нашихъ предковъ, и мы легко поймемъ тотъ ужасъ, который долженствовалъ обуять ихъ при видѣ этихъ вращающихся глазъ и этого раскрытаго рта, изъ котораго ничего не выходило, кромѣ шипѣнія и какого-то безсмысленнаго звука, не похожаго даже на бой часовъ. Но въ томъ-то именно и заключалась доброкачественность нашихъ предковъ, что, какъ ни потрясло ихъ описанное выше зрѣлище, они не увлеклись ни модными идеями, ни соблазнами, представляемыми анархіей, но остались вѣрными началъ-стволюбію, и только слегка позволили себѣ пособолѣзновать и поценять на своего болѣе чѣмъ страннаго градоначальника.

— И откуда къ намъ экой прохвость вынесался! — говорили обыватели, изумленно вопрошая другъ друга и не придавая слову „прохвость“ никакого особеннаго значенія.

— Смотри, братцы! какъ бы намъ тово... отвѣчать бы за него, за прохвоста, не пришлось!—присовокупляли другіе.

И затѣмъ спокойно разошлись по домамъ и предались обычнымъ своимъ занятіямъ.

И остался бы нашъ Брудастый на многіе годы настыремъ вертограда сего, и радовалъ бы сердца начальниковъ своею распорядительностью, и не ощутили бы обыватели въ своемъ существованіи ничего необычайнаго, если бы обстоятельство совершенно случайное (простая оплошность) не прекратило его дѣятельности въ самомъ ея разгарѣ.

Немного спустя послѣ описаннаго выше пріема, письмоводитель

градоначальника, вошедши утромъ съ докладомъ въ его кабинетъ, увидѣлъ такое зрѣлище: градоначальниково тѣло, облеченное въ вицъ-мундиръ, сидѣло за письменнымъ столомъ, а передъ нимъ, на кипѣ недопмочныхъ реестровъ, лежала, въ видѣ щегольского пресъ-папье, совершенно пустая градоначальникова голова... Письмоводитель выбѣжалъ въ такомъ смятеніи, что зубы его стучали.

Побѣжали за помощникомъ градоначальника и за старшимъ квартальнымъ. Первый прежде всего напустился на послѣдняго, обвинилъ его въ нерадивости, въ потворствѣ наглому насилію, но квартальный оправдался. Онъ не безъ основанія утверждалъ, что голова могла быть опорожнена не иначе, какъ съ согласія самого же градоначальника, и что въ дѣлѣ этомъ принималъ участіе человѣкъ, несомнѣнно принадлежащій къ ремесленному цеху, такъ какъ на столѣ, въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, оказались: долото, буравчикъ и англійская пилка. Призвали на совѣтъ главнаго городового врача и предложили ему три вопроса: 1) могла ли градоначальникова голова отдѣлиться отъ градоначальникова туловища безъ кровопзліянія? 2) возможно ли допустить предположеніе, что градоначальникъ снялъ съ плечъ и опорожнилъ самъ свою собственную голову? и 3) возможно ли предположить, чтобы градоначальническая голова, однажды упраздненная, могла впослѣдствіи нарости вновь съ помощью какого-либо неизвѣстнаго процесса? Эскулапъ задумался, пробормоталъ что-то о какомъ-то „градоначальническомъ веществѣ“, якобы источающемся изъ градоначальническаго тѣла, но потомъ, видя самъ, что зарапортовался, отъ прямого разрѣшенія вопросовъ уклонился, отзываясь тѣмъ, что тайна построенія градоначальническаго организма наукой достаточно еще не обслѣдована *).

Выслушавъ такой уклончивый отвѣтъ, помощникъ градоначальника сталъ въ тупикъ. Ему предстояло одно изъ двухъ: или немедленно рапортовать о случившемся по начальству и между тѣмъ начать подъ рукой слѣдствіе, или же нѣкоторое время молчать и выжидать, что будетъ. Въ виду такихъ затрудненій онъ избралъ средній путь, то-есть приступилъ къ дознанію, и въ то же время всѣмъ и

*) Нынѣ доказано, что тѣла всѣхъ вообще начальниковъ подчиняются тѣмъ же физіологическимъ законамъ, какъ и всякое другое человѣческое тѣло, но не слѣдуетъ забывать, что въ 1762 году наука была въ младенчествѣ. *Изд.*

каждому наказалъ хранить по этому предмету глубочайшую тайну, дабы не волновать народъ и не поселять въ немъ несбыточныхъ мечтаній.

Но какъ ни строго хранили будочники ввѣренную имъ тайну, неслыханная вѣсть объ упраздненіи градоначальниковой головы въ нѣсколько минутъ облетѣла весь городъ. Изъ обывателей многіе плакали, потому что почувствовали себя сиротами, и сверхъ того боялись подпасть подъ отвѣтственность за то, что повиновались такому градоначальнику, у котораго на плечахъ, вмѣсто головы, была пустая посудина. Напротивъ, другіе хотя тоже плакали, но утверждали, что за повиновеніе ихъ ожидаетъ не кара, а похвала.

Въ клубѣ, вечеромъ, всѣ наличные члены были въ сборѣ. Волновались, толковали, припоминали разныя обстоятельства и находили факты свойства довольно подозрительнаго. Такъ напримѣръ, засѣдатель Толковниковъ разсказалъ, что однажды онъ вошелъ врасплохъ въ градоначальническій кабинетъ по весьма нужному дѣлу и засталъ градоначальника играющимъ своею собственною головой, которую онъ, впрочемъ, тотчасъ же поспѣшилъ пристроить къ надлежащему мѣсту. Тогда онъ не обратилъ на этотъ фактъ надлежащаго вниманія, и даже счелъ его игрою воображенія, но теперь ясно, что градоначальникъ, въ видахъ собственнаго облегченія, по временамъ снималъ съ себя голову и вмѣсто нея надѣвалъ ермолку, точно такъ, какъ соборный протоіерей, находясь въ домашнемъ кругу, снимаетъ съ себя камилавку и надѣваетъ колпакъ. Другой засѣдатель, Младенцевъ, вспомнилъ, что однажды, идя мимо мастерской часовщика Байбакова, онъ увидѣлъ въ одномъ изъ ея оконъ градоначальникову голову, окруженную слесарнымъ и столярнымъ инструментомъ. Но Младенцеву не дали докончить, потому что, при первомъ упоминовеніи о Байбаковѣ, всѣмъ пришло на память его странное поведеніе и таинственные ночные походы его въ квартиру градоначальника...

Тѣмъ не менѣе изъ всѣхъ этихъ разсказовъ никакого яснаго результата не выходило. Публика начала даже склоняться въ пользу того мнѣнія, что вся эта исторія есть не что иное, какъ выдумка праздныхъ людей; но потомъ, припомнивъ лондонскихъ агитаторовъ *) и переходя отъ одного силлогизма къ другому, заключила, что измѣна

*) Даже это предвидѣлъ „Лѣтописецъ"!—*Изд.*

свила себѣ гнѣздо въ самомъ Глуповѣ. Тогда всѣ члены заволновались, зашумѣли и, пригласивъ смотрителя народнаго училища, предложили ему вопросъ: бывали ли въ исторіи примѣры, чтобы люди распоряжались, вели войны и заключали трактаты, имѣя на плечахъ порожній сосудъ? Смотритель подумалъ съ минуту и отвѣчалъ, что въ исторіи многое покрыто мракомъ; но что былъ, однакоже, нѣкто Карлъ Простодушный, который имѣлъ на плечахъ хотя и не порожній, но все равно *как бы* порожній сосудъ, а войны велъ и трактаты заключалъ.

Покуда шли эти толки, помощникъ градоначальника не дремалъ. Онъ тоже вспомнилъ о Байбаковѣ и немедленно потянулъ его къ отвѣту. Нѣкоторое время Байбаковъ запирался, и ничего, кромѣ „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю", не отвѣчалъ; но когда ему предъявили найденныя на столѣ вещественныя доказательства и, сверхъ того, пообѣщали полтинникъ на водку, то вразумился и, будучи грамотнымъ, далъ слѣдующее показаніе:

„Василіемъ зовутъ меня, Ивановымъ сыномъ, по прозванію Байбаковымъ. Глуповскій цеховой; у исповѣди и причастія святого не бываю, ибо принадлежу къ сектѣ фармазоновъ и семъ оной секты лже-іерей. Судился за сожитіе внѣ брака съ слободской женкой, Матренкой, и признанъ по суду явнымъ прелюбодѣемъ, въ каковомъ званіи и понынѣ состою. Въ прошломъ году, зимой,—не помню, какого числа и мѣсяца,—бывъ разбужень въ ночи, отправился я, въ сопровожденіи полицейскаго десятскаго, къ градоначальнику нашему, „Дементію Варламовичу, и, пришедъ, засталъ его сидящимъ и головою то въ ту, то въ другую сторону мѣрно помавающимъ. Обезпамятѣвъ отъ страха и притомъ будучи отягощенъ спиртными напитками, стоялъ я безмолвенъ у порога, какъ вдругъ господинъ градоначальникъ поманили меня рукою къ себѣ и подали мнѣ бумажку. На бумажкѣ я прочиталъ: „не удивляйся, но попорченное исправь". Послѣ того господинъ градоначальникъ сняли съ себя собственную голову и подали ее мнѣ. Разсмотрѣвъ ближе лежащій предо мной ящикъ, я нашелъ, что онъ заключаетъ въ одномъ углу небольшой органчикъ, могущій исполнять нѣкоторыя нетрудныя музыкальныя пьесы. Пьесъ этихъ было двѣ: „разворю!" и „не потерплю!" Но такъ какъ въ дорогѣ голова нѣсколько отсырѣла, то на валикѣ нѣкоторые колки расшатались, а другіе и совсѣмъ повыпали. Отъ этого самаго

господинъ градоначальникъ не могли говорить внятно, или же говорили съ пропускомъ буквъ и слоговъ. Замѣтивъ въ себѣ желаніе исправить эту погрѣшность и получивъ на то согласіе господина градоначальника, я съ должнымъ раченіемъ завернулъ голову въ салфетку и отправился домой. Но здѣсь я увидѣлъ, что напрасно понадѣялся на свое усердіе, ибо какъ ни старался я выпавшіе колки утвердить, но столь мало успѣлъ въ моемъ предпріятіи, что при малѣйшей неосторожности или простудѣ колки вновь вываливались, и въ послѣднее время господинъ градоначальникъ могли произнести только: „п-плю!“ Въ сей крайности, вознамѣрились они сгоряча меня на всю жизнь несчастнымъ сдѣлать, но я тотъ ударъ отклонилъ, предложивши господину градоначальнику обратиться за помощью въ Санктъ-Петербургъ къ часовыхъ и органныхъ дѣлъ мастеру Винтергальтеру, что̀ и было ими выполнено въ точности. Съ тѣхъ поръ прошло уже довольно времени, въ продолженіе коего я ежедневно разсматривалъ градоначальникову голову и вычищалъ изъ нея соръ, въ каковомъ занятіи пребывалъ и въ то утро, когда ваше высокородіе, по оплошности моей, законфисковали принадлежащій мнѣ инструментъ. Но почему заказанная у господина Винтергальтера новая голова до сихъ поръ не прибываетъ — о томъ неизвѣстенъ. Полагаю, впрочемъ, что за разлитіемъ рѣкъ, по весеннему нынѣшнему времени, голова сія и нынѣ находится гдѣ-либо въ бездѣйствіи. На спрашиваніе же вашего высокоблагородія о томъ, во-первыхъ, могу ли я, въ случаѣ присылки новой головы, оную утвердить, и, во-вторыхъ, будетъ ли та утвержденная голова исправно дѣйствовать? — отвѣтствовать симъ честь имѣю: утвердить могу и дѣйствовать оная будетъ, но настоящихъ мыслей имѣть не можетъ. Къ сему показанію явный прелюбодѣй Василій Ивановъ Байбаковъ руку приложилъ“.

Выслушавъ показаніе Байбакова, помощникъ градоначальника сообразилъ, что ежели однажды допущено, чтобы въ Глуповѣ былъ городничій, имѣющій вмѣсто головы простую укладку, то, стало быть, это такъ и слѣдуетъ. Поэтому онъ рѣшился выжидать, но въ то же время послалъ къ Винтергальтеру понудительную телеграмму *) и, заперевъ градоначальниково тѣло на ключъ, устремилъ всю свою дѣятельность на успокоеніе общественнаго мнѣнія.

---

*) Изумительно!!—*Изд.*

Но всѣ ухищренія оказались уже тщетными. Прошло послѣ того и еще два дня; пришла наконецъ и давно ожидаемая петербургская почта, но никакой головы не привезла.

Началась анархія, то-есть безначаліе. Присутственныя мѣста запустѣли: недоимокъ накопилось такое множество, что мѣстный казначей, заглянувъ въ казенный ящикъ, разинулъ ротъ, да такъ на всю жизнь съ разинутымъ ртомъ и остался; квартальные отбились отъ рукъ и нагло бездѣйствовали; оффиціальные дни исчезли. Мало того, начались убійства, и на самомъ городскомъ выгонѣ поднято было туловище неизвѣстнаго человѣка, въ которомъ, по фалдочкамъ, хотя признали лейбъ-кампанца, но ни капитанъ-исправникъ, ни прочіе члены временнаго отдѣленія, какъ ни бились, не могли отыскать отдѣленной отъ туловища головы.

Въ восемь часовъ вечера помощникъ градоначальника получилъ по телеграфу извѣстіе, что голова давнымъ-давно послана. Помощникъ градоначальника оторопѣлъ окончательно.

Проходитъ и еще день, а градоначальниково тѣло все сидитъ въ кабинетѣ и даже начинаетъ портиться. Начальстволюбіе, временно потрясенное страннымъ поведеніемъ Брудастаго, робкими, но твердыми шагами выступаетъ впередъ. Лучшіе люди ѣдутъ процессіей къ помощнику градоначальника и настоятельно требуютъ, чтобы онъ распорядился. Помощникъ градоначальника, видя, что недоимки накопляются, пьянство развивается, правда въ судахъ упраздняется, а резолюціи не утверждаются, обратился къ содѣйствію стряпчаго. Сей послѣдній, какъ человѣкъ обязательный, телеграфировалъ о происшедшемъ случаѣ по начальству, и по телеграфу же получилъ извѣстіе, что онъ за нелѣпое донесеніе уволенъ отъ службы *).

Услыхавъ объ этомъ, помощникъ градоначальника пришелъ въ управленіе и заплакалъ. Пришли засѣдатели—и тоже заплакали; явился стряпчій, но и тотъ отъ слезъ не могъ говорить.

Между тѣмъ Винтергальтеръ говорилъ правду, и голова дѣйствительно была изготовлена и выслана своевременно. Но онъ поступилъ опрометчиво, поручивъ доставку ея на почтовыхъ мальчику, совершенно несвѣдущему въ органномъ дѣлѣ. Вмѣсто того, чтобъ

*) Этотъ достойный чиновникъ оправдался и, какъ увидимъ ниже, принималъ дѣятельное участіе въ послѣдующихъ глуповскихъ событіяхъ.

Изд.

держать посылку бережно на-вѣсу, неопытный посланецъ кинулъ ее на дно телѣги, а самъ задремалъ. Въ этомъ положеніи онъ проскакалъ нѣсколько станцій, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то укусилъ его за икру. Застигнутый болью врасплохъ, онъ съ поспѣшностью развязалъ рогожный кулекъ, въ которомъ заверната была загадочная кладь, и страшное зрѣлище вдругъ представилось глазамъ его. Голова разѣвала ротъ и поводила глазами; мало того, она громко и совершенно отчетливо произнесла: „раззорю!“

Мальчишка просто обезумѣлъ отъ ужаса. Первымъ его движеніемъ было выбросить говорящую кладь на дорогу; вторымъ—незамѣтнымъ образомъ спуститься изъ телѣги и скрыться въ кусты.

Можетъ быть, тѣмъ бы и кончилось это страшное происшествіе, что голова, пролежавъ нѣкоторое время на дорогѣ, была бы современемъ раздавлена экипажами проѣзжающихъ и наконецъ вывезена на поле въ видѣ удобренія, если бы дѣло не усложнилось вмѣшательствомъ элемента до такой степени фантастическаго, что сами глуповцы—и тѣ стали въ тупикъ. Но не будемъ упреждать событій и посмотримъ, что дѣлается въ Глуповѣ.

Глуповъ закипалъ. Не видя нѣсколько дней сряду градоначальника, граждане волновались и, нимало не стѣсняясь, обвиняли помощника градоначальника и старшаго квартальнаго въ растратѣ казеннаго имущества. По городу безнаказанно бродили юродивые и блаженные и предсказывали народу всякія бѣдствія. Какой-то Мишка Возгрявый увѣрялъ, что онъ имѣлъ ночью сонное видѣніе, въ которомъ явился къ нему мужъ грозенъ и облакомъ пресвѣтлымъ одѣянъ.

Наконецъ, глуповцы не вытерпѣли; предводительствуемые излюбленнымъ гражданиномъ Пузановымъ, они выстроились въ каре передъ присутственными мѣстами и требовали къ народному суду помощника градоначальника, грозя въ противномъ случаѣ разнести и его самого, и его домъ.

Противообщественные элементы всплывали наверхъ съ ужасающею быстротой. Поговаривали о самозванцахъ, о какомъ-то Стенькѣ, который, предводительствуя вольницей, не далѣе какъ вчера, въ виду всѣхъ, свелъ двухъ купеческихъ женъ.

— Куда ты дѣвалъ нашего батюшку?—завопило разозленное до неистовства сонмище, когда помощникъ градоначальника предсталъ передъ нимъ.

— Атаманы-молодцы! гдѣ же я вамъ его возьму, коли онъ на ключъ запертъ!—уговаривалъ толпу объятый трепетомъ чиновникъ, вызванный событіями изъ административнаго оцѣпенѣнія. Въ то же время онъ секретно мигнулъ Байбакову, который, увидѣвъ этотъ знакъ, немедленно скрылся.

Но волненіе не унималось.

— Врешь, неремётная сума! — отвѣчала толпа:—вы нарочно съ квартальнымъ стакнулись, чтобъ батюшку нашего отъ себя избыть!

И Богъ знаетъ, чѣмъ разрѣшилось бы всеобщее смятеніе, если бы въ эту минуту не послышался звонъ колокольчика и вслѣдъ затѣмъ не подъѣхала къ бунтующимъ телѣга, въ которой сидѣлъ капитанъ-исправникъ, а съ нимъ рядомъ... исчезнувшій градоначальникъ!

На немъ былъ надѣтъ лейбъ-кампанскій мундиръ: голова его была сильно перепачкана грязью и въ нѣсколькихъ мѣстахъ побита. Несмотря на это, онъ ловко соскочилъ съ телѣги и сверкнулъ на толпу глазами.

— Разворю!—заревѣлъ онъ такимъ оглушительнымъ голосомъ, что всѣ мгновенно притихли.

Волненіе было подавлено сразу; въ этой недавно столь грозно гудѣвшей толпѣ водворилась такая тишина, что можно было разслышать, какъ жужжалъ комаръ, прилетѣвшій изъ сосѣдняго болота подивиться на „сіе нелѣпое и смѣха достойное глуповское смятеніе“.

— Зачинщики впередъ!—скомандовалъ градоначальникъ, все болѣе возвышая голосъ.

Начали выбирать зачинщиковъ изъ числа неплательщиковъ податей, и уже набрали человѣкъ съ десятокъ, какъ новое и совершенно диковинное обстоятельство дало дѣлу совсѣмъ другой оборотъ.

Въ то время, какъ глуповцы съ тоскою перешептывались, припоминая, на комъ изъ нихъ болѣе накопилось недоимки, къ сборищу незамѣтно подъѣхали столь извѣстныя обывателямъ градоначальническія дрожки. Не успѣли обыватели оглянуться, какъ изъ экипажа выскочилъ Байбаковъ, а слѣдомъ за нимъ въ виду всей толпы очутился точь-въ-точь такой же градоначальникъ, какъ и тотъ, который, за минуту передъ тѣмъ, былъ привезенъ въ телѣгѣ исправникомъ! Глуповцы такъ и остолбенѣли.

Голова у этого другого градоначальника была совершенно новая

и притомъ покрытая лакомъ. Нѣкоторымъ прозорливымъ гражданамъ показалось страннымъ, что большое родимое пятно, бывшее нѣсколько дней тому назадъ на правой щекѣ градоначальника, теперь очутилось на лѣвой.

Самозванцы встрѣтились и смѣрили другъ друга глазами. Толпа медленно и въ молчаніи разошлась *).

V.—Сказаніе о шести градоначальницахъ.

Картина глуповскаго междоусобія.

Какъ и должно было ожидать, странныя происшествія, совершившіяся въ Глуповѣ, не остались безъ послѣдствій.

Не успѣло еще пагубное двоевластіе пустить зловредные свои корни, какъ изъ губерніи прибылъ разсыльный, который, забравъ обоихъ самозванцевъ и посадивъ ихъ въ особые сосуды, наполненные спиртомъ, немедленно увезъ для освидѣтельствованія.

Но этотъ, повидимому, естественный и законный актъ административной твердости едва не сдѣлался источникомъ еще горшихъ затрудненій, нежели тѣ, которыя произведены были непонятнымъ появленіемъ двухъ одинаковыхъ градоначальниковъ.

Едва простылъ слѣдъ разсыльнаго, увезшаго самозванцевъ, едва узнали глуповцы, что они остались совсѣмъ безъ градоначальника, какъ, движимые силою начальстволюбія, немедленно впали въ анархію.

„И лежалъ бы градъ сей и до днесь въ оной погибельной безднѣ, —говоритъ „Лѣтописецъ“,—ежели бы не былъ извлеченъ оттоль

*) Издатель почелъ за лучшее закончить на этомъ мѣстѣ настоящій разсказъ, хотя „Лѣтописецъ“ и дополняетъ его различными разъясненіями. Такъ напримѣръ, онъ говоритъ, что на первомъ градоначальникѣ была надѣта та самая голова, которую выбросилъ изъ телѣги посланный Винтергальтера и которую капитанъ-исправникъ приставилъ къ туловищу неизвѣстнаго лейбъ-кампанца; на второмъ же градоначальникѣ была надѣта прежняя голова, которую на-скоро исправилъ Байбаковъ, по приказанію помощника городничаго, набивши ее, по ошибкѣ, вмѣсто музыки, вышедшими изъ употребленія предписаніями. Всѣ эти разсужденія положительно младенческія, и несомнѣннымъ остается только то, что оба градоначальника были самозванцы.

твердостью и самоотверженіемъ нѣкотораго неустрашимаго штабъ-офицера изъ мѣстныхъ обывателей".

Анархія началась съ того, что глуповцы собрались вокругъ колокольни и сбросили двухъ гражданъ: Стешку да Ивашку. Потомъ пошли къ модному заведенію француженки, дѣвицы де-Санъ-Кюлотъ (въ Глуповѣ она была извѣстна подъ именемъ Устиньи Протасьевны Трубочистихи: впослѣдствіи же оказалась сестрою Марата *) и умерла отъ угрызеній совѣсти) и, перебивъ тамъ стекла, послѣдовали къ рѣкѣ. Тутъ утопили еще двухъ гражданъ: Порфишку да другого Ивашку, и, ничего не досчитавъ, разошлись по домамъ.

Между тѣмъ измѣна не дремала. Явились честолюбивыя личности, которыя задумали воспользоваться дезорганизаціей властей для удовлетворенія своимъ эгоистическимъ цѣлямъ. И что всего страннѣе, — представительницами анархическаго элемента явились на сей разъ исключительно женщины.

Первая, которая замыслила похитить бразды глуповскаго правленія, была Ираида Лукишишна Палеологова, бездѣтная вдова, непреклоннаго характера, мужественнаго сложенія, съ лицомъ темно-коричневаго цвѣта, напоминавшимъ старопечатныя изображенія. Никто не помнилъ, когда она поселилась въ Глуповѣ, такъ что нѣкоторые изъ старожиловъ полагали, что событіе это совпадало съ мракомъ временъ. Жила она уединенно, питалась скудною пищею, отдавая въ ростъ деньги и жестоко истязуя четырехъ своихъ крѣпостныхъ дѣвокъ. Дерзкое свое предпріятіе она, повидимому, зрѣло обдумала. Во первыхъ, она сообразила, что городу безъ начальства ни на минуту оставаться невозможно; во-вторыхъ, нося фамилію Палеологовыхъ, она видѣла въ этомъ нѣкоторое тайное указаніе; въ-третьихъ, не мало предвѣщало ей хорошаго и то обстоятельство, что покойный мужъ ея, бывшій винный приставъ, однажды, за оскудѣніемъ, исправлялъ гдѣ-то должность градоначальника. „Сообразивъ сіе,— говоритъ лѣтописецъ,—злохидная оная Ираидка начала дѣйствовать".

Не успѣли глуповцы опомниться отъ вчерашнихъ событій, какъ Палеологова, воспользовавшись тѣмъ, что помощникъ градоначаль-

*) Маратъ въ то время не былъ извѣстенъ; ошибку эту, впрочемъ, можно объяснить тѣмъ, что событія описывались лѣтописцемъ, повидимому, не по горячимъ слѣдамъ, а нѣсколько лѣтъ спустя.—*Изд.*

ника съ своими приспѣшниками засѣлъ въ клубѣ въ бостонъ, извлекла изъ ножонъ шпагу покойнаго винаго пристава и, напоивъ, для храбрости, троихъ солдатъ изъ мѣстной инвалидной команды, вторглась въ казначейство. Оттоль, взявъ въ плѣнъ казначея и бухгалтера, а казну обокравъ, возвратилась въ домъ свой. Причемъ бросала въ народъ мѣдными деньгами, а пьяные ея подручники восклицали: „вотъ наша матушка! теперь намъ, братцы, вина будетъ вволю!“

Когда, на другой день, помощникъ градоначальника проснулся, все уже было кончено. Онъ изъ окна видѣлъ, какъ обыватели поздравляли другъ друга, лобызались и проливали слезы. Затѣмъ, хотя онъ и попытался вновь захватить бразды правленія, но такъ какъ руки у него тряслись, то сейчасъ же ихъ выпустилъ. Въ унынiи и въ тоскѣ онъ поспѣшилъ въ городовое управленіе, чтобъ узнать, сколько осталось вѣрныхъ ему полицейскихъ солдатъ, но на дорогѣ былъ схваченъ засѣдателемъ Толковниковымъ и приведенъ предъ Ираидку. Тамъ уже засталъ онъ связаннаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго, который тоже ожидалъ своей участи.

— Признаете ли вы меня за градоначальницу?—кричала на нихъ Ираидка.

— Если ты имѣешь мужа и можешь доказать, что онъ здѣшній градоначальникъ, то признаю!—твердо отвѣчалъ мужественный помощникъ градоначальника. Казенныхъ дѣлъ стряпчій трясся всѣмъ тѣломъ и трясеніемъ этимъ какъ бы подтверждалъ мужество своего сослуживца.

— Не о томъ васъ спрашиваютъ, мужняя ли я жена, или вдова, а о томъ, признаете ли вы меня градоначальницею?—пуще ярилась Ираидка.

— Если болѣе ясныхъ доказательствъ не имѣешь, то не признаю! — столь твердо отвѣчалъ помощникъ градоначальника, что стряпчій защелкалъ зубами и заметался во всѣ стороны.

— Что съ ними толковать! на раскатъ ихъ!—вопилъ Толковниковъ и его единомышленники.

Нѣтъ сомнѣнія, что участь этихъ оставшихся вѣрными долгу чиновниковъ была бы весьма плачевна, еслибъ не выручило ихъ непредвидѣнное обстоятельство. Въ то время, когда Ираида безпечно торжествовала побѣду, неустрашимый штабъ-офицеръ не дремалъ и, руководясь пословицей: „выбивай клинъ клиномъ“, научилъ нѣко-

горую авантюристку, Клемантинику де-Бурбонъ, предъявить права свои. Права эти заключались въ томъ, что отецъ ея, Клемантинки, кавалеръ де-Бурбонъ, былъ нѣкогда гдѣ-то градоначальникомъ и за фальшивую игру въ карты отъ должности той уволенъ. Сверхъ сего, новая претендентша имѣла высокій ростъ, любила пить водку и ѣздила верхомъ по-мужски. Безъ труда склонивъ на свою сторону четырехъ солдатъ мѣстной инвалидной команды и будучи тайно поддерживаема польскою интригою, эта бездѣльная проходимица овладѣла умами почти мгновенно. Опять шарахнулись глуповцы къ колокольнѣ, сбросили съ раската Тимошку да третьяго Ивашку, потомъ пошли къ Трубочистихѣ и до тла разорили ея заведеніе, потомъ шарахнулись къ рѣкѣ и тамъ утопили Прошку да четвертаго Ивашку.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда мужественныхъ страдальцевъ повели къ раскату. На улицѣ ихъ встрѣтила предводимая Клемантинкою толпа, посреди которой недремлющимъ окомъ бодрствовалъ неустрашимый штабъ-офицеръ. Плѣнниковъ немедленно освободили.

— Что, старички! признаете ли вы меня за градоначальницу?— спросила безпутная Клемантинка.

— Ежели ты имѣешь мужа и можешь доказать, что онъ здѣшній градоначальникъ, то признаемъ!—мужественно отвѣчалъ помощникъ градоначальника.

— Ну, Христосъ съ вами! отведите имъ по клочку земли подъ огороды! пускай сажаютъ капусту и пасутъ гусей!—кротко сказала Клемантинка и съ этимъ словомъ двинулась къ дому, въ которомъ укрѣпилась Ирандка.

Произошло сраженіе; Ирандка защищалась цѣлый день и цѣлую ночь, искусно выставляя впередъ плѣнныхъ казначея и бухгалтера.

— Сдайся!—говорила Клемантинка.

— Покорись, безстыжая! да уйми своихъ кобелей! — храбро отвѣчала Ирандка.

Однако къ утру слѣдующаго дня Ирандка начала ослабѣвать, но и то благодаря лишь тому обстоятельству, что казначей и бухгалтеръ, проникнувшись гражданскою храбростью, рѣшительно отказались защищать укрѣпленіе. Положеніе осажденныхъ сдѣлалось весьма сомнительнымъ. Сверхъ обязанности отбивать осаждающихъ, Ирандкѣ необходимо было усмирять измѣну въ собственномъ лагерѣ. Предвидя

конечную гибель, она рѣшилась умереть геройскою смертью и, собравъ награбленныя въ казнѣ деньги, въ виду всѣхъ взлетѣла на воздухъ вмѣстѣ съ казначеемъ и бухгалтеромъ.

Утромъ помощникъ градоначальника, сажая капусту, видѣлъ, какъ обыватели, вновь поздравляли другъ друга, лобызались и проливали слезы. Нѣкоторые изъ нихъ до того осмѣлились, что даже подходили къ нему, хлопали по плечу и въ шутку называли свиноѣсомъ. Всѣхъ этихъ смѣльчаковъ помощникъ градоначальника, конечно, тогда же записалъ на бумажку.

Вѣсти о „глуповскомъ нелѣпомъ и смѣха достойномъ смятеніи" достигли, наконецъ, и до начальства. Велѣно было „безпутную оную Клемантинку, сыскавъ, представить, а которые есть у нея сообщники, то и тѣхъ, сыскавъ, представить же, а глуповцамъ крѣпко-на-крѣпко наказать, дабы неповинныхъ гражданъ въ рѣкѣ запанрасно не утапливали и съ раската звѣринымъ обычаемъ не сбрасывали". Но извѣстія о назначеніи новаго градоначальника все еще не получалось.

Между тѣмъ дѣла въ Глуповѣ запутывались все больше и больше. Явилась третья претендентша, ревельская уроженка Амалія Карловна Штокфишъ, которая основывала свои претензіи единственно на томъ, что она два мѣсяца жила у какого-то градоначальника въ помпадуршахъ. Опять шарахнулись глуповцы къ колокольнѣ, сбросили съ раската Семку и только-что хотѣли спустить туда Ивашку, какъ были остановлены именитымъ гражданиномъ Силой Терентьевымъ Пузановымъ.

— Атаманы-молодцы!—говорилъ Пузановъ:—однако вѣдь мы такимъ манеромъ всѣхъ людишекъ перебьемъ, а толку не измыслимъ!

— Правда!—согласились опомнившіеся атаманы-молодцы.

— Стой!—кричали другіе:—а зачѣмъ Ивашко галдитъ? галдѣть развѣ велѣно?

Пятый Ивашко стоялъ ни живъ, ни мертвъ передъ раскатомъ, машинально кланяясь на всѣ стороны.

Въ это время къ толпѣ подъѣхала на бѣломъ конѣ дѣвица Штокфишъ, сопровождаемая шестью пьяными солдатами, которые вели взятую въ плѣнъ безпутную Клемантинку. Штокфишъ была полная, бѣлокурая нѣмка, съ высокою грудью, съ румяными щеками и съ пухлыми, словно вишни, губами. Толпа заволновалась.

Ишь, толстомясая! нуики-то нагуляла! — раздалось въ разныхъ мѣстахъ.

Но Штокфишъ, очевидно, заранѣе взвѣсила опасности своего положенія и поторопилась отразить ихъ хладнокровіемъ.

— Атаманы-молодцы! — гаркнула она, молодецки указывая на обезумѣвшую отъ водки Клемантинку: — вотъ безпутная оная Клемантинка, которую велѣно, сыскавъ, представить! видѣли?

— Видѣли! — шумѣла толпа.

— Точно видѣли? и признаете ее за ту самую безпутную оную Клемантинку, которую велѣно, сыскавъ, немедленно представить?

— Видѣли! признаемъ!

— Такъ выкатить имъ три бочки нѣмаго! — воскликнула неустрашимая нѣмка, обращаясь къ солдатамъ, и, не торопясь, выѣхала изъ толпы.

— Вотъ она! вотъ она, матушка-то наша Амалія Карловна! теперь, братцы, вина у насъ будетъ вдоволь! — гаркнули атаманы-молодцы вслѣдъ уѣзжающей.

Въ этотъ день весь Глуповъ былъ пьянъ, а больше всѣхъ пятый Ивашко. Безпутную оную Клемантинку посадили въ клѣтку и вывезли на площадь: атаманы-молодцы подходили и дразнили ее. Нѣкоторые, болѣе добродушные, потчивали водкой, но требовали, чтобы она за это откинула какое-нибудь колѣнце.

Легкость, съ которою толстомясая нѣмка Штокфишъ одержала побѣду надъ безпутною Клемантинкой, объясняется очень просто. Клемантинка, какъ только уничтожила Рандку, такъ сейчасъ же заперлась съ своими солдатами и предалась изнѣженности нравовъ. Напрасно пань Кшешницюльскій и пань Пшекшицюлскій, которыхъ она была тайнымъ орудіемъ, усовѣщивали, протестовали и угрожали — Клемантинка черезъ пять минутъ была до того пьяна, что ничего ужъ не понимала. Паны нѣкоторое время еще подержались, но потомъ, увидѣвъ безполезность дальнѣйшей стойкости, отступились. И дѣйствительно, въ ту же ночь Клемантинка была поднята въ безчувственномъ видѣ съ постели и выволочена въ одной рубашкѣ на улицу.

Неустрашимый штабъ-офицеръ (изъ обывателей) былъ въ отчаяніи. Изъ всѣхъ его ухищреній, подвоховъ и переодѣваній ровно ничего не выходило. Анархія царствовала въ городѣ полная; началь-

ствующихъ не было: предводитель удралъ въ деревню; старшій квартальный зарылся съ смотрителемъ училищъ на пожарномъ дворѣ въ солому — и трепеталъ. Самого его, штабъ-офицера, сыскивали по городу и за поимку назначено было награды алтынъ. Обыватели заволновались, потому что всякому было лестно тотъ алтынъ прикарманить. Онъ ужъ подумывалъ, не лучше ли ему самому воспользоваться деньгами, явившись къ толстомясой нѣмкѣ съ повинною, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство дало дѣлу совершенно новый оборотъ.

Легко было нѣмкѣ справиться съ безпутною Клемантинкою, но несравненно труднѣе было обезоружить польскую интригу, тѣмъ болѣе, что она дѣйствовала невидимыми подземными путями. Послѣ разгрома Клемантинкинова паны Кшешницюльскій и Пшекшицюльскій грустно возвращались по домамъ и громко сѣтовали на неспособность русскаго народа, который даже для подобнаго случая ни одной талантливой личности не съумѣлъ изъ себя выработать, какъ вниманіе ихъ было развлечено однимъ, повидимому, ничтожнымъ происшествіемъ.

Было свѣжее майское утро, и съ неба падала изобильная роса. Послѣ безсонной и бурно-проведенной ночи глуповцы улеглись спать, и въ городѣ царствовала тишина непробудная. Около деревяннаго домика, невзрачной наружности, суетились какіе-то два парня и мазали дегтемъ ворота. Увидѣвъ пановъ, они, повидимому, смѣшались и спѣшили на-утекъ, но были остановлены.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спросили паны.

— Да вотъ Нелькины ворота дегтемъ мажемъ,—сознался одинъ изъ парней:—оченно она ноньче на всѣ стороны махаться стала!

Паны переглянулись и какъ-то многозначительно цыркнули. Хотя они пошли далѣе, но въ головахъ ихъ созрѣлъ уже планъ. Они вспомнили, что въ ветхомъ деревянномъ домикѣ дѣйствительно жила и содержала заѣзжій домъ ихъ комнатріотка, Анеля Алоизіевна Лядоховская, и что хотя она не имѣла никакихъ правъ на названіе градоначальнической помадурши, но тоже была какъ-то однажды призываема къ градоначальнику. Этого послѣдняго обстоятельства совершенно достаточно было, чтобы выставить новую претендентшу и сплести новую польскую интригу.

Они тѣмъ легче могли успѣть въ своемъ намѣреніи, что въ это время своеволіе глуповцевъ дошло до размѣровъ неслыханныхъ. Мало

того, что они въ одинъ день сбросили съ раската и утопили въ рѣкѣ цѣлые десятки излюбленныхъ гражданъ, но на заставѣ самовольно остановили ѣхавшаго изъ губерніи, по казенной подорожной, чиновника.

— Кто ты? и съ чѣмъ къ намъ пріѣхалъ?—спрашивали глуповцы у чиновника.

— Чиновникъ я изъ губерніи (имя рекъ),—отвѣчалъ пріѣзжій: —и пріѣхалъ сюда для розыску бездѣльныхъ Клемантинкиныхъ дѣлъ!

— Врешь онъ! Онъ отъ Клемантинки, отъ подлой, подосланъ! волоките его на съѣзжую!—кричали атаманы-молодцы.

Напрасно протестовалъ и сопротивлялся пріѣзжій, напрасно показывалъ какія-то бумаги—народъ ничему не вѣрилъ и не выпускалъ его.

— Намъ, братъ, этой бумаги цѣлые вороха показывали—да пустое дѣло вышло! а съ тобой намъ ссылаться не пригоже, потому ты—и по обличью видно—безпутной оной Клемантинки лазутчикъ! —кричали одни.

— Что съ нимъ по пустякамъ лясы точить! въ воду его—и шабашъ!—кричали другіе.

Несчастнаго чиновника увели въ съѣзжую избу и отдали за приставовъ.

Между тѣмъ Амалія Штокфишъ распоряжалось: назначила съ мѣщанъ по алтыну съ каждаго двора, съ купцовъ же по фунту чаю да по головѣ сахару по большой. Потомъ поѣхала въ казармы и изъ собственныхъ рукъ подносила солдатамъ по чаркѣ водки и по куску пирога. Возвращаясь домой, она встрѣтила на дорогѣ помощника градоначальника и стрянчаго, которые гнали хворостиной гусей съ луга.

— Ну, что, старички? одумались? признаете меня?—спросила она ихъ благосклонно.

— Ежели имѣешь мужа и можешь доказать, что онъ нашъ градоначальникъ, то признаемъ! твердо отвѣтствовалъ помощникъ градоначальника.

— Ну, Христосъ съ вами! пасите гусей!—сказала толстомясая нѣмка и прослѣдовала далѣе.

Къ вечеру полилъ такой сильный дождь, что улицы Глупова сдѣлались на нѣсколько часовъ непроходимыми. Благодаря этому обстоя-

тельству, ночь минула благополучно для всѣхъ, кромѣ злосчастнаго пріѣзжаго чиновника, котораго, для вѣрнѣйшаго испытанія, посадили въ темную и тѣсную каморку, извстари носившую названіе „большого блошинаго завода“, въ отличіе отъ малаго завода, въ которомъ испытывались преступники менѣе опасные. Наставшее затѣмъ утро также не благопріятствовало происканъ польской интриги, такъ какъ интрига эта, всегда дѣйствуя въ темнотѣ, не можетъ выносить солнечнаго свѣта. „Толстомясая нѣмка“, обманутая наружною тишиной, сочла себя вполнѣ утвердившеюся и до того осмѣлилась, что вышла на улицу безъ провожатаго и начала заигрывать съ проходящими. Впрочемъ къ вечеру она, для формы, созвала опытнѣйшихъ городскихъ будочниковъ и открыла совѣщаніе. Будочники единогласно совѣтовали: первое, безпутную оную Клемантинку, не медля, утопить, дабы не смущала народъ и не дразнила; второе, помощника градоначальника и стряпчаго пытать; и въ-третьихъ, неустрашимаго штабъ-офицера, сыскавъ, представить. Но таково было ослѣпленіе этой несчастной женщины, что она и слышать не хотѣла о мѣрахъ строгости и даже пріѣзжаго чиновника велѣла перевести изъ большого блошинаго завода въ малый.

Между тѣмъ глуповцы мало-по-малу начали приходить въ себя, и охранительныя силы, скрывавшіяся дотолѣ на заднихъ дворахъ, робко, но твердымъ шагомъ выступали впередъ. Помощникъ градоначальника, сославшись съ стряпчимъ и неустрашимымъ штабъ-офицеромъ, сталъ убѣждать глуповцевъ удалять нѣмкиной и Клемантинкиной злоехидной прелести и обратиться къ своимъ занятіямъ. Онъ строго воспрещалъ распоряженіе, вслѣдствіе котораго пріѣзжій чиновникъ былъ засаженъ въ блошиный заводъ и предрекалъ Глупову великія отъ того бѣдствія. Сила Терентьевъ Пузановъ, при этихъ словахъ, тоскливо замоталъ головой, такъ что если-бъ атаманы-молодцы были крошечку побойчѣе, то они, конечно, разнесли бы съѣзжую избу по бревнышку. Съ другой стороны, и „безпутная оная Клемантинка“ оказала немаловажную услугу партіи порядка...

„Дѣло въ томъ, что она продолжала сидѣть въ клѣткѣ на площади, и глуповцамъ въ сладость было, въ часы досуга, приходить дразнить ее, такъ какъ она остервенялась при этомъ неслыханно, въ особенности же когда къ ея тѣлу прикасались концами раскаленныхъ желѣзныхъ прутьевъ.

— Что, Клемантинка, сладко?—хохотали одни, видя какъ „безпутная“ вертѣлась отъ боли.

— А сколько, братцы, эта паскуда винища у насъ слопала—страсть!—прибавляли другіе.

— Ваше я, что-ли, пила?—огрызалась безпутная Клемантинка:—кабы не моя несчастная слабость да не покинули меня паны мои милые, узнали бы вы у меня ужъ, какова я есть!

— Толстомясая-то тебѣ небось прежде, какова она есть, показала!

— То-то „толстомясая“! Я, какова-ни-на-есть, а все-таки градоначальническая дочь, а то взяли себѣ расхожую нѣмку!

Призадумались глуповцы надъ этими Клемантинкиными словами. Загадала она имъ загадку.

— А что, братцы! вѣдь она, Клемантинка, хоть и безпутная, а правду молвила!—говорили одни.

— Пойдемъ, разнесемъ толстомясую!—галдѣли другіе.

И еслибъ не подоспѣли тутъ будочники, то не сдобровать бы „толстомясой“, полетѣть бы ей внизъ головой съ раската! Но такъ какъ будочники были строгіе, то дѣло порядка оттянулось, и атаманы-молодцы, пошумѣвъ еще съ малость, разошлись по домамъ.

Но торжество „вольной нѣмки“ приходило къ концу само собою. Ночью, едва успѣла она сомкнуть глаза, какъ услышала на улицѣ подозрительный шумъ и сразу поняла, что все для нея кончено. Въ одной рубашкѣ, босая, бросилась она къ окну, чтобы, по крайней мѣрѣ, избѣжать позора и не быть посаженной, подобно Клемантинкѣ, въ клѣтку; но было уже поздно.

Сильная рука пана Кишницюльскаго крѣпко держала ее за станъ, а Нелька Лядоховская, „разъярившись неслыханно“, требовала къ отвѣту.

— Правда ли, дѣвка Амалька, что ты обманнымъ образомъ власть похитила и градоначальницей облыжно называть себя изволила и тѣмъ многихъ людишекъ въ соблазнъ ввела?—спрашивала ее Лядоховская.

— Правда —отвѣчала Амалька:—только не обманнымъ образомъ и не облыжно, а была и есмь градоначальница по самой сущей истинѣ.

— И съ чего тебѣ, паскудѣ, такое смѣхотворное дѣло въ голову

взбрело? и кто тебя, наскуду, тому дѣлу научилъ? — продолжала допрашивать Лядоховская, не обращая вниманія на Амалькинъ отвѣтъ.

Амалька обидѣлась.

— Можетъ быти, и есть здѣсь наскуда: — сказала она, — только не я.

Сколько затѣмъ ни предлагали дѣвкѣ Амалькѣ вопросовъ, она презрительно молчала; сколько ни принуждали ее повиниться — не повинилась. Рѣшено было запереть ее въ одну клѣтку съ безпутною Клемантинкой.

„Ужасно было видѣть, — говоритъ лѣтописецъ, — какъ двѣ оныя безпутныя дѣвки, отъ третьей, еще безпутнѣйшей, другъ другу на съѣденіе отданы были! Довольно сказать, что къ утру на другой день въ клѣткѣ ничего кромѣ смрадныхъ ихъ костей уже не было!“

Проспувшись, глуповцы съ удивленіемъ узнали о случившемся: но и тутъ не затруднились. Опять всѣ вышли на улицу и стали поздравлять другъ друга, лобызаться и проливать слезы. Нѣкоторые просили опохмелиться.

— Ахъ, лядь васъ побери! — говорилъ неустрашимый штабъ-офицеръ, взирая на эту картину. — Что жъ мы, однако, теперь будемъ дѣлать? — спрашивалъ онъ въ тоскѣ помощника градоначальника.

— Надо орудовать, — отвѣчалъ помощникъ градоначальника: — вотъ что! не пустить ли, сударь, въ народѣ слухъ, что онаи шельма Анелька, замѣсто храмовъ Божіихъ, костелы вездѣ ставить велѣла!

— И чудесно.

Но къ полудню слухи сдѣлались еще тревожнѣе. Событія слѣдовали за событіями съ быстротою невѣроятною. Въ пригородной солдатской слободѣ объявилась еще претендентша, Дунька-толстопятая, а въ стрѣлецкой слободѣ такую же претензію заявила Матренка-ноздря. Обѣ основывали свои права на томъ, что и онѣ не разъ бывали у градоначальниковъ „для лакомства“. Такимъ образомъ, приходилось отражать не одну, а разомъ трехъ претендентшъ.

И Дунька, и Матренка безчинствовали несказанно. Выходили на улицу и кулаками сшибали проходящимъ головы; ходили въ одиночку на кабаки и разбивали ихъ; ловили молодыхъ парней и прятали ихъ въ подполья; ѣли младенцевъ, а у женщинъ вырѣзали

груди и тоже ѣли. Распустивши волоса по вѣтру, въ одномъ утреннемъ неглижѐ, онѣ бѣгали по городскимъ улицамъ, словно изступленныя, плевались, кусались и произносили неподобныя слова.

Глуповцы просто обезумѣли отъ ужаса. Опять всѣ побѣжали къ колокольнѣ, и сколько тутъ было перебито и перетоплено тѣлъ народныхъ — того даже приблизительно сообразить невозможно. Началось общее судьбище: всякій припоминалъ про своего ближняго всякое даже такое, что̀ тому и во снѣ не снилось, и такъ какъ судоговореніе было краткословное, то въ городѣ только и слышалось: шленъ-шленъ-шленъ! Къ четыремъ часамъ по-полудни загорѣлась съѣзжая изба; глуповцы кинулись туда и оцѣпенѣли, увидавъ, что пріѣзжій изъ губерніи чиновникъ сгорѣлъ весь безъ остатка. Опять началось судьбище; стали доискиваться, отъ чьего воровства произошелъ пожаръ, и порѣшили, что пожаръ произведенъ сущимъ воромъ и бездѣльникомъ, пятымъ Ивашкой. Вздернули Ивашку на дыбу, требуя чистосердечнаго во всемъ признанія, но въ эту самую минуту въ пушкарской слободѣ загорѣлся тараканій малый заводецъ, и всѣ шарахнулись туда, оставивъ пятаго Ивашку висящимъ на дыбѣ. Зазвонили въ набатъ; но пламя уже разлилось рѣкою и перепалило всѣхъ таракановъ безъ остачи. Тогда поймали Матренку-ноздрю и начали вѣжливенько топить ее въ рѣкѣ, требуя, чтобъ она сказала, кто ее, сущую бездѣльницу и воровку, на воровство научилъ и кто въ томъ дѣлѣ ей пособлялъ? Но Матренка только пускала въ водѣ пузыри, а сообщниковъ и пособниковъ не выдала никого.

Среди этой общей тревоги объ шельмѣ Анелькѣ совсѣмъ позабыли. Видя, что дѣло ея не выгорѣло, она, подъ шумокъ, снова переѣхала въ свой заѣзжій домъ, какъ будто за ней никакихъ пакостей и не водилось, а паны Кшепшицюльскій и Пшекшицюльскій завели кондитерскую и стали торговать въ ней печатными пряниками. Оставалась одна толстопятая Дунька, но съ нею совладать было рѣшительно невозможно.

— А надо, братцы, изымать ее безпремѣнно!—увѣщевалъ атамановъ-молодцовъ Сила Терентьичъ Пузановъ.

— Да! поди, сунься! ловкой!—отвѣчали молодцы.

Былъ, по возмущеніи, уже день шестый.

Тогда произошло зрѣлище умилительное и безпримѣрное. Глуповцы вдругъ воспрянули духомъ и сами совершили скромный по-

двигъ собственнаго спасенія. Перебивши и перетоптавши цѣлую уйму народа, они основательно заключили, что теперь въ Глуповѣ крамольнаго грѣха не осталось ни на столько. Уцѣлѣли только благонамѣренные. Поэтому всякій смотрѣлъ всякому смѣло въ глаза, зная, что его невозможно попрекнуть ни Клеантинкой, ни Рандкой, ни Матренкой. Рѣшили дѣйствовать единодушно и прежде всего снестись съ пригородами. Какъ и слѣдовало ожидать, первый выступилъ на сцену неустрашимый штабъ-офицеръ.

— Сограждане!—началъ онъ взволнованнымъ голосомъ; но такъ какъ рѣчь его была секретная, то весьма естественно, что никто ея не слыхалъ.

Тѣмъ не менѣе глуповцы прослезились и начали будить помощника градоначальника, чтобы вновь принялъ бразды правленія; но онъ, до поимки „Дуньки, съ твердостью отъ того отказался. Послышались въ толпѣ вздохи, раздались восклицанія: „ахъ! согрѣшенія наши великія!“ —но помощникъ градоначальника былъ непоколебимъ.

— Атаманы-молодцы! въ комъ еще крамола осталась—выходи! —гаркнулъ голосъ изъ толпы.

Толпа молчала.

— Всѣ очистились?—допрашивалъ тотъ же голосъ.

— Всѣ! всѣ!—загудѣла толпа.

— Крестись, братцы!

Всѣ перекрестились; объявлено было противъ „Дуньки-толстопятой общее ополченіе.

Пригороды, между тѣмъ, одинъ за другимъ слали въ Глуповъ самыя утѣшительныя отписки. Всѣ единодушно соглашались, что крамолу слѣдуетъ вырвать съ корнемъ и для начала прежде всего очистить самихъ себя. Особенно трогательна была отписка пригорода Полоумнова. „Точію же, братіе, сами себя прилежно испытуйте“, писали тамошніе посадскіе люди, „да въ сердцахъ вашихъ гнѣздо крамольное не свиваемо будетъ, а будете здравы и передъ лицомъ начальственнымъ не злокозненны, но добротщательны, достохвальны и прелюбезны“. Когда читалась эта отписка, въ толпѣ раздавались рыданія, а посадская жена Аксинья-гунявая, воспалившись ревностью великою, тутъ же высыпала изъ кошеля два двугривенныхъ и положила основаніе капиталу, для поимки „Дуньки предназначенному.

Но „Дунька не сдавалась. Она укрѣпилась на большомъ клонов-

номъ заводѣ и, вооружившись пушкой, стрѣляла изъ нея какъ изъ ружья.

— Ишь, шельма, каки артикулы пушкой выдѣлываетъ!—говорили глуповцы и не смѣли подступиться.

— Ахъ, съѣшь-тя клопы!—восклицали другіе.

Но и клопы были съ нею какъ будто за-одно. Она цѣлыми тучами выпускала ихъ противъ осаждающихъ, которые въ ужасѣ разбѣгались. Рѣшили обороняться отъ нихъ варомъ, и средство это какъ будто помогло. Дѣйствительно, вылазки клоповъ прекратились, но подступиться къ избѣ все-таки было невозможно, потому что клопы стояли тамъ стѣна-стѣною, да и пушка продолжала дѣйствовать смертоносно. Пытались-было зажечь клоповый заводъ, но въ дѣйствіяхъ осаждающихъ было мало единомыслія, такъ какъ никто не хотѣлъ взять на себя обязанность руководить ими,—и попытка не удалась.

— Сдавайся, Дунька! не тронемъ!—кричали осаждающіе, думая покорить ее льстивыми словами.

Но Дунька отвѣчала невѣжествомъ.

Такъ шло дѣло до вечера. Когда наступила ночь, осаждающіе, благоразумно отступивъ, оставили, для всякаго случая, у клоповнаго завода сторожевую цѣпь.

Оказалось, однако, что стратагема съ варомъ осталась не безъ послѣдствій. Не находя пищи за предѣлами укрѣпленія и раздраженные запахомъ человѣческаго мяса, клопы устремились внутрь искать удовлетворенія своей кровожадности. Въ самую глухую полночь Глуповъ былъ потрясенъ неестественнымъ воплемъ: то испускала духъ толстопятая Дунька, изъѣденная клопами. Тѣло ея, буквально представлявшее сплошную язву, нашли на другой день лежащимъ посреди избы и около него пушку и безчисленныя стада передавленныхъ клоповъ. Прочіе клопы, какъ бы устыдившись своего подвига, попрятались въ щеляхъ.

Былъ, послѣ начала возмущенія, день седьмый. Глуповцы торжествовали. Но, несмотря на то, что внутренніе враги были побѣждены и польская интрига посрамлена, атаманамъ-молодцамъ было какъ-то не по себѣ, такъ какъ о новомъ градоначальникѣ все еще не было ни слуху, ни духу. Они слонялись по городу, словно отравленныя мухи, и не смѣли ни за какое дѣло приняться, потому что

не знали, какъ-то поправятся ихнія недавнія затѣи новому начальнику.

Наконецъ, въ два часа пополудни седьмого дня онъ прибылъ. Вновь назначенный, „сущій" градоначальникъ былъ статскій совѣтникъ и кавалеръ Семенъ Константиновичъ Двоекуровъ.

Онъ немедленно вышелъ на площадь къ буянамъ и потребовалъ зачинщиковъ. Выдали Стёпку Горластаго да Фильку Безчастнаго.

Супруга новаго начальника, Лукерья Терентьевна, милостиво на всѣ стороны кланялась.

Такъ кончилось это бездѣльное и смѣха достойное непотовство: кончилось и съ тѣхъ поръ не повторялось.

VI.—Извѣстіе о Двоекуровѣ.

Семенъ Константиновичъ Двоекуровъ градоначальствовалъ въ Глуповѣ съ 1762 по 1770 годъ. Подробнаго описанія его градоначальствованія не найдено, но, судя потому, что оно соотвѣтствовало первымъ и, притомъ, самымъ блестящимъ годамъ екатерининской эпохи, слѣдуетъ предполагать, что для Глупова это было едва ли не лучшее время въ его исторіи.

О личности Двоекурова глуповскій лѣтописецъ упоминаетъ три раза: въ первый разъ въ „краткой описи градоначальникамъ", во второй—въ концѣ отчета о смутномъ времени, и въ третій—при изложеніи исторіи глуповскаго либерализма (см. описаніе градоначальствованія Угрюмъ-Бурчеева). Изъ всѣхъ этихъ упоминовеній явствуетъ, что Двоекуровъ былъ человѣкъ передовой и смотрѣлъ на свои обязанности болѣе нежели серьезно. Нельзя думать, чтобы лѣтописецъ добровольно допустилъ такой важный біографическій пропускъ въ исторіи родного города; скорѣе должно предположить, что преемники Двоекурова съ умысломъ уничтожили его біографію, какъ представляющую свидѣтельство слишкомъ явнаго либерализма и могущую послужить для изслѣдователей нашей старины соблазнительнымъ поводомъ къ отыскиванію конституціонализма даже тамъ, гдѣ, въ сущности, существуетъ лишь принципъ свободнаго сѣченія.

Догадку эту отчасти оправдываетъ то обстоятельство, что въ Глуповскомъ архивѣ до сихъ поръ существуетъ листокъ, очевидно принадлежавшій къ полной біографіи Двоекурова и до такой степени перемаранный, что, несмотря на всѣ усилія, издатель „Лѣтописи" могъ разобрать лишь слѣдующее: „имѣя не малый ростъ... подавалъ твердую надежду, что... Но объятъ ужасомъ... не могъ сего выполнить... Вспоминая, всю жизнь грустилъ..." И только. Что̀ означаютъ эти загадочныя слова? — Съ полною достовѣрностью отвѣчать на этотъ вопросъ, разумѣется, нельзя, но если позволительно допустить въ столь важномъ предметѣ догадки, то можно предположить одно изъ двухъ: или что въ Двоекуровѣ, при немаломъ его ростѣ (около трехъ аршинъ), предполагался какой-то особенный талантъ (напримѣръ, нравиться женщинамъ), котораго онъ не оправдалъ, или что на него было возложено порученіе, котораго онъ, попробовавъ, не выполнилъ. И потомъ всю жизнь грустилъ.

Какъ бы то ни было, но дѣятельность Двоекурова въ Глуповѣ была несомнѣнно плодотворна. Одно то, что онъ ввелъ медовареніе и пивовареніе и сдѣлалъ обязательнымъ употребленіе горчицы и лаврова листа, доказываетъ, что онъ былъ по прямой линіи родоначальникомъ тѣхъ смѣлыхъ новаторовъ, которые, спустя три четверти столѣтія, вели войны во имя картофеля. Но самое важное дѣло его градоначальствованія — это, безспорно, записка о необходимости учрежденія въ Глуповѣ академіи.

Къ счастію, эта записка уцѣлѣла вполнѣ *) и дастъ возможность произнести просвѣщенной дѣятельности Двоекурова вполнѣ правильный и безпристрастный приговоръ. Издатель позволяетъ себѣ думать, что изложенныя въ этомъ документѣ мысли не только свидѣтельствуютъ, что въ то отдаленное время уже встрѣчались люди, обладавшіе правильнымъ взглядомъ на вещи, но могутъ даже и теперь служить руководствомъ при осуществленіи подобнаго рода предпріятій. Конечно, современныя намъ академіи имѣютъ нѣсколько иной характеръ, нежели тотъ, который предполагалъ имъ дать Двоекуровъ: но такъ какъ сила не въ названіи, а въ той сущности, которую преслѣдуетъ проектъ и которая есть не что иное, какъ „разсмотрѣніе наукъ".

*) Она печатается дословно въ концѣ настоящей книги, въ числѣ оправдательныхъ документовъ.

то очевидно, что покуда царствуетъ потребность въ „разсмотрѣніи“, до тѣхъ поръ и проектъ Двоекурова удержитъ за собой все значеніе воспитательнаго документа. Что названія произвольны и весьма рѣдко что-либо измѣняютъ — это очень хорошо доказалъ одинъ изъ преемниковъ Двоекурова, Бородавкинъ. Онъ тоже ходатайствовалъ объ учрежденіи академіи, и когда получилъ отказъ, то безъ дальнѣйшихъ размышленій выстроилъ вмѣсто нея съѣзжій домъ. Названіе измѣнилось, но предположенная цѣль была достигнута — Бородавкинъ ничего больше и не желалъ. Да и кто же можетъ сказать, долго ли просуществовала бы построенная Бородавкинымъ академія и какіе принесла бы она плоды! Быть можетъ, она оказалась бы выстроенною на пескѣ; быть можетъ, вмѣсто „разсмотрѣнія“ наукъ занялась бы насажденіемъ таковыхъ? Все это въ высшей степени гадательно и невѣрно. А со съѣзжимъ домомъ—дѣло вѣрное: и выстроенъ онъ прочно, и изъ колеи „разсмотрѣнія“ не выбьется никуда.

Вотъ эту-то мысль и развиваетъ Двоекуровъ въ своемъ проектѣ съ тою непререкаемою ясностью и послѣдовательностью, которыми, къ сожалѣнію, не обладаетъ ни одинъ изъ современныхъ намъ проэктёровъ. Конечно, онъ не былъ настолько рѣшителенъ, какъ Бородавкинъ, то-есть не выстроилъ съѣзжаго дома вмѣсто академіи, но рѣшительность, кажется, вообще не была въ его нравахъ. Слѣдуетъ ли обвинять его за этотъ недостатокъ? или, напротивъ того, слѣдуетъ видѣть въ этомъ обстоятельствѣ тайную наклонность къ конституціонализму?—разрѣшеніе этого вопроса предоставляется изслѣдователямъ отечественной старины, которыхъ издатель и отсылаетъ къ подлинному документу.

VII.—Голодный городъ.

1776-й годъ наступилъ для Глупова при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Цѣлыхъ шесть лѣтъ сряду городъ не горѣлъ, не голодалъ, не испытывалъ ни повальныхъ болѣзней, ни скотскихъ падежей, и граждане не безъ основанія приписывали такое неслыханное въ лѣтописяхъ благоденствіе простотѣ своего начальника, бригадира Петра Петровича Фердыщенка. И дѣйствительно, Фердыщенко былъ до того простъ, что лѣтописецъ считаетъ нужнымъ неоднократно

и съ особенною настойчивостью остановиться на этомъ качествѣ, какъ на самомъ естественномъ объясненіи того удовольствія, которое испытывали глуповцы во время бригадирскаго управленія. Онъ ни во что не вмѣшивался, довольствовался умѣренными данями, охотно захаживалъ въ кабаки покалякать съ цѣловальниками, по вечерамъ выходилъ въ замасленномъ халатѣ на крыльцо градоначальническаго дома и игралъ съ подчиненными въ носки, ѣлъ жирную пищу, пилъ квасъ и любилъ уснащать свою рѣчь ласкательнымъ словомъ „братикъ-сударикъ“.

— А ну, братикъ-сударикъ, ложись! — говорилъ онъ провинившемуся обывателю.

Или:

— А вѣдь корову-то, братикъ-сударикъ, у тебя продать надо! потому, братикъ-сударикъ, что недоимка — это святое дѣло!

Понятно, что послѣ затѣйливыхъ дѣйствій маркиза де-Санглота, который леталъ въ городскомъ саду по воздуху, мирное управленіе престарѣлаго бригадира должно было показаться и „благодѣтельнымъ“, и „удивленія достойнымъ“. Въ первый разъ свободно вздохнули глуповцы и поняли, что жить „безъ утѣсненія“ не въ примѣръ лучше, чѣмъ жить „съ утѣсненіемъ“.

— Нужды нѣтъ, что онъ парадовъ не дѣлаетъ да съ полками на насъ не ходитъ, — говорили они: — за то мы при немъ, батюшкѣ, свѣтъ у́зрили! Теперича, вышелъ ты за ворота: хо́шь — на мѣстѣ сиди; хо́шь — куда хо́шь иди! А прежде, сколько однихъ порядковъ было — и не приведи Богъ!

Но на седьмомъ году правленія Ѳердыщенку смутилъ бѣсъ. Этотъ добродушный и нѣсколько лѣнивый правитель вдругъ сдѣлался дѣятеленъ и настойчивъ до крайности: скинулъ замасленный халатъ и сталъ ходить по городу въ вицъ-мундирѣ. Началъ требовать, чтобы обыватели по сторонамъ не зѣвали, а смотрѣли въ оба, и, къ довершенію всего, устроилъ такую кутерьму, которая могла бы очень дурно для него кончиться, если бы, въ минуту крайняго раздраженія глуповцевъ, ихъ не осѣнила мысль: „а ну какъ, братцы, насъ за это не похвалятъ!“

Дѣло въ томъ, что въ это самое время, на выѣздѣ изъ города, въ слободѣ Навозной, цвѣла красотой посадская жена Алена Осипова.

Повидимому, эта женщина представляла собой тип той сладкой русской красавицы, при взглядѣ на которую человѣкъ не загорается страстью, но чувствуетъ, что все его существо потихоньку таетъ. При среднемъ ростѣ, она была полна, бѣла и румяна; имѣла большіе сѣрые глаза на выкатѣ, не то безстыжіе, не то застѣнчивые, пухлыя вишневыя губы, густыя, хорошо очерченныя брови, темнорусую косу до пятъ и ходила по улицѣ „сѣрой утицей". Мужъ ея, Дмитрій Прокофьевъ, занимался ямщиной и былъ тоже подъ стать женѣ: молодъ, крѣпокъ, красивъ. Ходилъ онъ въ плисовой поддёвкѣ и въ ярковомъ гречневикѣ, расцвѣченномъ павьими перьями. И Дмитрій не чаялъ души въ Аленкѣ, и Аленка не чаяла души въ Дмитріи. Частенько похаживали они въ сосѣдній кабакъ и, счастливые, распѣвали тамъ вмѣстѣ пѣсни. Глуповцы же просто не могли нарадоваться на ихъ согласную жизнь.

Долго ли, коротко ли они такъ жили, только въ началѣ 1776 года, въ тотъ самый кабакъ, гдѣ они въ свѣободное время благодушествовали, зашелъ бригадиръ. Зашелъ, выпилъ косушку, спросилъ цѣловальника, много ли прибавляется пьяницъ, но въ это самое время увидѣлъ Аленку и почувствовалъ, что языкъ у него прилипъ къ гортани. Однако при народѣ объявить о томъ посовѣстился, а вышелъ на улицу и поманилъ за собой Аленку.

— Хочешь, молодка, со мною въ любви жить? — спросилъ бригадиръ.

— А на что мнѣ тебя... гуняваго?—отвѣчала Аленка, съ наглостью смотря ему въ глаза:—у меня свой мужъ хорошъ!

Только и было сказано между ними словъ; но нехорошія это были слова. На другой же день бригадиръ прислалъ къ Дмитрію Прокофьеву на постой двухъ инвалидовъ, наказавъ имъ при этомъ дѣйствовать „съ утѣсненіемъ". Самъ же, надѣвъ вицъ-мундиръ, пошелъ въ ряды и дабы постепенно пріучить себя къ строгости, съ азартомъ кричалъ на торговцевъ:

— Кто вашъ начальникъ? сказывайте! или, можетъ быть, не я вашъ начальникъ?

Съ своей стороны, Дмитрій Прокофьевъ, вмѣсто того, чтобы смириться да полегоньку бабу вразумить, сталъ говорить бездѣльныя слова, а Аленка, вооружась ухватомъ, гнала инвалидовъ прочь и на всю улицу орала:

— Ай-да бригадиръ! къ мужней женѣ, словно клопъ, на перину всползти хочетъ!

Понятно, какъ долженъ былъ огорчиться бригадиръ, свѣдавши о такихъ похвальныхъ словахъ. Но такъ какъ это было время либеральное и въ публикѣ ходили толки о пользѣ выборнаго начала, то распорядиться своею единоличною властью старикъ поопасился. Собравши излюбленныхъ глуповцевъ, онъ вкратцѣ изложилъ передъ ними дѣло и потребовалъ немедленнаго наказанія ослушниковъ.

— Вамъ, старички-братики, и книги въ руки!—либерально прибавилъ онъ:—какое количество по душѣ назначите, я наперед согласенъ! Потому теперь у насъ время такое: всякому свое, лишь бы поронцы были!

Излюбленные посовѣтовались, слегка погалдѣли и вынесли слѣдующій отвѣтъ:

— Сколько есть на небѣ звѣздъ, столько твоему благородію ихъ, шельмецовъ, и учить слѣдовастъ!

Сталъ бригадиръ считать звѣзды („очень былъ онъ простъ", повторяетъ по этому случаю архиваріусъ-лѣтописецъ), но на первой же сотнѣ сбился и обратился за разъясненіями къ деньщику. Деньщикъ отвѣчалъ, что звѣздъ на небѣ видимо-невидимо.

Должно думать, что бригадиръ остался доволенъ этимъ отвѣтомъ, потому что когда Аленка съ Митькой воротились, послѣ экзекуціи, домой, то шатались словно пьяные.

Однако Аленка и на этотъ разъ не унялась, или, какъ выражается лѣтописецъ, „отъ бригадировыхъ щеленовъ пользы для себя не вкусила". Напротивъ того, она какъ будто пуще остервенилась, что̀ и доказала черезъ недѣлю, когда бригадиръ опять пришелъ въ кабакъ и опять поманилъ Аленку.

— Что, дурья порода, надумалась?—спросилъ онъ ее.

— Ишь тебя, стараго пса, ущемило! Или мало на стыдобушку мою насмотрѣлся!—огрызнулась Аленка.

— Ладно!—сказалъ бригадиръ.

Однако упорство старика заставило Аленку призадуматься. Воротившись послѣ этого разговора домой, она нѣкоторое время ни за какое дѣло взяться не могла, словно мѣста себѣ не находила; потомъ подвалилась къ Митькѣ и горько-горько заплакала.

— Видно, какъ ни какъ, а быть мнѣ у бригадира въ полюбовницахъ!—говорила она, обливаясь слезами.

— Только ты это сдѣлай! да я тебя... и черепки-то твои поганые по вѣтру пущу! —задыхался Митька, и въ ярости полѣзъ ужъ-было за возжами на палаги, но вдругъ одумался, затрясся всѣмъ тѣломъ, повалился на лавку и заревѣлъ.

Кричалъ онъ шибко, что̀ мочи, а про что̀ кричалъ, того разобрать было невозможно. Видно было только, что человѣкъ бунтуетъ.

Узналъ бригадиръ, что Митька затѣялъ бунтовство, и вдвое противъ прежняго огорчился. Бунтовщика заковали и увели на съѣзжую. Какъ полоумная, бросилась Аленка на бригадирскій дворъ, но путнаго ничего выговорить не могла, а только рвала на себѣ сарафанъ и безобразно кричала:

— На, несъ! жри! жри! жри!

Къ удивленію, бригадиръ не только не обидѣлся этими словами, но, напротивъ того, еще ничего не видя, подарилъ Аленкѣ вяземскій пряникъ и банку помады. Увидѣвъ эти дары, Аленка какъ будто опѣшила: кричать—не кричала, а только потихоньку всхлипывала. Тогда бригадиръ приказалъ принести свой новый мундиръ, надѣлъ его и во всей красѣ показался Аленкѣ. Въ это же время выбѣжала въ дверь старая бригадирова экономка и начала Аленку усовѣщивать.

— Ну, чего ты, наскуда, жалѣешь, подумай-ко! — говорила льстивая старуха:—вѣдь тебя бригадиръ-то въ медовой сытѣ купать станетъ.

— Митьку жалко!—отвѣчала Аленка, но такимъ нерѣшительнымъ голосомъ, что было очевидно, что она уже начинаетъ помышлять о сдачѣ.

Въ ту же ночь въ бригадировомъ домѣ случился пожаръ, который, къ счастію, успѣли потушить въ самомъ началѣ. Сгорѣлъ только архивъ, въ которомъ временно откармливалась къ праздникамъ свинья. Натурально, возникло подозрѣніе въ поджогѣ, и пало оно не на кого другого, а на Митьку. Узнали, что Митька напоилъ на съѣзжей сторожей и ночью отлучился невѣдомо куда. Преступника изловили и стали допрашивать съ пристрастіемъ, но онъ, какъ отъявленный воръ и злодѣй, отъ всего отпирался.

— Ничего я этого не знаю,—говорилъ онъ: — знаю только,

что ты, старый песъ, у меня жену уводомъ увелъ, и я тебѣ это, старому псу, прощаю... жри!

Тѣмъ не менѣе Митькинымъ словамъ не повѣрили, и такъ какъ казусъ былъ снѣшный, то и производство по немъ велось съ упрощеніемъ. Черезъ мѣсяцъ Митька уже былъ битъ на площади кнутомъ и, по наложеніи клеймъ, отправленъ въ Сибирь, въ числѣ прочихъ сущихъ воровъ и разбойниковъ. Бригадиръ торжествовалъ; Аленка потихоньку всхлипывала.

Однакожъ глуповцамъ это дѣло не прошло даромъ. Какъ и водится, бригадирскіе грѣхи прежде всего отразились на нихъ.

Все измѣнилось съ этихъ поръ въ Глуповѣ. Бригадиръ, въ полномъ мундирѣ, каждое утро бѣгалъ по лавкамъ и все тащилъ, все тащилъ. Даже Аленка начала подходя тащить, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, стала требовать, чтобъ ее признавали не за ямщичиху, а за поповскую дочь.

Но этого мало: самая природа перестала быть благосклонною къ глуповцамъ. „Новая сія Іезавель,—говоритъ объ Аленкѣ лѣтописецъ,—навела на нашъ городъ сухость". Съ самаго вешняго Николы, съ той поры, какъ начала входить вода въ межень, и вплоть до Ильина дня, не выпало ни капли дождя. Старожилы не могли запомнить ничего подобнаго, и не безъ основанія приписывали это явленіе бригадирскому грѣхопаденію. Небо раскалилось и цѣлымъ ливнемъ зноя обдавало все живущее; въ воздухѣ замѣчалось словно дрожанье и пахло гарью; земля трескалась и сдѣлалась тверда какъ камень, такъ что ни сохой, ни даже заступомъ взять ее было невозможно; травы и всходы огородныхъ овощей поблекли; рожь отцвѣла и выколосилась необыкновенно рано, но была такъ рѣдка и зерно было такое тощее, что не чаяли собрать и сѣмянъ; яровые совсѣмъ не взошли, и засѣянныя ими поля стояли черныя, словно смоль, удручая взоры обывателей безнадежной наготою; даже лебеды не родилось; скотина металась, мычала и ржала; не находя въ полѣ пищи, она бѣжала въ городъ и наполняла улицы. Людишки словно осунулись и ходили съ понурыми головами; одни горшечники радовались вёдру, но и тѣ раскаялись, какъ скоро убѣдились, что горшковъ много, а варева нѣтъ.

Однако глуповцы не отчаялись, потому что не могли еще обнять всей глубины ожидавшаго их бѣдствія. Покуда оставался прошлогодній запасъ, многіе, по легкомыслію, пили, ѣли и задавали банкеты, какъ будто и конца запасу не предвидится. Бригадиръ ходилъ въ мундирѣ по городу и строго-на-строго приказывалъ, чтобы людей, имѣющихъ „унылый видъ", забирали на съѣзжую и представляли къ нему. Дабы ободрить народъ, онъ поручилъ откупщику устроить въ загородной рощѣ никникъ и пустить фейерверкъ. Никникъ сдѣлали, фейерверкъ сожгли, „но хлѣба черезъ то людишкамъ не предоставили". Тогда бригадиръ призвалъ къ себѣ „излюбленныхъ" и велѣлъ имъ ободрять народъ. Стали „излюбленные" ходить по сосѣдямъ, и ни одного унывающаго не пропустили, чтобы не утѣшить.

— Мы люди привышные! — говорили одни: — мы претерпѣть мо̀гимъ. Ежели насъ теперича всѣхъ въ кучу сложить и съ четырехъ концовъ запалить — мы и тогда противнаго слова не молвимъ!

— Это что говорить! — прибавляли другіе: — намъ терпѣть можно! потому мы знаемъ, что у насъ есть начальники!

— Ты думаешь какъ? — ободряли третьи: — ты думаешь, начальство-то спитъ? Нѣтъ, братъ, оно однимъ глазкомъ дремлетъ, а другимъ, поди, ужъ гдѣ видитъ!

Но когда убрались съ сѣномъ, то оказалось, что животы кормить будетъ нечѣмъ; когда окончилось жнитво, то оказалось, что и людишкамъ кормиться тоже нечѣмъ. Глуповцы испугались и начали похаживать къ бригадиру на дворъ.

— Такъ какъ же, господинъ бригадиръ, насчетъ хлѣбца-то? — похлопочешь? — спрашивали они его.

— Хлопочу, братики, хлопочу! — отвѣчалъ бригадиръ.

— То-то; ужъ ты постарайся!

Въ концѣ іюля полили безполезные дожди, а въ августѣ людишки начали помирать, потому что все, что было, пріѣли. Придумывали, какую такую пищу стряпать, отъ которой была бы сытость; мѣшали муку съ ржаной рѣзкой, но сытости не было; пробовали, не будетъ ли лучше съ толченой сосновой корой, но и тутъ настоящей сытости не добились.

— Хоть и точно, что отъ этой пищи словно кабы животъ наѣдается, однако, братцы, надо такъ сказать: самая эта ѣда пустая, — говорили промежъ себя глуповцы.

Базары опустѣли: продавать было нечего, да и некому, потому что городъ обезлюдѣлъ. „Кои померли,—говоритъ лѣтописецъ: — кои, обезпамятѣвъ, разбѣжались кто куда“. А бригадиръ, между тѣмъ, все не прекращалъ своихъ беззаконій и купилъ Аленкѣ новый градедамовый платокъ. Свѣдавши объ этомъ, глуповцы опять встревожились и цѣлой громадой ввалили на бригадировъ дворъ.

— А вѣдь это, поди, ты не ладно, бригадиръ, дѣлаешь, что съ мужней женой уводомъ живешь! — говорили они ему: — да и не затѣмъ ты сюда отъ начальства присланъ, чтобъ мы, сироты, за твою дурость напасти терпѣли!

— Потерпите, братики! всего вдоволь будетъ!—вертѣлся бригадиръ.

— То-то! мы терпѣть согласны! Мы—люди привышные! А только ты, бригадиръ, объ этихъ нашихъ словахъ подумай, потому неровёнъ часъ: терпимъ-терпимъ, а тоже и промежъ насъ глупаго человѣка не мало найдется! Какъ бы чего не сталось!

Громада разошлась спокойно, но бригадиръ крѣпко задумался. Видитъ и самъ, что Аленка всему злу заводчица, а разстаться съ нею не можетъ. Послалъ за батюшкой, думая, въ бесѣдѣ съ нимъ, найти утѣшеніе; но тотъ еще больше обезпокоилъ, разсказавши исторію объ Ахавѣ и Іезавели.

— И доколѣ не растерзали ее псы, весь народъ изгибъ до единаго,—заключилъ батюшка свой разсказъ.

— Очнись, батя! ужли жъ Аленку собакамъ отдать! — испугался бригадиръ.

— Не къ тому о семъ говорю!—объяснился батюшка:—однако и о нижеслѣдующемъ не излишне размыслить: паства у насъ равнодушная, доходы малые, провизія дорогая... гдѣ пастырю-то взять, господинъ бригадиръ?

— Охъ! за грѣхи меня, стараго, Богъ попуталъ!—простоналъ бригадиръ и горько заплакалъ.

И вотъ, сѣлъ онъ опять за свое писанье; писалъ много, писалъ всюду.

Рапортовалъ такъ: „коли хлѣба не имѣется, такъ, по крайности пускай хоть команда прибудетъ“. Но ни на какое свое писаніе ни изъ какого мѣста отвѣта не удостоился.

А глуповцы съ каждымъ днемъ становились назойливѣе и назойливѣе.

— Что̀, получилъ, бригадиръ, отвѣтъ?—спрашивали они его съ неслыханною наглостью.

— Не получилъ, братики!—отвѣчалъ бригадиръ.

Глуповцы смотрѣли ему „нелѣпымъ обычаемъ“ въ глаза и покачивали головами.

— Глупый ты! вотъ что̀!—укоряли они его: — оттого тебѣ, гадёнку, и не отписываютъ! не стоишь!

Однимъ словомъ, вопросы глуповцевъ дѣлались изъ рукъ вонъ щекотливыми. Наступила такая минута, когда начинаетъ говорить брюхо, противъ котораго всякіе резоны и ухищренія оказываются безсильными.

— Да, убѣжденіями съ этимъ народомъ ничего не подѣлаешь! —разсуждалъ бригадиръ: — тутъ не убѣжденія требуются, а одно изъ двухъ: либо хлѣбъ, либо... команда!

Какъ и всѣ добрые начальники, бригадиръ допускалъ эту послѣднюю идею лишь съ прискорбіемъ; но мало-по-малу онъ до того вникъ въ нее, что не только смѣшалъ команду съ хлѣбомъ, но даже началъ желать первой пуще послѣдняго.

Встанетъ бригадиръ утромъ раненько, сядетъ къ окошку и все прислушивается, не раздастся ли откуда: туру-туру?

Разсыпьтесь, молодцы!
За камни, за кусты!
По два въ рядъ!

Нѣтъ! не слыхать!

— Словно и Богъ-то нашъ край позабылъ! — молвитъ бригадиръ.

А глуповцы между тѣмъ все жили, все жили.

Молодые всѣ до одного разбѣжались. „Бѣжали-бѣжали,—говоритъ лѣтописецъ:—многіе, ни до чего не добѣжавъ, вѣнецъ приняли; многихъ изловили и заключили въ узы; сіи почитали себя благополучными“. Дома остались только старики да малыя дѣти, у которыхъ не было ногъ, чтобъ бѣжать. На первыхъ порахъ, оставшимся полегчало, потому что доля бѣжавшихъ нѣсколько увеличила долю остальныхъ. Такимъ образомъ прожили еще съ недѣлю, но потомъ опять стали помирать. Женщины выли, церкви переполнились

гробами; трупы же людей худородныхъ валялись по улицамъ неприбранные. Трудно было дышать въ зараженномъ воздухѣ; стали опасаться, чтобъ къ голоду не присоединилась еще и чума, и для предотвращенія зла сейчасъ же составили коммиссію, написали проектъ объ устройствѣ временной больницы на десять кроватей, нащипали корпій и послали во всѣ мѣста по рапорту. Но, несмотря на столь видимые знаки начальственной попечительности, сердца обывателей уже ожесточились. Не проходило часа, чтобы кто-нибудь не показалъ бригадиру фигу, не назвалъ его „гунявымъ“, „гадёнкомъ“ и проч.

Къ довершенію бѣдствія, глуповцы взялись за умъ. По вкоренившемуся изстари крамольническому обычаю, собрались они около колокольни, стали судить да рядить, и кончили тѣмъ, что выбрали изъ среды своей ходока—самаго древняго въ цѣломъ городѣ человѣка, Евсеича. Долго кланялись и міръ, и Евсеичъ другъ другу въ ноги; первый просилъ послужить, второй просилъ освободить. Наконецъ міръ сказалъ:

— Сколько ты, Евсеичъ, на свѣтѣ годовъ живешь, сколько начальниковъ видѣлъ, а все живъ состоишь!

Тогда Евсеичъ не вытерпѣлъ.

— Много годовъ я выжилъ!—воскликнулъ онъ, внезапно воспламенившись.—Много начальниковъ видѣлъ! Живъ есмь!

И, сказавши это, заплакалъ. „Взыграло древнее сердце его, чтобы послужить“,—прибавляетъ лѣтописецъ. И сдѣлался Евсеичъ ходокомъ, и положилъ въ сердцѣ своемъ искушать бригадира до трехъ разъ.

— Вѣдомо ли тебѣ, бригадиру, что мы здѣсь цѣлымъ городомъ сироты помираемъ?—такъ началъ онъ свое первое искушеніе.

— Вѣдомо,—отвѣтствовалъ бригадиръ.

— И то вѣдомо ли тебѣ отъ чьего бездѣльнаго воровства такой обычай промежъ насъ учинился?

— Нѣтъ, не вѣдомо.

Первое искушеніе кончилось. Евсеичъ воротился къ колокольнѣ и отдалъ міру подробный отчетъ. „Бригадиръ же, видя таковое Евсеича ожесточеніе, весьма убоялся“,—говоритъ лѣтописецъ.

Черезъ три дня Евсеичъ явился къ бригадиру во второй разъ, „но уже прежній твердый видъ утерялъ“.

— Съ правдой мнѣ жить вездѣ хорошо! —сказалъ онъ: —ежели мое дѣло справедливое, такъ ссылай ты меня хоть на край свѣта — мнѣ и тамъ съ правдой будетъ хорошо!

— Это точно, что съ правдой жить хорошо,—отвѣчалъ бригадиръ: —только вотъ я какое слово тебѣ молвлю: лучше бы тебѣ, древнему старику, съ правдой дома сидѣть, чѣмъ бѣду на себя накликать?

— Нѣтъ! мнѣ съ правдой дома сидѣть не приходится! потому она, правда-матушка, неносѣдлива! Ты глядишь, какъ бы въ избу да на палати влѣзти, анъ она, правда-матушка, изъ избы вонъ гонитъ... вотъ что!

— Что жъ! но мнѣ пожалуй! Только какъ бы ей, правдѣ-то твоей, не набѣжать на рожонъ.

И второе искушеніе кончилось. Опять воротился Евсеичъ къ колокольнѣ и вновь отдалъ міру подробный отчетъ. „Бригадиръ же, видя Евсеича о правдѣ безнуждно бесѣдующаго, убоялся его противъ прежняго не гораздо", прибавляетъ лѣтописецъ. Или, говоря другими словами, Ѳердыщенко понялъ, что ежели человѣкъ начинаетъ издалека заводить рѣчь о правдѣ, то это значитъ, что онъ не вполнѣ увѣренъ, точно ли его за эту правду не посѣкутъ...

Еще черезъ три дня Евсеичъ пришелъ къ бригадиру въ третій разъ и сказалъ:

— А вѣдомо ли тебѣ, старому псу...

Но не успѣлъ онъ еще порядкомъ ротъ разинуть, какъ бригадиръ, въ свою очередь, гаркнулъ:

— Одѣть дурака въ кандалы!

Надѣли на Евсеича арестантскій уборъ и, „подобно невѣстѣ, на встрѣчу жениха грядущей", повели, въ сопровожденіи двухъ престарѣлыхъ инвалидовъ, на съѣзжую. По мѣрѣ того, какъ кортежъ приближался, толпы глуповцевъ разступались и давали дорогу.

— Небось, Евсеичъ, небось! —раздавалось кругомъ: —съ правдой тебѣ вездѣ будетъ жить хорошо!

Онъ же кланялся на всѣ стороны и говорилъ:

— Простите, атаманы-молодцы! ежели кого обидѣлъ, и ежели передъ кѣмъ согрѣшилъ, и ежели кому неправду сказалъ... всѣ простите!

— Богъ проститъ! — слышалось въ отвѣтъ.

— И ежели передъ начальствомъ сгрубилъ... и ежели въ зачинщикахъ былъ... и въ томъ, Христа ради, простите!

— Богъ проститъ!

Съ этой минуты исчезъ старый Евсеичъ, какъ будто его на свѣтѣ не было, исчезъ безъ остатка, какъ умѣютъ исчезать только „старатели“ русской земли. Однако строгость бригадира, все-таки, оказала лишь временное дѣйствіе. На нѣсколько дней городъ дѣйствительно попритихъ, но такъ какъ хлѣба все не было („нѣтъ этой нужды горше!“ говоритъ лѣтописецъ), то волею-неволею опять пришлось глуповцамъ собраться около колокольни. Собрались, начали тихимъ манеромъ сговариваться, какъ бы имъ „о себѣ промыслить“, но никакихъ новыхъ выдумокъ измыслить не могли, кромѣ того, что опять выбрали ходока.

Новый ходокъ, Пахомычъ, взглянулъ на дѣло нѣсколько иными глазами, нежели несчастный его предшественникъ. Онъ понялъ такъ, что теперь самое вѣрное средство—это начать во всѣ мѣста просьбы писать.

— Знаю я одного человѣчка,—обратился онъ къ глуповцамъ: —не къ нему ли напередъ поклониться сходить?

Услышавъ эту рѣчь, большинство обрадовалось. Какъ ни велика была „нужа“, но всѣмъ какъ будто полегчало при мысли, что есть гдѣ-то какой-то человѣкъ, который готовъ за всѣхъ „стараться“. Что безъ „старанья“ не обойдешься — это одинаково сознавалось всѣми; но всякому казалось не въ примѣръ удобнѣе, чтобы за него „старался“ кто-нибудь другой. Поэтому толпа уже совсѣмъ-было двинулась впередъ, чтобъ исполнить совѣтъ Пахомыча, какъ возникъ вопросъ, куда идти: направо или налѣво? Этимъ моментомъ воспользовались люди охранительной партіи.

— Стойте, атаманы-молодцы! —сказали они:—какъ бы насъ за этого человѣка бригадиръ не взбондировалъ! Лучше спросимъ напередъ, каковъ таковъ человѣкъ?

— А таковъ этотъ человѣкъ, что всѣ ходы и выходы знаетъ! Одно слово, прожженый!—успокоилъ Пахомычъ.

Оказалось на повѣрку, что „человѣчекъ“—не кто иной, какъ отставной приказный Боголѣповъ, выгнанный изъ службы „за трясеніе правой руки“, каковому трясенію состояла причина въ напиткахъ. Жилъ онъ гдѣ-то на „болотѣ“, въ полуразвалившейся избенкѣ

нѣкоторой мѣщанской дѣвки, которая за свое легкомысліе пользовалась прозвищемъ „козы“ и „отчественной кружки“. Занятій настоящихъ онъ не имѣлъ, а составлялъ съ утра до вечера ябеды, которыя писалъ, придерживая правую руку лѣвою. Никакихъ другихъ свѣдѣній о „человѣкѣ“ не имѣлось, да, повидимому, и не ощущалось въ нихъ надобности, потому что большинство уже заранѣе было предрасположено къ безусловному довѣрію.

Тѣмъ не менѣе вопросъ „охранительныхъ людей“, все-таки, не прошелъ даромъ. Когда толпа окончательно двинулась, по указанію Пахомыча, то нѣсколько человѣкъ отдѣлились и отправились прямо на бригадирскій дворъ. Произошелъ расколъ. Явились такъ-называемые „отпадшіе“, т.-е. такіе прозорливцы, которыхъ задача состояла въ томъ, чтобы оградить свои спины отъ потрясеній, ожидающихся въ будущемъ. „Отпадшіе“ пришли на бригадирскій дворъ, но сказать ничего не сказали, а только потолкались на мѣстѣ, чтобы засвидѣтельствовать.

Несмотря, однако, на расколъ, дѣло, затѣянное глуповцами на „болотѣ“, шло своимъ чередомъ.

На минуту Болтѣновъ призадумался, какъ будто ему еще нужно старый хмель изъ головы вышибить. Но это было раздумье мгновенное. Вслѣдъ затѣмъ онъ торопливо вынулъ изъ чернильницы перо, обсосалъ его, сплюнулъ, вцѣпился лѣвой рукою въ правую и началъ строчить:

Во всѣ мѣста Россійской Имперіи.

Просятъ пренесчастнѣйшаго города Глупова всенижайшіе и всебѣдствующіе всѣхъ сословій чины и людишки, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1) Симъ доводимъ до всѣхъ Россійской Имперіи мѣстъ и лицъ: мремъ мы всѣ, сироты, до единаго. Начальство же кругомъ себя видимъ неискусное, ко взысканію податей строгое, къ поданію же помощи мало поспѣшное. И еще доводимъ: которая у того бригадира, Ѳердыщенка, ямская жена Аленка, то отъ нея безпремѣнно всѣмъ нашимъ бѣдамъ источникъ приключился, а болѣе того причины не видимъ. А когда жила Аленка у мужа своего, Митьки ямщика, то было въ нашемъ городѣ смирно и жили мы всѣмъ изобильно. Хотя

же и дальше теріѣть согласны, однако опасаемся: ежели всѣ помремъ, то какъ бы бригадиръ со своей Аленкой насъ не оклеветалъ и передъ начальствомъ въ сумнѣнье не ввелъ.

2) Болѣе сего пунктовъ не имѣется.

Къ сему прошенію, вмѣсто людишекъ города Глупова, за неграмотностью ихъ, поставлено двѣсти и тринадцать крестовъ.

Когда прошеніе было прочитано и закрестовано, то у всѣхъ словно отлегло отъ сердца. Запаковали бумагу въ конвертъ, запечатали и сдали на почту.

— Шшь, полетѣла! — говорили старики, слѣдя за тройкой, уносившей ихъ просьбу въ невѣдомую даль.—Теперь, атаманы-молодцы, теріѣть намъ недолго!

И дѣйствительно, въ городѣ вновь сдѣлалось тихо: глуповцы никакихъ новыхъ бунтовъ не предпринимали, а сидѣли на завалинкахъ и ждали. Когда же проѣзжіе спрашивали: какъ дѣла? — то отвѣчали:

— Теперь наше дѣло вѣрное! теперича мы, братецъ мой, бумагу подали!

Но проходилъ мѣсяцъ, проходилъ другой—резолюціи не было. А глуповцы все жили и все что-то жевали. Надежды росли и съ каждымъ новымъ днемъ пріобрѣтали все больше и больше вѣроятія. Даже „отпадніе“ начали убѣждаться въ неумѣстности своихъ опасеній и крѣпко приставали, чтобы ихъ записывали въ зачинщики. Очень можетъ быть, что такъ бы и кончилось это дѣло измòромъ, еслибы бригадиръ своимъ административнымъ искусствомъ самъ не взволновалъ общественнаго мнѣнія. Обманутый наружнымъ спокойствіемъ обывателей, онъ очутился въ самомъ щекотливомъ положеніи. Съ одной стороны, онъ чувствовалъ, что ему дѣлать нечего; съ другой стороны, тоже чувствовалъ, что ничего не дѣлать нельзя. Поэтому онъ затѣялъ нѣчто среднее, что-то такое, что до нѣкоторой степени напоминало игру въ бирюльки. Опустить въ гущу крючокъ, вытащить оттуда злоумышленника и засадить. Потомъ опять опустить, опять вытащить и опять засадить. И въ то же время все пишетъ, все пишетъ. Перваго, разумѣется, засадилъ Боголѣпова, который со страху оговорилъ цѣлую кучу злоумышленниковъ. Каждый изъ злоумышленниковъ, въ свою очередь, оговорилъ по кучѣ другихъ

злоумышленниковъ. Бригадиръ роскошествовалъ, но глуповцы, не только не устрашались, но, смѣясь, говорили промежъ себя: „какую-таку новую игру старый песъ затѣялъ?“

— Постой!—разсуждали они:—вотъ придетъ ужо бумага!

Но бумага не приходила, а бригадиръ плелъ да плелъ свою сѣть и доплелъ до того, что помаленьку опуталъ ею весь городъ. Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ корни и нити, когда примутся за нихъ вплотную. Съ помощью двухъ инвалидовъ, бригадиръ перепуталъ и перетаскалъ на съѣзжую почти весь городъ, такъ что не было дома, который не считалъ бы одного или двухъ злоумышленниковъ.

— Этакъ онъ, братцы, насъ всѣхъ завинитъ,—догадывались глуповцы, и этого опасенія было достаточно, чтобы подлить масла въ потухавшій огонь.

Разомъ, безъ всякаго предварительнаго уговора, уцѣлѣвшіе отъ бригадирскихъ когтей сто-пятьдесятъ „крестовъ“ очутились на площади („отпадшіе“ вновь благоразумно скрылись) и, дойдя до градоначальническаго дома, остановились.

— Аленку!—гудѣла толпа.

Бригадиръ понялъ, что дѣло зашло слишкомъ далеко и что ему ничего другого не остается, какъ спрятаться въ архивъ. Такъ онъ и поступилъ. Аленка тоже бросилась за нимъ, но случаю угодно было, чтобъ дверь архива захлопнулась въ ту самую минуту, какъ бригадиръ переступилъ порогъ ея. Замокъ щелкнулъ, и Аленка осталась снаружи съ простертыми врозь руками. Въ такомъ положеніи застала ее толпа, застала блѣдную, трепещущую всѣмъ тѣломъ, почти безумную.

— Пожалѣйте, атаманы-молодцы, мое тѣло бѣлое!—говорила Аленка ослабѣвшимъ отъ ужаса голосомъ: — вѣдомо вамъ самимъ, что онъ меня силкомъ отъ мужа увелъ.

Но толпа ничего не слышала.

— Сказывай, вѣдьма!—гудѣла она:—черезъ какое твое колдовство на нашъ городъ сухость напала?

Аленка словно обезпамятѣла. Она металась и, какъ бы увѣренная въ неизбѣжномъ исходѣ своего дѣла, только повторяла: „тошно мнѣ! охъ, батюшки, тошно мнѣ!“

Тогда совершилось неслыханное дѣло. Аленку разомъ, словно

пухъ, взнесли на верхній ярусъ колокольни и бросили оттуда на раскатъ съ вышины болѣе пятнадцати саженей...

„И не осталось отъ той бригадировой сладкой утѣхи даже ни единаго лоскута. Въ одно мгновеніе ока разнесли ее прилудные голодные псы“.

И вотъ, въ то самое время, когда совершилась эта безсознательная кровавая драма, вдали, по дорогѣ, вдругъ поднялось густое облако пыли.

— Хлѣбъ идетъ! — вскрикнули глуповцы, внезапно переходя отъ ярости къ радости.

Ту-ру! ту-ру! — явственно раздалось изъ внутренностей пыльнаго облака...

Въ колонну
Соберись бѣгомъ!
Трезвону
Зададимъ штыкомъ!
Скорѣй! скорѣй! скорѣй!

VIII. — Соломенный городъ.

Едва началъ поправляться городъ, какъ новое легкомысліе осѣнило бригадира: прельстила его окаянная стрѣльчиха Домашка.

Стрѣльцы въ то время хотя ужъ не были настоящими, до-Петровскими стрѣльцами, однако кой-что еще помнили. Угрюмые и отчасти саркастическіе нравы съ трудомъ уступали усиліямъ начальственной цивилизаціи, какъ ни старалась послѣдняя внушить, что галдѣніе и крамолы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть терпимы въ качествѣ „постоянныхъ занятій“. Жили стрѣльцы въ особенной пригородной слободѣ, названной по ихъ имени Стрѣлецкою, а на противоположномъ концѣ города расположилась слобода Пушкарская, въ которой обитали опальные Петровскіе пушкари и ихъ потомки. Общая опала, однакожъ, не соединила этихъ людей, и объ слободы постоянно враждовали другъ съ другомъ. Казалось, между ними существовали какіе-то старые счеты, которыхъ они не могли забыть и которые каждая сторона формулировала такъ: „кабы не ваше (взаимно)

тогда воровство, гуляли бы мы о-сю пору по матушкѣ Москвѣ". Въ особенности выступали наружу эти счеты при косьбѣ луговъ. Каждая слобода имѣла въ своемъ владѣніи особенные луга, но границы этихъ луговъ были опредѣлены такъ: „въ урочищѣ, гдѣ Пётру Долгаго сѣкли—клинъ, да въ дву потому жъ". И стрѣльцы, и пушкари аккуратно каждый годъ около петровокъ выходили на мѣсто; сначала, какъ и путные, искали какого-то оврага, какой-то рѣчки да еще кривой березы, которая въ свое время составляла довольно ясный межевой признакъ, но, лѣтъ тридцать, была срублена; потомъ, ничего не сыскавъ, заводили рѣчь объ „воровствѣ" и кончали тѣмъ, что помаленьку пускали въ ходъ косы. Побоища происходили очень серьезныя, но глуповцы до того приглядѣлись къ этому явленію, что ни мало даже не формализировались имъ. Впослѣдствіи, однакожъ, начальство обезпокоилось и приказало косы отобрать. Тогда не стало чѣмъ косить траву, и животы помирали отъ безкормицы. „И не было ни стрѣльцамъ, ни пушкарямъ прибыли ни малыя, а только землемѣрамъ злорадство великое", прибавляетъ по этому случаю лѣтописецъ.

На одно изъ такихъ побоищъ явился самъ Фердыщенко съ пожарной трубой и бочкой воды. Сначала онъ распоряжался довольно дѣятельно и даже пустилъ въ дерущихся порядочную струю воды; но когда увидѣлъ Домашку, дѣйствовавшую, въ одной рубахѣ, впереди всѣхъ, съ вилами въ рукахъ, то „злопыхательное" сердце его до такой степени воспламенилось, что онъ мгновенно забылъ и о силѣ данной имъ присяги, и о цѣли своего прибытія. Вмѣсто того, чтобы постепенно усиливать обливательную тактику, онъ преспокойно усѣлся на кочку и, покуривая изъ трубочки, завелъ съ землемѣрами пикантный разговоръ. Такимъ образомъ, пожирая Домашку глазами, онъ просидѣлъ до вечера, когда сгустившіяся сумерки сами собой принудили сражающихся разойтись по домамъ.

Стрѣльчиха Домашка была совсѣмъ въ другомъ родѣ, нежели Аленка. Насколько послѣдняя была плавна и женственна во всѣхъ движеніяхъ, настолько же первая—рѣзка, рѣшительна и мужественна. Худо умытая, растрепанная, полурастерзанная, она представляла собой тинъ бабы-халды, походя ругающейся и пользующейся всякимъ случаемъ, чтобъ украсить рѣчь какимъ-нибудь непристойнымъ движеніемъ. Съ утра до вечера звенѣлъ по слободѣ ея голосъ, клянущій

и сулящій всякія нелегкія, и умолкалъ только тогда, когда зелено вино угомоняло ее до потери сознанія. Стрѣльцы изъ молодыхъ гонялись за нею безъ памяти, однакожъ не враждовали изъ-за нея промежъ собой, а всѣ вообще называли „сахарницей“ и „проѣзжимъ шляхомъ“. Пушкари ее боялись, но втайнѣ тоже вожделѣли. Смѣлости она была необыкновенной. Она наступала на человѣка прямо, какъ будто говорила: а ну, посмотримъ, покоришь ли ты меня? — и всякому, конечно, дѣлалось лестнымъ доказать этой „прорвѣ“, что „покорить“ ее можно. Объ одеждахъ своихъ она не заботилась, какъ будто инстинктивно чувствовала, что сила ея не въ цвѣтныхъ сарафанахъ, а въ той неистощимой струѣ молодого безстыжества, которое неудержимо прорывалось во всякомъ ея движеніи. Былъ у нея, по слухамъ, и мужъ; но такъ какъ она дома ночевала рѣдко, а все по клевушкамъ да по овинамъ, да и дѣтей у нея не было, то въ скоромъ времени объ этомъ мужѣ совсѣмъ забыли, — словно такъ и явилась она на свѣтъ божій прямо бабой міркою да бабой неродихою.

Но это-то собственно, то-есть совсѣмъ наглое забвеніе всякихъ околичностей, и привлекло „злопыхательное“ сердце привередливаго старца. Сладостная, тающая безстыжесть Аленки позабылась; потребовалось возбужденіе болѣе острое, болѣе способное дѣйствовать на засыпающія чувства старика. „Испытали мы бабу сладкую,—сказалъ онъ себѣ: — теперь станемъ испытывать бабу строптивую“. И, сказавши это, командировалъ въ Стрѣлецкую слободу урядника, снабдивъ его, для порядка, разсыльною книгой. Урядникъ засталъ Домашку въ полыньи, за огородами, около амбарушки, окруженною толпою стрѣльчатъ. Услышавъ требованіе явиться, она какъ бы изумилась, но такъ какъ, въ сущности, ей было все равно, „кто ни поѣ —тотъ батька“, то послѣ минутнаго колебанія она начала приподниматься, чтобъ послѣдовать за посланнымъ. Но тутъ возмутились стрѣльчата и отняли у урядника бабу.

— Больно лакомъ сталъ! —кричали они: —давно ли Аленку у Митьки со двора свелъ, а теперь подикось ужъ у отечества бабу отнять вздумалъ!

Конечно, бригадиру слѣдовало бы на сей разъ посовѣститься, но его словно бѣсъ обуялъ. Какъ ужаленный, бѣгалъ онъ по городу и кричалъ крикомъ. Не пошли ему впрокъ ни уроки прошлаго, ни упреки собственной совѣсти, явственно предупреждавшей распалив-

лагося старца, что не ему придется расплачиваться за свои грѣхи, а все тѣмъ же ни въ чемъ неповиннымъ глуповцамъ. Какъ ни отбивались стрѣльчата, какъ ни оттоваривалась сама Домашка, что она „противъ отчества идти не смѣетъ“, но сила, по обыкновенію, взяла верхъ. Два раза стегалъ бригадиръ заупрямившуюся бабенку, два раза она довольно стойко вытерпѣла незаслуженное наказаніе, но когда принялись въ третій разъ, то не выдержала...

Тогда выступили впередъ пушкари и стали донимать стрѣльцовъ насмѣшками за то, что не съумѣли свою бабу отъ бригадировыхъ щелеповъ отстоять. „Глупые были пушкари,—поясняетъ лѣтописецъ:—того не могли понять, что, посмѣиваясь надъ стрѣльцами, сами надъ собой посмѣиваются“. Но стрѣльцамъ было не до того, чтобы объяснять дѣйствія пушкарей глупостью или иной причиной. Какъ люди, чувствующіе кровную обиду и не могущіе отомстить прямому ея виновнику, они срывали свою обиду на тѣхъ, которые напоминали имъ о ней. Начались драки, безчинства и увѣчья; ходили другъ противъ дружки и въ одиночку, и стѣна-на-стѣну, и всего больше страдалъ отъ этой ненависти городъ, который очутился какъ разъ по серединѣ между враждующими лагерями. Но бригадиръ уже ничего не слышалъ и ни на что не обращалъ вниманія. Онъ забрался съ Домашкой на вышку градоначальническаго дома и первый день своего торжества ознаменовалъ тѣмъ, что мертвецки напился пьянъ съ новой жертвой своего сластолюбія...

И вотъ новое ужасное бѣдствіе не замедлило постигнуть городъ...

Пожаръ начался 7-го іюля, наканунѣ праздника Казанской Божіей Матери.

До первыхъ чиселъ іюля все шло самымъ лучшимъ образомъ. Перепадали дожди, и притомъ такіе тихіе, теплые и благовременные, что все ростущее съ неимовѣрною быстротой поднималось въ ростъ, наливалось и зрѣло, словно волшебствомъ двинутое изъ нѣдръ земли. Но потомъ началась жара и сухмень, что также было весьма благопріятно, потому что наступила рабочая пора. Граждане радовались, надѣялись на обильный урожай и сѣли съ работами.

6-го числа, утромъ, вышелъ на площадь юродивый Архипушка, сталъ середь торга и началъ раздувать по вѣтру своей нестряданной рубашкой.

— Горю! горю! — кричалъ блаженный.

Старики, гуторившіе кругомъ, примолкли, собрались около блаженненькаго и спросили:

— Гдѣ, батюшко?

Но прозорливецъ бормоталъ что-то нескладное.

— Стрѣла бѣжитъ, огнемъ палитъ, смрадомъ-дымомъ душитъ. Увидите мечъ огненный, услышите голосъ архангельскій... горю!

Больше ничего отъ него не могли добиться, потому что, выговоривши свою нескладицу, юродивый тотчасъ же скрылся (точно сквозь землю пропалъ), а задержать блаженнаго никто не посмѣлъ. Тѣмъ не меньше, старики задумались.

— Про „стрѣлу" помянулъ!—говорили они, покачивая головами на Стрѣлецкую слободу.

Но этимъ дѣло не ограничилось. Не прошло часа, какъ на той же площади появилась юродивая Анисьюшка. Она несла въ рукахъ крошечный узелокъ и, сѣвши посередь базара, начала ковырять пальцемъ ямку. И ее обступили старики.

— Что ты, Анисьюшка, дѣлаешь? на что ямку копаешь?— спрашивали они.

— Добро хорошо! — отвѣчала блаженная, оглядывая вопрошавшихъ съ безсмысленною улыбкой, которая съ самаго дня рожденія словно застыла у нея на лицѣ.

— Но кто же ты хоронишь его? чай, и такъ отъ тебя, божьей старушки, никто не покорыствуется?

Но блаженная бормотала:

— Добро хорошо... восемь ленточекъ... восемь тряпочекъ... восемь платочковъ шолковыхъ... восемь золотыхъ запоночковъ... восемь сережекъ яхонтовенькихъ... восемь перстенековъ изумрудныхъ... восьмеро бусъ янтарныхъ... восьмеро нитокъ бурмицкихъ... девятая — лента алая... хи-хи! — засмѣялась она своимъ тихимъ, младенческимъ смѣхомъ.

— Господи, что такое будетъ! — шептали испуганные старики.

Обернулись — анъ бригадиръ, весь пьяный, смотритъ на нихъ изъ окна и лыка не вяжетъ, а Домашка-стрѣльчиха угольемъ фигуры у него на лицѣ рисуетъ.

— Вотъ-то на несытаго нелегкая принесла! — чуть-чуть было

не сказали глуповцы; но бригадиръ словно понялъ ихъ мысль и не своимъ голосомъ закричалъ:

— Опять за бунты принялись! не прочухались!

Съ тяжелой думой разбрелись глуповцы по своимъ домамъ, и не было слышно въ тотъ день на улицахъ ни смѣху, ни пѣсенъ, ни говору.

На другой день, съ утра, погода чуть-чуть закуражилась; но такъ какъ работа была сѣвная (зачиналось жнитво), то всѣ отправились въ поле. Работа, однакожъ, шла вяло. Оттого ли, что дѣло было передъ праздникомъ, или оттого, что всѣхъ томило какое-то смутное предчувствіе, но люди двигались словно сонные. Такъ продолжалось до пяти часовъ, когда народъ началъ расходиться по домамъ, чтобъ приняряднться и отправиться ко всенощной. Въ исходѣ седьмого въ церквахъ заблаговѣстили и улицы наполнились пестрыми толпами народа. На небѣ было всего одно облачко, но вѣтеръ крѣпчалъ и еще болѣе усиливалъ общія предчувствія. Не успѣли отзвонить третій звонъ, какъ небо заволокло сплошь и раздался такой оглушительный раскатъ грома, что всѣ молящіеся вздрогнули: за первымъ ударомъ послѣдовалъ второй, третій; затѣмъ послышался гдѣ-то, не очень близко, набатъ. Народъ разомъ схлынулъ изъ всѣхъ церквей. У выходовъ люди тѣснились, давили другъ друга, въ особенности женщины, которыя заранѣе причитали по своимъ животамъ и пожиткамъ. Горѣла Пушкарская слобода, и отъ нея, на встрѣчу толпѣ, неслась цѣлая стѣна песку и пыли.

Хотя былъ всего девятый часъ въ началѣ, но небо до такой степени закрылось тучами, что на улицахъ сдѣлалось совершенно темно. Сверху черная, безграничная бездна, прорѣзываемая молніями; кругомъ — воздухъ, наполненный крутящимися атомами пыли, — все это представляло неизобразимый хаосъ, на грозномъ фонѣ котораго выступалъ не менѣе грозный силуэтъ пожара. Видно было, какъ вдали копошатся люди, и казалось, что они безсознательно толкутся на одномъ мѣстѣ, а не мечутся въ тоскѣ и отчаяніи. Видно было, какъ кружатся въ воздухѣ оторванные вихремъ отъ крышъ клочки зажженной соломы, и казалось, что передъ глазами совершается какое-то фантастическое зрѣлище, а не горчайшее изъ злодѣяній, которыми такъ обильны безсознательныя силы природы. Постепенно одно за другимъ занимались деревянныя строенія и словно таяли. Въ одномъ

мѣстѣ пожаръ уже въ полномъ разгарѣ; все строеніе обнялъ огонь, и съ каждой минутой размѣры его уменьшаются и силуэтъ принимаетъ какія-то узорчатыя формы, которыя вытачиваетъ и выгрызаетъ страшная стихія. Но вотъ въ сторонѣ блеснула еще свѣтлая точка, потомъ ее закрылъ густой дымъ, и черезъ мгновеніе изъ клубовъ его вынырнулъ огненный языкъ; потомъ языкъ опять исчезъ, опять вынырнулъ—и взялъ силу. Новая точка, еще точка... сперва черная, потомъ ярко-оранжевая: образуется цѣлая связь свѣтящихся точекъ, и затѣмъ — настоящее море, въ которомъ утонаютъ всѣ отдѣльныя подробности, которое крутится въ берегахъ своею собственною силою, которое издаетъ свой собственный трескъ, гулъ и свистъ. Не скажешь, что тутъ горитъ, что плачетъ, что страдаетъ: тутъ все горитъ, все плачетъ, все страдаетъ... Даже стоновъ отдѣльныхъ не слышно.

Люди стонали только въ первую минуту, когда безъ памяти бѣжали къ мѣсту пожара. Припоминалось тутъ все, что когда-нибудь было дорого: все завѣтное, пригрѣтое, приголубленное, все, что помогало примиряться съ жизнью и нести ея бремя. Человѣкъ такъ свыкся съ этими извѣчными идолами своей души, такъ долго возлагалъ на нихъ лучшія свои упованія, что мысль о возможности потерять ихъ никогда отчетливо не представлялась уму. И вотъ настала минута, когда эта мысль является не какъ отвлеченный призракъ, не какъ плодъ испуганнаго воображенія, а какъ голая дѣйствительность, противъ которой не можетъ быть и возраженій. При первомъ столкновеніи съ этой дѣйствительностью человѣкъ не можетъ вытерпѣть боли, которою она поражаетъ его: онъ стонетъ, простираетъ руки, жалуется, клянетъ, но въ то же время еще надѣется, что злодѣйство, быть можетъ, пройдетъ мимо. Но когда онъ убѣдился, что злодѣяніе уже совершилось, то чувства его внезапно стихаютъ, и одна только жажда водворяется въ сердцѣ его—это жажда безмолвія. Человѣкъ приходитъ къ собственному жилищу, видитъ, что оно насквозь засвѣтилось, что изъ всѣхъ щелей выпалзываютъ тоненькія огненныя змѣйки, и начинаетъ сознавать, что вотъ это и есть тотъ самый *конецъ всего*, о которомъ ему когда-то смутно грезилось и ожиданіе котораго, незамѣтно для него самого, проходитъ черезъ всю его жизнь. Что остается тутъ дѣлать? что можно еще предпринять? Можно только сказать себѣ, что прошлое кончилось, и что пред-

стоитъ начать нѣчто новое, нѣчто такое, отъ чего охотно бы оборонился, но чего невозможно избыть, потому что оно придетъ само собою и назовется завтрашнимъ днемъ.

— Всѣ ли вы тутъ?—раздается въ толпѣ женскій голосъ:—одинъ, другой... Николка-то гдѣ?

— Я, мамонька, здѣся,—отвѣчалъ боязливый ленетъ ребенка, притаившагося сзади около сарафана матери.

— Гдѣ Матренка?—слышится въ другомъ мѣстѣ:—вѣдь Матрена-то въ избѣ осталась!

На этотъ призывъ выходитъ изъ толпы парень и съ разбѣга бросается въ пламя. Проходитъ одна томительная минута, другая. Обрушиваются балки одна за другой, трещитъ потолокъ. Наконецъ парень показывается среди облаковъ дыма; шапка и полушубокъ на немъ затлѣлись, въ рукахъ ничего нѣтъ. Слышится вопль: „Матренка! Матренка! гдѣ ты?“ потомъ слѣдуютъ утѣшенія, сопровождаемыя предположеніями, что вѣроятно Матренка съ испуга убѣжала на огородъ...

Вдругъ, въ сторонѣ, изъ глубины пустого сарая раздается человѣческій вопль, заставляющій даже эту совсѣмъ обезпамятѣвшую толпу перекреститься и вскрикнуть: „спаси, Господи!“ Весь или почти весь народъ устремляется по направленію этого крика. Сарай только-что загорѣлся, но подступиться къ нему уже нѣтъ возможности. Огонь охватилъ плетеныя стѣны, обвилъ каждую отдѣльную хворостинку, и въ одну минуту сдѣлалъ изъ темной, дымившейся массы рдѣющій, ярко-прозрачный костеръ. Видно было, какъ внутри металея и бѣгалъ человѣкъ, какъ онъ рвалъ на себѣ рубашку, царапалъ ногтями грудь, какъ онъ вдругъ останавливался и весь вытягивался, словно вдыхалъ. Видно было, какъ брызгали на него искры, словно обливали, какъ занялись на немъ волосы, какъ онъ сначала тушилъ ихъ, потомъ вдругъ закружился на одномъ мѣстѣ...

— Батюшки! да вѣдь это Архипушко!—разглядѣли люди.

Дѣйствительно, это былъ онъ. Среди рдѣющаго кругомъ хвороста темная, полудикая фигура его казалась просвѣтлѣвшею. Людямъ видѣлся не тотъ нечистоплотный, блуждающій мутными глазами Архипушко, какимъ его обыкновенно видали, не Архипушко, преданный предсмертнымъ корчамъ и, подобно всякому другому смертному, безсильно бьющійся противъ неизбѣжной гибели, а словно ка-

кой-то энтузіастъ, изнемогающій подъ бременемъ переполнившаго его восторга.

— Отворь ворота, Архипушко! отворь, батюшко!—кричали издали люди, жалѣючи.

Но Архипушко не слыхалъ и продолжалъ кружиться и кричать. Очевидно было, что у него уже начинало занимать дыханіе. Наконецъ столбы, поддерживавшіе соломенную крышу, подгорѣли. Цѣлое облако пламени и дыма разомъ рухнуло на землю, прикрыло человѣка и закрутилось. Рдѣющая точка на время опять превратилась въ темную: всѣ инстинктивно перекрестились...

Не успѣли пушкари опамятоваться отъ этого зрѣлища, какъ ихъ ужаснуло новое: загудѣли на соборной колокольнѣ колокола, и вдругъ самый большой изъ нихъ грохнулся внизъ. Бросились и туда, но тутъ увидѣли, что вся слобода уже въ пламени, и начали промышлять о собственномъ спасеніи. Толпа, оставшаяся безъ крова, пропитанія и одежды, повалила въ городъ, но и тамъ встрѣтилась съ общимъ смятеніемъ. Хотя очевидно было, что пламя взяло все, что могло взять, но горожанамъ, наблюдавшимъ за пожаромъ по ту сторону рѣчки, казалось, что пожаръ все росъ и зарево больше и больше рдѣло. Весь воздухъ былъ наполненъ какою-то свѣтящеюся массою, въ которой отдѣльными точками кружились и вихрились головни и горящіе пуки соломы. „Куда-то онѣ полетятъ? На комъ обрушатся?“ спрашивали себя оцѣпенѣлые горожане.

Этотъ вопросъ произвелъ всеобщую панику: всякъ бросился къ своему двору спасать имущество. Улицы запрудились возами и выходцами, нагруженными и навьюченными домашнимъ скарбомъ. Торопливо, но безъ особеннаго шума двигалась эта вереница по направленію къ выгону и, отойдя отъ города на безопасное разстояніе, начала улаживаться. Въ эту минуту полилъ долго-желанный дождь и растворилъ на выгонѣ легко уступающій черноземъ.

Между тѣмъ пушкари остановились на городской площади и рѣшились дожидаться тутъ до свѣту. Многіе присѣли на землю и дали волю слезамъ. Какой-то начетчикъ запѣлъ: *на рѣкахъ Вавилонскихъ* и, заплакавъ, не могъ кончить; кто-то произнесъ имя стрѣлецкихи-Домашки, но отклика ни откуда не послѣдовало. О бригадирѣ всѣ словно позабыли, хотя нѣкоторые и увѣряли, что видѣли, какъ

онъ слонялся съ единственной пожарной трубой и норывался отстоять поповъ домъ. Попъ былъ тутъ же, вмѣстѣ со всѣми, и ронталъ.

— Беззаконовахомъ!—говорилъ онъ.

— Ты бы, батька, побольше Богу молился да поменьше съ попадьей проклажался!—въ упоръ послѣдовалъ отвѣтъ, и затѣмъ разговоръ по этому предмету больше не возобновлялся.

Къ свѣту пожаръ дѣйствительно сталъ утихать, отчасти потому, что горѣть было нечему, отчасти потому, что пошелъ проливной дождь. Пушкари побрели опять обратно на пожарище и увидѣли кучи пепла и обуглившіяся бревна, подъ которыми тлѣлся огонь. Достали откуда-то крючьевъ, привезли изъ города трубу и начали, не торопясь, растаскивать уцѣлѣвшій матеріалъ и тушить остатки огня. Всякій рылся около своего дома и чего-то искалъ; многіе въ самомъ дѣлѣ доискивались и крестились. Сгорѣвшихъ людей оказалось съ десятокъ, въ томъ числѣ двое взрослыхъ; Матрешку же, о которой наканунѣ былъ разговоръ, нашли спящею на огородѣ между грядъ. Мало-по-малу день принялъ свой обычный, рабочій видъ. Убытки рѣдко кѣмъ высчитывались; всякій старался прежде всего опредѣлить себѣ не то, что онъ потерялъ, а то, что у него есть. У кого осталось нетронутымъ подполье, и по этому поводу выражалась радость, что уцѣлѣлъ квасъ и вчерашній каравай хлѣба; у кого какимъ-то чудомъ пожаръ обошелъ клевушокъ, въ которомъ была заперта буренушка.

— Ай-да буренушка! умница!—хвалили кругомъ.

Началъ и городъ понемногу возвращаться въ свои логовища изъ вынужденнаго лагеря; но не надолго. Около полдня, у Ильи-Пророка, что на болотѣ, опять забили въ набатъ. Загорѣлся сарай той самой „Козы“, у которой въ предыдущемъ разсказѣ лѣтописецъ познакомилъ насъ съ приказнымъ Боголѣповымъ. Полагаютъ, что Боголѣповъ, въ пьяномъ видѣ, курилъ трубку и заронилъ искру въ сѣнную труху; но такъ какъ онъ самъ при этомъ случаѣ сгорѣлъ, то догадка эта настоящимъ образомъ въ извѣстность не приведена. Въ сущности, пожаръ былъ не весьма значителенъ и могъ бы быть остановленъ довольно легко, но граждане до того были изнурены и потрясены происшествіями вчерашней безсонной ночи, что достаточно было слова: „пожаръ!“ чтобы произвести между ними новую общую панику. Всѣ опять бросились въ домамъ, тащили оттуда кто что

могъ и побѣжали на выгонъ. А пожаръ между тѣмъ разростался и разростался.

Не станемъ описывать дальнѣйшихъ перипетій этого бѣдствія. тѣмъ болѣе, что онѣ вполнѣ схожи съ тѣми, которыя уже приведены нами выше. Скажемъ только, что два дня горѣлъ городъ, и въ это время безъ остатка сгорѣли двѣ слободы: Болотная и Негодница. названная такъ потому, что тамъ жили солдатки, промышлявшія зазорнымъ ремесломъ. Только на третій день, когда огонь уже началъ подбираться къ собору и къ рядамъ, глуповцы нѣсколько очувствовались. Подстрекаемые крамольными стрѣльцами, они выступили изъ лагеря, явились толпой къ градоначальническому дому и поманили оттуда Ѳердыщенку.

— Долго ли намъ горѣть будетъ?—спросили они его. когда онъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, появился на крыльцѣ.

Но лукавый бригадиръ только вертѣлъ хвостомъ и говорилъ, что ему съ Богомъ спорить не приходится.

— Мы не про то говоримъ, чтобъ тебѣ съ Богомъ спорить,— настаивали глуповцы:—куда тебѣ, глупому, на Бога лѣзть! а ты вотъ что скажи: за чьи безчинства мы, сироты, теперича помирать должны?

Тогда бригадиръ вдругъ засовѣстился. Загорѣлось сердце его стыдомъ великимъ, и сталъ онъ передъ глуповцами и точилъ слезы. („И всѣ тѣ его слезы были крокодиловы“, предваряетъ лѣтописецъ событія.)

— Мало ты насъ въ прошломъ году истязалъ? Мало насъ отъ твоей глупости да отъ твоихъ щелеповъ смерть приняло?—продолжали глуповцы, видя, что бригадиръ винится.—Одумайся, старче! Оставь свою дурость!

Тогда бригадиръ всталъ передъ міромъ на колѣни и началъ каяться. („И было то покаяніе его асидово“, опять предваряетъ событія лѣтописецъ.)

— Простите меня, ради Христа, атаманы-молодцы!—говорилъ онъ, кланяясь міру въ ноги:—оставляю я зло дурость на вѣки вѣчные, и самъ вамъ тоё мою дурость съ рукъ на руки сдамъ! только не ругайтесь вы надъ нею, ради Христа, а проводите честь честью къ стрѣльцамъ въ слободу!

И, сказавъ это, вывелъ Домашку къ толпѣ. Увидѣли глуповцы

разбитную стрѣльчиху и животами ахнули. Стояла она передъ ними, та же немытая, нечесаная, какъ прежде была,—стояла, и хмельная улыбка бродила по лицу ея. И стала имъ эта Домашка такъ люба, что и сказать невозможно.

— Здорово живешь, Домаха!—гаркнули въ одинъ голосъ граждане.

— Здравствуйте! Ослобонять пришли?—отвѣчала Домашка.

— Охотой идешь въ опчество?

— Со всѣмъ моимъ великимъ удовольствіемъ!

Тогда Домашку взяли подъ руки и привели къ тому самому амбару, откуда она была, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, уведена силою.

Стрѣльцы радовались, бѣгали по улицамъ, били въ тазы и въ сковороды и выкрикивали свой обычный воинственный кличъ:

— Посрамихомъ! посрамихомъ!

И начались тутъ промежъ глуповцевъ радость и бодренье великое. Всѣ чувствовали, что тяжесть спала съ сердецъ и что отнынѣ ничего другого не остается, какъ благоденствовать. Съ бригадиромъ во главѣ двинулись граждане на встрѣчу пожару, въ нѣсколько часовъ сломали цѣлую улицу домовъ и окопали пожарище со стороны города глубокою канавой. На другой день пожаръ уничтожился самъ собою, вслѣдствіе недостатка питанія.

Но лѣтописецъ недаромъ предварялъ событія намеками: слезы бригадировы дѣйствительно оказались крокодиловыми и покаяніе его было покаяніе асидово. Какъ только миновала опасность, онъ засѣлъ у себя въ кабинетѣ и началъ рапортовать во всѣ мѣста. Десять часовъ сряду макалъ онъ перо въ чернильницу, и чѣмъ дальше макалъ, тѣмъ больше становилось оно ядовитымъ.

„Сего 10-го іюля — писалъ онъ — отъ всѣхъ вообще глуповскихъ гражданъ послѣдовалъ противъ меня великій бунтъ. По случаю бывшаго въ слободѣ Негодницѣ великаго пожара собрались ко мнѣ, бригадиру, на дворъ всякаго званія люди и стали меня будить и на колѣнки становить, дабы я передъ тѣми бездѣльными людьми прощеніе принесъ. Я же безъ страха отъ сего уклонился. И теперь разсуждаю такъ: ежели таковому ихъ бездѣльничеству потворство сдѣлать, да и впередъ потрафлять, то какъ бы оное не явилось повторительнымъ и не гораздо къ утѣсненію способнымъ!“

Отписавъ такимъ образомъ, бригадиръ сѣлъ у окошечка и сталъ поджидать, не послышится ли откуда: ту-ру! ту-ру! Но въ то же время съ гражданами былъ привѣтливъ и обходителенъ, такъ что даже едва совсѣмъ не обворожилъ ихъ своими ласками.

— Миленькіе вы, миленькіе!—говорилъ онъ имъ: — ну, чего вы, глупенькіе, на меня разсердились! Ну, взялъ Богъ, — ну, и опять дастъ Богъ! У него, у Царя небеснаго, милости много! Такъ-то, братики-сударики!

По временамъ, однакожъ, на лицѣ его показывалась какая-то сомнительная улыбка, которая не предвѣщала ничего добраго...

И вотъ, въ одно прекрасное утро, по дорогѣ показалось облако пыли, которое, постепенно приближаясь и приближаясь, подошло наконецъ къ самому Глупову.

— Ту-ру! ту-ру!—явственно раздалось изъ внутренностей таинственнаго облака.

Трубятъ въ рога!
Разить врага
Другимъ пора!

Глуповцы оцѣпенѣли.

IX.—Фантастическій путешественникъ.

Едва успѣли глуповцы поправиться, какъ бригадирово легкомысліе чуть-чуть не навлекло на нихъ новой бѣды.

Ѳердыщенко вздумалъ путешествовать.

Это намѣреніе было очень странное, ибо въ завѣдываніи Ѳердыщенка находился только городской выгонъ, который не заключалъ въ себѣ никакихъ сокровищъ ни на поверхности земли, ни въ нѣдрахъ оной. Въ разныхъ мѣстахъ его валялись, конечно, навозныя кучи, но онѣ, даже въ археологическомъ отношеніи, ничего примѣчательнаго не представляли. „Куда и съ какою цѣлью тутъ путешествовать?“ Всѣ благоразумные люди задавали себѣ этотъ вопросъ, но удовлетворительно разрѣшить не могли. Даже бригадирова экономка

—и та пришла въ большое смущеніе, когда Сердыщенко объявилъ ей о своемъ намѣреніи.

— Ну, куда тебя слоняться несетъ?—говорила она:—на первую кучу натыкнешься и завязнешь! Кинь ты свое озоруство, Христа ради!

Но бригадиръ былъ непоколебимъ. Онъ вообразилъ себѣ, что травы сдѣлаются зеленѣе и цвѣты расцвѣтутъ ярче, какъ только онъ выйдетъ на выгонъ. „Утучнятся поля, прольются многоводныя рѣки, поплывутъ суда, процвѣтетъ скотоводство, объявятся пути сообщенія“, бормоталъ онъ про себя и лелѣялъ свой планъ пуще зѣницы ока. „Простъ онъ былъ, — поясняетъ лѣтописецъ, — такъ простъ, что даже послѣ столькихъ бѣдствій простоты своей не оставилъ“.

Очевидно, онъ копировалъ въ этомъ случаѣ своего патрона и благодѣтеля, который тоже былъ охотникъ до разъѣздовъ (по краткой описи градоначальникамъ, Сердыщенко обозначенъ такъ: „бывый денщикъ князя Потемкина“) и любилъ, чтобъ его вездѣ чествовали.

Планъ былъ начертанъ обширный. Сначала направиться въ одинъ уголъ выгона; потомъ, перерѣзавъ его площадь поперекъ, нагрянуть въ другой конецъ; потомъ очутиться въ серединѣ, потомъ ѣхать опять по прямому направленію, а затѣмъ уже куда глаза глядятъ. Вездѣ принимать поздравленія и дары.

— Вы смотрите!—говорилъ онъ обывателямъ:—какъ только меня завидите, такъ сейчасъ въ тазы бейте, а потомъ зачинайте поздравлять, какъ будто я и нивѣсть откуда пріѣхалъ!

— Слушаемъ, батюшка Петръ Петровичъ!—говорили проученные глуповцы; но про себя думали: „Господи! того гляди, опять городъ спалитъ!“

Выѣхалъ онъ въ самый Николинъ день, сейчасъ послѣ раннихъ обѣденъ, и дома сказалъ, что будетъ не скоро. Съ нимъ былъ денщикъ Василій Черностунъ да два инвалидныхъ солдата. Шагомъ направился этотъ поѣздъ въ правый уголъ выгона, но такъ какъ разстояніе было близкое, то какъ ни медлили, а черезъ полчаса поспѣли. Ожидавшіе тутъ глуповцы, въ числѣ четырехъ человѣкъ, ударили въ тазы, а одинъ потрясалъ бубномъ. Потомъ начали подносить дары: подали тешку осетровую соленую, да севрюжку провѣсную среднюю, да кусокъ ветчины. Вышелъ бригадиръ изъ брички и сталъ спорить, что даровъ мало, „да и дары тѣ не настоящіе, а лежалые“, и слу-

жать къ умаленію его чести. Тогда вынули глуповцы еще по полтинничку, и бригадиръ успокоился.

— Ну, теперь показывайте мнѣ, старички,—сказалъ онъ ласково:—каковы у васъ есть достопримѣчательности?

Стали ходить взадъ и впередъ по выгону, но ничего достопримѣчательнаго не нашли, кромѣ одной навозной кучи.

— Это въ прошломъ году, какъ мы лагеремъ во время пожара стояли, такъ въ ту пору всякаго скота тутъ довольно было!—объяснилъ одинъ изъ стариковъ.

— Хорошо бы здѣсь городъ поставить,—молвилъ бригадиръ:—и назвать его Домославомъ, въ честь той стрѣльчихи, которую вы занапрасно въ то время обезпокоили!

И потомъ прибавилъ:

— Ну, а въ нѣдрахъ земли какъ?

— Объ этомъ мы неизвѣстны,—отвѣчали глуповцы:—думаемъ, что много всего должно быть, однако допытываться боимся: какъ бы кто не увидалъ да начальству не пересказалъ!

— Боитесь?—усмѣхнулся бригадиръ.

Словомъ сказать, въ полчаса, да и то безъ нужды, весь осмотръ кончился. Видитъ бригадиръ, что времени остается много (отбытіе съ этого пункта было назначено только на другой день) и началъ тужить и корить глуповцевъ, что нѣтъ у нихъ ни мореходства, ни судоходства, ни горнаго и монетнаго промысловъ, ни путей сообщенія, ни даже статистики—ничего, чѣмъ бы начальниково сердце возвеселить. А главное, нѣтъ предпріимчивости.

— Вамъ бы слѣдовало корабли заводить, кофей-сахаръ разводить,—сказалъ онъ:—а вы что!

Переглянулись между собою старики: видятъ, что бригадиръ какъ будто и не къ слову свою рѣчь говоритъ, помялись на мѣстѣ и вынули еще по полтиннику.

— На этомъ спасибо,—молвилъ бригадиръ:—а что про мореходство сказалось, на томъ простите!

Выступилъ тутъ впередъ одинъ изъ гражданъ и, желая подслужиться, сказалъ, что припасена у него за пазухой деревяннаго дѣла пушечка малая на колесцахъ и гороху сушенаго запасецъ небольшой. Обрадовался бригадиръ этой забавѣ несказанно, сѣлъ на лужокъ и

началъ изъ пушечки стрѣлять. Стрѣляли долго, даже умучились, а до обѣда все еще много времени остается.

— Ахъ, прахъ-те побери! Здѣсь и солнце-то словно назадъ пятится!—сказалъ бригадиръ, съ негодованіемъ поглядывая на небесное свѣтило, медленно выплывавшее по направленію къ зениту.

Наконецъ, однако, сѣли обѣдать; но такъ какъ со времени стрѣльчихи Домашки бригадиръ сталъ зашибать, то и тутъ напился до безобразія. Сталъ говорить неподобныя рѣчи и, указывая на „деревяннаго дѣла пушечку", угрожалъ всѣхъ своихъ амфитріоновъ перепалить. Тогда за хозяевъ вступился деньщикъ Василій Черностунъ, который хотя тоже былъ пьянъ, но не гораздо.

— Пустое ты дѣло затѣялъ!—сразу оборвалъ онъ бригадира: —кабы не я твой приставникъ,—слова бы тебѣ, гунявому, не пикнуть, а не то чтобъ за экое орудіе взяться!

Время между тѣмъ продолжало тянуться съ безнадежною вялостью: обѣдали-обѣдали, пили-пили, а солнце все высоко стоитъ. Начали спать. Спали-спали, весь хмель переспали, наконецъ начали вставать.

— Никакъ солнце-то высоко взошло!—сказалъ бригадиръ, просыпаясь и принимая западъ за востокъ.

Но ошибка была столь очевидна, что даже онъ понялъ ее. Послали одного изъ стариковъ въ Глуповъ за квасомъ, думая ожиданіемъ сократить время; но старикъ оборотилъ духомъ и принесъ на головѣ цѣлый жбанъ, не проливъ ни капли. Сначала пили квасъ, потомъ чай, потомъ водку. Наконецъ, чуть смеркось, зажгли плошку и освѣтили навозную кучу. Плошка коптѣла, мигала и распространяла смрадъ.

— Слава Богу! не видали, какъ и день кончился!—сказалъ бригадиръ и, завернувшись въ шинель, улегся спать во второй разъ.

На другой день поѣхали напереръзъ и по счастью встрѣтили по дорогѣ пастуха. Стали его спрашивать, кто онъ таковъ и зачѣмъ по пустымъ мѣстамъ шатается, и нѣтъ ли въ томъ шатаніи умысла. Пастухъ сначала оробѣлъ, но потомъ во всемъ повинился. Тогда его обыскали и нашли хлѣба ломоть небольшой да лоскутокъ отъ онучъ.

— Сказывай, въ чемъ былъ твой умыселъ?—допрашивалъ бригадиръ съ пристрастіемъ.

Но пастухъ на всѣ вопросы отвѣчалъ мычаніемъ, такъ что путе-

шественники вынуждены были, для дальнѣйшихъ разспросовъ, взять его съ собою и въ такомъ видѣ пріѣхали въ другой уголъ выгона.

Тутъ тоже въ тазы звонили и дары дарили, но время пошло поживѣе, потому что допрашивали пастуха и въ него грѣшнымъ дѣломъ изъ малой пушечки стрѣляли. Вечеромъ опять зажгли плошку и начадили такъ, что у всѣхъ разболѣлись головы.

На третій день, отпустивъ пастуха, отправились въ середку, но тутъ ожидало бригадира уже настоящее торжество. Слава о его путешествіяхъ росла не по днямъ, а по часамъ, и такъ какъ день былъ праздничный, то глуповцы рѣшились ознаменовать его чѣмъ-нибудь особеннымъ. Одѣвшись въ лучшія одежды, они выстроились въ каре и ожидали своего начальника. Стучали въ тазы, потрясали бубнами и даже играла одна скрипка. Въ сторонѣ дымились котлы, въ которыхъ варилось и жарилось такое количество поросятъ, гусей и прочей живности, что даже понамъ стало завидно. Въ первый разъ бригадиръ понялъ, что любовь народная есть сила, заключающая въ себѣ нѣчто съѣдобное. Онъ вышелъ изъ брички и прослезился.

Плакали тутъ всѣ; плакали и потому, что жалко, и потому, что радостно. Въ особенности разливалась одна древняя старуха (сказывали, что она была внучка побочной дочери Марѳы Посадницы).

— О чемъ ты, старушка, плачешь?—спросилъ бригадиръ, ласково трепля ее по плечу.

— Охъ ты нашъ батюшка! какъ намъ не плакать-то, кормилецъ ты нашъ! вѣкъ мы свой все-то плачемъ... все плачемъ! — всхлипывала въ отвѣтъ старуха.

Въ полдень поставили столы и стали обѣдать; но бригадиръ былъ такъ неосторожень, что еще передъ закуской пропустилъ три чарки очищенной. Глаза его вдругъ сдѣлались неподвижными и стали смотрѣть въ одно мѣсто. Затѣмъ, съѣвши первую перемѣну (были щи съ солониной), онъ опять выпилъ два стакана и началъ говорить, что ему нужно бѣжать.

— Ну, куда тебѣ безъ ума бѣжать!—урезонивали его почетные глуповцы, сидѣвшіе по сторонамъ.

— Куда глаза глядятъ!—бормоталъ онъ, очевидно припоминая эти слова изъ своего маршрута.

Послѣ второй перемѣны (былъ поросенокъ въ сметанѣ) ему сдѣ-

лалось дурно; однако онъ превозмогъ себя и съѣлъ еще гуся съ капустою. Послѣ этого ему перекосило ротъ.

Видно было, какъ вздрогнула на лицѣ его какая-то административная жилка, дрожала-дрожала и вдругъ замерла... Глуповцы въ смятеніи и испугѣ повскакали съ своихъ мѣстъ.

Кончилось...

Кончилось достославное градоначальство, омрачившееся въ послѣдніе годы двукратнымъ вразумленіемъ глуповцевъ. „Была ли въ сихъ вразумленіяхъ необходимость?“ — спрашиваетъ себя лѣтописецъ, и, къ сожалѣнію, оставляетъ этотъ вопросъ безъ отвѣта.

На нѣкоторое время глуповцы погрузились въ ожиданіе. Они боялись, чтобъ ихъ не завинили въ преднамѣренномъ окормленіи бригадира и чтобъ опять не раздалось невѣдомо откуда: „туру-туру“

Встаньте гуще!
Чтобы пуще
Побѣждать врага!

Къ счастію, однакожъ, на этотъ разъ опасенія оказались неосновательными. Черезъ недѣлю прибылъ изъ губерніи новый градоначальникъ и превосходствомъ принятыхъ имъ административныхъ мѣръ заставилъ забыть всѣхъ старыхъ градоначальниковъ, а въ томъ числѣ и Ѳердыщенку. Это былъ Василискъ Семеновичъ Бородавкинъ, съ котораго собственно и начинается золотой вѣкъ Глупова. Страхи разсѣялись, урожаи пошли за урожаями, комета не появлялось, а денегъ развелось такое множество, что даже куры не клевали ихъ... потому что это были ассигнаціи.

X.—Войны за просвѣщеніе.

Василискъ Семеновичъ Бородавкинъ, смѣнившій бригадира Ѳердыщенку, представлялъ совершенную противоположность своему предмѣстнику. Насколько послѣдній былъ расхищенъ и рыхлъ, настолько же первый поражалъ расторопностью и какою-то неслыханной административной въѣдчивостью, которая съ особенной энергіей проявлялась въ вопросахъ, касавшихся выѣденнаго яйца. Постоянно застег-

нутый на всѣ пуговицы и имѣя на-готовѣ фуражку и перчатки, онъ представлялъ собою типъ градоначальника, у котораго ноги во всякое время готовы были бѣжать невѣдомо куда. Днемъ онъ, какъ муха, мелькалъ по городу, наблюдая, чтобы обыватели имѣли бодрый и веселый видъ; ночью — тушилъ пожары, дѣлалъ фальшивыя тревоги и вообще заставалъ врасплохъ.

Кричалъ онъ во всякое время и кричалъ необыкновенно. „Столько вмѣщалъ онъ въ себѣ крику,—говоритъ по этому поводу лѣтописецъ.—что отъ онаго многіе глуповцы и за себя, и за дѣтей навсегда испугались". Свидѣтельство замѣчательное и находящее себѣ подтвержденіе въ томъ, что впослѣдствіи начальство вынуждено было дать глуповцамъ разныя льготы, именно „испуга ихъ ради". Аннетитъ имѣлъ хорошій, но насыщался съ поспѣшностью и при этомъ рыгалъ. Даже спалъ только однимъ глазомъ, что̀ приводило въ немалое смущеніе его жену, которая, несмотря на двадцати-пяти-лѣтнее сожительство, не могла безъ содраганія видѣть его другое, недремлющее, совершенно круглое и любопытно на нее устремленное око. Когда же совсѣмъ нечего было дѣлать, то-есть не предстояло надобности ни мелькать, ни заставать врасплохъ (въ жизни самыхъ расторопныхъ администраторовъ встрѣчаются такія тяжкія минуты), то онъ или издавалъ законы, или маршировалъ по кабинету, наблюдая за игрой сапожнаго носка, или возобновлялъ въ своей памяти военные сигналы.

Была и еще одна особенность за Бородавкинымъ: онъ былъ сочинитель. За десять лѣтъ до прибытія въ Глуповъ, онъ началъ писать проектъ „о вящемъ арміи и флотовъ по всему земли лицу распространеніи, дабы черезъ то возвращеніе (sic) древней Византіи подъ сѣнь россійскія державы уповательнымъ учинить", и каждый день прибавлялъ къ нему по одной строчкѣ. Такимъ образомъ составилась довольно объемистая тетрадь, заключавшая въ себѣ три-тысячи-шестьсотъ-пятьдесятъ-двѣ строчки (два года было високосныхъ), на которую онъ не безъ гордости указывалъ посѣтителямъ, прибавляя при томъ:

— Вотъ, сударь мой, сколь далеко я виды свои простираю!

Вообще, политическая мечтательность была въ то время въ большомъ ходу, а потому и Бородавкинъ не избѣгнулъ общихъ вѣяній времени. Очень часто видали глуповцы, какъ онъ, сидя на балконѣ

градоначальническаго дома, взиралъ оттуда, съ полными слезъ глазами, на синѣющія вдалекѣ византійскія твердыни. Выгонныя земли Византіи и Глунова были до такой степени смежны, что византійскія стада почти постоянно смѣшивались съ глуповскими, и изъ этого выходили безпрестанныя пререканія. Казалось, стоило только кликнуть кличъ... И Бородавкинъ ждалъ этого клича, ждалъ съ страстностью, съ нетерпѣніемъ, доходившимъ почти до негодованія.

— Сперва съ Византіей покончимъ-съ,—мечталъ онъ:—а потомъ-съ...

На Драву, Мораву, на дальнюю Саву,
На тихій и синій Дунай...

— Д-да-съ!

Сказать ли всю истину: по секрету, онъ даже заготовилъ на имя извѣстнаго нашего географа, К. И. Арсеньева, довольно страшную резолюцію. „Предоставляется вашему благородію,—писалъ онъ,—на будущее время извѣстную вамъ Византію во всѣхъ учебникахъ географіи числить тако: Константинополь, бывшая Византія, а нынѣ губернскій городъ Екатеринодаръ, стоитъ при изліяніи Чернаго моря въ древнюю Пропонтиду и подъ сѣнь россійской державы пріобрѣтенъ въ 17.. году, съ распространеніемъ на оный единства касс (единство сіе въ томъ состоитъ, что византійскія деньги въ столичномъ городѣ Санктпетербургѣ употребленіе себѣ находить должны). По обширности своей городъ сей, въ административномъ отношеніи, находится въ вѣдѣніи четырехъ градоначальниковъ, кои состоятъ между собой въ непрерывномъ пререканіи. Производитъ торговлю греческими орѣхами и имѣетъ одинъ мыловаренный и два кожевенныхъ завода". Но, увы! дни проходили за днями, мечты Бородавкина росли, а клича все не было. Проходили черезъ Глуповъ войска пѣшія, проходили войска конныя.

— Куда, голубчики?—съ волненіемъ спрашивалъ Бородавкинъ солдатиковъ.

Но солдатики въ трубы трубили, нѣкіи нѣли, носками сапоговъ играли, пыль столбомъ на улицахъ поднимали, и все проходили, все проходили.

— Валомъ валитъ солдатъ!—говорили глуповцы, и казалось имъ, что это люди какіе-то особенные, что они самой природой созданы для того, чтобъ ходить безъ конца, ходить по всѣмъ направ-

леніямъ. Что они спускаются съ одной плоской возвышенности для того, чтобы лѣзть на другую плоскую возвышенность, переходятъ черезъ одинъ мостъ для того, чтобы перейти вслѣдъ затѣмъ черезъ другой мостъ. И еще мостъ, и еще плоскую возвышенность, и еще, и еще...

Въ этой крайности Бородавкинъ понялъ, что для политическихъ предпріятій время еще не наступило и что ему слѣдуетъ ограничить свои задачи только такъ-называемыми насущными потребностями края. Въ числѣ этихъ потребностей первое мѣсто занимала, конечно, цивилизація, или, какъ онъ самъ опредѣлялъ это слово, „наука о томъ, колико каждому Россійской Имперіи доблестному сыну отечества быть твердымъ въ бѣдствіяхъ надлежитъ“.

Полный этихъ смутныхъ мечтаній, онъ явился въ Глуповъ и прежде всего подвергнулъ строгому разсмотрѣнію намѣренія и дѣянія своихъ предшественниковъ. Но когда онъ взглянулъ на скрижали, то такъ и ахнулъ. Вереницею прошли передъ нимъ: и Клементій, и Великановъ, и Ламврокакисъ, и Баклань, и маркизъ де-Санглотъ, и Ѳердыщенко, но что̀ дѣлали эти люди, о чемъ они думали, какія задачи преслѣдовали—вотъ этого-то именно и нельзя было опредѣлить ни подъ какимъ видомъ. Казалось, что весь этотъ рядъ не что иное, какъ сонное мечтаніе, въ которомъ мелькаютъ образы безъ лицъ, въ которомъ звенятъ какіе-то смутные крики, похожіе на отдаленное галдѣнье захмелѣвшей толпы... Вотъ вынла изъ мрака одна тѣнь, хлопнула: разъ—разъ! —и исчезла невѣдомо куда; смотришь, на мѣсто ея выступаетъ уже другая тѣнь, и тоже хлопаетъ какъ попало, и исчезаетъ... „Разворю!“ „Не потерплю!“ —слышится со всѣхъ сторонъ, а что̀ разворю, чего не потерплю—того разобрать невозможно. Радъ бы посторониться, прижаться въ углу, но ни посторониться, ни прижаться нельзя, потому что изъ всякаго угла раздается все то же „разворю!“, которое гонитъ укрывающагося въ другой уголъ и тамъ въ свою очередь опять настигаетъ его. Это была какая-то дикая энергія, лишенная всякаго содержанія, такъ что даже Бородавкинъ, несмотря на свою расторопность, нѣсколько усомнился въ достоинствѣ ея. Одинъ только статскій совѣтникъ Двоекуровъ съ выгодою выдѣлялся изъ этой нестройной толпы администраторовъ, являлъ умъ тонкій и проницательный и вообще выказывалъ себя продолжателемъ того преобразовательнаго

дѣла, которымъ ознаменовалось начало восемнадцатаго столѣтія въ Россіи. Его-то, конечно, и взялъ себѣ Бородавкинъ за образецъ.

Двоекуровъ совершилъ очень много. Онъ вымостилъ улицы: Дворянскую и Большую, собралъ недоимки, покровительствовалъ наукамъ и ходатайствовалъ объ учрежденіи въ Глуповѣ академіи. Но главная его заслуга состояла въ томъ, что онъ ввелъ въ употребленіе горчицу и лавровый листъ. Это послѣднее дѣйствіе до того поразило Бородавкина, что онъ тотчасъ же возъимѣлъ дерзкую мысль поступить точно такимъ же образомъ и относительно прованскаго масла. Начались справки, какія мѣры были употреблены Двоекуровымъ, чтобы достигнуть успѣха въ затѣянномъ дѣлѣ; но такъ какъ архивныя дѣла, по обыкновенію, оказались сгорѣвшими (а быть можетъ и умышленно уничтоженными), то пришлось удовольствоваться изустными преданіями и разсказами.

— Много у насъ всякаго шуму было!—разсказывали старожилы:—и черезъ солдатъ сѣкли, и запросто сѣкли... Многіе даже въ Сибирь черезъ это самое дѣло ушли!

— Стало быть, были бунты?—спрашивалъ Бородавкинъ.

— Мало ли было бунтовъ!

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказывалось, что Двоекуровъ былъ человѣкъ настойчивый и, однажды задумавъ какое-нибудь предпріятіе, доводилъ его до конца. Дѣйствовалъ онъ всегда большими массами, то-есть и усмирялъ, и расточалъ безъ остатка; но въ то же время понималъ, что одного этого средства недостаточно. Поэтому, независимо отъ мѣръ общихъ, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, непрерывно и неустанно дѣлалъ сепаратные набѣги на обывательскіе дома и усмирялъ каждаго обывателя по одиночкѣ. Вообще во всей исторіи Глупова поражаетъ одинъ фактъ: сегодня расточатъ глуповцевъ и уничтожатъ ихъ всѣхъ до единаго, а завтра — смотришь—опять появятся глуповцы и даже, по обычаю, выступятъ впередъ на сходкахъ такъ-называемые „старики“ (должно быть, „изъ молодыхъ да ранніе“). Какимъ образомъ они нарастали—это была тайна, но тайну эту отлично постигъ Двоекуровъ, и потому розогъ не жалѣлъ. Какъ истинный администраторъ, онъ различалъ два сорта сѣченія: сѣченіе безъ разсмотрѣнія и сѣченіе съ разсмотрѣніемъ, и гордился тѣмъ, что первый въ ряду градоначальниковъ ввелъ сѣченіе съ разсмотрѣніемъ, тогда какъ всѣ предшественники

сѣкли какъ попало и часто даже совсѣмъ не тѣхъ, кого слѣдовало. И дѣйствительно, воздѣйствуя разумно и безпрерывно, онъ добился результатовъ самыхъ блестящихъ. Въ теченіе всего его градоначальничества глуповцы не только не садились за столъ безъ горчицы, но даже развели у себя довольно обширныя горчичныя плантаціи для удовлетворенія требованіямъ внѣшней торговли. „И процвѣла оная весь, яко кринъ сельный, посылая сей горькій продуктъ въ отдаленнѣйшія мѣста державы Россійской и получая взамѣнъ онаго драгоцѣнные металлы и мѣха“.

Но въ 1780 году Двоекуровъ умеръ, и два градоначальника, послѣдовавшіе за нимъ, не только не поддержали его преобразованій, но даже, такъ сказать, загадили ихъ. И что всего замѣчательнѣе, глуповцы явились неблагодарными. Они нимало не печалились упраздненію начальственной цивилизаціи и даже какъ будто радовались. Горчицу перестали ѣсть вовсе, а плантаціи перепахали, засадили капустою и засѣяли горохомъ. Однимъ словомъ, произошло то, что всегда случается, когда просвѣщеніе слишкомъ рано приходитъ къ народамъ младенческимъ и въ гражданскомъ смыслѣ незрѣлымъ. Даже лѣтописецъ не безъ ироніи упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ: „Много лѣтъ выводилъ онъ (Двоекуровъ) хитроумное сіе зданіе, а о томъ не догадался, что строитъ на пескѣ“. Но лѣтописецъ, очевидно, и въ свою очередь забываетъ, что въ томъ-то собственно и заключается замысловатость человѣческихъ дѣйствій, чтобы сегодня одно зданіе на „пескѣ“ строить, а завтра, когда оно рухнетъ, начинать новое зданіе на томъ же „пескѣ“ воздвигать.

Такимъ образомъ оказывалось, что Бородавкинъ появился какъ разъ кстати, чтобы спасти погибавшую цивилизацію. Страсть строить на „пескѣ“ была доведена въ немъ почти до изступленія. Дни и ночи онъ все выдумывалъ, что бы такое выстроить, чтобы оно вдругъ, по выстройкѣ, грохнулось и наполнило вселенную пылью и мусоромъ. И такъ думалъ, и этакъ, но настоящимъ манеромъ додуматься все-таки не могъ. Наконецъ, за недостаткомъ оригинальныхъ мыслей, остановился на томъ, что буквально пошелъ по стопамъ своего знаменитаго предшественника.

— Руки у меня связаны, — горько жаловался онъ глуповцамъ: — а то узнали бы вы у меня, гдѣ раки зимуютъ!

Тутъ же кстати онъ довѣдался, что глуповцы, по упущенію, со-

вѣмъ отстали отъ употребленія горчицы, а потому на первый разъ ограничился тѣмъ, что объявилъ это употребленіе обязательнымъ: въ наказаніе же за ослушаніе прибавилъ еще прованское масло. И въ то же время положилъ въ сердцѣ своемъ: дотолѣ не класть оружія, доколѣ въ городѣ останется хоть одинъ недоумѣвающій.

Но глуповцы тоже были себѣ на умѣ. Энергіи дѣйствія они съ большою находчивостью противопоставили энергію бездѣйствія.

— Что хошь съ нами дѣлай! — говорили одни: — хошь — на куски рѣжь, хошь—съ кашей ѣшь, а мы несогласны!

— Съ насъ, братъ, не что возьмешь! — говорили другіе: — мы не то что прочіе, которые тѣломъ обросли! насъ, братъ, и укалунить негдѣ!

И упорно стояли при этомъ на колѣняхъ.

Очевидно, что когда эти двѣ энергіи встрѣчаются, то изъ этого всегда происходитъ нѣчто весьма любопытное. Нѣтъ бунта, но и покорности настоящей нѣтъ. Есть что-то среднее, чему мы видали примѣры при крѣпостномъ правѣ. Бывало, попадется барину тараканъ въ супѣ, призоветъ она повара и велитъ того таракана съѣсть. Возьметъ поваръ таракана въ ротъ, видимымъ образомъ жуетъ его, а глотать не глотаетъ. Точно такъ же было и съ глуповцами: жевали они довольно, а глотать не глотали.

— Сломлю я эту энергію!—говорилъ Бородавкинъ и медленно, безъ торопливости, обдумывалъ планъ свой.

А глуповцы стояли на колѣняхъ и ждали. Знали они, что бунтуютъ, но не стоять на колѣняхъ не могли. Господи! чего ни передумали въ это время! Думаютъ: станутъ они теперь ѣсть горчицу—какъ бы на будущее время еще какую-ни-на-есть мерзость ѣсть не заставили: не станутъ — какъ бы шелеповъ не пришлось отвѣдать. Казалось, что колѣни въ этомъ случаѣ представляютъ средній путь, который можетъ умиротворить и ту, и другую стороны.

И вдругъ затрубила труба и забилъ барабанъ. Бородавкинъ, застегнутый на всѣ пуговицы и полный отваги, выѣхалъ на бѣломъ конѣ. За нимъ слѣдовали пушечный и ружейный снарядъ. Глуповцы думали, что градоначальникъ ѣдетъ покорять Византію, а вышло, что онъ замыслилъ покорить ихъ самихъ...

Такъ начался тотъ замѣчательный рядъ событій, который они-

сываетъ лѣтописецъ подъ общимъ наименованіемъ „войнъ за просвѣщеніе“.

Первая война „за просвѣщеніе“ имѣла, какъ уже сказано выше, поводомъ горчицу и началась въ 1780 году, т.-е. почти вслѣдъ за прибытіемъ Бородавкина въ Глуповъ.

Тѣмъ не менѣе Бородавкинъ сразу палить не рѣшился; онъ былъ слишкомъ педантъ, чтобъ впасть въ столь явную административную ошибку. Онъ началъ дѣйствовать постепенно, и съ этою цѣлью предварительно созвалъ глуповцевъ и сталъ ихъ заманивать. Въ рѣчи, сказанной по этому поводу, онъ подробно развилъ передъ обывателями вопросъ о подспорьяхъ вообще и о горчицѣ, какъ о подспорьи въ особенности; но оттого ли, что въ словахъ его было болѣе личной вѣры въ правоту защищаемаго дѣла, нежели дѣйствительной убѣдительности, или оттого, что онъ, по обычаю своему, не говорилъ, а кричалъ—какъ бы то ни было, результатъ его убѣжденій былъ таковъ, что глуповцы испугались и опять всѣмъ обществомъ пали на колѣни.

„Было чего испугаться глуповцамъ“, говоритъ по этому случаю лѣтописецъ: „стоитъ передъ ними человѣкъ роста невеликаго, изъ себя недородный, словъ не говоритъ, а только крикомъ кричитъ“.

— Поняли, старички? — обратился онъ къ обезнамятѣвшимъ обывателямъ.

Толпа низко кланялась и безмолвствовала. Натурально, это его пуще взорвало.

— Что я... на смерть что-ли васъ веду... ммерррзавцы!

Но едва раздался изъ устъ его новый раскатъ, какъ глуповцы стремительно повскакали съ колѣней и разбѣжались во всѣ стороны.

— Разворю!—закричалъ онъ имъ въ догонку.

Весь этотъ день Бородавкинъ скорбѣлъ. Молча расхаживалъ онъ по заламъ градоначальническаго дома и только изрѣдка тихо произносилъ: „подлецы!“

Болѣе всего заботила его Стрѣлецкая слобода, которая и при предшественникахъ его отличалась самымъ непреоборимымъ упорствомъ. Стрѣльцы довели энергію бездѣйствія почти до утонченности. Они не только не являлись на сходки по приглашеніямъ Бородавкина, но, завидѣвъ его приближеніе, куда-то исчезали, словно сквозь землю

проваливались. Некого было убѣждать, не у кого было ни о чемъ спросить. Слышалось, что кто-то гдѣ-то дрожитъ, но гдѣ дрожитъ и какъ дрожитъ—разыскать невозможно.

Между тѣмъ не могло быть сомнѣнія, что въ Стрѣлецкой слободѣ заключается источникъ всего зла. Самые безотрадные слухи доходили до Бородавкина объ этомъ крамольничьемъ гнѣздѣ. Явился проповѣдникъ, который перелагалъ фамилію „Бородавкинъ“ на цифры и доказывалъ, что ежели выпустить букву *р*, то выйдетъ 666, т.-е. князь тьмы. Ходили по рукамъ полемическія сочиненія, въ которыхъ объяснялось, что горчица есть быліе, выросшее изъ тѣла дѣвки-блудницы, прозванной за свое распутство горькою — оттого-де и пошла въ міръ „горчица“. Даже сочинены были стихи, въ которыхъ авторъ добирался до градоначальниковой родительницы и очень неодобрительно отзывался о ея поведеніи. Внимая этимъ пѣснопѣніямъ и толкованіямъ, стрѣльцы доходили почти до восторженнаго состоянія. Схватившись подъ руки, они бродили вереницей по улицѣ и, дабы навсегда изгнать изъ среды своей духъ робости, во все горло орали.

Бородавкинъ чувствовалъ, какъ сердце его, капля по каплѣ, переполняется горечью. Онъ не ѣлъ, не пилъ, а только произносилъ сквернословія, какъ бы питая ими свою бодрость. Мысль о горчицѣ казалась до того простою и ясною, что непониманіе ея нельзя было истолковать ничѣмъ инымъ, кромѣ злонамѣренности. Сознаніе это было тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ больше долженъ былъ употреблять Бородавкинъ усилій, чтобы обуздывать порывы страстной натуры своей.

— Руки у меня связаны! - повторялъ онъ, задумчиво покусывая темный усъ свой:—а то бы я показалъ вамъ, гдѣ раки зимуютъ!

Но онъ не безъ основанія думалъ, что натуральный исходъ всякой коллизіи есть все-таки свѣченіе, и это сознаніе подкрѣпляло его. Въ ожиданіи этого исхода онъ занимался дѣлами и писалъ втихомолку уставъ „о нестѣсненіи градоначальниковъ законами“. Первый и единственный параграфъ этого устава гласилъ такъ: „ежели чувствуешь, что законъ полагаетъ тебѣ препятствіе, то, снявъ оный со стола, положи подъ себя. И тогда все сіе, сдѣлавшись невидимымъ, много тебя въ дѣйствіи облегчитъ“.

Однакожъ, покуда уставъ еще утвержденъ не былъ, а слѣдовательно и отъ стѣсненій уклониться было невозможно. Черезъ мѣсяцъ Бородавкинъ вновь созвалъ обывателей и вновь закричалъ. Но едва

успѣлъ онъ произнести два первыхъ слова своего привѣтствія („объ оныхъ, стыда ради, умалчиваю", оговаривается лѣтописецъ), какъ глуповцы опять разсыпались, не успѣвъ даже встать на колѣни. Тогда только Бородавкинъ рѣшился пустить въ ходъ настоящую цивилизацію.

Раннимъ утромъ выступилъ онъ въ походъ и далъ дѣлу такой видъ, какъ будто совершаетъ простой военный променадъ. Утро было ясное, свѣжее, чуть-чуть морозное (дѣло происходило въ половинѣ сентября). Солнце играло на каскахъ и ружьяхъ солдатъ: крыши домовъ и улицы были подернуты легкимъ слоемъ инея: вездѣ топились печи и изъ оконъ каждаго дома видѣлось веселое пламя.

Хотя главною цѣлью похода была Стрѣлецкая слобода, но Бородавкинъ хитрилъ. Онъ не пошелъ ни прямо, ни направо, ни налѣво, а сталъ маневрировать. Глуповцы высыпали изъ домовъ на улицу и громкими одобреніями поощряли эволюціи искуснаго вождя.

— Слава-те, Господи! кажется, забылъ про горчицу! — говорили они, снимая шапки и набожно крестясь на колокольню.

А Бородавкинъ все маневрировалъ да маневрировалъ и около полдня достигъ до слободы Негодницы, гдѣ сдѣлалъ привалъ. Тутъ всѣмъ участвующимъ въ походѣ роздали по чаркѣ водки и приказали пѣть пѣсни, а ввечеру взяли въ плѣнъ одну мѣщанскую дѣвицу, отлучившуюся слишкомъ далеко отъ воротъ своего дома.

На другой день, проснувшись рано, стали отыскивать „языка". Дѣлали все это серьезно, не моргнувъ. Привели какого-то еврея и хотѣли сначала повѣсить его, но потомъ вспомнили, что онъ совсѣмъ не для того требовался, и простили. Евреи, положивъ руку подъ стегно, свидѣтельствовали, что надо идти сначала на слободу Навозную, а потомъ кружить по полю до тѣхъ поръ, пока не явится урочище, называемое „Дунькинымъ врагомъ". Оттуда же, миновавъ три повёрки, идти куда глаза глядятъ.

Такъ Бородавкинъ и сдѣлалъ. Но не успѣли люди пройти и четверти версты, какъ почувствовали, что заблудились. Ни земли, ни воды, ни неба — ничего не было видно. Потребовалъ Бородавкинъ къ себѣ вѣроломнаго жида, чтобъ повѣсить, но его ужъ и слѣдъ простылъ (впослѣдствіи оказалось, что онъ бѣжалъ въ Петербургъ, гдѣ въ это время успѣлъ получить концессію на желѣзную дорогу). Плутали такимъ образомъ среди бѣлаго дня довольно продолжительное

время и сдѣлалось съ людьми словно затмѣніе, потому что Навозная слобода стояла въявѣ у всѣхъ на глазахъ, а никто ея не видалъ. Наконецъ спустились на землю дѣйствительныя сумерки и кто-то крикнулъ: „грабятъ!“ Закричалъ какой-то солдатикъ спьяна, а люди замѣшались и, думая, что идутъ стрѣльцы, стали биться. Бились крѣпко всю ночь, бились не глядя, а какъ попало. Много тутъ было раненыхъ, много и убіенныхъ. Только когда ужъ совсѣмъ разсвѣло, увидѣли, что бьются свои съ своими же и что сцена этого недоразумѣнія происходитъ у самой околицы Навозной слободы. Положили: убіенныхъ похоронивъ, заложить на мѣстѣ битвы монументъ, а самый день, въ который она происходила, почтить наименованіемъ „слѣпорода“ и въ воспоминаніе о немъ учредить ежегодное празднество съ свистопляскою.

На третій день сдѣлали привалъ въ слободѣ Навозной; но тутъ, наученные опытомъ, уже потребовали заложниковъ. Затѣмъ, переловивъ обывательскихъ куръ, устроили поминки по убіеннымъ. Странно показалось слобожанамъ это послѣднее обстоятельство, что вотъ человѣкъ игру играетъ, а въ то же время и куръ ловитъ; но такъ какъ Бородавкинъ секрета своего не разглашалъ, то подумали, что такъ слѣдуетъ „по игрѣ“, и успокоились.

Но когда Бородавкинъ, послѣ поминовенія, приказалъ солдатикамъ вытоптать прилегавшее къ слободѣ озимое поле, тогда обыватели призадумались.

— Ужли, братцы, въ самдѣлѣ такая игра есть?—говорили они промежъ себя, но такъ тихо, что даже Бородавкинъ, зорко слѣдившій за направленіемъ умовъ, и тотъ ничего не разслышалъ.

На четвертый день, ни свѣтъ ни заря, отправились къ „Дунькину врагу“, боясь опоздать, потому что переходъ предстоялъ длинный и утомительный. Долго шли и дорогой безпрестанно спрашивали у заложниковъ: скоро ли? Велико было всеобщее изумленіе, когда вдругъ, посреди чистаго поля, аманаты крикнули: „здѣся!“ И было, впрочемъ, чему изумиться: кругомъ не было никакого признака поселенья; далеко-далеко раскинулось голое мѣсто и только вдали углублялся глубокій провалъ, въ который, по преданію, скатилась нѣкогда пушкарская дѣвица Дунька, снѣшившая, въ нетрезвомъ видѣ, на любовное свиданіе.

— Гдѣ жъ слобода?—спрашивалъ Бородавкинъ у аманатовъ.

— Нѣту здѣсь слободы!—отвѣтствовали аманаты:—была слобода, вездѣ прежде слободы были. да солдаты все уничтожили!

Но словамъ этимъ не повѣрили и рѣшили: сѣчь аманатовъ до тѣхъ поръ, пока не укажутъ, гдѣ слобода. Но странное дѣло! чѣмъ больше сѣкли, тѣмъ слабѣе становилась увѣренность отыскать желанную слободу! Это было до того неожиданно, что Бородавкинъ растерзалъ на себѣ мундиръ и, поднявъ правую руку къ небесамъ, погрозилъ пальцемъ и сказалъ:

— Я васъ!

Положеніе было неловкое: наступила темень: сдѣлалось холодно и сыро и въ полѣ показались волки. Бородавкинъ ощутилъ припадокъ благоразумія и издалъ приказъ: всю ночь не спать и дрожать.

На пятый день отправились обратно въ Навозную слободу и по дорогѣ вытоптали озимое поле. Шли цѣлый день, и только къ вечеру, утомленные и проголодавшіеся, достигли слободы. Но тамъ уже никого не застали. Жители, издали завидѣвъ приближающееся войско, разбѣжались, угнали весь скотъ и окопались въ неприступной позиціи. Пришлось брать съ бою эту позицію; но такъ какъ порохъ былъ не настоящій, то, какъ ни палили, никакого вреда, кромѣ нестерпимаго смрада, сдѣлать не могли.

На шестой день Бородавкинъ хотѣлъ-было продолжать бомбардировку, но уже замѣтилъ измѣну. Аманатовъ ночью выпустили и многихъ настоящихъ солдатъ уволили въ чистую и замѣнили оловянными солдатиками. Когда онъ сталъ спрашивать, на какомъ основаніи освободили заложниковъ, ему сослались на какой-то регламентъ, въ которомъ, будто бы, сказано: „аманата сѣчь, а будетъ который ужъ высѣченъ, и такого болѣе сутокъ отнюдь не держать, а выпущать домой на излеченіе“. Волею-неволею Бородавкинъ долженъ былъ согласиться, что поступлено правильно, но тутъ же вспомнилъ про свой проектъ „о нестѣсненіи градоначальниковъ законами“ и горько заплакалъ.

— А это что?—спросилъ онъ, указывая на оловянныхъ солдатиковъ.

— Для легкости, ваше благородіе!—отвѣчали ему:—провіанту не проситъ, а маршировку и онъ исполнять можетъ!

Пришлось согласиться и съ этимъ. Запершись Бородавкинъ въ избѣ и началъ держать самъ съ собою военный совѣтъ. Хотѣлось ему на-

казать „навозныхъ“ за ихъ наглость, но съ другой стороны припоминалась осада Трои, которая длилась цѣлыхъ десять лѣтъ, несмотря на то, что въ числѣ осаждавшихъ были Ахиллесъ и Агамемнонъ. Не лишенія страшили его, не тоска о разлукѣ съ милой супругой печалила, а то, что въ теченіе этихъ десяти лѣтъ можетъ быть замѣчено его отсутствіе изъ Глупова, и притомъ безъ особенной для него выгоды. Вспомнился ему по этому поводу урокъ изъ исторіи, слышанный въ дѣтствѣ, и сильно его взволновалъ. „Несмотря на добродушіе Менелая“, говорилъ учитель исторіи, „никогда спартанцы не были столь счастливы, какъ во время осады Трои; ибо хотя многія бумаги оставались неподписанными, но за то многія же спины пребыли невыстеганными, а второе лишеніе съ лихвою вознаградило за первое...“

Къ довершенію всего, полились затяжные осенніе дожди, угрожая испортить пути сообщенія и прекратить подвозъ продовольствія.

— И на кой чортъ я не пошелъ прямо на стрѣльцовъ!—съ горечью восклицалъ Бородавкинъ, глядя изъ окна на увеличивавшіяся съ минуты на минуту лужи: — въ полчаса былъ бы ужъ тамъ!

Въ первый разъ онъ понялъ, что многоуміе въ нѣкоторыхъ случаяхъ равносильно недоумію, и результатомъ этого сознанія было рѣшеніе: бить отбой, а изъ оловянныхъ солдатиковъ образовать благонадежный резервъ.

На седьмой день выступили чуть свѣтъ, но такъ какъ ночью дорогу размыло, то люди шли съ трудомъ, а орудія вязли въ разступившемся черноземѣ. Предстояло атаковать на пути гору Свистуху; скомандовали: „въ атаку!“, передніе ряды отважно бросились впередъ, но оловянные солдатики за ними не послѣдовали. И такъ какъ на лицахъ ихъ, „ради посѣщенія“, черты были нанесены лишь въ видѣ абриса и притомъ въ большомъ безпорядкѣ, то издали казалось, что солдатики иронически улыбаются. А отъ иронiи до крамолы — одинъ шагъ.

— Трусы! — процѣдилъ сквозь зубы Бородавкинъ, но явно сказать это затруднился и вынужденъ былъ отступить отъ горы съ урономъ.

Пошли въ обходъ, но здѣсь наткнулись на болото, котораго никто не подозрѣвалъ. Посмотрѣлъ Бородавкинъ на геометрическій планъ выгона — вездѣ все пашня да по мокрому мѣсту покосъ, да кустарнику мелкаго часть, да камню часть, а болота нѣтъ, да и полно.

— Нѣтъ тутъ болота, врете вы, подлецы! марить! — скомандовалъ Бородавкинъ, и всталъ на кочку, чтобъ ближе наблюсти за переправой.

Полѣзли люди въ трясину и сразу потопили всю артиллерію. Однако сами кое-какъ выкарабкались, выпачкавшись сильно въ грязи. Выпачкался и Бородавкинъ, но ему было ужъ не до того. Взглянулъ онъ на погибшую артиллерію и, увидѣвъ, что пушки, до половины погруженныя, стоятъ, обративъ жерла къ небу и какъ бы угрожая послѣднему разстрѣляніемъ, началъ тужить и скорбѣть.

— Сколько лѣтъ копилъ, берегъ, холилъ! — роптalъ онъ: — что я теперь дѣлать буду! какъ безъ пушекъ буду править!

Войско было окончательно деморализировано. Когда вылѣзли изъ трясины, передъ глазами опять открылась обширная равнина и опять безъ всякаго признака жилья. По мѣстамъ валялись человѣческія кости и возвышались груды кирпича; все это свидѣтельствовало, что въ свое время здѣсь существовала довольно сильная и своеобразная цивилизація (впослѣдствіи оказалось, что цивилизацію эту, принявъ въ нетрезвенномъ видѣ за бунтъ, уничтожилъ бывшій градоначальникъ Урусъ-Кугушъ-Кильдабаевъ), но съ той поры прошло много лѣтъ, и ни одинъ градоначальникъ не позаботился о возстановленіи ея. По полю пробѣгали какія-то странныя тѣни: до слуха долетали таинственные звуки. Происходило что-то волшебное, въ родѣ того, что изображается въ 3-мъ актѣ „Руслана и Людмилы“, когда на сцену вбѣгаетъ испуганный Фарлафъ. Хотя Бородавкинъ былъ храбрѣе Фарлафа, но и онъ не могъ не содрогнуться при мысли, что вотъ-вотъ на встрѣчу выйдетъ злобная Наина...

Только на восьмой день, около полдня, измученная команда увидѣла стрѣлецкія высоты и радостно затрубила въ рога. Бородавкинъ вспомнилъ, что великій князь Святославъ Игоревичъ, прежде нежели побѣждать враговъ, всегда посылалъ сказать: „иду на вы!“ — и, руководствуясь этимъ примѣромъ, командировалъ своего ординарца къ стрѣльцамъ съ такимъ же привѣтствіемъ.

На другой день, едва позолотило солнце верхи соломенныхъ крышъ, какъ уже войско, предводительствуемое Бородавкинымъ, вступало въ слободу. Но тамъ никого не было, кромѣ заштатнаго попа, который въ эту самую минуту расчитывалъ, не выгоднѣе ли ему перейти въ расколъ. Попъ былъ древній и скорѣе способный поселять уныніе, нежели вливать въ душу храбрость.

— Гдѣ жители?—спрашивалъ Бородавкинъ, сверкая на нона глазами.

— Сейчасъ тутъ были!—шамкалъ губами нонъ.

— Какъ сейчасъ? куда же они бѣжали?

— Куда бѣжать? зачѣмъ отъ своихъ домовъ бѣжать? Чай, здѣсь гдѣ-нибудь отъ тебя схоронились!

Бородавкинъ стоялъ на одномъ мѣстѣ и рылъ ногами землю. Была минута, когда онъ начиналъ вѣрить, что энергія бездѣйствія должна восторжествовать.

— Надо было зимой походъ объявить!—раскаивался онъ въ сердцѣ своемъ:—тогда бы они отъ меня не спрятались.

— Эй! кто тутъ! выходи!—крикнулъ онъ такимъ голосомъ, что оловянные солдатики—и тѣ дрогнули.

Но слобода безмолвствовала, словно вымерла. Вырывались откуда-то вздохи, но таинственность, съ которою они выходили изъ невидимыхъ организмовъ, еще болѣе раздражала огорченнаго градоначальника.

— Гдѣ они, бестіи, вздыхаютъ?—неистовствовалъ онъ, безнадежно озираясь по сторонамъ и видимо теряя всякую сообразительность:—сыскать первую бестію, которая тутъ вздыхаетъ, и привести ко мнѣ!

Бросились искать, но какъ ни шарили, а никого не нашли. Самъ Бородавкинъ ходилъ по улицѣ, заглядывая во всѣ щели—нѣтъ никого! Это до того его озадачило, что самыя разнообразныя мысли вдругъ цѣлымъ потокомъ хлынули въ его голову.

„Ежели я генерича ихъ огнемъ раззорю... нѣтъ, лучше голодомъ поморю!..“—думалъ онъ, переходя отъ одной несообразности къ другой.

И вдругъ онъ остановился, какъ пораженный, передъ оловянными солдатиками.

Съ ними происходило что-то совсѣмъ необыкновенное. Постепенно, въ глазахъ у всѣхъ, солдатики начали наливаться кровью. Глаза ихъ, доселѣ неподвижные, вдругъ стали вращаться и выражать гнѣвъ: усы, нарисованные вкривь и вкось, встали на свои мѣста и начали шевелиться; губы, представлявшія тонкую розовую черту, которая отъ бывшихъ дождей почти уже смылась, оттопырились и изъявляли намѣреніе нѣчто произнести. Появились ноздри, о кото-

рихъ прежде и въ поминѣ не было, и начали раздуваться и свидѣтельствовать о нетерпѣніи.

— Что скажете, служивые?—спросилъ Бородавкинъ.

— Избы... избы... ломать!—невнятно, но какъ-то мрачно произнесли оловянные солдатики.

Средство было отыскано.

Начали съ крайней избы. Съ гикомъ бросились „оловянные“ на крышу и мгновенно остервенились. Полетѣли внизъ вязки соломы, жерди, деревянныя спицы. Взвились вверхъ цѣлыя облака пыли.

— Тише! тише! — крячалъ Бородавкинъ, вдругъ заслышавъ около себя какой-то стонъ.

Стонала вся слобода. Это былъ неясный, но сплошной гулъ, въ которомъ нельзя было различить ни одного отдѣльнаго звука, но который всей своей массой представлялъ едва сдерживаемую боль сердца.

— Кто тутъ? выходи!—опять крикнулъ Бородавкинъ во всю мочь.

Слобода смолкла, но никто не выходилъ. „Чаяли стрѣльцы“, говоритъ лѣтописецъ, „что новое сіе изобрѣтеніе (т.-е. усмиреніе посредствомъ ломки домовъ), подобно всѣмъ прочимъ, одно мечтаніе представляетъ, но недолго пришлось имъ въ сей сладкой надеждѣ себя утѣшать“.

— Катай!—произнесъ Бородавкинъ тверде.

Раздался трескъ и грохотъ; бревна, одно за другимъ, отдѣлялись отъ сруба, и по мѣрѣ того, какъ они падали на землю, стонъ возобновлялся и возрасталъ. Черезъ нѣсколько минутъ крайней избы какъ не бывало, и „оловянные“, ожесточившись, уже брали приступомъ вторую. Но когда спрятавшіеся стрѣльцы, послѣ короткаго перерыва, вновь услышали удары топора, продолжавшаго свое разрушительное дѣло, то сердца ихъ дрогнули. Выползли они всѣ вдругъ, и старые, и малые, и мужескъ, и женскъ полъ, и, воздѣвъ руки къ небу, пали среди площади на колѣни. Бородавкинъ сначала было-разбѣжался, но потомъ вспомнилъ слова инструкціи: „при усмиреніяхъ не столько стараться объ истребленіи, сколько о вразумленіи“—и притихъ. Онъ понялъ, что часъ тріумфа уже наступилъ, и что тріумфъ едва-ли не будетъ полнѣе, если въ результатѣ не окажется ни расквашенныхъ носовъ, ни своротенныхъ на сторону скулъ.

— Принимаете ли горчицу?—внятно спросилъ онъ, стараясь, по возможности, устранить изъ голоса угрожающія ноты.

Толпа безмолвно поклонилась до земли.

— Принимаете ли, спрашиваю я васъ? — повторилъ онъ, начиная ужъ закипать.

— Принимаемъ! принимаемъ!—тихо гудѣла, словно шипѣла, толпа.

— Хорошо. Теперь сказывайте мнѣ, кто промежъ васъ память любезнѣйшей моей родительницы въ стихахъ оскорбилъ?

Стрѣльцы позамялись; неладно имъ показалось выдавать того, кто въ горькія минуты жизни былъ ихъ утѣшителемъ; однако, послѣ минутнаго колебанія, рѣшились исполнить и это требованіе начальства.

— Выходи, Ѳедька! небось! выходи! —раздавалось въ толпѣ.

Вышелъ впередъ бѣлокурый малый и всталъ передъ градоначальникомъ. Губы его подергивались, словно хотѣли сложиться въ улыбку, но лицо было блѣдно какъ полотно и губы тряслись.

— Такъ это ты?—захохоталъ Бородавкинъ и, немного отступя, словно желая осмотрѣть виноватаго во всѣхъ подробностяхъ, повторилъ:—такъ это ты?

Очевидно, въ Бородавкинѣ происходила борьба. Онъ обдумывалъ, мазнуть ли ему Ѳедьку по лицу, или наказать инымъ образомъ. Наконецъ, придумано было наказаніе, такъ сказать, смѣшанное.

— Слушай!—сказалъ онъ, слегка поправивъ Ѳедькину челюсть:—такъ какъ ты память любезнѣйшей моей родительницы обезславилъ, то ты же впредь каждый день долженъ сію драгоцѣнную мнѣ память въ стихахъ прославлять и стихи тѣ ко мнѣ приносить!

Съ этимъ словомъ онъ приказалъ дать отбой.

Бунтъ кончился; невѣжество было подавлено, и на мѣсто его водворено просвѣщеніе. Черезъ полчаса Бородавкинъ, обремененный добычей, въѣзжалъ съ тріумфомъ въ городъ, влача за собой множество плѣнниковъ и заложниковъ. И такъ какъ въ числѣ ихъ оказались нѣкоторые военачальники и другія первыхъ трехъ классовъ особы, то онъ приказалъ обращаться съ ними ласково (выколовъ, однако, для вѣрности, глаза), а прочихъ сослать на каторгу.

Въ тотъ же вечеръ, запершись въ кабинетѣ, Бородавкинъ писалъ въ своемъ журналѣ слѣдующую отмѣтку:

„Сего 17-го сентября, послѣ труднаго, но славнаго девятидневнаго похода, совершилось всерадостнѣйшее и вожделѣннѣйшее событіе. Горчица утверждена повсемѣстно и навсегда, причемъ не было произведено въ расходъ ни единой капли крови“.

„Кромѣ той, — иронически прибавляетъ лѣтописецъ, — которая была пролита у околицы Навозной слободы и въ память которой доднесь празднуется торжество, именуемое свистопляскою“...

Очень можетъ статься, что многое изъ разсказаннаго выше покажется читателю черезъ-чуръ фантастическимъ. Какая надобность была Бородавкину дѣлать девятидневный походъ, когда Стрѣлецкая слобода была у него подъ бокомъ и онъ могъ прибыть туда черезъ полчаса? Какъ могъ онъ заблудиться на городскомъ выгонѣ, который ему, какъ градоначальнику, долженъ быть вполнѣ извѣстенъ? Возможно ли повѣрить исторіи объ оловянныхъ солдатикахъ, которые будто бы не только маршировали, но подъ конецъ даже налились кровью?

Понимая всю важность этихъ вопросовъ, издатель настоящей лѣтописи считаетъ возможнымъ отвѣтить на нихъ нижеслѣдующее: исторія города Глупова прежде всего представляетъ собой міръ чудесъ, отвергать который можно лишь тогда, когда отвергается существованіе чудесъ вообще. Но этого мало. Бываютъ чудеса, въ которыхъ, по внимательномъ разсмотрѣніи, можно подмѣтить довольно яркое реальное основаніе. Всѣ мы знаемъ преданіе о бабѣ Ягѣ костяной ногѣ, которая ѣздила въ ступѣ и погоняла помеломъ, и относимъ эти поѣздки къ числу чудесъ, созданныхъ народною фантазіей. Но никто не задается вопросомъ: почему же народная фантазія произвела именно этотъ, а не иной плодъ? Еслибъ изслѣдователи нашей старины обратили на этотъ предметъ должное вниманіе, то можно быть заранѣе увѣреннымъ, что открылось бы многое, что доселѣ находится подъ спудомъ тайны. Такъ напримѣръ, навѣрное обнаружилось бы, что происхожденіе этой легенды чисто административное, и что баба Яга была не кто иное, какъ градоправительница, или, пожалуй, посадница, которая, для возбужденія въ обывателяхъ спасительнаго страха, именно этимъ способомъ путешествовала по ввѣренному ей краю, причемъ забирала встрѣчавшихся по дорогѣ Иванушекъ и, возвратившись домой, восклицала: „покатаюся, поваляюся, Иванушкина мяса поѣвши“.

Кажется, этого совершенно достаточно, чтобы убѣдить читателя, что лѣтописецъ находится на почвѣ далеко не фантастической, и что все разсказанное имъ о походахъ Бородавкина можно принять за документъ вполнѣ достовѣрный. Конечно, съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что Бородавкинъ девять дней сряду кружитъ по выгону; но не должно забывать, во-первыхъ, что ему незачѣмъ было торопиться, такъ какъ можно было заранѣе предсказать, что предпріятіе его во всякомъ случаѣ окончится успѣхомъ, и, во-вторыхъ, что всякій администраторъ охотно прибѣгаетъ къ эволюціямъ, дабы поразить воображеніе обывателей. Еслибъ можно было представить себѣ такъ-называемое исправленіе на тѣлѣ безъ тѣхъ предварительныхъ обрядовъ, которые ему предшествуютъ, какъ-то: снимація одежды, увѣщаній со стороны лица исправляющаго и испрошенія прощенія со стороны лица исправляемаго, — что бы отъ него осталось? Одна пустая формальность, смыслъ которой былъ бы понятенъ лишь для того, кто ее испытываетъ. Точно то же слѣдуетъ сказать и о всякомъ походѣ, предпринимается ли онъ съ цѣлью покоренія царствъ, или просто съ цѣлью взысканія недоимокъ. Отнимите отъ него „эволюціи“—что останется?

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что Бородавкинъ могъ избѣжать многихъ весьма важныхъ ошибокъ. Такъ напримѣръ, эпизодъ, которому лѣтописецъ присвоилъ названіе „слѣпорода“,—изъ рукъ вонъ плохъ. Но не забудемъ, что успѣхъ никогда не обходится безъ жертвъ, и что если мы очистимъ остовъ исторіи отъ тѣхъ лжей, которыя нанесены на него временемъ и предвзятыми взглядами, то въ результатѣ всегда получится только бо́льшая или ме́ньшая порція „убіенныхъ“. Кто эти „убіенные“? Правы они или виноваты и насколько? Какимъ образомъ они очутились въ званіи „убіенныхъ“?—все это разберется послѣ. Но они необходимы, потому что безъ нихъ не по комъ было бы творить поминки.

Стало быть, остается неочищеннымъ лишь вопросъ объ оловянныхъ солдатикахъ, но и его лѣтописецъ не оставляетъ безъ разъясненія. „Очень часто мы замѣчаемъ,—говоритъ онъ, —что предметы, повидимому, совершенно неодушевленные (камню подобные), начинаютъ ощущать вожделѣніе, какъ только приходятъ въ соприкосновеніе съ зрѣлищами, неодушевленности ихъ доступными“. И въ примѣръ приводитъ какого-то близкаго помѣщика, который, будучи

разбитъ параличомъ, десять лѣтъ лежалъ неподвижнымъ въ креслѣ, но и за всѣмъ тѣмъ радостно мычалъ, когда ему приносили оброкъ...

Всѣхъ войнъ „за просвѣщеніе“ было четыре. Одна изъ нихъ описана выше: изъ остальныхъ трехъ первая имѣла цѣлью разъяснить глуповцамъ пользу отъ устройства подъ домами каменныхъ фундаментовъ; вторая возникла вслѣдствіе отказа обывателей разводить персидскую ромашку, и третья, наконецъ, имѣла поводомъ разнесшійся слухъ объ учрежденіи въ Глуповѣ академіи. Вообще видно, что Бородавкинъ былъ утопистъ, и что еслибъ онъ пожилъ подольше, то навѣрное кончилъ бы тѣмъ, что или былъ бы сосланъ за вольномысліе въ Сибирь, или выстроилъ бы въ Глуповѣ фаланстеръ.

Подробно описывать этотъ рядъ блестящихъ подвиговъ нѣтъ никакой надобности, но нелишне будетъ указать здѣсь на общій характеръ ихъ.

Въ дальнѣйшихъ походахъ со стороны Бородавкина замѣчается весьма значительный шагъ впередъ. Онъ съ бо́льшею тщательностью подготовляетъ матеріалы для возмущеній и съ бо́льшею быстротою подавляетъ ихъ. Самый трудный походъ, имѣвшій поводомъ слухъ о заведеніи академіи, продолжался лишь два дня; остальные—не болѣе нѣсколькихъ часовъ. Обыкновенно Бородавкинъ, напившись утромъ чаю, кликалъ кличъ: сбѣгались оловянные солдатики, мгновенно наливались кровью и во весь духъ бѣжали до мѣста. Къ обѣду Бородавкинъ возвращался домой и пѣлъ благодарственную пѣснь. Такимъ образомъ онъ достигъ, наконецъ, того, что черезъ нѣсколько лѣтъ ни одинъ глуповецъ не могъ указать на тѣлѣ своемъ мѣста, которое не было бы высѣчено.

Со стороны обывателей, какъ и прежде, царствовало полнѣйшее недоразумѣніе. Изъ разсказовъ лѣтописца видно, что они и рады были не бунтовать, но никакъ не могли устроить это, ибо не знали, въ чемъ заключается бунтъ. И въ самомъ дѣлѣ, Бородавкинъ опутывалъ ихъ чрезвычайно ловко. Обыкновенно онъ ничего порядкомъ не разъяснялъ, а дѣлалъ извѣстными свои желанія посредствомъ прокламацій, которыя секретно, по ночамъ, наклеивались на угловыхъ домахъ всѣхъ улицъ. Прокламаціи писались въ духѣ нынѣшнихъ объявленій отъ магазина Кача, причемъ крупными буквами печатались слова совер-

шенно несущественныя, а все существенное изображалось самымъ мелкимъ шрифтомъ. Сверхъ того, допускалось употребленіе латинскихъ названій: такъ напримѣръ, персидская ромашка называлась не персидской ромашкой, а „Pyrethrum roseum“, иначе слюногонъ, слюногонка, жгунецъ, принадлежитъ къ семейству „Compositas“ и т. д. Изъ этого выходило слѣдующее: грамотѣи, которымъ обыкновенно поручалось чтеніе прокламацій, выкрикивали только тѣ слова, которыя были напечатаны прописными буквами, а прочія скрадывали. Какъ напримѣръ (см. прокламацію о персидской ромашкѣ):

ИЗВѢСТНО

какое опустошеніе производятъ клопы, блохи и т. д.

НАКОНЕЦЪ НАШЛИ!!!

Предпріимчивые люди вывезли съ дальняго Востока, и т. д.

Изъ всѣхъ этихъ словъ народъ понималъ только: „извѣстно“ и „наконецъ нашли“. И когда грамотѣи выкрикивали эти слова, то народъ снималъ шапки, вздыхалъ и крестился. Ясно, что въ этомъ не только не было бунта, а скорѣе исполненіе предначертаній начальства. Народъ, доведенный до вздыханія — какого еще идеала можно требовать!

Стало быть, все дѣло заключалось въ недоразумѣніи, и это оказывается тѣмъ достовѣрнѣе, что глуповцы даже и до сего дня не могутъ разъяснить значеніе слова „академія“, хотя его-то именно и напечаталъ Бородавкинъ крупнымъ шрифтомъ (см. въ полномъ собраніи прокламацій № 1089). Мало того: лѣтописецъ доказываетъ, что глуповцы даже усиленно добивались, чтобъ Бородавкинъ пролилъ свѣтъ въ ихъ темныя головы, но успѣха не получили именно по винѣ самого градоначальника. Они нерѣдко ходили всѣмъ обществомъ на градоначальническій дворъ и говорили Бородавкину:

— Развяжи ты насъ, сдѣлай милость! укажи намъ конецъ!

— Прочь, буяны!—обыкновенно отвѣчалъ Бородавкинъ.

— Какіе мы буяны! знать, не видывалъ ты, какіе буяны бываютъ! Сдѣлай милость, скажи!

Но Бородавкинъ молчалъ. Почему онъ молчалъ? потому ли, что считалъ непониманіе глуповцевъ не болѣе какъ уловкой, скрывав-

шей за собой упорное противодѣйствіе, или потому, что хотѣлъ сдѣлать обывателямъ сюрпризъ—достовѣрно опредѣлить нельзя. Но должно думать, что тутъ примѣшивалось отчасти и то, и другое. Никакому администратору, ясно понимающему пользу предпринимаемой мѣры, никогда не кажется, чтобъ эта польза могла быть для кого-нибудь неясною или сомнительною. Съ другой стороны, всякій администраторъ непремѣнно фаталистъ и твердо вѣруетъ, что, продолжая свой административный бѣгъ, онъ, въ концѣ концовъ, все-таки очутится лицомъ къ лицу съ человѣческимъ тѣломъ. Слѣдовательно, если начать предотвращать эту неизбѣжную развязку предварительными разглагольствіями, то не значитъ ли это еще больше растравлять ее и придавать ей болѣе ожесточенный характеръ? Наконецъ, всякій администраторъ добивается, чтобы къ нему питали довѣріе, а какой наилучшій способъ выразить это довѣріе, какъ не безпрекословное исполненіе того, чего не понимаешь?

Какъ бы то ни было, но глуповцы всегда узнавали о предметѣ похода лишь по окончаніи его.

Но какъ ни казались блестящими пріобрѣтенные Бородавкинымъ результаты, въ обществѣ они были далеко не благотворны. Строптивость была истреблена—это правда, но въ то же время было истреблено и довольство. Жители понурили головы и какъ бы захирѣли: нехотя они работали на поляхъ, нехотя возвращались домой, нехотя садились за скудную трапезу и слонялись изъ угла въ уголъ, словно все опостылѣло имъ.

Въ довершеніе всего, глуповцы насѣяли горчицы и персидской ромашки столько, что цѣна на эти продукты упала до невѣроятности. Послѣдовалъ экономическій кризисъ, и не было ни Молинари, ни Безобразова, чтобъ объяснить, что это-то и есть настоящее процвѣтаніе. Не только драгоцѣнныхъ металловъ и мѣховъ не получали обыватели въ обмѣнъ за свои продукты, но не на что было купить даже хлѣба.

Однако до 1790 года дѣло все еще кое-какъ шло. Съ полной порціи обыватели перешли на полупорціи, но даней не задерживали, а къ просвѣщенію оказывали даже нѣкоторое пристрастіе. Въ 1790 году повезли глуповцы на главные рынки свои продукты, и никто у нихъ ничего не купилъ: всѣмъ стало жаль клоповъ. Тогда жители перешли на четверть порціи и задержали дани. Въ это же время,

словно на смѣхъ, вспыхнула во Франціи революція и стало всѣмъ ясно, что „просвѣщеніе“ полезно только тогда, когда оно имѣетъ характеръ непросвѣщенный. Бородавкинъ получилъ бумагу, въ которой ему рекомендовалось: „по случаю извѣстнаго вамъ происшествія извольте прилежно смотрѣть, дабы неисправимое сіе зло искореняемо было безъ всякаго упущенія“.

Только тогда Бородавкинъ спохватился и понялъ, что шелъ слишкомъ быстрыми шагами и совсѣмъ не туда, куда идти слѣдуетъ. Начавъ собирать дани, онъ съ удивленіемъ и негодованіемъ увидѣлъ, что дворы пусты, и что если и встрѣчались кое-гдѣ куры, то и тѣ были тощія отъ безкормицы. Но, по обыкновенію, онъ обсудилъ этотъ фактъ не прямо, а съ своей собственной оригинальной точки зрѣнія, то-есть увидѣлъ въ немъ бунтъ, произведенный на сей разъ уже не невѣжествомъ, а излишествомъ просвѣщенія.

— Вольный духъ завели! разжирѣли!—кричалъ онъ безъ памяти:—на французовъ поглядываете!

И вотъ начался новый рядъ походовъ,—походовъ уже противъ просвѣщенія. Въ первый походъ Бородавкинъ спалилъ слободу Навозную, во второй—разорилъ Негодницу, въ третій—расточилъ Болото. Но подати все задерживались. Наступила минута, когда ему предстояло остаться на развалинахъ одному съ своимъ секретаремъ, и онъ дѣятельно приготовлялся къ этой минутѣ. Но Провидѣніе не допустило того. Въ 1798 году уже собраны были скоровоспалительные матеріалы для сожженія всего города, какъ вдругъ Бородавкина не стало... „Всѣхъ расточилъ онъ,—говоритъ по этому случаю лѣтописецъ,—такъ что даже поповъ для напутствія его не оказалось. Вынуждены были позвать сосѣдняго капитанъ-исправника, который и засвидѣтельствовалъ исшествіе многомятежнаго духа его“.

XI.—Эпоха увольненія отъ войнъ.

Въ 1802 году палъ Негодяевъ. Онъ палъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, за несогласіе съ Новосильцевымъ и Строгоновымъ насчетъ конституцій. Но, какъ кажется, это былъ только благовидный предлогъ, ибо едва-ли даже можно предположить, чтобъ Негодяевъ отказался отъ насажденія конституціи, еслибъ начальство настоятельно того потребовало. Негодяевъ принадлежалъ къ школѣ такъ-называемыхъ „штецовъ“, которымъ было рѣшительно все равно, что ни насаждать. Поэтому дѣйствительная причина его увольненія заключалась едва-ли не въ томъ, что онъ былъ когда-то въ Гатчинѣ истопникомъ и, слѣдовательно, до нѣкоторой степени представлялъ собой гатчинское демократическое начало. Сверхъ того, начальство, повидимому, убѣдилось, что войны за просвѣщеніе, обратившіяся потомъ въ войны противъ просвѣщенія, уже настолько изнурили Глуповъ, что почувствовалась потребность на нѣкоторое время его вообще отъ войнъ освободить. Что предположеніе о конституціяхъ представляло не болѣе какъ слухъ, лишенный твердаго основанія,—это доказывается, во-первыхъ, новѣйшими изслѣдованіями по сему предмету, а во-вторыхъ тѣмъ, что на мѣсто Негодяева градоначальникомъ былъ назначенъ „черкашенинъ“ Микаладзе, который о конституціяхъ едва-ли имѣлъ понятіе болѣе ясное, нежели Негодяевъ.

Конечно, невозможно отрицать, что попытки конституціоннаго свойства существовали; но, какъ кажется, эти попытки ограничивались тѣмъ, что квартальные настолько усовершенствовали свои манеры, что не всякаго прохожаго хватали за воротникъ. Это единственная конституція, которая предполагалась возможною при тогдашнемъ младенческомъ состояніи общества. Прежде всего необходимо было пріучить народъ къ учтивому обращенію, и потомъ уже, смягчивъ его нравы, давать ему настоящія якобы права. Съ точки зрѣнія теоретической такой взглядъ, конечно, совершенно вѣренъ. Но съ другой стороны не мѣшаетъ заслуживаетъ и то соображеніе, что какъ ни привлекательна теорія учтиваго обращенія, но, взятая изолированно, она нимало не гарантируетъ людей отъ внезапнаго вторженія теоріи обращенія неучтиваго (какъ это и доказано впослѣдствіи появленіемъ на аренѣ исторіи такой личности.

какъ маіоръ Угрюмъ-Бурчеевъ), и слѣдовательно если мы дѣйствительно желаемъ утвердить учтивое обращеніе на прочномъ основаніи, то все-таки прежде всего должны снабдить людей настоящими якобы правами. А это въ свою очередь доказываетъ, какъ шатки теоріи вообще и какъ мудро поступаютъ тѣ военачальники, которые относятся къ нимъ съ недовѣрчивостью.

Новый градоначальникъ понялъ это и потому поставилъ себѣ задачею привлекать сердца исключительно посредствомъ изящныхъ манеръ. Будучи въ военномъ чинѣ, онъ не обращалъ вниманія на форму, а о дисциплинѣ отзывался даже съ горечью. Ходилъ всегда въ разстегнутомъ сюртукѣ, изъ-подъ котораго заманчиво виднѣлась снѣжной бѣлизны никейная жилетка и отложные воротнички. Охотно подавалъ подчиненнымъ лѣвую руку, охотно улыбался, и не только не позволялъ себѣ ничего утверждать слишкомъ рѣзко, но даже любилъ, при докладахъ, употреблять выраженія, въ родѣ: „итакъ, вы изволили сказать", или: „я имѣлъ уже честь доложить вамъ" и т. д. Только однажды, выведенный изъ теривнія продолжительнымъ противодѣйствіемъ своего помощника, онъ дозволилъ себѣ сказать: „я уже имѣлъ честь подтверждать тебѣ, курицыну сыну"... но тутъ же спохватился и произвелъ его въ слѣдующій чинъ. Страстный по природѣ, онъ съ увлеченіемъ предавался дамскому обществу, и въ этой страсти нашелъ себѣ преждевременную гибель. Въ оставленномъ имъ сочиненіи „О благовидной госпоцъ градоначальниковъ наружности" (см. далѣе въ оправдательныхъ документахъ) онъ довольно подробно изложилъ свои взгляды на этотъ предметъ, но, какъ кажется, не вполнѣ искренно связалъ свои успѣхи у глуповскихъ дамъ съ какими-то дипломатическими цѣлями. Вѣроятнѣе всего, ему было совѣстно, что онъ, какъ Антоній въ Египтѣ, ведетъ исключительно изнѣженную жизнь, и потому онъ захотѣлъ увѣрить потомство, что иногда и самая изнѣженность можетъ имѣть смыслъ административно-полицейскій. Догадка эта подтверждается еще тѣмъ, что изъ разсказа лѣтописца вовсе не видно, чтобы во время его градоначальствованія производились частые аресты или чтобъ кто-нибудь былъ нещадно битъ, безъ чего, конечно, невозможно было бы обойтись, еслибъ амурная дѣятельность его дѣйствительно была направлена къ огражденію общественной безопасности. Поэтому почти навѣрное можно утверждать, что онъ любилъ амуры для амуровъ, и былъ цѣлите-

лемъ женскихъ амуровъ просто безъ всякихъ политическихъ цѣлей; выдумалъ же эти послѣднія лишь для огражденія себя передъ начальствомъ, которое, несмотря на свой несомнѣнный либерализмъ, все-таки не упускало отъ времени до времени спрашивать: не пора ли начать войну? „Онъ же,—говоритъ по этому поводу лѣтописецъ,—жалѣючи сиротскія слезы, всегда отвѣчалъ: не время, ибо не готовы еще собираемые извѣстнымъ мнѣ способомъ для сего матеріалы. И, не собравъ таковыхъ, умре".

Какъ бы то ни было, но назначеніе Микаладзе было для глуповцевъ явленіемъ въ высшей степени отраднымъ. Предмѣстникъ его, капитанъ Негодяевъ, хотя и не обладалъ такъ-называемымъ „сущимъ" злонравіемъ, но считалъ себя человѣкомъ убѣжденія (лѣтописецъ вездѣ, вмѣсто слова: „убѣжденія", ставитъ слово: „норовъ"), и въ этомъ качествѣ постоянно испытывалъ, достаточно ли глуповцы тверды въ бѣдствіяхъ. Результатомъ такой усиленной административной дѣятельности было то, что къ концу его градоначальничества Глуповъ представлялъ безпорядочную кучу почернѣвшихъ и обветшавшихъ избъ, среди которыхъ лишь съѣзжій домъ гордо высилъ къ небесамъ свою каланчу. Не было ни ѣды настоящей, ни одёжи нарядной. Глуповцы перестали стыдиться, обросли шерстью и сосали лапы.

— Но какъ вы такимъ манеромъ жить можете? — спросилъ у обывателей изумленный Микаладзе.

— Такъ и живемъ, что настоящей жизни не имѣемъ,—отвѣчали глуповцы, и при этомъ не то засмѣялись, не то заплакали.

Понятно, что въ виду такого нравственнаго разстройства главная забота новаго градоначальника была направлена къ тому, чтобъ прежде всего снять съ глуповцевъ испугъ. И надо сказать правду, что онъ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ довольно искусно. Предпринятъ былъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ мѣръ, которыя исключительно клонились къ упомянутой выше цѣли и сущность которыхъ можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: 1) просвѣщеніе и сопряженныя съ нимъ экзекуціи временно прекратить, и 2) законовъ не издавать. Результаты были получены съ перваго же раза изумительные. Не прошло мѣсяца, какъ уже шерсть, которою обросли глуповцы, вылиняла вся безъ остатка, и глуповцы начали стыдиться наготы. Спустя еще одинъ мѣсяцъ, они перестали сосать лапу,

и черезъ полгода въ Глуповъ, послѣ многихъ лѣтъ безмолвія, состоялся первый хороводъ, на которомъ лично присутствовалъ самъ градоначальникъ и потчивалъ женскій полъ печатными пряниками.

Такими-то мирными подвигами ознаменовалъ себя черкашенинъ Микаладзе. Какъ и всякое выраженіе истинно плодотворной дѣятельности, управленіе его не было ни громко, ни блестяще, не отличалось ни внѣшними завоеваніями, ни внутренними потрясеніями, но оно отвѣчало потребности минуты и вполнѣ достигало тѣхъ скромныхъ цѣлей, которыя предположило себѣ. Видимыхъ фактовъ было мало, но слѣдствія безчисленны. „Мудрые міра сего!—восклицаетъ по этому поводу лѣтописецъ:—прилежно о семъ помыслите! и да не смущаются сердца ваши при взглядѣ на шелепа и иныя орудія, въ коихъ, по высокоумному мнѣнію вашему, якобы сила и свѣтъ просвѣщенія замыкаются!“

По всѣмъ этимъ причинамъ, издатель настоящей исторіи находитъ совершенно естественнымъ, что лѣтописецъ, описывая административную дѣятельность Микаладзе, не очень-то щедръ на подробности. Градоначальникъ этотъ важенъ не столько какъ прямой дѣятель, сколько какъ первый зачинатель на томъ мирномъ пути, по которому чуть-чуть было не пошла глуповская цивилизація. Благотворная сила его дѣйствій была неуловима, ибо такія мѣропріятія, какъ рукопожатіе, ласковая улыбка и вообще кроткое обращеніе, чувствуются лишь непосредственно и не оставляютъ яркихъ и видимыхъ слѣдовъ въ исторіи. Они не производятъ переворота ни въ экономическомъ, ни въ умственномъ положеніи страны, но ежели вы сравните эти административныя проявленія съ такими, напримѣръ, какъ обозваніе управляемыхъ курицыными дѣтьми или безпрерывное ихъ сѣченіе, то должны будете сознаться, что разница тутъ огромная. Многіе, разсматривая дѣятельность Микаладзе, находятъ ее не во всѣхъ отношеніяхъ безупречною. Говорятъ, напримѣръ, что онъ не имѣлъ никакого права прекращать просвѣщеніе—это такъ. Но съ другой стороны, если съ просвѣщеніемъ фаталистически сопряжены экзекуціи, то не требуетъ ли благоразуміе, чтобъ даже и въ такомъ, очевидно, полезномъ дѣлѣ допускались краткіе часы для отдохновенія? И еще что говорятъ: Микаладзе не имѣлъ права не издавать законовъ—и это, конечно, справедливо. Но, съ другой стороны, не видимъ ли мы, что народы самые образованные напаче почитаютъ себя

счастливыми въ воскресные и праздничные дни, то-есть тогда, когда начальники мнятъ себя отъ писанія законовъ свободными?

Пренебречь этими указаніями опыта едва-ли возможно. Пускай разсказъ лѣтописца страдаетъ недостаткомъ яркихъ и осязательныхъ фактовъ — это не должно мѣшать намъ признать, что Микаладзе былъ первый въ ряду глуповскихъ градоначальниковъ, который установилъ драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ административныхъ прецедентовъ — прецедентъ кроткаго и безсквернаго славословія. Положимъ, что прецедентъ этотъ не представлялъ ничего особенно твердаго: положимъ, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи онъ подвергался многимъ случайностямъ, болѣе или менѣе жестокимъ; но нельзя отрицать, что, будучи однажды введенъ, онъ уже никогда не умиралъ совершенно, а время отъ времени даже довольно вразумительно напоминалъ о своемъ существованіи. Ужели же этого мало?

Одну имѣлъ слабость этотъ достойный правитель—это какое-то неудержимое, почти горячечное стремленіе къ женскому полу. Лѣтописецъ довольно подробно останавливается на этой особенности своего героя, но замѣчательно, что въ разсказѣ его не видится ни горечи, ни озлобленія. Одинъ только разъ онъ выражается такъ: „много было отъ него порчи женамъ и дѣвамъ глуповскимъ“, и этимъ какъ будто даетъ понять, что и по его мнѣнію, все-таки, было бы лучше, еслибъ порчи не было. Но прямого негодованія нигдѣ и ни въ чемъ не выказывается. Впрочемъ мы не послѣдуемъ за лѣтописцемъ въ изображеніи этой слабости, такъ какъ желающіе познакомиться съ нею могутъ почерпнуть все нужное изъ прилагаемаго сочиненія: „О благовидной градоначальниковъ наружности“, написаннаго самимъ высокопоставленнымъ авторомъ. Справедливость требуетъ, однакожъ, сказать, что въ сочиненіи этомъ пропущено одно довольно крупное обстоятельство, о которомъ упоминается въ лѣтописи. А именно: однажды Микаладзе забрался ночью къ женѣ мѣстнаго казначея, но едва успѣлъ отрѣшиться отъ узъ (такъ называетъ лѣтописецъ мундиръ), какъ былъ застигнутъ врасплохъ ревнивцемъ-мужемъ. Произошла баталія, во время которой Микаладзе не столько сражался, сколько былъ сражаемъ. Но такъ какъ онъ вслѣдъ затѣмъ умылся, то, разумѣется, слѣдовъ отъ безчестья не осталось никакихъ. Кажется, это была единственная неудача, которую онъ потерпѣлъ въ этомъ родѣ, и потому понятно, что онъ не упомянулъ о ней въ своемъ

сочиненій. Это была такая ничтожная подробность въ громадной серіи многотрудныхъ его подвиговъ по сей части, что не вызвала въ немъ даже потребности въ стратегическихъ соображеніяхъ, могущихъ обезпечить его походы на будущее время...

Микаладзе умеръ въ 1806 году, отъ истощенія силъ.

Когда почва была достаточно взрыхлена учтивымъ обращеніемъ и народъ отдохнулъ отъ просвѣщенія, тогда сама собой стала на очередь потребность въ законодательствѣ. Отвѣтомъ на эту потребность явился статскій совѣтникъ Ѳеофилактъ Иринарховичъ Беневоленскій, другъ и товарищъ Сперанскаго по семинаріи.

Съ самой ранней юности Беневоленскій чувствовалъ непреоборимую наклонность къ законодательству. Сидя на скамьяхъ семинаріи, онъ уже начерталъ нѣсколько законовъ, между которыми наболѣе замѣчательны слѣдующіе: „всякій человѣкъ да имѣетъ сердце сокрушенно". „всяка душа да трепещетъ" и „всякій сверчокъ да познаетъ соотвѣтствующій званію его шестокъ". Но чѣмъ болѣе росъ высокодаровитый юноша, тѣмъ непреоборимѣе дѣлалась врожденная въ немъ страсть. Что изъ него долженъ во всякомъ случаѣ образоваться законодатель — въ этомъ никто не сомнѣвался: вопросъ заключался только въ томъ, какого сорта выйдетъ этотъ законодатель, то-есть напомнитъ ли онъ собой глубокомысліе и административную прозорливость Ликурга, или просто будетъ твердъ, какъ Драконъ. Онъ самъ чувствовалъ всю важность этого вопроса, и въ письмѣ къ „извѣстному другу" (не скрывается ли подъ этимъ именемъ Сперанскій?) слѣдующимъ образомъ описываетъ свои колебанія по этому случаю.

„Сижу я, — пишетъ онъ, — въ уныломъ моемъ уединеніи, и всеминутно о томъ мыслю, какіе законы къ употребленію наболѣе благопотребны суть. Есть законы мудрые, которые хотя человѣческое счастіе устроютъ (таковы, напримѣръ, законы о повсемѣстномъ всѣхъ людей продовольствованіи), но, по обстоятельствамъ, не всегда бываютъ полезны; есть законы немудрые, которые, ничьего счастья не устроя, по обстоятельствамъ бываютъ, однакожъ, благопотребны (примѣровъ сему не привожу: самъ знаешь!); и есть, наконецъ, законы средніе, не очень мудрые, но и не весьма немудрые, такіе, которые, не будучи ни полезными, ни безполезными, бываютъ однакожъ благо-

потребны въ смыслѣ наилучшаго человѣческой жизни наполненія. Напримѣръ, когда мы забываемся и начинаемъ мнить себя безсмертными, сколь освѣжительно дѣйствуетъ на насъ сіе простое выраженіе: memento mori! Такъ точно и тутъ. Когда мы мнимъ, что счастію нашему нѣтъ предѣловъ, что мудрые законы не при насъ писаны, а дѣйствію немудрыхъ мы не подлежимъ, тогда являются на помощь законы средніе, которыхъ роль въ томъ и заключается, чтобъ напоминать живущимъ, что нѣсть на землѣ дыханія, для котораго не было бы своевременно написано хотя какого-нибудь закона. И повѣришь ли, другъ? чѣмъ больше я размышляю, тѣмъ больше склоняюсь въ пользу законовъ среднихъ. Они очаровываютъ мою душу, потому что это собственно даже не законы, а скорѣе, такъ сказать, *сумракъ* законовъ. Вступая въ ихъ область, чувствуешь, что находишься въ общеніи съ легальностью, но въ чемъ состоитъ это общеніе—не понимаешь. И все сіе совершается помимо всякаго размышленія; ни о чемъ не думаешь, ничего опредѣленнаго не видишь, но въ то же время чувствуешь какое-то безпокойство, которое кажется неопредѣленнымъ, потому что ни на что въ особенности не опирается. Это, такъ сказать, апокалипсическое письмо, которое можетъ понять только тотъ, кто его получаетъ. Средніе законы имѣютъ въ себѣ то удобство, что всякій, читая ихъ, говоритъ: „какая глупость!“ а между тѣмъ всякій же неудержимо стремится исполнять ихъ. Ежели бы, напримѣръ, издать такой законъ: „всякій да ѣстъ“, то это будетъ именно образецъ тѣхъ среднихъ законовъ, къ выполненію которыхъ каждый устремляется безъ малѣйшихъ мѣръ понужденія. Ты спросишь меня, другъ: зачѣмъ же издавать такіе законы, которые и безъ того всѣми исполняются? На это отвѣчу: цѣль изданія законовъ двоякая: одни издаются для вящаго народовъ и странъ устроенія, другіе — для того, чтобы законодатели не коснѣли въ праздности“...

И такъ далѣе.

Такимъ образомъ, когда Беневоленскій прибылъ въ Глуповъ, взглядъ его на законодательство ужъ установился, и установился именно въ томъ смыслѣ, который всего болѣе удовлетворялъ потребностямъ минуты. Стало быть, благополучіе глуповцевъ, начатое черкашенинымъ Микладзе, не только не нарушилось, но получило лишь нущее утвержденіе. Глупову именно нуженъ былъ „сумракъ законовъ“, то-есть такіе законы, которые, съ пользою занимая досуги

законодателей, никакого внутренняго касательства до посторонних лицъ имѣть не могутъ. Иногда подобные законы называются даже мудрыми, и, по мнѣнію людей компетентныхъ, въ этомъ названіи нѣтъ ничего ни преувеличеннаго, ни заслуженнаго.

Но тутъ встрѣтилось непредвидѣнное обстоятельство. Едва Беневоленскій приступилъ къ изданію перваго закона, какъ оказалось, что онъ, какъ простой градоначальникъ, не имѣетъ даже права издавать собственные законы. Когда секретарь доложилъ объ этомъ Беневоленскому, онъ сначала не повѣрилъ ему. Стали рыться въ сенатскихъ указахъ, но хотя перешарили весь архивъ, а такого указа, который уполномочивалъ бы Бородавкиныхъ, Двоекуровыхъ, Великановыхъ, Беневоленскихъ и т. п. издавать собственнаго измышленія законы—не оказалось.

— Безъ закона все что̀ угодно можно!—говорилъ секретарь:—только вотъ законовъ писать нельзя-съ!

— Странно!—молвилъ Беневоленскій, и въ ту же минуту отписалъ по начальству о встрѣченномъ имъ затрудненіи.

„Прибылъ я въ городъ Глуповъ“, писалъ онъ, „и хотя увидѣлъ „жителей, предмѣстникомъ моимъ въ тучное состояніе приведенныхъ, „но въ законахъ встрѣтилъ столь великое оскудѣніе, что обыватели „даже различія никакого между закономъ и естествомъ не полагаютъ. „И тако, безъ явнаго свѣтильника, въ претемной ночи бродятъ. Въ „сей крайности спрашиваю я себя: ежели кому изъ бродягъ сихъ „случится отступиться или въ пропасть впасть, что̀ ихъ отъ такового „паденія остережетъ? Хотя же въ Россійской Державѣ законами изо„билью, но всѣ таковые по разнымъ дѣламъ разбрелись, и даже „весьма уповательно, что̀ большая ихъ часть въ бывшіе пожары сго„рѣла. И того ради, существенная видится въ томъ нужда, дабы „можно было мнѣ, яко градоначальнику, издавать, для скорости, „собственнаго моего умысла законы, хотя бы даже не перваго сорта „(о семъ и помыслить не смѣю!), но второго или третьяго. Въ сей „мысли еще болѣе меня утверждаетъ то, что городъ Глуповъ, по са„мой природѣ своей, есть, такъ сказать, область второзаконія, для „которой нѣтъ даже надобности въ законахъ отяготительныхъ и „многосмысленныхъ. Въ ожиданіи же милостиваго на сіе мое хода„тайство разрѣшенія, пребываю“ и т. д.

Отвѣтъ на это представленіе послѣдовалъ скоро.

„На представленіе“ — писалось Беневоленскому — „о считаньи „города Глупова областью второзаконія, предлагается на разсужденіе „ваше слѣдующее:

„1) Ежели таковыхъ областей, въ коихъ градоначальники ста„нутъ второго сорта законы сочинять, явится изрядное количество, „то не произойдетъ ли отъ сего нѣкотораго для архитектуры Рос„сійской Державы поврежденія?

„и 2) Ежели будетъ предоставлено градоначальникамъ, яко градо„начальникамъ. второго сорта законы сочинять, то не придется ли „потомъ и сотскимъ, яко сотскимъ, таковые жъ законы издавать „предоставить, и какого тѣ законы будутъ сорта?“

Беневоленскій понялъ, что запросъ этотъ заключаетъ въ себѣ косвенный отказъ, и опечалился этимъ глубоко. Современники объясняютъ это огорченіе тѣмъ, будто бы души его уже коснулся ядъ единовластія: но это едва-ли такъ. Когда человѣкъ и безъ законовъ имѣетъ возможность дѣлать все что̀ угодно, то странно подозрѣвать его въ честолюбіи за такое дѣйствіе, которое не только не распространяетъ, но именно ограничиваетъ эту возможность. Ибо законъ, каковъ бы онъ ни былъ (даже такой, какъ напримѣръ: „всякій да ястъ“, или „всяка душа да трепещетъ“), все-таки имѣетъ ограничивающую силу, которая никогда честолюбцамъ не по душѣ. Очевидно, стало быть, что Беневоленскій былъ не столько честолюбецъ, сколько добросердечный доктринеръ, которому казалось предосудительнымъ даже утереть себѣ носъ, если въ законахъ не формулировано ясно, что „всякій имѣющій надобность утереть свой носъ — да утретъ“.

Какъ бы то ни было, но Беневоленскій настолько огорчился отказомъ, что удалился въ домъ кунчихи Расиновой (которую уважалъ за искусство печь пироги съ начинкой), и, чтобы дать исходъ пожиравшей его жаждѣ умственной дѣятельности, съ упоеніемъ предался сочиненію проповѣдей. Цѣлый мѣсяцъ во всѣхъ городскихъ церквахъ читали поны эти мастерскія проповѣди, и цѣлый мѣсяцъ вздыхали глуповцы, слушая ихъ — такъ чувствительно онѣ были написаны. Самъ градоначальникъ училъ поповъ, какъ произносить ихъ.

— Проповѣдникъ, — говорилъ онъ, — обязанъ имѣть сердце сокрушенное и, слѣдственно, главу слегка наклоненную на бокъ. Гласъ не лаятельный, но томный, какъ бы воздыхающій. Руками не неистовствовать, но, утвердивъ первоначально правую руку близъ сердца (сего

истиннаго источника всѣхъ воздыханій), постепенно оную отодвигать въ пространство, а потомъ вспять къ тому же источнику обращать. Въ патетическихъ мѣстахъ не выкрикивать и ненужныхъ словъ отъ себя не сочинять, но токмо воздыхать громчае.

А глуповцы, между тѣмъ, тучнѣли все больше, и Беневоленскій не только не огорчался этимъ, но радовался. Ни разу не пришло ему на мысль: а что, кабы симъ благополучнымъ людямъ да кровь пустить? Напротивъ того, наблюдая изъ оконъ дома Распоповой, какъ обыватели бродятъ, переваливаясь, по улицамъ, онъ даже задавалъ себѣ вопросъ: не потому ли люди сіи и благополучны, что никакого сорта законы не тревожатъ ихъ? Однакожъ, послѣднее предположеніе было слишкомъ горько, чтобы мысль его успокоилась на немъ. Едва отрывалъ онъ взоры отъ ликующихъ глуповцевъ, какъ тоска по законодательству снова овладѣвала имъ.

— Я даже изобразить сего не въ состояніи, почтеннѣйшая моя Марѳа Терентьевна,—обращался онъ къ кумачихѣ Распоповой: — что бы я такое надѣлалъ, и какъ были бы сіи люди противъ нынѣшняго благополучіе, еслибъ мнѣ хотя по одному закону въ день издавать предоставлено было!

Наконецъ онъ не выдержалъ. Въ одну темную ночь, когда не только будочники, но и собаки спали, онъ вышелъ крадучись на улицу и во множествѣ разбросалъ листочки, на которыхъ былъ написанъ первый, сочиненный имъ для Глупова, законъ. И хотя онъ понималъ, что этотъ путь распубликованія законовъ весьма предосудителенъ, но долго сдерживаемая страсть къ законодательству такъ громко вопіяла объ удовлетвореніи, что передъ голосомъ ея умолкли даже доводы благоразумія.

Законъ былъ, видимо, написанъ второпяхъ, а потому отличался необыкновенною краткостью. На другой день, идя на базаръ, глуповцы подняли съ полу бумажки и прочитали слѣдующее:

Законъ 1-й.

„Всякій человѣкъ да опасно ходитъ; откупщикъ же да принесетъ дары“.

И только. Но смыслъ закона былъ ясенъ, и откупщикъ на другой же день явился къ градоначальнику. Произошло объясненіе; откуп-

щикъ доказывалъ, что онъ и прежде былъ готовъ, по мѣрѣ возможности; Беневоленскій же возражалъ, что онъ въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи оставаться не можетъ; что такое выраженіе, какъ „мѣра возможности“, ничего не говоритъ ни уму, ни сердцу, и что ясенъ только законъ. Остановились на трехъ тысячахъ рублей въ годъ и постановили считать эту цифру законною, до тѣхъ поръ, однакожъ, пока „обстоятельства перемѣны законамъ не сдѣлаютъ“.

Разсказавъ этотъ случай, лѣтописецъ спрашиваетъ себя: была ли польза отъ такого закона? и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. „Напоминаніемъ объ опасномъ хожденіи,—говоритъ онъ,—жители города Глупова нимало потревожены не были, ибо и до того, по самой своей природѣ, великую къ таковому хожденію способность имѣли и повсеминутно въ ономъ упражнялись. Но откупщикъ пользу того узаконенія ощутилъ подлинно, ибо когда преемникъ Беневоленскаго, Прыщъ, вмѣсто обычныхъ трехъ тысячъ, потребовалъ противъ прежняго вдвое, то откупщикъ продерзостно отвѣчалъ: „не могу, ибо по закону болѣе трехъ тысячъ давать не обязываюсь. Прыщъ же сказалъ: „и мы тотъ законъ перемѣнимъ“. И перемѣнилъ.

Ободренный успѣхомъ перваго закона, Беневоленскій началъ дѣятельно приготовляться къ изданію второго. Плоды оказались скорые, и на улицахъ города, тѣмъ же таинственнымъ путемъ, явился новый и уже болѣе пространный законъ, который гласилъ такъ:

Устав

о добропорядочномъ пироговъ печеніи.

„1. Всякій да печетъ по праздникамъ пироги, не возбраняя „себѣ таковое печеніе и въ будни.

„2. Начинку всякій да употребляетъ по состоянію. Такъ: ойманъ въ рѣкѣ рыбу — класть; изрубивъ намелко скотское мясо — „класть же; изрубивъ капусту — тоже класть. Люди неимущіе да „кладутъ требуху.

„*Примѣчаніе*. Дѣлать пироги изъ грязи, глины и строитель„ныхъ матеріаловъ навсегда возбраняется.

„3. По положеніи начинки и удобреніи оной должнымъ числомъ

„масла и яицъ. класть пирогъ въ печь и содержать въ вольномъ „духѣ, доколѣ не зарумянится.

„4. По вынутіи изъ печи, всякій да возьметъ въ руку ножъ и, „вырѣзавъ изъ середины часть, да принесетъ оную въ даръ.

„5. Исполнившій сіе да ястъ“.

Глуповцы тѣмъ быстрѣе поняли смыслъ этого новаго узаконенія, что они издревле были пріучены вырѣзывать часть своего пирога и приносить ее въ даръ. Хотя же въ послѣднее время, при либеральномъ управленіи Микаладзе, обычай этотъ, по упущенію, не исполнялся, но они не роптали на его возобновленіе, ибо надѣялись, что онъ еще тѣснѣе скрѣпитъ благожелательныя отношенія, существовавшія между ними и новымъ градоначальникомъ. Всѣ наперерывъ спѣшили обрадовать Беневоленскаго; каждый приносилъ лучшую часть, а нѣкоторые дарили даже по цѣлому пирогу.

Съ тѣхъ поръ законодательная дѣятельность въ городѣ Глуповѣ закипѣла. Не проходило дня, чтобъ не явилось новаго подметнаго письма и чтобы глуповцы не были чѣмъ-нибудь обрадованы. Насталъ, наконецъ, моментъ, когда Беневоленскій началъ даже помышлять о конституціи.

— Конституція, доложу я вамъ, почтеннѣйшая моя Марѳа Терентьевна, — говорилъ онъ купчихѣ Распоповой, — вовсе не такое ужъ пугало, какъ люди несмысленные о семъ полагаютъ. Смыслъ каждой конституціи таковъ: всякій въ дому своемъ благополучно да почиваетъ! Что же тутъ, спрашиваю я васъ, сударыня моя, страшнаго или презорнаго?

И началъ онъ обдумывать свое намѣреніе: но чѣмъ больше думалъ, тѣмъ болѣе запутывался въ своихъ мыслях. Всего болѣе его смущало то, что онъ не могъ дать достаточно твердаго опредѣленія слову: „права“. Слово „обязанности“ онъ сознавалъ очень ясно, такъ что могъ объ этомъ предметѣ исписать цѣлыя дести бумаги, но „права“ — что такое „права“? Достаточно ли было опредѣлить ихъ, сказавъ: „всякій въ дому своемъ благополучно да почиваетъ“? не будетъ ли это черезъ-чуръ ужъ кратко? А съ другой стороны, если пуститься въ разъясненія, не будетъ ли черезъ-чуръ ужъ обширно и для самихъ глуповцевъ обременительно?

Сомнѣнія эти разрѣшились тѣмъ, что Беневоленскій, въ видѣ переходной мѣры, издалъ „Уставъ о свойственномъ градоначальнику

добросердечіи". который, по обширности его, помѣщается въ оправдательныхъ документахъ.

— Знаю я,—говорилъ онъ по этому случаю купчихѣ Распоповой,—что истинной конституціи документъ сей въ себѣ еще не заключаетъ, но прошу васъ, моя почтеннѣйшая, принять въ соображеніе, что никакое зданіе, хотя бы даже то былъ куриный хлѣвъ, разомъ не завершается! По времени, выполнимъ и остальное достолюбезное намъ дѣло, а теперь утѣшимся тѣмъ, что возложимъ упованіе наше на Бога!

Тѣмъ не менѣе, нѣтъ никакого повода сомнѣваться, что Беневоленскій рано или поздно привелъ бы въ исполненіе свое намѣреніе, но въ это время надъ нимъ уже нависли тучи. Виною всему былъ Бонапартъ. Наступилъ 1811 годъ, и отношенія Россіи къ Наполеону сдѣлались чрезвычайно натянутыми. Однакожъ, слава этого новаго „бича Божія" еще не померкла и даже достигла Глупова. Тамъ, между многочисленными его почитательницами (замѣчательно, что особенною приверженностью къ врагу человѣчества отличался женскій полъ), самый горячій фанатизмъ выказывала купчиха Распопова.

— Ужъ какъ мнѣ этого Бонапарта захотѣлось!—говаривала она Беневоленскому:—кажется, ничего бы не пожалѣла, только бы глазкомъ на него взглянуть!

Сначала Беневоленскій сердился и даже называлъ рѣчи Распоповой „дурыми"; но такъ какъ Марѳа Терентьевна не унималась, а все больше и больше приставала къ градоначальнику: вынь да положь Бонапарта, то подъ конецъ онъ изнемогъ. Онъ понялъ, что не исполнить требованіе „дурьей породы" невозможно, и мало-по-малу пришелъ даже къ тому, что не находилъ въ немъ ничего предосудительнаго.

— Что же! пущай дурья порода натѣшится!—говорилъ онъ себѣ въ утѣшеніе:—кому отъ того убытокъ!

И вотъ онъ вступилъ въ секретныя сношенія съ Наполеономъ.

Какимъ образомъ объ этихъ сношеніяхъ было узнано — это извѣстно одному Богу, но кажется, что самъ Наполеонъ разболталъ о томъ князю Куракину во время одного изъ своихъ petits levés. И вотъ, въ одно прекрасное утро, Глуповъ былъ изумленъ, узнавъ, что имъ управляетъ не градоначальникъ, а измѣнникъ, и что изъ губерніи ѣдетъ особенная коммисія ревизовать его измѣну.

Тутъ открылось все: и то, что Беневоленскій тайно призывалъ Наполеона въ Глуповъ, и то, что онъ издавалъ свои собственные законы. Въ оправданіе свое онъ могъ сказать только то, что никогда глуповцы въ столь тучномъ состояніи не были, какъ при немъ, но оправданіе это не приняли, или, лучше сказать, отвѣтили на него такъ, что „правѣе бы онъ былъ, еслибъ глуповцевъ совсѣмъ въ отощаніе привелъ, лишь бы отъ изданія нелѣпыхъ своихъ строчекъ, кои продерзостно законами именуетъ, воздержался".

Была теплая лунная ночь, когда къ градоначальническому дому подвезли кибитку. Беневоленскій твердою поступью сошелъ на крыльцо и хотѣлъ-было поклониться на всѣ четыре стороны, какъ съ смущеніемъ увидѣлъ, что на улицѣ никого нѣтъ, кромѣ двухъ жандармовъ. По обыкновенію, глуповцы и въ этомъ случаѣ удивили міръ своею неблагодарностью, и какъ только узнали, что градоначальнику приходится плохо, такъ тотчасъ же лишили его своей популярности. Но какъ ни горька была эта чаша, Беневоленскій испилъ ее съ бодрымъ духомъ. Внятнымъ и яснымъ голосомъ онъ произнесъ: „бездѣльники!" и, сѣвъ въ кибитку, благополучно прослѣдовалъ въ тотъ край, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

Такъ окончилъ свое административное поприще градоначальникъ, въ которомъ страсть къ законодательству находилась въ непрерывной борьбѣ съ страстью къ пирогамъ. Изданные имъ законы въ настоящее время, впрочемъ, дѣйствія не имѣютъ.

По счастью глуповцевъ, повидимому, не предстояло еще скораго конца. На смѣну Беневоленскому явился подполковникъ Прыщъ и привезъ съ собою систему администраціи еще болѣе упрощенную.

Прыщъ былъ уже немолодъ, но сохранился необыкновенно. Плечистый, сложенный кряжемъ, онъ всею своею фигурой такъ, казалось, и говорилъ: не смотрите на то, что у меня сѣдые усы: я могу! я еще очень могу! Онъ былъ румянъ, имѣлъ алыя и сочныя губы, изъ-за которыхъ видѣлся рядъ бѣлыхъ зубовъ; походка у него была дѣятельная и бодрая, жестъ быстрый. И все это украшалось блестящими штабъ-офицерскими эполетами, которые такъ и играли на плечахъ при малѣйшемъ его движеніи.

По принятому обыкновенію, онъ сдѣлалъ рекомендательные ви-

зиты къ городскимъ властямъ и прочимъ знатнымъ обоего пола особамъ, и при этомъ развилъ передъ ними свою программу.

— Я человѣкъ простой-съ,—говорилъ онъ однимъ:—и не для того сюда пріѣхалъ, чтобъ издавать законы-съ. Моя обязанность наблюсти, чтобы законы были въ цѣлости и не валялись по столамъ-съ. Конечно, и у меня есть планъ кампаніи, но этотъ планъ таковъ: отдохнуть-съ!

Другимъ онъ говорилъ такъ:

— Состояніе у меня, благодареніе Богу, изрядное. Командовалъ-съ, стало быть не растратилъ, а умножилъ-съ. Слѣдственно, какіе есть насчетъ этого законы—тѣ знаю, а новыхъ издавать не желаю. Конечно, многіе на моемъ мѣстѣ понеслись бы въ атаку, а можетъ быть даже устроили бы бомбардировку, но я человѣкъ простой и утѣшенія для себя въ атакахъ не вижу-съ!

Третьимъ высказывался такъ:

— Я не либералъ и либераломъ никогда не бывалъ-съ. Дѣйствую всегда прямо и потому даже отъ законовъ держусь въ отдаленіи. Въ затруднительныхъ случаяхъ приказываю поискать, но требую одного: чтобъ законъ былъ старый. Новыхъ законовъ не люблю съ. Многое въ нихъ пропускается, а о прочемъ и совѣмъ не упоминается. Такъ я всегда говорилъ, такъ отозвался и теперь, когда отправлялся сюда. Отъ новыхъ, говорю, законовъ увольте, прочее же надѣюсь исполнить въ точности!

Наконецъ, четвертымъ онъ изображалъ себя въ слѣдующихъ краскахъ:

— Про себя могу сказать одно: въ сраженіяхъ не бывалъ-съ, но въ парадахъ закаленъ даже сверхъ пропорціи. Новыхъ идей не понимаю. Не понимаю даже того, зачѣмъ ихъ слѣдуетъ понимать-съ.

Этого мало: въ первый же праздничный день онъ собралъ генеральную сходку глуповцевъ и передъ нею формальнымъ образомъ подтвердилъ свои взгляды на администрацію.

— Ну, старички,—сказалъ онъ обывателямъ:—давайте жить мирно. Не трогайте вы меня, а я васъ не трону. Сажайте и сѣйте, ѣшьте и пейте, заводите фабрики и заводы — что-же-съ! все это вамъ же на пользу-съ! Но мнѣ, даже монументы воздвигайте — я и въ этомъ препятствовать не стану! Только съ огнемъ, ради Христа,

осторожнѣе обращайтесь, потому что тутъ не долго и до грѣха. Имущества свои попалите, сами погорите—что̀ хорошаго!

Какъ ни избалованы были глуповцы двумя послѣдними градоначальниками, но либерализмъ столь безпредѣльный заставилъ ихъ призадуматься: нѣтъ ли тутъ подвоха? Поэтому нѣкоторое время они осматривались, разузнавали, говорили шопотомъ и вообще „опасно ходили“. Казалось нѣсколько страннымъ, что градоначальникъ не только отказывается отъ вмѣшательства въ обывательскія дѣла, но даже утверждаетъ, что въ этомъ-то невмѣшательствѣ и заключается вся сущность администраціи.

— И законовъ издавать не будешь? — спрашивали они его съ недовѣрчивостью.

— И законовъ не буду издавать—живите съ Богомъ!

— То-то! ужъ ты сдѣлай милость, не издавай! Смотри, какъ за это прохвосту-то (такъ называли они Беневоленскаго) досталось! Стало быть, коли опять за то же примешься, какъ бы и тебѣ, и намъ въ отвѣтъ не попасть!

Но Прыщъ былъ совершенно искрененъ въ своихъ заявленіяхъ и твердо рѣшился слѣдовать по избранному пути. Прекративъ всѣ дѣла, онъ ходилъ по гостямъ, принималъ обѣды и балы и даже завелъ стаю борзыхъ и гончихъ собакъ, съ которыми травилъ на городскомъ выгонѣ зайцевъ, лисицъ, а однажды заполевалъ очень хорошенькую мѣщаночку. Не безъ ироніи отзывался онъ о своемъ предмѣстникѣ, томившемся въ то время въ заточеніи.

— Филатъ Иринарховичъ,—говорилъ онъ,—больше на бумагѣ сулилъ, что обыватели при немъ якобы благополучно въ домахъ своихъ почивать будутъ, а я на практикѣ это самое предоставлю... да-съ!

И точно: несмотря на то, что первые шаги Прыща были встрѣчены глуповцами съ недовѣріемъ, они не успѣли и оглянуться, какъ всего у нихъ очутилось противъ прежняго вдвое и втрое. Пчела роилась необыкновенно, такъ что меду и воску было отправлено въ Византію почти столько же, сколько при великомъ князѣ Олегѣ. Хотя скотскихъ падежей не было, но кожъ оказалось множество, и такъ какъ глуповцамъ за всѣмъ тѣмъ ловчѣе было щеголять въ лаптяхъ, нежели въ сапогахъ, то и кожи спровадили въ Византію полностью, и за все получили чистыми ассигнаціями. А поелику навозъ производить стало всякому вольно, то хлѣба уродилось столько, что, кромѣ

продажи, осталось даже на собственное употребленіе. „Не то что въ другихъ городахъ,—съ горечью говоритъ лѣтописецъ,—гдѣ желѣзныя дороги *) не успѣваютъ перевозить дары земные, на продажу назначенные, жители же отъ безкормицы въ отощаніе приходятъ. Въ Глуповѣ, въ сію счастливую годину, не токмо хозяинъ, но и всякій наймитъ ѣлъ хлѣбъ настоящій, а не въ рѣдкость бывали и шти съ приваркомъ“.

Прыщъ смотрѣлъ на это благополучіе и радовался. Да и нельзя было не радоваться ему, потому что всеобщее изобиліе отразилось и на немъ. Амбары его ломились отъ приношеній, дѣлаемыхъ въ натурѣ; сундуки не вмѣщали серебра и золота, а ассигнаціи просто валялись по полу.

Такъ прошелъ и еще годъ, въ теченіе котораго у глуповцевъ всякаго добра явилось уже не вдвое или втрое, но вчетверо. Но по мѣрѣ того, какъ развивалась свобода, нарождался и исконный врагъ ея — анализъ. Съ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія пріобрѣтался досугъ, а съ пріобрѣтеніемъ досуга явилась способность изслѣдовать и испытывать природу вещей. Такъ бываетъ всегда; но глуповцы употребляли эту „новоявленную у нихъ способность“ не для того, чтобы упрочить свое благополучіе, а для того, чтобъ оное подорвать.

Неокрѣпшіе въ самоуправленіи, глуповцы начали приписывать это явленіе посредничеству какой-то невѣдомой силы. А такъ какъ на ихъ языкѣ невѣдомая сила носила названіе чертовщины, то и стали думать, что тутъ не совсѣмъ чисто и что, слѣдовательно, участіе чорта въ этомъ дѣлѣ не можетъ подлежать сомнѣнію. Стали присматривать за Прыщомъ, и нашли въ его поведеніи нѣчто сомнительное. Разсказывали напримѣръ, что однажды кто-то засталъ его спящимъ на диванѣ, причемъ будто бы тѣло его было кругомъ обставлено мышеловками. Другіе шли далѣе и утверждали, что Прыщъ каждую ночь уходитъ спать на ледникъ. Все это обнаруживало нѣчто таинственное, и хотя никто не спросилъ себя, какое кому дѣло до того, что градоначальникъ спитъ на ледникѣ, а не въ обыкновенной спальной, но всякій тревожился. Общія подозрѣнія еще болѣе увеличились, когда замѣтили, что мѣстный предводитель дворянства съ нѣкото-

*) О желѣзныхъ дорогахъ тогда и помину не было: но это одинъ изъ тѣхъ безвредныхъ анахронизмовъ, какихъ очень много встрѣчается въ „Лѣтописи“.— *Ио.*

раго времени находится въ какомъ-то неестественно-возбужденномъ состояніи, и всякій разъ, какъ встрѣтится съ градоначальникомъ, начинаетъ кружиться и выдѣлывать нелѣпыя тѣлодвиженія.

Нельзя сказать, чтобъ предводитель отличался особенными качествами ума и сердца, но у него былъ желудокъ, въ которомъ, какъ въ могилѣ, исчезали всякіе куски. Этотъ не весьма замысловатый даръ природы сдѣлался для него источникомъ живѣйшихъ наслажденій. Каждый день съ ранняго утра онъ отправлялся въ походъ по городу и подноxивалъ запахи, вылетавшіе изъ обывательскихъ кухонь. Въ короткое время обоняніе его было до такой степени изощрено, что онъ могъ безошибочно угадать составныя части самаго сложнаго фарша.

Уже при первомъ свиданіи съ градоначальникомъ предводитель почувствовалъ, что въ этомъ саповникѣ таится что-то не совсѣмъ обыкновенное, а именно, что отъ него пахнетъ трюфлями. Долгое время онъ боролся съ своею догадкою, принимая ее за мечту воспаленнаго съѣстными припасами воображенія; но чѣмъ чаще повторялись свиданія, тѣмъ мучительнѣе становились сомнѣнія. Наконецъ, онъ не выдержалъ и сообщилъ о своихъ подозрѣніяхъ письмоводителю дворянской опеки, Половинкину.

— Пахнетъ отъ него!—говорилъ онъ своему изумленному наперснику:—пахнетъ! Точно вотъ въ колбасной лавкѣ!

— Можетъ быть, они трюфельной помадой голову себѣ мажутъ-съ! —усомнился Половинкинъ.

— Ну, это, братъ, дудки! Послѣ этого каждый поросенокъ будетъ тебѣ въ глаза лгать, что онъ не поросенокъ, а только поросячьими духами прыскается!

На первый разъ разговоръ не имѣлъ другихъ послѣдствій, но мысль о поросячьихъ духахъ глубоко запала въ душу предводителя. Впавши въ гастрономическую тоску, онъ слонялся по городу словно влюбленный и, завидѣвъ гдѣ-нибудь Прыща, самымъ нелѣпымъ образомъ облизывался. Однажды, во время какого-то соединеннаго засѣданія, имѣвшаго предметомъ устройство во время масляницы усиленнаго гастрономическаго торжества, предводитель, доведенный до изступленія острымъ запахомъ, распространяемымъ градоначальникомъ, внѣ себя вскочилъ съ своего мѣста и крикнулъ: „уксусу и горчицы!“ И затѣмъ, припавъ къ градоначальнической головѣ, сталъ ее нюхать.

Изумленіе лицъ, присутствовавшихъ при этой загадочной сценѣ, было безпредѣльно. Страннымъ показалось и то, что градоначальникъ хотя и сквозь зубы, но довольно неосторожно сказалъ:

— Угадалъ, каналья!

И потомъ, спохватившись, съ непринужденностью, очевидно притворною, прибавилъ:

— Кажется, нашъ достойнѣйшій представитель принялъ мою голову за фаршированную... ха, ха!

Увы! Это косвенное признаніе заключало въ себѣ самую горькую правду!

Предводитель упалъ въ обморокъ и вытерпѣлъ горячку, но ничего не забылъ и ничему не научился. Произошло нѣсколько сценъ, почти неприличныхъ. Предводитель юлилъ, кружился и наконецъ, очутившись однажды съ Прыщомъ глазъ-на-глазъ, рѣшился.

— Кусочекъ!—стоналъ онъ передъ градоначальникомъ, зорко слѣдя за выраженіемъ глазъ облюбованной имъ жертвы.

При первомъ же звукѣ столь опредѣленно-формулированной просьбы градоначальникъ дрогнулъ. Положеніе его сразу обрисовалось съ той безповоротной ясностью, при которой всякія соглашенія становятся безполезными. Онъ робко взглянулъ на своего обидчика и, встрѣтивъ его полный рѣшимости взоръ, вдругъ палъ въ состояніе безпредѣльной тоски.

Тѣмъ не менѣе онъ все-таки сдѣлалъ слабую попытку дать отпоръ. Завязалась борьба, но предводитель вошелъ уже въ ярость и не помнилъ себя. Глаза его сверкали, брюхо сладостно ныло. Онъ задыхался, стоналъ, называлъ градоначальника „душкой“, „милкой“ и другими несвойственными этому сану именами; лизалъ его, нюхалъ и т. д. Наконецъ, съ неслыханнымъ остервенѣніемъ бросился предводитель на свою жертву, отрѣзалъ ножомъ ломоть головы и немедленно проглотилъ...

За первымъ ломтемъ послѣдовалъ другой, потомъ третій, до тѣхъ поръ, пока не осталось ни крохи...

Тогда градоначальникъ вдругъ вскочилъ и сталъ обтирать лапками тѣ мѣста своего тѣла, которыя предводитель полилъ уксусомъ. Потомъ онъ закружился на одномъ мѣстѣ и вдругъ всѣмъ корпусомъ грохнулся на полъ.

На другой день глуповцы узнали, что у градоначальника ихъ была фаршированная голова...

Но никто не догадался, что, благодаря именно этому обстоятельству, городъ былъ доведенъ до такого благосостоянія, которому подобнаго не представляли лѣтописи съ самаго его основанія.

XII.—Поклоненіе мамонѣ и покаяніе.

Человѣческая жизнь — сновидѣніе, говорятъ философы-спиритуалисты, и еслибъ они были вполнѣ логичны, то прибавили бы: и исторія—тоже сновидѣніе. Разумѣется, взятыя абсолютно, оба эти сравненія одинаково нелѣпы, однако нельзя не сознаться, что въ исторіи дѣйствительно встрѣчаются по мѣстамъ словно провалы, передъ которыми мысль человѣческая останавливается не безъ недоумѣнія. Потокъ жизни какъ бы прекращаетъ свое естественное теченіе и образуетъ водоворотъ, который кружится на одномъ мѣстѣ, брызжетъ и покрывается мутной накипью, сквозь которую невозможно различить ни ясныхъ типическихъ чертъ, ни даже сколько-нибудь обособившихся явленій. Сбивчивыя и неосмысленныя событія безсвязно слѣдуютъ одно за другимъ, и люди, повидимому, не преслѣдуютъ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ защиты нынѣшняго дня. Попеременно, они то трепещутъ, то торжествуютъ, и чѣмъ сильнѣе даетъ себя чувствовать униженіе, тѣмъ жестче и мстительнѣе торжество. Источникъ, изъ котораго вышла эта тревога, уже замутился; начала, во имя которыхъ возникла борьба, стушевались; остается борьба для борьбы, искусство для искусства, изобрѣтающее дыбу, хожденіе по спицамъ и т. д.

Конечно, тревога эта преимущественно сосредоточивается на поверхности; однакожъ, едва-ли возможно утверждать, что и на днѣ въ это время обстоитъ благополучно. Что происходитъ въ тѣхъ слояхъ пучины, которые слѣдуютъ непосредственно за верхнимъ слоемъ и далѣе, до самаго дна? пребываютъ ли они спокойными, или и на нихъ производитъ свое давленіе тревога, обнаружившаяся въ верхнемъ слоѣ? — съ полною достовѣрностью опредѣлить это невозможно, такъ какъ вообще у насъ еще нѣтъ привычки приглядываться къ

тому, что уходитъ далеко въ глубь. Но едва ли мы ошибемся, сказавши, что давленіе чувствуется и тамъ. Отчасти оно выражается въ формѣ матеріальныхъ ущербовъ и утратъ, но преимущественно въ формѣ болѣе или менѣе продолжительной отсрочки общественнаго развитія. И хотя результаты этихъ утратъ съ особенною горечью сказываются лишь впослѣдствіи, однакожъ можно догадываться, что и современники безъ особеннаго удовольствія относятся къ тѣмъ давленіямъ, которыя тяготѣютъ надъ ними.

Одну изъ такихъ тяжкихъ историческихъ эпохъ, вѣроятно, переживалъ Глуповъ въ описываемое лѣтописцемъ время. Собственная внутренняя жизнь города спряталась на дно, на поверхность же выступили какія-то злостныя эманаціи, которыя и завладѣли всецѣло ареной исторіи. Искусственныя примѣси сверху до низу опутали Глуповъ, и ежели можно сказать, что въ общей экономіи его существованія эта искусственность была небезполезна, то съ неменьшею правдой можно утверждать и то, что люди, живущіе подъ гнетомъ ея, суть люди не весьма счастливые. Претерпѣть Бородавкина для того, чтобъ познать пользу употребленія нѣкоторыхъ злаковъ; претерпѣть Урусъ-Кугушъ-Кильдибаева для того, чтобы ознакомиться съ настоящею отвагою — какъ хотите, а такой удѣлъ не можетъ быть названъ ни истинно-нормальнымъ, ни особенно лестнымъ, хотя, съ другой стороны, и нельзя отрицать, что нѣкоторые злаки дѣйствительно полезны, да и отвага, употребленная въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, тоже не вредитъ.

При такихъ условіяхъ невозможно ожидать, чтобы обыватели оказали какіе-нибудь подвиги по части благоустройства и благочинія или особенно успѣли по части наукъ и искусствъ. Для нихъ подобныя историческія эпохи суть годы ученія, въ теченіе которыхъ они испытываютъ себя въ одномъ: въ какой мѣрѣ они могутъ претерпѣть. Такими именно и представляетъ намъ лѣтописецъ своихъ согражданъ. Изъ разсказа его видно, что глуповцы безпрекословно подчиняются капризамъ исторіи и не представляютъ никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить о степени ихъ зрѣлости, въ смыслѣ самоуправленія: что, напротивъ того, они мечутся изъ стороны въ сторону, безъ всякаго плана, какъ бы гонимые безотчетнымъ страхомъ. Никто не станетъ отрицать, что это картина нелестная, но иною она не можетъ и быть, потому что матеріаломъ для нея служитъ человѣкъ,

которому съ изумительнымъ постоянствомъ долбятъ голову, и который, разумѣется, не можетъ придти къ другому результату, кромѣ ошеломленія. Исторію этихъ ошеломленій лѣтописецъ раскрываетъ передъ нами съ тою безъискусственностью и правдою, которыми всегда отличаются разсказы бытописателей-архиваріусовъ. По моему мнѣнію, это все, чего мы имѣемъ права требовать отъ него. Никакого предумышленнаго глумленія въ разсказѣ его не замѣчается; напротивъ того, во многихъ мѣстахъ замѣтно даже сочувствіе къ бѣднымъ ошеломляемымъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что, несмотря на смертный бой, глуповцы все-таки продолжаютъ жить, достаточно свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ устойчивости и заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны историка.

Не забудемъ, что лѣтописецъ преимущественно ведетъ рѣчь о такъ-называемой черни, которая и доселѣ считается стоящею какъ бы внѣ предѣловъ исторіи. Съ одной стороны, его умственному взору представляется сила, подкравшаяся издалека и успѣвшая организоваться и окрѣпнуть, съ другой — разсыпавшіеся по угламъ и всегда застигаемые врасплохъ людишки и сироты. Возможно ли какое-нибудь сомнѣніе насчетъ характера отношеній, которыя имѣютъ возникнуть изъ сопоставленія стихій столь противоположныхъ?

Что сила, о которой идетъ рѣчь, отнюдь не выдуманная — это доказывается тѣмъ, что представленіе о ней даже положило основаніе цѣлой исторической школѣ. Представители этой школы совершенно искренно проповѣдуютъ, что чѣмъ больше уничтожать обывателей, тѣмъ благополучнѣе они будутъ и тѣмъ блестящѣе будетъ сама исторія. Конечно, это мнѣніе не весьма умное, но какъ доказать это людямъ, которые настолько въ себѣ увѣрены, что никакихъ доказательствъ не слушаютъ и не принимаютъ? Прежде нежели начать доказывать, надобно еще заставить себя выслушать; а какъ это сдѣлать, когда жалобщикъ самого себя не умѣетъ достаточно убѣдить, что его не слѣдуетъ истреблять?

— Говорилъ я ему: како вы, сударь, имѣете резонъ драться? а онъ только знай по зубамъ щелкаетъ: вотъ тебѣ резонъ! вотъ тебѣ резонъ!

Такова единственно ясная формула взаимныхъ отношеній, возможная при подобныхъ условіяхъ. Нѣтъ резона драться, но нѣтъ резона и не драться: въ результатѣ видимѣется лишь печальная тавтологія,

въ которой онлеуха объясняется онлеухою. Конечно, тавтологія эта держится на ниткѣ, на одной только ниткѣ; но какъ оборвать эту нитку? —въ этомъ-то весь и вопросъ. И вотъ само собою высказывается мнѣніе: не лучше ли возложить упованіе на будущее? Это мнѣніе тоже не весьма умное, но что же дѣлать, если никакихъ другихъ мнѣній еще не выработалось? И вотъ его-то, повидимому, держались и глуповцы.

Уподобивъ себя вѣчнымъ должникамъ, находящимся во власти вѣчныхъ кредиторовъ, они разсудили, что на свѣтѣ бываютъ всякіе кредиторы: и разумные, и неразумные. Разумный кредиторъ помогаетъ должнику выйти изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, и въ вознагражденіе за свою разумность получаетъ свой долгъ. Неразумный кредиторъ сажаетъ должника въ острогъ или непрерывно сѣчетъ его, и въ вознагражденіе не получаетъ ничего. Разсудивъ такимъ образомъ, глуповцы стали ждать, не сдѣлаются ли всѣ кредиторы разумными? И ждутъ до сего дня.

Поэтому я не вижу въ разсказахъ лѣтописца ничего такого, что посягало бы на достоинство обывателей города Глупова. Это люди, какъ и всѣ другіе, съ тою только оговоркою, что природныя ихъ свойства обросли массой наносныхъ атомовъ, за которою почти ничего не видно. Поэтому о дѣйствительныхъ „свойствахъ“ и рѣчи нѣтъ, а есть рѣчь только о наносныхъ атомахъ. Было ли бы лучше или даже пріятнѣе, еслибъ лѣтописецъ, вмѣсто описанія нестройныхъ движеній, изобразилъ въ Глуповѣ идеальное средоточіе законности и права? Напримѣръ, въ ту минуту, когда Бородавкинъ требуетъ повсемѣстнаго распространенія горчицы, было ли бы для читателей пріятнѣе, еслибъ лѣтописецъ заставилъ обывателей не трепетать передъ нимъ, а съ успѣхомъ доказывать несвоевременность и неумѣстность его затѣй?

Положа руку на сердце, я утверждаю, что подобное извращеніе глуповскихъ обычаевъ было бы не только неполезно, но даже положительно непріятно. И причина тому очень проста: разсказъ лѣтописца въ этомъ видѣ оказался бы *несогласнымъ съ истиною*.

Неожиданное усѣкновеніе головы маіора Прыща не оказало почти никакого вліянія на благополучіе обывателей. Нѣкоторое время, за

оскудѣніемъ градоначальниковъ, городомъ управляли квартальные: но такъ какъ либерализмъ еще продолжалъ давать тонъ жизни, то и они не бросались на жителей, но учтиво прогуливались по базару и умильно разсматривали, который кусокъ пожирнѣе. Но даже и эти скромные походы не всегда сопровождались для нихъ удачею, потому что обыватели настолько осмѣлились, что охотно дарили только требухой.

Послѣдствіемъ такого благополучія было то, что въ теченіе цѣлаго года въ Глуповѣ состоялся всего одинъ заговоръ, но и то не со стороны обывателей противъ квартальныхъ (какъ это обыкновенно бываетъ), а, напротивъ того, со стороны квартальныхъ противъ обывателей (чего никогда не бываетъ). А именно: мучимые голодомъ квартальные рѣшились отравить въ гостиномъ дворѣ всѣхъ собакъ, дабы имѣть въ ночное время безпрепятственный входъ въ лавки. Къ счастью, покушеніе было усмотрѣно во-время и заговоръ разрѣшился тѣмъ, что самихъ же заговорщиковъ лишили на время установленной дачи требухи.

Послѣ того прибылъ въ Глуповъ статскій совѣтникъ Ивановъ, но оказался столь малаго роста, что не могъ вмѣщать ничего постраннаго. Какъ нарочно, это случилось въ ту самую пору, когда страсть къ законодательству приняла въ нашемъ отечествѣ размѣры чуть-чуть не опасные; канцеляріи кишѣли уставами, какъ никогда не кишѣли сказочныя рѣки млекомъ и медомъ, и каждый уставъ вѣсилъ отнюдь не менѣе фунта. Вотъ это-то обстоятельство именно и причинило погибель Иванова, разсказъ о которой, впрочемъ, существуетъ въ двухъ совершенно различныхъ варіантахъ. Одинъ варіантъ говоритъ, что Ивановъ умеръ отъ испуга, получивъ слишкомъ обширный сенатскій указъ, понять который онъ не надѣялся. Другой варіантъ утверждаетъ, что Ивановъ совсѣмъ не умеръ, а былъ уволенъ въ отставку за то, что голова его, вслѣдствіе постепеннаго присыханія мозговъ (отъ ненужности въ ихъ употребленіи), перешла въ зачаточное состояніе. Послѣ этого онъ будто бы жилъ еще долгое время въ собственномъ имѣніи, гдѣ и удалось ему положить начало цѣлой особи короткоголовыхъ (микрокефаловъ), которые существуютъ и доднесь.

Какой изъ этихъ двухъ варіантовъ заслуживаетъ большаго довѣрія—рѣшить трудно; но справедливость требуетъ сказать, что атрофированіе столь важнаго органа, какъ голова, едва-ли могло со-

вериться въ такое короткое время. Однакожъ, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что микрокефалы дѣйствительно существуютъ и что родоначальникомъ ихъ преданіе называетъ именно статскаго совѣтника Иванова. Впрочемъ для насъ это вопросъ второстепенный; важно же то, что глуповцы, и во времена Иванова, продолжали быть благополучными и что, слѣдовательно, изъянъ, которымъ онъ обладалъ, послужилъ обывателямъ не во вредъ, а на пользу.

Въ 1815 году пріѣхалъ на смѣну Иванову виконтъ Дю-Шаріо, французскій выходецъ. Парижъ былъ взятъ; врагъ человѣчества навсегда водворенъ на островѣ Св. Елены; „Московскія Вѣдомости" заявили, что съ посрамленіемъ врага задача ихъ кончилась, и обѣщали прекратить свое существованіе; но на другой день взяли свое обѣщаніе назадъ и дали другое, которымъ обязывались прекратить свое существованіе лишь тогда, когда Парижъ будетъ взятъ вторично. Ликованіе было общее, а вмѣстѣ со всѣми ликовалъ и Глуповъ. Вспомнили про кунчиху Распонову, какъ она, вмѣстѣ съ Беневоленскимъ, интриговала въ пользу Наполеона, выволокли ее на улицу и разрѣшили мальчишкамъ дразнить. Цѣлый день преслѣдовали маленькіе негодяи злосчастную вдову, называли ее Бонапартовной, антихристовой наложницей, и проч., покуда, наконецъ, она не пришла въ изступленіе и не начала проклинать. Смыслъ этихъ проклятій объяснился лишь впослѣдствіи, когда въ Глуповъ прибылъ Угрюмъ-Бурчеевъ и не оставилъ въ городѣ камня на камнѣ.

Дю-Шаріо былъ веселъ. Во-первыхъ, его эмигрантскому сердцу было радостно, что Парижъ взятъ; во-вторыхъ, онъ столько времени настоящимъ манеромъ не ѣдалъ, что глуповскіе пироги съ начинкой показались ему райскою пищей. Наѣвшись досыта, онъ потребовалъ, чтобъ ему немедленно указали мѣсто, гдѣ было бы можно passer son temps à faire des bêtises, и былъ отмѣнно доволенъ, когда узналъ, что въ Солдатской слободѣ есть именно такой домъ, какого ему желательно. Затѣмъ онъ началъ болтать и уже не переставалъ до тѣхъ поръ, покуда не былъ, по распоряженію начальства, выпровоженъ изъ Глупова за границу. Но такъ какъ онъ все-таки былъ сыномъ XVIII вѣка, то въ болтовнѣ его нерѣдко прорывался духъ изслѣдованій, который могъ бы дать очень горькіе плоды, еслибъ онъ не былъ въ значительной степени смягченъ духомъ легкомыслія. Такъ, напримѣръ, однажды онъ началъ объяснять глуповцамъ и права чело-

вѣка; но, къ счастью, кончилъ тѣмъ, что объяснилъ права Бурбоновъ. Въ другой разъ онъ началъ съ того, что убѣждалъ обывателей увѣровать въ богиню Разума, и кончилъ тѣмъ, что просилъ признать непогрѣшимость папы. Все это были, однакожъ, одни façons de parler, и въ сущности виконтъ готовъ былъ стать на сторону какого угодно убѣжденія или догмата, если имѣлъ въ виду, что за это ему перепадетъ лишній четвертакъ.

Онъ веселился безъ устали, почти ежедневно устраивалъ маскарады, одѣвался дебардеромъ, танцовалъ канканъ и въ особенности любилъ интриговать мужчинъ *). Мастерски пѣлъ онъ гривуазныя пѣсенки и увѣрялъ, что этимъ пѣснямъ научилъ его графъ д'Артуа (впослѣдствіи французскій король Карлъ X), во время пребыванія въ Ригѣ. Былъ сначала все, что попало, но когда отъѣлся, то сталъ употреблять преимущественно такъ-называемую нѣчисть, между которой отдавалъ предпочтеніе давленинѣ и лягушкамъ. Но дѣлъ не вершилъ и въ администрацію не вмѣшивался.

Это послѣднее обстоятельство обѣщало продлить благополучіе глуповцевъ безъ конца; но они сами изнемогали подъ бременемъ своего счастья. Они забылись. Избалованные пятью послѣдовательными градоначальничествами, доведенные почти до ожесточенія грубою лестью квартальныхъ, они возмечтали, что счастье принадлежитъ имъ по праву и что никто не въ силахъ отнять его у нихъ. Побѣда надъ Наполеономъ еще болѣе утвердила ихъ въ этомъ мнѣніи, и едва-ли не въ эту самую эпоху сложилась знаменитая пословица: „шапками закидаемъ!“, которая впослѣдствіи долгое время служила девизомъ глуповскихъ подвиговъ на полѣ брани.

И вотъ послѣдовалъ цѣлый рядъ прискорбныхъ событій, которыя лѣтописецъ именуетъ „безстыжимъ глуповскимъ неистовствомъ“, но которыя гораздо приличнѣе назвать скоропреходящимъ глуповскимъ баловствомъ.

Начали съ того, что стали бросать хлѣбъ подъ столъ и креститься неистовымъ обычаемъ. Обличенія того времени полны самыхъ горькихъ указаній на этотъ печальный фактъ. „Было время,—гремѣли обличители,—когда глуповцы древнихъ Платоновъ и Сокра-

*) Въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго, ибо лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что этотъ самый Дю-Шарію былъ впослѣдствіи подвергнутъ изслѣдованію и оказался женщиной.—*Изд.*

товъ благочестіемъ посрамляли; нынѣ же не токмо сами Платонами сдѣлались, но даже того горчае, ибо едва-ли и Платонъ хлѣбъ божій не въ уста, а на полъ металъ, какъ нынѣшняя нѣкая модная затѣя то дѣлать повелѣваетъ". Но глуповцы не внимали обличителямъ и съ дерзостью говорили: „хлѣбъ пущай свиньи ѣдятъ, а мы свиней съѣдимъ—тотъ же хлѣбъ будетъ!" И Дю-Шаріо не только не возбранялъ подобныхъ отвѣтовъ, но даже видѣлъ въ нихъ возникновеніе какого-то духа изслѣдованія.

Почувствовавши себя на волѣ, глуповцы съ какой-то яростью устремились по той покатости, которая очутилась подъ ихъ ногами. Сейчасъ же они вздумали строить башню, съ такимъ разсчетомъ, чтобъ верхній ея конецъ непремѣнно упирался въ небеса. Но такъ какъ архитекторовъ у нихъ не было, а плотники были неученые и не всегда трезвые, то довели башню до половины и бросили, и только, быть можетъ, благодаря этому обстоятельству избѣжали смѣшенія языковъ.

Но и этого показалось мало. Забыли глуповцы истиннаго Бога и прилѣпились къ идоламъ. Вспомнили, что еще при Владимірѣ-Красномъ-Солнышкѣ нѣкоторые вышедшіе изъ употребленія боги были сданы въ архивъ, бросились туда и вытащили двухъ: Перуна и Волоса. Идолы, нѣсколько вѣковъ не знавшіе ремонта, находились въ страшномъ запущеніи, а у Перуна даже были нарисованы углемъ усы. Тѣмъ не менѣе, глуповцамъ показались они такъ любы, что немедленно собрали они сходку и порѣшили такъ: знатнымъ обоего пола особамъ кланяться Перуну, а смердамъ — приносить жертвы Волосу. Призвали и причетниковъ, и требовали, чтобъ они сдѣлались будешниками; но они отвѣта не дали и въ смущеніи лишь трепетали воскриліями. Тогда припомнили, что въ Стрѣлецкой слободѣ есть нѣкто, именуемый „разстрига Кузька" (тотъ самый, который, если читатель припомнитъ, задумывалъ при Бородавкинѣ перейти въ расколъ), и послали за нимъ. Кузька къ этому времени совсѣмъ ужъ оглохъ и ослѣпъ: но едва дали ему понюхать монету рубль, какъ онъ сейчасъ же на все согласился и началъ выкрикивать что-то непонятное стихами Аверкіева изъ оперы „Рогнѣда".

Дю-Шаріо смотрѣлъ изъ окна на всю эту церемонію и, держась за бока, кричалъ:—Sont-ils bêtes, dieux des dieux! sont-ils bêtes! ces moujiks de Gloupoff!

Развращеніе нравовъ развивалось не по днямъ, а по часамъ. Появились кокотки и кокодесы: мужчины завели жилетки съ неслыханными вырѣзками, которыя совершенно обнажали грудь: женщины устраивали сзади возвышенія, имѣвшія пробразовательный смыслъ и возбуждавшія въ прохожихъ вольныя мысли. Образовался новый языкъ, получеловѣчій, полуобезьяній, но во всякомъ случаѣ вполнѣ негодный для выраженія какихъ бы то ни было отвлеченныхъ мыслей. Знатныя особы ходили по улицамъ и пѣли: „A moi l'pompon", или „La Vénus aux carottes"; смерды слонялись по кабакамъ и горланили комаринскую. Мнили, что во время этой гульбы хлѣбъ вырастетъ самъ собой, и потому перестали воздѣлывать поля. Уваженіе къ старинѣ исчезло: агитировали вопросъ, не слѣдуетъ ли, по достиженіи людьми извѣстныхъ лѣтъ, устранять ихъ изъ жизни, но корысть одержала верхъ, и порѣшили на томъ, чтобы стариковъ и старухъ продать въ рабство. Въ довершеніе всего, очистили какой-то манежъ и поставили въ немъ „Прекрасную Елену", пригласивъ, въ качествѣ исполнительницы, дѣвицу Бланшъ Гандонъ.

И за всѣмъ тѣмъ продолжали считать себя самымъ мудрымъ народомъ въ мірѣ.

Въ такомъ положеніи засталъ глуповскія дѣла статскій совѣтникъ Эрастъ Андреевичъ Грустиловъ. Человѣкъ онъ былъ чувствительный, и когда говорилъ о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ половъ, то краснѣлъ. Только-что передъ этимъ онъ сочинилъ повѣсть подъ названіемъ: „Сатурнъ, останавливающій свой бѣгъ въ объятіяхъ Венеры", въ которой, по выраженію критиковъ того времени, счастливо сочеталась нѣжность Апулея съ игривостью Парни. Подъ именемъ Сатурна онъ изображалъ себя, подъ именемъ Венеры—извѣстную тогда красавицу, Наталью Кириловну де-Помадуръ. „Сатурнъ,—писалъ онъ,—былъ обремененъ годами и имѣлъ согбенный видъ, но еще могъ нѣкоторое совершить. Надо же, чтобъ Венера, примѣтивъ сію въ немъ особенность, остановила на немъ благосклонный свой взглядъ"...

Но меланхолическій видъ (предтеча будущаго мистицизма) прикрывалъ въ немъ много наклонностей, несомнѣнно порочныхъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно было, что, находясь при дѣйствующей арміи провіантмейстеромъ, онъ довольно непринужденно распоряжался ка-

женною собственностью и облегчалъ себя отъ нареканій собственной совѣсти только тѣмъ, что, взирая на солдатъ, ѣвшихъ затхлый хлѣбъ, проливалъ обильныя слезы. Извѣстно было также, что и къ мадамъ де-Помадуръ проникъ онъ отнюдь не съ помощью какой-то „особенности", а просто съ помощью денежныхъ приношеній, и при ея посредствѣ избавился отъ суда и даже получилъ высшее противъ прежняго назначеніе. Когда же Помадурша была — „за слабое держаніе нѣкоторой тайности" — сослана въ монастырь и пострижена подъ именемъ инокини Нимфодоры, то онъ первый бросилъ въ нее камнемъ и написалъ „Повѣсть о нѣкоторой многолюбивой женѣ", въ которой дѣлалъ очень ясные намеки на прежнюю свою благодѣтельницу. Сверхъ того онъ робѣлъ и краснѣлъ въ присутствіи женщинъ, но подъ этою робостью таилось то пущее сластолюбіе, которое любитъ предварительно раздражить себя и потомъ уже неуклонно стремится къ начертанной цѣли. Примѣровъ этого затаеннаго, но жгучаго сластолюбія разсказывали множество. Такимъ образомъ, однажды, одѣвшись лебедемъ, онъ подплылъ къ одной купавшейся дѣвицѣ, дочери благородныхъ родителей, у которой только и приданаго было, что красота, и въ то время, когда она гладила его по головкѣ, сдѣлалъ ее на всю жизнь несчастною. Однимъ словомъ, онъ основательно изучилъ миѳологію, и хотя любилъ прикидываться благочестивымъ, но, въ сущности, былъ злѣйшій идолопоклонникъ.

Глуповская разнузданность пришлась ему по вкусу. При самомъ въѣздѣ въ городъ онъ встрѣтилъ процессію, которая сразу заинтересовала его. Шесть дѣвицъ, одѣтыхъ въ прозрачные хитоны, несли на носилкахъ Перуновъ болванъ; впереди, въ восторженномъ состояніи, скакала предводительша, прикрытая одними страусовыми перьями; сзади слѣдовала толпа дворянъ и дворянокъ, между которыми виднѣлись почтѣйшіе представители глуповскаго купечества (мужики, мѣщане и красноряды побѣднѣе кланялись въ это время Волосу). Дойдя до площади, толпа остановилась. Перуна поставили на возвышеніе, предводительша встала на колѣни и громкимъ голосомъ начала читать „Жертву вечернюю" г. Боборыкина.

— Что такое?— спросилъ Грустиловъ, высовываясь изъ кареты и кося неподтинка глазами на нарядъ предводительши.

— Перуновы именины справляютъ, ваше высокородіе! — отвѣчали въ одинъ голосъ квартальные.

— А дѣвочки... дѣвочки... есть? — какъ-то томно спросилъ Грустиловъ.

— Весь синклитъ-съ! — отвѣчали квартальные, сочувственно переглянувшись между собою.

Грустиловъ вздохнулъ и приказалъ слѣдовать далѣе.

Остановившись въ градоначальническомъ домѣ и освѣдомившись отъ письмоводителя, что недоимокъ нѣтъ, что торговля процвѣтаетъ, а земледѣліе съ каждымъ годомъ совершенствуется, онъ задумался на минуту, потомъ помялся на одномъ мѣстѣ, какъ бы затрудняясь выразить завѣтную мысль, но наконецъ какимъ-то неувѣреннымъ голосомъ спросилъ:

— Тетерева у васъ водятся?

— Точно такъ-съ, ваше высокородіе!

— Я, знаете, мой почтеннѣйшій, люблю иногда... Хорошо иногда посмотрѣть, какъ они... какъ въ природѣ ликованье этакое бываетъ...

И покраснѣлъ. Письмоводитель тоже на минуту смутился, однакожъ сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ и нашелся.

— На что лучше-съ!—отвѣчалъ онъ:—только осмѣлюсь доложить вашему высокородію: у насъ на этотъ счетъ даже лучше зрѣлища видѣть можно-съ!

— Гм... да?

— У насъ, ваше высокородіе, при предмѣстникѣ вашемъ, кокотки завелись, такъ у нихъ въ народномъ театрѣ какъ есть настоящій токъ устроенъ-съ. Каждый вечеръ собираются-съ, свищутъ-съ, ногами перебираютъ-съ.

— Любопытно взглянуть,—промолвилъ Грустиловъ и сладко задумался.

Въ то время существовало мнѣніе, что градоначальникъ есть хозяинъ города, обыватели же суть какъ бы его гости. Разница между „хозяиномъ“ въ общепринятомъ значеніи этого слова и „хозяиномъ города“ полагалась лишь въ томъ, что послѣдній имѣлъ право сѣчь своихъ гостей, что относительно хозяина обыкновеннаго приличіями не допускалось. Грустиловъ вспомнилъ объ этомъ правѣ и задумался еще слаще.

— А часто у васъ сѣкутъ?—спросилъ онъ письмоводителя, не поднимая на него глазъ.

— У насъ, ваше высокородіе, эта мода оставлена-съ. Со времени Онуфрія Иваныча господина Негодяева даже примѣровъ не было. Все лаской-съ.

— Ну-съ, а я сѣчь буду... дѣвочекъ!..—прибавилъ онъ, внезапно покраснѣвъ.

Такимъ образомъ, характеръ внутренней политики опредѣлился ясно. Предполагалось продолжать дѣйствія пяти послѣднихъ градоначальниковъ, усугубивъ лишь элементъ гривуазности, внесенной викомтомъ Дю-Шаріо, и сдобривъ его, для вида, извѣстнымъ колоритомъ сантиментальности. Вліяніе кратковременной стоянки въ Парижѣ сказывалось повсюду. Побѣдители, принявшіе внутрь гидру деспотизма за гидру революціи и покорившіе ее, были въ свою очередь покорены побѣжденными. Величавая дикость прежняго времени исчезла безъ слѣда; вмѣсто гигантовъ, сгибавшихъ подковы и ломавшихъ цѣпковые, явились люди жеманные, у которыхъ были на умѣ только милыя непристойности. Для этихъ непристойностей существовалъ особый языкъ. Любовное свиданіе мужчины съ женщиной именовалось „ѣздою на островъ любви“: грубая терминологія анатоміи замѣнилась болѣе утонченною; появились выраженія въ родѣ: „шаловливый мизантропъ“, „милая отшельница“ и т. д.

Тѣмъ не менѣе, говоря сравнительно, жить было все-таки легко, и эта легкость въ особенности приходилась понутру такъ-называемымъ смердамъ. Ударившись въ политеизмъ, осложненный гривуазностью, представители глуповской интеллигенціи сдѣлались равнодушны ко всему, что происходило внѣ замкнутой сферы „ѣзды на островъ любви“. Они чувствовали себя счастливыми и довольными, и въ этомъ качествѣ не хотѣли препятствовать счастію и довольству другихъ. Во времена Бородавкиныхъ, Негодяевыхъ и проч., казалось, напримѣръ, непростительною дерзостью, если смердъ поливалъ свою кашу масломъ. Не потому эта была дерзость, чтобы отъ того пронзошелъ для кого-нибудь ущербъ, а потому что люди подобные Негодяеву—всегда отчаянные теоретики и предполагаютъ въ смердѣ одну способность: быть твердымъ въ бѣдствіяхъ. Поэтому они отнимали у смерда кашу и бросали собакамъ. Теперь этотъ взглядъ значительно измѣнился, чему, конечно, не въ малой степени содѣйствовало и размягченіе мозговъ—тогдашняя модная болѣзнь. Смерды воспользовались этимъ и наполняли свои желудки жирной кашей до

крайнихъ предѣловъ. Имъ неизвѣстна еще была истина, что человѣкъ не одной кашей живетъ, и поэтому они думали, что если желудки ихъ полны, то это значитъ, что и сами они вполнѣ благополучны. По той же причинѣ они такъ охотно прилѣпились и къ многобожію: оно казалось имъ болѣе сподручнымъ, нежели монотеизмъ. Они охотнѣе преклонялись передъ Волосомъ или Ярилою, но въ то же время мотали себѣ на усъ, что если долгое время не будетъ у нихъ дождя или будутъ дожди слишкомъ продолжительные, то они могутъ своихъ излюбленныхъ боговъ высѣчь, обмазать нечистотами и вообще сорвать на нихъ досаду. И хотя очевидно, что матеріализмъ столь грубый не могъ продолжительное время питать общество, но въ качествѣ новинки онъ нравился и даже опьянялъ.

Все сѣшило жить и наслаждаться; сѣшилъ и Грустиловъ. Онъ совсѣмъ бросилъ городническое правленіе и ограничилъ свою административную дѣятельность тѣмъ, что удвоилъ установленные предмѣстниками его оклады и требовалъ, чтобъ они безпремѣнно поступали въ назначенные сроки. Все остальное время онъ посвятилъ поклоненію Кипридѣ въ тѣхъ неслыханно-разнообразныхъ формахъ, которыя были выработаны цивилизаціей того времени. Это безпечное отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ было, однакожъ, со стороны Грустилова большою ошибкою.

Несмотря на то, что въ бытность свою провіантмейстеромъ Грустиловъ довольно ловко утаивалъ казенныя деньги, административная опытность его не была ни глубока, ни многосторонна. Многіе думаютъ, что ежели человѣкъ умѣетъ незамѣтнымъ образомъ вытащить платокъ изъ кармана своего сосѣда, то этого будто бы уже достаточно, чтобы упрочить за нимъ репутацію политика или сердцевѣда. Однако это ошибка. Воры-сердцевѣды встрѣчаются чрезвычайно рѣдко; чаще же случается, что мошенникъ даже самый грандіозный только въ этой сферѣ и является замѣчательнымъ дѣятелемъ, внѣ же предѣловъ ея никакихъ способностей не выказываетъ. Для того, чтобы воровать съ успѣхомъ, нужно обладать только проворствомъ и жадностью. Жадность въ особенности необходима, потому что за малую кражу можно попасть подъ судъ. Но какими бы именами ни прикрывало себя ограбленіе, все-таки сфера грабителя останется совершенно другою, нежели сфера сердцевѣда, ибо послѣдній уловляетъ людей, тогда какъ первый уловляетъ только принадлежащіе имъ бумажники и платки. Слѣ-

дователь ежели человѣкъ, произведшій въ свою пользу отчужденіе на сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей, сдѣлается впослѣдствіи даже меценатомъ и построитъ мраморный палаццо, въ которомъ сосредоточитъ всѣ чудеса науки и искусства, то его все-таки нельзя назвать искуснымъ общественнымъ дѣятелемъ, а слѣдуетъ назвать только искуснымъ мошенникомъ.

Но въ то время истины эти были еще неизвѣстны, и репутація сердцевѣдца утвердилась за Грустиловымъ безпрепятственно. Въ сущности, однакожъ, это было не такъ. Еслибы Грустиловъ стоялъ на высотѣ своего положенія, онъ понялъ бы, что предмѣстники его, возведшіе тунеядство въ административный принципъ, заблуждались очень горько, и что тунеядство, какъ животворное начало, только тогда можетъ считать себя достигающимъ полезныхъ цѣлей, когда оно концентрируется въ извѣстныхъ предѣлахъ. Если тунеядство существуетъ, то предполагается само собою, что рядомъ съ нимъ существуетъ и трудолюбіе—на этомъ зиждется вся наука политической экономіи. Трудолюбіе питаетъ тунеядство, тунеядство же оплодотворяетъ трудолюбіе—вотъ единственная формула, которую, съ точки зрѣнія науки, можно свободно прилагать ко всѣмъ явленіямъ жизни. Грустиловъ ничего этого не понималъ. Онъ думалъ, что тунеядствовать могутъ всѣ поголовно и что производительныя силы страны не только не изсякнутъ отъ этого, но даже увеличатся. Это было первое грубое его заблужденіе.

Второе заблужденіе заключалось въ томъ, что онъ слишкомъ увлекся блестящею стороною внутренней политики своихъ предшественниковъ. Внимая разсказамъ о благосклонномъ бездѣйствіи маіора Прыща, онъ соблазнился картиною общаго ликованія, бывшаго результатомъ этого бездѣйствія. Но онъ упустилъ изъ виду, во-первыхъ, что народы даже самые зрѣлые не могутъ благоденствовать слишкомъ продолжительное время, не рискуя впасть въ грубый матеріализмъ, и во-вторыхъ, что собственно въ Глуповѣ, благодаря вывезенному изъ Парижа духу вольномыслія, благоденствіе въ значительной степени осложнялось озорствомъ. Нѣтъ спора, что можно и даже должно давать народамъ случай вкушать отъ плода познанія добра и зла, но нужно держать этотъ плодъ твердой рукою и притомъ такъ, чтобы можно было во всякое время отнять его отъ слишкомъ лакомыхъ устъ.

Послѣдствія этихъ заблужденій сказались очень скоро. Уже въ 1815 году въ Глуповѣ былъ чувствительный недородъ, а въ слѣдующемъ году не родилось совсѣмъ ничего, потому что обыватели, развращенные постоянной гульбой, до того понадѣялись на свое счастіе, что, не вспахавъ земли, зря разбросали зерно по цѣлинѣ.

— И такъ, шельма, родитъ!—говорили они въ чаду гордыни.

Но надежды ихъ не сбылись, и когда поля весной освободились отъ снѣга, то глуповцы не безъ изумленія увидѣли, что они стоятъ совсѣмъ голыя. По обыкновенію, явленіе это приписали дѣйствію враждебныхъ силъ и завинили боговъ за то, что они не оказали жителямъ достаточной защиты. Начали сѣчь Волоса, который выдержалъ наказаніе стоически; потомъ принялись за Ярилу, и говорятъ, будто бы въ глазахъ его показались слезы. Глуповцы въ ужасѣ разбѣжались по кабакамъ и стали ждать, что̀ будетъ. Но ничего особеннаго не произошло. Былъ дождь и было вёдро, но полезныхъ злаковъ на незасѣянныхъ поляхъ не появилось.

Грустиловъ присутствовалъ на костюмированномъ балу (въ то время у глуповцевъ была каждый день масляница), когда вѣсть о бѣдствіи, угрожавшемъ Глупову, дошла до него. Повидимому, онъ ничего не подозрѣвалъ. Весело шутя съ предводительшей, онъ разсказывалъ ей, что въ скоромъ времени ожидается такая выкройка дамскихъ платьевъ, что можно будетъ по прямой линіи видѣть паркетъ, на которомъ стоитъ женщина. Потомъ завелъ рѣчь о прелестяхъ уединенной жизни и вскользь заявилъ, что онъ и самъ надѣется когда-нибудь найти отдохновеніе въ стѣнахъ монастыря.

— Конечно, женскаго? — спросила предводительша, лукаво улыбаясь.

— Если вы изволите быть въ немъ настоятельницей, то я хоть сейчасъ готовъ дать обѣтъ послушанія, — галантерейно отвѣчалъ Грустиловъ.

По этому вечеру суждено было провести глубокую демаркаціонную черту во внутренней политикѣ Грустилова. Балъ разгорался: танцующіе кружились неистово; въ вихрѣ развѣвающихся платьевъ и локоновъ мелькали бѣлыя, обнаженныя, душистыя плечи. Постепенно разыгрываясь, фантазія Грустилова умчалась, наконецъ, въ надзвѣздный міръ, куда онъ, по очереди, переселилъ вмѣстѣ съ собою всѣхъ этихъ полуобнаженныхъ богинь, которыхъ бюсты такъ

глубоко уязвили его сердце. Скоро, однакожъ, и въ надзвѣздномъ мірѣ сдѣлалось душно; тогда онъ удалился въ уединенную комнату и, усѣвшись среди зелени померанцевъ и миртовъ, впалъ въ забытье.

Въ эту самую минуту передъ нимъ явилась маска и положила ему на плечо свою руку. Онъ сразу понялъ, что это — *она*. Она такъ тихо подошла къ нему, какъ будто подъ атласнымъ домино, довольно впрочемъ явственно обличавшимъ ея воздушныя формы, скрывалась не женщина, а сильфъ. По плечамъ разсыпались русыя, почти пепельныя кудри, изъ-подъ маски глядѣли голубые глаза, а обнаженный подбородокъ обнаруживалъ существованіе ямочки, въ которой, казалось, свилъ свое гнѣздо амуръ. Все въ ней было полно какого-то скромнаго и въ то же время не-безразсчетнаго изящества, начиная отъ духовъ violettes de Parmes, которыми опрыскавъ былъ ея платокъ, и кончая щегольскою перчаткой, обтягивавшей ея маленькую, аристократическую ручку. Очевидно, однакожъ, что она находилась въ волненіи, потому что грудь ея трепетно поднималась, а голосъ, напоминавшій райскую музыку, слегка дрожалъ.

— Проснись, падшій братъ!—сказала она Грустилову.

Грустиловъ не понялъ: онъ думалъ, что ей представилось, будто онъ спитъ, и въ доказательство, что это ошибка, сталъ простирать руки.

— Не о тѣлѣ, а о душѣ говорю я!—грустно продолжала маска: —не тѣло, а душа спитъ... глубоко спитъ!

Тутъ только понялъ Грустиловъ, въ чемъ дѣло: но такъ какъ душа его закоснѣла въ идолопоклонствѣ, то слово истины, конечно, не могло сразу проникнуть въ нее. Онъ даже заподозрилъ въ первую минуту, что подъ маской скрывается юродивая Аксиньюшка, та самая, которая, еще при Фердыщенкѣ, предсказала большой глуповскій пожаръ, и которая, во время отпаденія глуповцевъ въ идолопоклонство, одна осталась вѣрною истинному Богу.

— Нѣтъ, я не та, которую ты во мнѣ подозрѣваешь, — продолжала между тѣмъ таинственная незнакомка, какъ бы угадавъ его мысли:—я не Аксиньюшка, ибо недостойна облобызать даже прахъ ея ногъ. Я просто такая же грѣшница, какъ и ты!

Съ этими словами она сняла съ лица своего маску.

Грустиловъ былъ пораженъ. Передъ нимъ было прелестнѣйшее женское личико, какое когда-нибудь удавалось ему видѣть. Случи-

лось ему, правда, встрѣтить нѣчто подобное въ вольномъ городѣ Гамбургѣ, но это было такъ давно, что прошлое казалось какъ бы задернутымъ пеленою. Да; это именно тѣ самыя нѣжныя кудри, та самая матовая бѣлизна лица, тѣ самые голубые глаза, тотъ самый полный и трепещущій бюстъ; но какъ все это преобразилось въ новой обстановкѣ, какъ выступило впередъ лучшими, интереснѣйшими своими сторонами! Но еще болѣе поразило Грустилова, что незнакомка съ такою прозорливостью угадала его предположеніе объ Аксиньюшкѣ...

— Я—твое внутреннее слово! я послана объявить тебѣ свѣтъ Савора, котораго ты ищешь, самъ того не зная!—продолжала между тѣмъ незнакомка:—но не спрашивай, кто меня послалъ, потому что я и сама объявить о семъ не умѣю!

— Но кто же ты?—вскричалъ встревоженный Грустиловъ.

— Я та самая юродивая дѣва, которую ты видѣлъ съ потухшимъ свѣтильникомъ въ вольномъ городѣ Гамбургѣ! Долгое время находилась я въ состояніи томленія, долгое время безуспѣшно стремилась къ свѣту, но князь тьмы слишкомъ искусенъ, чтобы разомъ упустить изъ рукъ свою жертву! Однако *тамъ* мой путь уже былъ начертанъ! Явился здѣшній антекарь Пфейферъ и, вступивъ со мной въ бракъ, увлекъ меня въ Глуповъ: здѣсь я познакомилась съ Аксиньюшкой.—и задача просвѣтленія обозначилась передо мной такъ ясно, что восторгъ овладѣлъ всѣмъ существомъ моимъ. Но если бы ты зналъ, какъ жестока была борьба!

Она остановилась, подавленная скорбными воспоминаніями; онъ же алчно простиралъ руки, какъ бы желая осязать это непостижимое существо.

— Прими руки! — кротко сказала она: — не осязаніемъ, но мыслью ты долженъ прикасаться ко мнѣ, чтобы выслушать то, что я должна тебѣ открыть!

— Но не лучше ли будетъ, ежели мы удалимся въ комнату болѣе уединенную?—спросилъ онъ робко, какъ бы самъ сомнѣваясь въ приличіи своего вопроса.

Однакожъ она согласилась, и они удалились въ одинъ изъ тѣхъ очаровательныхъ пріютовъ, которые со временъ Микаладзе устраивались для градоначальниковъ во всѣхъ мало-мальски порядочныхъ домахъ города Глупова. Что происходило между ними — это для

всѣхъ осталось тайною; но онъ вышелъ изъ пріюта разстроенный и съ заплаканными глазами. *Внутреннее слово* подѣйствовало такъ сильно, что онъ даже не удостоилъ танцующихъ взглядомъ и прямо отправился домой.

Происшествіе это произвело сильное впечатлѣніе на глуповцевъ. Стали доискиваться, откуда явилась Пфейферша. Одни говорили, что она не болѣе какъ интригантка, которая, съ вѣдома мужа, задумала овладѣть Грустиловымъ, чтобы вытѣснить изъ города аптекаря Зальцфиша, дѣлавшаго Пфейферу сильную конкурренцію. Другіе утверждали, что Пфейферша еще въ вольномъ городѣ Гамбургѣ полюбила Грустилова за его меланхолическій видъ и вышла замужъ за Пфейфера единственно затѣмъ, чтобы соединиться съ Грустиловымъ и сосредоточить на себѣ ту чувствительность, которую онъ безполезно растрачивалъ на такія пустыя зрѣлища, какъ токованье тетеревовъ и кокотокъ.

Какъ бы то ни было, нельзя отвергать, что это была женщина далеко не дюжинная. Изъ оставшейся послѣ нея переписки видно, что она находилась въ сношеніяхъ со всѣми знаменитѣйшими мистиками и піэтистами того времени, и что Лабзинъ, напримѣръ, посвящалъ ей тѣ избраннѣйшія свои сочиненія, которыя не предназначались для печати. Сверхъ того, она написала нѣсколько романовъ, изъ которыхъ въ одномъ, подъ названіемъ „Ситалица Доротея“, изобразила себя въ наилучшемъ свѣтѣ. „Она была привлекательна на видъ“, писалось въ этомъ романѣ о героинѣ, „но хотя многіе мужчины желали ея ласкъ, она оставалась холодною и какъ бы загадочною. Тѣмъ не менѣе душа ея жаждала непрестанно, и когда въ этихъ поискахъ встрѣтилась съ однимъ знаменитымъ химикомъ (такъ называла она Пфейфера), то прилѣпилась къ нему безконечно. Но при первомъ же земномъ ощущеніи она поняла, что жажда ея не удовлетворена“... и т. д.

Возвратившись домой, Грустиловъ цѣлую ночь плакалъ. Воображеніе его рисовало грѣховную бездну, на днѣ которой метались черти. Были тутъ и кокотки, и кокодесы, и даже тетерева — и все огненные. Одинъ изъ чертей вылѣзъ изъ бездны и поднесъ ему любимое его кушанье, но едва онъ прикоснулся къ нему устами, какъ по комнатѣ распространился смрадъ. Но что всего болѣе ужаснуло его,

такъ это горькая увѣренность, что не одинъ онъ погрязъ, но въ лицѣ его погрязъ и весь Глуповъ.

— За всѣхъ отвѣтить, или всѣхъ спасти!—кричалъ онъ, цѣпенѣя отъ страха,—и, конечно, рѣшился спасти.

На другой день, раннимъ утромъ, глуповцы были изумлены, услыхавъ мѣрный звонъ колокола, призывавшій жителей къ заутрени. Давнымъ-давно уже не раздавался этотъ звонъ, такъ что глуповцы даже забыли объ немъ. Многіе думали, что гдѣ-нибудь горитъ, и вмѣсто пожара увидѣли зрѣлище болѣе умилительное. Безъ шапки, въ разодранномъ вицъ-мундирѣ, съ опущенной долу головой и бія себя въ перси, шелъ Грустиловъ впереди процессіи, состоявшей вперемежъ лишь изъ чиновъ полицейской и пожарной команды. Сзади процессіи слѣдовала Нфейферша, безъ кринолина: съ одной стороны, ее конвоировала Аксиньюшка, съ другой — знаменитый юродивый Парамоша, замѣнившій въ любви глуповцевъ не менѣе знаменитаго Архипушку, который сгорѣлъ такимъ трагическимъ образомъ въ общій пожаръ (см. „Соломенный городъ“).

Отслушавъ заутреню, Грустиловъ вышелъ изъ церкви ободренный и, указывая Нфейферши на вытянувшихся въ струнку пожарныхъ и полицейскихъ солдатъ („кои и во время глуповскаго безпутства втайнѣ истинному Богу вѣрны пребывали“, присовокупляетъ лѣтописецъ), сказалъ:

— Видя внезапное сихъ людей усердіе, я въ точности позналъ, сколь быстрое имѣетъ дѣйствіе сія вещь, которую вы, сударыня моя, внутреннимъ словомъ справедливо именуете.

И потомъ, обращаясь къ квартальнымъ, прибавилъ:

— Дайте симъ людямъ, за ихъ усердіе, по гривеннику!

— Рады стараться, ваше высокородіе!—гаркнули въ одинъ голосъ полицейскіе и скорымъ шагомъ направились въ кабакъ.

Таково было первое дѣйствіе Грустилова послѣ внезапнаго его обновленія. Затѣмъ онъ отправился къ Аксиньюшкѣ, такъ какъ безъ ея нравственной поддержки никакого успѣха въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла ожидать было невозможно. Аксиньюшка жила на самомъ краю города, въ какой-то землянкѣ, которая скорѣе похожа была на кротовью нору, нежели на человѣческое жилище. Съ ней же, въ нравственномъ сожитіи, находился и блаженный Парамоша. Сопровождаемый Нфейфершей, Грустиловъ ощупью спустился по темной лѣст-

ницѣ внизъ и едва могъ нащупать дверь. Зрѣлище, представившееся глазамъ его, было поразительное. На грязномъ голомъ полу валялись два полуобнаженные человѣческіе остова (это были сами блаженные, уже успѣвшіе возвратиться съ богомолья), которые бормотали и выкрикивали какія-то безсвязныя слова и въ то же время вздрагивали, кривлялись и корчились словно въ лихорадкѣ. Мутный свѣтъ проходилъ въ нору сквозь единственное крошечное окошко, покрытое слоемъ пыли и паутины; на стѣнахъ слоилась сырость и плесень. Запахъ былъ до того отвратительный, что Грустиловъ въ первую минуту сконфузился и зажалъ носъ. Прозорливая старушка замѣтила это.

— Духи царскіе! духи райскіе!—запѣла она пронзительнымъ голосомъ:—не надо ли кому духовъ!

И сдѣлала при этомъ такое движеніе, что Грустиловъ навѣрное поколебался бы, еслибъ Пфейферша не поддержала его.

— Спитъ душа твоя... спитъ глубоко!—сказала она строго:—а еще такъ недавно ты хвалился своей бодростью!

— Спитъ душенька на подушечкѣ... спитъ душенька на перинушкѣ... а боженька тукъ-тукъ! да по головкѣ тукъ-тукъ! да по темечку тукъ-тукъ!—визжала блаженная, бросая въ Грустилова щепками, землею и соромъ.

Парамоша лаялъ по-собачьи и кричалъ по-пѣтушиному.

— Брысь, сатана! пѣтухъ запѣлъ!—бормоталъ онъ въ промежуткахъ.

— Маловѣрный! Вспомни внутреннее слово! — настаивала съ своей стороны Пфейферша.

Грустиловъ ободрился.

— Матушка Аксинья Егоровна! извольте меня разрѣшить! — сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

— Я и Егоровна, я и тараторовна! Ярило—мерзило! Волосъ—безъ волосъ! Перунъ старый... Парамонъ—онъ умень!—провизжала блаженная, скорчилась и умолкла.

Грустиловъ озирался въ недоумѣніи.

— Это значитъ, что слѣдуетъ поклониться Парамону Мелентьичу!—подсказала Пфейферша.

— Батюшка, Парамонъ Мелентьичъ! извольте меня разрѣшить! —поклонился Грустиловъ.

Но Парамоша нѣкоторое время только корчился и икалъ.

— Ниже! ниже поклонись! — командовала блаженная: — не жалѣй спины-то! не твоя спина — божья!

— Извольте меня, батюшка, разрѣшить! — повторилъ Грустиловъ, кланяясь ниже.

— Безъ працы не бенды кололацы! — пробормоталъ блаженный дикимъ голосомъ — и вдругъ вскочилъ.

Немедленно вслѣдъ за нимъ вскочила и Аксиньюшка, и начали они кружиться. Сперва кружились медленно и потихоньку всхлипывали; потомъ круги начали дѣлаться быстрѣе и быстрѣе, покуда, наконецъ, не перешли въ совершенный вихрь. Послышался хохотъ, визгъ, трели, всхлебыванія, подобныя тѣмъ, которыя можно слышать только весной въ пруду, дающемъ пріютъ миріадамъ лягушекъ.

Грустиловъ и Пфейферша стояли нѣкоторое время въ ужасѣ, но наконецъ не выдержали. Сначала они вздрагивали и присѣдали, потомъ постепенно начали кружиться и вдругъ завихрились и захохотали. Это означало, что наитіе совершилось, и просимое разрѣшеніе получено.

Грустиловъ возвратился домой усталый до изнеможенія: однакожъ онъ еще нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы подписать распоряженіе о наипоспѣшнѣйшей высылкѣ изъ города аптекаря Зальцфиша. Вѣрные ликовали, а причетники, въ теченіе многихъ лѣтъ питавшіеся одними негодными злаками, закололи барана, и мало того, что съѣли его всего, не пощадивъ даже копытъ, но долгое время скребли ножомъ столъ, на которомъ лежало мясо, и съ жадностью ѣли стружки, какъ бы опасаясь утратить хоть одинъ атомъ питательнаго вещества. Въ тотъ же день Грустиловъ надѣлъ на себя вериги (впослѣдствіи оказалось, впрочемъ, что это были просто помочи, которыя дотолѣ не были въ Глуповѣ въ употребленіи) и подвергнулъ свое тѣло бичеванію. „Въ первый разъ сегодня я понялъ“, писалъ онъ по этому случаю Пфейфершѣ, „что̀ значатъ слова: *вкладиѣ уязви мя*, которыя вы сказали мнѣ при первомъ свиданіи, дорогая сестра моя по духу! Сначала бичевалъ я себя съ нѣкоторою уклончивостью, но, постепенно разгараясь, позвалъ, подъ конецъ, деньщика и сказелъ ему: хлещи! И что же? даже сіе оказалось недостаточнымъ, такъ что я вынужденнымъ нашелся расковырять себѣ на невидномъ мѣстѣ рану, но и отъ того не страдалъ, а находился въ восхищеніи. Отнюдь

не больно! Столь меня сіе удивило, что я и доселѣ спрашиваю себя: полно, страданіе ли это, и не скрывается ли здѣсь какой-либо особливый видъ плотоугодничества и самовосхищенія? Жду васъ къ себѣ, дорогая сестра моя по духу, дабы разрѣшить сей вопросъ въ совокупномъ разсмотрѣніи".

Можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ Грустиловъ, будучи однимъ изъ гривуазнѣйшихъ поклонниковъ мамоны, столь быстро обратился въ аскета. На это могу сказать одно: кто не вѣритъ въ волшебныя превращенія, тотъ пусть не читаетъ лѣтописи Глупова. Чудесъ этого рода можно найти здѣсь даже болѣе, чѣмъ нужно. Такъ напримѣръ, одинъ начальникъ плюнулъ подчиненному въ глаза, и тотъ прозрѣлъ. Другой начальникъ сталъ сѣчь неплательщика, думая преслѣдовать въ этомъ случаѣ лишь воспитательную цѣль, и совершенно неожиданно открылъ, что въ спинѣ у сѣкомаго зарытъ кладъ *). Если факты до такой степени диковинные не возбуждаютъ ни въ комъ недовѣрія, то можно ли удивляться превращенію столь обыкновенному, какъ то, которое случилось съ Грустиловымъ?

Но, съ другой стороны, этотъ же фактъ объясняется и инымъ путемъ, болѣе естественнымъ. Есть указанія, которыя заставляютъ думать, что аскетизмъ Грустилова былъ совсѣмъ не такъ суровъ, какъ это можно предполагать съ перваго взгляда. Мы уже видѣли, что такъ-называемыя вериги его были не болѣе какъ помочи; изъ дальнѣйшихъ же объясненій лѣтописца усматривается, что и прочіе подвиги были весьма преувеличены Грустиловымъ, и что они въ значительной степени сдабривались духовною любовью. Шелепъ, которымъ онъ бичевалъ себя, былъ бархатный (онъ и доселѣ хранится въ глуповскомъ архивѣ); постъ же состоялъ въ томъ, что онъ къ прежнимъ кушаньямъ прибавилъ рыбу тюбо, которую выписывалъ изъ Парижа на счетъ обывателей. Что же тутъ удивительнаго, что бичеваніе приводило его въ восторгъ и что самыя язвы казались восхитительными?

Между тѣмъ колоколъ продолжалъ въ урочное время призывать къ молитвѣ, и число вѣрныхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось. Спа-

*) Реальность этого факта подтверждается тѣмъ, что съ тѣхъ поръ сѣченіе было признано лучшимъ способомъ для взысканія недоимокъ.—*Изд.*

чала ходили только полицейскіе, но потомъ, глядя на нихъ, стали ходить и посторонніе. Грустиловъ съ своей стороны подавалъ примѣръ истиннаго благочестія, плюя на капище Перуна каждый разъ, какъ проходилъ мимо него. Можетъ быть, такъ и разрѣшилось бы это дѣло исподволь, еслибъ мирному исходу его не помѣшали замыслы нѣкоторыхъ безпокойныхъ честолюбцевъ, которые уже и въ то время были извѣстны подъ именемъ „крайнихъ“.

Во главѣ партіи состояли тѣ же Аксиньюшка и Парамоша, имѣя за собой цѣлую толпу нищихъ и калѣкъ. У нищихъ единственнымъ источникомъ пропитанія было прошеніе милостыни на церковныхъ папертяхъ; но такъ какъ древнее благочестіе въ Глуповѣ на нѣкоторое время прекратилось, то естественно, что источникъ этотъ значительно оскудѣлъ. Реформы, затѣянныя Грустиловымъ, были встрѣчены со стороны ихъ громкимъ сочувствіемъ; густою толпою убогіе люди наполняли дворъ градоначальническаго дома: одни ковыляли на деревяшкахъ, другіе ползали на четверенькахъ. Всѣ славословили, но въ то же время уже всѣ единогласно требовали, чтобы обновленіе совершилось сію минуту, и чтобъ наблюденіе за этимъ дѣломъ было возложено на нихъ. И тутъ, какъ всегда, голодъ оказался плохимъ совѣтчикомъ, а медленныя, но твердыя и дальновидныя дѣйствія градоначальника подверглись превратнымъ толкованіямъ. Напрасно льстилъ Грустиловъ страстямъ калѣкъ, высылая имъ остатки отъ своей обильной трапезы; напрасно объяснялъ онъ выборнымъ отъ убогихъ людей, что постепенность не есть потворство, а лишь вящее упроченіе затѣяннаго предпріятія—калѣки ничего не хотѣли слышать. Гнѣвно потрясали они своими деревяшками и громко угрожали поднять знамя бунта.

Опасность предстояла серьезная, ибо для того, чтобы усмирять убогихъ людей, необходимо имѣть гораздо бо́льшій запасъ храбрости, нежели для того, чтобы палить въ людей, не имѣющихъ изъяновъ. Грустиловъ понималъ это. Сверхъ того, онъ уже потому чувствовалъ себя беззащитнымъ передъ демагогами, что послѣдніе, такъ сказать, считали его своимъ созданіемъ и въ этомъ смыслѣ дѣйствовали до крайности ловко. Во-первыхъ, они окружили себя цѣлою сѣтью доносовъ, посредствомъ которыхъ до свѣдѣнія Грустилова доводился всякій слухъ, къ посрамленію его чести относящійся; во-вторыхъ, они заинтересовали въ свою пользу Нефедьеву, посуливъ ей часть

такъ-называемаго посумнаго сбора (этимъ сборомъ облагалась каждая нищенская сумà; впослѣдствіи онъ легъ въ основаніе финансовой системы города Глупова).

Шфейферша денно и нощно приставала къ Грустилову, въ особенности преслѣдуя его перепискою, которая, несмотря на короткое время, представляла уже въ объемѣ довольно обширный томъ. Основаніе ея писемъ составляли видѣнія, содержаніе которыхъ измѣнялось, смотря по тому, довольна или недовольна она была своимъ „духовнымъ братомъ". Въ одномъ письмѣ она видитъ его „ходящимъ по облаку" и утверждаетъ, что не только она, но и Шфейферъ это видѣлъ; въ другомъ усматриваетъ его въ геенѣ огненной въ сообществѣ съ чертями всевозможныхъ наименованій. Въ одномъ письмѣ развиваетъ мысль, что градоначальники вообще имѣютъ право на безусловное блаженство въ загробной жизни, по тому одному, что они градоначальники; въ другомъ утверждаетъ, что градоначальники обязаны обращать на свое поведеніе особенное вниманіе, такъ какъ въ загробной жизни они, противъ всякаго другого, подвергаются истязаніямъ вдвое и втрое. Все равно какъ паны или князья.

Въ данномъ случаѣ письма ея имѣли характеръ угрожающій. „Снѣшу извѣстить васъ,—писала она въ одномъ изъ нихъ,—что я въ сію ночь во снѣ видѣла. Стоите вы въ темномъ и смрадномъ мѣстѣ и привязаны къ столбу, а привязки сдѣланы изъ змій и на груди (у васъ) доска, на которой написано: сей есть вѣдомый покровитель нечестивыхъ и агарянъ (sic). И бѣсы, собравшись, радуются, а праведные стоятъ въ отдаленіи и, взирая на васъ, льютъ слезы. Извольте сами разсмотрѣть, не видится ли тутъ какого не совсѣмъ выгоднаго для васъ предзнаменованія?"

Читая эти письма, Грустиловъ приходилъ въ необычайное волненіе. Съ одной стороны природная склонность къ анатіи, съ другой страхъ чертей—все это производило въ его головѣ какой-то неслыханный сумбуръ, среди котораго онъ путался въ самыхъ противорѣчивыхъ предположеніяхъ и мѣропріятіяхъ. Одно казалось яснымъ: что онъ тогда только будетъ благополученъ, когда глуповцы поголовно станутъ ходить ко всенощной и когда инспекторомъ-наблюдателемъ всѣхъ глуповскихъ училищъ будетъ назначенъ Нарамона.

Это послѣднее условіе было въ особенности важно, и убогіе люди предъявляли его очень настойчиво. Развращеніе нравовъ дошло до

того, что глуповцы посягнули проникнуть въ тайну построенія міровъ. и открыто рукоплескали учителю каллиграфіи, который, выйдя изъ предѣловъ своей спеціальности, проповѣдовалъ съ каѳедры, что міръ не могъ быть сотворенъ въ шесть дней. Убогіе очень основательно разсчитали, что если это мнѣніе утвердится, то вмѣстѣ съ тѣмъ разомъ рухнетъ все глуповское міросозерцаніе вообще. Всѣ части этого міросозерцанія такъ крѣпко цѣплялись другъ за друга, что невозможно было потревожить одну, чтобы не разрушить всего остальнаго. Не вопросъ о порядкѣ сотворенія міра тутъ важенъ, а то, что вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ могло вторгнуться въ жизнь какое-то совсѣмъ новое начало, которое навѣрное должно было испортить всю кашу. Путешественники того времени единогласно свидѣтельствуютъ, что глуповская жизнь поражала ихъ своею цѣльностью, и справедливо приписываютъ это счастливому отсутствію духа изслѣдованія. Если глуповцы съ твердостью переносили бѣдствія самыя ужасныя, если они и послѣ того продолжали жить, то они обязаны были этимъ только тому, что вообще всякое бѣдствіе представлялось имъ чѣмъ-то совершенно отъ нихъ независящимъ, а потому и неотвратимымъ. Самое крайнее, что дозволялось въ виду идущей на встрѣчу бѣды—это прижаться куда-нибудь къ сторонкѣ, затаить дыханіе и пропасть на все время, покуда бѣда будетъ кутить и мутить. Но и это уже считалось строптивостью; бороться же или открыто идти противъ бѣды —упаси Боже! Стало быть, если допустить глуповцевъ разсуждать, то, пожалуй, они дойдутъ и до такихъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, дѣйствительно ли существуетъ такое предопредѣленіе, которое дѣлаетъ для нихъ обязательнымъ претерпѣніе даже такого бѣдствія, какъ, напримѣръ, краткое, но совершенно безсмысленное градоправительство Брудастаго (см. выше разсказъ „Органчикъ“)? А такъ какъ вопросъ этотъ длинный, а руки у нихъ коротки, то очевидно, что существованіе вопроса только поколеблетъ ихъ твердость въ бѣдствіяхъ, но въ положеніи существеннаго улучшенія все-таки не сдѣлаетъ.

Но покуда Грустиловъ колебался, убогіе люди рѣшились дѣйствовать самостоятельно. Они ворвались въ квартиру учителя каллиграфіи Линкина, произвели въ ней обыскъ и нашли книгу: „Средства для истребленія блохъ, клоповъ и другихъ насѣкомыхъ“. Съ торжествомъ вытолкали они Линкина на улицу и, потрясая воздухъ радостными восклицаніями, повели его на градоначальническій дворъ.

Грустиловъ сначала растерялся и, разсмотрѣвъ книгу, началъ было объяснять, что она ничего не заключаетъ въ себѣ ни противъ религіи, ни противъ нравственности, ни даже противъ общественнаго спокойствія. Но ниціе ничего уже не слушали.

— Плохо ты, вѣрно, читалъ!—дерзко кричали они градоначальнику, и подняли такой гвалтъ, что Грустиловъ испугался и разсудилъ, что благоразуміе повелѣваетъ уступить требованіямъ общественнаго мнѣнія.

— Самъ ли ты зловредную оную книгу сочинилъ? а ежели не самъ, то кто тотъ завѣдомый воръ и сущій разбойникъ, который таковое злодѣйство учинилъ? и какъ ты съ тѣмъ воромъ знакомство свелъ? и отъ него ли ту книжицу получилъ? и ежели отъ него, то зачѣмъ, кому слѣдуетъ, о томъ не объявилъ, но, забывъ совѣсть, распутству его потакалъ и подражалъ?—Такъ началъ Грустиловъ свой допросъ Линкину.

— Ни самъ я тоя книжицы не сочинялъ, ни сочинителя оной въ глаза не видывалъ, а напечатана она въ столичномъ городѣ Москвѣ, въ университетской типографіи, иждивеніемъ книгопродавцевъ Манухиныхъ!—твердо отвѣчалъ Линкинъ.

Толпѣ этотъ отвѣтъ не понравился, да и вообще она ожидала не того. Ей казалось, что Грустиловъ, какъ только приведутъ къ нему Линкина, разорветъ его пополамъ—и дѣло съ концомъ. А онъ, вмѣсто того, разговариваетъ! Поэтому, едва градоначальникъ разинулъ ротъ, чтобъ предложить второй вопросный пунктъ, какъ толпа загудѣла:

— Что ты съ нимъ балы-то точишь! онъ въ Бога не вѣритъ!

Тогда Грустиловъ въ ужасѣ разодралъ на себѣ вицъ-мундиръ.

— Точно ли ты въ Бога не вѣришь?—подскочилъ онъ къ Линкину, и по важности обвиненія, не выждавъ отвѣта, слегка ударилъ его, въ видѣ задатка, по щекѣ.

— Никому я о семъ не объявлялъ,—уклонился Линкинъ отъ прямого отвѣта.

— Свидѣтели есть! свидѣтели!—гремѣла толпа.

Выступили впередъ два свидѣтеля: отставной солдатъ Карапузовъ да слѣпенькая нищенка Маремьянушка. „И было тѣмъ свидѣтелямъ дано за ложное показаніе по пятаку серебромъ“, говоритъ

лѣтописецъ, который въ этомъ случаѣ явно становится на сторону угнетеннаго Линкина.

— Намеднись, а когда именно не упомню,—свидѣтельствовалъ Карапузовъ,—сидѣлъ я въ кабакѣ и пилъ вино, а неподалеку отъ меня сидѣлъ этотъ самый учитель и тоже пилъ вино. И выпивши онъ того вина довольно, сказалъ: „всѣ мы, что человѣки, что скоты —все едино; всѣ помремъ и всѣ къ чортовой матери пойдемъ!“

— Но когда же...—заикнулся-было Линкинъ.

— Стой! ты погоди пасть-то разѣвать! пускай сперва свидѣтель доскажетъ!—крикнула на него толпа.

— И будучи я приведенъ отъ тѣхъ словъ въ соблазнъ,—продолжалъ Карапузовъ,—кроткимъ манеромъ сказалъ ему: какъ же, молъ, это такъ, ваше благородіе? ужели, молъ, что человѣкъ, что скотина—все едино? и за что, молъ, вы такъ насъ порочите, что и мѣста другого, кромѣ какъ у чортовой матери, для насъ не нашли? Батюшки, молъ, наши духовные не тому насъ учили,—вотъ что! Ну, онъ-это взглянулъ на меня этакъ съискоса: „ты, говоритъ, колченогій (а у меня, ваше высокородіе, точно-что подъ Очаковомъ ногу унесло), въ полиціи видно служишь?“ —взялъ шапку и вышелъ изъ кабака вонъ.

Линкинъ разинулъ ротъ, но это только пуще раздражило толпу.

— Да зажми ты ему пасть-то!—кричала она Грустилову: — ишь рѣчистый какой выпскался!

Карапузова смѣнила Маремьянушка.

— Сижу я намеднись въ питейномъ,—свидѣтельствовала она: —и тошно мнѣ, слѣпенькой, стало: сижу этакъ-то и все думаю: куда, молъ, ноньче народъ, противъ прежняго, гордѣе сталъ! Бога забыли, въ посты скоромное ѣдятъ, нищихъ не одѣляютъ: смотри, молъ, скоро и на солнышко прямо смотрѣть станутъ! Право. Только и подходитъ ко мнѣ самый этотъ молодецъ: „слѣпа, бабушка?“ говоритъ.—Слѣпенькая, молъ, ваше высокое благородіе.—„А отчего, молъ, ты слѣпа?“—Отъ Бога, говорю, ваше высокое благородіе.—„Какой тутъ Богъ! отъ восны, чай?“—это онъ-то все говоритъ.—А восна-то, говорю, отъ кого же?—„Ну, да, отъ Бога, держи карманъ! Вы, говоритъ, въ сырости да въ нечистотѣ всю жизнь копаетесь, а Богъ виноватъ!“

Маремьянушка остановилась и заплакала.

— И такъ это меня обидѣло,—продолжала она, всхлипывая: —ужъ и не знаю какъ! За что же, моль, ты Бога-то обидѣлъ? — говорю я ему. А онъ не то чтобы что, плюнулъ мнѣ прямо въ глаза: „утрись, говоритъ, можетъ будешь видѣть“,—и былъ таковъ.

Обстоятельства дѣла выяснились вполнѣ; но такъ какъ Линкинъ непремѣнно требовалъ, чтобы была выслушана рѣчь его защитника, то Грустиловъ долженъ былъ, скрѣпя сердце, исполнить его требованіе. И точно: вышелъ изъ толпы какой-то отставной подъячій и сталъ говорить. Сначала говорилъ онъ довольно невнятно, но потомъ вникъ въ предметъ, и къ общему удивленію, вмѣсто того, чтобы защищать, сталъ обвинять. Это до того подѣйствовало на Линкина, что онъ сейчасъ же не только сознался во всемъ, но даже много прибавилъ такого, чего никогда и не бывало.

— Смотрѣлъ я однажды у пруда на лягушекъ,—говорилъ онъ, —и былъ смущенъ діаволомъ. И началъ себя бездѣльнымъ обычаемъ спрашивать, точно ли одинъ человѣкъ обладаетъ душою, и нѣтъ ли таковой у гадовъ земныхъ? И взявъ лягушку, изслѣдовалъ. И по изслѣдованіи нашелъ: точно, душа есть и у лягушки, токмо малая видомъ и не безсмертная.

Тогда Грустиловъ обратился къ убогимъ и, сказавъ:

— Сами видите!—приказалъ отвести Линкина въ часть.

Къ сожалѣнію, лѣтописецъ не разсказываетъ дальнѣйшихъ подробностей этой исторіи. Въ перепискѣ же Пфейферши сохранились лишь слѣдующія строки объ этомъ дѣлѣ: „вы, мужчины, очень счастливы: вы можете быть твердыми; но на меня вчерашнее зрѣлище произвело такое дѣйствіе, что Пфейферъ не на шутку встревожился и поскорѣй далъ мнѣ принять успокоительныхъ капель“. И только.

Но происшествіе это было важно въ томъ отношеніи, что если прежде у Грустилова еще были кое-какія сомнѣнія насчетъ предстоящаго ему образа дѣйствія, то съ этой минуты они совершенно исчезли. Вечеромъ того же дня онъ назначилъ Парамошу инспекторомъ глуповскихъ училищъ, а другому юродивому, Яшенькѣ, предоставилъ каѳедру философіи, которую нарочно для него создалъ въ уѣздномъ училищѣ. Самъ же усердно принялся за сочиненіе трактата: „О восхищеніяхъ благочестивой души“.

Въ самое короткое время физіономія города до того измѣнилась, что онъ сдѣлался почти неузнаваемъ. Вмѣсто прежняго буйства и

ляски наступила могильная тишина, прерываемая лишь звономъ колоколовъ, которые звонили на всѣ манеры: и во вся, и въ одиночку, и съ перезвономъ. Капища запустѣли; идоловъ утопили въ рѣкѣ, а манежъ, въ которомъ давала представленія дѣвица Гандонъ, сожгли. Затѣмъ по всѣмъ улицамъ накурили смирною и ливаномъ, и тогда только обнадежились, что вражья сила окончательно посрамлена.

Но злаковъ на поляхъ все не прибавлялось, ибо глуповцы отъ бездѣйствія весело-буйственнаго перешли къ бездѣйствію мрачному. Напрасно они воздѣвали руки, напрасно облагали себя поклонами, давали обѣты, постились, устраивали процессіи—Богъ не внималъ мольбамъ. Кто-то заикнулся-было сказать, что „какъ ни какъ, а придется въ поле съ сохою выйти“, но дерзкаго едва не побили каменьями, и въ отвѣтъ на его предложеніе утроили усердіе.

Между тѣмъ Парамоша съ Яшенькой дѣлали свое дѣло въ школахъ. Парамошу нельзя было узнать; онъ расчесалъ себѣ волосы, завелъ бархатную поддевку, душился, мылъ руки мыломъ до бѣла и въ этомъ видѣ ходилъ по школамъ и громилъ тѣхъ, которые надѣются на князя міра сего. Горько издѣвался онъ надъ суетными, тщеславными, высокоумными, которые о пищѣ тѣлесной заботятся, а духовную не блюдутъ, и приглашалъ всѣхъ удалиться въ пустыню. Яшенька, съ своей стороны, училъ, что сей міръ, который мы думаемъ очима своими видѣти, есть сонное нѣкое видѣніе, которое насылается на насъ врагомъ человѣчества, и что сами мы не болѣе какъ странники, изъ лона исходящіе и въ оное же входящіе. По мнѣнію его, человѣческія души, яко жито духовное, въ нѣкоей житницѣ сложены, и оттоль, въ мѣрѣ надобности, спущаются долу, дабы оное сонное видѣніе въ скорости увидѣти и по маломъ времени вспять въ благожелаемую житницу благопоспѣшно возлетѣть. Существенные результаты такого ученія заключались въ слѣдующемъ: 1) что работать не слѣдуетъ; 2) тѣмъ менѣе надлежитъ провидѣть, заботиться и печись, и 3) слѣдуетъ возлагать упованіе и созерцать — и ничего больше. Парамоша указывалъ даже, какъ нужно созерцать. „Для сего, — говорилъ онъ, — уединись въ самый удаленный уголъ комнаты, сядь, скрести руки подъ грудью и устреми взоры на пупокъ“.

Аксиньюшка тоже не плошала, но била въ баклуши неутомимо. Она ходила по домамъ и разсказывала, какъ однажды чортъ водилъ ее по мытарствамъ, какъ она первоначально приняла его за стран-

ника, но потомъ догадалась и сразилась съ нимъ. Основныя начала ея ученія были тѣ же, что̀ у Парамоши и Яшеньки, то-есть что работать не слѣдуетъ, а слѣдуетъ созерцать. „И, главное, подавать нищимъ, потому что нищіе не о мамонѣ пекутся, а о томъ, какъ бы душу свою спасти“, присовокупляла она, протягивая при этомъ руку. Проповѣдь эта шла столь успѣшно, что и въ скоромъ времени она успѣла скопить довольно значительный капиталъ. Да и нельзя было не давать ей, потому что она всякому не подающему милостыни безъ церемоніи плевала въ глаза и вмѣсто извиненія говорила только: „не взыщи!“

Но представителей мѣстной интеллигенціи даже эта суровая обстановка уже не удовлетворяла. Она удовлетворяла лишь внѣшнимъ образомъ, но настоящаго уязвленія не доставляла. Конечно, они не высказывали этого публично и даже въ точности исполняли обрядовую сторону жизни, но это была только внѣшность, съ помощью которой они льстили народнымъ страстямъ. Ходя по улицамъ съ опущенными глазами, благоговѣйно приближаясь къ папертямъ, они какъ бы говорили смердамъ: смотрите! я мы не гнушаемся общенія съ вами! но, въ сущности, мысль ихъ блуждала далече. Испорченные недавними вакханаліями политеизма и пресыщенные пряностями цивилизаціи, они не довольствовались просто вѣрою, но искали какихъ-то „восхищеній“. Къ сожалѣнію, Грустиловъ первый пошелъ по этому пагубному пути и увлекъ за собой остальныхъ. Примѣтивъ на самомъ выѣздѣ изъ города полу-развалившееся зданіе, въ которомъ нѣкогда помѣщалась инвалидная команда, онъ устроилъ въ немъ сходбища, на которыя по ночамъ собирался весь такъ-называемый глуповскій бомондъ. Тутъ сначала читали критическія статьи г. П. Страхова, но такъ какъ онѣ глупы, то скоро переходили къ другимъ занятіямъ. Предсѣдатель вставалъ съ мѣста и начиналъ корчиться; примѣру его слѣдовали другіе; потомъ, мало-по-малу, всѣ начинали скакать, кружиться, выть и кричать, и производили эти неистовства до тѣхъ поръ, покуда, совершенно измученные, не падали ницъ. Этотъ моментъ собственно и назывался „восхищеніемъ“.

Могъ ли продолжаться такой жизненный установъ и сколько времени? — опредѣлительно отвѣчать на этотъ вопросъ довольно трудно. Главное препятствіе для его безсрочности представлялъ, конечно, недостатокъ продовольствія, какъ прямое слѣдствіе господ-

ствовавшаго въ то время аскетизма; но съ другой стороны, исторія Глупова примѣрами совершенно положительными удостовѣряетъ насъ, что продовольствіе совсѣмъ не столь необходимо для счастія народовъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Ежели у человѣка есть подъ руками говядина, то онъ, конечно, охотнѣе питается ею, нежели другими, менѣе питательными веществами; но если мяса нѣтъ, то онъ столь же охотно питается хлѣбомъ, а буде и хлѣба недостаточно, то и лебедою. Стало быть, это вопросъ еще спорный. Какъ бы то ни было, но безобразная глуповская затѣя разрѣшилась гораздо неожиданнѣе и совсѣмъ не отъ тѣхъ причинъ, которыхъ вліяніе можно было бы предполагать самымъ естественнымъ.

Дѣло въ томъ, что въ Глуповѣ жилъ нѣкоторый, не имѣющій опредѣленныхъ занятій, штабъ-офицеръ, которому было случайно оказано пренебреженіе. А именно, еще во времена политеизма, на именинномъ пирогѣ у Грустилова, всѣмъ лучшимъ гостямъ подали уху стерляжью, а штабъ-офицеру,—разумѣется, безъ вѣдома хозяина,—досталась уха изъ окуней. Гость проглотилъ обиду („только ложка въ рукѣ его задрожала", говоритъ лѣтописецъ), но въ душѣ поклялся отомстить. Начались контры; сначала борьба велась глухо, но потомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ разгоралась все пуще и пуще. Вопросъ объ ухѣ былъ забытъ и замѣнился другими вопросами политическаго и теологическаго свойства, такъ что когда штабъ-офицеру, изъ учтивости, предложили присутствовать при „восхищеніяхъ", то онъ наотрѣзъ отказался.

И былъ тотъ штабъ-офицеръ—доноситель...

Несмотря на то, что онъ не присутствовалъ на собраніяхъ лично, онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что тамъ происходило. Скаканіе, кружеиіе, чтеніе статей Страхова,—ничто не укрылось отъ его проницательности. Но онъ ни словомъ, ни дѣломъ не выразилъ ни порицанія, ни одобренія всѣмъ этимъ дѣйствіямъ, а хладнокровно выжидалъ, покуда нарывъ созрѣетъ. И вотъ, эта вожделѣнная минута, наконецъ, наступила: ему попался въ руки экземпляръ сочиненной Грустиловымъ книги: „О восхищеніяхъ благочестивой души".

Въ одну изъ ночей кавалеры и дамы глуповскіе, по обыкновенію, собрались въ упраздненный домъ инвалидной команды. Чтеніе статей Страхова уже кончилось, и собравшіеся начинали слегка вздрагивать; но едва Грустиловъ, въ качествѣ предсѣдателя собранія, началъ

присѣдать и вообще производить предварительныя дѣйствія, до восхищенія души относящіяся, какъ снаружи послышался шумъ. Въ ужасѣ бросились сектаторы ко всѣмъ наружнымъ выходамъ, забывъ даже потушить огни и устранить вещественныя доказательства... Но было уже поздно.

У самаго главнаго выхода стоялъ Угрюмъ-Бурчеевъ и вперялъ въ толпу цѣпенящій взоръ...

Но что̀ это былъ за взоръ!.. О, Господи! что̀ это былъ за взоръ!..

XIII.—Подтвержденіе покаянія.—Заключеніе.

Онъ былъ ужасенъ.

Но онъ сознавалъ это лишь въ слабой степени и съ какою-то суровою скромностью оговаривался. „Идетъ нѣкто за мною,—говорилъ онъ,—который будетъ еще ужаснѣе меня“.

Онъ былъ ужасенъ; но, сверхъ того, онъ былъ кратокъ и съ изумительною ограниченностью соединялъ непреклонность, почти граничившую съ идіотствомъ. Никто не могъ обвинить его въ воинственной предпріимчивости, какъ обвиняли, напримѣръ, Бородавкина, ни въ порывахъ безумной ярости, которымъ были подвержены Брудастый, Негодяевъ и многіе другіе. Страстность была вычеркнута изъ числа элементовъ, составляющихъ его природу, и замѣнена непреклонностью, дѣйствовавшею съ регулярностью самаго отчетливаго механизма. Онъ не жестикулировалъ, не возвышалъ голоса, не скрежеталъ зубами, не гоготалъ, не топалъ ногами, не заливался начальственно-язвительнымъ смѣхомъ; казалось, онъ даже не подозрѣвалъ нужды въ административныхъ проявленіяхъ подобнаго рода. Совершенно беззвучнымъ голосомъ выражалъ онъ свои требованія и неизбѣжность ихъ выполненія подтверждалъ устремленіемъ пристальнаго взора, въ которомъ выражалась какая-то невозмутимая безстыжесть. Человѣкъ, на которомъ останавливался этотъ взоръ, не могъ вынести его. Рождалось какое-то совсѣмъ особенное чувство, въ которомъ первенствующее значеніе принадлежало не столько инстинкту личнаго самосохраненія, сколько опасенію за человѣческую природу

вообще. Въ этомъ смутномъ опасеніи утопали всевозможныя предчувствія таинственныхъ и непреодолимыхъ угрозъ. Думалось, что небо обрушится, земля разверзнется подъ ногами, что налетитъ откуда-то смерчъ и все поглотитъ, все разомъ... То былъ взоръ свѣтлый какъ сталь, взоръ, совершенно свободный отъ мысли, и потому недоступный ни для оттѣнковъ, ни для колебаній. Голая рѣшимость —и ничего болѣе.

Какъ человѣкъ ограниченный, онъ ничего не преслѣдовалъ, кромѣ правильности построеній. Прямая линія, отсутствіе пестроты, простота, доведенная до наготы,—вотъ идеалы, которые онъ зналъ и къ осуществленію которыхъ стремился. Его понятіе о „долгѣ“ не шло далѣе всеобщаго равенства передъ шпицрутеномъ; его представленіе о „простотѣ“ не переступало далѣе простоты звѣря, обличавшей совершенную наготу потребностей. Разума онъ не признавалъ вовсе, и даже считалъ его злѣйшимъ врагомъ, опутывающимъ человѣка сѣтью обольщеній и опасныхъ привередничествъ. Передъ всѣмъ, что̀ напоминало веселье или просто досугъ, онъ останавливался въ недоумѣніи. Нельзя сказать чтобъ эти естественныя проявленія человѣческой природы приводили его въ негодованіе: нѣтъ, онъ просто-на-просто не понималъ ихъ. Онъ никогда не бѣсновался, не закипалъ, не мстилъ, не преслѣдовалъ, а, подобно всякой другой безсознательно дѣйствующей силѣ природы, шелъ впередъ, сметая съ лица земли все, что̀ не успѣвало посторониться съ дороги. „Зачѣмъ?“—вотъ единственное слово, которымъ онъ выражалъ движеніе своей души.

Во-время посторониться—вотъ все, что̀ было нужно. Районъ, который обнималъ кругозоръ этого идіота, былъ очень узокъ: внѣ этого района можно было и болтать руками, и громко говорить, и дышать, и даже ходить расположавшись: онъ ничего не замѣчалъ; внутри района—можно было только маршировать. Еслибъ глуповцы своевременно поняли это, имъ стоило только встать нѣсколько въ сторонѣ и ждать. Но они сообразили это поздно, и въ первое время, по примѣру всѣхъ начальстволюбивыхъ народовъ, какъ нарочно совались ему на глаза. Отсюда безчисленное множество вольныхъ истязаній, которыя, словно сѣтью, охватили существованіе обывателей; отсюда же—далеко не заслуженное названіе „сатаны“, которое народная молва присвоила Угрюмъ-Бурчееву. Когда у глуповцевъ спрашивали, что̀ послужило поводомъ для такого необычнаго эпитета,

они ничего толкомъ не объясняли, а только дрожали. Молча указывали они на вытянутые въ струну дома свои, на разбитые передъ этими домами палисадники, на форменные казакины, въ которые однообразно были обмундированы всѣ жители до одного,—и трепетныя губы ихъ шептали: „сатана!“

Самъ лѣтописецъ, вообще довольно благосклонный къ градоначальникамъ, не можетъ скрыть смутнаго чувства страха, приступая къ описанію дѣйствій Угрюмъ-Бурчеева. „Была въ то время,—такъ начинаетъ онъ свое повѣствованіе, — въ одномъ изъ городскихъ храмовъ картина, изображавшая мученія грѣшниковъ въ присутствіи врага рода человѣческаго. Сатана представленъ стоящимъ на верхней ступени адскаго трона, съ повелительно-простертою впередъ рукою и съ мутнымъ взоромъ, устремленнымъ въ пространство. Ни въ фигурѣ, ни даже въ лицѣ врага человѣческаго не усматривается особливой страсти къ мучительству, а видится лишь нарочитое упраздненіе естества. Упраздненіе сіе произвело только одно явственное дѣйствіе: повелительный жестъ,—и затѣмъ, сосредоточившись само въ себѣ, перешло въ окаменѣніе. Но что весьма достойно примѣчанія: какъ ни ужасны пытки и мученія, въ изобиліи по всей картинѣ разсѣянныя, и какъ ни удручаютъ душу кривлянья и судороги злодѣевъ, для коихъ тѣ муки пріуготовлены, но каждому зрителю непремѣнно сдается, что даже и сіи страданія менѣе мучительны, нежели страданія сего подлиннаго изверга, который до того всякое естество въ себѣ побѣдилъ, что и на сіи неслыханныя истязанія хладнымъ и непонятливымъ окомъ взирать можетъ“. Таково начало лѣтописнаго разсказа, и хотя далѣе слѣдуетъ перерывъ, и лѣтописецъ уже не возвращается къ воспоминанію о картинѣ, но нельзя не догадываться, что воспоминаніе это брошено здѣсь не даромъ.

Въ городскомъ архивѣ до сихъ поръ сохранился портретъ Угрюмъ-Бурчеева. Это мужчина средняго роста, съ какимъ-то деревяннымъ лицомъ, очевидно никогда не освѣщавшимся улыбкой. Густые, остриженные подъ гребенку и какъ смоль черные волосы покрываютъ коническій черепъ и плотно, какъ ермолка, обрамливаютъ узкій и покатый лобъ. Глаза сѣрые, впавшіе, осѣненные нѣсколько припухшими вѣками; взглядъ чистый, безъ колебаній; носъ сухой, спускающійся отъ лба почти въ прямомъ направленіи книзу; губы тонкія, блѣдныя, опушенныя подстриженною щетиной усовъ;

челюсти развитыя, но безъ выдающагося выраженія плотоядности, а съ какимъ-то необъяснимымъ букетомъ готовности раздробить или перекусить пополамъ. Вся фигура сухощавая, съ узкими плечами, приподнятыми кверху, съ искуственно выпяченною впередъ грудью и съ длинными, мускулистыми руками. Одѣтъ онъ въ военнаго покроя сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, и держитъ въ правой рукѣ сочиненный Бородавкинымъ „Уставъ о неуклонномъ свѣченіи", но, повидимому, не читаетъ его, а какъ бы удивляется, что могутъ существовать на свѣтѣ люди, которые даже эту неуклонность считаютъ нужнымъ обезпечивать какими-то уставами. Кругомъ—пейзажъ, изображающій пустыню, посреди которой стоитъ острогъ; сверху, вмѣсто неба, нависла сѣрая солдатская шинель...

Портретъ этотъ производитъ впечатлѣніе очень тяжелое. Передъ глазами зрителя возстаетъ чистѣйшій типъ идіота, принявшаго какое-то мрачное рѣшеніе и давшаго себѣ клятву привести его въ исполненіе. Идіоты вообще очень опасны, и даже не потому, что они непремѣнно злы (въ идіотѣ злость или доброта—совершенно безразличныя качества), а потому, что они чужды всякимъ соображеніямъ и всегда идутъ напроломъ, какъ будто дорога, на которой они очутились, принадлежитъ исключительно имъ однимъ. Издали можетъ показаться, что это люди и суровыхъ, но крѣпко сложившихся убѣжденій, которые сознательно стремятся къ твердо намѣченной цѣли. Однакожъ это оптическій обманъ, которымъ отнюдь не слѣдуетъ увлекаться. Это просто со всѣхъ сторонъ наглухо закупоренныя существа, которыя ломятъ впередъ, потому что не въ состояніи сознать себя въ связи съ какимъ бы то ни было порядкомъ явленій...

Обыкновенно противу идіотовъ принимаются извѣстныя мѣры, чтобъ они, въ неразумной стремительности, не все опрокидывали, что встрѣчается имъ на пути. Но мѣры эти почти всегда касаются только *простыхъ* идіотовъ; когда же придаткомъ къ идіотству является властность, то дѣло огражденія общества значительно усложняется. Въ этомъ случаѣ грозящая опасность увеличивается всею суммою неприкрытости, въ жертву которой, въ извѣстные историческіе моменты, кажется отданною жизнь... Тамъ, гдѣ простой идіотъ расшибаетъ себѣ голову или наскакиваетъ на рожонъ, идіотъ властный раздробляетъ пополамъ всевозможные рожны и совершаетъ свои, такъ сказать, безсознательныя злодѣянія вполнѣ безпрепят-

ственно. Даже въ самой безплодности или очевидномъ вредѣ этихъ злодѣяній онъ не почерпаетъ никакихъ для себя поученій. Ему нѣтъ дѣла ни до какихъ результатовъ, потому что результаты эти выясняются не на немъ (онъ слишкомъ окаменѣлъ, чтобы на немъ могло что-нибудь отражаться), а на чемъ-то иномъ, съ чѣмъ у него не существуетъ никакой органической связи. Если бы, вслѣдствіе усиленной идіотской дѣятельности, даже весь міръ обратился въ пустыню, то и этотъ результатъ не устрашилъ бы идіота. Кто знаетъ, быть можетъ, пустыня и представляетъ въ его глазахъ именно ту обстановку, которая изображаетъ собой идеалъ человѣческаго общежитія?

Вотъ это-то отвержденное и вполнѣ успокоившееся въ самомъ себѣ идіотство и поражаетъ зрителя въ портретѣ Угрюмъ-Бурчеева. На лицѣ его не видно никакихъ вопросовъ; напротивъ того, во всѣхъ чертахъ выступаетъ какая-то солдатски-невозмутимая увѣренность, что всѣ вопросы давно уже рѣшены. Какіе это вопросы? Какъ они рѣшены?—это загадка до того мучительная, что рискуешь перебрать всевозможные вопросы и рѣшенія и не напасть именно на тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь. Можетъ быть, это рѣшенный вопросъ о всеобщемъ истребленіи, а можетъ быть только о томъ, чтобы всѣ люди имѣли грудь выпяченную впередъ на манеръ колеса. Ничего неизвѣстно. Извѣстно только, что этотъ неизвѣстный вопросъ во что бы ни стало будетъ приведенъ въ дѣйствіе. А такъ какъ подобное противоестественное пріуроченіе извѣстнаго къ неизвѣстному запутываетъ еще болѣе, то послѣдствіе такого положенія можетъ быть только одно: **всеобщій паническій страхъ.**

Самый образъ жизни Угрюмъ-Бурчеева былъ таковъ, что еще болѣе усугублялъ ужасъ, наводимый его наружностью. Онъ спалъ на голой землѣ и только въ сильные морозы позволялъ себѣ укрыться на пожарномъ сѣновалѣ; вмѣсто подушки клалъ подъ голову камень; вставалъ съ зарею, надѣвалъ вицъ-мундиръ и тотчасъ же билъ въ барабанъ; курилъ махорку до такой степени вонючую, что даже полицейскіе солдаты, и тѣ краснѣли, когда до обонянія ихъ доходилъ запахъ ея; ѣлъ лошадиное мясо и свободно пережевывалъ воловьи жилы. Въ заключеніе, по три часа въ сутки маршировалъ на дворѣ градоначальническаго дома, одинъ, безъ товарищей, произнося самому себѣ командные возгласы и самъ себя подвергая дисциплинарнымъ взысканіямъ и даже шпицрутенамъ („причемъ бичевалъ себя не при-

творно, какъ предшественникъ его, Грустиловъ. а по точному разуму законовъ", прибавляетъ лѣтописецъ),

Было у него и семейство: но покуда онъ градоначальствовалъ, никто изъ обывателей не видалъ ни жены, ни дѣтей его. Былъ слухъ, что они томились гдѣ-то въ подвалѣ градоначальническаго дома, и что онъ самолично, разъ въ день, черезъ желѣзную рѣшетку, подавалъ имъ хлѣбъ и воду. И дѣйствительно, когда послѣдовало его административное исчезновеніе, были найдены въ подвалѣ какія-то нагія и совершенно дикія существа, которыя кусались, визжали, вились другъ въ друга когтями и огрызались на окружающихъ. Ихъ вывели на свѣжій воздухъ и дали горячихъ щей: сначала, увидѣвъ паръ, они фыркали и высказывали суевѣрный страхъ; но потомъ обручѣли и съ такою звѣрскою жадностью набросились на пищу, что тутъ же объѣлись и испустили духъ.

Разсказывали, что возвышеніемъ своимъ Угрюмъ-Бурчеевъ обязанъ былъ совершенно особенному случаю. Жилъ будто бы на свѣтѣ какой-то начальникъ, который вдругъ встревожился мыслью, что никто изъ подчиненныхъ не любитъ его.

— Любимъ, вашество!—увѣряли подчиненные.

— Всѣ вы такъ на досугѣ говорите,—настаивалъ на своемъ начальникъ: —а дойди до дѣла, такъ никто и пальцемъ для меня не пожертвуетъ.

Мало-по-малу, несмотря на протесты, идея эта до того окрѣпла въ головѣ ревниваго начальника, что онъ рѣшился испытать своихъ подчиненныхъ и крикнулъ кличъ:

— Кто хочетъ доказать, что любитъ меня,—глашалъ онъ:—тотъ пусть отрубитъ указательный палецъ правой руки своей!

Никто, однакожъ, на кличъ не спѣшилъ: одни не выходили впередъ, потому что были изнѣжены, и знали, что порубленіе пальца сопряжено съ болью: другіе не выходили по недоразумѣнію: не разобравъ вопроса, думали, что начальникъ ошарашиваетъ, всѣмъ ли довольны, и опасаясь, чтобъ ихъ не сочли за бунтовщиковъ, по обычаю во весь ротъ зѣвали: „рады стараться, ваше-е-е-ество-о!"

— Кто хочетъ доказать? выходи, не бойся!—повторилъ свой кличъ ревнивый начальникъ.

Но и на этотъ разъ отвѣтомъ было молчаніе, или же такіе крики,

которые совѣмъ не исчерпывали вопроса. Лицо начальника сперва побагровѣло, потомъ какъ-то грустно поникло.

— Сви...

Но не успѣлъ онъ кончить, какъ изъ рядовъ вышелъ простой, изуренный шпицрутенами прохвостъ и великимъ голосомъ возопилъ:

— Я хочу доказать!

Съ этимъ словомъ, положивъ палецъ на перекладину, онъ тупымъ тесакомъ раздробилъ его.

Сдѣлавши это, онъ улыбнулся. Это былъ единственный случай во всей многоизбіенной его жизни, когда въ лицѣ его мелькнуло что-то человѣческое.

Многіе думали, что онъ совершилъ этотъ подвигъ только ради освобожденія своей спины отъ палокъ; но нѣтъ, у этого прохвоста созрѣла своего рода идея...

При видѣ раздробленнаго пальца, упавшаго къ ногамъ его, начальникъ сначала изумился, но потомъ пришелъ въ умиленіе.

— Ты меня возлюбилъ, — воскликнулъ онъ: — а я тебя возлюблю сторицею!

И послалъ его въ Глуповъ.

Въ то время еще ничего не было достовѣрно извѣстно ни о коммунистахъ, ни о соціалистахъ, ни о такъ-называемыхъ нивелляторахъ вообще. Тѣмъ не менѣе, нивеллярство существовало, и притомъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Были нивелляторы „хожденія въ струнѣ“, нивелляторы „бараньяго рога“, нивелляторы „ежовыхъ рукавицъ“ и проч. и проч. Но никто не видѣлъ въ этомъ ничего угрожающаго обществу или подрывающаго его основы. Казалось, что ежели человѣка, ради сравненія съ сверстниками, лишаютъ жизни, то хотя лично для него, быть можетъ, особливаго благополучія отъ сего не произойдетъ, но для сохраненія общественной гармоніи это полезно и даже необходимо. Сами нивелляторы отнюдь не подозрѣвали, что они — нивелляторы, а называли себя добрыми и благонопечительными устроителями, въ мѣрѣ усмотрѣнія радѣющими о счастіи подчиненныхъ и подвластныхъ имъ лицъ...

Такова была простота нравовъ того времени, что мы, свидѣтели эпохи позднѣйшей, съ трудомъ можемъ перенестись даже воображеніемъ въ тѣ недавнія времена, когда каждый эскадронный командиръ,

не называя себя коммунистомъ, вмѣнялъ себѣ, однакожъ, за честь и обязанность быть онымъ отъ верхняго конца до нижняго.

Угрюмъ-Бурчеевъ принадлежалъ къ числу самыхъ фанатическихъ нивеллиторовъ этой школы. Начертавши прямую линію, онъ замыслилъ втиснуть въ нее весь видимый и невидимый міръ, и притомъ съ такимъ непремѣннымъ разсчетомъ, чтобъ нельзя было повернуться ни взадъ, ни впередъ, ни направо, ни налѣво. Предполагалъ ли онъ при этомъ сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества?—утвердительно отвѣчать на этотъ вопросъ трудно. Скорѣе однакожъ можно думать, что въ головѣ его вообще никакихъ предположеній ни о чемъ не существовало. Лишь въ позднѣйшія времена (почти на нашихъ глазахъ) мысль о сочетаніи идеи прямолинейности съ идеей всеобщаго осчастливленія была возведена въ довольно сложную и неизъятую идеологическихъ ухищреній административную теорію, но нивелляторы стараго закала, подобные Угрюмъ-Бурчееву, дѣйствовали въ простотѣ души, единственно по инстинктивному отвращенію отъ кривой линіи и всякихъ зигзаговъ и извилинъ. Угрюмъ-Бурчеевъ былъ прохвостъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Не потому только, что онъ занималъ эту должность въ полку, но прохвостъ всѣмъ своимъ существомъ, всѣми помыслами. Прямая линія соблазнила его не ради того, что она въ то же время есть и кратчайшая—ему нечего было дѣлать съ краткостью — а ради того, что по ней можно было весь вѣкъ маршировать и не до чего не домаршироваться. Виртуозность прямолинейности, словно ивовый кустъ, засѣла въ его скорбной головѣ и пустила тамъ цѣлую непроглядную сѣть корней и развѣтвленій. Это былъ какой-то таинственный лѣсъ, преисполненный волшебныхъ сновидѣній. Таинственныя тѣни гуськомъ или одна за другой, застегнутыя, выстриженныя, однообразнымъ шагомъ, въ однообразныхъ одеждахъ, все шли, все шли... Всѣ онѣ были снабжены одинаковыми физіономіями, всѣ одинаково молчали и всѣ одинаково куда-то исчезали. Куда? Казалось, за этимъ сонно-фантастическимъ міромъ существовалъ еще болѣе фантастическій провалъ, который разрѣшалъ всѣ затрудненія тѣмъ, что въ немъ все пропадало,—все безъ остатка. Когда фантастическій провалъ поглощалъ достаточное количество фантастическихъ тѣней, Угрюмъ-Бурчеевъ, если можно такъ выразиться, перевертывался на другой бокъ и снова начиналъ другой та-

кой же соиъ. Опять шли гуськомъ тѣни одна за другой, все шли, все шли...

Еще задолго до прибытія въ Глуповъ, онъ уже составилъ въ своей головѣ цѣлый систематическій бредъ, въ которомъ до послѣдней мелочи были регулированы всѣ подробности будущаго устройства этой злосчастной муниципіи. На основаніи этого бреда вотъ въ какой приблизительно формѣ представлялся тотъ городъ, который онъ возпамѣрился возвести на степень образцоваго.

По срединѣ—площадь, отъ которой радіусами разбѣгаются во всѣ стороны улицы, или, какъ онъ мысленно называлъ ихъ, роты. По мѣрѣ удаленія отъ центра, роты пересѣкаются бульварами, которые въ двухъ мѣстахъ опоясываютъ городъ и въ то же время представляютъ защиту отъ внѣшнихъ враговъ. Затѣмъ форштадтъ, земляной валъ—и темная занавѣсь, т.-е. конецъ свѣту. Ни рѣки, ни ручья, ни оврага, ни пригорка,—словомъ, ничего такого, что могло бы служить препятствіемъ для вольной ходьбы, онъ не предусмотрѣлъ. Каждая рота имѣетъ шесть саженъ ширины—не больше и не меньше; каждый домъ имѣетъ три окна, выдающіяся въ палисадникъ, въ которомъ растутъ: барская спѣсь, царскія кудри, бураки и татарское мыло. Всѣ дома окрашены свѣтлосѣрою краской, и хотя въ натурѣ одна сторона улицы всегда обращена на сѣверъ или востокъ, а другая на югъ или западъ, но даже и это упущено было изъ вида, а предполагалось, что и солнце, и луна всѣ стороны освѣщаютъ одинаково и въ одно и то же время дня и ночи.

Въ каждомъ домѣ живутъ по двое престарѣлыхъ, по двое взрослыхъ, по двое подростковъ и по двое малолѣтковъ, причемъ лица различныхъ половъ не стыдятся другъ друга. Одинаковость лѣтъ сопрягается съ одинаковостью роста. Въ нѣкоторыхъ ротахъ живутъ исключительно великорослые, въ другихъ—исключительно малорослые или застрѣльщики. Дѣти, которыя при рожденіи оказываются необѣщающими быть твердыми въ бѣдствіяхъ, умерщвляются; люди крайне престарѣлые и негодные для работъ тоже могутъ быть умерщвляемы, но только въ такомъ случаѣ, если, по соображеніямъ околоточныхъ надзирателей, въ общей экономіи наличныхъ силъ города чувствуется излишекъ. Въ каждомъ домѣ находится по экземпляру каждаго полезнаго животнаго мужескаго и женскаго пола, которые обязаны, во-первыхъ, исполнять свойственныя имъ работы и, во-вто-

рыхъ,—размножаться. На площади сосредоточиваются каменныя зданія, въ которыхъ помѣщаются общественныя заведенія, какъ-то: присутственныя мѣста и всевозможные манежи: для обученія гимнастикѣ, фехтованію и пѣхотному строю, для пріятія пищи, для общихъ колѣнопреклоненій и проч. Присутственныя мѣста называются штабами, а служащіе въ нихъ—писарями. Школъ нѣтъ и грамотности не полагается; наука чисель преподается по пальцамъ. Нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а потому лѣтосчисленіе упраздняется. Праздниковъ два: одинъ весною, немедленно послѣ таянья снѣговъ, называется „Праздникомъ Неуклонности“, и служитъ приготовленіемъ къ предстоящимъ бѣдствіямъ; другой—осенью, называется „Праздникомъ Предержащихъ Властей“ и посвящается воспоминаніямъ о бѣдствіяхъ, уже испытанныхъ. Отъ будней эти праздники отличаются только усиленнымъ упражненіемъ въ маршировкѣ.

Такова была внѣшняя постройка этого бреда. Затѣмъ предстояло урегулировать внутреннюю обстановку живыхъ существъ, захваченныхъ имъ. Въ этомъ отношеніи фантазія Угрюмъ-Бурчеева доходила до опредѣлительности по истинѣ изумительной.

Всякій домъ есть не что иное, какъ *поселенная единица*, имѣющая своего командира и своего шпіона (на шпіонѣ онъ особенно настаивалъ) и принадлежащая къ десятку, носящему названіе *взвода*. Взводъ въ свою очередь имѣетъ командира и шпіона: пять взводовъ составляютъ роту, пять ротъ—полкъ. Всѣхъ полковъ четыре, которые образуютъ, во-первыхъ, двѣ бригады и, во-вторыхъ, дивизію: въ каждомъ изъ этихъ подраздѣленій имѣется командиръ и шпіонъ. Затѣмъ слѣдуетъ собственно Городъ, который изъ Глупова переименовывается въ „вѣчно-достойныя памяти великаго князя Святослава Игоревича городъ *Непреклонскъ*“. Надъ городомъ паритъ окруженный облакомъ градоначальникъ, или иначе сухопутныхъ и морскихъ силъ города Непреклонска оберъ-комендантъ, который со всѣми входитъ въ пререканія и всѣмъ даетъ чувствовать свою власть. Около него... шпіонъ!!

Въ каждой поселенной единицѣ время распредѣляется самымъ строгимъ образомъ. Съ восходомъ солнца всѣ въ домѣ поднимаются: взрослые и подростки облекаются въ единообразныя одежды (по особымъ, апробованнымъ градоначальникомъ рисункамъ), полчищаются и подтягиваютъ ремешки. Малолѣтніе сосутъ на скорую руку мате-

рискую грудь; престарѣлые произносятъ краткое поученіе, неизмѣнно оканчивающееся нецензурнымъ словомъ; шіоны снѣшатъ съ рапортами. Черезъ полчаса въ домѣ остаются лишь престарѣлые и малолѣтки, потому что прочіе уже отправились къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей. Сперва они вступаютъ въ „манежъ для колѣнопреклоненій“, гдѣ наскоро прочитываютъ молитву; потомъ направляютъ стопы въ „манежъ для тѣлесныхъ упражненій“, гдѣ укрѣпляютъ организмъ фехтованіемъ и гимнастикой; наконецъ идутъ въ „манежъ для принятія пищи“, гдѣ получаютъ по куску чернаго хлѣба, посыпаннаго солью. По принятіи пищи, выстраиваются на площади въ карé и оттуда, подъ предводительствомъ командировъ, повзводно разводятся на общественныя работы. Работы производятся по командѣ. Обыватели разомъ нагибаются и выпрямляются; сверкаютъ лезвія кось, взмахиваютъ грабли, стучатъ заступы, сохи бороздятъ землю,—все по командѣ. Землю пашутъ, стараясь выводить сохами вензеля, изображающіе начальныя буквы именъ тѣхъ историческихъ дѣятелей, которые наиболѣе прославились неуклонностью. Около каждаго рабочаго взвода мѣрнымъ шагомъ ходитъ солдатъ съ ружьемъ, и черезъ каждыя пять минутъ стрѣляетъ въ солнце. Посреди этихъ взмаховъ, нагибаній и выпрямленій прохаживается по прямой линіи самъ Угрюмъ-Бурчеевъ, весь покрытый пудомъ, весь пропитанный казарменнымъ запахомъ, и затягиваетъ:

Разъ—первой! разъ—другой!

—а за нимъ всѣ работающіе подхватываютъ:

Ухнемъ!
Дубинушка, ухнемъ!

Но вотъ солнце достигаетъ зенита, и Угрюмъ-Бурчеевъ кричитъ: „шабашъ!“ Опять повзводно строятся обыватели и направляются обратно въ городъ, гдѣ церемоніальнымъ маршемъ проходятъ черезъ „манежъ для принятія пищи“ и получаютъ по куску чернаго хлѣба съ солью. Послѣ краткаго отдыха, состоящаго въ маршировкѣ, люди снова строятся и прежнимъ порядкомъ разводятся на работы впредь до солнечнаго заката. По закатѣ, всякій получаетъ по новому куску хлѣба и спѣшитъ домой лечь спать. Ночью надъ Непреклонскомъ витаетъ духъ Угрюмъ-Бурчеева и зорко стережетъ обывательскій сонъ...

Ни Бога, ни идоловъ—ничего...

Въ этомъ фантастическомъ мірѣ нѣтъ ни страстей, ни увлеченій, ни привязанностей. Всѣ живутъ каждую минуту вмѣстѣ, и всякій чувствуетъ себя одинокимъ. Жизнь ни на мгновенье не отвлекается отъ исполненія безчисленнаго множества дурацкихъ обязанностей, изъ которыхъ каждая разсчитана заранѣе и надъ каждымъ человѣкомъ тяготѣетъ какъ рокъ. Женщины имѣютъ право рожать дѣтей только зимой, потому что нарушеніе этого правила можетъ воспрепятствовать успѣшному ходу лѣтнихъ работъ. Союзы между молодыми людьми устраиваются не иначе, какъ сообразно росту и тѣлосложенію, такъ какъ это удовлетворяетъ требованіямъ правильнаго и краснваго фронта. Нивеллиторство, упрощенное до опредѣленной дачи чернаго хлѣба—вотъ сущность этой кантонистской фантазіи...

Тѣмъ не менѣе, когда Угрюмъ-Бурчеевъ изложилъ свой бредъ передъ начальствомъ, то послѣднее не только не встревожилось имъ, но съ удивленіемъ, доходившимъ почти до благоговѣнія, взглянуло на темнаго прохвоста, задумавшаго уловить вселенную. Страшная масса исполнительности, дѣйствующая какъ одинъ человѣкъ, поражала воображеніе. Весь міръ представлялся испещреннымъ черными точками, въ которыхъ, подъ бой барабана, двигаются по прямой линіи люди, и все идутъ, все идутъ. Эти поселенныя единицы, эти взводы, роты, полки—все это, взятое вмѣстѣ, не намекаетъ ли на какую-то лучезарную даль, которая покамѣстъ еще задернута туманомъ, но современемъ, когда туманы разсѣются и когда даль откроется... Что же это, однако, за даль? что скрываетъ она?

— Ка-зар-р-мы! — совершенно опредѣлительно подсказывало возбужденное до героизма воображеніе.

— Казар-р-мы! — въ свою очередь, словно эхо, вторилъ угрюмый прохвостъ, и произносилъ при этомъ такую несосвѣтимую клятву, что начальство чувствовало себя какъ бы опаленнымъ какимъ-то таинственнымъ огнемъ...

Управившись съ Грустиловымъ и разогнавъ безумное скопище, Угрюмъ-Бурчеевъ немедленно приступилъ къ осуществленію своего бреда.

Но въ томъ видѣ, въ какомъ Глуповъ предсталъ глазамъ его,

городъ этотъ далеко не отвѣчалъ его идеаламъ. Это была скорѣе безпорядочная куча хижинъ, нежели городъ. Не имѣлось яснаго центральнаго пункта: улицы разбѣгались вкривь и вкось; дома лѣпились кое-какъ, безъ всякой симметріи, по мѣстамъ тѣснясь другъ къ другу, по мѣстамъ оставляя въ промежуткахъ огромные пустыри. Слѣдовательно предстояло не улучшать, но создавать вновь. Но что же можетъ значить слово „создавать“ въ понятіяхъ такого человѣка, который съ юныхъ лѣтъ закалился въ должности прохвоста?—„Создавать“—это значитъ представить себѣ, что находишься въ дремучемъ лѣсу; это значитъ взять въ руку топоръ и, помахивая этимъ орудіемъ творчества направо и налѣво, неуклонно идти, куда глаза глядятъ. Именно такъ Угрюмъ-Бурчеевъ и поступилъ.

На другой же день по пріѣздѣ, онъ обошелъ весь городъ. Ни кривизна улицъ, ни великое множество закоулковъ, ни разбросанность обывательскихъ хижинъ—ничто не остановило его. Ему было ясно одно: что передъ глазами его дремучій лѣсъ, и что слѣдуетъ съ этимъ лѣсомъ распорядиться. Наткнувшись на какую-нибудь неправильность, Угрюмъ-Бурчеевъ на минуту вперялъ въ нее недоумѣвающій взоръ, но тотчасъ же выходилъ изъ оцѣпенѣнія и молча дѣлалъ жестъ впередъ, какъ бы проектируя прямую линію. Такъ шелъ онъ долго, все простирая руку и проектируя, и только тогда, когда глазамъ его предстала рѣка, онъ почувствовалъ, что съ нимъ совершилось что-то необыкновенное.

Онъ позабылъ... онъ ничего подобнаго не предвидѣлъ... До сихъ поръ фантазія его шла все прямо, все по ровному мѣсту. Она устраняла, разсѣкала и воздвигала моментально, не зная препятствій, а питаясь исключительно своимъ собственнымъ содержаніемъ. И вдругъ... Извучистая полоса жидкой стали сверкнула ему въ глаза, сверкнула и не только не исчезла, но даже не замерла подъ взглядомъ этого административнаго василиска. Она продолжала двигаться, колыхаться и издавать какіе-то особенные, но несомнѣнно живые звуки. Она жила.

— Кто тутъ?—спросилъ онъ въ ужасѣ.

Но рѣка продолжала свой говоръ, и въ этомъ говорѣ слышалось что-то искушающее, почти зловѣщее. Казалось, эти звуки говорили: хитеръ, прохвостъ, твой бредъ, но есть и другой бредъ, который, пожалуй, похитрѣе твоего будетъ. Да; это былъ тоже бредъ, или,

лучше сказать, тутъ встали лицомъ къ лицу два бреда: одинъ, созданный лично Угрюмъ-Бурчеевымъ, и другой, который врывался откуда-то со стороны и заявлялъ о совершенной своей независимости отъ перваго.

— Зачѣмъ? — спросилъ, указывая глазами на рѣку, Угрюмъ-Бурчеевъ у сопровождающихъ его квартальныхъ, когда прошелъ первый моментъ оцѣпенѣнія.

Квартальные не поняли; но во взглядѣ градоначальника было нѣчто до такой степени устраняющее всякую возможность уклониться отъ объясненія, что они рѣшились отвѣчать, даже не понимая вопроса.

— Рѣка-съ... навозъ-съ...—лепетали они какъ попало.

— Зачѣмъ?—повторилъ онъ испуганно, и вдругъ, какъ бы боясь углубляться въ дальнѣйшіе разспросы, круто повернулъ налѣво кругомъ и пошелъ назадъ.

Судорожнымъ шагомъ возвращался онъ домой и бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Уйму! я ее уйму!

Дома онъ черезъ минуту уже рѣшилъ дѣло по существу. Два одинаково великихъ подвига предстояли ему: разрушить городъ и устранить рѣку. Средства для исполненія перваго подвига были обдуманы уже заранѣе: средства для исполненія второго представлялись уму неясно и сбивчиво. Но такъ какъ не было той силы въ природѣ, которая могла бы убѣдить прохвоста въ невѣдѣніи чего бы то ни было, то въ этомъ случаѣ невѣжество являлось не только равносильнымъ знанію, но даже въ извѣстномъ смыслѣ было прочнѣе его.

Онъ не былъ ни технологъ, ни инженеръ; но онъ былъ твердой души прохвостъ, а это тоже своего рода сила, обладая которою можно покорить міръ. Онъ ничего не зналъ ни о процессѣ образованія рѣкъ, ни о законахъ, по которымъ онѣ текутъ внизъ, а не вверхъ, но былъ убѣжденъ, что стоитъ только указать: отъ сихъ мѣстъ до сихъ—и на протяженіи отмѣреннаго пространства навѣрное возникнетъ материкъ, а затѣмъ по прежнему, и направо, и налѣво, будетъ продолжать течь рѣка.

Остановившись на этой мысли, онъ началъ готовиться.

Въ какой-то дикой задумчивости бродилъ онъ по улицамъ, заложивъ руки за спину и бормоча подъ носъ невнятныя слова. На

пути встрѣчались ему обыватели, одѣтые въ самыя разнообразныя лохмотья, и кланялись въ поясъ. Передъ нѣкоторыми онъ останавливался, вперялъ непонятливый взоръ въ лохмотья и произносилъ:

— Зачѣмъ?

И, снова впавши въ задумчивость, продолжалъ путь далѣе.

Минуты этой задумчивости были самыми тяжелыми для глуповцевъ. Какъ оцѣпенѣлые, застывали они передъ нимъ, не будучи въ силахъ оторвать глаза отъ его свѣтлаго какъ сталь взора. Какая-то неисповѣдимая тайна скрывалась въ этомъ взорѣ, и тайна эта тяжелымъ, почти свинцовымъ пологомъ нависла надъ цѣлымъ городомъ.

Городъ притихъ; въ воздухѣ чувствовались спертость и духота.

Онъ еще не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, не высказалъ никакихъ мыслей, никому не сообщилъ своихъ плановъ, а всѣ уже понимали, что пришелъ *конецъ*. Въ этомъ убѣждало безпрерывное мельканіе идіота, носившаго въ себѣ тайну; въ этомъ убѣждало тихое рычаніе, исходившее изъ его внутренностей. Незримо ни для кого, прокрался въ среду обывателей смутный ужасъ и безраздѣльно овладѣлъ всѣми. Всѣ мыслительныя силы сосредоточивались на загадочномъ идіотѣ и въ мучительномъ безпокойствѣ кружились въ одномъ и томъ же волшебномъ кругѣ, котораго центромъ былъ *онъ*. Люди позабыли прошедшее и не задумывались о будущемъ. Нехотя исполняли они необходимыя житейскія дѣла, нехотя сходились другъ съ другомъ, нехотя жили со дня на день. Къ чему? — вотъ единственный вопросъ, который ясно представлялся каждому, при видѣ грядущаго вдали идіота. Зачѣмъ жить, если жизнь навсегда отравлена представленіемъ объ идіотѣ? Зачѣмъ жить, если нѣтъ средствъ защитить взоръ отъ его ужаснаго вездѣсущія? Глуповцы позабыли даже взаимныя распри и попрятались по угламъ, въ тоскливомъ ожиданіи...

Казалось, онъ и самъ понималъ, что конецъ наступилъ. Никакими текущими дѣлами онъ не занимался, а въ правленіе даже не заглядывалъ. Онъ порѣшилъ однажды навсегда, что старая жизнь безвозвратно канула въ вѣчность, и что слѣдовательно незачѣмъ и тревожить этотъ хламъ, который не имѣетъ никакого отношенія къ будущему. Квартальные нравственно и физически истерзались: вытянувшись и затаивши дыханіе, они остановились на линіи, по которой *онъ* проходилъ, и ждали, не будетъ ли приказаній; но приказаній не

было. Онъ молча проходилъ мимо и не удостоивалъ ихъ даже взглядомъ. Не стало въ Глуповѣ никакого суда: ни милостиваго, ни немилостиваго, ни скораго, ни нескораго. На первыхъ порахъ глуповцы, по старой привычкѣ, вздумали-было обращаться къ нему съ претензіями и жалобами другъ на друга; но онъ даже не понялъ ихъ.

— Зачѣмъ?—говорилъ онъ, съ какимъ-то дикимъ изумленіемъ обозрѣвая жалобщика съ головы до ногъ.

Въ смятеніи оглянулись глуповцы назадъ и съ ужасомъ увидѣли, что назади дѣйствительно ничего нѣтъ.

Наконецъ страшный моментъ насталъ. Послѣ недолгихъ колебаній онъ рѣшилъ такъ: сначала разрушить городъ, а потомъ уже приступить и къ рѣкѣ. Очевидно, онъ еще надѣялся, что рѣка образумится сама собой.

За недѣлю до Петрова-дня онъ объявилъ приказъ: всѣмъ говѣть. Хотя глуповцы всегда говѣли охотно, но, выслушавши внезапный приказъ Угрюмъ-Бурчеева, смутились. Стало быть, и въ самомъ дѣлѣ предстоитъ что-нибудь рѣшительное, коль скоро для принятія этого рѣшительнаго потребны такія приготовленія? Этотъ вопросъ сжималъ всѣ сердца тоскою. Думали сначала, что *онъ* будетъ палить; но, заглянувъ на градоначальническій дворъ, гдѣ стоялъ пушечный снарядъ, изъ котораго обыкновенно палили въ обывателей, убѣдились, что пушки стоятъ незаряженныя. Потомъ остановились на мысли, что будетъ произведена повсемѣстная „выемка“, и стали готовиться къ ней: прятали книги, письма, лоскутки бумаги, деньги и даже иконы,—однимъ словомъ, все, въ чемъ можно было усмотрѣть какое-нибудь „оказательство“.

— Кто его знаетъ, какой онъ вѣры?—шептались промежъ себя глуповцы:—можетъ, и фармазонъ?

А онъ все маршировалъ по прямой линіи, заложивъ руки за спину, и никому не объявлялъ своей тайны.

Въ Петровъ-день всѣ причастились, а многіе даже соборовались наканунѣ. Когда запѣли причастный стихъ, въ церкви раздались рыданія; „больше же всѣхъ вопили голова и предводитель, опасаясь за многое имѣніе свое“. Затѣмъ, проходя отъ причастія мимо градоначальника, кланялись и поздравляли; но онъ стоялъ дерзостно и никому даже не кивнулъ головой. День прошелъ въ тишинѣ невообразимой. Стали люди разговариваться, но никому не шелъ кусокъ въ

горло, и всѣ опять заплакали. Но когда проходилъ мимо градоначальникъ (онъ въ этотъ день ходилъ форсированнымъ маршемъ), то поспѣшно отирали слезы и старались придать лицамъ безпечное и довѣрчивое выраженіе. Надежда не вся еще исчезла. Все думалось: вотъ увидятъ начальники нашу невинность—и простятъ...

Но Угрюмъ-Бурчеевъ ничего не увидѣлъ и ничего не простилъ.

„30-го іюня,—повѣствуетъ лѣтописецъ,—на другой день празднованія памяти святыхъ и славныхъ апостоловъ Петра и Павла. былъ сдѣланъ первый приступъ къ сломкѣ города". Градоначальникъ, съ топоромъ въ рукѣ, первый выбѣжалъ изъ своего дома и, какъ озаренный, бросился на городническое правленіе. Обыватели послѣдовали примѣру его. Раздѣленные на отряды (въ каждомъ уже съ вечера былъ назначенъ особый урядникъ и особый шпіонъ). они разомъ на всѣхъ пунктахъ начали работу разрушенія. Раздался стукъ топора и визгъ пилы; воздухъ наполнился криками рабочихъ и грохотомъ падающихъ на землю бревенъ; пыль густымъ облакомъ нависла надъ городомъ и затемнила солнечный свѣтъ. Всѣ были на-лицо. всѣ до единаго: взрослые и сильные рубили и ломали; малолѣтніе и слабосильные сгребали мусоръ и свозили его къ рѣкѣ. Отъ зари до зари люди неутомимо преслѣдовали задачу разрѣшенія собственныхъ жилищъ, а на ночь укрывались въ устроенныхъ на выгонѣ бараках. куда было свезено и обывательское имущество. Они сами не понимали, что̀ дѣлаютъ, и даже не вопрошали другъ друга, точно ли это наяву происходитъ. Они сознавали только одно: что конецъ наступилъ и что за ними вездѣ, вездѣ слѣдитъ непонятливый взоръ угрюмаго идіота. Мелькомъ, словно во снѣ, припоминались нѣкоторымъ старикамъ примѣры изъ исторіи, а въ особенности изъ эпохи, когда градоначальствовалъ Бородавкинъ, который навелъ въ городъ оловянныхъ солдатиковъ и однажды, въ минуту безумной отваги, скомандовалъ имъ: „ломай!"... Но вѣдь тогда все-таки была война, а теперь... безъ всякаго повода... среди глубокаго земскаго мира...

Угрюмъ-Бурчеевъ мѣрнымъ шагомъ ходилъ среди всеобщаго опустошенія. и на губахъ его играла та же самая улыбка, которая озарила лицо его въ ту минуту, когда онъ, въ порывѣ начальстволюбія, отрубилъ себѣ указательный палецъ правой руки. Онъ былъ доволенъ, онъ даже мечталъ. Мысленно онъ уже шелъ дальше простого разрушенія. Онъ разсортировывалъ жителей по росту и тѣлосложе-

нію: онъ разводилъ мужей съ законными женами и соединялъ съ чужими; онъ раскасспровывалъ дѣтей по семьямъ, соображаясь съ положеніемъ каждаго семейства; онъ назначалъ взводныхъ, ротныхъ и другихъ командировъ, избиралъ шпіоновъ и т. д. Клятва, данная начальнику, на половину уже выполнена. Все на чеку, все кипитъ, все готово вынырнуть во всеоружіи; остаются подробности, но и тѣ давнымъ-давно предусмотрѣны и рѣшены. Какая-то сладкая восторженность пронизывала все существо угрюмаго прохвоста и уносила его далеко, далеко.

Въ упоеніи гордости онъ вперялъ глаза въ небо, смотрѣлъ на свѣтила небесныя, и, казалось, это зрѣлище приводило его въ недоумѣніе.

— Зачѣмъ? — бормоталъ отъ чуть слышно и долго-долго о чемъ-то думалъ и что-то соображалъ.

Что именно?

Черезъ полтора или два мѣсяца — не оставалось уже камня на камнѣ. Но по мѣрѣ того, какъ работа опустошенія приближалась къ набережной рѣки, чело Угрюмъ-Бурчеева омрачалось. Рухнулъ послѣдній, ближайшій къ рѣкѣ домъ; въ послѣдній разъ звякнулъ ударъ топора, а рѣка не унималась. Попрежнему она текла, дышала, журчала и извивалась; попрежнему одинъ берегъ ея былъ крутъ, а другой представлялъ луговую низину, на далекое пространство заливаемую, въ весеннее время, водой. Бредъ продолжался.

Громадныя кучи мусора, навоза и соломы уже были сложены по берегамъ и ждали только маніи, чтобы исчезнуть въ глубинахъ рѣки. Нахмуренный идіотъ бродилъ между грудами и велъ имъ счетъ, какъ бы опасаясь, чтобъ кто-нибудь не похитилъ драгоцѣннаго матеріала. По временамъ онъ съ увѣренностью бормоталъ:

— Уйму! я ее уйму!

И вотъ вожделѣнная минута наступила. Въ одно прекрасное утро, созвавши будочниковъ, онъ привелъ ихъ къ берегу рѣки, отмѣрилъ шагами пространство, указалъ глазами на теченіе и яснымъ голосомъ произнесъ:

— Отъ сихъ мѣстъ — до сихъ!

Какъ ни были забиты обыватели, но и они восчувствовали. До сихъ поръ разрушались только дѣла рукъ человѣческихъ; теперь же очередь доходила до дѣла извѣчнаго, нерукотвореннаго. Многіе рази-

нули рты, чтобъ возроптать, но онъ даже не замѣтилъ этого колебанія, а только какъ бы удивился, зачѣмъ люди мѣшкаютъ.

— Гони!—скомандовалъ онъ будочникамъ, вскидывая глазами на колышущуюся толпу.

Борьба съ природой воспріяла начало.

Масса, съ тайными вздохами ломавшая дома свои, съ тайными же вздохами закопошилась въ водѣ. Казалось, что рабочія силы Глупова сдѣлались неистощимыми, и что чѣмъ болѣе заявляла себя безстыжесть притязаній, тѣмъ растяжимѣе становилась сумма орудій, подлежащихъ ея эксплуатаціи.

Много было наѣзжихъ людей, которые разоряли Глуповъ; одни — ради шутки, другіе—въ минуту грусти, запальчивости или увлеченія; но Угрюмъ-Бурчеевъ былъ первый, который задумалъ разорить городъ серьезно. Отъ зари до зари кишѣли люди въ водѣ, вбивая въ дно рѣки сваи и заваливая мусоромъ и навозомъ пропасть, казавшуюся бездонною. Но слѣпая стихія шутя рвала и разметывала наносимый цѣною нечеловѣческихъ усилій хламъ и съ каждымъ разомъ все глубже и глубже прокладывала себѣ ложе. Щепки, навозъ, солома, мусоръ—все уносилось быстриной въ невѣдомую даль, и Угрюмъ-Бурчеевъ, съ удивленіемъ, доходящимъ до испуга, слѣдилъ „непонятливымъ“ окомъ за этимъ почти волшебнымъ исчезновеніемъ его надеждъ и намѣреній.

Наконецъ люди истомились и стали заболѣвать. Сурово выслушивалъ Угрюмъ-Бурчеевъ ежедневные рапорты десятниковъ о числѣ выбывшихъ изъ строя рабочихъ и, не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ, командовалъ:

— Гони!

Появлялись новыя партіи рабочихъ, которыя, какъ цвѣтъ папоротника, гдѣ-то таинственно наростали, чтобы немедленно же исчезнуть въ пучинѣ водоворота. Наконецъ привели и предводителя, который одинъ въ цѣломъ городѣ считалъ себя свободнымъ отъ работъ, и стали толкать его въ рѣку. Однако предводитель пошелъ не сразу, но протестовалъ и сослался на какія-то права.

— Гони!—скомандовалъ Угрюмъ-Бурчеевъ.

Толпа загоготала. Увидѣвъ, какъ предводитель, краснѣя и стыдясь, засучивалъ штаны, она почувствовала себя бодрою и удвоила усилія.

Но тутъ встрѣтилось новое затрудненіе: груды мусора убывали въ виду всѣхъ, такъ что скоро нечего было валить въ рѣку. Принялись за послѣднюю груду, на которую Угрюмъ-Бурчеевъ надѣялся какъ на каменную гору. Рѣка задумалась, забуровило дно, но черезъ мгновеніе потекла веселѣе прежняго.

Однажды, однако, счастье улыбнулось ему. Собравъ послѣднія усилія и истощивъ весь запасъ мусора, жители принялись за строптельный матеріалъ и разомъ двинули въ рѣку цѣлую массу его. Затѣмъ толпы съ гикомъ бросились въ воду и стали погружать матеріалъ на дно. Рѣка всею массою водъ хлынула на это новое препятствіе и вдругъ закрутилась на одномъ мѣстѣ. Раздался трескъ, свистъ и какое-то громадное клокотаніе, словно милліоны невѣдомыхъ гадинъ разомъ пустили свой шипъ изъ водяныхъ хлябей. Затѣмъ все смолкло: рѣка на минуту остановилась и тихо-тихо начала разливаться по луговой сторонѣ.

Къ вечеру разливъ былъ до того великъ, что не видно было предѣловъ его, а вода между тѣмъ все еще прибывала и прибывала. Откуда-то слышался гулъ: казалось, что гдѣ-то рушатся цѣлыя деревни, и тамъ раздаются вопли, стоны и проклятія. Плыли по водѣ стоги сѣна, бревна, плоты, обломки избъ и, достигнувъ плотины, съ трескомъ сталкивались другъ съ другомъ, ныряли, опять выплывали и сбивались въ кучу въ одномъ мѣстѣ. Разумѣется, Угрюмъ-Бурчеевъ ничего этого не предвидѣлъ, но, взглянувъ на громадную массу водъ, онъ до того просвѣтлѣлъ, что даже получилъ даръ слова и сталъ хвастаться.

— Тако да видятъ людіе!—сказалъ онъ, думая попасть въ господствовавшій въ то время фотіевско-аракчеевскій топъ; но потомъ, вспомнивъ, что онъ все-таки не болѣе какъ прохвостъ, обратился къ будочникамъ и приказалъ согнать городскихъ поповъ:—гони!

Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ воображеніе прохвоста, не сдерживаемаго уздою и не угрожаемаго непрерывнымъ представленіемъ о возможности наказанія на тѣлѣ. Однажды возбужденное, оно сбрасываетъ съ себя всякое иго дѣйствительности и начинаетъ рисовать своему обладателю предпріятія самыя грандіозныя. Погасить солнце, провертѣть въ землѣ дыру, черезъ которую можно было бы наблюдать за тѣмъ, что дѣлается въ аду—вотъ единственныя цѣли, которыя

истинный прохвостъ признаетъ достойными своихъ усилій. Голова его уподобляется дикой пустынѣ, во всѣхъ закоулкахъ которой возстаютъ образы самой привередливой демонологіи. Все это мятется, свиститъ, гикаетъ и, шумя невидимыми крыльями, устремляется куда-то въ темную, безразсвѣтную даль...

То же произошло и съ Угрюмъ-Бурчеевымъ. Едва увидѣлъ онъ массу воды, какъ въ головѣ его уже утвердилась мысль, что у него будетъ свое собственное море. И такъ какъ за эту мысль никто не угрожалъ ему шпицрутенами, то онъ сталъ развивать ее дальше и дальше. Есть море—значитъ, есть и флоты: во-первыхъ, разумѣется, военный, потомъ торговый. Военный флотъ то-и-дѣло бомбардируетъ; торговый—перевозитъ драгоцѣнные грузы. Но такъ какъ Глуповъ всѣмъ изобилуетъ и ничего, кромѣ розогъ и административныхъ мѣропріятій, не потребляетъ, другія же страны, какъ-то село Недоѣдово, деревня Голодаевка и проч., суть совершенно голодныя и притомъ до чрезмѣрности жадныя, то естественно, что торговый балансъ всегда склоняется въ пользу Глупова. Является великое изобиліе звонкой монеты, которую, однакожъ, глуповцы презираютъ и бросаютъ въ навозъ, а изъ навоза секретнымъ образомъ выкапываютъ ее евреи и употребляютъ на исходатайствованіе желѣзнодорожныхъ концессій.

И что жъ!—всѣ эти мечты рушились на другое же утро. Какъ ни старательно утаптывали глуповцы вновь созданную плотину, какъ ни охраняли они ея неприкосновенность въ теченіе цѣлой ночи, измѣна уже успѣла проникнуть въ ряды ихъ.

Едва успѣвъ продрать глаза, Угрюмъ-Бурчеевъ тотчасъ же поспѣшилъ полюбоваться на произведеніе своего генія, но, приблизившись къ рѣкѣ, всталъ какъ вкопаный. Произошелъ новый бредъ. Луга обнажились: остатки монументальной плотины въ безпорядкѣ уплывали внизъ по теченію, а рѣка журчала и двигалась въ своихъ берегахъ, точь-въ-точь какъ за день тому назадъ.

Нѣкоторое время Угрюмъ-Бурчеевъ безмолвствовалъ. Съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ слѣдилъ онъ, какъ волна плыветъ за волною, сперва одна, потомъ другая, и еще, и еще... И все это куда-то стремится и гдѣ-то, должно быть, исчезаетъ...

Вдругъ онъ пронзительно замычалъ и порывисто повернулся на каблукѣ.

— Напра-во кругомъ! за мной!—раздалась команда.

Онъ рѣшился. Рѣка не захотѣла уйти отъ него—онъ уйдетъ отъ нея. Мѣсто, на которомъ стоялъ старый Глуповъ, опостылѣло ему. Тамъ не повинуются стихіи; тамъ овраги и буераки на каждомъ шагу преграждаютъ стремительный бѣгъ; тамъ во-очію совершаются волшебства, о которыхъ не говорится ни въ регламентахъ, ни въ сепаратныхъ предписаніяхъ начальства. Надо бѣжать!

Скорымъ шагомъ удалялся онъ прочь отъ города, а за нимъ, понуривъ головы и едва поспѣвая, слѣдовали обыватели. Наконецъ къ вечеру онъ пришелъ. Передъ глазами его разстилалась совершенно ровная низина, на поверхности которой не замѣчалось ни одного бугорка, ни одной впадины. Куда ни обрати взоры—вездѣ гладь, вездѣ ровная скатерть, по которой можно шагать до безконечности. Это былъ тоже бредъ, но бредъ точь въ-точь совпадавшій съ тѣмъ бредомъ, который гнѣздился въ его головѣ...

— Здѣсь!—крикнулъ онъ ровнымъ, беззвучнымъ голосомъ.

Строился новый городъ на новомъ мѣстѣ, но одновремено съ нимъ выползало на свѣтъ что-то иное, чему еще не было въ то время придумано названія, и что лишь въ позднѣйшее время сдѣлалось извѣстнымъ подъ довольно опредѣленнымъ названіемъ „дурныхъ страстей“ и „неблагонадежныхъ элементовъ“. Неправильно было бы, впрочемъ, полагать, что это „иное“ появилось тогда въ первый разъ: нѣтъ, оно уже имѣло свою исторію...

Еще во времена Бородавкина лѣтописецъ упоминаетъ о нѣкоторомъ Іонкѣ Козырѣ, который, послѣ продолжительныхъ странствованій по теплымъ морямъ и кисельнымъ берегамъ, возвратился въ родной городъ и привезъ съ собой собственнаго сочиненія книгу подъ названіемъ: „Письма къ другу о водвореніи на землѣ добродѣтели“. Но такъ какъ біографія этого Іонки составляетъ драгоцѣнный матеріалъ для исторіи русскаго либерализма, то читатель, конечно, не посѣтуетъ, если она будетъ разсказана здѣсь съ нѣкоторыми подробностями.

Отецъ Іонки, Семенъ Козырь, былъ простой мусорщикъ, который, воспользовавшись смутными временами, нажилъ себѣ значительное состояніе. Въ краткій періодъ безначалія (см. „Сказаніе о шести

градоначальницахъ"), когда, въ теченіе семи дней, шесть градоначальницъ вырывали другъ у друга кормило правленія, онъ съ изумительною для глуповца ловкостью перебѣгалъ отъ одной партіи къ другой, причемъ такъ искусно заметалъ слѣды свои, что законная власть ни минуты не сомнѣвалась, что Козырь всегда оставался лучшею и солиднѣйшею поддержкою ея. Пользуясь этимъ ослѣпленіемъ, онъ сначала продовольствовалъ войска Прандки, потомъ — войска Клемантинки, Амальки, Нельки и, наконецъ, кормилъ крестьянскими лакомствами Дуньку-толстопятую и Матренку-поздрю. За все это онъ получалъ деньги по справочнымъ цѣнамъ, которыя самъ же сочинялъ, а такъ какъ для Амальки, Нельки и прочихъ время было горячее и считать деньги некогда, то разсчеты кончались тѣмъ, что онъ запускалъ руку въ мѣшокъ и таскалъ оттуда пригоршнями.

Ни помощникъ градоначальника, ни неустрашимый штабъ-офицеръ — никто ничего не зналъ объ интригахъ Козыря, такъ что, когда пріѣхалъ въ Глуповъ подлинный градоначальникъ, Двоекуровъ, и началась разборка „онаго нелѣпаго и смѣха достойнаго глуповскаго смятенія", то за Семеномъ Козыремъ не только не было найдено ни малѣйшей вины, но, напротивъ того, оказалось, что это „подлинно достойнѣйшій и благоносительнѣйшій къ подавленію революцій гражданинъ".

Двоекурову Семенъ Козырь полюбился по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, за то, что жена Козыря, Анна, пекла превосходнѣйшіе пироги; во-вторыхъ, за то, что Семенъ, сочувствуя просвѣтительнымъ подвигамъ градоначальника, выстроилъ въ Глуповѣ пивоваренный заводъ и пожертвовалъ сто рублей для основанія въ городѣ академіи; въ-третьихъ, наконецъ, за то, что Козырь не только не забывалъ ни Симеона-богопріимца, ни Ѳиверіи-дѣвы (дней тезоименитства градоначальника и супруги) его, но даже праздновалъ ихъ дважды въ годъ.

Долго памятенъ былъ указъ, которымъ Двоекуровъ возвѣщалъ обывателямъ объ открытіи пивовареннаго завода и разъяснялъ вредъ водки и пользу пива. „Водка, — говорилось въ томъ указѣ, — не токмо не вселяетъ веселонравія, какъ многіе полагаютъ, но, при довольномъ употребленіи, даже отклоняетъ отъ онаго и порождаетъ страсть къ убійству. Пива же можно кушать сколько угодно и безъ всякой опасности, ибо оное не печальныя мысли внушаетъ, а токмо

добрыя и веселыя. А потому совѣтуемъ и приказываемъ: водку кушать только передъ обѣдомъ. но и то изъ малой рюмки; въ прочее же время безопасно кушать пиво, которое пить въ весьма превосходномъ качествѣ и не весьма дорогихъ цѣнъ изъ заводовъ 1-й гильдіи купца Семена Козыря отпущается". Послѣдствія этого указа были для Козыря безчисленны. Въ короткое время онъ до того процвѣлъ, что началъ уже находить, что въ Глуповѣ ему тѣсно, а „нужно-де мнѣ, Козырю, въ скорости въ Петербургѣ быть, а тамо и ко двору явиться".

Во время градоначальствованія Фердыщенки Козырю посчастливилось еще больше, благодаря вліянію ямщичихи Аленки, которая приходилась ему внучатной сестрой. Въ началѣ 1766 года онъ угадалъ голодъ и сталъ заблаговременно скупать хлѣбъ. По его наущенію Фердыщенко поставилъ у всѣхъ застав полицейскихъ, которые останавливали возы съ хлѣбомъ и гнали ихъ прямо на дворъ къ скупщику. Тамъ Козырь объявлялъ, что платитъ за хлѣбъ „по таксѣ", и ежели между продавцами возникали сомнѣнія, то недоумѣвающихъ отправлялъ въ часть.

Но какъ пришло это баснословное богатство, такъ оно и улетучилось. Во-первыхъ, Козырь не поладилъ съ Домашкой-стрѣльчихой, которая заняла мѣсто Аленки. Во-вторыхъ, побывавъ въ Петербургѣ, Козырь сталъ хвастаться; князя Орлова звалъ Гришей, а о Мамоновѣ и Ермоловѣ говорилъ, что они умомъ коротки, что онъ, Козырь, „много имъ насчетъ національной политики толковалъ, да мало они поняли".

Въ одно прекрасное утро, нежданно-негаданно, призвалъ Фердыщенко Козыря и повелъ къ нему такую рѣчь:

— Правда ли,—говорилъ онъ,—что ты, Семенъ, свѣтлѣйшаго Римской имперіи князя Григорія Григорьевича Орлова Гришкой величалъ и, ходючи по кабакамъ, передъ всякаго званія людьми за пріятеля себѣ выдавалъ?

Козырь замялся.

— И на то у меня свидѣтели есть.—продолжалъ Фердыщенко такимъ тономъ, который не дозволялъ усомниться, что онъ подлинно знаетъ, что̀ говоритъ.

Козырь поблѣднѣлъ.

— И я тотъ твой бездѣльный поступокъ, по благодушію своему,

прощаю! — вновь началъ Ѳердыщенко: — а которое ты имѣніе награбилъ, и то имѣніе твое отписываю я, бригадиръ, на себя. Ступай и молись Богу.

И точно: въ тотъ же день отписалъ бригадиръ на себя Козыреву движимость и недвижимость, подаривъ, однако, виновному хижину на краю города, чтобы было гдѣ душу спасти и себя прокормить.

Больной, озлобленный, всѣми забытый, доживалъ Козырь свой вѣкъ и на закатѣ дней вдругъ почувствовалъ приливъ „дурныхъ страстей“ и „неблагонадежныхъ элементовъ“. Сталъ проповѣдовать, что собственность есть мечтаніе, что только нищіе да постники взойдутъ въ царствіе небесное, а богатые да бражники будутъ лизать раскаленныя сковороды и кипѣть въ смолѣ. Причемъ, обращаясь къ Ѳердыщенкѣ (тогда было на этотъ счетъ просто: грабили, но правду выслушивали благодушно), прибавлялъ:

— Вотъ и ты, чортовъ угодникъ, въ аду съ братцемъ своимъ сатаной каленымъ угольями трапезовать станешь, а я, Семенъ, тѣмъ временемъ на лонѣ Авраамлемъ почивать буду.

Таковъ былъ первый глуповскій демагогъ.

Іоны Козыря не было въ Глуповѣ, когда отца его постигла страшная катастрофа. Когда онъ возвратился домой, всѣ ждали, что постукъ Ѳердыщенки приведетъ его, по малой мѣрѣ, въ негодованіе: но онъ выслушалъ дурную вѣсть спокойно, не выразивъ ни огорченія, ни даже удивленія. Это была довольно развитая, но совершенно мечтательная натура, которая вполнѣ безучастно относилась къ существующему факту, и эту безучастность восполняла большою дозою утопизма. Въ головѣ его мелькалъ какой-то рай, въ которомъ живутъ добродѣтельные люди, дѣлаютъ добродѣтельныя дѣла и достигаютъ добродѣтельныхъ результатовъ. Но все это именно только мелькало, не укладываясь въ опредѣленныя формы и не идя далѣе простыхъ и не вполнѣ ясныхъ афоризмовъ. Самая книга: „О водвореніи на землѣ добродѣтели“, была не что иное, какъ сводъ подобныхъ афоризмовъ, не указывавшихъ и даже не имѣвшихъ цѣлью указать на какія-либо практическія примѣненія. Іонѣ пріятно было сознавать себя добродѣтельнымъ, и, конечно, еще было бы пріятнѣе, еслибъ и другіе тоже сознавали себя добродѣтельными. Это была потребность его мягкой, мечтательной натуры; это же обусловливало

для него и потребность пропаганды. Сожительство добродѣтельныхъ съ добродѣтельными, отсутствіе зависти, огорченій и заботъ, кроткая бесѣда, тишина, умѣренность—вотъ идеалы, которые онъ проповѣдовалъ, ничего не зная о способахъ ихъ осуществленія.

Несмотря на свою расплывчивость, ученіе Козыря пріобрѣло однакожъ столько прозелитовъ въ Глуповѣ, что градоначальникъ Бородавкинъ счелъ нелишнимъ обезпокоиться этимъ. Сначала онъ вытребовалъ къ себѣ книгу: „О водвореніи на землѣ добродѣтели“ и освидѣтельствовалъ ее; потомъ вытребовалъ и самого автора для освидѣтельствованія.

— Челъ я твою, Іонкину, книгу,—сказалъ онъ: —и отъ многихъ написанныхъ въ ней злодѣйствъ былъ приведенъ въ омерзѣніе.

Іонка казался изумленнымъ. Бородавкинъ продолжалъ:

— Мнишь ты всѣхъ людей добродѣтельными сдѣлать, а про то позабылъ, что добродѣтель не отъ тебя, а отъ Бога; и отъ Бога же всякому человѣку пристойное мѣсто указано.

Іонка изумлялся все больше и больше этому приступу и не столько со страхомъ, сколько съ любопытствомъ ожидалъ, къ какимъ Бородавкинъ придетъ выводамъ.

— Ежели есть на свѣтѣ клеветники, тати, злодѣи и душегубцы (о чемъ и въ указахъ неотступно публикуется),—продолжалъ градоначальникъ:—то съ чего же тебѣ, Іонкѣ, на умъ взбрело, чтобъ имъ не быть? и кто тебѣ такую власть далъ, чтобъ всѣхъ сихъ людей отъ природныхъ ихъ званій отставить и заурядъ съ добродѣтельными людьми въ нѣкоторое смѣха достойное мѣсто, тобою „раемъ“ продерзостно именуемое, включить?

Іонка разинулъ-было ротъ для нѣкоторыхъ разъясненій,—но Бородавкинъ прервалъ его.

— Погоди. И ежели всѣ люди „въ раю“ въ нѣгахъ и ляскахъ время препровождать будутъ, то кто же, по твоему, Іонкину, разумѣнію, землю пахать станетъ? и вспахавши сѣять? и посѣявши жать? и собравши плоды, оными господъ дворянъ и прочихъ чиновъ людей довольствовать и питать?

Опять разинулъ ротъ Іонка, и опять Бородавкинъ удержалъ его порывъ.

— Погоди. И за тѣ твои безсовѣстныя рѣчи судилъ я тебя, Іонку, судомъ скорымъ, и присудилъ тако: книгу твою, изодравъ,

растоптать (говоря это, Бородавкинъ изодралъ и растопталъ), съ тобой же самимъ, яко съ растлителемъ добрыхъ нравовъ, по предварительной отдачѣ на поруганіе, поступитъ, какъ мнѣ, градоначальнику, заблагоразсудится.

Такимъ образомъ Іоной Козыремъ начался мартирологъ глуповскаго либерализма.

Разговоръ этотъ происходилъ утромъ въ праздничный день, а въ полдень вывели Іонку на базаръ и, дабы сдѣлать видъ его болѣе омерзительнымъ, надѣли на него сарафанъ (такъ какъ въ числѣ послѣдователей Козырева ученія было много женщинъ), а на груди привѣсили дощечку съ надписью: *бабникъ и прелюбодѣй*. Въ довершеніе всего квартальные приглашали торговыхъ людей плевать на преступника, что̀ и исполнялось. Къ вечеру Іонки не стало.

Таковъ былъ первый дебютъ глуповскаго либерализма. Несмотря, однакожъ, на неудачу, „дурныя страсти“ не умерли, а образовали традицію, которая переходила преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе и при всѣхъ послѣдующихъ градоначальникахъ. Къ сожалѣнію, лѣтописцы не предвидѣли страшнаго распространенія этого зла въ будущемъ, а потому, не обращая должнаго вниманія на происходившіе передъ ними факты, заносили ихъ въ свои тетрадки съ прискорбною краткостью. Такъ напримѣръ, при Негодяевѣ упоминается о нѣкоемъ дворянскомъ сынѣ Ивашкѣ Фарафортьевѣ, который былъ посаженъ на цѣпь за то, что говорилъ хульныя слова, а слова тѣ въ томъ состояли, что „всѣмъ-де людямъ въ ѣдѣ равная потреба настоитъ, и кто-де ѣстъ много, пускай дѣлится съ тѣмъ, кто ѣстъ мало“. „И сидя на цѣпи, Ивашка умре“, прибавляетъ лѣтописецъ. Другой примѣръ случился при Микаладзе, который хотя былъ самъ либералъ, но, по страстности своей натуры, а также по новости дѣла, не всегда могъ воздерживаться отъ заушеній. Во время его управленія городомъ, тридцать-три философа были разсѣяны по лицу земли за то, что „нелѣпымъ обычаемъ говорили: трудящійся да ясть: нетрудящійся же да вкуситъ отъ плодовъ бездѣлія своего“. Третій примѣръ былъ при Беневоленскомъ, когда былъ „подвергнутъ разспросными рѣчамъ“ дворянскій сынъ, Алешка Безпятовъ, за то, что въ укору градоначальнику, любившему заниматься законодательствомъ, утверждалъ: „худы-де тѣ законы, кои писать надо, а тѣ законы исправны, кои и безъ письма въ естествѣ у каждаго человѣка неру-

котворно написаны". И онъ тоже „отъ разспросныхъ рѣчей да съ испугу и съ боли умре". Послѣ Безнятова либеральный мартирологъ временно прекратился. Прыщъ и Ивановъ были глупы; Дю-Шаріо же былъ и глупъ, и, кромѣ того, самъ заражонъ либерализмомъ. Грустиловъ, въ первую половину своего градоначальствованія, не только не препятствовалъ, но даже покровительствовалъ либерализму, потому что смѣшивалъ его съ вольнымъ обращеніемъ, къ которому отъ природы имѣлъ непреодолимую склонность. Только впослѣдствіи, когда блаженный Парамоша и юродивенькая Анисьюшка взяли въ руки бразды правленія, либеральный мартирологъ вновь воспріялъ начало, въ лицѣ учителя каллиграфіи Линкина, доктрина котораго, какъ извѣстно, состояла въ томъ, что „всѣ мы, что человѣки, что скоты—всѣ помремъ и всѣ къ чортовой матери пойдемъ". Вмѣстѣ съ Линкинымъ чуть-было не попались въ просакъ два знаменитѣйшіе философа того времени, Фуничъ и Мерзпцкій, но вѣ-время спохватились и начали, вмѣстѣ съ Грустиловымъ, присутствовать при „восхищеніяхъ" (см. „Поклоненіе мамонѣ и покаяніе"). Поворотъ Грустилова далъ либерализму новое направленіе, которое можно назвать центробѣжно-центростремительно-неисповѣдимо-завиральнымъ. Но это былъ все-таки либерализмъ, а потому и онъ успѣха имѣть не могъ, ибо уже наступила минута, когда либерализма не требовалось вовсе. Не требовалось совсѣмъ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ какихъ формахъ, ни даже въ формѣ нелѣпости, ни даже въ формѣ восхищенія начальствомъ.

Восхищеніе начальствомъ! что̀ значитъ восхищеніе начальствомъ? Это значитъ такое оныимъ восхищеніе, которое въ то же время допускаетъ и возможность оныимъ невосхищенія! А отсюда до революціи—одинъ шагъ!

Со вступленіемъ въ должность градоначальника Угрюмъ-Бурчеева либерализмъ въ Глуповѣ прекратился вовсе, а потому и мартирологъ не возобновлялся. „Будучи, выше мѣры, обременены тѣлесными упражненіями,—говоритъ лѣтописецъ,—глуповцы, съ устатку, ни о чемъ больше не мыслили, кромѣ какъ о выпрямленіи согбенныхъ работой тѣлесъ своихъ". Такимъ образомъ продолжалось все время, покуда Угрюмъ-Бурчеевъ разрушалъ старый городъ и боролся съ рѣкою. Но по мѣрѣ того, какъ новый городъ приходилъ къ концу,

тѣлесныя упражненія сокращались, а вмѣстѣ съ досугомъ изъ-подъ пепла возникало и пламя измѣны...

Дѣло въ томъ, что по окончательномъ устройствѣ города послѣдовалъ цѣлый рядъ празднествъ. Во-первыхъ, назначенъ былъ праздникъ по случаю переименованія города изъ Глупова въ Непреклонскъ; во-вторыхъ, послѣдовалъ праздникъ въ воспоминаніе побѣдъ, одержанныхъ бывшими градоначальниками надъ обывателями; и въ-третьихъ, по случаю наступленія осенняго времени, самъ собой подошелъ праздникъ „Предержащихъ властей". Хотя, по первоначальному проекту Угрюмъ-Бурчеева, праздники должны были отличаться отъ будней только тѣмъ, что въ эти дни жителямъ, вмѣсто работъ, предоставлялось заниматься усиленной маршировкой, но на этотъ разъ бдительный градоначальникъ оплошалъ. Безсонная ходьба по прямой линіи до того сокрушила его желѣзные нервы, что когда затихъ въ воздухѣ послѣдній ударъ топора, онъ едва успѣлъ крикнуть „шабашъ!", какъ тутъ же повалился на землю и захрапѣлъ, не сдѣлавъ даже распоряженія о назначеніи новыхъ шпіоновъ.

Изнуренные, обруганные и уничтоженные, глуповцы, послѣ долгаго перерыва, въ первый разъ вздохнули свободно. Они взглянули другъ на друга—и вдругъ устыдились. Они не понимали, что̀ именно произошло вокругъ нихъ, но чувствовали, что воздухъ наполненъ сквернословіемъ, и что далѣе дышать въ этомъ воздухѣ невозможно. Была ли у нихъ исторія, были ли въ этой исторіи моменты, когда они имѣли возможность проявить свою самостоятельность?—ничего они не помнили. Помнили только, что у нихъ были Урусъ-Кугушъ-Кильдибаевы, Негодяевы, Бородавкины и, въ довершеніе позора, этотъ ужасный, этотъ безславный прохвостъ! И все это глушило, грызло, рвало зубами—во имя чего? Грудь захлестывало кровью, дыханіе занимало, лица судорожно искривляло гнѣвомъ при воспоминаніи о безславномъ идіотѣ, который, съ топоромъ въ рукѣ, пришелъ невѣдомо откуль и съ неисповѣдимою наглостью изрекъ смертный приговоръ прошедшему, настоящему и будущему.

А онъ, между тѣмъ, неподвижно лежалъ на самомъ солнечномъ пригревѣ и тяжело храпѣлъ. Теперь онъ былъ у всѣхъ на виду; всякій могъ свободно разсмотрѣть его и убѣдиться, что это подлинный идіотъ—и ничего болѣе.

Когда онъ разрушалъ, боролся со стихіями, предавалъ огню и

мечу, еще могло казаться, что въ немъ олицетворяется что-то громадное, какая-то всепокоряющая сила, которая, независимо отъ своего содержанія, можетъ поражать воображеніе; теперь, когда онъ лежалъ поверженный и изнеможенный, когда ни на комъ не тяготѣлъ его исполненный безстыжества взоръ, дѣлалось яснымъ, что это „громадное“, это „всепокоряющее“—не что иное, какъ идіотство, не нашедшее себѣ границъ.

Какъ ни запуганы были умы, но потребность освободить душу отъ обязанности вникать въ таинственный смыслъ выраженія „куриный сынъ“, была настолько сильна, что измѣнила и самый взглядъ на значеніе Угрюмъ-Бурчеева. Это былъ уже значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ преуспѣянія „неблагонадежныхъ элементовъ“. Прохвостъ проснулся, но взоръ его уже не произвелъ прежняго впечатлѣнія. Онъ раздражалъ, но не пугалъ. Убѣжденіе, что это не злодѣй, а простой идіотъ, который шагаетъ все прямо и ничего не видитъ, что дѣлается по сторонамъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтало все большій и большій авторитетъ. Но это раздражало еще сильнѣе. Мысль, что шаганіе безсрочно, что въ идіотѣ таится какая-то сила, которая цѣпенитъ умы, сдѣлалась невыносимою. Никто не задавался предположеніями, что идіотъ можетъ успокоиться или обратиться къ лучшимъ чувствамъ, и что при такомъ оборотѣ жизнь сдѣлается возможною и даже, пожалуй, спокойною. Не только спокойствіе, но даже самое счастье казалось обиднымъ и унизительнымъ, въ виду этого прохвоста, который единолично сокрушилъ цѣлую массу мыслящихъ существъ.

„Онъ“ дастъ какое-то счастіе! „Онъ“ скажетъ имъ: я васъ разорилъ и оглушилъ, а теперь позволю вамъ быть счастливыми! И они выслушаютъ эту рѣчь хладнокровно! они воспользуются его дозволеніемъ и будутъ счастливы! Позоръ!!!

А Угрюмъ-Бурчеевъ все маршировалъ и все смотрѣлъ прямо, отнюдь не подозрѣвая, что подъ самымъ его носомъ кишатъ дурныя страсти и чуть-чуть не воочію выплываютъ на поверхность неблагонадежные элементы. По примѣру всѣхъ благонамѣренныхъ благоустроителей, онъ видѣлъ только одно: что мысль, такъ долго зрѣвшая въ его заскорузлой головѣ, наконецъ, осуществилась, что онъ подлинно обладаетъ прямою линіей и можетъ маршировать по ней сколько угодно. Затѣмъ, имѣется ли на этой линіи что-нибудь жи-

вое, и можетъ ли это „живое“ ощущать, мыслить, радоваться, страдать, способно ли оно, наконецъ, изъ „благонадежнаго“ обратиться въ „неблагонадежное“—все это не составляло для него даже вопроса...

Раздраженіе росло тѣмъ сильнѣе, что глуповцы все-таки обязывались выполнять всѣ запутанныя формальности, которыя были заведены Угрюмъ-Бурчеевымъ. Чистились, подтягивались, проходили черезъ всѣ манежи, строились въ каре, разводились по работамъ и проч. Всякая минута казалась удобною для освобожденія, и всякая же минута казалась преждевременною. Происходили безпрерывныя совѣщанія по ночамъ; тамъ и сямъ прорывались одиночные случаи нарушенія дисциплины; но все это было какъ-то до такой степени разрозненно, что въ концѣ концовъ могло, самою медленностью процесса, возбудить подозрительность даже въ такомъ убѣжденномъ идіотѣ, какъ Угрюмъ-Бурчеевъ.

И точно, онъ началъ нѣчто подозрѣвать. Его поразила тишина во время дня и шорохъ во время ночи. Онъ видѣлъ, какъ, съ наступленіемъ сумерекъ, какія-то тѣни бродили по городу и исчезали невѣдомо куда, и какъ, съ разсвѣтомъ дня, тѣ же самыя тѣни вновь появлялись въ городѣ и разбѣгались по домамъ. Нѣсколько дней сряду повторялось это явленіе, и всякій разъ онъ порывался выбѣжать изъ дома, чтобы лично разслѣдовать причину ночной суматохи, но суевѣрный страхъ удерживалъ его. Какъ истинный прохвостъ, онъ боялся чертей и вѣдьмъ.

И вотъ однажды появился по всѣмъ поселеннымъ единицамъ приказъ, возвѣщавшій о назначеніи шпіоновъ. Это была капля, переполнившая чашу...

Но здѣсь я долженъ сознаться, что тетрадки, которыя заключали въ себѣ подробности этого дѣла, неизвѣстно куда утратились. Поэтому я нахожусь вынужденнымъ ограничиться лишь передачею развязки этой исторіи, и то благодаря тому, что листокъ, на которомъ она описана, случайно уцѣлѣлъ.

„Черезъ недѣлю (послѣ чего?).—пишетъ лѣтописецъ,—глуповцевъ поразило зрѣлище. Сѣверъ потемнѣлъ и покрылся тучами; изъ этихъ тучъ нѣчто неслось на городъ: не то ливень, не то смерчъ. Полное гнѣва, *оно* неслось, буровя землю, грохоча, гудя и стеня и по временамъ изрыгая изъ себя какіе-то глухіе, каркающіе звуки.

Хотя *оно* было еще не близко, но воздухъ въ городѣ заколебался, колокола сами собой загудѣли, деревья взъерошились, животныя обезумѣли и метались по полю, не находя дороги въ городъ. *Оно* близилось, и по мѣрѣ того, какъ близилось, время останавливало бѣгъ свой. Наконецъ земля затряслась, солнце померкло... глуповцы пали ницъ. Неисповѣдимый ужасъ выступилъ на всѣхъ лицахъ, охватилъ всѣ сердца.

„*Оно* пришло...

„Въ эту торжественную минуту Угрюмъ-Бурчеевъ вдругъ обернулся всѣмъ корпусомъ къ оцѣпенѣлой толпѣ и яснымъ голосомъ произнесъ:

„— Придетъ...

„Но не успѣлъ онъ договорить, какъ раздался трескъ, и бывый прохвостъ моментально исчезъ, словно растаялъ въ воздухѣ.

„Исторія прекратила теченіе свое“...

Оправдательные документы.

I. Мысли о градоначальническомъ единомысліи, а также о градоначальническомъ единовластіи и о прочемъ.

Сочинилъ глуповскій градоначальникъ Василискъ Бородавкинъ *).

Необходимо, дабы между градоначальниками царствовало единомысліе. Чтобы они, такъ сказать, по всему лицу земли — едиными устами. О вредѣ градоначальническаго многомыслія распространюсь кратко. Какія суть градоначальниковы права и обязанности? — Права сіи суть: чтобы злодѣи трепетали, а прочіе чтобы повиновались. Обя-

*) Сочиненіе это составляетъ дѣтскую тетрадку въ четвертую долю листа: читать рукопись очень трудно, потому что правописаніе ея чисто варварское. Напримѣръ, слово „чтобъ“ вездѣ пишется „штобъ“ и даже „штопъ“; слово „когда“ пишется „кахда“ и проч. Но это-то и дѣлаетъ рукопись драгоцѣнною, ибо доказываетъ, что она вышла несомнѣнно и непосредственно изъ-подъ пера глубокомысленнаго администратора и даже не была на просмотрѣ у его секретаря. Это доказываетъ также, что въ прежнія времена отъ градоначальниковъ требовали не столько блестящаго правописанія, сколько глубокомыслія и природной склонности къ философическимъ упражненіямъ. *Издатель.*

занности суть: чтобы употреблять мѣры кротости, но не упускать изъ вида и мѣръ строгости. Сверхъ того, поощрять науки. Въ сихъ краткихъ чертахъ заключается недолгая, но и не легкая градоначальническая наука. Размыслимъ кратко: что изъ сего произойти можетъ?

„Чтобы злодѣи трепетали“—прекрасно! Но кто же сіи злодѣи? Очевидно, что при многомысліи по сему предмету можетъ произойти великая въ дѣйствіяхъ неурядица. Злодѣемъ можетъ быть воръ, но это злодѣй, такъ сказать, третьестепенный; злодѣемъ называется убійца, но и это злодѣй лишь второй степени; наконецъ, злодѣемъ можетъ быть вольнодумецъ—это уже злодѣй настоящій и притомъ закоренѣлый и нераскаянный. Изъ сихъ трехъ сортовъ злодѣевъ, конечно, каждый долженъ трепетать, но въ равной ли мѣрѣ? Нѣтъ, не въ равной. Вору слѣдуетъ предоставить трепетать менѣе, нежели убійцѣ; убійцѣ же менѣе, нежели безбожному вольнодумцу. Сей послѣдній долженъ всегда видѣть передъ собой пронзительный градоначальническій взоръ, и оттого трепетать безпрерывно. Теперь, ежели мы допустимъ относительно сей матеріи въ градоначальникахъ многомысліе, то, очевидно, многое выйдетъ наоборотъ, а именно: безбожники будутъ трепетать умѣренно, воры же и убійцы всеминутно и прежестоко. И такимъ образомъ упраздится здравая административная экономія и нарушится величественная административная стройность!

Но послѣдуемъ далѣе. Выше сказано: „прочіе, чтобы повиновались“—но кто же сіи „прочіе“? Очевидно, здѣсь разумѣются обыватели вообще; однакоже, и въ семъ общемъ наименованіи необходимо различать: во-первыхъ, благородное дворянство, во-вторыхъ, почтенное купечество и, въ-третьихъ, земледѣльцевъ и прочій подлый народъ. Хотя безспорно, что каждый изъ сихъ трехъ сортовъ обывателей обязанъ повиноваться, но нельзя отрицать и того, что каждый изъ нихъ можетъ употребить при этомъ свой особенный, ему свойственный манеръ. Напримѣръ: дворянинъ повинуется благородно и вскользь предъявляетъ резоны; купецъ повинуется съ готовностью и проситъ принять хлѣбъ-соль; наконецъ, подлый народъ повинуется просто и, чувствуя себя виноватымъ, раскаивается и проситъ прощенія. Что будетъ, ежели градоначальникъ въ сіи оттѣнки не вникнетъ, а особливо ежели онъ подлому народу предоставитъ предъявлять резоны? Страшусь сказать, но опасаюсь, что въ семъ случаѣ градо-

начальническое многомысліе можетъ имѣть послѣдствія не только вредныя, но и съ трудомъ исправимыя!

Разсказываютъ слѣдующее. Одинъ озабоченный градоначальникъ, вошедъ въ кофейную, спросилъ себѣ рюмку водки и, получивъ желаемое вмѣстѣ съ мѣдною монетою въ сдачу, монету проглотилъ, а водку вылилъ себѣ въ карманъ. Вполнѣ сему вѣрю, ибо при градоначальнической озабоченности подобныя пагубныя смѣшенія весьма возможны. Но при этомъ не могу не сказать: вотъ какъ градоначальники должны быть осторожны въ разсмотрѣніи своихъ собственныхъ дѣйствій!

Послѣдуемъ еще далѣе. Выше я упомянулъ, что у градоначальниковъ, кромѣ правъ, имѣются еще и обязанности. „Обязанности“ — о, сколь горькое это для многихъ градоначальниковъ слово! Но не будемъ, однакожъ, посѣшны, господа мои любезные сотоварищи! размыслимъ зрѣло, и, можетъ быть, мы увидимъ, что при благоразумномъ употребленіи, даже горькія вещества могутъ легко превращаться въ сладкія! Обязанности градоначальническія, какъ уже сказано, заключаются въ употребленіи мѣръ кротости, безъ пренебреженія, однако, мѣрами строгости. Въ чемъ выражаются мѣры кротости? Мѣры сіи преимущественно выражаются въ привѣтствіяхъ и пожеланіяхъ. Обыватели, а въ особенности подлый народъ — великіе до сего охотники; но при этомъ необходимо, чтобы градоначальникъ былъ въ мундирѣ и имѣлъ открытую физіономію и благосклонный взглядъ. Нелишне также, чтобы на лицѣ играла улыбка. Мнѣ неоднократно случалось въ семъ тріумфальномъ видѣ выходить къ обывательскимъ толпамъ, и когда я звучнымъ и пріятнымъ голосомъ восклицалъ: „здорово, ребята!“ — то, ручаюсь честью, немного нашлось бы такихъ, кои не согласились бы, по первому моему привѣтливому знаку, броситься въ воду и утопиться, лишь бы снискать благосклонное мое одобреніе. Конечно, я никогда сего не требовалъ, но, признаюсь, такая на всѣхъ лицахъ видная готовность всегда меня радовала. Таковы суть мѣры кротости. Что же касается до мѣръ строгости, то онѣ всякому, даже небывшему въ кадетскихъ корпусахъ, довольно извѣстны. Стало быть, распространяться объ нихъ не стану, а прямо приступлю къ описанію способовъ примѣненія тѣхъ и другихъ мѣропріятій.

Прежде всего замѣчу, что градоначальникъ никогда не долженъ

дѣйствовать иначе, какъ чрезъ посредство мѣропріятій. Всякое его дѣйствіе есть мѣропріятіе. Привѣтливый видъ, благосклонный взглядъ суть такія же мѣры внутренней политики, какъ и экзекуція. Обыватель *всегда* въ чемъ-нибудь виноватъ, и потому *всегда же* надлежитъ на порочную его волю воздѣйствовать. Въ семъ-то смыслѣ первою мѣрою воздѣйствія и должна быть мѣра кротости. Ибо, ежели градоначальникъ, выйдя изъ своей квартиры, прямо начнетъ палить, то онъ достигнетъ лишь того, что перепалитъ всѣхъ обывателей и, какъ древній Марій, останется на развалинахъ одинъ съ письмоводителемъ. Такимъ образомъ, употребивъ первоначально мѣру кротости, градоначальникъ долженъ прилежно смотрѣть, оказала ли она надлежащій плодъ, и когда убѣдится, что оказала, то можетъ уйти домой; когда же увидитъ, что плода нѣтъ, то обязанъ, нимало не медля, приступить къ мѣрамъ послѣдующимъ. Первымъ дѣйствіемъ въ семъ смыслѣ долженъ быть суровый видъ, отъ коего обыватели мгновенно пали бы на колѣни. При семъ: рѣчь должна быть отрывистая, взоръ обѣщающій дальнѣйшія распоряженія, походка неровная, какъ бы судорожная. Но если и затѣмъ толпа будетъ продолжать упорствовать, то надлежитъ: набѣжавъ сразмаху, вырвать изъ оной одного или двухъ человѣкъ, подъ наименованіемъ зачинщиковъ, и, отступя отъ бунтовщиковъ на нѣкоторое разстояніе, немедля распорядиться. Если же и сего недостаточно, то надлежитъ: отдѣливъ изъ толпы десятыхъ и, признавъ ихъ состоящими на правахъ зачинщиковъ, распорядиться подобно какъ съ первыми. По большей части, сихъ мѣропріятій (особенно если они употреблены благовременно и быстро) бываетъ достаточно; однако можетъ случиться и такъ, что толпа, какъ бы окоченѣвъ въ своей грубости и закоренѣлости, коснѣетъ въ ожесточеніи. Тогда надлежитъ палить.

Итакъ, вотъ какое существуетъ разнообразіе въ мѣропріятіяхъ и какая потребна мудрость въ уловленіи всѣхъ оттѣнковъ ихъ. Теперь представимъ себѣ, что можетъ произойти, если относительно сей матеріи будетъ существовать пагубное градоначальническое многомысліе? А вотъ что: въ одномъ городѣ градоначальникъ будетъ довольствоваться благоразумными распоряженіями, а въ другомъ, сосѣднемъ, другой градоначальникъ, при тѣхъ же обстоятельствахъ, будетъ уже палить. А такъ какъ у насъ все на слуху, то подобное отсутствіе единомыслія можетъ въ самихъ обывателяхъ поселить ре-

зонное недоумѣніе и даже многомысліе. Конечно, обыватели должны быть всегда готовы къ перенесенію всякаго рода мѣропріятій, но при семъ они не лишены нѣкотораго права на ихъ постепенность. Въ крайнемъ случаѣ, они могутъ даже требовать, чтобы съ ними первоначально распорядились и только потомъ уже палили. Ибо, какъ я однажды сказалъ, ежели градоначальникъ будетъ палить безъ разсчета, то современемъ ему даже не съ кѣмъ будетъ распорядиться... И такимъ образомъ вновь упразднится административная экономія и вновь нарушится величественная административная стройность.

И еще я сказалъ: градоначальникъ обязанъ насаждать науки. Это такъ. Но и въ семъ разѣ необходимо дать себѣ отчетъ: какія науки? Науки бываютъ разныя; одинѣ трактуютъ объ удобреніи полей, о построеніи жилищъ человѣческихъ и скотскихъ, о воинской доблести и непреоборимой твердости — сіи суть полезныя; другія, напротивъ, трактуютъ о вредномъ франмасонскомъ и якобинскомъ вольномысліи, о нѣкоторыхъ, якобы природныхъ человѣку, понятіяхъ и правахъ, причемъ касаются даже строенія міра—сіи суть вредныя. Что будетъ, ежели одинъ градоначальникъ примется насаждать первыя науки, а другой—вторыя? Во-первыхъ, послѣдній будетъ за сіе преданъ суду и чрезъ то лишится права на пенсію; во-вторыхъ, и для самихъ обывателей будетъ отъ того не польза, а вредъ. Ибо, встрѣтившись гдѣ-либо на границѣ, обыватель одного города будетъ вопрошать объ удобреніи полей, а обыватель другого города, не виявъ вопрошающаго, будетъ отвѣчать ему о естественномъ строеніи міровъ. И такимъ образомъ, поговоривъ между собой, разойдутся.

Слѣдственно, необходимость и польза градоначальническаго единомыслія очевидны. Развивъ сію матерію въ надлежащей полнотѣ, приступимъ къ разсужденію о средствахъ къ ея осуществленію.

Для сего предлагаю кратко:

1) Учредить особливый воспитательный градоначальническій институтъ. Градоначальники, какъ особливо обреченные, должны и воспитаніе получать особливое. Слѣдуетъ градоначальниковъ отъ сосцовъ материнскихъ отлучать и воспитывать не обыкновеннымъ материнскимъ млекомъ, а млекомъ указовъ правительствующаго сената и предписаній начальства. Сіе есть истинное млеко градоначальниково, и напитавшійся имъ твердъ будетъ въ единомысліи и станетъ ревниво и строго содержать свое градоначальство. При семъ: прочую

нищу давать умѣренную, отъ употребленія вина воздерживать безусловно, въ нравственномъ же отношеніи внушать ежечасно, что взысканіе недоимокъ есть первѣйшій градоначальника долгъ и обязанность. Для удовлетворенія воображенія дошускать картинки. Изъ наукъ преподавать три: а) ариѳметику, какъ необходимое пособіе при взысканіи недоимокъ; б) науку о необходимости очищать улицы отъ навоза; и в) науку о постепенности мѣропріятій. Въ рекреаціонное время занимать чтеніемъ начальственныхъ предписаній и анекдотовъ изъ жизни доблестныхъ администраторовъ. При такой системѣ, можно сказать напередъ: а) что градоначальники будутъ крѣпки и б) что они не дрогнутъ.

2) Издавать надлежащія руководства. Сіе необходимо, въ видахъ устраненія нѣкоторыхъ гнусныхъ слабостей. Хотя и вскормленный суровымъ градоначальническимъ млекомъ, градоначальникъ устроенъ, однакоже, яко и человѣки, и слѣдовательно имѣетъ нѣкоторыя естественныя надобности. Одна изъ сихъ надобностей—и преимущественнѣйшая—есть привлекательный женскій полъ. Нельзя довольно изъяснить, сколь она настоятельна и сколь много отъ нея ущерба для казны происходитъ. Есть градоначальники, кои вожделѣютъ ежемгновенно и, находясь въ семъ достойномъ жалости видѣ, оставляютъ резолюціи городническаго правленія по цѣлымъ мѣсяцамъ безъ утвержденія. Надлежитъ, чтобы упомянутыя выше руководства отъ сей пагубной надобности градоначальниковъ предостерегали и сохраняли супружеское ихъ ложе въ надлежащей опрятности. Вторая весьма пагубная слабость есть приверженность градоначальниковъ къ утонченному столу и изрядньмъ винамъ. Есть градоначальники, кои до того объѣдаются присылаемыми отъ купцовъ стерлядями, что въ скоромъ времени тучнѣютъ и дѣлаются къ предписаніямъ начальства весьма равнодушными. Надлежитъ и въ семъ случаѣ освѣжать градоначальниковъ руководительными статьями, а въ крайности—даже пригрозить градоначальническимъ суровымъ млекомъ. Наконецъ третья и самая гнусная слаб... (Здѣсь рукопись на нѣсколько строкъ прерывается, ибо авторъ, желая засыпать написанное пескомъ, залилъ, по ошибкѣ, чернилами. Сбоку приписано: „сіе мѣсто залитэ чернилами, по ошибкѣ“.)

3) Устраивать отъ времени до времени секретные въ губернскихъ городахъ градоначальническіе съѣзды. На съѣздахъ сихъ занимать

ихъ чтеніемъ градоначальническихъ руководствъ и освѣженіемъ въ ихъ памяти градоначальническихъ наукъ. Увѣщевать быть твердыми и не взирать.

и 4) Ввести систему градоначальническаго единонагражденія. Но матерія сія столь обширна, что объ ней надѣюсь говорить особо.

Утвердившись такимъ образомъ въ самомъ центрѣ, единомысліе градоначальническое неминуемо повлечетъ за собой и единомысліе всеобщее. Всякій обыватель,—уразумѣвъ, что градоначальники: а) распоряжаются единомысленно, б) палять также единомысленно, — будетъ единомысленно же и изготовляться къ воспринятію сихъ мѣропріятій. Ибо отъ такого единомыслія некуда будетъ имъ дѣваться. Не будетъ, слѣдственно, ни свары, ни розни, а будутъ распоряженія и пальба повсемѣстная.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о градоначальническомъ единовластіи и о прочемъ. Сіе также необходимо, ибо безъ градоначальническаго единовластія невозможно и градоначальническое единомысліе. Но на сей счетъ мнѣнія существуютъ различныя. Одни, напримѣръ, говорятъ, что градоначальническое единовластіе состоитъ въ покореніи стихій. Одинъ градоначальникъ мнѣ лично сказывалъ: „какіе, братъ, мы съ тобой градоначальники! у меня солнце каждый день на востокѣ встаетъ, и я не могу распорядиться, чтобы оно вставало на западѣ!“ Хотя слова сіи принадлежатъ градоначальнику подлинно образцовому, но я все-таки похвалить ихъ не могу. Ибо желать слѣдуетъ только того, что къ достиженію возможно; ежели же будешь желать недостижимаго, какъ, напримѣръ, укрощенія стихій, прекращенія теченія времени и подобнаго, то симъ градоначальническую власть не токмо не возвысишь, а напаче сконфузишь. Посему о градоначальническомъ единовластіи слѣдуетъ трактовать совсѣмъ не съ точки зрѣнія солнечнаго восхода или иныхъ враждебныхъ стихій, а съ точки зрѣнія засѣдателей, совѣтниковъ и секретарей различныхъ вѣдомствъ, правленій и судовъ. По моему мнѣнію, всѣ сіи лица суть вредныя, ибо они градоначальнику, въ его, такъ сказать, непрерывномъ административномъ бѣгѣ, лишь поставляютъ препоны...

Здѣсь прерывается это замѣчательное сочиненіе. Далѣе слѣдуютъ лишь краткія замѣтки въ родѣ: „проба пера“, „понка дуракъ“, „рапортъ“, „рапортъ“, „рапортъ“ и т. п.

II. О благовидной всѣхъ градоначальниковъ наружности.

Сочинилъ градоначальникъ, князь Ксаверій Георгіевичъ Микладзе *).

Необходимо, дабы градоначальникъ имѣлъ наружность благовидную. Чтобъ былъ не тученъ и не скареденъ, ростъ имѣлъ не огромный, но и не слишкомъ малый, сохранялъ пропорціональность во всѣхъ частяхъ тѣла и лицомъ обладалъ чистымъ, не обезображеннымъ ни бородавками, ни (отъ чего Боже сохрани!) злокачественными сынями. Глаза у него должны быть сѣрые, способные по обстоятельствамъ выражать и милосердіе, и суровость. Носъ надлежащій. Сверхъ того, онъ долженъ имѣть мундиръ.

Излишняя тучность, точно также какъ и излишняя скаредность равно могутъ имѣть непріятныя послѣдствія. Я зналъ одного градоначальника, который хотя и отлично зналъ законы, но успѣха не имѣлъ, потому что отъ туковъ, во множествѣ скопленныхъ въ его внутренностяхъ, задыхался. Другого градоначальника я зналъ весьма тощаго, который тоже не имѣлъ успѣха, потому что едва появился въ своемъ городѣ, какъ сразу же былъ прозванъ отъ обывателей одною изъ тощихъ фараоновыхъ коровъ, и затѣмъ уже ни одно изъ его распоряженій дѣйствительной силы имѣть не могло. Напротивъ того, градоначальникъ не тучный, но и не тощій, хотя бы и не былъ свѣдущъ въ законахъ, всегда имѣетъ успѣхъ. Ибо онъ бодръ, свѣжъ, быстръ и всегда готовъ.

То, что сказано выше о тучности и скредности, примѣняется и къ градоначальническому росту. Истинный сей ростъ—между 6-ю и 8-ю вершками. Поразительны примѣры, представляемые неисполненіемъ сего на первый взглядъ ничтожнаго правила. Мнѣ лично извѣстно таковыхъ три. Въ одной изъ приволжскихъ губерній градоначальникъ былъ роста трехъ аршинъ съ вершкомъ, и что же?—прибылъ въ тотъ городъ малаго роста ревизоръ, вознегодовалъ, повелъ подкопы и достигъ того, что сего, впрочемъ, достойнаго человѣка предали суду. Въ другой губерніи столь же рослый градоначальникъ

*) Рукопись эта занимаетъ нѣсколько страничекъ въ четвертую долю листа; хотя правописаніе ея довольно правильное, но справедливость требуетъ сказать, что авторъ писалъ по линейкамъ.—*Издатель.*

страдалъ необыкновенной величины солитеромъ. Наконецъ третій градоначальникъ имѣлъ столь малый ростъ, что не могъ вмѣщать пространныхъ законовъ, и отъ натуги умре. Такимъ образомъ всѣ трое пострадали по причинѣ неноказаннаго роста.

Сохраненіе пропорціональности частей тѣла тоже немаловажно, ибо гармонія есть первѣйшій законъ природы. Многіе градоначальники обладаютъ длинными руками, и за это современемъ отрѣшаются отъ должностей; многіе отличаются особливымъ развитіемъ иныхъ оконечностей, или же уродливою ихъ малостью, и отъ того кажутся смѣшными или зазорными. Сего всемѣрно избѣгать надлежитъ, ибо ничто такъ не подрываетъ власть, какъ нѣкоторая выдающаяся или замѣтная для всѣхъ гнусность.

Чистое лицо украшаетъ не только градоначальника, но и всякаго человѣка. Сверхъ того, оно оказываетъ многочисленныя услуги, изъ коихъ первая—довѣріе начальства. Кожа гладкая безъ изнѣженности, видъ смѣлый безъ дерзости, физіономія открытая безъ наглости—все сіе плѣняетъ начальство, особливо если градоначальникъ стоитъ подавшись корпусомъ впередъ и какъ бы устремляясь. Малѣйшая бородавка можетъ здѣсь нарушить гармонію и сообщить градоначальнику видъ продерзостный. Вторая услуга, оказываемая чистымъ лицомъ, есть любовь подчиненныхъ. Когда лицо чистое и притомъ освѣжается омовеніями, то кожа становится столь блестящею, что дѣлается способною отражать солнечные лучи. Сей видъ для подчиненныхъ бываетъ весьма пріятенъ.

Голосъ обязанъ имѣть градоначальникъ ясный и далеко слышный; онъ долженъ помнить, что градоначальническія легкія созданы для отданія приказаній. Я зналъ одного градоначальника, который, приготовляясь къ сей должности, нарочно поселился на берегу моря и тамъ во всю мочь кричалъ. Впослѣдствіи этотъ градоначальникъ усмирилъ одиннадцать большихъ бунтовъ, двадцать-девять среднихъ возмущеній и болѣе полусотни малыхъ недоразумѣній. И все сіе съ помощью одного своего далеко-слышнаго голоса.

Теперь о мундирѣ. Вольнодумцы, конечно, могутъ (подъ личною, впрочемъ, за сіе отвѣтственностью) полагать, что предъ лицомъ законовъ естественныхъ все равно, кованая ли кольчуга или кургузая кучерская поддевка облекаютъ начальника; но въ глазахъ людей опытныхъ и серьезныхъ матерія сія всегда будетъ пользоваться особ-

ливымъ передъ всѣми другими предпочтеніемъ. Почему такъ? а потому, господа вольнодумцы, что при отправленіи казенныхъ должностей мундиръ, такъ сказать, предшествуетъ человѣку, а не наоборотъ. Я, конечно, не хочу этимъ выразить, что мундиръ можетъ дѣйствовать и распоряжаться независимо отъ содержащагося въ немъ человѣка, но, кажется, смѣло можно утверждать, что при блестящемъ мундирѣ даже худосочные градоначальники—и тѣ могутъ быть на службѣ терпимы. Посему, находя, что всѣ нынѣ существующіе мундиры лишь въ слабой степени удовлетворяютъ этой важной цѣли, я полагалъ бы необходимымъ составить спеціальную на сей предметъ коммиссію, которой и препоручить начертать планъ градоначальническаго мундира. Съ своей стороны, я предвижу возможность подать слѣдующую мысль: колетъ изъ серебрянаго глазета, сзади страусовыя перья, спереди панцырь отъ кованаго золота, штаны глазетовые же и на головѣ литого золота шишакъ, увѣнчанный перьями. Кажется, что, находясь въ семъ видѣ, каждый градоначальникъ въ самомъ скоромъ времени всѣ дѣла приведетъ въ порядокъ.

Все сказанное выше о благовидности градоначальниковъ получитъ еще большее значеніе, если мы припомнимъ, сколь часто они обязываются имѣть секретное обращеніе съ женскимъ поломъ. Всѣ знаютъ пользу, отъ сего проистекающую, но и за всѣмъ тѣмъ сюжетъ этотъ далеко не исчерпанъ. Ежели я скажу, что черезъ женскій полъ опытный администраторъ можетъ во всякое время знать всѣ сокровенныя движенія управляемыхъ, то этого одного уже достаточно, чтобы доказать, сколь важенъ этотъ административный методъ. Не одинъ дипломатъ открывалъ симъ способомъ планы и замыслы непріятелей и черезъ то дѣлалъ ихъ непригодными; не одинъ военачальникъ, съ помощью этой же методы, выигрывалъ сраженія или своевременно обращался въ бѣгство. Я же, съ своей стороны, извѣдавъ это средство на практикѣ, могу засвидѣтельствовать, что не дальше какъ на сихъ дняхъ, благодаря оному, раскрылъ слабыя дѣйствія одного капитанъ-исправника, который и былъ, вслѣдствіе того, представленъ мною къ увольненію отъ должности.

Затѣмъ нелишне, кажется, будетъ еще сказать, что, имѣя нетвердый женскій полъ, градоначальникъ долженъ искать уединенія, и отнюдь не отдавать сихъ дѣйствій своихъ въ жертву гласности или устности. Въ семъ пріятномъ уединеніи онъ, подъ видомъ ласки или

шутливыхъ манеръ, можетъ узнать много такого, что для самаго расторопнаго сыщика не всегда бываетъ доступно. Такъ напримѣръ, если сказанная особа—жена ученаго, можно узнать, какія понятія имѣетъ ея мужъ о строеніи міровъ, о предержащихъ властяхъ и т. д. Вообще же необходимымъ послѣдствіемъ такой любознательности бываетъ то, что градоначальникъ въ скоромъ времени пріобрѣтаетъ репутацію сердцевѣдца...

Изобразивъ изложенное выше, я чувствую, что исполнилъ свой долгъ добросовѣстно. Элементы градоначальническаго естества столь многочисленны, что, конечно, одному человѣку обнять ихъ невозможно. Поэтому и я не хвалюсь, что все обнялъ и изъяснилъ. Но пускай одни трактуютъ о градоначальнической строгости, другіе—о градоначальническомъ единомысліи, третьи — о градоначальническомъ вездѣ-присутствіи; я же, разсказавъ что̀ знаю о градоначальнической благовидности, утѣшаю себя тѣмъ,

Что тутъ и моего хоть каплю меду есть..

III. Уставъ о свойственномъ градоправителю добросердеіи.

Сочинилъ градоначальникъ Беневоленскій.

1. Всякій градоправитель да будетъ добросердеченъ.

2. Да памятуетъ градоправитель, что одною строгостью, хотя бы оная была стократъ сугуба, ни голода людскаго утолить, ни наготы человѣческой одѣть не можно.

3. Всякій градоправитель приходящаго къ нему изъ обывателей да выслушаетъ: который же, не выслушавъ, зачнетъ кричать, а тѣмъ паче бить—и тотъ будетъ кричать и бить втунѣ.

4. Всякій градоправитель, видящій обывателя, занимающагося дѣломъ своимъ, да оставитъ его при семъ занятіи безпрепятственно.

5. Всякій да содержитъ въ умѣ своемъ, что ежели обыватель временно прегрѣшаетъ, то оный же еще того болѣе полезныхъ дѣяній содѣлывать можетъ.

6. Посему: ежели кто изъ обывателей прегрѣшитъ, то не тотчасъ таковаго усѣкновенію предавать, но прилежно разсматривать, не простирается ли на него россійскихъ законовъ дѣйствіе и покровительство.

7. Да памятуетъ градоправитель, что не отъ кого иного слава россійской имперіи украшается, а прибытки казны умножаются, какъ отъ обывателя.

8. Посему: казнить, расточать или инымъ образомъ уничтожать обывателей надлежитъ съ осмотрительностью, дабы не умалился отъ таковыхъ расточеній россійской имперіи авантажъ и не произошло для казны ущерба.

9. Буде который обыватель не принесетъ даровъ, то всемѣрно изслѣдовать, какая тому непринесенію причина, и если явится оскудѣніе, то простить, а явится нерадѣніе или упорство — напоминать и вразумлять, доколѣ не будетъ исправенъ.

10. Всякій обыватель да потрудится; потрудившись же да вкуситъ отдохновеніе. Посему: человѣка гуляющаго или мимоидущаго за воротникъ не имать и въ съѣзжій домъ не сажать.

11. Законы издавать добрые, человѣческому естеству приличные; противоестественныхъ же законовъ, а тѣмъ паче невнятныхъ и къ исполненію неудобныхъ—не публиковать.

12. На гуляньяхъ и сборищахъ народныхъ—людей не давить; напротивъ того, сохранять на лицѣ благосклонную усмѣшку, дабы веселящіеся не пришли въ испугъ.

13. Въ пищѣ и питіи никому препятствія не полагать.

14. Просвѣщеніе внѣдрять съ умѣренностью, по возможности избѣгая кровопролитія.

15. Въ остальномъ поступать по произволенію.

II.

УБѢЖИЩЕ МОНРЕПО

[1878—1879 гг.]

I.—Общій обзоръ.

— Вы, конечно, на лѣто уединитесь въ свое Монрепо?
— Разумѣется! надо же отдохнуть!

Сентскіе діалоги.

Отъ чего отдохнуть, это —вопросъ особый; но уѣхать на лѣто во всякомъ случаѣ надо. Лѣтомъ города населяются дулебами, радимичами, вятичами и проч., въ образѣ каменщиковъ, штукатуровъ, мостовщиковъ, совмѣстное жительство съ которыми для культурнаго человѣка по многимъ причинамъ неудобно.

Удовлетворяя этой потребности, я довольно долгое время ѣздилъ по лѣтамъ въ подмосковную. Имѣніе это я пріобрѣлъ тотчасъ вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостного права, и купилъ, надо сказать правду, довольно безобразно. Во-первыхъ, осматривалъ имѣніе зимой, чего никто въ мірѣ никогда не дѣлаетъ; во-вторыхъ, напалъ на продавца-старичка, который въ церкви, во время литургіи вѣрныхъ, приходилъ въ восторженное состояніе, и я повѣрилъ этой восторженности. Старичокъ служилъ когда-то по провіантскому вѣдомству, и потому былъ благодушенъ и гостепріименъ. Зазвалъ меня обѣдать, накормилъ настоящимъ малороссійскимъ борщомъ и угостилъ кіевской наливкой. Потомъ самъ поѣхалъ со мной осматривать усадьбу, гдѣ велѣлъ сварить супъ изъ курицы и зажарить карасей въ сметанѣ, причемъ говорилъ: „курица эта здѣшняя, караси тоже изъ здѣшняго пруда, а въ рѣкѣ, кромѣ того, водятся язи, окуни и вотъ этакіе лини!“ Затѣмъ начался осмотръ. Выйдя на крыльцо господскаго дома, онъ показалъ пальцемъ на синѣющій вдали лѣсъ и сказалъ: „вотъ какой лѣсъ продаю! сколько тутъ дровъ однихъ... а?“ Повелъ меня

въ сѣнной сарай, дергалъ и мялъ въ рукахъ сѣно, словно желая убѣдить меня въ его добротѣ, и говорилъ при этомъ: „этого сѣна хватитъ до новаго съ излишкомъ, а сѣно-то какое—овса не нужно!“ Повелъ на мельницу, которая, словно нарочно, была на этотъ разъ въ полномъ ходу, дѣйствуя всѣми тремя поставами, и говорилъ: „здѣсь сторона хлѣбная—никогда мельница не стоитъ! а ежели еще маслобойку да крупорушку устроите, такъ у васъ такая толпа завсегда будетъ, что и не продерешься!“ Сдѣлалъ, вмѣстѣ со мной, по сугробамъ, небольшое путешествіе вдоль по рѣкѣ и говорилъ: „а рѣка здѣсь какая—ве-се-ла-я!“ И все съ молитвой. Скажетъ, и перекрестится, и зрачками вверхъ поведетъ, и губами пошевелитъ, словно на вся и на всѣхъ призываетъ благословеніе Божіе. Только въ заключеніе разсердился. Погрозился кулакомъ на крестьянскій поселокъ, населенный новоиспеченными временно-обязанными, и присовокупилъ: „Все изъ-за нихъ, каналье въ! Кабы не они, подлецы, кажется, ни въ жизнь бы изъ этого рая не выѣхалъ!“

Словомъ сказать, очаровалъ меня искренностью и — что̀ еще больше мнѣ понравилось—слабыхъ сторонъ имѣнія не скрылъ. „Вотъ службы—лёгонькія! это—такъ! и озимое, но милости подлецовъ, незасѣянное осталось, это—тоже скрыть не могу!“ Но при воспоминаніи о „подлецахъ“—опять разсердился и присовокупилъ: „Впрочемъ дѣло объ нихъ уже въ уголовной палатѣ рѣшено; вотъ какъ шестьдесятъ человѣкъ березовой кашей впрыснутъ, такъ до новыхъ вѣниковъ не забудутъ!“ *)

При каковомъ осмотрѣ присутствовалъ и мѣстный сельскій батюшка, который скромно пощипывалъ бородку, не подтверждая, но и не отрицая.

Я былъ тогда помоложе и ни къ какимъ хозяйственнымъ дѣламъ прикосновеннымъ не состоялъ. Случились въ карманѣ довольно большія деньги (впрочемъ, данныя взаймы), но я какъ-то и денегъ не понималъ: все думалъ, что конца имъ не будетъ. Словомъ сказать, произошло нѣчто въ родѣ сновидѣнія. Только одно, повидимому, я

*) Всего въ имѣніи числилось 160 ревизскихъ душъ (ревизія была въ 1859 году), въ томъ числѣ, разумѣется, на половину подростковъ и малолѣтнихъ. Рѣшеніе московской уголовной палаты, дѣйствительно, состоялось въ этомъ родѣ, но сенатъ его отмѣнилъ, и дѣло, кажется, кончилось ничѣмъ.

зналъ твердо: что положено начало свободному труду, и земля, слѣдовательно, должна будетъ давать вдесятеро. Потому что въ то время даже печатно въ этомъ родѣ разсчеты дѣлались.

Замѣчательно, что я родился и выросъ въ деревнѣ. До десяти лѣтъ я жилъ въ деревнѣ безвыѣздно; потомъ, когда начались странствованія по казеннымъ заведеніямъ, ежегодно на лѣтнія вакаціи пріѣзжалъ въ побывку домой. Я зналъ, что̀ такое лѣсъ, и множество разъ даже хаживалъ туда за грибами и ягодами; я умѣлъ отличить ячмень отъ ржи, рожь отъ овса; я видѣлъ, какъ возятъ навозъ на поля, какъ пашутъ, боронятъ, сѣютъ, жнутъ, молотятъ, косятъ. И за всѣмъ тѣмъ — рѣшительно ничего не понималъ. Во истину это была не дѣйствительность, а сновидѣніе, отъ котораго задержались въ сознаніи только лишенные всякой связи обрывки...

Родители мои слыли въ своей сторонѣ за очень опытныхъ и рачительныхъ хозяевъ. Они „сами во все входили“, чего въ то время было совершенно достаточно, чтобъ заслужить репутацію „хозяина“. Каждый вечеръ староста приходилъ въ барскій домъ съ отчетомъ объ успѣхѣ произведенныхъ въ теченіе дня работъ; каждый вечеръ шли безконечные разговоры, предположенія и сѣтованія, отдавались приказанія на слѣдующій день, слышались тоскливыя догадки насчетъ вёдра или дождя, раздавались выраженія: „поголовно“, „братъ на брата“ и другіе сельско-хозяйственные термины въ крѣпостномъ вкусѣ. Я очень часто присутствовалъ при этихъ переговорахъ и, помнится, даже интересовался ими, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ ними шли распоряженія и насчетъ домашнихъ запасовъ, которые, въ видѣ варенья, соленья, сушенья и квашенья, производились во множествѣ. Передъ моими глазами не только ежедневно, но ежечасно, ежеминутно происходилъ тотъ кропотливый процессъ, при помощи котораго созидается такъ-называемая полная чаша. Я видѣлъ эту полную чашу во всѣхъ проявленіяхъ: въ амбарахъ, наполненныхъ всякаго рода хлѣбомъ, въ погребахъ и въ кладовыхъ, на скотномъ дворѣ, въ плодовыхъ садахъ и проч. Вездѣ, по всей усадьбѣ, словно въ муравейникѣ, съ утра до ночи копошились люди и все прибирали. А ночью около полной чаши похаживалъ сторожъ и билъ въ чугунную доску. Все это я видѣлъ, зналъ наизусть и могъ даже своими словами все разсказать; однако и за всѣмъ тѣмъ ничего не понималъ. Очевидно, тутъ былъ какой-то изъянъ. Я зналъ формы, въ которыхъ проявля-

лось созиданіе полной чаши, но не понималъ внутренняго содержанія этихъ формъ. Для меня оставалась скрытой та страшная масса усилій, физическаго труда, изнеможеній, пота, рвота и отчаяній, которыми сопровождалось устроеніе полной чаши. Кажется, что я думалъ такъ: стоитъ папенькѣ съ маменькой только приказать старостѣ Лукьянычу — и у насъ будетъ и рожь, и овесъ, и сѣно...

Поэтому, когда я кончилъ съ вопросомъ о подмосковной, то-есть совершилъ купчую крѣпость и вступилъ во владѣніе, то сонное видѣніе еще нѣкоторое время продолжалось, несмотря на то, что сейчасъ же обнаружились факты, которые должны были бы самаго заспаннаго человѣка заставить придти въ себя. А именно: густой и высокій лѣсъ, на который мнѣ указывалъ пальцемъ старичокъ-продавецъ, оказался чужой, а *мой* лѣсъ былъ низенькій и рѣдкій; вмѣсто полныхъ сѣнныхъ сараевъ оказались искусно выведенныя изъ сѣна стѣнки, за которыми скрывалась пустота; на мельницѣ помолу обнаружилось мало, да и воды не всегда достаточно; сѣно на лугахъ „временемъ — родится“, а „временемъ — нѣтъ“, да и сѣно — „съ осочкой“. Одно вышло справедливо: службы были лёгонькія, то-есть совсѣмъ ветхія, а рѣчка дѣйствительно веселая, извилистая, сверкающая и вся въ зеленыхъ берегахъ.

Тѣмъ не менѣе я не внялъ въ уныніе и началъ дѣятельно приспособляться въ своемъ новомъ гнѣздѣ. Сонныя видѣнія дѣтства, отрочества и юности, несмотря на свою призрачность, оставили по себѣ и нѣчто такое, что залегло во мнѣ довольно прочно. А именно: они положили основаніе убѣжденію, что всякій человѣкъ имѣетъ какъ бы естественную потребность въ своемъ собственномъ углѣ. Тамъ онъ сосредоточитъ все завѣтное, пригрѣтое, приголубленное: туда онъ придетъ послѣ изнурительныхъ скитаній по бѣлу-свѣту, чтобъ успокоиться отъ жизненныхъ обидъ; тамъ онъ взлелѣетъ своихъ дѣтей и дастъ имъ возможность проникнуться впечатлѣніями настоящей, ненасурмленной дѣйствительности; тамъ онъ почувствуетъ себя свободнымъ отъ всякой подлой зависимости, отъ заискиваній, отъ унизительной борьбы за право дышать, говорить, мыслить... Словомъ сказать, представленіе объ этомъ собственномъ углѣ было всегда до того присуще мнѣ, что когда жить за родительскимъ хребтомъ сдѣлалось уже неловко, а старое, насиженное гнѣздо, по волѣ случая,

не дошло до рукъ, то мысль объ обрѣтеніи новаго гнѣзда начала преслѣдовать меня, такъ сказать, по пятамъ...

И, какъ сказано выше, я это гнѣздо обрѣлъ.

Я не буду разсказывать здѣсь исторію моихъ хозяйственныхъ похожденій. Это было что-то фантастическое. Неудача во всемъ. Хлѣбъ по виду, казалось, хорошъ родился, а въ амбаръ его дошло мало („стало быть, при молотьбѣ не доглядѣли", объяснили мнѣ „умные мужички"); клеверъ и тимоѳеевка выскочили по полю махрами („стало быть, неровно сѣяли: вотъ здѣсь посѣяли, а вотъ здѣсь проленили"). Два года, однакожъ, я упорствовалъ, то-есть сѣялъ и жалъ, но на третій—смирился. Или, говоря другими словами, началъ смотрѣть на свое имѣніе какъ на дачу для двухъ-трехъ-мѣсячнаго лѣтняго пребыванія. Нарушилъ всѣ хозяйственныя затѣи, а такъ-называемую „угоду", за исключеніемъ усадьбы, сдалъ крестьянамъ за такую годовую плату, которой недоставало даже для удовлетворенія скромныхъ издержекъ по управленію и сторожѣ, и самъ удралъ въ Петербургъ.

При такомъ упрощенномъ взглядѣ дѣло шло кое-какъ ровно пятнадцать лѣтъ. Я ѣздилъ по лѣтамъ въ свое собственное Монрепо и не безъ удовольствія взиралъ на „веселую" рѣчку, которая сверкала передъ самыми окнами господскаго дома. По временамъ на островокъ, образуемый мельничною запрудой, налеталъ соловей и грохоталъ и заливался всю ночь. Это тоже доставляло удовольствіе, хотя и кратковременное, потому что къ утру соловей уже былъ *непремѣнно* подкарауленъ и изловленъ фабричными изъ сосѣдняго села. Во всякомъ случаѣ я жилъ безъ мучительныхъ помысловъ о дождѣ или вёдрѣ, безъ легкомысленныхъ догадокъ о томъ, что̀ въ данную минуту происходитъ въ полѣ: произрастаетъ или не произрастаетъ. Ничего „своего" у меня не было, такъ что за каждой безділицей я посылалъ въ Москву, и, къ удивленію, все выходило и лучше, и дешевле, нежели изъ хозяйственной заготовки. Былъ у меня, правда, небольшой огородъ, каждую весну засаживаемый неумѣлыми руками: но и онъ не заставлялъ моего сердца сжиматься, такъ какъ я съ перваго же года понялъ, что овощи въ этомъ огородѣ будутъ поспѣвать какъ разъ ко дню моего выѣзда изъ деревни въ городъ.

Наносѣдокъ, однакожъ, обнаружилось, что и съ упрощеннымъ взглядомъ безконечно жить невозможно. Появилась цѣлая серія фак-

товъ довольно страннаго свойства. Лѣсъ (хоть и не тотъ высокій, который мнѣ рекомендовалъ старичокъ-продавецъ, но все-таки былъ лѣсъ) пересталъ произрастать. Березовая роща, которую я засталъ въ качествѣ „опушечки“, такъ и осталась опушечкой черезъ пятнадцать лѣтъ. Осиновая роща, которую я самъ срубилъ, въ чаяніи, что осина идетъ ходко, представляла, черезъ пятнадцать лѣтъ, голое мѣсто, усѣянное пеньками („стало быть, коровъ по ёмъ пасутъ“, объяснили „умные“ мужички, они же и арендаторы). Поля загрубѣли: луга, дававшіе когда-то мягкое сѣно, начали давать почти исключительно осоку. Таковы были послѣдствія крестьянской аренды и моего упрощеннаго взгляда на имѣніе. Въ самомъ домѣ оказывались изъяны, которые предвѣщали въ ближайшемъ будущемъ очень серьезный расходъ. Въ паркѣ дорожки до того заросли, что для расчистки ихъ тоже требовалась цѣлая уйма денегъ. Къ довершенію всего, такъ какъ усадьба отстояла отъ крестьянскаго поселка не близко и какъ, съ нарушеніемъ хозяйства, прислуги при усадьбѣ содержалось мало, то ночью брала невольно оторопь. Правда, что въ нашей сторонѣ объ „лихихъ“ людяхъ слуховъ еще не было, но верстъ за десять, за двѣнадцать, около станціи желѣзной дороги, уже „пошаливали“. Припоминая стародавнія русскія поговорки, въ родѣ „неровёнъ часъ“, „бережепаго Богъ бережетъ“, „плохо не кладн“ и проч., и видя, что дачная жизнь, первоначально сосредоточенная около станціи желѣзной дороги, начинаетъ подходить къ намъ все ближе и ближе (одинъ грекъ приведетъ за собой десять грековъ, одинъ еврей—сотню евреевъ), я непримѣтно сталъ впадать въ задумчивость.

И не на меня одного нападала задумчивость. Въ короткій пятнадцатилѣтній періодъ моего владѣнія подмосковной почти весь земловладѣльческій составъ кругомъ меня измѣнился. Въ ближайшей ко мнѣ старинной княжеской усадьбѣ, съ вѣковыми лѣсами, съ знаменитыми оранжереями и съ прекрасно устроеннымъ господскимъ домомъ, въ теченіе двухъ лѣтъ перемѣнилось два владѣльца, изъ коихъ одинъ —еврей. То же самое повторилось и по всей окрестности. Пришли люди, прикосновенные къ постройкѣ храма Христа Спасителя; пришелъ адвокатъ, выигравшій какое-то волшебное дѣло и сейчасъ же посѣтившій сдѣлаться „барином“; наконецъ появился грекъ, который, поселившись въ верстѣ отъ меня, влѣзъ въ нашу скромную

сельскую церковь и выстроилъ себѣ что-то въ родѣ гориго мѣста, дабы всѣ видѣли, какъ онъ, Самсонъ Дюбековичъ, своего Бога почитаетъ. Остались незыблемыми только два старинные и замѣчательно крупные землевладѣльца, изъ тѣхъ, которыхъ ужъ никакіе изъяны застать врасплохъ не могутъ.

Задумчивость моя усугублялась съ каждымъ годомъ. Пришельцы сосѣди устраивались по новому и проявляли поползновеніе жить шумно и весело. Среди этой вдругъ закипавшей жизни, каждое движеніе которой говоритъ о шальной деньгѣ, мой бѣдный, заброшенный пустырь былъ какъ-то совсѣмъ не у мѣста. Ветшая и упадая, онъ какъ бы говорилъ мнѣ: бѣги отсюда мѣстъ, унылый человѣкъ!

И я внялъ этому голосу, хотя и не безъ внутренняго волненія. Въ окна, главное, дуло, да и объ кухнѣ шли слухи, что скоро совсѣмъ тамъ готовить кушанье будетъ нельзя. Приходилось или злѣ погибнуть, или уйти.

Я выбралъ послѣднее и льщу себя надеждой, что въ самую пору.

Но въ ту минуту, какъ я уходилъ, старинное стремленіе къ гнѣзду вдругъ опять закопошилось во мнѣ. „Какимъ же это образомъ? думалось мнѣ:—ужели я такъ-таки и останусь безъ собственаго Монрепо?“

Оставимъ Энгельгардтамъ доказывать, что полевое хозяйство можетъ приносить барыши—сами же займемся разрѣшеніемъ вопроса: что такое культурный человѣкъ и чего, собственно, онъ можетъ ожидать отъ деревни?

Культурный человѣкъ вообще есть личность, въ значительной степени пользующаяся досугомъ, имѣющая болѣе или менѣе отчетливыя представленія о комфортѣ и жизненныхъ удобствахъ, охотно дѣлающая экскурсіи въ область эстетики и спекулятивнаго мышленія, но очень рѣдко обладающая прикладными знаніями, то-есть тѣмъ именно орудіемъ, которое болѣе всего необходимо, чтобъ быть дѣятелемъ-земледѣльцемъ. Не даромъ генералъ Шангарнье, приглашая однажды французское національное собраніе разойтись, по случаю каникулярнаго времени, рисовалъ картину успокоенія на лонѣ природы, съ эклогами Виргилія въ рукахъ. Хотя рѣчь почтеннаго генерала возбудила въ извѣстной части собранія смѣхъ, но въ сущности

онъ вполнѣ правильно охарактеризовалъ отношенія культурнаго человѣка къ сельской природѣ. Не полеводство нужно культурному человѣку, а только общій видъ полей. Ему нужны: прогулка, отдыхъ, много воздуха, отсутствіе волненій, беззаботность, по временамъ дружеская бесѣда съ единомышленными людьми, по временамъ—одиночество, пожалуй хоть съ Виргиліемъ въ рукахъ. Не труда ищетъ онъ въ сельскомъ убѣжищѣ, а безмятежнаго растительнаго существованія, которое служило бы поправкой пряностямъ, изнурившимъ его въ городѣ.

Нашъ русскій культурный человѣкъ носитъ на себѣ тѣ же родныя черты, какъ и западно-европейскій. Разница только въ томъ, что у него еще больше досуга, а интеллектуальнаго запаса значительно меньше. Сверхъ того, какъ мы ни стараемся о насажденіи классицизма, но русскій культурный человѣкъ, въ дѣлѣ знакомства съ древними классиками, и нынѣ едва ли идетъ дальше басенъ Федра, имѣть которыя въ качествѣ настольной книги нѣсколько, впрочемъ, совѣстно. Поэтому онъ Виргилія замѣняетъ какою-нибудь другою умственною пищею, смотря по степени личнаго развитія каждаго, отъ Дарвина и Молешотта до Зола и Кавье де-Монтепена включительно.

Я вполнѣ понимаю потребность, ощущаемую русскимъ культурнымъ человѣкомъ—воспользоваться двумя-тремя лѣтними мѣсяцами, чтобъ возстановить себя на лонѣ природы, и не нахожу ее ни незаконною, ни достойною осмѣянія.

Зима, проводимая большею частію въ городѣ, дѣйствуетъ изнурительно. Я не говорю уже о спёртомъ воздухѣ въ помѣщеніяхъ, снабженныхъ двойными рамами и нагрѣваемыхъ усиленной топкой печей—этого одного достаточно, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ бѣжать на просторъ; но, кромѣ того, у каждаго культурнаго человѣка есть особливое занятіе, спеціальная задача, которую онъ преслѣдуетъ во время зимняго сезона и выполненіе которой иногда значительно подкашиваетъ силы его. Какого рода эти задачи и есть ли отъ нихъ какой-нибудь прокъ?—это другой вопросъ; но такъ какъ онѣ не считаются противозаконными, то для большинства этого совершенно достаточно. У насъ есть прежде всего цѣлая армія чиновниковъ, которые съ утра до вечера скребутъ перьями, посылаютъ въ пространство всякаго рода отношенія и донесенія и вообще не разгибаютъ спины—очевидно, имъ отдыхъ нуженъ, хотя бы для того,

чтобы очнуться отъ тѣхъ „милостивыхъ государей“, съ которыми они девять мѣсяцевъ сряду безъ устали ведутъ отписку и переписку. Затѣмъ есть масса дѣльцовъ: адвокатовъ, биржевиковъ, сводниковъ. концессіонеровъ, журналистовъ и т. п., которые тоже шестнадцать часовъ въ сутки мелькаютъ и мечутся—очевидно, отдыхъ нуженъ и имъ. Наконецъ, существуетъ множество людей, которые утромъ занимаются дѣланьемъ визитовъ, а вечеромъ посѣщаютъ театры, цирки. балы, пиццбалы, игорные дома, рестораны—и имъ тоже необходимъ отдыхъ, потому что иной однимъ культивированьемъ кокотокъ такъ себя за зиму ухлопаетъ, что по-неволѣ запросится вонъ изъ города.

Я знаю, что всѣ эти кишѣнія и мельканія—грошовыя, а иногда даже и вредныя; но такъ какъ люди, находящіеся на стражѣ, ничего противъ нихъ не имѣютъ, то тѣмъ менѣе могу имѣть противъ нихъ что-нибудь я, которому вообще ничего и ни отъ кого оберегать не предоставлено. Я могу только констатировать фактъ изнуренія—и дѣлаю это.

Само собою разумѣется, что большинство культурныхъ людей. изъ тщеславія, а также и ради того, чтобы не порвать совсѣмъ съ зимними пакостями, стремятся по преимуществу въ Павловскъ, въ Петергофъ, въ Озерки и т. д. Что они тамъ обрѣтаютъ, какую природу, какой возстановляющій воздухъ, какое питаніе—я этого не знаю. Я отъ роду не живалъ въ этихъ мѣстахъ и, надѣюсь, никогда жить не буду, какъ ни соблазнительны описанія озерковскихъ пиццбаловъ, съ оркестромъ Главача и кухней Ломача. Къ счастію, не всѣ Замаиловки подверглись разрушенію, а потому есть еще достаточно большая масса культурныхъ людей, которые, не заглядывая въ Озерки, устремляются къ старинымъ „собственнымъ“ пенелопамъ. Одни ѣдутъ по-неволѣ, потому что хоть и расползлая эта Замаиловка, а все-таки *своя*, и надо за ней присмотрѣть, чтобъ окончательно ее не расхитили; другіе—потому, что и въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ лѣтняго житья иначе, какъ въ настоящей деревнѣ, съ настоящими полями и настоящимъ лѣсомъ.

Надо, впрочемъ, сказать правду, что для того, чтобъ прожить въ современной Замаиловкѣ три-четыре мѣсяца кряду, требуется нѣкоторая храбрость. Очень ужъ пыльче тамъ глухо и непривольно. Во-первыхъ, пусто, потому что домашній персоналъ имѣется только самый необходимый; во-вторыхъ, неудовлетворительно по части питья

и ѣды, потому что полезныя домашнія животныя упразднены, дикія, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, эмигрировали, караси въ прудѣ выловлены, да и хорошаго печенаго хлѣба, пожалуй, нельзя достать; въ-третьихъ, плохо и по части газетной пищи, ежели Замашиловка, по очень счастливому случаю, не расположена вблизи станціи желѣзной дороги (это было въ особенности чувствительно во время послѣдней войны); въ-четвертыхъ, не особенно весело и по части сосѣдей, ибо ежели таковые и есть, то разносоловъ у нихъ не полагается, да и ѣздить по сосѣдямъ, признаться, не въ чемъ, такъ какъ каретные сараи опустѣли, а бывшіе заводскіе жеребцы перевелись; въ-пятыхъ, наконецъ, въ каждой Замашиловкѣ культурный человѣкъ непремѣнно встрѣчается съ вопросомъ о бѣшеныхъ собакахъ. Какъ ни исключительнымъ представляется этотъ послѣдній вопросъ, но онъ очень существенъ. Каждое лѣто непремѣнно откуда-то (откуда — никто даже опредѣлить не можетъ) забѣжитъ желтенькая, сивенькая или черненькая собачка, худая, съ помутившимися глазами и опущеннымъ хвостомъ, перекусаетъ на деревнѣ цѣлую уйму собакъ, а затѣмъ подниметъ переполохъ и на господской усадьбѣ. И долго потомъ эта сивенькая собачка живетъ въ воображеніи дѣтей и женщинъ, заставляя ихъ озираться во время прогулокъ и мѣшая рискнуть забраться куда-нибудь подальше отъ жилья — въ луга, въ лѣсъ.

Я уже не говорю о развлеченіяхъ амурныхъ, хотя и не безъ вздоха вспоминаю Тургенева, этого правдивѣйшаго и художественнѣйшаго описателя нашихъ бывшихъ „дворянскихъ гнѣздъ“, у котораго на каждаго помѣщика (молодого и образованнаго) непремѣнно приходилась соотвѣтствующая помѣщица.

Но люди, для которыхъ деревня почему-либо составляетъ необходимость (хотя бы ради связи съ прошлымъ или ради пріобрѣтенія яснаго представленія о рваномъ русскомъ мужикѣ), охотно примиряются со всѣми этими неудобствами за тѣ во истину возстановляющія (физически и умственно) блага, которыми она изобилуетъ. Но для того, чтобы воспользоваться этими благами и извлечь изъ нихъ ту сумму обновленныхъ силъ, которая нужна для бодраго перенесенія предстоящихъ въ зимній сезонъ задачъ (въ чемъ бы онѣ ни состояли), необходима такая обстановка, которая представляла бы собой картину полнаго и невозмутимаго безмятежія. А отсюда — первая и главная обязанность: немедленно, всецѣло и навсегда удалить

отъ се́я всякія сельско-хозяйственныя распоряженія и предпріятія. Эти послѣднія волнуютъ и изнуряютъ пуще всѣхъ огорченій, которыя испытываетъ культурный человѣкъ во время длиннаго зимняго сезона, потому что они не даютъ ни отдыха, ни срока, преслѣдуютъ ежеминутно и производятъ тѣмъ бо́льшую досаду, что въ сущности цѣна каждой изъ нихъ, взятой въ отдѣльности, — грошъ. Въ эту самую минуту, когда я пишу эти строки, въ окна моей комнаты барабанитъ дождь, а между тѣмъ теперь самое горячее время для уборки сѣна, котораго вездѣ подкошено множество. Благо тому культурному человѣку, у котораго нѣтъ ни сѣна въ лугахъ, ни хлѣба въ поляхъ, потому что будь все это — онъ непремѣнно бы мучился. Онъ думалъ бы: „ахъ, сѣно сгніетъ! ахъ, рожь проростетъ!“ и, несмотря на мокрогородицу, выбѣжалъ бы на улицу. Зачѣмъ бы онъ выбѣжалъ? что̀ могъ бы сказать или присовѣтовать? — онъ и самъ навѣрное не отвѣтилъ бы на эти вопросы, но выбѣжалъ бы несомнѣнно, потому что его подстрекнулъ бы къ тому демонъ собственности. И въ результатѣ оказались бы потеря времени и простуда. Тогда какъ, свободный отъ сѣна, ржи и овса, онъ можетъ спокойно, „въ надеждѣ славы и добра“, посматривать въ окно и думать: „а вотъ сейчасъ разгуляется, и я, какъ обсохнутъ дорожки (лѣтомъ земля сохнетъ изумительно быстро), пойду въ паркъ“...

Что сельско-хозяйственныя заботы тиранятъ ежеминутно — это аксіома, которая, я полагаю, не требуетъ доказательствъ. Природа дѣйствуетъ отнюдь не по писанному и почти всегда всѣ людскія предположенія переворачиваетъ вверхъ дномъ. Но все-таки скажу, что культурнаго досужаго человѣка эти заботы тиранятъ не въ примѣръ сильнѣе, нежели заправскаго земледѣльца. Для культурнаго человѣка — все новость, все сюрпризъ; и при этомъ, ежели у него, съ одной стороны, есть много досуга, чтобы наслаждаться, то, съ другой стороны, ровно столько же досуга онъ имѣетъ и для того, чтобы тиранить себя. Для настоящаго земледѣльца нѣтъ времени мучить себя; для него нѣтъ сюрпризовъ; онъ ко всему привыкъ и всего ожидаетъ. Онъ знаетъ, что какъ бы ни велико было количество сюрпризовъ, онъ, земледѣлецъ, въ концѣ концовъ все-таки „управится“, то-есть одолѣетъ личнымъ трудомъ все, что̀ въ данную минуту одолѣть можно. А культурный человѣкъ — что̀ онъ знаетъ? Онъ глядитъ на непросвѣтное небо и думаетъ: „ахъ, все погибло!“ Сверхъ того, онъ

видитъ, что „хамово отродье“, нанятое для собиранія плодовъ земныхъ въ житницы, сидитъ, мокрое, подъ навѣсомъ и бьетъ баклуши, и это опять волнуетъ его...

Культурный человѣкъ безконечно легковѣренъ и притомъ въ высшей степени одаренъ художественными инстинктами. Вотъ почему для него выгодиѣе совсѣмъ не родиться на свѣтъ, нежели возгорѣть страстью къ полеводству. Будучи по воспитанію совершенно чуждъ прикладныхъ знаній, онъ обыкновенно приступаетъ къ сельско-хозяйственному дѣлу съ печатной книжкой въ рукахъ. Но онъ читаетъ эту книжку не глазами обыкновеннаго смертнаго, а глазами воображенія, забывая, что ничто такъ легко не поддается подкупу, какъ воображеніе, подстрекаемое жаждой барыша. Это воображеніе рисуетъ ему урожаи сам-десять и сам-двѣнадцать (въ „книжкѣ“ они доходятъ и до сам-двадцати); оно рисуетъ ему коровъ, не тѣхъ тощихъ фараоновыхъ, которыя въ дѣйствительности питаются мякинымъ хвостьемъ на господскомъ скотномъ дворѣ, а тѣхъ альгаузскихъ и девоширскихъ, для которыхъ существуетъ урочное положеніе: полтора ведра молока въ день; оно рисуетъ молотилки, вѣялки, жатвенныя машины, сѣноворошилки, плуги и пр.—и все непремѣнно самое прочное и достигающее именно тѣхъ самыхъ результатовъ, которые значатся въ сельскохозяйственныхъ руководствахъ, а иногда и просто въ объявленіяхъ братьевъ Бутеноп. Въ результатѣ происходитъ радостный сельскохозяйственный апоѳеозъ. Культурный человѣкъ не принимаетъ въ разсчетъ ни вёдра, ни дождя, ни вѣтровъ, ни червя, ни земляной блохи, ни мошки, ни того, что въ одинъ прекрасный день у привода молотилки вдругъ не окажется ремня, а у самой молотилки—двухъ-трехъ пальцевъ (вчера еще все было цѣло, и вдругъ за ночь пропало!). Много-много, ежели при вычисленіяхъ сам-десять и сам-двѣнадцать онъ снизойдетъ до принятія въ соображеніе заработной платы сѣрому человѣку, приводящему въ движеніе всѣ эти молотилки и плуги, каковую плату тоже вычислить аккуратно, какъ написано въ книжкѣ: десятину луга скосить—косцовъ столько-то, сѣно сушить—бабъ столько-то. Короче сказать, онъ видитъ барыши и не предполагаетъ ущербовъ. Сѣнокосъ у него всегда сопровождается вёдромъ съ легкимъ попрыскиваньемъ дождичка по утрамъ (надо же и природѣ что-нибудь уступить, да и коса влажную траву бойчѣе береть); сѣвъ никогда не обходится безъ благопріятнаго дождя; ма-

шины дѣйствуютъ безостановочно и безъ ремонта, ремни никогда не пропадаютъ и т. д.

Вѣрить „книжкѣ“ культурный человѣкъ безусловно. Не потому вѣритъ, чтобы понималъ сущность изложеннаго въ ней, а потому, что она, такъ сказать, предупреждаетъ его желанія. Онъ читаетъ „книжку“, какъ романъ или, вѣрнѣе, какъ поваренную книгу, въ которой описываются самыя лакомыя блюда. Читаетъ и, останавливаясь на процессѣ производства лишь настолько, чтобы не утратилось впечатлѣніе общей сельскохозяйственной картины, съ радостнымъ нетерпѣніемъ перескакиваетъ къ конечному результату (собираніе плодовъ въ житницы), который, разумѣется, всегда оказывается благопріятнымъ. Онъ не хочетъ знать, что книжку писалъ человѣкъ, обладающій подлинными знаніями (иногда, впрочемъ, и просто рутинёръ-шарлатанъ), который можетъ и неудачу предусмотрѣть, и даже свою собственную (опубликованную) ошибку исправить. А ты, культурный человѣкъ, ты, воспитанникъ Федра, что ты можешь? Вѣдь ежели ты, на свою бѣду, вычиталъ въ книгѣ „ошибку“, то ты не только не исправишь ея, а, напротивъ, еще больше будешь на ней настаивать, проведешь ее до конца, потому что эта ошибка обѣщаетъ тебѣ самъ-десять. И тогда что́ станется съ тѣмъ эфемернымъ зданіемъ, которое создало твое разлакомившееся на барыши воображеніе?

Понятно, что при такой степени возбужденія художественныхъ инстинктовъ всякое вмѣшательство силъ природы, мало-мальски не соотвѣтствующее заранѣе облюбованнымъ результатамъ, кажется посягательствомъ и служитъ поводомъ для мученій и проклятій. Зачѣмъ вёдро? зачѣмъ дождь?— вотъ тѣ несомнѣнно глупые вопросы, которые съ утра до вечера раздаются въ тѣхъ изъ помѣщичьихъ гнѣздъ, гдѣ еще не созрѣло убѣжденіе, что надо все оставить, бросить. Вопросы эти тѣмъ глупѣе, что культурному человѣку заранѣе извѣстно, что они навѣрное останутся безъ отвѣта, такъ какъ онъ не имѣетъ даже средствъ извернуться или приспособиться къ тому, что̀ онъ называетъ неожиданностями и подвохами. Сѣрый человѣкъ—тотъ во всякое время, при всякихъ условіяхъ найдетъ для себя подходящее дѣло, которое прямо или косвенно тому же полеводству принесетъ пользу. Но культурный человѣкъ, при всякомъ сюрпризѣ, измѣняющемъ его планъ, становится въ тупикъ, не зная, гдѣ и какъ ему возмѣстить затрату, сдѣланную именно на тотъ, а не на иной предметъ. И велико

бываетъ его изумленіе, когда онъ, утѣшавшій себя мыслью (да, онъ до того озлобленъ, что даже можетъ себя утѣшать неудачами другихъ), что и у другихъ сѣно почернѣло и сгнило, вдругъ видитъ цѣлыя массы совершенно зеленаго сѣна, приготовленнаго заботливыми руками меньшого брата, который не пралъ противъ рожна въ дождь, но нашелъ другое приличествующее занятіе: городилъ городьбу, починялъ клѣть или наконецъ и просто отдыхалъ.

Я живо помню первые годы, послѣдовавшіе за эмансипаціей крестьянъ. Въ то время, какъ разъ кстати, г. Бажановъ издалъ книгу о плодопеременномъ хозяйствѣ вообще, а г. Совѣтовъ—книгу о разведеніи кормовыхъ травъ. Объ читались вслухъ, какъ романъ, и находилось много людей, которые серьёзно думали, что теперь стоитъ только дѣйствовать по писанному, чтобы на землевладѣльцевъ полился золотой дождь. Закипѣла дѣятельность. Во-первыхъ, въ помѣщичьихъ усадьбахъ появились люди, которые прежде никогда въ деревняхъ не живали, люди преимущественно молодые (старики благоразумно устранились или продолжали доскрипывать вѣкъ съ урочнымъ барщиннымъ положеніемъ), оставившіе службу и другія занятія и полные вѣры въ вольный трудъ. Во-вторыхъ, накуплено было множество орудій, о которыхъ до тѣхъ поръ имѣлись только смутныя представленія, какъ о чемъ-то рѣдкомъ и недоступномъ. Въ-третьихъ, началея обмѣнъ мыслей о томъ, что̀ пристойнѣе: самъ-десять или самъ-двѣнадцать. Въ-четвертыхъ, наконецъ, приступлено было и къ дѣйствительнымъ распоряженіямъ по Бажанову и Совѣтову. Богатые люди жертвовали при этомъ своими избытками, а люди недостаточные отказывали себѣ въ привычномъ комфортѣ и смотрѣли сквозь пальцы на упадокъ своихъ жилищъ, ради того, чтобъ купить лучшихъ сѣмянъ, лучшихъ плуговъ, плужковъ, скоропашекъ и проч. (у Бажанова были и рисунки всего этого приложены). Но съ первыхъ же шаговъ (увы! рѣшительность этихъ шаговъ была такова, что, сдѣлавши одинъ, т.-е. накупивъ сѣмянъ, орудій, скота, переломавши поля и т. д., уже трудно было воротиться назадъ, не испивши своей чаши сѣзнооборота до дна) хозяйственная практика выставила такіе вопросы, разрѣшенія на которые не давалъ ни Бажановъ, ни Совѣтовъ.

Помнится, у Бажанова говорится, что двое рабочихъ, при двухъ исправныхъ плугахъ, легко могутъ вспахать въ день казенную десятину. Но ежели они не вспашутъ, какъ съ этимъ быть! Доказы-

вать ли, съ Бажановымъ въ рукахъ, что священный долгъ каждаго рабочаго—вспахать не менѣе полудесятины?—но они отвѣтятъ на это: „и такъ не гуляли". Броситься ли на тунеядца съ распростертыми длaнями и скверным словомъ на устахъ?—но онъ, какъ человѣкъ, сознающій себя героемъ *вольнаго* труда, пожалуй самъ дастъ сдачи. Судиться ли?—но передъ какимъ судомъ и гдѣ взять критеріумъ для судебной оцѣнки? Разсчитать ли, наконецъ, неисправнаго или небойкаго работника?—но завтра же другой герой вольнаго труда не допашетъ ровно столько же, а быть можетъ и больше. Приходится смириться и сообразно съ симъ дѣлать поправки въ разсчетахъ. А такъ какъ это поправки безконечныя, то, въ концѣ концовъ, изъ нихъ образуется цѣлая паутина, въ которой человѣкъ будетъ биться, покуда не остынетъ все: и выкладки, и затѣи, и поля, и луга, и люди, которые пашутъ и не допахиваютъ, косятъ и не докашиваютъ. А сколько было когда-то обмѣна мыслей по поводу словъ: „*легко* вспашутъ полдесятины"..Легко? То-есть, вѣроятно, вспашутъ и больше? Но положимъ, что только полдесятины: слѣдовательно... А кончилось тѣмъ, что хоть бы и не смотрѣть, какъ онъ тамъ на одномъ мѣстѣ топчется! Надоѣло, надоѣло, надоѣло.

„Надоѣло"—это слово очень вѣское и рѣшительное въ человѣческой жизни вообще и въ особенности въ жизни культурнаго русскаго человѣка, изумительная художественная воспріимчивость котораго требуетъ пищи безпрестанной и разнообразной. Но еще рѣшительнѣе звучитъ оно, когда человѣкъ начинаетъ прозрѣвать (все съ помощью тѣхъ же художественныхъ инстинктовъ), что не столько ему все надоѣло, сколько онъ самъ всѣмъ надоѣлъ. Тотъ же Бажановъ, напримѣръ, говоритъ, что землевладѣльческія орудія слѣдуетъ держать въ нарочито выстроенномъ сараѣ и что по окончаніи дневной работы необходимо ихъ вытереть, потому что иначе желѣзо ржавѣетъ и инструментъ не прослужитъ и половины урочнаго срока. Ничего не можетъ быть справедливѣе этого совѣта и законнѣе основаннаго на немъ требованія. Но бѣда въ томъ, что у вольнонаемнаго рабочаго правила о содержаніи инструментовъ въ опрятности и до сихъ поръ еще не выжжены на скрижаляхъ сердца огненными буквами. Во-первыхъ, у него совсѣмъ не болитъ сердце по хозяйскомъ добрѣ; во-вторыхъ, дома у него такія рабочія орудія, съ которыми онъ никогда не имѣлъ надобности церемониться, а слѣдовательно и

вытирать ихъ до суха привычки не пріобрѣлъ. Онъ просто не думаетъ о рабочихъ инструментахъ, и потому не считаетъ ухода за ними входящимъ въ кругъ его обязанностей. Сверхъ того, хотя онъ, быть можетъ, и не допахалъ противъ урока, но все-таки время свое выстоялъ и порядкомъ-таки усталъ. Онъ сѣшитъ выпрячь лошадь, чтобы скорѣе отъужинать и лечь спать—досугъ ли ему съ инструментомъ возжаться? Слѣдовательно, предстоитъ нарочито напоминать ему о священной обязанности содержать хозяйскія орудія во всегдашней исправности. Напомните одинъ разъ—онъ, конечно, выполнитъ съ грѣхомъ пополамъ вашу *работу*. Напомните въ другой разъ — услышите отвѣтъ: „не что̀ ему (или ей) сдѣлается за ночь!“ Напомните въ третій разъ—отвѣта не послѣдуетъ, но на лицѣ прочтете явственно: „ахъ, распостылый ты человѣкъ!“ Напомните въ четвертый разъ... но въ четвертый разъ врядъ-ли вы и сами рѣшитесь напомнить. Вы уже чувствуете, что вы надоѣли, намозолили глаза, и вамъ совѣстно.

Вотъ чего не предусмотрѣли ни Бажановъ, ни Совѣтовъ, а между тѣмъ такого рода недоумѣнія встрѣчаются чуть не на каждомъ шагу. Вездѣ культурный человѣкъ видитъ себя лишнимъ, вездѣ онъ чувствуетъ себя въ положеніи того мужа, у котораго жена мучилась въ потугахъ рожденія, а онъ сидѣлъ у ея изголовья и покряхтывалъ. Вездѣ, на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ отвѣтахъ онъ читаетъ и слышитъ одно слово: надоѣлъ! надоѣлъ! надоѣлъ!

И вотъ, когда онъ убѣждается, что Бажановскаго урочнаго положенія ему поддержать нечѣмъ, что инструментъ рабочій, на пріобрѣтеніе котораго онъ пожертвовалъ своимъ личнымъ комфортомъ, во-очію приходитъ въ негодность, что скотъ содержится неопрятно, смердитъ („не кадило!“—ворчитъ скотница на сдѣланное по этому поводу напоминаніе) и обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ совсѣмъ вывестись, что самъ онъ, наконецъ, всѣмъ надоѣлъ, потому что вездѣ „суется“, а „настоящаго“ ничего сказать не можетъ—тогда на него вдругъ нападаетъ то храброе малодушіе, которое даетъ человѣку рѣшимость въ одну минуту плюнуть на всѣ плоды многолѣтняго долготерпѣнія. И онъ, сломя голову, бѣжитъ въ объятія земскихъ учрежденій, мирового института, полиціи и проч., которыя по крайней мѣрѣ дадутъ ему средства хоть оконныя рамы новыя сдѣлать въ расшатавшейся сверху до низу Заманиловкѣ.

Говорятъ, что у культурныхъ людей нѣтъ достаточныхъ капиталовъ, которые давали бы имъ возможность съ терпѣніемъ выжидать результатовъ ихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій. Капиталовъ нынѣче, дѣйствительно, въ этой средѣ немного, но едва-ли умѣстно ссылаться на это обстоятельство. Во-первыхъ, вскорѣ послѣ крестьянской реформы, капиталовъ, благодаря выкупнымъ свидѣтельствамъ, было болѣе, нежели достаточно, а куда они дѣвались? Положимъ, что хорошая доля ихъ застряла въ трактирахъ Новотроицкомъ и Московскомъ, но, клянусь, цѣлая масса была ухлопана и въ землю, для исполненія прихотей Бажанова и Совѣтова. И что же изъ этого вышло? Во-вторыхъ, хотя капиталъ и дѣйствительно полезная вещь въ сельскомъ хозяйствѣ, но все-таки надо знать, куда и какъ его употребить. Вотъ Энгельгардтъ и безъ капиталовъ достигъ хорошихъ результатовъ (я нимало въ этомъ не сомнѣваюсь), а у культурнаго человѣка хоть и цѣлая уйма денегъ на рукахъ, да онъ не знаетъ, куда ее швырнуть. Ежели онъ броситъ ее въ отходную яму—выростутъ ли на днѣ ея розы?

Поэтому-то я и повторяю: оставимъ Энгельгардтамъ доказывать, что полеводство можетъ приносить барышъ; мы же, люди культурной массы, мы, представители бюрократіи, адвокатуры, пиццбаловъ и проч., будемъ отдыхать кійждо подъ смоковницею своей, съ баснями Федра въ рукахъ (все какъ будто классицизмомъ припахиваетъ). Я самъ съ величайшимъ наслажденіемъ читаю Энгельгардта (особенно лѣтомъ въ деревнѣ), потому что никто такъ отчетливо не воспроизводитъ картину деревни, какъ онъ; но я увлекаюсь его писаніемъ съ чисто художественной точки зрѣнія и воздерживаюсь отъ всякой практической дѣятельности, въ подражаніе ему. Онъ расчищаетъ „ляда“, онъ сѣетъ ленъ и мечтаетъ о травосѣяніи, объ альгаузскомъ быкѣ— все это, конечно, будетъ ему на пользу. Я же не стану ни „ляда“ расчищать, ни льна сѣять, потому что въ самомъ благопріятномъ случаѣ эти занятія явятся лишь пустымъ препровожденіемъ времени; въ неблагопріятномъ же случаѣ...

Паче всего культурный человѣкъ долженъ избѣгать волненій и огорченій. Деревня нужна ему не ради перспективы конѣчныхъ избытковъ, но ради возстановленія подточенной зимнимъ сезономъ бодрости. Онъ долженъ помнить, что ежели возможны сельскохозяйственные прибытки, то они возможны, во-первыхъ, для человѣка,

обладающаго знаніемъ, и, во-вторыхъ, для человѣка хотя и рутинёра, но постоянно живущаго въ деревнѣ и не видящаго изъ нея выхода даже въ земскія учрежденія. Въ большинствѣ случаевъ, культурный русскій человѣкъ не подходитъ ни подъ одно изъ этихъ условій. Знаній у него нѣтъ, а въ деревнѣ онъ хочетъ жить лишь тогда, когда садъ его цвѣтетъ и благоухаетъ и когда въ сосѣдней рощѣ гремитъ соловей. Стоитъ ли при такой постановкѣ дѣла гнаться за какимъ-нибудь двугривеннымъ, котораго, вдобавокъ, еще и не поймаешь?! Стоитъ ли, ради этого двугривеннаго, испытывать волненія и разочарованія, которыя, повторяю, никогда не кончаются, а только видоизмѣняются, переходятъ въ новыя формы волненій и разочарованій?

Нѣтъ спора, что и въ городахъ бываютъ огорченія: обойдутъ человѣка чиномъ; проиграетъ онъ, въ качествѣ адвоката, процессъ или получитъ въ танцклассѣ затрещину. Но огорченія эти въ большинствѣ случаевъ имѣютъ свой коррективъ. Обойдутъ чиномъ — стоитъ только потрафить, пониже поклониться, и чинъ придетъ своимъ чередомъ; проиграетъ адвокатъ процессъ — можно взять другой и выиграть: получитъ затрещину... но что такое затрещина для человѣка, которой, быть можетъ, понятіе о танцклассѣ смѣшиваетъ съ понятіемъ объ отечествѣ? Словомъ сказать, изъ всякаго городского огорченія можно выйти безъ особенно чувствительнаго ущерба. Тогда какъ для огорченій сельскохозяйственныхъ рѣшительно нѣтъ выхода. Они сначала мелькаютъ передъ глазами въ видѣ несуществующихся двугривенныхъ, но чуть только человѣкъ не остережется, то непремѣнно выразятся въ крупномъ кушѣ, брошенномъ въ отходную ему, на днѣ которой не выростаетъ розъ.

Но—скажутъ мнѣ — всѣ эти Заманиловки не созданы нами, а дошли до насъ въ томъ самомъ составѣ и въ тѣхъ же размѣрахъ, въ какихъ онѣ представляются и нынѣ, то-есть со всѣми Тараканихами, Летесихами и другими пустошами, въ которыхъ растетъ бѣлоусъ. Какъ же поступить съ ними? Ужели ограничиться только укладомъ за нихъ земскихъ сборовъ, не попытавши даже, хорошъ ли тамъ вырастетъ ленъ?

Отвѣтъ на это, несмотря на свою кажущуюся парадоксальность, очень простъ. Ежели уже существуетъ убѣжденіе (а у человѣка хладнокровнаго, осторожнаго не можетъ оно не существовать), что раскину-

тость Заманиловокъ служитъ лишь источникомъ огорченій, то, разумѣется, необходимо принять самыя быстрыя мѣры, чтобы Тараканихи и Летесихи не обременяли памяти пустою номенклатурой. Надо отдѣлаться отъ нихъ непремѣнно и безотложно, хотя бы задаромъ. Придетъ сѣрый человѣкъ въ эту самую Тараканиху, гдѣ нынѣ растетъ бѣлоусъ, и прольетъ тамъ свой потъ. И, можетъ быть, бѣлоусъ дастъ мѣсто болѣе доброкачественнымъ злакамъ... А культурный человѣкъ ощутитъ отъ этого перемѣщенія ту несомнѣнную выгоду, что освободится отъ платежа земскихъ сборовъ за вмѣстилища бѣлоуса.

Я убѣжденъ, что первое, что̀ необходимо для культурнаго человѣка—это сокращать и съуживать границы своихъ земельныхъ владѣній. Дача, какъ вмѣстилище возстановляющаго воздуха полей—вотъ все, что̀ нужно. И при томъ дача не съ ветхими оконными рамами и колеблющимися полами, а со всѣми удобствами, которыя легко могутъ быть созданы на деньги, предназначенныя для отходной ямы. Ежели есть при дачѣ „смѣющійся“ лугъ—это хорошо; ежели есть роща, въ которой весной поетъ соловей—еще того лучше. Извилистая рѣка, тѣнистыя аллеи, нѣжіе соловья—вотъ идеалы культурнаго человѣка, но отнюдь не пажити, не лѣса и не такъ-называемыя угодья. Для истребленія лѣсовъ существуютъ лѣсники: для пахоты, бороньбы и косьбы существуетъ цѣлый классъ людей, именуемыхъ земледѣльцами. Suum cuique, какъ говоритъ Горацій, а можетъ быть Федръ или даже самъ Конанскій. Культурный человѣкъ долженъ помнить, что онъ — произведеніе города: тамъ онъ сѣетъ и жнетъ, что̀ ему сѣять и жать надлежитъ. Оклады жалованья, пенсіи, аренды, концессіи, гонорары за сводничество, полистныя и построчныя платы—все тамъ. А на лѣто онъ наѣзжаетъ въ деревню совсѣмъ не для того, чтобы страдать ради двугривенныхъ, а для того, чтобы на досугѣ обдумать, какія предстоитъ принять зимой мѣры, чтобы упомянутые оклады и гонорары не утратить, но пріумножить и сохранить. И пусть обдумываетъ. Пускай знаетъ свой домъ, свой садъ, свой смѣющійся лугъ, свою рощу. А ради сохраненія сельскаго колорита онъ можетъ завести трехъ-четырехъ коровъ и успокоиться на этомъ. Въ результатѣ онъ будетъ свободенъ отъ огорченій и никому не надоѣстъ. И сѣрый человѣкъ, глядя на него, скажетъ: „вотъ и видно, что настоящій баринъ—живетъ и ничего не дѣлаетъ!“

Тѣмъ не менѣе, я не могу не сознаться, что жить въ деревнѣ и не дѣлать деревенскаго дѣла, а только вдыхать ароматы полей, слѣдить за полетомъ ласточекъ, читать братьевъ Гонкуровъ и унитывать себя для предстоящихъ зимнихъ подвоховъ—ужасно совѣстно. Сѣрый человѣкъ хоть и выражается объ такомъ субъектѣ: „вотъ настоящій баринъ!“ но онъ говоритъ это только до поры до времени. Сѣрый человѣкъ покуда еще ужасно задавленъ, и вслѣдствіе этого обѣщаніе „на водку“ дѣйствуетъ на него магически. А „настоящій баринъ“ даетъ на водку часто и щедро. Онъ охотно собираетъ въ господской усадьбѣ по праздникамъ сосѣднихъ мужиковъ и бабъ, предоставляя имъ пѣть, плясать и величать себя, „настоящаго барина“, и угощаетъ за это пивомъ, водкой и ломтями чернаго хлѣба, а иногда, подъ веселую руку, даже бросаетъ въ толпу разъяренныхъ бабъ пригоршни гривенниковъ. Я положительно не знаю ничего наскучнѣе этого развлеченія (имъ по преимуществу злоупотребляютъ разнополеменные хищники, отдыхающіе лѣтомъ въ своихъ виллахъ), но сѣрый человѣкъ еще охотно фигурируетъ въ немъ въ качествѣ увеселителя. Къ чести человѣчества надо думать, что наступитъ же наконецъ моментъ, когда онъ очнется и пойметъ, какой омерзительный смыслъ заключается въ наскучномъ выраженіи: „на водку“, въ которомъ теперь онъ видитъ нѣчто въ родѣ подспорья.

Повторяю: жить въ деревнѣ только въ качествѣ „хорошаго барина“ все-таки совѣстно, и потому я былъ очень обрадованъ, когда узналъ, что у культурнаго русскаго человѣка и помимо сельскохозяйственныхъ затѣй можетъ существовать вполнѣ деревенское дѣло, а именно: дѣло совѣта, разъясненія, просвѣщенія и посильной помощи. Сѣрый человѣкъ изнываетъ въ тенетахъ круговой поруки—надо объяснить ему, что задача круговой поруки совсѣмъ не въ томъ заключается, чтобы изнурять, а въ томъ, чтобы представлять очень существенныя гарантіи. Сѣрый человѣкъ погибаетъ подъ игомъ невѣжественности—надо пролить свѣтъ знанія въ эту погибающую среду, надо стараться объ разсѣяніи предразсудковъ, страховъ и предубѣжденій. Сѣрый человѣкъ изнемогаетъ отъ нищеты, поборовъ, недостатка питанія, тѣсноты жилищъ—надо сдѣлать для него доступнымъ дешевый кредитъ и при этомъ дать послѣднему такое направленіе, чтобы помощь его была чувствительна не для однихъ

волостныхъ старшинъ, кабатчиковъ и міроѣдовъ, но и для массы дѣйствительно нуждающихся.

Я назвалъ здѣсь очень немного задачъ, но заранѣе соглашаюсь, что ихъ наберутся цѣлыя массы, и притомъ гораздо болѣе существенныхъ. Сказать человѣку толкомъ, что онъ человѣкъ—на одномъ этомъ предпріятіи можетъ изойти кровью сердце. Дать человѣку возможность различать справедливое отъ несправедливаго—для достиженія этого одного можно душу свою погубить. Задачи разъясненія громадны и почти неприступны, но за то какіе изумительные горизонты! Какое восторженное, полное непрерывнаго горѣнія существованіе!

Позвольте, однакожъ. Я говорю здѣсь совсѣмъ не о сподвижничествѣ, а о другомъ. Я говорю о самыхъ обыкновенныхъ представителяхъ культурной массы, о тѣхъ исчадіяхъ городской суеты, для которыхъ деревня составляетъ, наравнѣ съ экипажемъ, хорошимъ поваромъ и проч., одну изъ принадлежностей комфорта или общепризнанныхъ условій приличія—и ничего больше.

Я говорю исключительно объ этихъ людяхъ, потому что пока мѣстъ это—единственный разрядъ культурныхъ дѣятелей, состоящій „въ законѣ“, и, стало быть, единственный, котораго дѣйствія и помыслы могутъ быть свободно изслѣдуемы. Все остальное закрыто для насъ завѣсою, за которую заглядывать положительно неудобно, ибо, того гляди, или кого-нибудь введешь въ соблазнъ, или нѣчто потрясешь.

Поэтому останемся же и мы „въ законѣ“ и будемъ бесѣдовать лишь о томъ, что доступно нашимъ изслѣдованіямъ.

Я охотно допускаю, что и въ заурядныхъ представителяхъ культурной массы можетъ зародиться жажда просвѣтительнаго деревенскаго дѣла. Добрыхъ, сострадающихъ и вообще порядочныхъ людей и въ этой массѣ найдется достаточно. Но дѣло въ томъ, что, по самымъ условіямъ своихъ жизненныхъ преданій, обстановки, воспитанія, культурный человѣкъ на этомъ поприщѣ прежде всего встрѣчается съ вопросомъ: что скажетъ о моей просвѣтительной дѣятельности становой (само собой разумѣется, что здѣсь выраженіе „становой“ употреблено не въ буквальномъ смыслѣ)? Я знаю, что вопросъ этотъ смѣшной и что даже довольно близкіе наши потомки будутъ удивляться самой возможности его постановки, но тѣмъ не менѣе онъ

несомнѣнно существуетъ, и человѣкъ, „въ законѣ состояній", отнюдь не можетъ его миновать. Его постоянно тревожитъ мысль: своевременно или преждевременно? и потому ежели онъ и приступитъ на дѣлѣ къ выполненію своихъ просвѣтительныхъ поползновеній, то или проведетъ ихъ не особенно далеко (по губамъ помажетъ), или же будетъ приспособлять свои дѣйствія ко вкусамъ и идеаламъ станового. И вотъ вмѣсто того, чтобы узнать, откуда идутъ на него тѣ бичи, которые отъ колыбели до могилы подъѣдаютъ его существованіе, въ видѣ міроѣдовъ, кабачниковъ, засухъ, градобитій, моровыхъ повѣтрій и проч., сѣрый человѣкъ услышитъ изъ устъ культурнаго человѣка не особенно мудрое и не чуждое сквернословія поученіе о томъ, что первая и главная обязанность есть исполненіе приказаній, а все остальное приложится. Но вѣдь онъ и безъ того слышитъ эти проповѣди ежечасно, ежеминутно и отъ волостного старшины, и отъ сотскаго, и даже отъ кабачника. И однако до сихъ поръ онѣ не накормили его до-сыта, не дали ему человѣческаго жилища и ни на одинъ волосъ не увеличили его матеріальнаго и духовнаго благосостоянія.

Положимъ однако, что культурный человѣкъ настолько самолюбивъ, что не будетъ справляться со взглядами станового и захочетъ дѣйствовать самостоятельно, даже независимо отъ соображенія, своевременно или преждевременно; но развѣ это отреченіе отъ идеаловъ станового не будетъ съ его стороны только пустою формальностью? Увы! онъ и самъ весь начиненъ азбучными истинами, онъ и самъ ничего не знаетъ, кромѣ произвольныхъ, на нескѣ построенныхъ афоризмовъ прописной морали. Стало быть, ежели слова его и будутъ иныя, то дѣло все-таки окажется то же.

Сверхъ того, не надо упускать изъ вида, что культурному человѣку, взлелѣянному на лонѣ эстетическихъ преданій, всегда присуща нѣкоторая гадливость. Понять нужду, объяснить себѣ происхожденіе лохмотьевъ и безкормицы не особенно трудно, но очень трудно возвыситься до той сердечной боли, которая заставляетъ отождествиться съ міркой нуждой и нести на себѣ грѣхи міра сего. Тутъ и художественные инстинкты, столь могущественные въ другихъ случаяхъ, не помогаютъ. Или, вѣрнѣе сказать, помогаютъ наоборотъ, то-есть вселяютъ инстинктивный страхъ и непреодолимое желаніе избѣжать зрѣлища нищеты. Обыкновенно это послѣднее желаніе формулируется болѣе или менѣе прилично: вѣмъ, дескать, не поможешь

и всей массы бѣдности не устранишь! Но понятно, что это—только отговорка, на которую возможенъ одинъ отвѣтъ: „пробуй, дѣлай что можешь или уйди, не блазни, не подавай камня тамъ, гдѣ нуженъ хлѣбъ“.

Можетъ впрочемъ случиться и такъ, что культурный человѣкъ какимъ-нибудь чудомъ всѣ эти препятствія устранитъ, то-есть съумѣетъ одновременно упразднить и идеалы сотскихъ, и эстетику. Однако и за всѣмъ тѣмъ останется обстоятельство, которое ни подъ какимъ видомъ обойти нельзя. Обстоятельство это заключается въ томъ, что главная задача его жизни совсѣмъ не въ деревнѣ, а въ городѣ. Говоря такимъ образомъ, я вовсе не имѣю въ виду посѣтителей шницбаловъ, но и людей дѣйствительно воодушевленныхъ наилучшими намѣреніями и преслѣдующихъ самыя почтенныя интеллектуальныя цѣли. И для нихъ деревня представляетъ только временную арену дѣятельности, къ которой, вдобавокъ, они въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ никакой практической подготовки. Атмосфера, которою они дышутъ, совсѣмъ не та, которою дышетъ деревня; языкъ, которымъ они говорятъ, не тотъ, которымъ говоритъ деревня; мысли, которыя они мыслятъ, не тѣ, которыя мыслитъ деревня. Поэтому, прежде нежели приступить къ подлинному деревенскому дѣлу, сколько нужно труда, чтобъ ознаться въ условіяхъ дѣятельности, очистить почву, приспособиться, найти отправной пунктъ! Но вотъ, наконецъ, точка опоры отыскана, а тутъ, какъ на грѣхъ, подкралась осень, и культурный человѣкъ волей-неволей обязывается оставить случайныя задачи, чтобы всецѣло отдаться задачамъ кореннымъ, а деревня остается въ положеніи той помадурши, которая, при извѣстіи о низложеніи своего краткосрочнаго помадура, восклицала: „глупушка! напалилъ и уѣхалъ!“

Нѣтъ, просвѣтительная дорога—не наша дорога. Это—дорога трудная, тернистая, о которой древле сказано: *блюдите да опасно ходите*. Чтобы вступить на эту стезю, надо взять въ руки посохъ, препоясать чресла и, подобно раскольникамъ „бѣгунамъ“, идти впередъ, *вышняго града взыскуя*.

„Два лѣта кряду я живу въ своемъ новомъ углу, на берегу Финскаго залива, почти въ виду кронштадтскихъ твердынь. Живу, руководствуясь сейчасъ вышесказанными соображеніями, то-есть не зная

ни сельско-хозяйственныхъ затѣй, ни просвѣтительныхъ задачъ. Въ первомъ отношеніи я вполнѣ разсчитываю на сѣраго человѣка, который самъ не доѣстъ, а насъ не оставитъ безъ провіанта; во-второмъ—полагаюсь на земскія управы, которыя, по соглашенію съ начальствомъ, полегоньку да потихоньку, навѣрное, когда-нибудь устроятъ судьбу сѣраго человѣка къ безпечальному концу. Я же, засѣвъ въ своемъ углу, наслаждаюсь пальбою съ кронштадтскихъ твердынь, которая потрясаетъ окна моего Монрепо, и которая, собственно говоря, составляетъ единственное здѣсь развлеченіе.

Жизнь моя здѣсь течетъ въ уединеніи и полномъ безмятежіи. Сѣна—мало, жита—и того меньше; за то есть благоустроенный паркъ, въ которомъ родится множество бѣлыхъ грибовъ и въ которомъ можно гулять даже немедленно послѣ дождя. Сверхъ того, есть порядочный сосновый лѣсъ и рѣка, на которой устроена мельница, а слѣдовательно существуетъ и запруда. Однимъ словомъ, было бы даже очень хорошо, еслибъ капельку побольше краснаго солнышка и поменьше вѣтра со стороны „хладныхъ финскихъ скалъ". Помилуйте: въ цѣлое нынѣшнее лѣто я не видалъ стрѣлку флюгера обращенною на югъ, а все на сѣверъ, или еще того хуже—на западъ, потому что ежели сѣверный вѣтеръ приноситъ намъ больше, чѣмъ нужно, прохлады, то западный гонитъ намъ тучи, которымъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ конца не видать.

Мѣстность, въ которой расположено сказанное Монрепо—обыкновенная мѣстность ближайшихъ окрестностей Петербурга. Нельзя сказать, чтобъ живописная, нельзя сказать, чтобъ веселая, но за то несомнѣнно веселонравная. Справа у меня—деревенскій поселокъ, при въѣздѣ въ который стоитъ столбъ и на немъ значится: душъ 24, дворовъ 10. На это не особенно громадное населеніе существуетъ два кабака, которые очень рѣдко пустуютъ. Сверхъ того, съ небольшимъ въ полуверстѣ отъ меня, налѣво, рядомъ съ моей границей, воздвигнутъ третій кабакъ. Вообще кабакамъ въ этой мѣстности посчастливилось. Когда я ѣду на станцію желѣзной дороги, то на пространствѣ четырнадцати верстъ до шоссе (на которомъ уже начинаются высокопоставленныя дачи, и, стало быть, кабаковъ нѣтъ) встрѣчаю еще четыре кабака. А между тѣмъ мѣстность эта вполнѣ пустынная, и только въ одномъ мѣстѣ, въ сторонѣ, видѣется довольно большое село, которое, конечно, обладаетъ своими собственными кабаками.

Населеніе здѣсь смѣшанное. Большинство — чухны, меньшинство —не скажу, чтобы совсѣмъ русскіе, а скорѣе какая-то помѣсь. Чухны пьютъ довольно, русскіе — много. Сверхъ того, здѣсь пролегаетъ зимній трактъ въ Кронштадтъ, который тоже не мало способствуетъ процвѣтанію кабаковъ.

Кабакъ—это что-то въ родѣ установленія, омерзительнѣе котораго трудно что-нибудь себѣ вообразить. Вокругъ кабака растетъ одичалое племя, которое отдаетъ кабатчику всю свою душу и которому положительно ни до чего нѣтъ дѣла. А у насъ цѣлыхъ три кабака. Конечно, мужику жить не весело, но какой ужасный коррективъ! Да и пьянство здѣсь какое-то необыкновенное: не шумное, не экспансивное, а сосредоточенное и унылое. Какъ будто исполняется горькая задача, отъ которой никакъ нельзя отбиться. Идетъ человѣкъ по дорогѣ и вертитъ зрачками: это значитъ, что онъ еще бодрится. Прошелъ нѣсколько шаговъ, споткнулся и ужъ храпитъ. Былъ у меня въ прошломъ году мельникъ изъ чухонъ, но истинѣ честный и добропорядочный человѣкъ. Видя, что онъ отъ времени до времени вертитъ зрачками, я пробовалъ его уговорить, и повидимому даже успѣлъ. Цѣлыхъ два мѣсяца я видѣлъ его постоянно трезвымъ, но вотъ пришла осень, и малый не вытерпѣлъ. Осень здѣсь ужасная, темная, слезливая, завывающая: точно надъ кладбищемъ стонъ стоитъ. Однимъ вечеромъ мельникъ урвался кратчайшимъ путемъ, по лавамъ, брошеннымъ черезъ рѣчку, въ кабакъ, и тамъ выполнилъ свою задачу серьезно и безшумно. Возвращаясь тѣмъ же путемъ на мельницу, онъ уже не попалъ на лавы, а шагнулъ прямо въ рѣку и утонулъ. Мѣсто это отстоитъ отъ мельницы въ нѣсколькихъ шагахъ, но никто не слыхалъ криковъ о помощи. Вѣроятно несчастный даже не понималъ, что тонетъ, а думалъ, что ложится спать.

Повторяю: кабакъ, возведенный въ принципъ, омерзителенъ, но при этомъ оговариваюсь: можетъ быть, оно такъ надобно. Нужно, быть можетъ, чтобъ люди вертѣли зрачками и не понимали, куда они ложатся — въ постель или въ рѣку. Почему такъ нужно — этого, конечно, мы не можемъ знать: не наше дѣло.

Благо невѣдущимъ. Знаніе, говорятъ, старитъ, а мы каждочасно молодѣемъ. „Изба моя съ краю, ничего не знаю“ — успокоительнѣе этого девиза выдумать нельзя. Особливо ежели жить съ умомъ, то можно даже деньги при помощи этого девиза нажить. Вотъ, на-

примѣръ, владѣлецъ двухъ кабаковъ, которые держатъ меня въ осадѣ справа и слѣва,—тотъ только и говоритъ: „не нашего, сударь, это ума дѣло“. Говоритъ—и стелетъ да стелетъ кругомъ паутину...

Подражая этому истинному столпу, и я сижу, запершись въ усадьбѣ; зажимаю носъ и уши, зажмуриваю глаза и твержу: не наше дѣло! не наше дѣло! не наше дѣло! Это—слова могущественныя и отлично разбиваютъ не только сердечную скорбь, но и всякую мысль. Натвердившись вдоволь, можно и на улицу выйти, и уже безъ малѣйшаго волненія смотрѣть, какъ взадъ и впередъ снуютъ подводы, нагруженныя бочками, боченками, бутылями и бутылочками. О чемъ тутъ скорбѣть? На что негодовать? Гораздо пристойнѣе видѣть въ этомъ маятномъ движеніи боченковъ и бутылей только виды внутренней торговли и накопленія богатствъ: хоть сейчасъ садись и пиши статистику. И статистика выйдетъ не безплодная, но полная поучительныхъ выводовъ, изъ которыхъ можно усмотрѣть вполнѣ ясно, гдѣ таятся истинные источники нашего народнаго веселья, нашей силы и мощи: все тамъ, все въ этихъ боченкахъ и бутыляхъ. Не даромъ, во время сербской войны, одинъ кабатчикъ-столпъ потчивалъ „гостей“ водкой подъ названіемъ „потреотическая“, а другой кабатчикъ-столпъ, соревнуя первому, утвердилъ на „выставкѣ“ бутыль съ надписью: „на страхъ врагамъ“. И всѣ, которые пили объ эти водки, дѣйствительно чувствовали, что имъ море по колѣна...

Да, эти „столпы“ знаютъ тайну, какъ содѣлывать людей твердыми въ бѣдствіяхъ, а потому имъ и книги въ руки. Поймите, вѣдь это—тоже своего рода культурные люди, и притомъ не безъ нахальства говорящіе о себѣ: „мы сами оттуда, изъ Назарета, мы знаемъ!“ И дѣйствительно, они знаютъ, потому что у нихъ нервы крѣпкіе, взглядъ острый и умъ ясный, не распатанный вольнодумными софизмами. Это дастъ имъ возможность отлично понимать, что по настоящему времени самое подходящее дѣло—это перервать горло.

Одного только не вѣдаютъ: можетъ ли срости разъ перерванное горло, и ежели не можетъ, то какъ съ этимъ быть?

Не наше дѣло.

Продолжаю начатую матерію о Монренѣ. Имѣніе это служитъ наглядньмъ примѣромъ производительности культурнаго труда и тѣхъ выгодъ, которыя можно изъ него извлечь. Нѣкогда оно принадлежало такъ-называемому „хозяину“ и, вдобавокъ, еще инженеру.

стало быть человѣку, не лишенному хотя нѣкоторыхъ прикладныхъ знаній. Владѣлецъ этотъ, очевидно, имѣлъ намѣреніе сдѣлать изъ своего имѣнія „золотое дно“. Онъ положилъ основаніе господской мызѣ, выстроилъ не особенно изящный, но крѣпкій и помѣстительный домъ, снабдилъ его службами и скотнымъ дворомъ, развелъ паркъ, плодовитый садъ, затѣялъ обширный огородъ (вѣроятно хотѣлъ изумить міръ капустой и огурцами), устроилъ мельницу, прорѣзалъ всю дачу безчисленными канавами, вслѣдствіе чего она получила видъ шахматной доски, и заключающіеся между канавами участки земли поднялъ и засѣялъ травой. Хлѣба у него высѣвалось тоже достаточно, ежели судить по каменному фундаменту пространной риги, остатки которой уцѣлѣли и понынѣ, а въ особенности по чугуннымъ трубамъ, съ помощью которыхъ нагрѣвалась сушильня и которыя валяются и подпесь. Получалъ ли какіе-нибудь доходы съ этого имѣнія заботливый хозяинъ-землевладѣлецъ — это неизвѣстно: но вѣроятнѣе всего, что не получалъ, а все устраивался и устраивался. Но что несомнѣнно извѣстно—это то, что онъ истратилъ на имѣніе „многія тысячи“. И не крѣпостнымъ трудомъ истратилъ, а чистогаломъ, потому что крѣпостной трудъ какихъ-нибудь 24-хъ душъ даже замѣтнымъ подспорьемъ не могъ служить въ такомъ значительномъ предпріятіи. Затѣмъ основатель усадьбы умеръ, и имѣніе начало переходить изъ рукъ въ руки, причемъ никто продолжительно имъ не владѣлъ. Послѣдній владѣлецъ, отъ котораго мыза наконецъ дошла ко мнѣ, тоже, какъ говорятъ, потратился: усовершенствовалъ паркъ, меблировалъ домъ, пытался расчистить нѣкоторыя канавы и проч. Вѣроятно и тутъ дѣло не обошлось безъ „многихъ тысячъ“. А сколько одновременно съ этими „многими тысячами“ было потрачено легкомыслія, сколько видѣла эта бѣдная мыза претерпѣній и ропота, сколько слышала она хульныхъ словъ!..

Мнѣ она досталась, съ расходами по кучей крѣпости и съ издержками по водворенью, въ суммѣ приблизительно до пятнадцати тысячъ рублей. Вотъ чѣмъ разрѣшились и „многія тысячи“, и многолѣтнія претерпѣнія. Кажется, краснорѣчивѣе этого факта нельзя себѣ ничего вообразить.

А сколько, сверхъ того, было ухвачено крѣпостныхъ пошлинъ при переходахъ имѣнья изъ рукъ въ руки! сколько было разорено денегъ на сводчиковъ и маклеровъ, сколько употреблено суеты и

бѣготни при отыскиваніи покупщика!—этого навѣрное ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать.

Мнѣ могутъ возразить, что бывшіе владѣльцы, все-таки, кое-чѣмъ воспользовались, и именно лѣсомъ (нынѣшній лѣсъ не особенно старъ, лѣтъ 30 — 35-ти, не больше, а есть участки и моложе). Дѣйствительно, громадные пни, встрѣчающіеся на каждомъ шагу, свидѣтельствуютъ, что лѣсу сведено достаточно, но, во-первыхъ, большая его часть была несомнѣнно употреблена на нужды самаго имѣнія; а во-вторыхъ, ежели двое-трое изъ кратковременныхъ владѣльцевъ (едва ли даже они жили въ имѣніи) и урвали что-нибудь, то, право, сущую бездѣлицу.

Люди, которымъ всегда „до зарѣзу“ нужны рублей 100—200, не особенно слѣдятъ за процессомъ ихъ добыванія, лишь бы „зарѣзъ“ былъ поскорѣе удовлетворенъ. Такъ было и тутъ, о чемъ даже существуютъ анекдоты, въ которыхъ фигурируютъ, съ одной стороны, культурные люди, съ другой—столны, удовлетворяющіе этому „зарѣзу“, не безъ пользы для себя.

Въ настоящее время, повторяю, это — уголокъ довольно благоустроенный, хотя и не безъ важныхъ недостатковъ, а именно:

Недостатокъ первый: солнце здѣсь такое же скупое, какъ и въ Петербургѣ. Оба проведенныя мною лѣта были въ этомъ смыслѣ очень неудовлетворительны. Въ прошломъ году залили дожди, въ нынѣшнемъ — 27-го іюля ударилъ первый морозецъ. Можно ли ожидать въ будущемъ лучшаго лѣта —не знаю, потому что въ Петербургѣ вообще имѣютъ смутное понятіе о благораствореніи воздуховъ. Были впрочемъ и для здѣшняго края очевидно лучшія времена. Это доказывается довольно большими остовами яблонь, постепенное вымерзаніе которыхъ довершилось лишь недавно. Стало быть, когда-то здѣсь было возможно разводить яблоки. А нынѣче, судя по послѣднимъ двумъ годамъ, скоро и простой огурецъ сдѣлается оранжерейнымъ растеніемъ.

Второй недостатокъ: все еще черезъ-чуръ много земли (всего около 160 десятинъ). Конечно, большинство ея находится подъ лѣсомъ, но есть, къ сожалѣнію, и такіе участки, которые „ахъ, кабы эту землю къ рукамъ—кажется, лопатой бы деньги загребалъ!“ Какъ ни велико мое воздержаніе отъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, а все таки нѣтъ-нѣтъ да и поддашься на льстивыя рѣчи. То ка-

навку прочистишь, то поднимешь участочекъ, потому что ежели совсѣмъ бросить, то земля мохомъ проростетъ, и траву косить будетъ негдѣ. А сѣно нужно, такъ какъ на скотномъ дворѣ стоитъ штукъ до десяти травоядныхъ.

Третій недостатокъ: мельница. Въ нынѣшнемъ году я вынужденъ былъ всю плотину выстроить вновь, и это обошлось мнѣ ровно тысячу рублей, кромѣ бревенъ, которыя были вынилены изъ своего лѣса. Теперь всѣ любуются плотиной и говорятъ: „денегъ не пожалѣли, за то она у васъ на двадцать лѣтъ безъ поправки пойдетъ!“ Но извѣстно мнѣ, что года три тому назадъ бывшій владѣлецъ тоже „значительно исправилъ“ плотину, и вѣроятно ему тоже говорили: „теперь она на двадцать лѣтъ пойдетъ!“ А доходъ съ мельницы двоякій: ежели осень мокрая и воды достаточно, то доходовъ „не слишимъ много“; ежели осень сухая, то въ очистку приходится — нуль.

Четвертый недостатокъ: слишкомъ пространенъ огородъ. Поднять его, сдѣлать гряды и потомъ нѣсколько разъ въ лѣто прополоть послѣднія стоитъ одной поденщиной, не считая постоянныхъ мызныхъ работниковъ, по малой мѣрѣ двѣсти рублей. Да навозу пойдетъ цѣлая уйма, да садовнику въ годъ надо заплатить 360 рублей. А къ концу лѣта получаются и плоды этихъ затратъ. Огурцы, напримѣръ, „принялись было весело“, но вдругъ сдѣлалось „сиверко“, и въ тотъ самый моментъ, когда въ Петербургѣ вся Сѣнная завалена огурцами — у васъ нѣтъ ничего. То же самое и съ цвѣтной капустой: въ августѣ ее всякій столоначальникъ въ Петербургѣ ѣстъ, а въ Монрепо показываются въ это время только зародыши и зрѣетъ надежда, что въ сентябрѣ четыре-пять кочней выйдутъ „виолинъ“. Остается, стало быть, капуста да картофель, овощи серьезныя, не боящіяся непогодъ, — но слыханное ли дѣло съѣсть этого добра на пятьсотъ, шестьсотъ рублей въ годъ!

Однимъ словомъ, происходитъ нѣчто въ высшей степени странное. Земля, мельница, огородъ — все, повидимому, предназначенное самою природой для извлеченія дохода — все это оказывается не только лишнимъ, но и прямо убыточнымъ...

Поэтому истинное пользованіе „своимъ угломъ“ и истинное деревенское блаженство начнутся только тогда, когда не будетъ ни луговъ, ни лѣсовъ, ни огородовъ, ни мельницъ. Скотный дворъ

можно упразднить, а молоко покупать и лошадей нанимать, что̀ обойдется дешевле и притомъ составитъ расходъ, который заранѣе можно опредѣлить, а слѣдовательно и приготовиться къ нему. Можно упразднить и прислугу, а держать только сторожа и садовника, необходимаго для увеселенія зрѣнія видомъ расчищенныхъ дорожекъ и изящно убранныхъ цвѣтами клумбъ.

Когда все это будетъ достигнуто, культурный человѣкъ можетъ наслаждаться и отдыхать по всей волѣ. А ежели надоѣстъ ему отдыхать, то можетъ и заняться тѣмъ дѣломъ, которое ему по душѣ.

Но какое же это дѣло?—вотъ въ чемъ вопросъ.

Странная вещь, но когда встрѣчаешься съ этимъ вопросомъ — дѣлается не только просто совѣстно, но почти тоскливо совѣстно.

Объясненіе этой тоски, я полагаю, заключается въ томъ, что у культурнаго русскаго человѣка бываютъ дѣла личныя, но нѣтъ дѣлъ общихъ. Личныя дѣла вообще несложны и рѣшаются быстро, безъ особыхъ головоломныхъ думъ; затѣмъ впереди остается громадный досугъ, который рѣшительно нечѣмъ наполнить. Отсюда—скука, незнаніе, куда, чѣмъ занять праздную мысль, куда избыть праздную жизнь. Когда передъ глазами постоянно мелькаетъ пустое пространство, то дѣлается понятнымъ даже отчаяніе.

Повторяю: въ массѣ культурныхъ людей есть уже достаточно личностей вполнѣ добропорядочныхъ, на которыхъ насильственное бездѣйствіе лежитъ тяжелымъ ярмомъ и которыя тѣмъ сильнѣе страдаютъ, что не видятъ конца снѣдающей ихъ тоскѣ. Чувствовать одиночество, сознавать себя лишнимъ на почвѣ общественныхъ интересовъ, право, нелегко. Отъ этого горькаго сознанія можетъ закружиться голова, но, сверхъ того, оно очень близко граничитъ и съ полнымъ равнодушіемъ.

Чтобы читать книжку, слѣдить за наукой, литературой и искусствомъ — для всего этого нѣтъ никакой надобности въ своемъ собственномъ углѣ, и въ особенности на берегу Финскаго залива. Гораздо болѣе удобствъ въ этомъ смыслѣ представляютъ Эмсы, Баденъ-Баденъ, Трувили, Буживали, Лозанны и проч.

Для чего культурному человѣку изнывать въ какихъ-то сумеркахъ, лишенныхъ свѣта и тепла, когда тѣ задачи, преслѣдованіе ко-

торыхъ ему доступно. онъ можетъ виолинѣ удобно переносить съ собой въ такія мѣстности, въ которыхъ вдоволь и тепла, и свѣта? Для чего онъ будетъ выносить въ своей Заманиловкѣ тьмы темъ всякаго рода лишеній и неудобствъ, когда при тѣхъ же матеріальныхъ затратахъ онъ можетъ „въ другомъ мѣстѣ“ прожить безъ мучительной заботы о томъ. позволитъ ли подосиѣвшій сѣнокосъ послать завтра въ городъ за почтой?

Человѣкъ—животное общественное, а въ Заманиловкѣ онъ обязывается временно одичать; человѣкъ—животное плотоядное, а въ Заманиловкѣ онъ обязывается сдѣлаться отчасти млекопитающимъ. отчасти травоядимъ. Наконецъ, Заманиловка заставляетъ его нуждаться въ услугахъ множества лицъ. что въ высшей степени непріятно щекочетъ совѣсть. И къ довершенію всего. передъ глазами—пустое пространство.

Вникните въ это положеніе. и вы должны будете сознаться, что оно по истинѣ мрачно. Есть натуры очень строптивыя и упорно-любящія, въ которыя червь равнодушія заползаетъ лишь послѣ долгой борьбы, но и тѣ. въ концѣ концовъ, уступаютъ. Капля точитъ камень.

И вотъ передъ этими людьми встаетъ вопросъ: искать другихъ небесъ. Тамъ они тоже будутъ чужіе. но за то тамъ есть настоящее солнце. есть тепло, и уже рѣшительно не нужно думать ни объ сѣнѣ, ни объ житѣ, ни объ огурцахъ. Гуляй, свободный и безпечный. по зеленымъ наркамъ и лѣсамъ. и ежели есть охота. то рѣшай въ головѣ судьбы человѣчества.

Я высказываю здѣсь далеко не все. что можно было бы сказать объ этомъ предметѣ; я поднимаю только малѣйшій уголъ завѣсы, скрывающій безконечную перспективу. но увѣряю—отъ одной мысли объ этой перспективѣ становится неловко.

Какъ-то ничто не спорится намъ. и каждый нашъ успѣхъ почему-то оказывается фиктивнымъ. Двосгласіе очевидно. и оно невольно заставляетъ предполагать, что рядомъ съ успѣхомъ идетъ нѣчто такое. что тутъ же. сейчасъ же подрываетъ его.

Въ чемъ же, однакожъ, бѣда? откуда она идетъ и почему надъ нами стряслась?

Но тутъ я долженъ поставить точку и закончить словами, которыя покамѣстъ на всякій вопросъ представляютъ наиболѣе подходящій отвѣтъ, а именно: не наше дѣло.

II.—Тревоги и радости въ Монрепо.

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ...

Нынѣшней осенью, живя въ Монрепо, я былъ неожиданно взволнованъ: въ наше село переводили становую квартиру...

Въ деревнѣ подобныя извѣстія всегда производятъ переполохъ. Хорошо ли, худо ли живется при извѣстной обстановкѣ, но все-таки какъ-нибудь да живется. Это „какъ-нибудь“—великое дѣло. У меньшей братіи оно выражается словами: „живы—и то славу Богу!“ у культурныхъ людей—сладкою увѣренностью, что чаша бѣдствій выпита ужъ до дна. И вдругъ: нѣтъ! имѣется на-готовѣ и еще цѣлый ушатъ. Какъ тутъ быть: радоваться или опасаться?

Въ настоящемъ случаѣ поводы радоваться несомнѣнно существовали. До сихъ поръ мы жили совсѣмъ безъ начальства, какъ овцы безъ пастыря. Натурально, блуждали и даже заблуждались. Некому было пожаловаться, не у кого искать защиты. Особливо намъ, культурнымъ людямъ, приходилось плохо. Работникъ загуляетъ или запоритъ въ разсчетѣ—какъ съ нимъ разсудиться? Въ лѣсу пропадетъ дерево или въ огородѣ срѣжутъ кочанъ капусты—къ кому взывать объ отмщеніи? А съ мальчишками сельскими такъ просто сладу нѣтъ: обнеситесь отъ нихъ рѣшеткой—они подъ рѣшеткой лазы сдѣлаютъ; обройтесь канавой—черезъ недѣлю вся канава изукрасится тропами. Какъ тутъ быть? Мировой судья судитъ отъ насъ въ двадцати-пяти верстахъ; становой приставъ живетъ гдѣ-то ужъ совсѣмъ за болотами, такъ что легче въ Парижъ съѣздить, чѣмъ до него добраться. Сотскіе—мирволятъ: волостной старшина—тотъ на всѣ жалобы только икаетъ: „мнѣ, дескать, до васъ, культурныхъ людей, дѣла нѣтъ!“ Въ виду всего этого мнѣ и самому не разъ-таки приходило въ голову: „вотъ кабы становой былъ поближе, тогда“... Стало быть, теперь, когда желаніе мое было осуществлено, я имѣлъ повидимому полное основаніе считать себя довольнымъ и осчастливленнымъ.

Но были поводы и для опасеній, и прежде всего—неизвѣстность. Конечно, я имѣлъ о становомъ достаточно отчетливое понятіе, но о становомъ до-реформенномъ, котораго и въ глаза, и за глаза называли „куроцапомъ“. Въ мѣстностяхъ, изобиловавшихъ культур-

ными людьми, это было существо вполнѣ жалкое, въ потертомъ вицъ-мундирѣ съ дрожащими сзади фалдочками, съ воспаленными отъ дорожной пыли глазами, съ физіономіей, замасленной какъ блинъ и не имѣвшей никакого иного выраженія, кромѣ готовности во всякую минуту проглотить рюмку водки. И какъ дополненіе къ нему—становиха, сухая какъ щепка, вслѣдствіе безпрерывныхъ беременностей, но и за всѣмъ тѣмъ беременная. Такого станового, разумѣется, опасаться было нечего. Но вѣдь съ тѣхъ поръ много воды утекло. Говорятъ, будто становымъ новые мундиры пошили, и съ тѣхъ поръ будто бы они приняли въ свое завѣдываніе основы и краеугольные камни. И еще говорятъ, будто они, „яко боги“, получили даръ читать въ сердцахъ человѣческихъ, и что, вслѣдствіе сего, ежели прочтутъ въ чьемъ сердцѣ обращенное къ нимъ слово „куроцапъ“, то сейчасъ же дѣлаютъ соотвѣтствующее распоряженіе. А наконецъ нѣкоторые утверждаютъ, что они самымъ названіемъ „становой приставъ“ уже начинаютъ тяготиться, признавая его неисчерпывающимъ всего содержанія ихъ дѣятельности, и ходатайствуютъ, чтобы имъ присвоенъ былъ такой титулъ, который прямо говорилъ бы о сердцевѣдѣніи, и чтобы въ соотвѣтствіе съ нимъ было, разумѣется, увеличено и самое содержаніе. Я не знаю, насколько эти слухи заслуживаютъ вѣроятія, но если вѣрно изъ нихъ хоть одно то, что становымъ дали новую обмундировку, то и тогда уже надо держать ухо востро. Что будетъ, если „онъ“, вмѣсто того, чтобы ограждать мои луга отъ потравы, начнетъ читать въ моемъ сердцѣ? Прочтетъ одну страницу, помусолитъ палецъ, перевернетъ, прочтетъ другую и такъ далѣе до конца?

Въ виду этихъ сомнѣній я припоминалъ свое прошлое — и на всѣхъ его страницахъ явственно читалъ: куроцапъ! Затѣмъ я обращался къ настоящему и пробовалъ читать, что *теперь* написано въ моемъ сердцѣ; но и здѣсь ничего, кромѣ того же самаго слова, не находилъ! Какъ будто все мое міросозерцаніе относительно этого предмета выразилось въ одномъ этомъ словѣ, какъ будто ему суждено было не только заполонить прошлое, но и на мое настоящее и будущее наложить непстребимую печать!

Я испугался. Уныло ходилъ я по аллеямъ своего парка и инстинктивно перебиралъ въ умѣ названія различныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ городовъ. Потомъ пошелъ на мельницу, но и тамъ шумъ бѣгущей воды навѣялъ на меня унылыя мысли. „Жизнь человѣческая,

—думалось мнѣ,—подобна этой водѣ. Сейчасъ мы видимъ ее заключенною въ бассейнѣ, а черезъ моментъ она уже устремляется въ пространство... куда?“ Потомъ пошелъ по рѣкѣ къ тому мѣсту, гдѣ вчера еще стояла полуразрушенная бесѣдка, и, увидѣвъ, что за ночь вѣтеръ окончательно разметалъ ее, воскликнулъ:—Быть можетъ, подобно этой бесѣдкѣ, и моя полуразрушенная жизнь...

Однимъ словомъ, какая-то неопредѣленная тоска овладѣла всѣмъ моимъ существомъ. Иногда въ умѣ моемъ даже мелькала кощунственная мысль: „а вѣдь безъ начальства, пожалуй, лучше!“ И что̀ всего несноснѣе: чѣмъ усерднѣе я гналъ эту мысль отъ себя, тѣмъ назойливѣе и образнѣе она выступала впередъ, словно дразнила: лучше! лучше! лучше! Наконецъ я не выдержалъ и отправился на село къ батюшкѣ, въ надеждѣ, что онъ не оставитъ меня безъ утѣшенія.

Батюшка уже былъ извѣщенъ о предстоящей перемѣнѣ и какъ разъ въ эту минуту бесѣдовалъ объ этомъ дѣлѣ съ матушкой. Оба не знали за собой никакой вины, и потому не только не сомнѣвались, подобно мнѣ, но прямо радовались, что и у насъ на селѣ заведется свой jeune homme. Такъ что когда я, послѣ первыхъ привѣтствій, нарисовалъ передъ ними образъ станового пристава въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сложился на основаніи моихъ до-реформенныхъ воспоминаній, то они даже удивились.

— Помилуйте! да вы о комъ это говорите?—воскликнулъ батюшка:—навѣрное про Савву Оглашеннаго (былъ у насъ, въ древности, такой становой, который вполнѣ заслужилъ это прозвище) вспоминаете? Такъ это при царѣ Горохѣ было, а нынче не такъ! Нынѣшняго станового отъ гвардейца не отличишь — вотъ какъ я вамъ доложу! И мундирчикъ, и кенé, и бѣльецо! Одно слово, во всѣхъ статьяхъ драгунскій офицеръ!

— А какой у нашего новаго станового образъ мыслей!—томно присовокупила матушка, закатывая глаза.

Признаюсь, я не безъ волненія слушалъ эти похвалы, потому что онѣ подтверждали именно то, чего я боялся. Въ особенности напоминаніе объ „образѣ мыслей“ встревожило меня.

— Говорятъ, будто онъ будетъ въ сердцахъ читать?—робко спросилъ я:—правда ли это?

— Всенепремѣнно-съ.

— Помилуйте! да что̀ же онъ тамъ прочтетъ?

— Что̀ написано, то̀ и прочтетъ. Ежели у кого написано: „не похваляется“—онъ и въ ремарку такъ занесетъ; а ежели у кого въ сердцѣ видится токмо благое посѣщеніе—онъ и въ ремаркѣ напишетъ: „аттестуется съ похвалой“!

— Батюшка! да какъ же это? вѣдь онъ... куроцапъ!

Батюшка удивленно вскинулъ на меня глазами и даже слегка помычалъ.

— Это прежде куроцапы были, а по нынѣшнему времени такихъ титуловъ не полагается,—холодно замѣтилъ онъ.—Но ежели бы и доподлинно такъ было, то для имѣющаго чистое сердце все равно, кому его на разсмотрѣніе предъявлять: и „куроцапъ“, и „некуроцапъ“ одинаково найдутъ его чистымъ и одобренія достойнымъ! Вотъ ежели у кого въ сердцѣ свило себѣ гнѣздо злоумышленіе...

Батюшка остановился: онъ понялъ, что невеликодушно добивать колкостями и безъ того уже убитаго человѣка, и съ видимымъ участіемъ спросилъ:

— Развѣ чувствуете какую-либо вину за собой?

Вопросъ этотъ смутилъ меня. И прежде не разъ мелькалъ онъ передо мной, но какъ-то въ туманѣ: теперь же, благодаря категорическому напоминанію батюшки, онъ вдругъ предсталъ во всей своей наготѣ.

— Бывало...—отвѣтилъ я уклончиво.

— Напримѣръ?

— Да вообще... вся жизнь... Вотъ хоть бы „филантроніи“ эти... Конечно, до меня еще не добрались, а было и со мной... Занимался. Какъ вы думаете, повредитъ это мнѣ?

— Смотря по тому. Разныя „филантроніи“ бываютъ: и *доброкачественныя*, и *недоброкачественныя*. За первыя—похвала, за вторыя—взысканіе.

— То-то и есть, что я самъ своихъ „филантроній“ не разберу. Прежде мнѣ казалось, что онѣ доброкачественныя, а вотъ теперь... Напримѣръ, такая мысль: хотя свобода есть драгоцѣннѣйшій даръ Творца, но она можетъ легко перейти въ анархію, ежели не обставлена: въ настоящемъ—уплатой оброковъ, а въ будущемъ—взносомъ выкупныхъ платежей. Эту мысль я зарубилъ у себя на носу еще во время освобожденія крестьянъ, и, я помню, былъ даже готовъ

принять за нее мученическій вѣнецъ. Какъ вы полагаете, какова эта „филантропія“? доброкачественная или недоброкачественная?

— По моему—доброкачественная! Только вотъ „свобода“... Небольшое это слово, а разговору изъ-за него много бываетъ. Свобода! гм... что такое свобода?! То-то вотъ и есть... Не было ли и еще чего въ этомъ родѣ?

— Было и еще. Когда объявили свободу вину, я опять не утерпѣлъ и за филантропію принялся. Проповѣдовалъ, что съ виномъ слѣдуетъ обходиться умненько: сначала въ день одну рюмку выпивать, потомъ двѣ рюмки, потомъ стаканъ, до тѣхъ поръ, пока долговременный опытъ не покажетъ, что пьяному море по колѣна. Въ то время кабатчики очень на меня за эту проповѣдь роптали.

Батюшка слегка поморщился.

— Какъ вамъ сказать?—произнесъ онъ:—большой недоброкачественности и въ этомъ не видится, а есть однако... Откровенно вамъ доложу: на вашемъ мѣстѣ я бы кабатчиковъ не трогалъ. Почему бы не трогалъ?—а потому, сударь, что кабатчикъ, по нынѣшнему времени, есть столпъ. Прежде были столпы-номѣщики, а нынѣче столпы-кабатчики. Поэтому я бы и не трогалъ ихъ.

— Но вѣдь по существу...

— По существу—это точно, что особенной вины за вами нѣтъ. Но кабатчики... И опять-таки повторю: свобода... Какая свобода и что оною достигается? Въ какой мѣрѣ и на какой конецъ? Во благовременіи или не во благовременіи? Откуда и куда? Вотъ сколько вопросовъ предстоитъ разрѣшить! Начни-ка ихъ разрѣшать—пожалуй и въ Сибири мѣста не найдется! А ежели бы вы, въ то время, вмѣсто „свободы“-то просто сказали: „улучшеніе, моль, быта“—и дѣло было бы понятное, да и вы бы на замѣчаніе не попали!

— Но кто же могъ это предвидѣть? Кто могъ думать, что когда-нибудь становые будутъ читать въ сердцахъ?

— Мудрый все предвидитъ. Мудрый такъ поступаетъ: что ему нужно—выскажетъ, а себя подсидѣть—не допуститъ. Мудрый, доложу вамъ, даже отъ слова „филантропія“ воздержится, а просто скажетъ: „благое, съ дозволенія начальства, поспѣшеніе“—и конченъ балъ!

Батюшка остановился и не то укоризненно, не то съ участіемъ покачалъ на меня головой.

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ:—ежели настоящимъ манеромъ разъяснить и притомъ съ раскаяніемъ...

— Да вы, батюшка, со становымъ-то знакомы?—ухватился за эту мысль я.

— Знакомъ достаточно, Малый отличнѣйшій! Молодой человѣкъ, кеше́ и все такое... Строгонекъ, конечно, но... съ понятіемъ.

— Такъ вотъ бы вы... Постарайтесь ужъ, батюшка! вѣдь тутъ вся штука въ томъ, чтобъ дѣло было представлено въ надлежащемъ видѣ.

Къ моему удовольствію, батюшка согласился на мою просьбу. Онъ не взялся, конечно, отстоять мою абсолютную правду, но обѣщалъ защитить меня отъ злостныхъ преувеличеній, къ которымъ навѣрное не усомнятся прибѣгнуть кабатчики, чтобъ очернить меня передъ начальствомъ. Съ своей стороны, я вспомнилъ, что нынѣшней осенью мнѣ прислали сотню кустовъ какой-то неслыханной земляники, и предложилъ матушкѣ въ будущемъ году отдѣлить нѣсколько молодыхъ отростковъ для ея огорода.

На селѣ, видимо, ждали. Кабатчики чистились и старались сообщить своимъ выставкамъ изящный видъ. Однажды, проходя мимо меня, кабатчикъ Прохоровъ (онъ же по воскресеньямъ и праздникамъ открывалъ у себя сельскій танцклассъ) бойко приподнялъ картузъ и поздравилъ:

— Съ начальствомъ-съ!

— Не боитесь?

— Напротивъ-съ. Даже съ надеждою ожидаемъ.

Я достаточно на своемъ вѣку встрѣчалъ новыхъ губернаторовъ и другихъ сильныхъ міра, но никогда у меня сердце не ныло такъ, какъ въ эти дни. Почему-то мнѣ вдругъ показалось, что здѣсь, въ этой глуши, со мной все можно сдѣлать: посадить въ холодную, вывернуть наизнанку, истолочь въ ступѣ. Разумѣется, предварительно завинивъ въ измѣнѣ, что, при умѣньи бойко читать въ сердцахъ, сдѣлать очень нетрудно. По истинѣ, никогда я такого сквернаго чувства не испытывалъ.

Я понималъ, что я—россійскій дворянинъ, но и только. Затѣмъ я искалъ кругомъ себя тына или ограды, къ которымъ можно

бы, въ случаѣ нужды, прислониться—и не находилъ. Я не состоялъ на службѣ—слѣдовательно съ этой стороны защиты не имѣлъ. Я не пользовался громкимъ титуломъ—слѣдовательно никого не могъ пугнуть высокопоставленными связями. Я не былъ особенно богатъ—слѣдовательно никто не надѣялся, что я, подъ веселую руку, созову у себя во дворѣ толпу мужиковъ и бабъ, заставлю ихъ пѣть и водить хороводы, и первымъ поднесу по стакану водки, а вторыхъ—одѣлю пряниками. Кромѣ того, я никого не ограбилъ, контрактовъ на продовольствіе арміи и флотовъ не заключалъ, ничьимъ имуществомъ насильственно не завладѣлъ и даже ни у кого ничего на законномъ основаніи не оттягалъ—слѣдовательно никому не внушилъ ни страха, ни уваженія. Это было до такой степени омерзительно, что многимъ казалось даже страннымъ: зачѣмъ я живу? И уже навѣрное всякому думалось: „вотъ кабы на мѣсто этого разслабленнаго да поселился въ Монренò лихой кунчина Разуваевъ (мой сосѣдъ по имѣнію),—то-то бы веселье у насъ пошло!“ Но этого мало. Вмѣсто того, чтобы какъ можно безповоротнѣе позабыть, что я россійскій дворянинъ, я съ удивительною назойливостью объ этомъ помнилъ. Я сохранилъ вкусъ къ разведенію садовъ и парковъ, что̀ уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о заносчивости; но, сверхъ того, я не „якшался“ и—говорятъ даже—выказывалъ наклонность „задирать носъ“. Существовалъ ли этотъ послѣдній фактъ въ дѣйствительности—по совѣсти, я ни отвергнуть, ни утвердить этого не могу, но вѣроятно въ самой моей отчужденности („неякшаніи“) было что-нибудь такое, что̀ давало поводъ обвинять меня и въ „задираніи носа“. И, разумѣется, это еще больше раздражало: „мразь, а тоже какъ мышь на крупу надувается!“—въ одинъ голосъ твердили столпы-кабатчики.

Оголтѣлый, отживающій, больной, я сидѣлъ въ своемъ углу, мысленно разрѣшая вопросъ: можетъ ли существовать положеніе болѣе анаѳемское, нежели положеніе россійскаго дворянина, который на службѣ не состоитъ, ни княжескимъ, ни маркизскимъ титуломъ не обладаетъ, не заставляетъ бабъ водить хороводы, и, въ довершеніе всего, не имѣетъ достаточно денегъ, чтобы переселиться въ городъ и тамъ жить припѣваючи на глазахъ у вышняго начальства?

Я ни въ земство, ни въ мировой институтъ не попалъ, и не только не попалъ, но ни разу даже не полюбопытствовалъ, что̀ дѣлается на съѣздахъ. Какъ-то всегда мнѣ казалось, что незачѣмъ

мнѣ тамъ быть, что я ни курить опміамъ, ни показывать кукишъ въ карманѣ, ни устраивать мосты и перевозы — одинаково неспособенъ, а стало быть...

Повторяю: никто не могъ ясно себѣ представить, зачѣмъ я живу, и вслѣдствіе этого многіе думали и думаютъ, что я злоумышляю.

За всѣмъ тѣмъ я не только живу, но и хочу жить, и даже, мнѣ кажется, имѣю на это право. Не одни умные имѣютъ это право, но и дураки, не одни грабители, но и тѣ, кохъ грабятъ. Пора наконецъ убѣдиться, что ежели отнять право на жизнь у тѣхъ, которыхъ грабятъ, то, въ концѣ концовъ, некого будетъ грабить. И тогда грабители вынуждены будутъ грабить другъ друга, а кабатчики—самолично вынивать все свое вино.

Я хочу жить, несмотря на то, что каждоминутно нахожусь въ ожиданіи, что вотъ-вотъ меня нѣчто слопаетъ. Что именно слопаетъ —я даже не стараюсь догадываться, а прямо огуломъ думаю: „все можетъ слопать“. Ожиданіе это держитъ меня въ хроническомъ безпокойствѣ, заставляетъ смотрѣть на существованіе какъ на что-то до крайности постылое, и все-таки не убиваетъ во мнѣ жажды жизни. Ахъ, эта проклятая жажда жизни! Какимъ образомъ она такъ крѣпко укореняется въ человѣкѣ—я рѣшительно не понимаю, но хочу жить, хочу! Все думается, что какъ-нибудь да вывернусь, то-есть получу возможность приходить въ разрушеніе постепенно, самъ собою, въ силу естественнаго хода вещей... (Какой, однакожъ, идеалъ!) А еще больше думается (и, сознаюсь, не безъ сладкаго трепета думается), что когда-нибудь купецъ Разуваевъ, выведенный изъ терпѣнія задираніемъ моего носа, вдругъ вынетъ изъ кармана кушъ и скажетъ: „получай и уйди съ глазъ долой!“ Господи! вотъ кабы... Какъ бы, однакожъ, Разуваеву при этомъ невзначай не нагрубить—вѣдь онъ, каналья, самолюбивъ! Онъ—самолюбивъ, и я—самолюбивъ: онъ потребуетъ, чтобъ я колѣнцо передъ нимъ выкинулъ; а я—за это ему въ шею! Нѣтъ, ужъ такъ и быть, вытерплю! все вытерплю, даже колѣнцо выкину, лишь бы... И тогда, заполучивъ кушъ, уйду, уйду навсегда! поселюсь въ городѣ, запишусь членомъ въ клубъ и буду каждый вечеръ забавляться въ табельку по четверти копѣйки за пунктъ.

Весь преданный тревогѣ въ ожиданіи начальства, я невольно спрашивалъ себя: „почему же *прежде* никогда этого со мной не бывало? почему я *прежде* не сомнѣвался въ себѣ, а *теперь* — сомнѣ-

ваюсь? почему я *прежде* не предполагалъ, чтобы что-нибудь могло меня слопать, а *теперь*—не только предполагаю, но и всечасно того ожидаю?“ И, по зрѣломъ размышленіи, долженъ былъ дать такой отвѣтъ: „потому что прежде не было раздѣленія людей на благонамѣренныхъ и неблагонамѣренныхъ, на благонадежныхъ и неблагонадежныхъ“.

Понятій такихъ не было; а потому и лицъ, которымъ удобно было бы взвалить на плеча качества, соединенныя съ этими понятіями, не существовало. Была одна маршировка.

Никто не могъ себѣ представить, чтобы на всемъ лицѣ россійской имперіи нашелся человѣкъ, которому можно было бы сознательно присвоить титулъ неблагонамѣреннаго или политически-неблагонадежнаго лица. Не упоминалось ни объ основахъ, ни о краеугольныхъ камняхъ, а слѣдовательно не могло быть рѣчи ни о подкапываніяхъ, ни о потрясаніяхъ. Все такъ естественно стояло на своемъ мѣстѣ, что никому не приходило даже въ голову полюбопытствовать, что̀ тутъ такое стоитъ. Не было повода любопытствовать, да и прихотливыхъ людей почти совсѣмъ не существовало. Всякій проходилъ мимо самыхъ несомнѣнныхъ краеугольныхъ камней точно такъ же бездумно, какъ бездумно проходитъ любой маленькій чиновникъ свой ежедневный крестный путь отъ Несковъ до Главнаго Штаба или Сената. Для этого чиновника достаточно, что улица, по которой онъ проходилъ вчера, существуетъ и нынѣ, и что она, по вчерашнему же, съ обѣихъ сторонъ ограничена домами—стало быть, нѣтъ резона не существовать ей и завтра, и послѣ-завтра, и такъ далѣе безъ конца.

Бывали, правда, и въ то время казнокрады, вымогатели, взяточники; бывали даже люди, позволявшіе себѣ носить волосы болѣе длинные, чѣмъ нужно. Но это были лишь отдѣльныя разновидности одной и той же семьи, существованіе которыхъ не компрометтировало ни основъ, ни краеугольныхъ камней. Или, лучше сказать, это были случайные носители „злой воли“, которые и наказывались, сколько кому надлежитъ, ежели не умѣли хоронить концы въ воду. „Ты казнокралъ—шествуй въ Сибирь; ты отростилъ гриву—садись на гауптвахту“. Но о краеугольныхъ камняхъ не упоминалось, обобщеній не дѣлалось, и стремленія группировать людей на какія-то мнимыя сословія („охранителей“ и „прогрессистовъ“, какъ нѣкогда выразился академикъ Безобразовъ)—не существовало.

Понятно, что при такой простотѣ воззрѣній за глаза достаточно было и куроцановъ, чтобы удовлетворять всѣмъ потребностямъ благоустройства и благочинія. Въ ихъ вѣдѣніи была маршировка; а такъ какъ въ то время все было такъ подстроено, что всякій маршировалъ самъ собой, то куроцаны не суетились, не нюхали, но просто взимали дани, а въ прочее время или безъ просыпу.

Но по мѣрѣ нашего соціальнаго и интеллектуальнаго развитія глаза наши все больше и больше раскрывались. И наконецъ раскрылись до того широко, что мы всю Россію подѣлили на два лагеря: въ одномъ—благонамѣренные и благонадежные, въ другомъ—неблагонамѣренные и неблагонадежные. А такъ какъ это дѣленіе послѣдовало не на основаніи твердыхъ фактическихъ изслѣдованій, а просто явилось отвѣтомъ на требованіе темперамента, взбудораженнаго преимущественно крестьянской реформой, то весьма естественно, что на первыхъ же порахъ произошла путаница.

Наружныхъ признаковъ, при помощи которыхъ можно было бы сразу отличить благонамѣреннаго отъ неблагонамѣреннаго—нѣтъ: ожидать поступковъ—и мѣшкотно, и скучно. А между тѣмъ взбудораженный темпераментъ не даетъ ни отдыха, ни срока, и все подсказываетъ: ищи! Пришлось сказать себѣ, что въ этой крайности имѣется одинъ только способъ выйти изъ затрудненія—это сердцевѣдѣніе.

Явился запросъ на сердцевѣдѣніе—явились и сердцевѣды. Мало того, явились и помощники сердцевѣдовъ изъ числа охочихъ людей, публицисты, кабатчики, мелкіе торгаши, старшины, писаря, церковники...

Все это я выяснилъ себѣ очень хорошо, но, къ сожалѣнію, никакой пользы отъ этихъ разъясненій для себя не извлекъ. Главное, у меня не было увѣренности, что я самъ-то благонамѣренный. То-есть, я-то собственно очень твердо понималъ себя таковымъ, но не зналъ, какъ оно выйдетъ передъ судомъ сердцевѣдѣнія.

Что я имѣлъ поводъ питать въ этомъ отношеніи сомнѣнія—въ этомъ убѣждалъ меня батюшка. Даже и онъ отозвался обо мнѣ какъ-то на-двое. Сначала сказалъ: „доброкачественно“, а потомъ присовокупилъ: „только вотъ свобода“... Только? И это, такъ сказать, съ перваго взгляда, а что же будетъ, если поискать вилотную? Да, „мудрый“ такъ не поведетъ дѣла, какъ я его велъ! „Мудрый“ покажетъ.

что̀ нужно—и сейчасъ въ кусты! А я? Впрочемъ, что̀ же я, въ самомъ дѣлѣ, такое сдѣлалъ?

И ничего, и очень много—какъ посмотрѣть! И пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и какъ будто только вчера—тоже какъ посмотрѣть. Тысяща лѣтъ яко день единъ—для такихъ проказъ, пожалуй, и давности не полагается. „Свобода!“—право, даже смѣшно! Какъ это языкъ у меня повернулся? какъ онъ не отсохъ? А главное, какъ мнѣ не пришло въ голову замѣнить „свободу“—улучшеніемъ быта? А теперь расплачивайся!

И вотъ, несмотря на обнадеживанія батюшки, я безпокойно скитался по аллеямъ своего парка—и сравнивалъ. Сравнивалъ прошедшее съ настоящимъ, маршировку съ сердцевѣдѣніемъ. И дошелъ наконецъ до такого абсурда, что склонился на сторону маршировки...

Наконецъ однажды, поздно вечеромъ, ко мнѣ на мызу прибѣжалъ батюшка и возвѣстилъ: „пріѣхалъ!“

Явился вопросъ объ этикетѣ: кому сдѣлать первый шагъ къ сближенію? И у той, и у другой стороны права̀ были почти одинаковы. У меня было богатое дворянское прошлое, но за то настоящее было плохо и выражалось единственно въ готовности во всякое время слѣдовать куда глаза глядятъ. У „него“, напротивъ, богатое настоящее (всемогущество, сердцевѣдѣніе и пр.), но за то прошлое резюмировалось въ одномъ словѣ: куроцапъ! Надо было устроить дѣло такъ, чтобы ничьему самолюбію не было нанесено обиды.

По всестороннемъ обсужденіи, мы остановились на слѣдующемъ планѣ. И я, и „онъ“ сойдемся въ домѣ батюшки. Завтра, въ одиннадцать часовъ утра, я, *какъ будто гуляя*, зайду къ батюшкѣ, а въ то же время и „онъ“, *какъ будто гуляя*, придетъ туда же. И такимъ образомъ произойдетъ пріятный сюрпризъ.

Все именно такъ и случилось: безъ шума, безъ пререканій, легко, пріятно. Батюшка былъ правъ: нашъ становой не только не напоминалъ собой Савву Оглашеннаго, но даже и на станового почти совсѣмъ не походилъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, сухощавый, легкій на ногу, съ манерами настолько добропорядочными, что, казалось, онъ даже понятія не имѣлъ о сквернословіи. Мундирчикъ (совсѣмъ неожиданнаго для меня покроя) сидѣлъ на немъ какъ выли-

тый, дѣлая на таліи ловкій перехватъ; мнѣ показалось даже, что онъ стукнулъ шпорами, когда я вошелъ. По-французски онъ не говорилъ, но нѣкоторыя русскія слова произносилъ въ носъ, и этимъ вводилъ въ заблужденіе. Сверхъ того, онъ помадилъ волосы и что̀ всего трогательнѣе—назывался Миліемъ Васильичемъ Граціановымъ.

Отнесся онъ ко мнѣ отлично; выразился, что давно искалъ случая со мной познакомиться, и хотя условно, но все-таки призналъ за мной нѣкоторыя литературныя заслуги. Но при этомъ, разумѣется, слегка пожурилъ за то, что я, въ первое время моей литературной дѣятельности, слишкомъ обобщалъ понятіе о куроцанствѣ и даже приписывалъ ему какое-то почти должностное значеніе.

— Быть можетъ, и въ настоящую минуту, видя меня, вы мысленно восклицаете: „вотъ куроцапъ!“—прибавилъ онъ, словно угадывая, что̀ происходило въ глубинахъ моего сердца.

Это было не въ бровь, а прямо въ глазъ, такъ что если бы онъ вздумалъ дать своему вопросу дальнѣйшее развитіе, то я навѣрное бы во всемъ сознался. Но онъ очень мило скользнулъ по моей душевной ранѣ и перешелъ къ другимъ предметамъ. Чрезвычайно умно и тонко отозвался о распоряженіяхъ губернскаго начальства, но не рабольствовалъ заочно, а, напротивъ, заявилъ, что, само начальство „отъ насъ“ рабольства не требуетъ. Сообщилъ, что, по иниціативѣ исправника, становые разъ въ мѣсяцъ собираются въ уѣздный городъ для обмѣна мыслей. На собраніяхъ этихъ, разумѣется, прежде всего читаются указы и предписанія и обсуждаются мѣры къ быстрому, точному и единообразному ихъ выполненію, но, кромѣ того, возбуждаются и нѣкоторые теоретическіе вопросы. Такъ напримѣръ, на послѣднемъ съѣздѣ разсуждалось о томъ, что̀ могутъ означать слова закона: „съ скоростью и строгостью“, и было рѣшено, что это значитъ: немедленно и не ослабляючи. На будущемъ же съѣздѣ предполагаютъ прочитать рефератъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать выраженіе: „по точному онаго разумѣнію“.

— Вообще, я полагаю такъ: мы, становые, обязываемся держаться не буквы, а смысла.—прибавилъ онъ:—и въ этомъ именно заключается отличіе нынѣшней становой системы отъ прежней. Свободы больше! свободы! Чтобъ руки не были связаны! чтобъ для мѣропріятій было больше простору! Воздуху! воздуху больше!

Разумѣется, я только качалъ головою и моргалъ глазами въ

знакъ единомыслія, хотя, признаюсь, когда онъ, подобно народному трибуну, восклицалъ: „свободы больше! свободы!“ —я такъ и думалъ, что голосъ его дрогнетъ. Однако онъ не только произнесъ эти слова совершенно безбоязненно, но какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ свою profession de foi. Заявилъ, что читаетъ „Правительственный Вѣстникъ“ какъ романъ и въ восторгѣ отъ „Сенатскихъ Вѣдомостей“ („только надо умѣть владѣть этимъ орудіемъ“, сказалъ онъ), и затѣмъ нѣсколько неожиданно перешелъ къ перечисленію своихъ губернскихъ начальниковъ, и при каждомъ имени незамѣтно, но несомнѣнно привставалъ на стулѣ, побуждая и насъ дѣлать подобное же движеніе. Потомъ опять перешелъ къ своему личному положенію и отозвался, что хотя онъ и маленькій человѣкъ въ служебной іерархіи, но что и на маленькомъ мѣстѣ можно небольшую пользу государству принести, какъ это уже и предусмотрѣно мудрой русской пословицей, гласящей: „лучше маленькая рыбка, чѣмъ большой таракань“. Что нынче, впрочемъ, различіе между малыми и большими должностями мало-по-малу стирается и всѣ начинаютъ уже понимать, что въ сущности и большіе чины, и малые—всѣ составляютъ одну семью.

— Конечно, покуда это еще идеалъ,—прибавилъ онъ скромно: —но первые шаги къ осуществленію его уже сдѣланы. Не далѣе, какъ недѣлю тому назадъ, встрѣтилъ я на станціи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Фарафонтьева, который прямо сказалъ мнѣ: „ты, братъ, не смущайся тѣмъ, что ты только становой! всѣ мы подъ Богомъ ходимъ!“

Высказавши все это, онъ умолкъ, и батюшка мигнулъ мнѣ, что теперь, дескать, самое время предъявить ему мое сердце. Но такъ какъ въ выслушанной мною исповѣди заключалось еще нѣсколько не совсѣмъ ясныхъ для меня пунктовъ, то я и рѣшился предварительно предложить нѣкоторые вопросы.

— Вы прекрасно очертили теоретическую сущность современной становой системы,—сказалъ я.—Откровенное отношеніе къ начальству: быстрое, точное и притомъ однообразное выполненіе предписаній: разъясненіе недоумѣній, возбуждаемыхъ выраженіями, въ родѣ: „по точному онаго разумѣнію“; стремленіе къ расширенію свободы мѣропріятій—это картина несомнѣнно грандіозная, достойная кисти великаго художника. Тѣмъ не менѣе это все-таки только идеалы или, лучше сказать, свѣточи, освѣщающіе становой путь... Къ сожалѣнію,

на этомъ пути встрѣчаются обыватели, для которыхъ собственно эти идеалы и сочиняются. А такъ какъ къ числу обывателей принадлежу и я, то естественно меня должно интересовать, какъ относится становая практика къ этимъ бѣднымъ людямъ, которые, нерѣдко сами того не сознавая, могутъ представлять весьма серьезныя препятствія для самыхъ непоколебимыхъ становыхъ идеаловъ? Чего требуете вы отъ нихъ?

— Что касается до меня,—отвѣтилъ онъ:—то я понимаю свои обязанности къ обывателямъ такъ: во-первыхъ, образовать въ средѣ управляемыхъ мною вѣрныхъ исполнителей предначертаній и, во-вторыхъ,—укоренить въ нихъ любовь къ труду. Только и всего.

— Понимаю. Такова, безспорно, воспитательная сторона становой практики. Но рядомъ съ нею, къ сожалѣнію, мы проводимъ и сторону пресѣкательную. Встрѣчаются, по временамъ, субъекты, которые намѣренно... а впрочемъ большею частью ненамѣренно... ускользаютъ отъ воспитательнаго воздѣйствія, и, разумѣется, навлекаютъ этимъ на себя гнѣвъ... Какимъ образомъ, то-есть съ какою степенью строгости предполагаете вы поступать относительно ихъ?

Онъ на мгновеніе вперилъ въ меня испытующій взоръ, но, не желая вѣроятно, для перваго знакомства, подвергать меня взысканію, — отвѣтилъ сурово:

— Я полагаю сихъ вредныхъ членовъ отсѣкать-съ.

— Совершенно понимаю. Но вѣдь для того, чтобъ отсѣчь какъ слѣдуетъ, необходимо предварительно ихъ уличить...

— Съумѣемъ и это-съ.

— Стало быть, вы будете ожидать поступковъ?

— Не думаю-съ.

— Будете читать въ сердцахъ?

— Всенепремѣнно-съ.

Тогда произошло во мнѣ нѣчто чудное и торжественное: я вдругъ почувствовалъ, что все мое существо сладко заволновалось! И не скажу, чтобъ это было раскаяніе—нѣтъ, не оно!—а скорѣе всего какое-то безграничное, неудержимое, почти дѣтское довѣріе! Приди и вижды!

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ предъявить вамъ (мое сердце!—воскликнулъ я, устремляясь впередъ и чуть не захлебываясь отъ наплыва чувствъ.

Я высказалъ это такъ искренно, что батюшка нѣсколько разъ сряду одобрительно кивнулъ мнѣ головою, а у матушки даже дрогнули на глазахъ слезы. Онъ самъ не выдержалъ, взялъ меня за руку и, ничего еще не видя, крѣпко сжалъ ее.

— Прежде всего, —продолжалъ я: —сознаюсь въ нижеслѣдующемъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ я занимался „благими исканіями“ и при этомъ неподлежательно и дерзостно призывалъ меньшую братію къ общенію.

— Почему же „неподлежательно“?—перебилъ онъ меня мягко и какъ бы успокоивая. -По моему, и „общеніе“... почему же и къ нему не прибѣгнуть, ежели оно, такъ сказать... И меньшаго брата можно приласкать... Ну, а надоѣлъ—не прогнѣвайся! Вообще я могу васъ успокоить, что нынче словъ не боятся. Даже сквернословіе, доложу вамъ—и то не признается вреднымъ, ежели оно выражено въ приличной и почтительной формѣ. Дѣло не въ словахъ собственно, а въ тайныхъ намѣреніяхъ и помышленіяхъ, которыя слова за собою скрываютъ.

— Вы слишкомъ добры,—отвѣтилъ я.—Я самъ прежде такъ думалъ, но нынѣ разсудилъ, что даже такое выраженіе, какъ „кимвалъ бряцающій“—и то можетъ быть употребляемо лишь въ крайнихъ случаяхъ и съ такою притомъ осмотрительностью, дабы не вводить въ соблазнъ! Вотъ каковъ мой нынѣшній образъ мыслей!

— Вообще — это правило, конечно, заслуживаетъ полнаго одобренія, но въ частности я нахожу, что и въ похвальныхъ чувствахъ необходимо соблюдать извѣстную сдержанность и не утаивать отъ начальства выраженій, сокрытіе которыхъ, съ одной стороны, могло бы поставить его въ недоумѣніе, а съ другой—свидѣтельствовало бы о недостаткѣ къ нему довѣрія. Напримѣръ, вы сказали сейчасъ: „кимвалъ бряцающій“ — какое это прекрасное выраженіе! а между тѣмъ, благодаря недостатку откровенности, очень можетъ быть, что оно начальству даже и теперь неизвѣстно! А впрочемъ, повторяю: все зависитъ отъ того, въ чемъ заключались ваши филантропическія затѣи. Прошу продолжать—я весь вниманіе.

— Во-первыхъ, я, ничего не понимаючи и безъ всякаго на то уполномочія, ежечасно, ежеминутно болталъ о свободѣ...

— О свободѣ-съ? зачѣмъ-съ? —переспросилъ онъ меня нѣ-

сколько удивленно, но впрочемъ и на этотъ разъ, ради перваго знакомства, удержался отъ взысканія.

— Да, о свободѣ. И это происходило какъ разъ во время крестьянской эмансипаціи. При семъ я, однакожъ, присовокуплялъ, что истинная свобода должна быть ограничена: въ настоящемъ—уплатой оброковъ, а въ будущемъ—взносомъ выкупныхъ платежей. И что ежели все это не будетъ выполняемо своевременно и бездоимочно, то свобода перейдетъ въ анархію, а анархія — въ военную экзекуцію.

— Что-жъ! по моему, это толкованіе „свободы“ правильное, и я думаю, что его приличнѣе назвать даже „содѣйствіемъ“... Съ своей стороны, я готовъ доложить господину исправнику...

— Не въ томъ дѣло. Я и самъ знаю, что лучше этого толкованія желать нельзя! Но... „свобода“! вотъ въ чемъ вопросъ! Какое основаніе имѣлъ я (не будучи развращенъ до мозга костей) прибѣгать къ этому слову, коль скоро есть выраженіе, вполнѣ его замѣняющее, а именно: улучшеніе быта?

— „Улучшеніе быта“? — вопросительно повторилъ онъ и затѣмъ ласково посмотрѣлъ на меня и махнулъ рукой, какъ бы говоря: твоя наивность приводитъ меня въ восхищеніе!—Продолжайте пожалуйста!—предложилъ онъ.

— И еще я, тоже не понимаючи, утверждалъ, что необходимо дать дѣлу такое направленіе, чтобы, съ одной стороны, крестьянинъ сейчасъ же почувствовалъ, а съ другой—помѣщикъ сколь возможно меньше ощутилъ.

— Ну, такъ что-же-съ?—перебилъ онъ, уже совсѣмъ изумляясь.

— Извините меня, но *теперь* я совсѣмъ не такъ думаю. Теперь, напротивъ, я убѣжденъ, что необходимо такъ дѣйствовать, чтобы ни крестьянинъ, ни помѣщикъ — никто не почувствовалъ и не ощутилъ! вотъ мой образъ мыслей—*теперь!*

Онъ на минуту сдѣлался серьезенъ; потомъ протянулъ мнѣ руки и сказалъ:

— Вы правы. Вы угадали мою мысль.

— Очень счастливъ. Но ежели за мои тогдашнія затѣи мнѣ суждено отвѣтствовать по всей строгости законовъ, то могу ли я, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что настоящая перемѣна въ моемъ образѣ мыслей будетъ принята во вниманіе?

— Ежели эта перемѣна искренняя, то несомнѣнно будетъ. Въ этомъ я вамъ ручаюсь! я доложу, и даже, въ случаѣ надобности... Но продолжайте, прошу васъ.

— И еще я утверждалъ, что необходимо поднять духъ обывателей...

— Зачѣмъ-съ?

— Затѣмъ, во-первыхъ, дабы содѣлать этотъ духъ способнымъ къ воспріятію начальственныхъ мѣропріятій, и, во-вторыхъ, затѣмъ, чтобы, закаливъ оный, сообщить ему ту непоколебимость, которая необходима въ видахъ перенесенія бѣдствій.

— Вы и теперь настаиваете на этой мысли?—спросилъ онъ, какъ бы опечаленный неожиданнымъ открытіемъ, которое въ ближайшемъ будущемъ, быть можетъ, поставитъ его въ необходимость дѣйствовать относительно меня съ скоростью и строгостью.

— Нѣтъ, не настаиваю,—отвѣчалъ я:—ахъ, да и могу ли я на чемъ-нибудь настаивать! Что мы такое? Временные путники въ этой юдоли—и больше ничего? Нѣтъ, я не настаиваю, хотя признаюсь откровенно, что предметъ этотъ и теперь не настолько для меня ясенъ, чтобъ я не нуждался въ начальственныхъ указаніяхъ. Вотъ объ этихъ-то указаніяхъ я и прошу васъ, причемъ, конечно, заранѣе даю обязательство, что съ полнымъ довѣріемъ подчинюсь всякому рѣшенію, которое вамъ угодно будетъ произнести.

— Въ такомъ случаѣ скажу вамъ слѣдующее: лучше не поднимать! Ни духа, ни вообще... ничего! Конечно, намѣренія ваши не были вполнѣ противозаконны, но, знаете ли, самое слово: „поднять“... „Поднять“ — всяко можно... понимаете: поднять! Нѣтъ, ужъ пожалуста! пускай это праздное слово не омрачаетъ воспоминанія о свѣтлыхъ минутахъ, которыя мы провели при первомъ знакомствѣ съ вами! Выкиньте его изъ головы!

— Выкину и никогда къ нему не возвращусь!

— И съ Богомъ. Дальше-съ.

— И еще я утверждалъ — это происходило, когда объявили свободу винную,—что съ полуграмъ надо обращаться осмотрительно, не начинать прямо съ цѣлаго штофа, но постепенно подготовлять себя къ оному, сначала выпивая рюмку, потомъ двѣ рюмки, потомъ стаканъ и т. д. Не смѣю скрыть, что этой филантропической вы-

думкой я возбудилъ противъ себя неудовольствіе всѣхъ господъ кабатчиковъ.

— Гм... кабатчиковъ... Это, я вамъ доложу, серьезно!

— Неужели даже серьезнѣе, нежели...

— Да-съ, серьезнѣе. Не думайте однакожъ, чтобъ я покровительствовалъ пьяницамъ—нѣтъ, я имъ не потатчикъ! Но кабатчики —это совсѣмъ другое дѣло? Вы, господа обыватели, смотрите на вещи съ точки зрѣнія слишкомъ исключительной! вы моралисты— и ничего больше. Мы, становые, поставлены въ этомъ случаѣ въ положеніе болѣе благопріятное: мы относимся къ явленіямъ съ точки зрѣнія государственной. Но, сверхъ того, мы имѣемъ и нѣкоторыя особливыя указанія. Поэтому вы можете смѣло повѣрить мнѣ на-слово, если я вамъ скажу: не раздражайте! не раздражайте господъ кабатчиковъ, ибо въ настоящее время на нихъ покоятся всѣ наши упованія!

— Вотъ и я имъ тоже говорилъ, что раздражать не слѣдуетъ, —откликнулся съ своей стороны батюшка.

— Не раздражайте! — продолжалъ Граціановъ, постепенно возвышая голосъ: — потому что даже я не могу поручиться, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести подобный необдуманный образъ дѣйствія. Не раздражайте, потому что, наконецъ, я не имѣю права потерпѣть, чтобы въ районѣ моего вѣдомства кто бы то ни было потрясалъ силу и авторитетъ патента! И не потерплю-съ.

Онъ не выдержалъ и, поднявъ вверхъ указательный палецъ, слегка помахалъ имъ около моего носа.

— Надѣюсь, что вы раскаиваетесь?— продолжалъ онъ, нѣсколько понизивъ тонъ, но все еще строго.

— Раскаиваюсь. — отвѣчалъ я: — но боюсь, что репутація моя въ глазахъ господъ кабатчиковъ настолько уже подорвана, что самое раскаяніе мое...

— Это я берусь устроить,—сказалъ онъ уже совсѣмъ снисходительно: — насъ, представителей правящихъ классовъ общества, такъ немного въ этой глуши, что мы должны дорожить другъ другомъ. Мы будемъ собираться и проводить вмѣстѣ время—и тогда сближеніе совершится само собою. Ну, а затѣмъ-съ... Не знаете ли вы и еще чего-нибудь за собою?

— Кажется, все. Но впрочемъ, если бы что-нибудь умалилъ

или совѣмъ изъ вида упустилъ, то заранѣе каюсь: во всемъ, во всемъ грѣшенъ.

— А я—заранѣе разрѣшаю и отпускаю...

Эта снисходительность до того меня раскуражила, что я уже осмѣлился прямо поставить вопросъ такъ:

— Стало быть, я могу надѣяться, что жизнь моя не будетъ неожиданнымъ образомъ прервана?

Онъ подумалъ немного, но затѣмъ твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ сказалъ:

— Можете!

Это было даже болѣе, нежели я желалъ. Послѣ того разговоръ уже продолжался только для проформы.

Въ заключеніе, онъ крѣпко пожалъ мою руку и даже чуть-чуть не поцѣловалъ меня. Но, поколебавшись съ минуту, казалось, сообразилъ, что еще недостаточно испыталъ меня, и потому отложилъ выполненіе этого обряда до болѣе благопріятнаго времени.

— А теперь прощайте, господа!—сказалъ онъ, вставая:—и да хранитъ васъ Богъ. Если же вы желаете узнать ближе мои воззрѣнія на предстоящія мнѣ обязанности, также какъ и на ту роль, которая отведена въ этихъ воззрѣніяхъ обывателямъ ввѣреннаго мнѣ стана, то прошу пожаловать завтра, въ девять часовъ утра, въ становую квартиру. У меня будетъ пріемъ урядниковъ.

Разумѣется, мы съ радостью согласились, и затѣмъ, вмѣстѣ съ батюшкой, проводили его до квартиры. Я чувствовалъ, что съ моей души скатилось бремя, и потому весело и проворно шлепалъ по грязи. Мысль, что нашъ путь лежитъ мимо кабака купца Прохорова и что послѣдній увидитъ насъ дружески бесѣдующими, производила во мнѣ нѣчто въ родѣ сладкаго опьяненія. Наконецъ я не выдержалъ, и изъ глубины души моей вылетѣлъ вопросъ:

— Милій Васильичъ! да скажите же наконецъ, въ какомъ заведеніи вы получили воспитаніе?

На что онъ скромно отвѣтилъ:

— Я получилъ воспитаніе очень недостаточное и именно въ училищѣ для дѣтей канцелярскихъ служителей. Но по выпускѣ изъ онаго я поступилъ въ губернаторскую канцелярію и тамъ, видя ежедневно чиновниковъ особыхъ порученій его превосходительства, съумѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы усовершенствовать свои манеры. И вотъ,

какъ видите... Что же касается до моихъ воззрѣній на жизнь и міръ, то я почерпалъ ихъ изъ предписаній и циркуляровъ моего начальства.

— Не можетъ быть! извините меня, но, право, глядя на васъ, я думалъ: навѣрное, онъ получилъ воспитаніе... ну, по малой мѣрѣ, въ заведеніи Марцинкевича!

Онъ выслушалъ это предположеніе съ удовольствіемъ, но при этомъ очень мило погрозилъ мнѣ пальцемъ, какъ бы говоря: льстецъ!

— —

Вотъ рѣчь, которую онъ произнесъ, въ нашемъ присутствіи, урядникамъ, собравшимся на другой день утромъ на дворѣ становой квартиры:

„Господа урядники! я собралъ васъ здѣсь, прежде всего, чтобы заявить во всеуслышаніе, что горжусь вами. Причемъ, конечно, ожидаю, что и вы, въ свою очередь, будете мною гордиться.

„Только взаимное и непрерывное горженіе другъ другомъ можетъ облагородить насъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ; только оно можетъ сообщить соотвѣтствующій блескъ нашимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ. Видя, что мы гордимся другъ другомъ, и обыватели начнутъ гордиться нами, а со временемъ, быть можетъ, перенесутъ эту гордость и на самихъ себя. Ибо ничто такъ не возвышаетъ духъ обывателей, какъ видъ гордящихся другъ другомъ начальниковъ!

„Въ этомъ заключается весь секретъ исторіи!

„Затѣмъ я считаю нелишнимъ изложить передъ вами вкратцѣ мой взглядъ на ваши обязанности. Прошу выслушать меня внимательно.

„Во-первыхъ, вы должны знать *все*, что дѣлается въ вашихъ сотняхъ, потому что, только зная *все*, вы получите возможность обо *всемъ* доводить до моего свѣдѣнія. Я же обязанъ знать *все*, потому что, въ противномъ случаѣ, многое осталось бы мнѣ неизвѣстнымъ, чего я ни подъ какимъ видомъ допустить не могу.

„Чтобы знать *все*, нѣтъ никакой необходимости во вмѣшательствѣ какихъ-либо сверхъестественныхъ или волшебныхъ силъ. Достаточно имѣть острый слухъ, воспособляемый не менѣе острымъ зрѣніемъ—и ничего больше. Въ западной Европѣ давно уже съ успѣхомъ пользуются этими драгоцѣнными орудіями, а по примѣру Европы

и въ Америкѣ. У насъ же, при чрезвычайной простотѣ устройства нашихъ жилищъ, было бы даже непростительно пренебречь сими дарами природы.

„Но тамъ, гдѣ слухъ и зрѣніе оказались бы недостаточными, немаловажнымъ подспорьемъ можетъ послужить цѣлесообразная и строго обдуманная система вопросовъ, которую я назвалъ бы системою вопрошенія. Такъ напримѣръ, ежели вы встрѣчаете идущаго по улицѣ односельца, то первый и самый естественный вопросъ долженъ быть таковъ: куда идешь? Если же вы встрѣчаете на улицѣ не односельца, но лицо неизвѣстнаго происхожденія, то, кромѣ этого вопроса, надлежитъ предлагать еще слѣдующіе: откуда? зачѣмъ? гдѣ былъ вчера? покажи, что несешь? кто въ твоей мѣстности сотскій, староста, старшина, господинъ становой приставъ? И замѣтьте, господа, никто не вправѣ уклоняться отъ отвѣтовъ на ваши вопросы, ибо фактъ уклоненія уже самъ по себѣ составляетъ неповиновеніе властямъ. Но, кромѣ того, онъ означаетъ и косвенное признаніе не вполнѣ чистыхъ намѣреній уклоняющагося. Невинный человѣкъ отвѣчаетъ немедленно, не ожидая подзатыльника; отвѣчаетъ быстро, порывисто, отчетливо, твердо, звонко. Напротивъ того, человѣкъ, за которымъ водятся грѣшки, даже и по полученіи подзатыльника, путается, отвѣчаетъ уклончиво, неохотно, а иногда прямо съ дерзостью говоритъ: не твое дѣло! Таковыхъ надлежитъ, безъ потери времени, взявъ за карауль, представлять по начальству, для изслѣдованія.

„Господа! я не безъ намѣренія остановился на этомъ предметѣ больше чѣмъ нужно, ибо онъ есть фундаментъ, на которомъ зиждется наша становая внутренняя политика. Съ помощью системы вопрошенія, а также при посредствѣ слуха и зрѣнія... а быть можетъ, и обоянія... мы получаемъ такой богатый запасъ свѣдѣній и матеріаловъ, который стоитъ только надлежащимъ образомъ обработать, чтобы передъ нами предстала картина современнаго быта, такая картина, которая заставитъ содрогнуться начальственныя сердца. И такъ, сначала напишемъ эту картину—и чѣмъ смѣлѣе, тѣмъ лучше—а затѣмъ, разумѣется, подумаемъ и о томъ, какъ слѣдуетъ поступить, дабы превратить ея неблагонамѣренное содержаніе въ благонамѣренное. Имѣя ее въ виду, мы бодро пойдемъ на встрѣчу злоумышленію, и ежели находящаяся въ нашихъ рукахъ аріаднина нить приведетъ насъ къ дверямъ логовища, то ужъ, конечно, не для того,

чтобъ осрамиться въ немъ, но для того, чтобы несомнѣнно и неминуемо обрѣсти поличное!

„Вторая ваша обязанность заключается въ слѣдующемъ: вы должны употребить всѣ усилія, чтобы обыватели содѣйствовали вамъ. Чтобы достичь этого, вы можете воспользоваться всѣми имѣющимися у васъ преимуществами власти, начиная съ увѣщаній и кончая требованіями, не терпящими возраженій. Вы можете, въ случаѣ надобности, даже употребить мое имя. Помните, господа, что содѣйствіе, о которомъ я говорю, намъ безусловно необходимо. Какъ это ни больно для нашего самолюбія, но должно сознаться, что если мы не будемъ имѣть приспѣшниковъ въ обывательской средѣ, то не исполнимъ и малой доли тѣхъ задачъ, кои намъ предстоятъ. Это одна изъ тѣхъ печальныхъ истинъ, съ которыми мы сразу должны примириться, съ тѣмъ, чтобы потомъ и не возвращаться къ нимъ. Но, называя этотъ фактъ печальнымъ, я въ то же время имѣю право назвать его и радостнымъ, потому, во-первыхъ, что онъ вводитъ насъ въ общеніе съ обывателемъ, а во-вторыхъ, и потому, что дѣлаетъ сего послѣдняго нашимъ соучастникомъ. Я согласенъ, что онъ умаляетъ тотъ ореолъ всемогущества, которымъ мы были бы окружены, еслибы обладали таковымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ограждаетъ насъ отъ злорѣчія и гласитъ во всеуслышаніе о чистотѣ нашихъ намѣреній. И, вдобавокъ, даетъ намъ случай дѣлать полезныя наблюденія и надъ самими содѣйствующими.

„Но содѣйствіе, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ быть троякаго рода. Во-первыхъ, содѣйствіе дѣйствительное, плодоносящее и безусловно полезное; во-вторыхъ, содѣйствіе не особенно полезное, но и не вредное; и въ-третьихъ, содѣйствіе положительно вредное.

„Дѣйствительнаго и истинно плодотворнаго содѣйствія вы можете ожидать по преимуществу отъ господъ кабатчиковъ. Я говорю это прямо и смѣло, хотя и знаю, что у насъ принято называть это занятіе зазорнымъ. Я не раздѣляю этого предубѣжденія, и слѣдовательно не могу допустить, чтобы его раздѣляли и вы. На свѣтѣ нѣтъ зазорныхъ ремеслъ, ибо всякое ремесло вызывается насущною потребностью въ немъ. Господа кабатчики, независимо отъ ихъ личной и всегда несомнѣнной благонадежности, драгоцѣнны еще и въ томъ отношеніи, что они находятся въ непрерывномъ и тѣсномъ общеніи съ представителями самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Въ кабакъ

стремятся всѣ. Туда идетъ и добродѣтельный человѣкъ, и злодѣй, и мирный земледѣлецъ, и храбрый воинъ, и помѣщикъ, и золотарь. Выпивши добрую рюмку водки, человѣкъ дѣлается наклоннымъ къ сообщительности, а выпивши двѣ таковыхъ, онъ уже мало-по-малу начинаетъ давать этой наклонности ходъ. Еще стаканъ—и онъ готовъ. Спрашиваю васъ: кто изъ присутствующихъ при этихъ метаморфозахъ можетъ быть названъ достовѣрнымъ ихъ свидѣтелемъ? — и съ увѣренностью отвѣчаю: кабатчикъ и только кабатчикъ! Все кругомъ пьяно; даже сотскій, скромно тутъ же сидящій, не всегда находится на высотѣ своего призванія: одинъ кабатчикъ всегда и неизмѣнно трезвъ. Онъ трезвъ, потому что долженъ удовлетворять разнообразнымъ требованіямъ потребителей: онъ трезвъ, потому что такова задача его занятія. Однимъ словомъ, онъ трезвъ. Онъ одинъ имѣетъ возможность трезвенно проникать въ глубины человѣческихъ сердецъ: онъ одинъ твердою рукою держитъ всѣ нити злоумышленій, какъ приведенныхъ уже въ исполненіе, такъ и проектируемыхъ въ ближайшемъ будущемъ. Вотъ почему мы такъ часто находимъ въ кабакахъ цѣлые склады краденыхъ вещей. Но потому же самому мы обязаны отъ времени до времени прощать кабатчику его поползновенія къ сбыту таковыхъ вещей и видѣть въ немъ дарованное намъ орудіе, которое, при добромъ руководительствѣ, можетъ не только облегчить нашъ трудъ неожиданными откровеніями, но и сообщить изысканіямъ нашимъ совершенно непредвидѣнное направленіе.

„Не особенно полезнаго, однакожъ и не вреднаго содѣйствія вы можете ожидать отъ господъ бывшихъ помѣщиковъ, нынѣ скромно именующихъ себя землевладѣльцами. Свѣдѣнія, добываемыя этимъ путемъ, представляютъ по преимуществу плодъ досужей говорливости, и потому должны быть принимаемы лишь съ крайнею разборчивостью. Но, будучи очищены отъ того, что въ нихъ есть неожиданнаго и явно ненмовѣрнаго, и они могутъ по временамъ проливать лучъ свѣта на такія извилины человѣческаго сердца, которыя, безъ легкомысленнаго указанія, могли бы остаться навсегда закрытыми для нашего наблюденія.

„Затѣмъ остается еще третьяго рода содѣйствіе, о которомъ я говорю лишь съ болью на сердцѣ, и которое я уже ранѣе назвалъ прямо вреднымъ. Господа! я не нахожу достаточно словъ, чтобы предостеречь васъ отъ услугъ и предложеній сихъ содѣйствователей, и,

дабы вы умѣли отличить ихъ, скажу вкратцѣ объ ихъ происхожденіи. Въ послѣднія пятнадцать-двадцать лѣтъ, вмѣстѣ съ успѣхами наукъ и развитіемъ формъ общежитія, у насъ появился особенный классъ злонамѣренныхъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ газетчиковъ и сочинителей. Профессія эта главнымъ образомъ направлена къ тому, чтобы разнообразными путями вводить становыхъ приставовъ въ заблужденіе, съ цѣлью испытанія ихъ способностей, а также и для осмѣянія ихъ нравовъ вообще. Люди эти иногда очень серьезно сообщаютъ намъ различныя какъ бы полезныя указанія и даже предлагаютъ проекты реформъ и законоположеній, которыя мы тоже, по чистотѣ нашей, принимаемъ за полезныя, но на днѣ которыхъ—увы! —лежитъ одна жестокая насмѣшка. Въ большей части случаевъ они дѣйствуютъ на насъ не прямо, а посредствомъ опубликованія аллегорій, но тѣмъ успѣшнѣе увлекаютъ въ соблазнъ и опутываютъ насъ своими сѣтями. Есть множество сочиненій, написанныхъ единственно съ цѣлью обмана, но при томъ съ такимъ сатаническимъ искусствомъ, что чины, дѣйствующіе вдали отъ административныхъ центровъ и, такъ сказать, предоставленные самимъ себѣ, ничего не въ состояніи различить. Увлекаясь прекраснымъ слогомъ сихъ книгъ, они съ точностью слѣдуютъ злодѣйскимъ совѣтамъ, въ нихъ изложеннымъ, и ожидаютъ за сіе отъ начальства наградъ. Каково же бываетъ ихъ горестное изумленіе, когда, вмѣсто награды, изъ губерніи получается переводъ въ другой станъ, а иногда и предложеніе подать просьбу объ отставкѣ! Къ сожалѣнію, я говорю объ этомъ по опыту, ибо самъ двукратно былъ вводимъ подобнымъ образомъ въ заблужденіе. Однажды, когда, прочитавъ въ одномъ сочиненіи составленный якобы нѣкоторымъ городничимъ „Уставъ о печеніи пироговъ“, я въ подражаніе оному написалъ: „Правила о томъ, въ какіе дни и съ какимъ масломъ надлежитъ вкушать блины“, и въ другой разъ, когда, прочитавъ, какъ одинъ городничій на всѣ представленія единообразно отвѣчалъ: „не потерплю!“ и „разворю!“—я, взявъ онаго за образецъ, тоже упразднилъ словесныя изъясненія и замѣнилъ оныя звукоподражательностью. И въ оба раза, вмѣсто награды, я получилъ отъ начальства выговоръ, съ таковымъ при томъ внушеніемъ, что книжками этого рода слѣдуетъ пользоваться лишь для того, чтобы поступать какъ разъ въ противоположность содержащимся въ нихъ указаніямъ! Вотъ почему я и предостерегаю васъ, господа урядники! Будьте во-

обще осторожны въ выборѣ вашихъ руководителей, но въ особенности опасайтесь льстивыхъ сочинительскихъ приманокъ, погоня за коими можетъ ревностнаго урядника довести до изступленія!

„Третья ваша обязанность заключается въ наблюденіи за цѣлостью и неприкосновенностью нашихъ краеугольныхъ камней. Вы знаете, о чемъ я говорю. Многіе утверждаютъ, что камни сіи суть лишь недавнее изобрѣтеніе становыхъ приставовъ, но вѣдь для насъ важно не то, когда и кѣмъ что̀ изобрѣтено, а то, что изобрѣтенное получило надлежащій ходъ и что, слѣдовательно, сила его для всѣхъ обязательна. Вы знаете эти камни, господа. Вы сами обладаете собственностью, сами имѣете семейства, чтите начальство, ходите въ храмъ Божій, такъ что еслибъ вы не были урядниками, то я сказалъ бы вамъ: идите, добрые люди, съ миромъ, и Богъ да поддержитъ васъ въ вашихъ похвальныхъ начинаніяхъ! Но въ качествѣ урядниковъ вы не имѣете права довольствоваться личнымъ выполненіемъ предписаній долга, но обязываетесь требовать, чтобъ и другіе съ тою же мужественною непоколебимостью шли по стезѣ добродѣтели. Потому я приглашаю васъ, а въ крайнемъ случаѣ даже приказываю дѣйствовать въ этомъ смыслѣ съ неукоснительностью и неуклонностью. Само собою однакожъ разумѣется, что если бы въ районѣ вашихъ дѣйствій находились лица, не имѣющія собственности, то нѣтъ нужды заставлять ихъ пріобрѣтать земли или дома, но вы можете и даже должны требовать, чтобы лица эти, взамѣнъ обладанія собственностью, утѣшали себя уваженіемъ таковой.

„Въ-четвертыхъ, я желалъ бы, чтобъ вы какъ можно дѣятельнѣе сносились между собой и сообщали другъ другу результаты вашихъ личныхъ наблюденій. А еще лучше бы, если бы вы, хотя разъ въ мѣсяцъ, собирались здѣсь, у меня, для совмѣстнаго обсужденія возникающихъ въ вашей практикѣ вопросовъ и для полученія отъ меня обязательныхъ для васъ разрѣшеній и наставленій. Господа! я самъ ничего больше, какъ первый урядникъ ввѣреннаго мнѣ стана, и хотя въ качествѣ станового пристава стою во главѣ вашей дружины, но пользуюсь моимъ титуломъ лишь для того, чтобы, подобно недавно встрѣтившемуся со мной на станціи генералу Фарафонтьеву, объявить вамъ: и я, и вы—одна семья! Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, всѣ тщетно спрашиваемъ себя: что̀ сей сонъ значитъ? Будемъ

же дѣйствовать единодушно и единомысленно и встанемъ грудью противъ общаго врага!

„За симъ, что касается до прочихъ обывателей, то прошу васъ дать мнѣ время осмотрѣться, прежде нежели я рѣшу, какъ съ ними поступить. Теперь же скажу кратко: есть обыватели *благо*намѣренные и есть *неблаго*намѣренные, есть *благо*надежные и есть *неблаго*надежные. Подобно тому, какъ и государства: бываютъ государства *благо*устроенныя, но бываютъ и совсѣмъ разстроенныя. Все это, конечно, выяснится по мѣрѣ ознакомленія моего съ здѣшнею мѣстностью; а до тѣхъ поръ предлагаю вамъ одно: дѣйствуйте неукоснительно, но приберегите рѣшительный натискъ, покуда я, обнаживъ мечъ, не встану передъ вами съ кличемъ: горе строптивымъ!

„Вотъ все, что я имѣлъ вамъ сказать для перваго знакомства. Кажется, не забылъ ничего. Но если бы вы встрѣтили въ моихъ словахъ поводъ для превратныхъ толкованій, то прошу обращаться ко мнѣ за разъясненіями: двери моей квартиры всегда будутъ открыты для васъ. Мнѣ даже пріятно будетъ васъ видѣть сколь возможно чаще, потому что урядникъ, въ ожиданіи разъясненій, можетъ помочь моей прислугѣ нарубить дровъ, поносить воды и вообще оказать услугу по домашнему обиходу.

„Прощайте, господа! Передайте мой привѣтъ сотскимъ, и да благословитъ Богъ наши общія начинанія!

„Господа разсыльные! покажите примѣръ!“

По этому слову произошло нѣчто умилительное. Разсыльные, въ числѣ шести человѣкъ, взялись за руки и стройно запѣли „ура“: урядники подхватили. Мы (я, батюшка и трое кабатчиковъ), стоявшіе тутъ въ качествѣ посторонихъ зрителей, тоже увлеклись, и, взявши другъ друга за руки, съ пѣніемъ „ура“, три раза прошлись взадъ и впередъ по селу.

Въ этотъ день кабатчикъ Прохоровъ безвозмездно угощалъ урядниковъ огурцами и квасомъ.

Замѣчательно, что тотъ же Прохоровъ, разставаясь со мною и намекая на то мѣсто въ рѣчи станового пристава, гдѣ говорилось о троякаго рода содѣйствіи, сказалъ:

— А васъ, господинъ, по второму нумеру зачислили!

— А можетъ случиться, что и по третьему!—не безъ ехидства

присовокупилъ присутствовавшій при этомъ другой кабатчикъ, купецъ Колупаевъ.

Хотя мнѣнія кабатчиковъ и не имѣли въ данномъ случаѣ официальнаго характера, но нервы мои были до того возбуждены, что мнѣ почудилась въ нихъ цѣлая программа. Въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, по какому нумеру зачислилъ меня Граціановъ: по второму или по третьему? На первый нумеръ я, конечно, и самъ не претендовалъ—куда ужъ мнѣ за кабатчиками гнаться—по вотъ во второй... ахъ, хорошо, кабы во второй попасть! И вдругъ—въ третій!!! Правда, онъ самъ далъ мнѣ слово, что жизнь моя не будетъ неожиданнымъ образомъ прервана, но вѣдь не даромъ гласитъ исторія, что по нуждѣ и закону премѣна бываетъ—кто же можетъ поручиться, что и относительно меня не представится такой нужды?

Подъ вліяніемъ этой горькой мысли я началъ задумываться и хирѣть, и все чаще и чаще обращалъ взоры въ ту сторону, гдѣ благоденствовалъ безпечальный купецъ Разуваевъ. Вотъ кабы сбыть ему Монрепо и со всѣми потрохами: и съ земскимъ цензомъ, и съ политическимъ будущимъ, и съ перспективою пользоваться дружескимъ расположеніемъ станового пристава! Вотъ такъ бы штука была!

Между тѣмъ Граціановъ не только не лишалъ меня своего покровительства, но все больше и больше сближался со мною. Обыкновенно онъ приходилъ ко мнѣ обѣдать и въ это время обмѣнивался со мной мыслями по всѣмъ отраслямъ сердцевѣдѣнія, причемъ каждый разъ обнадеживалъ, что я могу смѣло быть съ нимъ откровеннымъ и что вообще, покуда онъ тутъ, я не имѣю никакого основанія трепетать за свое будущее.

Я долженъ сказать правду, что собесѣдникъ онъ былъ вообще чрезвычайно пріятный. Не вдругъ раскрылъ онъ мнѣ свою душу, но все-таки сразу далъ понять, что онъ либералъ, а иногда даже обнаруживалъ такоеареніе, что я подлинно изумлялся смѣлости его мыслей. Такъ напримѣръ, однажды онъ спросилъ меня, какъ я думаю, не пора ли переименованіе квартальныхъ надзирателей въ околоточные распространить на всѣ вообще города и мѣстечки имперіи, и когда я отвѣтилъ, что нахожу эту мѣру преждевременною, то онъ съ большою силою и настойчивостью возразилъ: „а я такъ думаю, что теперь именно самая пора“. Въ другой разъ онъ какъ бы мимо-

ходомъ спросилъ меня, какого мнѣнія я насчетъ фаланстеровъ, и когда я выразился, что опытъ военныхъ поселеній достаточно доказалъ непригодность этой формы общежитія, то онъ даже не далъ мнѣ развить до конца мою мысль и воскликнулъ:

— А я, напротивъ того, полагаю, что еслибы военныя поселенія и связанныя съ ними школы военныхъ кантонистовъ не были упразднены, такъ сказать, на разсвѣтѣ дней своихъ, то Россія давно ужъ была бы покрыта цѣлою сѣтью фаланстеровъ, и мы были бы и счастливы, и богаты! Да-съ!

Разумѣется, я слышалъ эти разсужденія и радостно изумлялся. Не потому радовался, чтобы самыя мысли, высказанныя Граціановымъ, были мнѣ сочувственны—я такъ себя, страха ради іудейска, вышколилъ, что мнѣ теперь на все наплевать—а потому, что онѣ исходили отъ станового пристава. Но по временамъ меня вдругъ осѣняла мысль: „зачѣмъ, однакожъ, онъ предлагаетъ мнѣ столь несвойственные своему званію вопросы?“—и, признаюсь, эта назойливая мысль прожигала меня насквозь.

Однажды онъ засидѣлся у меня послѣ обѣда дольше обыкновеннаго и, начавъ съ утопическихъ мечтаній о томъ, какъ было бы хорошо, если бы въ обществѣ не существовало раздѣленія на богатыхъ и бѣдныхъ, кончилъ, разумѣется, тѣмъ, что далъ полный ходъ своей искренности.

— Скажу вамъ откровенно,—сознался онъ:—терпѣть не могу я этихъ буржуа, хотя по обязанностямъ службы и долженъ ихъ поддерживать. Деньжищъ у нихъ пропасть—это правда, но ни благородныхъ манеръ, ни благородныхъ чувствъ, ни порядочныхъ привычекъ—ничего! Даже ѣдятъ безобразно. Зазвалъ меня, напримѣръ, на дняхъ къ себѣ кабатчикъ Колупаевъ обѣдать, и представьте, чѣмъ угостилъ! Во-первыхъ, подали щи съ солониной, во-вторыхъ—лапшу, въ-третьихъ—ушицу изъ баранины, потомъ крошево изъ огурцовъ и кусочковъ коренной рыбы съ квасомъ, и наконецъ пирушникъ съ медомъ... И въ довершеніе всего—ни вилокъ, ни ножей. Согласитесь, что если они даже начальство такъ угощаютъ, то можно себѣ вообразить, какъ они ѣдятъ, когда у нихъ нѣтъ гостей! И что всего прискорбнѣе, нашъ милый батюшка, который тоже присутствовалъ на этомъ обѣдѣ, не только ѣлъ за обѣ щеки, но даже, какъ мнѣ кажется, спряталъ кусокъ пирушника за пазуху.

Не скрою, что и на меня перечисленіе сейчасъ приведеннаго объденнаго меню подѣйствовало болѣзненно; но такъ какъ при этомъ, очевидно не безъ предиамѣренности, проводилась связь между кушаньями и представленіемъ о политической роли буржуазіи, то обстоятельство это невольно налагало на меня извѣстную осторожность.

— Съ своей стороны, я нахожу, что обѣдъ былъ хотя и простой, но сытный,—сказалъ я:—а это, по моему мнѣнію, главное. Единственный серьезный недостатокъ, въ которомъ можно упрекнуть перечисленное вами меню—это обиліе суповъ, сообщающее трапезѣ однообразіе и даже нѣкоторую унылость. Но недостатокъ этотъ вовсе не присущъ буржуазіи, а зависитъ преимущественно отъ того, что Колупаевъ живетъ въ захолустьи, гдѣ не имѣется въ виду образцовъ.

— Но вы? вы сами? вѣдь вы въ томъ же захолустьи живете, а между тѣмъ...

— Я... что-жъ я? Не забудьте, Милій Васильичъ, что я получилъ воспитаніе въ высшемъ учебномъ заведеніи. Поэтому я, конечно, понимаю, что супъ обязателенъ только въ единственномъ числѣ, и что затѣмъ существуютъ еще соусы, жаркія, пирожныя и т. д. Но можно надѣяться, что въ недальнемъ будущемъ всѣ эти представленія будутъ не чужды и буржуазіи. Я даже думаю, что и нынѣ, по мѣрѣ приближенія къ центрамъ цивилизаціи, буржуазія ведетъ себя нѣсколько иначе, нежели Колупаевъ. Такъ что, напримѣръ, Поляковъ, Кокоревъ, Губонинъ—ну, я готовъ держать пари, что Поляковъ сморкается не въ горсть, а въ платокъ, и притомъ не въ клѣтчатый бумажный, а въ настоящій батистовый, быть можетъ, даже вспрыснутый духами!

— Можетъ быть... можетъ быть-съ!—сказалъ онъ задумчиво, но потомъ съ живостью продолжалъ:—нѣтъ! далеко кулику до Петрова дня, купчинѣ до дворянина! Дворянинъ и маленькую рыбку подастъ, такъ сердце не нарадуется, а купчина тридцатипудовую бѣлугу на столъ выволочетъ—смотрѣть омерзительно! Да-съ, обидѣли! обидѣли въ ту пору господъ дворянъ!

Увы! при этомъ воспоминаніи я чуть-чуть не выдалъ себя. Есть у меня зіяющая рана, прикосновеніе къ которой всегда находитъ меня чувствительнымъ и отзывчивымъ. Эта рана — воспоминаніе о дворянской обидѣ.

— Ахъ, какъ обидѣли! — воскликнулъ я, простирая руки...

Но, взглянувъ на него, опомнился: по всему его лицу бродила какая-то сомнительная улыбка.

— То-есть, лучше сказать, не обидѣли, — продолжалъ я уже спокойнѣе:—а каждому воздали должное. Прежде у насъ была одна опора—дворяне, нынче двѣ опоры—дворяне и буржуа. Стало быть, мы не потеряли, а пріобрѣли.

— А про мужичка-то и позабыли?

— И мужичокъ—тоже опора,—согласился я.

— Нѣтъ-съ, не „тоже опора“, а самая настоящая опора—вотъ какъ-съ! потому что мужичка въ какую сторону хочешь, туда и поверни.

— И съ этимъ согласенъ.

— По секрету скажу вамъ, хоть это и не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей, но по убѣжденіямъ моимъ я—демократъ! А вы?

— Что касается до меня, то я никогда объ этомъ не думалъ. Вообще я живу не думаючи—такъ по нынѣшнему времени удобнѣе. Но ежели начальству угодно...

— Начальству! но развѣ начальство гдѣ-нибудь когда-нибудь сознавало свои истинныя пользы?!

Это было уже слишкомъ. Я почувствовалъ, что еще минута—и мы вступимъ на такую покатость, съ которой легко можно спуститься въ самую преисподнюю. Поэтому я разомъ пресѣкъ недостойный разговоръ, съ силой восклпкнувъ:

— Нѣтъ! съ этимъ я никогда не согласусь! Слышите, Граціановъ! никогда! никогда!

Я помню, послѣ этого разговора я цѣлый вечеръ былъ безпокоенъ и все испытывалъ себя, не проврался ли я въ чемъ-нибудь. И хотя совѣсть моя оказалась совсѣмъ чистою, но все-таки я долго ночью ворочался съ боку на бокъ, прежде нежели сонъ смежилъ мои очи.

Но, увы! чѣмъ чаще мы сходились, тѣмъ скабрёзнѣе и скабрёзнѣе дѣлались наши собесѣдованія. Ни одного краеугольнаго камня не оставилъ онъ безъ изслѣдованія и обо всѣхъ отозвался съ одинаковымъ ехидствомъ. О бракѣ, согласно съ опредѣленіемъ присяжнаго повѣреннаго Пржевальскаго, выразился, что это могила любви; о собственности сказалъ, что область ея „въ настоящее время“ слишкомъ съужена, что надо расширить ея предѣлы, допустивъ притокъ

свѣжихъ элементовъ, хотя бы, напримѣръ, казнокрадства, причемъ указывалъ на купца Разуваева, который поставкою гнилыхъ сухарей пріобрѣлъ себѣ блаженство, и т. д. О религіи пробормоталъ что то такое, отъ чего у меня уши разомъ завяли, а о начальствѣ...

Хотя мое положеніе, во время этихъ разговоровъ, было очень выгодное, потому что мнѣ приходилось только защищать, но наконецъ мнѣ такъ наскучило постоянно выслушивать это бюрократическое сквернословіе, что я рѣшился, въ свою очередь, испытать его.

— Скажите, пожалуйста, Милій Васильичъ,—обратился я къ нему:—отчего же вы въ рѣчи, обращенной къ урядникамъ, утверждали совершенно противное?

— Странный вопросъ!—отвѣтилъ онъ мнѣ, нимало не смущаясь: — но развѣ я имѣю право быть откровеннымъ съ урядниками? Я откровенъ съ начальствомъ—потому что оно пойметъ меня; я откровенъ съ вами — потому что вы благородный человѣкъ... Но съ урядниками... Извините меня, я даже удивляюсь вашему вопросу...

— Хорошо-съ. А помните, когда я исповѣдовался передъ вами при батюшкѣ?..

— И тогда существовали тѣ же самыя причины. „При батюшкѣ“! Но что̀ такое батюшка?

— Извольте, согласенъ и съ этимъ. Но надѣюсь, что теперь вы убѣдились, что я совсѣмъ не раздѣляю тѣхъ воззрѣній, которыя повидимому исповѣдуете вы?

— Да-съ, убѣдился-съ... хотя и съ болью въ сердцѣ... но убѣдился-съ!

— Ахъ, Милій Васильичъ! какъ хотите, голубчикъ, а вы для меня сфинксъ!

— Къ сожалѣнію, я совсѣмъ не сфинксъ, а только становой приставъ!—отвѣчалъ онъ печально, какъ бы подразумѣвая при этомъ: будь я сфинксъ, давно бы ты узналъ, какъ Кузькину мать зовутъ!

— Но заклинаю васъ именемъ всего священнаго! отвѣтьте мнѣ откровенно: врете вы или нѣтъ?—воскликнулъ я, почти не помня себя отъ страха.

— Вы меня оскорбляете, наконецъ!—отвѣтилъ онъ, взвиваясь во всю длину своего роста:—хоть я и не что иное, какъ становой приставъ, но скажу вамъ отъ души: для благороднаго человѣка это даже больно... „Врете вы или нѣтъ“!.. Ахъ!

Нѣсколько дней онъ какъ будто будировалъ и не ходилъ ко мнѣ. Въ это время изъ кухни начали долетать до меня звуки гармоники, и я не безъ удивленія узналъ, что они извлекаются какимъ-то вольнопрактикующимъ незнакомцемъ. Увы! Этотъ загадочный для меня человѣкъ настолько коротко сошелся съ моей прислугой, что не только ѣлъ и пилъ, но даже по временамъ ночевалъ у меня на кухнѣ... И я ничего не зналъ объ этомъ! Разумѣется, это меня встревожило, и я несказанно обрадовался, когда Граціановъ, послѣ недѣльной разлуки, опять, въ обѣденный часъ, явился въ моей столовой.

— Слушайте!—обратился я къ нему:—у меня въ кухнѣ поселился какой-то незнакомецъ... Скажите, могу ли я по крайней мѣрѣ запретить ему играть на гармоникѣ? Я не выношу этого инструмента.

— Кто же это?!—удивился онъ.

— Вѣроятно вы очень хорошо знаете и кто, и зачѣмъ.

— Зачѣмъ?—повторилъ онъ за мной, и вслѣдъ затѣмъ залился добродушнымъ смѣхомъ: — да очень понятно, зачѣмъ? Навѣрное у васъ на кухнѣ лишніе куски остаются, такъ вотъ... Ахъ, всѣ мы говядину любимъ! — прибавилъ онъ со вздохомъ:—но, разумѣется, ежели вы протестуете...

— Нѣтъ, я не протестую. Говядина и даже телятина... не въ томъ дѣло! Но я желаю уяснить себѣ слѣдующее: не долженъ ли я считать пребываніе постороняго человѣка въ моей кухнѣ за нарушеніе неприкосновенности моего очага?

— Нисколько.

— Очень радъ, что таково ваше мнѣніе. Садитесь пожалуйста и будемъ обѣдать.

— Но, можетъ быть, вы еще сомнѣваетесь?—успокоивалъ онъ меня:—въ такомъ случаѣ скажу вамъ слѣдующее: человѣкъ, о которомъ вы говорите, есть не что иное, какъ простодушнѣйшее дитя природы. Если вы его попросите, то онъ самъ будетъ бдительно ограждать неприкосновенность вашего очага. Испытайте его! потребуйте отъ него какой-нибудь послуги, и вы увидите, съ какимъ удовольствіемъ онъ выполнитъ всякое ваше приказаніе!

Однимъ словомъ, онъ вновь успокоилъ меня. Наши отношенія возобновились, и я тѣмъ скорѣе забылъ недавнія недоразумѣнія, что по части краеугольныхъ камней я, въ сущности, не уступилъ бы са-

мому правовѣрному изъ становыхъ приставовъ. Въ одномъ только я опять не остерегся — это по вопросу о дворянской обидѣ.

— Обидѣли! — восклицалъ я: — такъ обидѣли, что даже въ исторіи не бывало примѣровъ болѣе горькой обиды! Въ исторіи — понимаете?— въ исторіи, которая потому только и признается поучительною, что она сплошь изъ однѣхъ обидъ состоитъ!

Затѣмъ я закусывалъ удила и начиналъ доказывать. Доказывалъ горячо, съ огонькомъ и въ то же время основательно. Во-первыхъ, насъ не спросили; во-вторыхъ, насъ не вознаградили за самое главное... за наше право! въ третьихъ, насъ поставили на одну доску... съ кѣмъ!!! въ-четвертыхъ, намъ любезно предоставили ликвидировать наши обязательства; въ-пятыхъ, насъ живьемъ отдали въ руки Колупаевымъ и Разуваевымъ; въ-шестыхъ...

Хорошо, однакожъ, что я, въ пылу доказательствъ, имѣю привычку отъ времени до времени взглядывать на моего собесѣдника. И вотъ, однажды, поднявъ глаза на Граціанова. я увидѣлъ, что все лицо его свѣтится улыбкою.

— Чему вы смѣетесь?—воскликнулъ я на этотъ разъ довольно грубо, потому что рѣшился наконецъ вывести эти улыбки на свѣжую воду.

Однако онъ и тутъ очень ловко вывернулся.

— Тому и смѣюсь, что наконецъ-то и вы убѣдились!—сказалъ онъ.—Помните нашъ недавній разговоръ? Я говорилъ, что обидѣли господъ дворянъ, а вы утверждали, что не обидѣли, а только воздали каждому должное... Радуюсь, что, по крайней мѣрѣ, хоть теперь...

Но я уже не вѣрилъ коварнымъ оправданіямъ и съ запальчивостью отвѣтилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! не тому вы смѣялись, а совсѣмъ другому... Вы думаете, что я наконецъ проговорился... Ну, такъ что жъ! Ну, обидѣли! допустимъ даже, что я сказалъ это! Ну, и сказалъ. Ну, и теперь повторяю: обидѣли!.. что жъ дальше? Это мое личное мнѣніе— понимаете! мнѣніе, а не поступокъ—и ничего больше! Надѣюсь, что мнѣнія... ненаказуемы... чортъ побери! Развѣ я протестую? Развѣ я не доказалъ всею своею жизнью... Вонъ незнакомецъ какой-то ко мнѣ въ кухню влѣзъ, а я и то ни слова не говорю... живи!

Однимъ словомъ, неумѣстною своею горячностью я чуть-было не

довелъ дѣло до размолвки. Къ счастію, онъ выказывалъ въ этомъ случаѣ замѣчательное самообладаніе, и вмѣсто того, чтобъ обидѣться моими подозрѣніями, началъ очень мило и ловко меня урезонивать. Говорилъ ласковыя слова, и притомъ не на дьячковскій манеръ,— безъ знаковъ препинанія, а тепло, сердечно, съ очевиднымъ участіемъ. Просилъ довѣриться ему, убѣждалъ, что хотя лично и не имѣетъ чести называться дворяниномъ, но всегда сочувствовалъ дворянской обидѣ... И вдругъ, въ то самое время, когда сердце мое уже начало раскрываться на встрѣчу его рѣчамъ, онъ совершенно неожиданно присовокупилъ:

— А что, попротестовать-то, чай, все-таки хочется?

Это ужъ было такое явное подстрекательство, что я не выдержалъ.

— Никогда!—отвѣтилъ я рѣшительно и холодно.

— Чего ужъ тамъ: никогда!—по глазамъ вижу, что хочется! хочется! хочется!

— Повторяю вамъ: никогда!!!

— Но почему же, наконецъ?

— Потому, во-первыхъ, что протестъ несочувственъ для меня лично, а во-вторыхъ потому, что онъ не согласуется съ нашими традиціями. Знайте, сударь, что наши предки могли свариться другъ съ другомъ, могли выщипывать другъ у друга бороды по волоску, но протестовать... не могли! нѣтъ! никогда!

Я не безъ достоинства всталъ изъ-за стола и удалился въ кабинетъ, оставивъ его на досугѣ размыслить, насколько имѣла успѣха, по отношенію ко мнѣ, его пресловутая „система вопрошенія“.

И вотъ, однажды, онъ пришелъ ко мнѣ утромъ и, не говоря худого слова... поцѣловалъ меня!

— Давно ужъ я выжидаю этого момента, и наконецъ теперь могу исполнить мое давнишнее и искреннее желаніе!—воскликнулъ онъ, облизывая губы.

Разумѣется, я смотрѣлъ на него испуганными глазами.

— Не удивляйтесь,—продолжалъ онъ,—и выслушайте меня. При самомъ вступленіи моемъ въ должность, услышавъ отъ батюшки о вашихъ опасеніяхъ, я сразу принялъ въ васъ самое горячее участіе. Послѣ того вы лично подтвердили мнѣ эти опасенія, причемъ чистосердечно во всемъ сознались, и это еще больше меня тронуло.

Я рѣшился устроить вашу жизнь настолько прочно, чтобъ вы не могли имѣть никакихъ сомнѣній насчетъ ея непрекратимости. Но, разумѣется, по долгу службы, я долженъ былъ предварительно убѣдиться, что вы дѣйствительно этого заслуживаете. Съ этою цѣлью я по обыкновенію прибѣгнулъ къ системѣ вопрошенія, и теперь, послѣ мѣсячнаго испытанія, могу, положа руку на сердце, свидѣтельствовать: вы не только удовлетворили всѣмъ моимъ требованіямъ, но даже предъявили гораздо болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Я прикидывался ненавистникомъ буржуазіи, но вы доказали мнѣ, что послѣдняя имѣетъ несомнѣнныя права на существованіе. Я облыжно называлъ себя демократомъ, но вы благородно мнѣ отказали въ вашемъ сочувствіи по этому предмету. Я кощунственно утверждалъ, что начальство само не сознаетъ своихъ пользъ, но вы съ негодованіемъ отвергли самое предположеніе о таковомъ несознаніи. Когда же я съ притворнымъ участіемъ отнесся къ дворянской обидѣ, то вы хотя и не отрицали таковой, но при этомъ выказывали такую беззавѣтную покорность судьбѣ, которая неоднократно вызывала на мои глаза слезы умиленія. Наконецъ, сознаться ли до конца?—я командировалъ къ вамъ на кухню особаго довѣреннаго человѣка, съ тѣмъ, чтобы онъ собралъ подъ рукой вѣрнѣйшія о васъ свѣдѣнія, и добытый этимъ изслѣдованіемъ результатъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: никогда, въ цѣломъ околоткѣ, не видали столь твердаго въ бѣдствіяхъ землевладѣльца, какъ вы! Самые кабатчики—и тѣ о томъ съ умиленіемъ засвидѣтельствовали. Итакъ, отнынѣ всѣ недоразумѣнія кончены. Вы — нашъ, и мы — ваши!

Высказавши это, онъ, конечно ожидалъ, что я брошусь въ его объятія: но я молчалъ. Тогда онъ продолжалъ:

— Забылъ. Вы даже мнѣ лично оказали неоцѣненную услугу, разъяснивъ разницу, которая существуетъ между помышленіями обывателей и ихъ поступками. Это въ значительной степени упрощаетъ задачи внутренней политики, хотя, съ другой стороны, въ такой же степени умаляетъ ихъ блескъ. Во всякомъ случаѣ... благодарю!

Онъ протянулъ ко мнѣ обѣ руки, но я съ самаго начала этой сцены до того растерялся, что руки эти такъ и остались протянутыми въ пространствѣ. Тогда онъ фамильярно потрепалъ меня по плечу и произнесъ:

— Привыкнете, мой другъ, привыкнете!

Въ тотъ же день кабатчикъ Колупаевъ пригласилъ меня къ себѣ на вечёрку, предупредивъ, что у него соберется вся наша сельская интеллигенція для игры въ стуколку.

И я былъ тамъ, игралъ съ Граціановымъ и другими гостями въ стуколку, проигралъ цѣлую уйму пятаковъ, говорилъ комплименты кабатчицѣ Колупаевой, ухаживалъ за ея дочкой, пилъ водку, закусывалъ рыжей икрой, а за ужиномъ ѣлъ говяжій студень съ хрѣномъ. Вообще, по оказанному мнѣ радушному пріему, я убѣдился, что кабатчики наконецъ примирились со мной и допустили меня въ свою среду. Нѣтъ сомнѣнія, что я былъ обязанъ этимъ Граціанову.

Послѣ этого у насъ началось настоящее веселье, и Граціановъ оказался истиннымъ мастеромъ по части соединенія общества. Вечера слѣдовали за вечерами, сначала у кабатчика Прохорова, потомъ у другого кабатчика, Осьмушникова, а наконецъ я и самъ задалъ пиръ на весь міръ. Мало того: когда Граціановъ, по секрету, сообщилъ мнѣ, что ему нравится дочка Колупаева, то я охотно принялъ участіе въ сватовствѣ и очень ловко вывѣдалъ у родителей, что за невѣстой будетъ дано пятьсотъ рублей деньгами и, кромѣ всякаго платья, лисій „монтонъ“, четыре перины, два самовара и мериносовый платокъ.

Но жизнь моя уже была надломлена: я каждый день ожидалъ, что Граціановъ опять поцѣлуетъ меня. Не то чтобы мнѣ были антипатичны собственно административные поцѣлуи, но, будучи характера нелюдимаго и малообщительнаго, я вообще не имѣю къ поцѣлуямъ пристрастія.

И вотъ я вспомнилъ, что въ губерніи служитъ, въ качествѣ очень авторитетнаго лица, одинъ изъ моихъ товарищей по школѣ, и отправился въ городъ съ цѣлью, во что бы то ни стало, разъяснить себѣ вопросъ: имѣетъ ли право Граціановъ цѣловать меня по своему усмотрѣнію? Мой старый другъ очень благосклонно выслушалъ всю исторію моихъ сношеній съ Граціановымъ, и всѣ дѣйствія послѣдняго нашелъ въ высшей степени легкомысленными. Во-первыхъ, онъ не имѣлъ права принимать мою исповѣдь и, во-вторыхъ, еще меньшее право имѣлъ подвергать меня испытанію. Онъ просто-на-просто долженъ былъ ожидать поступковъ.

— Что же касается до поцѣлуевъ,—прибавилъ мой другъ:—то я ничему другому не могу приписать это, какъ дурной привычкѣ,

пріобрѣтенной имъ вѣроятно еще въ училищѣ для дѣтей канцелярскихъ служителей.

Но этого мало: онъ убѣдилъ меня, что въ настоящее время порядочный человѣкъ не только не имѣетъ причинъ опасаться внезапныхъ жизненныхъ метаморфозъ, но даже обязывается жить для славы своего отечества.

— Ты самъ виноватъ, душа моя, — сказалъ онъ: — съ одной стороны ты слишкомъ мрачно смотришь на вещи, а съ другой — черезъ-чуръ ужъ смиренъ и не выказываешь ни малѣйшей самостоятельности. Будь тверже, голубчикъ, и живи! Живи, потому что и твоя жизнь еще можетъ быть полезною.

И я живу.

III.—Монрепо-усыпальница.

Мало-по-малу тревога, возбужденная во мнѣ появленіемъ на нашемъ сельскомъ горизонтѣ Граціанова, улеглась. Да ежели говорить по правдѣ, и тревожнаго тутъ ничего не было, и только исключительныя условія, составляющія мою личную особенность, могли содѣйствовать возведенію такого пустого факта на степень переполоха. Дѣло въ томъ, что у меня съ малыхъ лѣтъ напугано воображеніе, и напугано, надо сказать правду, начальствомъ. Всю жизнь я ничего другого не видѣлъ передъ собою, кромѣ начальниковъ; всю жизнь мнѣ твердили: туна ариѳметика, косноязычна грамматика, ежели нѣтъ въ сердцѣ спасительнаго начальственнаго трепета. Сначала я смотрѣлъ на родителей какъ на начальство; потомъ поступилъ въ завѣдываніе воспитателей, которые тоже надувались и говорили: „мы —ваше начальство!“ а наконецъ и вправду попалъ начальству въ руки. Ну, натурально, испугался. Напослѣдяхъ спрятался въ Монрепо и думалъ: ужъ тутъ-то меня не настигнетъ начальственный взоръ—и вдругъ Граціановъ!..

Lui, toujours lui!

Но въ сущности, повторяю, всѣ эти тревоги—фальшивыя. И ежели отрѣшиться отъ мысли о начальствѣ, ежели побѣдить въ себѣ

потребность каяться, признаваться и снимать шапку, ежели сказать себѣ: за что же начальство съ меня будетъ взыскивать, коли я *ничего не дѣлаю*, и ежели наконецъ разъ навсегда сознать, что и становые, и урядники—все это нѣчто эфемерное, скоропреходящее, на пескѣ построенное (особливо, коли есть кому пожаловаться въ губерніи), то, право, жить можно. Умирать же и подавно ни отъ кого запрета нѣтъ...

А умирать—пора. Не умереть, а именно умирать, освобождаться отъ жизни постепенно, непостыдно, сладко. Среди царящей суматохи, гдѣ слышатся голоса только безчисленнаго множества темпераментовъ, гдѣ нападающіе не знаютъ, на кого они нападаютъ, а защищающіеся—отъ кого они обороняются, гдѣ нѣтъ рѣчи объ идеалѣ, а мечется въ глаза только обнаженный фактъ борьбы—въ такой суматохѣ ничего лучшаго не придумаешь, какъ схорониться въ укромное мѣсто, и тамъ—начать умирать.

„Тамъ", то-есть въ Монрепо. Нигдѣ не найдется для самаго прихотливаго умиранія такого простора, такой тишины, такой безусловной изолированности; нигдѣ нельзя такъ незамѣтно и естественно окунуться въ область неизвѣстнаго. И ежели я говорю, что въ качествѣ усыпальницы Монрепо представляетъ собою нѣчто ни съ чѣмъ несравнимое и исключительное, то говорю это именно по сущей совѣсти, а совсѣмъ не въ видѣ рекламы. Мало того: я вполнѣ искренно утверждаю, что наши фрондирующіе помѣщики слишкомъ мало принимаютъ въ разсчетъ это свойство принадлежащихъ имъ Монрепо, и только поэтому такъ дешево сбываютъ ихъ всевозможнымъ хищникамъ новѣйшей формаціи, которые спѣшатъ обратить ихъ въ кабаки.

Прежде всего, какъ на отличительную особенность Монрепо, я могу указать на полнѣйшее отсутствіе утѣшеній медицины. Я не отрицаю заслугъ врачебной науки и ея служителей, но мнѣ кажется, что ежели разъ человѣкъ рѣшилъ, что жить довольно, то при извѣстной дозѣ порядочности даже не совсѣмъ прилично обороняться отъ смерти. Пускай люди, исполненные цвѣтенія и силъ, мечтаютъ о жизни—это ихъ право; человѣкъ умирающій, въ видахъ собственнаго огражденія, долженъ забыть и о цвѣтеніи, и о силѣ, и вообще о какихъ бы то ни было правахъ на жизнь. Единственное баловство, которое ему разрѣшается — это по возможности устроить удобную обстановку для предстоящаго умиранія. А въ этомъ смыслѣ, опять-

таки повторяю, Монрепо неоцѣненно. Въ городѣ никакъ не выдержишь, непремѣнно начнешь обороняться. Обратишься къ человѣку науки, который затормозитъ естественный процессъ умиранія, подольетъ въ лампаду чего-то не настоящаго, а „замѣняющаго“, и заставитъ ее лишній срокъ чадить. Въ Монрепо подобное малодушіе уже по тому одному немыслимо, что тамъ нѣтъ ни мужей науки, ни „замѣняющихъ“ снадобьевъ. Обитатель Монрепо потухаетъ самъ собой, естественно, неизбѣжно. Потухаетъ съ отраднымъ убѣжденіемъ, что послѣднія его мерцанія не отравили окрестности запахомъ злоуханной гари, которая, при другихъ, менѣе благопріятныхъ условіяхъ, непремѣнно въ концѣ измучила бы человѣка, замѣнивъ подлинную жизнедѣятельность искусственнымъ калѣчествомъ.

Но, сверхъ того, истинно „сладкое“ умираніе возможно только подъ условіемъ полной и невозмутимой тишины. И этого условія ни въ городѣ, ни даже въ деревнѣ не добудешь, а найдешь въ одномъ Монрепо. Вездѣ царитъ либо рабочая суета, либо разгулъ; наконецъ вездѣ отыщутся друзья, люди, принимающіе участіе, любопытные. Только въ Монрепо нѣтъ ни работы, ни разгула, ни друзей, ни любопытныхъ — развѣ это не блаженство? Ничто не шелохнется кругомъ, ни одинъ звукъ не помѣшаетъ естественному потуханію. Особливо зимой. Монрепо, потонувшее въ сугробахъ снѣга—да это земной рай!

Природа оцѣпенѣла; домъ со всѣхъ сторонъ сторожитъ садъ, погруженный въ непробудный сонъ: прислуга забралась на кухню, и только смутный гулъ напоминаетъ, что гдѣ-то далеко происходитъ галдѣніе, выдающее себя за жизнь; въ барскихъ покояхъ ни шороха; даже мыши — и тѣ беззвучно перебѣгаютъ изъ одного угла комнаты въ другой. Сидишь себѣ въ креслѣ одинъ-одинёшенекъ или бродишь усталыми ногами взадъ и впередъ по запустѣлой анфиладѣ—и чувствуешь, ясно чувствуешь, какъ постепенно внутри у тебя таетъ и погасаетъ. По совѣсти говорю: слаще этого чувства нѣтъ. Къ нему можно пристраститься до упоенія, съ нимъ можно возвыситься до одичалости. Даже проппнаціонная привилегія — и та не можетъ идти въ сравненіе съ этой прекраснѣйшей привилегіей постепеннаго умиранія среди сладчайшей тишины.

Намъ, людямъ тридцатыхъ, сороковыхъ и иныхъ годовъ, это въ особенности понятно, потому что съ нами въ послѣднее время случи-

лось нѣчто не совсѣмъ обыкновенное. Все-то мы жили да жили, и вдругъ потеряли что-то самое нужное и разомъ сдѣлались неспособными принимать участіе въ дѣлахъ и вещахъ современности. Я знаю, что и между нами найдутся личности, которыя не прочь еще похорохориться, устроить недоразумѣніе и погарцовать передъ застигнутой врасплохъ толпой, въ качествѣ заправскихъ дѣятелей; но большинство отлично понимаетъ, что являться въ публику съ запасомъ забытыхъ словъ — именно значитъ только длить безплодныя недоразумѣнія. Положимъ, что эти выцвѣвшія слова въ былое время были полны содержанія и освѣщали жизнь, но какое дѣло до нихъ современности? Въ былое время они были и хороши, и необходимы, а теперь...

Когда я начинаю думать о современности, то, признаюсь, она представляется мнѣ не иначе, какъ въ видѣ ящика съ двойнымъ дномъ. Въ которомъ днѣ обрѣтается „настоящая штука“ — поди, угадай! Да и какая еще „штука“ — можетъ быть райская птица, можетъ быть крокодилъ? И помоложе, половчѣе насъ люди — и тѣ не угадываютъ, а только по неволѣ какъ-нибудь изворачиваются, на-удачу хватаются за первое, что̀ подъ руку попадетъ. Именно по неволѣ, потому что эти люди уже фаталистически „обречены“ жить, а стало быть и изворачиваться. А мы обречены умирать, и слѣдовательно отъ угадываній свободны. Но, по моему, это-то именно и есть настоящее благо. Это тѣмъ болѣе благо, что, всмотрѣвшись пристальнѣе въ проносящуюся мимо насъ сутолоку современности, по совѣсти нельзя не воскликнуть: ахъ, какъ безконечно-мучительна должна быть роль дѣятеля среди этой жизни съ двойнымъ дномъ!

Да, такая жизнь даже болѣе нежели мучительна — она постыдна. Передъ глазами мечется какая-то безконечно фантастическая сказка: не разберешь, что̀ тутъ дѣйствительность и что̀ — сонное видѣніе. Наиреальнѣйшіе съ перваго взгляда факты — и тѣ являются въ сопровожденіи такихъ подозрительныхъ околичностей, которыя отнимаютъ у нихъ всѣ признаки подлинной реальности. Все окружающее, вся жизнь — все служитъ источникомъ самыхъ язвительныхъ вопросовъ, и что̀ всего мучительнѣе — ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ вы не найдете нигдѣ вполнѣ вразумительнаго отвѣта. Я могъ бы назвать здѣсь цѣлую свиту вполнѣ несомнѣнныхъ и доказательныхъ фактовъ, которые несомнѣнно подтвердили бы и объяснили мою мысль.

и тѣмъ не менѣе не называю ихъ. Почему же я не называю ихъ? А потому именно, что всечасно и всеминутно ощущаю себя защемленнымъ между двойнымъ дномъ. Вѣдь все равно,—говорю я себѣ.—изъ моихъ указаній ничего не выйдетъ, такъ лучше ужъ я... ахъ, какая масса тутъ малодушія, предательства, лганья!

Но ежели немыслимы опредѣленные отвѣты, то очевидно, что немыслимы ни правильныя наблюденія, ни вполнѣ твердыя обобщенія. Ни жить, стало быть, нельзя, ни наблюдать жизнь, ни понимать ее. Вездѣ—двойное дно, въ виду котораго именно только изворачиваться можно или идти невѣдомо куда, съ завязанными глазами. Представьте себѣ, что вы нечаянно попали въ комнату, наполненную баснописцами. Собралось множество Эзоповъ, которые ведутъ оживленный разговоръ—и все притчами! Ясно, что тутъ можно сойти съ ума.

И вотъ, для того, чтобы не быть обязаннымъ ни жить, ни понимать жизнь, ни говорить притчами, самое лучшее дѣло—это затвориться въ Монренѣ. А если при этомъ и самая охота къ жизни пропала, то это ужъ и совсѣмъ хорошо. Правда, что есть у насъ, культурныхъ людей, слабость баловаться журналами и газетами, которые все-таки болѣе или менѣе препятствуютъ полному забвенію жизни: но тутъ уже необходимо принять героическія мѣры. А именно: разомъ прекратить доступъ для всего, что напоминаетъ о книгопечатаніи и сопряженныхъ съ нимъ учрежденіяхъ. Въ противномъ случаѣ двойное дно проникнетъ и въ Монренѣ.

Ибо у жизни, снабженной двойнымъ дномъ, и литература не можетъ быть иная, какъ тоже съ двойнымъ дномъ. Газеты, напримѣръ, положительно могутъ измучить. Помѣщая на столбцахъ своихъ факты, повидимому, самые обыденные, онѣ будутъ ежедневно пробуждать въ отшельникѣ цѣлый рой томительныхъ сновидѣній. Произвели, напримѣръ, коллежскаго совѣтника Растопырю за отличіе въ слѣдующій чинъ—кажется, что можетъ быть проще, обыденнѣе этого извѣстія? А между тѣмъ, вдумайтесь въ него, и вы удивитесь, какой безконечный рядъ томительнѣйшихъ вопросовъ поднимется передъ вами по его поводу! Во-первыхъ, вопросы высшаго порядка. Подлинно ли Растопыря заслужилъ производство въ слѣдующій чинъ? Не было ли тутъ интриги, непотизма, лакомства, не скрывается ли за этимъ фактомъ ходатайство Гулакъ-Артемовской? Все это—вопросы важные,

существенные, ибо при утвердительномъ отвѣтѣ на нихъ („да. по ходатайству Гулакъ-Артемовской") воображенію представляется картина развращенія нравовъ, а при отвѣтѣ отрицательномъ—картина чистоты нравовъ. Согласитесь, что для патріота своего отечества это далеко не безразлично. Затѣмъ опять вопросы: съумѣетъ ли Растопыря въ новомъ чинѣ заслужить то довѣріе начальства, которое онъ умѣлъ заслужить въ старомъ чинѣ? какихъ облегченій правъ ожидать отъ него отечество, буде онъ и впредь съ такою же неуклонностью будетъ подвигаться по лѣстницѣ почестей и отличій? А наконецъ и вопросы порядка низшаго, личнаго. Какимъ окомъ, милостивымъ или немилостивымъ, взглянетъ Растопыря на Монрепо и скрывающагося въ немъ отшельника? не найдетъ ли онъ, что самый фактъ отшельничества есть фактъ подозрительный. влекущій за собой лишеніе хотя и не всѣхъ—у Растопыри доброе сердце—то хотя нѣкоторыхъ правъ состоянія? И ежели это фактъ подозрительный и влекущій, то... И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Какіе отвѣты я найду на эти вопросы въ газетахъ? положительно никакихъ! Такъ зачѣмъ же мнѣ знать объ этомъ производствѣ? зачѣмъ я буду заставлять мою мысль опускаться куда-то на второе дно, гдѣ этотъ скромно выглядывающій съ газетнаго столбца Растопыря, быть можетъ, явится въ такомъ угрожающемъ видѣ, который все мое существо наполнитъ испугомъ? И что всего важнѣе—испугомъ напраснымъ, ибо я знаю навѣрное, что Растопыря—малый доброжелательный, который если и позволитъ себѣ лишить меня нѣкоторыхъ правъ состоянія. то не иначе. какъ въ видахъ моей же собственной пользы.

А потомъ пойдутъ газетные „слухи"... ахъ, эти слухи! Ни подать руку помощи друзьямъ, ни летѣть на встрѣчу врагамъ—нѣтъ крыльевъ! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Сиди въ Монрепо и понимай. что ничто человѣческое тебѣ не чуждо, и стало быть ничто до тебя не касается. И не только до тебя. но и вообще не касается (въ Монрепо. вслѣдствіе изобилія досуга, это чувство некасаемости какъ-то особенно обостряется, дѣлается до болѣзненности чуткимъ). А ежели не касается, то изъ-за чего же терзать себя?

Нѣтъ, все это надобно прекратить. Не нужно ни журналовъ, ни газетъ,—тѣмъ больше не нужно, что нынче въ любомъ деревенскомъ кабакѣ. въ любой „портерной" найдется эта отрава, такъ что со-

всѣмъ отъ жизни все-таки не убѣжишь. Пойдетъ въ кабакъ кто-нибудь изъ присныхъ, и непремѣнно или самъ что-нибудь вычитаетъ, или вдоволь наслушается. Потомъ разскажетъ въ людской, а наконецъ проберется въ комнаты и тамъ начадитъ. По мнѣнію моему, этимъ путемъ получать вѣсти изъ міра живыхъ, во всякомъ случаѣ, менѣе мучительно, нежели сообщаться съ нимъ посредствомъ книгопечатанія. Ибо, слушая, какъ сынъ природы несетъ ахинею, вы все-таки имѣете возможность хоть тѣмъ утѣшить себя, что, можетъ быть, онъ и переврал.

Именно такъ я прошлой зимой и поступилъ. Еще 31-го декабря я чувствовалъ себя въ компаніи баснописцевъ, и вдругъ съ 1-го января наступила невозмутимая тишина. Все это взбаломученное море, которое еще вчера съ такимъ безцѣльнымъ гвалтомъ бушевало въ берегахъ, сегодня улеглось какъ бы по манію волшебства. Картины, волновавшія кровь, начали сокращаться, таять и исчезать. Сначала исчезли болгары, потомъ Афганистанъ и Зулу, потомъ ветлянская интрига, потомъ еще интрига, а наконецъ и слухи о предстоящемъ финансовомъ возрожденіи... Послѣдніе, впрочемъ, держались нѣсколько упорнѣе, потому что вѣдь и умирать не совсѣмъ ловко, когда не умѣешь ясно отвѣтить на вопросъ: что такое рубль? Стало быть, съ этой стороны, то-есть со стороны міра живыхъ, я совсѣмъ квитъ. Мнѣ скажутъ, можетъ быть, что отсутствіе памятниковъ книгопечатанія представляетъ очень важный пробѣлъ въ человѣческомъ существованіи, потому что и т. д. Но, во-первыхъ, газета „И шило брѣетъ“—развѣ это памятникъ? а во-вторыхъ, я вѣдь не о „существованіи“ и рѣчь повелъ. Я говорю объ умираніи, объ одномъ умираніи; а съ этой точки зрѣнія, право, лучше не надо.

Вмѣстѣ съ прочими, отравляющими жизнь, представленіями постепенно начало сглаживаться и представленіе о Граціановѣ. Очевидно, моя поѣздка въ губернію смутила его... Онъ сдѣлался сдержаннѣе, при встрѣчахъ не дѣлалъ мнѣ ручкой, но молча прикладывался подъ козырекъ, при чемъ съ явно утрированною почтительностью выгибалъ шею и откидывалъ назадъ поясницу. А главное, не только пересталъ меня испытывать, но даже совсѣмъ ко мнѣ не приходилъ. Только отъ времени до времени я примѣчалъ изъ окна, что

онъ меланхолически бродилъ по моему парку, напѣвая какой-то романсъ,—вѣроятно „Черный цвѣтъ“. Очевидно, онъ хотѣлъ дать мнѣ почувствовать этимъ, какъ онъ могъ бы любить, еслибы я только захотѣлъ, и какъ много я потерялъ, устранившись отъ его ласкъ... И это очень хорошо понималъ и, грѣшный человѣкъ, иногда даже готовъ былъ выслать ему рюмку водки, но, къ счастію, голосъ разсудка и соблазнительная картина непостыднаго умиранія восторжествовали надъ легкомысленными угрызеніями совѣсти.

Кабатчики выказали себя нѣсколько упорнѣе и не такъ-то легко предоставили меня моей судьбѣ. Благодаря Граціанову, въ періодъ моего легкомысленнаго переполоха, я завязалъ съ ними очень крѣпкія связи. У всѣхъ вообще—пилъ водку, игралъ въ стуколку и закусывалъ студнемъ, а въ частности, съ нѣкоторыми вступилъ даже въ духовное родство. У Осьмушникова крестилъ дочку, у Колупаева разыгрывалъ роль свата, у Прохорова—едва не свелъ со двора жену (разумѣется, этого на дѣлѣ не было, а были „насмѣшки“, въ которыхъ я фигурировалъ въ качествѣ соблазнителя). Не могу сказать, чтобы я чувствовалъ себя особенно пріятно, когда, бывало, Осьмушниковъ, еще гдѣ завидѣвъ меня, крикнетъ: „здорово, кумъ!“ или Прохоровъ: „здорово, свояк!“—но покуда для меня было неясно, имѣетъ или не имѣетъ Граціановъ право читать въ моемъ сердцѣ, я крѣпился и молчалъ. Теперь, когда начальство меня разувѣрило и когда мои отношенія къ Граціанову опредѣлились вполнѣ, я, конечно, счелъ первымъ долгомъ дать отпоръ всѣмъ кумовьямъ и свояк амъ. Но они уже сами не соглашались ретироваться. Въ особенности же Прохоровъ долго донималъ меня своими дружескими „насмѣшками“. Только-что, бывало, я расположусь „умирать“, только-что сомкнутся мои вѣжды и слухъ начнетъ наполняться тихими нотами непостыднаго угасанія, какъ онъ ужъ тутъ какъ тутъ, словно изъ-подъ земли выросъ.—Сначала наполнитъ домъ звуками одышки, потомъ грузно сядетъ въ кресло, расправитъ пятерней кудри, оботретъ клѣтчатымъ платкомъ потное лицо, запалитъ папироску, дохнетъ сивухой и начнетъ шутки шутить.

— Усталъ,—скажетъ:—вида задохся. Туковъ много внутри скопилось. Ну, а ты, свояк, что ноесь повѣсилъ?

— Да такъ...

— Чего „такъ“! Чай, все по чужимъ женамъ тоскуешь? а!

— Когда же это...

— Нѣтъ, погоди! постой! надо правду говорить! кто у меня жену хотѣлъ со двора свести? а?

— Но послушайте же, наконецъ...

— Нѣтъ, ты постой! погоди! ты вотъ мнѣ на что отвѣть: развѣ это резонъ? Резонъ ли мужнюю жену на любовь съ собою склонять? Какъ эти постуки въ заповѣдяхъ называются? слыхалъ? а?

— Слушайте, если вы не прекратите этого разговора, то я...

— То-то „я“! Ну, ты!! Ты!! знаю я, что ты—ты! Ты бы вотъ радъ-радостью въ чужомъ саду яблочко съѣсть, даже и сейчасъ у тебя отъ одного воображенія глаза вракосъ пошли—да на тотъ грѣхъ я самъ при семъ состою! Ну, миръ что-ли! пошутилъ! давай руку—будетъ съ тебя!

Но въ ту минуту, когда я мнилъ, что онъ серьезно подаетъ мнѣ руку, онъ совершенно неожиданно показывалъ мнѣ шишъ, а иногда и просто бралъ подъ-мышки и, будучи вчетверо сильнѣе меня, увлекалъ въ непроизвольный галопъ, при чемъ задыхался, хрипѣлъ и свистѣлъ на весь домъ.

Это было ужасно мучительно, но я долго терпѣлъ и ни на что не рѣшался. Наконецъ однакожъ рѣшился, и однажды, когда онъ приблизился, чтобъ взять меня подъ-мышки, я совершенно серьезно плюнулъ ему въ самую лахань. Только тогда онъ понялъ, что я—человѣкъ солидный и „независимый“. Онъ скромно вытеръ платкомъ лицо, произнесъ: „однако!“—и съ тѣхъ поръ ко мнѣ ни ногой.

Я сознаюсь, что это былъ съ моей стороны очень дурной и наглый поступокъ, но клянусь, что въ ту минуту онъ вышелъ самъ собой. Защита какъ-то невольно приняла ту самую форму, въ которую съ давнихъ поръ облекалось нападеніе. Прохоровъ насильственно водворялся въ моемъ домѣ, насильственно заставлялъ меня выслушивать свои „наемѣшки“, насильственно хваталъ меня подъ-мышки и увлекалъ въ галопъ — и вотъ я въ той же насильственной формѣ далъ ему отпоръ. Сверхъ того, я позволяю себѣ думать, что поступокъ этотъ скорѣе свидѣтельствуетъ о моей деликатности (съ большою, впрочемъ, примѣсью робости и слабохарактерности), нежели о прямой грубости. Люди деликатные обыкновенно бываютъ очень и даже черезъ-чуръ выносливы. Они долго терпятъ, допускаютъ и даже подлаживаютъ именно изъ опасенія обидѣть, задѣть чужое самолюбіе.

Поддакиваютъ даже тогда, когда уже началось хватаніе подъ-мышки. И вдругъ глаза открываются, и какое-то ужасно подлое и гадкое чувство начинаетъ пронизывать все существо. Но, къ сожалѣнію, все это обнаруживается лишь тогда, когда дѣло уже мучительно обострилось. И вотъ...

Во всякомъ случаѣ я отнюдь не оправдываюсь, а только констатирую, какъ непріятно и ненадежно положеніе русскаго культурнаго человѣка, который помнитъ, что когда-то онъ занимался „филантропіями“, и понимаетъ, что по нынѣшнему времени это составляетъ неизбываемый грѣхъ. Онъ помнитъ, понимаетъ и боится. Чего именно боится—онъ самъ опредѣленно сказать не можетъ; но вѣдь чѣмъ неопредѣленнѣе подобное чувство, тѣмъ оно тяжелѣе. Главнымъ образомъ однакожъ онъ боится своей беззащитности, неприкрытости, и вслѣдствіе этого совершенно искренно вѣритъ, что и Граціановъ, и Осьмушниковъ, и Прохоровъ могутъ во всякое время свободно войти къ нему въ домъ и полюбопытствовать: а что-молъ ты тамъ въ одиночку каверзничаешь? И вотъ, когда сумма этихъ унизительныхъ страховъ накопится до nec plus ultra, когда чаша до того переполнится, что новой каплѣ ужъ помѣститься негдѣ, и когда среди невыносимо подлой тоски вдругъ голову освѣтитъ мысль: а вѣдь, собственно говоря, ни Граціановъ, ни Колупаевъ залѣзать ко мнѣ въ душу ни отъ кого не уполномочены—вотъ тогда-то и является на выручку дикая реакція, то-есть сквернословіе, мордобитіе, илеваніе въ лахань, однимъ словомъ—все то, что̀ при спокойномъ, хоть сколько-нибудь нормальномъ теченіи жизни мирному гражданину даже на мысль не придетъ.

Какъ бы то ни было, но я безмѣрно обрадовался, что наконецъ меня охватила со всѣхъ сторонъ безконечная тишина. Подъ вліяніемъ этой радости я совсѣмъ утерялъ изъ вида, что эти люди необходимо должны злобствовать на меня. Главная цѣль была достигнута: я очутился одинъ—это было самое существенное. Но этого мало: я сдѣлался почти безстрашенъ. Не только позабылъ, что подъ бокомъ у меня сидитъ Граціановъ, но опять вспомнилъ старое и бросился въ филантропіи. Началъ мечтать, сочинять „промежду себя“ реформы, и все такія, чтобы всѣ разомъ почувствовали и въ то же время никто ничего не ощутилъ. Сначала, разумѣется, мечталъ робко, но чѣмъ дальше, тѣмъ смѣлѣе и наконецъ, „въ надеждѣ славы и добра“, ну-

стилъ такими букетами, что даже стѣны, слушавшія меня — и тѣ смекнули, чѣмъ пахнетъ.

Ничто такъ не увлекаетъ, не втягиваетъ человѣка, какъ мечтанія. Сначала заведется въ мозгахъ не больше горошины, а потомъ начнетъ расти и расти и наконецъ вырастетъ цѣлый дремучій лѣсъ. Вырастетъ, станетъ передъ глазами, зашумитъ, загудитъ, и вотъ тутъ-то именно и начнется настоящая работа. Всего здѣсь найдется: и величіе Россіи, и конституціонное будущее Болгаріи, и Якубъ-ханъ, достославно шествующій по стопамъ Ширъ-али, и, ужъ само собой разумѣется, выигрышъ въ двѣсти тысячъ рублей. Что понравилось, то и выбирай. Ежели загорѣлось сердце величіемъ Россіи—займись; ежели величіе Россіи прискучило—переходи къ болгарамъ или къ Якубъ-хану. Мечтай безпрепятственно, сочиняй цѣлыя передовыя статьи—все равно ничего не будетъ. Если хочешь критиковать—критикуй: если хочешь требовать—требуй. Требуй смѣло, такъ прямо и говори: долго ли, молъ, ждать? И если тебѣ внимаютъ туго, или совсѣмъ не внимаютъ, то пригрозись: объ этомъ, дескать, мы поговоримъ въ слѣдующій разъ...

Ужасно! ужасно! ужасно!

Говорю по совѣсти: возможность удовлетворять потребности мечтанія составляетъ едва-ли не самую сладкую принадлежность умиранія. Мечта отуманиваетъ и, слѣдовательно, устраняетъ изъ процесса умиранія все, что могло бы встревожить паціента слишкомъ назойливою ясностью. Мечта не ставитъ въ упоръ именно *такой-то* вопросъ, но всегда хранитъ въ запасѣ цѣлую свиту быстро мелькающихъ вопросовъ, такъ что мысль, не связанная обязательнымъ сосредоточеніемъ, скользитъ отъ одного къ другому совершенно незамѣтно. Даже послѣдовательности въ работѣ ея не замѣчается, хотя связь несомнѣнно существуетъ. Но она скрывается въ тѣхъ моментахъ забытья, въ которое человѣкъ непроизвольно погружается подъ вліяніемъ мысленныхъ мельканій. Это забытье совсѣмъ не пустопорожнее, какъ можно было бы предполагать, и въ то же время очень пріятное. Мелькнетъ одинъ предметъ, остановитъ на себѣ минутное вниманіе, и почти вслѣдъ затѣмъ погрузитъ мысль въ какую-то массу полудремотныхъ ощущеній, которыя невозможно уловить—до такой степени они быстро смѣняются одно другимъ. Затѣмъ вынырнетъ другой предметъ, и непремѣнно вынырнетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, не

такъ какъ этому появленію предшествовало „забытье“, то опредѣлить, въ чемъ заключается „порядокъ“ и что̀ именно обусловило перемѣну декорацій, представляется невозможнымъ. Повторяю: ужасно это пріятно. Ходишь, думаешь, навѣрное знаешь, что нѣчто думаешь, но что̀ именно—не скажешь. Какая открывается при этомъ безграничная перспектива приволья, свободы, безотвѣтственности не только передъ самимъ собой (это-то не штука), но и передъ начальствомъ! Поймите, какъ это хорошо! Тяжело вѣдь вѣчно такъ жить, чтобы за все и про все отвѣтъ держать; нужно хоть немного и такъ пожить, чтобы ни за что ни передъ кѣмъ себя виновнымъ не считать. Хочу—умныя мысли мыслю, — хочу легкомысленничаю... кому какое дѣло!

Тѣмъ не менѣе, какъ ни мало опредѣленны были мои зимнія мечтанія, я все-таки нѣкоторые пункты могу здѣсь намѣтить. Чаще и упорнѣе всего, какъ и слѣдуетъ ожидать, появлялся вопросъ о выигрышѣ двухсотъ тысячъ, но такъ какъ вслухъ сознаваться въ такихъ шалостяхъ почему-то не принято (право, ужъ и не знаю, почему; по моему, самое это культурное мечтаніе), то я упоминаю объ этомъ лишь для того, чтобы не быть въ противорѣчіи съ истиной. Затѣмъ выступали и вопросы серьезные, между которыми первое мѣсто, разумѣется, принадлежало величію Россіи. Я считаю нелишнимъ изложить здѣсь главные тезисы моихъ мечтаній по этому вопросу, заранѣе впрочемъ извиняясь передъ читателемъ въ той неудовлетворительности, которую онъ навѣрное примѣтитъ въ моемъ изложеніи. Увы! я и до сихъ поръ не могу вмѣстить свободы книгопечатанія и вслѣдствіе этого иногда черезъ-чуръ храбрюсь, но въ большей части случаевъ — черезъ-чуръ робѣю.

Я знаю, есть люди, которые въ скромныхъ моихъ писаніяхъ усматриваютъ не только нагубный индифферентизмъ, но даже значительную долю злорадства, въ смыслѣ патріотизма. Но совѣсти объявляю, что это — самая наглая ложь. Я уже не говорю о томъ, что обвиненіе это очень тяжелое и даже гнусное, не утверждаю положительно, что я всего менѣе въ этомъ виноватъ. Я люблю Россію до боли сердечной и даже не могу помыслить себя гдѣ-либо, кромѣ Россіи. Только разъ въ жизни мнѣ пришлось выжить довольно долгій срокъ въ благорастворенныхъ заграничныхъ мѣстахъ, и я не упомню минуты, въ которую сердце мое не рвалось бы къ Россіи. Хорошо

тамъ, а у насъ... положимъ, у насъ хоть и не такъ хорошо... но, представьте себѣ, все-таки выходитъ, что у насъ лучше. Лучше, потому что больнѣй. Это совсѣмъ особенная логика, но все-таки логика, и именно—логика любви. Вотъ этотъ-то культъ, въ основаніи котораго лежитъ сердечная боль, и есть истинно русскій культъ. Болитъ сердце, болитъ, но и за всѣмъ тѣмъ всеминутно къ источнику своей боли устремляется...

Но этотъ же культъ, вѣроятно, и служитъ предлогомъ для обвиненій, о которыхъ идетъ рѣчь. Есть люди (въ послѣднее время ихъ даже много развелось), которые мертвыми дланями стучатъ въ мертвыя перси, которые суконнымъ языкомъ выкликаютъ: „звонъ побѣды раздавайся!“ и зіяющими впадинами, вмѣсто глазъ, выглядываютъ окрестъ: кто не стучитъ въ перси и не выкликаетъ вмѣстѣ съ ними? Это — цѣлое постыдное ремесло. По моему мнѣнію, люди, занимающіеся этимъ ремесломъ, суть іезуиты. Разумѣется, іезуиты русскіе, лыкомъ шитые, вскормленные на почвѣ крѣпостного права и сопряженныхъ съ нимъ: лганья, двоедушія, коварства и проч. Это—люди необыкновенно злые, мстительные, снабженные волчьимъ самолюбіемъ и злою, долго задерживающею памятью, люди, отъ которыхъ можно тогда лишь спастись, когда они вмѣстѣ съ безконечною злобой соединяютъ и безконечную алчность къ ловленію рыбы въ мутной водѣ. Тогда можно отъ нихъ откупиться, можно бросить имъ кость въ глотку. Но если они съ адской злобой соединяютъ и адское безкорыстіе, и ежели при этомъ свою адскую ограниченность возводятъ на степень адскаго убѣжденія — тогда это уже совершенная печать сатаны. Они настроятъ мертвыми руками безчисленные ряды костровъ и будутъ безсмысленными, *пустыми* глазами слѣдить за предсмертными конвульсіями жертвы, которая, подобно имъ, не стучала въ *пустыя* перси...

Но отвратимъ лицо наше отъ лицемѣровъ и клеветниковъ и возвратимся къ Монрепо и навѣваемымъ имъ мечтаніямъ.

Я желалъ видѣть мое отечество не столько славнымъ, сколько счастливымъ — вотъ существенное содержаніе моихъ мечтаній на тему о величіи Россіи, и если я въ чемъ-нибудь виноватъ, то именно только въ этомъ. По моему мнѣнію, слава, поставленная въ качествѣ главной цѣли, къ которой должна стремиться страна, очень многимъ стоитъ слезъ; счастье же для всѣхъ одинаково желательно и въ т-

же время само по себѣ составляетъ прочную и немеркнущую славу. Какой вѣнецъ можетъ быть болѣе лучезарнымъ, какъ не тотъ, который сотканъ изъ лучей счастія? какой народъ можетъ съ бо́льшимъ правомъ назвать себя подлинно славнымъ, какъ не тотъ, который сознаетъ себя подлинно счастливымъ? Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что общее счастіе на землѣ недостижимо, и что вотъ именно для того, чтобы восполнить этотъ недостатокъ и сдѣлать его менѣе замѣтнымъ и горькимъ, и придумана, въ качествѣ подспорья, слава. Слава, то-есть „насъ возвышающій обманъ“. Но я — человѣкъ скромный; я не дипломатъ и даже не публицистъ, и потому просто не понимаю, для чего нужны обманы, и кого собственно они обманываютъ. Я думаю, что это пустое и вредное кляузничество — и ничего больше. Ужели человѣкъ, смотрящій на міръ трезвыми глазами и чувствующій себя менѣе счастливымъ, нежели онъ этого желаетъ — ужели этотъ человѣкъ утѣшится тѣмъ только, что начнетъ обманывать себя чѣмъ-то замѣняющимъ, неподлиннымъ? Нѣтъ, онъ не сдѣлаетъ этого. Онъ просто скажетъ себѣ: ежели я въ данную минуту не столь счастливъ (а стало быть и не столь славенъ), то это значитъ, что необходимо употребить извѣстную сумму усилій, дабы законнымъ путемъ добыть ту сумму счастія и славы, которая по условіямъ времени достижима. Вотъ и все. А насколько будутъ плодотворны или безплодны эти усилія—это ужъ другой вопросъ.

Руководясь этими скромными соображеніями, я и въ мечтаніяхъ никому не объявилъ войны и не предпринялъ ни малѣйшей дипломатической кампаніи. А слѣдовательно не одержалъ ни одной побѣды и никого не огорошилъ дипломатическимъ сюрпризомъ. Вообще, моя мысль не задерживалась ни на арміяхъ, ни на флотахъ, ни на подрядахъ и поставкахъ, и даже къ представленіямъ о гражданскомъ мундиромъ шитьѣ прибѣгала лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, по издревле установленнымъ условіямъ русской жизни, безъ этого ужъ ни подъ какимъ видомъ нельзя было обойтись. Ибо мы и благополучны не можемъ быть безъ того, чтобы при этомъ самъ собой не возникъ вопросъ: а какъ же въ семъ случаѣ поступали господа чиновники? Но тутъ-то именно и выяснилась полная доброкачественность моихъ мечтаній. „Что́ дѣлали господа чиновники?“ спрашивалъ я самъ себя, и тутъ же, послѣ кратковременнаго „забытья“, отвѣтствовалъ: „ходили въ мундирахъ — и больше ничего“. Этимъ простымъ от-

вѣтомъ, мнѣ кажется, исчерпывалось все. И идея необходимости чиновниковъ (ибо благополучіе на ихъ глазахъ созидалось, и они благосклонно допустили его), и идея не-необходимости чиновниковъ, ибо, говоря по сущей совѣсти, благополучіе могло бы совершиться и безъ нихъ. Впрочемъ, по скромности моей, я болѣе склонялся на сторону первой идеи. Да и картина выходила совѣмъ особенная, русская. Ходятъ люди въ мундирахъ, ничего не созидаютъ, не оплодотворяютъ, а только не препятствуютъ—а на повѣрку оказывается, что этимъ-то именно они и оплодотворяютъ... Какое занятіе можетъ быть легче и какой удѣлъ—слаще?

Но ежели разъ воинственныя и присоединительныя упражненія устранены, то картина благополучія начертывалась уже сама собой. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ нужно нашей дорогой родинѣ, чтобы быть вполнѣ счастливой? На мой взглядъ, нужно очень немногое, а именно: чтобы мужикъ русскій, говоря стихомъ Державина, „ѣлъ добры щи и пиво пилъ“. Затѣмъ все остальное приложится.

Если это есть—значитъ, у мужика земля приноситъ плодъ сторицею. Если это есть — значитъ, страна кишитъ млекомъ и медомъ и вездѣ чувствуется благораствореніе воздуховъ и изобиліе плодовъ земныхъ. Если это есть — значитъ, деревни въ изобиліи снабжены школами и мужикъ во истину позналъ, что ученье — свѣтъ, а неученье—тьма. Если это есть — значитъ, казна Государева ломится подъ тяжестью сребра и злата, и нѣтъ надобности ни въ „выбиваніяхъ“, ни въ экзекуціяхъ для пополненія казенныхъ сборовъ. Если это есть—значитъ, въ массахъ господствуетъ трудолюбіе, любовь къ законности, потребность тихаго житія; значитъ, массы дѣйствительно повинуются не токмо за страхъ, но и за совѣсть. Если это есть — значитъ, за границу везутся заправскіе избытки, а не то, что̀ приходится сбывать во что бы то ни стало, вслѣдствіе горькой нужды: вынь да положь.

Если это есть — значитъ, у мужика есть досугъ; значитъ, онъ ведетъ не прекратительную жизнь подъяремнаго животнаго, а здоровое существованіе разумнаго существа; значитъ, онъ плодится и множится. Если это есть — значитъ, курное логовище уступило мѣсто подлинному жилищу, согласованному съ человѣческими потребностями. Если это есть—значитъ, правда и милость царствуютъ въ судахъ; значитъ, нечего и судить, такъ что адвокаты щелкаютъ зу-

бами, а судьи являются въ мѣста служенія лишь для полученія присвоеннаго имъ содержанія. Если это есть — значитъ, монополія не впивается когтями въ беззащитную жертву и не рветъ ея внутренностей. Если это есть — значитъ, государственная казна не расточается, а государственное имущество охраняется и процвѣтаетъ. Если это есть—значитъ, рубль равенъ рублю.

Вотъ сколько отличнѣйшихъ представленій заключаетъ въ себѣ такой простой фактъ, какъ общедоступность „добрыхъ щей"! Спрашивается: ужели въ цѣломъ мірѣ найдется народъ, болѣе достойный названія „славнаго", нежели этотъ, вкушающій „добры щи" народъ?

Кажется, что мечтать на эту тему—ничего? даже Граціановъ—и тотъ, думается мнѣ, не найдетъ тутъ „возбужденія пагубныхъ страстей"? Пагубныхъ страстей—къ чему? Къ „добрымъ щамъ"?

Итакъ, я мечталъ на тему о величіи Россіи. Я всѣмъ желалъ всего добраго, всего лучшаго. Чиновнику—чиновъ и крестовъ съ надписью: „за отдохновеніе"; купцу—хорошихъ торговъ и медалей; культурному человѣку—бутылку шампанскаго и вышедшее въ тиражъ выкупное свидѣтельство; мужику — „добрыхъ щей". И при этомъ, какъ человѣкъ, одаренный художественными инстинктами, я такъ живо представлялъ себѣ благополучіе этихъ людей, что они метались передъ моими глазами какъ живые. Всѣ были поперекъ себя толще, у всѣхъ лица лоснились подъ вліяніемъ хорошаго житья и внутренняго ликованія. Но въ особенности хорошъ былъ мужикъ, такъ хорошъ, что я по цѣлымъ часамъ велъ съ нимъ мысленную бесѣду.

— Ну что, милый человѣкъ, — спрашивалъ я: — бунтовать больше не будешь?

— Помилуйте, ваше скородіе, — отвѣчалъ онъ: — ужъ ежели мы во время сѣкуціевъ—и то, значитъ, со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ, такъ теперича и подавно насъ за эти самые бунты...

При этихъ словахъ обыкновенно наступало „забытье" (зри выше), и дальнѣйшія слова мужика стушевывались: но когда мысленная дѣятельность вновь вступала въ свои права, то я видѣлъ передъ собою такое довольное и добродушное лицо, что невольно говорилъ себѣ: да, этому парню не бунтовать, а именно только славословить вчору! Недоимки всѣ съ него сложены, подушная подать предана забвенію...

чего еще нужно! И онъ славословитъ во истину; не такъ, какъ культурные люди, когда получатъ подачку—съ распарkиваніемъ и цѣлованіемъ въ плечико,—а скромно и истово, а именно: ѣстъ „добрыщи“ во свидѣтельство, что сердце въ немъ играетъ подъ бременемъ благодарности и лпкованія.

Положительно я утверждаю, что мечтать на эту тему—ничего!

Даже свое Монрепо—и его я какъ-то съумѣлъ пристегнуть къ мечтаніямъ о величіи Россіи. Представьте себѣ, что вдругъ, по щучьему велѣнью, по моему хотѣнью, случился такой анекдотъ. Мой лѣсъ изъ дровянаго неожиданно сдѣлался строевымъ; мои болота внезапно осушились и начали производить не мохъ, а настоящую съѣдобную траву, мои пески я утилизировалъ и обработалъ подъ картофельныя плантаціи, а небольшая запанка словно взбѣсилась—начала родить самъ-двадцать *). (Увы! въ мечтахъ и не такія метаморфозы возможны!) Развѣ это „не величіе Россіи“? И къ довершенію всей этой чертовщины, въ какихъ-нибудь ста шагахъ отъ моего крыльца прошла желѣзная дорога, которая возитъ не вывезетъ произведенія Монрепо. Капуста, которую ѣдятъ петербургскіе чиновники—это все моя: бѣлосѣжная телятина, которою щеголяетъ англійскій клубъ по субботамъ—тоже моя. Огурцы, морковь, рѣпа, прессованное сѣно, молочные скопы, кормныя индѣйки—всего пропасть и все мое. А дрова? а рыба, въ изобиліи извлекаемая изъ Финскаго залива? а прочія произведенія природы, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси? Что, если и во всѣхъ другихъ Монрепо идетъ такая же волшебно-производительная галиматья, какъ и въ моемъ? Что, если вдругъ воспрянули отъ сна всѣ Пролёванныя, всѣ Погорѣловки, Ненаѣдовки, всѣ взапуски принялись рожать, и нѣтъ на дорогахъ проѣзда отъ массы капусты, огурцовъ, рѣдьки и проч.?!

*) Одинъ екатеринославскій землевладѣлецъ увѣрялъ меня, что у него пшеница постоянно родитъ самъ-двадцать, и, въ виду моего удивленія по этому поводу, присовокупилъ, что это происходитъ отъ того, что у нихъ въ Екатеринославѣ не земля, а все цѣлина. Замѣчательно, что этотъ самый землевладѣлецъ эту самую землю уже лично двадцать лѣтъ пашетъ, но и за всѣмъ тѣмъ не только въ объявленіяхъ газетныхъ пишетъ: продается столько-то десятинъ „цѣлины“, но и самъ, повидимому, вѣритъ въ подлинность этой „нѣлины“! Точь-въ-точь какъ та легендарная дѣвица, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, которая будто бы въ одно и то же время и сокровище сохранила, и капиталъ пріобрѣла. Но развѣ это правдоподобно?

Возгордимся мы или не возгордимся тогда? вотъ вопросъ! Я думаю однакожъ, что не возгордимся, потому что, во-первыхъ, вѣдь ничего этого на дѣлѣ нѣтъ, а ежели нѣтъ ничего, то стало быть и во-вторыхъ, и въ-третьихъ, все-таки, ничего нѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, повторяю вновь: мечтать на эту тему — ей Богу, ничего!

Ничего? но кто же сказалъ это? Кто же удостовѣрилъ, что „ничего“? А можетъ быть это-то и есть самое оно... А можетъ быть тутъ-то, въ этихъ безнадежныхъ мечтахъ, и кроется „возбужденіе нагубныхъ страстей“! Кто сказалъ: ничего? Тяпкинъ-Ляпкинъ сказалъ? А подать сюда Тяпкина-Ляпкина! Вы, Тяпкинъ-Ляпкинъ, сказали: „ничего“? И такъ далѣе.

Прекрасно. Стало быть, это—не ничего? Такъ и запишемъ. Нельзя мечтать о величіи Россіи—будемъ на другія темы мечтать, тѣмъ болѣе, что по культурному нашему званію намъ это ничего не значитъ. Напримѣръ, конституціонное будущее Болгаріи—чѣмъ не благодарнѣйшая изъ темъ? А при обиліи досуга даже тѣмъ болѣе благодарная, что для развитія ея необходимо прибѣгать къ посредничеству телеграфа, то-есть посылать вопросныя телеграммы и получать отвѣтныя. Анъ время-то, смотришь, и пройдетъ.

Сказано-сдѣлано. Посылаю телеграмму № 1-й: Митрополиту Аноиму. Настоятельно прошу отвѣтить: будетъ ли у васъ конституція?“ Черезъ четверть часа полученъ отвѣтъ: „Братолюбивому господину Монрепо. Конституція, сирѣчь уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи—будетъ. Аноимъ“.

Не удовольствовавшись этимъ объясненіемъ, посылаю телеграмму № 2-й: „Благородному господину Балабанову. Экзархъ Аноимъ увѣдомляетъ: будетъ-де у васъ конституція, сирѣчь исправительный уставъ. Правда ли?“ Черезъ четверть часа отвѣтъ: „Благородному господину Монрепо. На то похоже. Коллежскій ассессоръ Балабановъ“.

Тогда, чтобъ убѣдиться окончательно, посылаю телеграмму № 3-й. „Благородному господину Занкову. Что же, наконецъ, у васъ будетъ?“ И черезъ новыя четверть часа получаю новый отвѣтъ: „Будетъ что Богъ дастъ. Губернскій секретарь Занковъ“.

Сличивши эти три телеграммы, я нахожу вопросъ о конституціонномъ будущемъ Болгаріи исчерпаннымъ и посылаю четвертую,

общую телеграмму. „Митрополиту Аноиму. Пью за болгарскій народъ!“ А черезъ четверть часа получаю отвѣтъ: „Братолюбивому господину Мопренѣ. Не находимъ словъ выразить, сколь для болгарскаго народа сіе лестно. Аноимъ“.

И такимъ образомъ въ какой-нибудь часъ времени — все кончено.

Кажется, что на эту тему мечтать — ничего?

Но если бы и тутъ оказалось не „ничего“, то, дѣлать нечего, возьмемъ за бока Афганистанъ. Ужасно меня съ нѣкоторыхъ поръ интригуетъ Якубъ-ханъ. Коваренъ, какъ всякій восточный человѣкъ, и въ то же время, подобно знаменитому своему отцу, склоненъ къ присвоенію государственной африканской казны. Пойдетъ онъ или не пойдетъ по слѣдамъ Ширъ-али относительно коварнаго Альбіона? Ежели пойдетъ, то рано или поздно быть ему водвореннымъ въ губернскомъ городѣ Рязани. Ежели не пойдетъ, то и тутъ Рязани ему не миновать. Въ первомъ случаѣ — въ знакъ гостепріимства, во второмъ — въ знакъ забвенія бунтовъ. Но во всякомъ разѣ онъ предварительно вывезетъ изъ своего мѣста безчисленное множество лаковъ рунній и доставитъ ихъ въ то мѣсто, которое ему будетъ назначено для гостепріимства. Рязань украсится, оплодотворится и въ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлается неузнаваемою. Въ соборѣ заблаговѣститъ новый колоколъ, на пожарномъ дворѣ явится новая пожарная труба, а что касается до дамочекъ, то онѣ изобрѣтутъ, въ пользу Якубъ-хана, такое декольтѐ, отъ котораго содрогнутся въ гробѣ кости Ширъ-али. Словомъ сказать, весь обрядъ гостепріимства будетъ выполненъ въ точности. Но что же затѣмъ? Затѣмъ, разумѣется, все пойдетъ обычнымъ порядкомъ. Сначала явится разбитной малый изъ мѣстныхъ культурныхъ людей и дастъ руніямъ приличествующее назначеніе; потомъ начнется по этому случаю судоговореніе и въ Рязань прибудетъ адвокатъ и проклянетъ часъ своего рожденія, доказывая, что назначеніе руніямъ дано вполнѣ правильное и согласное съ волей самого истца; а наконецъ Якубъ-хану, въ знакъ окончательнаго гостепріимства, будетъ дозволено переѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ и поступитъ въ ресторанъ Бореля, въ качествѣ служителя...

Нечего и прибавлять, конечно, что русскіе интересы будутъ при этомъ такъ строго соблюдены, что даже „Московскія Вѣдомости“ — и тѣ останутся довольны...

Кажется, что на эту тему мечтать — ничего?

Но ежели и это не „ничего“, то къ услугамъ мечтателя найдется въ Монрепо не мало и другихъ темъ, столь же интересныхъ и ужъ до такой степени безопасныхъ, что даже покойный цензоръ Красовскій—и тотъ съ удовольствіемъ подписалъ бы подъ ними: „мечтать дозволяется“. Во-первыхъ, есть цѣлая область исторіи, которая представляетъ такой неисчерпаемый источникъ всякаго рода комбинацій, сопряженныхъ съ забытьемъ, что самъ мечтательный Погодинъ—и тотъ не могъ вычерпать его до дна. Возьмите, напримѣръ, хоть слѣдующія темы:

Что было бы, еслибъ древніе новгородцы не послѣдовали совѣту Гостомысла и не пригласили варяговъ?

Гдѣ былъ бы центръ тяжести, еслибъ вѣщій Олегъ взялъ Константинополь и оставилъ его за собой?

Какими государственными соображеніями руководились удѣльные князья, ведя другъ съ другомъ безпрерывныя войны?

На какой степени гражданскаго и политическаго величія стояла бы въ настоящее время Россія, еслибъ она не была остановлена въ своемъ развитіи татарскимъ нашествіемъ?

Кто былъ первый Лжедмитрій?

Еслибъ Петръ Великій не основалъ Петербурга, въ какомъ положеніи находилась бы теперь мѣстность при впаденіи Невы въ Финскій заливъ, и имѣла ли бы Москва основаніе завидовать Петербургу (извѣстно, что зависть къ Петербургу составляетъ историческую миссію Москвы въ теченіе болѣе полутора вѣковъ)?

Почему, несмотря на сравнительно мѣньшую численность населенія, въ Москвѣ больше трактировъ и питейныхъ домовъ, нежели въ Петербургѣ? Почему въ Петербургѣ немыслимъ трактиръ Тѣстова?

Попробуйте заняться хоть однимъ изъ этихъ вопросовъ, и вы увидите, что и ваше существо, и Монрепо, и вся природа—все разомъ переполнится привидѣніями. Со всѣхъ сторонъ поползутъ шопоты, таинственныя дуновенія, мельканія, словомъ сказать, вся процедура серьезнаго историческаго, истинно-Погодинскаго изслѣдованія. И въ заключеніе тѣнь Красовскаго произнесетъ: „мечтать дозволяется“.

О, тѣнь возлюбленная! не ошибкой ли, однако, высказала ты разрѣшительную формулу? повтори!

Во-вторыхъ, имѣется другая, не менѣе обширная область—кулинарная. Еще Владиміръ Великій сказалъ: „веселіе Руси пити и исти“, и въ этихъ немногихъ словахъ до такой степени вѣрно очертилъ русскую подоплёку, что даже и донынѣ русскій человѣкъ ни на чемъ съ такимъ удовольствіемъ не останавливаетъ свою мысль, какъ на ѣдѣ. А такъ какъ объектомъ для ѣды служитъ все разнообразіе природы, то не трудно себѣ представить, какое безчисленное количество механическихъ и химическихъ метаморфозъ можетъ произойти въ этомъ безграничномъ мірѣ чудесъ, если хозяиномъ въ немъ явится мечтатель, охотникъ пожрать!

Въ-третьихъ, въ-четвертыхъ, въ-пятыхъ... я, конечно, не буду утомлять читателя дальнѣйшимъ перечисленіемъ подходящихъ сюжетовъ и темъ. Скажу огуломъ: міръ мечтаній такъ великъ и допускаетъ такое безграничное разнообразіе сочетаній, что нѣтъ той навозной кучи, которая не представляла бы повода для интереснѣйшихъ сопоставленій.

Итакъ, я мечталъ. Мечталъ и чувствовалъ, какъ я умираю, естественно и непостыдно умираю. Въ первый разъ въ жизни я наслаждался сознаніемъ, что ничто не нарушитъ моего вольнаго умиранія, что никто не призоветъ меня къ отвѣту и не напомнитъ о какихъ-то обязанностяхъ, что ни одна душа не потребуетъ отъ меня ни совѣта, ни помощи, что мнѣ не предстоитъ никуда спѣшить, объ чемъ-то бесѣдовать и что-то предпринимать, что ни одинъ органъ книгопечатанія не обольетъ меня помоями сквернословія. Однимъ словомъ, что я забытъ, совсѣмъ забытъ.

Внутри дома царила пустота, тишина и одиночество. Внѣ дома —то же одиночество и та же пустота. По временамъ паркъ заволакивался, словно сѣтью, падающими хлопьями снѣга; по временамъ деревья какъ бы сбрасывали съ себя иго оцѣненія и, колеблемыя вѣтромъ, оживали и шевелились: по временамъ изъ лѣсной чащи даже доносился грозный гулъ. Но взоръ и слухъ скоро привыкали и къ этимъ картинамъ, и къ этимъ звукамъ. Зимняя природа даже и въ гнѣвѣ какъ-то безоружна,—разумѣется, для тѣхъ, которыхъ нужда не выгоняетъ изъ теплой комнаты. Вонъ въ полѣ, въ лѣсу — тамъ, должно быть, страшно. Можно сбиться съ дороги, подвергнуться нападенію волковъ, замерзнуть. Но въ комнатѣ, гдѣ градусникъ показываетъ всегда одинъ и тотъ же уровень температуры, гдѣ и тепло,

и свѣтло, и уютно, всѣ эти морозы и вьюги могутъ даже подать поводъ для благодарныхъ сопоставленій.

И не только для благодарныхъ, но и для поучительныхъ сопоставленій. Ибо если хорошо быть совсѣмъ обезпеченнымъ отъ морозовъ и вьюгъ, то еще большее наслажденіе долженъ ощущать тотъ, кто, испытавъ морозъ и вьюгу, кто, проплутавъ до истощенія силъ по сугробамъ, вдругъ совсѣмъ неожиданно обрѣтаетъ спасеніе въ видѣ жилья. Представьте себѣ этотъ почти волшебный переходъ отъ холода къ теплу, отъ мрака къ свѣту, отъ смерти къ жизни; представьте себѣ эту радость возрожденія, радость до того глубокую и яркую, что для нея дѣлаются уже тѣсными предѣлы случая, ее породившаго. Да, это—радость совсѣмъ особенная, лучезарная, ни съ чѣмъ несравнимая. Не одинъ *этотъ* случай освѣтила она своими лучами, но разомъ втянула въ себя цѣлую жизнь и на все прошлое, на все будущее наложила печать избавленія. Въ эту блаженную минуту нѣтъ мѣста ни для опасенія, ни для тревогъ. *Всѣ* опасности миновали, *всѣ* тревоги улеглись; *все* больное, щемящее упразднилось — навсегда. Во всемъ существѣ разлилась горячая струя жизни, во всѣхъ мысляхъ царитъ убѣжденіе, что отнынѣ жизнь уже пойдетъ не старою горькою колеей, а совсѣмъ новымъ, радостнымъ порядкомъ. Конечно, все это волшебство длится какую-нибудь одну минуту, но за то какая это минута... Боже, какая минута!

Истинно говорю, это—наслажденіе великое, и съ теоретической точки зрѣнія отсутствіе его въ жизни людей, проводящихъ время въ теплыхъ и свѣтлыхъ комнатахъ, представляетъ даже очень значительный пробѣлъ.

Между прочимъ, я мечталъ и объ этомъ, и это были мечтанія по истинѣ отрадныя. Сначала я душевно скорбѣлъ, рисуя себѣ картину путника, выбивающагося изъ силъ; но такъ какъ я человѣкъ добрый, то, разумѣется, не оставлялъ его до конца погибнуть, и въ критическую минуту посылалъ на помощь и предоставлялъ въ его распоряженіе неприхотливое, но вполнѣ удовлетворительное жилье. И глубока была моя радость, когда вслѣдъ затѣмъ передъ моими глазами постепенно развертывалась картина возрожденія...

Однимъ словомъ, я мечталъ, мечталъ безъ конца, мечталъ обо всемъ: о прошломъ, настоящемъ и будущемъ, мечталъ смѣло, въ сладкой увѣренности, что никто объ моихъ мечтахъ не узнаетъ, и слѣдо-

вательно никто меня не подкузьмитъ. И, проводя время въ этихъ мечтаніяхъ, чувствовалъ себя удивительно хорошо. До усталости ходилъ по комнатѣ и ни на минуту не уличилъ свою мысль въ бездѣятельности; потомъ садился въ кресло, закрывалъ глаза и опять начиналъ мысленную работу. Даже такъ-называемыя „хозяйственныя распоряженія“—и тѣ вскорѣ приняли у меня мечтательный характеръ. Придетъ вечеромъ, передъ сномъ, въ комнаты старикъ Лукьянычъ и молвитъ:

— Ну, нынче—зима!

— Ты говоришь: зима?

— Да, зима нынче. И ежели теперича лѣто съ примѣтами сойдется, такъ, кажется, конца-краю урожаю не будетъ!

— Ты думаешь?

— Вотъ увидите. Въ прошломъ году мы одну только сторону сѣномъ набили, а въ нынѣшнемъ придется, пожалуй, и на чердаки на скотномъ сѣно таскать.

— Гм... это бы...

— Увидите сами, коли ежели я не правду говорю. Такая-то зима у меня на памятяхъ всего разъ случилась, когда мнѣ еще пятнадцать лѣтъ было. И что въ ту пору хлѣба нажали, что сѣна накосили—страсть!

— Богъ, братецъ...

— Само собой, Богъ! захочетъ Богъ—полны сусѣки хлѣба насыплетъ, не захочетъ—ни пера земля не родитъ! это что говорить!

Молчаніе.

— Распоряженіевъ насчетъ завтрашняго дня не будетъ?

— Нѣтъ, что ужъ...

— Покойной ночи-съ!

И все въ домѣ окончательно стихаетъ. Сперва на скотномъ дворѣ потухаютъ огни, потомъ на кухнѣ замираетъ послѣдній звукъ гармоники, потомъ сторожъ въ послѣдній разъ стукнулъ палкой въ стѣну и забрался въ сѣни спать, а наконецъ ложусь въ постель и я самъ...

Но и сонъ приходитъ какой-то особенный. Мечтанія канувшаго дня не прерываются, а только быстрѣе и отрывочнѣе слѣдуютъ одни за другими. Вотъ и опять „величіе Россіи“, вотъ „Якубъ-ханъ“, вотъ „историческіе вопросы“, а вотъ и „ну, ужъ нынче зима!“... Не разберешь, гдѣ кончилось бодрствованіе и гдѣ начался сонъ...

Но въ этой-то невозможности что-нибудь „разобрать“ именно и заключается та обаятельная сила, которая заставляетъ умирающаго человѣка стремиться въ Монрепо, чтобы тамъ обрѣсти для себя усыпальницу.

Но въ первыхъ числахъ марта въ мое сердце начали вкрадываться смутныя опасенія. Прилетѣли грачи и наполнили паркъ гамомъ; почернѣла дорога. На большомъ трактѣ, отдѣляющемся отъ моего дома лишь небольшимъ клочкомъ парка, появились тройки съ катающимися, которыхъ, благодаря отсутствію листвы, я могъ видѣть совершенно отчетливо. Это были наши портерныя и питейныя дамы, для которыхъ катанье на тройкахъ составляетъ, по изстари заведенному обычаю, единственное великопостное развлеченіе. По-видимому имъ было очень весело, также какъ и Граціанову, неизмѣнно сопровождавшему дамъ на бѣговыхъ санкахъ. Но въ особенности шумнымъ дѣлалось это веселіе противъ моей усадьбы. Тройки замедляли ходъ; дамы, обративши лицо въ сторону моего дома, хохотали такъ громко, что даже черезъ двойныя оконныя рамы до меня долетали ихъ ликующіе голоса; при этомъ Граціановъ объяснялъ имъ, должно быть, нѣчто очень уморительное. Можетъ быть, онъ въ смѣшномъ видѣ пересказывалъ испытаніе, которому меня подвергалъ; можетъ быть, подмѣтилъ кое-что изъ моихъ привычекъ и тоже возводилъ въ перлъ созданія.

Конечно, все это трогало меня очень мало и ничуть не служило помѣхой для моего умиранія. Но однажды я замѣтилъ нѣчто не совсѣмъ обыкновенное. Между знакомыми тройками появилась тройка совсѣмъ особенная, охотницкая. На пошевняхъ, покрытыхъ ковромъ, сидѣлъ купецъ Разуваевъ, самъ правилъ лошадьми и завивалъ пристяжныхъ въ кольца. Какъ только показалась эта тройка, Граціановъ передалъ свою одиночку близъ стоявшему сотскому и пересѣлъ въ Разуваевскія пошевни. Затѣмъ, пропустивши мимо дамскій поѣздъ, друзья остановились прямо противъ оконъ моего дома. Разуваевъ жестикулировалъ, Граціановъ что-то доказывалъ; оба отъ времени до времени хохотали. Я видѣлъ, какъ Разуваевъ поманилъ пальцемъ стараго Лукьяныча, сидѣвшаго на лавкѣ у воротъ, какъ послѣдній неторопко подошелъ и, что-то выслушавъ, сплюнулъ въ сторону, и затѣмъ оба друга опять захохотали. Черезъ четверть часа улица

опустѣла и гуляющіе, очевидно, разошлись по кабакамъ. Но когда начали спускаться сумерки, Разуваевская тройка съ двумя сѣдоками, по крайней мѣрѣ разъ десять, съ гамомъ и свистомъ, пронеслась взадъ и впередъ мимо моего дома, посылая по сторонамъ комья грязи и рыхлаго снѣга и взбудораживая угомонившихся въ гнѣздахъ грачей.

Передъ спаньемъ Лукьянычъ имѣлъ по этому поводу со мной объясненіе.

— Разуваевъ мимо насъ сегодня озоровалъ.

— Видѣлъ.

— Стало быть, ему можно?

— Стало быть.

— Стало быть, ежели онъ ночью... испугаетъ, на вѣкъ уродомъ сдѣлаетъ... и это можно?

— Вѣроятно, можно.

Лукьянычъ только головой мотнулъ на мой отвѣтъ.

— Давеча меня поманилъ: „правда ли, говоритъ, что Матрена-скотница (Матрена—почтенная женщина лѣтъ подъ-шестьдесятъ) въ грѣхѣ состоитъ?“

— Съ кѣмъ? сказывалъ?

— Извѣстно, съ кѣмъ.

— Со мной?

— Стало быть.

Молчаніе.

— А потомъ опять подъѣхалъ. „Коли, говоритъ, Матрена не виновата, такъ чѣмъ же твой баринъ питается?“ И это, значитъ, можно?

— Должно быть. Вотъ ты и самъ съ нимъ разговаривашь...

— А я что же могу! Я думалъ, онъ объ дѣлѣ хочетъ говорить, а онъ вонъ что! По моему, ему бы за это въ шею наклясть—вотъ и все.

— А ты его спроси сначала, согласится ли онъ?

— Это, чай, и безъ спросу можно. При папенькѣ при вашемъ, царство небесное, коли бы этакой случай вышелъ...

— Тѣ было при папенькѣ, а тѣ теперь.

— Такъ, значитъ, и пущай озоруютъ?

— И пущай!

— Покойной ночи-съ!

Нѣсколько дней сряду повторялось это дикое гиканье, и однажды даже, какъ предсказалъ Лукьянычъ, Разуваевъ угостилъ меня имъ въ глухую ночь. Проскакалъ несчетное число разъ мимо моей усадьбы во весь опоръ, крича: „караулъ! рѣжутъ! пожаръ!“ И во всѣхъ этихъ parties de plaisir неизмѣнно участвовалъ Граціановъ. Я понялъ, что противъ меня затѣяна интрига.

Очевидно, меня хотятъ выжить. Вездѣ кругомъ кабаки, вездѣ веселье идетъ, одинъ я запершись отъ всѣхъ и умираю. И при этомъ какъ-то странно и неестественно себя веду, такъ что и приноровиться ко мнѣ невозможно. Сперва не „якшался“ и задиралъ носъ, потомъ смалодушничалъ и началъ „якшаться“, и вотъ въ ту самую минуту, когда всѣ сердца понеслись мнѣ на встрѣчу, когда всѣ начали надѣяться, что я буду приглашать деревенскихъ дѣвокъ водить хороводы у себя передъ домомъ и одѣлять ихъ пряниками, я вдругъ опять запершись и пересталъ „якшаться“. Даже батюшка скандализировался моимъ поведеніемъ, и, дабы не преогорчить своихъ прочихъ духовныхъ дѣтей, сталъ избѣгать свиданій со мною. Ясно, что Разуваевъ былъ въ этомъ мѣстѣ гораздо болѣе ко двору, нежели я.

Разуваевъ жилъ отъ меня верстахъ въ пяти, снималъ рощи и отправлялъ въ городъ барки съ дровами. Сверхъ того, онъ занимался и другими операціями, объектомъ которыхъ обыкновенно служилъ мужикъ. И онъ былъ веселый, и жена у него была веселая. Домъ ихъ, небольшой и невзрачный, стоялъ у лѣсной опушки, такъ что изъ оконъ никакого другого вида не было, кромѣ громаднаго пространства, сплошь усѣяннаго пнями. Но хозяева были гостепріимные, и пированье шло въ этомъ домишкѣ великое.

Ко времени, о которомъ идетъ рѣчь, доходилъ срокъ арендуемымъ Разуваевымъ рощамъ. И вотъ онъ началъ задумываться. Капиталъ свободный есть, торговыя связи тоже заведены, а главное, мѣсто насижено и облюбовано. Вдетъ онъ по селу улицей — всѣ шапки снимаютъ; пріѣдетъ въ церковь къ обѣдни — станетъ съ супругой впереди у крылоса, подтягиваетъ дьячку и любуется на пожертвованное имъ паникадило; послѣ обѣдни подойдетъ ко кресту первымъ послѣ Граціанова и получитъ отъ батюшки заздравную просвиру. Всѣмъ съ нимъ повадно, всѣмъ по себѣ, потому что онъ на всѣ руки: и выпить не дуракъ, и пошутить охочъ и сплясать можетъ. Поставитъ на голову стаканъ съ пивомъ и спляшетъ. Батюшка

сколько разъ мнѣ говорилъ: „Вотъ у Разуваева икру подаютъ—бѣлужью, настоящую! А однажды изъ города копченую стерлядь привезъ—даже и до часа сего забыть не могу!“ А матушка, вздохнувъ, прибавляла: „По здѣшнему мѣсту, только и полакомиться, что у Разуваевыхъ!“ Даже такъ-называемая черядь—и та какъ полоумная сбѣгалась со всѣхъ сторонъ, когда на село пріѣзжалъ Разуваевъ. Потому что онъ вдругъ, того и гляди, велитъ пѣсни пѣть и начнетъ въ народъ гривенники на драку бросать!

Однимъ словомъ, всѣми онъ былъ любимъ, для всѣхъ желателенъ. Мужикъ онъ былъ не то чтобы молодой, но въ норѣ, статный, широкоплечій, лицо имѣлъ русское, круглое, румяное, глаза веселые, бороду пушистую, свѣтлорусую. И жена у него была такая же, русская: круглолицая, бѣлотѣлая, полногрудая, румяная, съ веселыми, слегка безстыжими глазами на выкатѣ. Охотники были оба пѣсни попѣть, и пѣли мастерски, особенно хоровыя, подблюдныя.

Давно ужъ до меня доходили слухи, что Разуваевъ ищетъ купить себѣ усадьбу, но только чтобы непремѣнно за грошъ. Думалъ-было онъ сначала на порожнемъ участкѣ новый домъ взбодрить, но разсчиталъ, что за грошъ новаго заведенья никакъ устроить нельзя. Да поди еще жди, когда еще оно въ настоящій видъ придетъ, а до тѣхъ поръ торчи на тычкѣ, жарься лѣтомъ на припекѣ, а зимой слушай, какъ вѣтеръ воетъ. Начнешь парки разводить, сады сажать—смотришь, аль изъ десяти деревъ одно принялось, а прочія посохли. Хорошо было этими парками тогда заниматься, когда крѣпостные были. Тогда ни одно дерево не пропадало, а шло все въ высь и въ ширь, словно по щучьему велѣнью. Тогда-то и было положено начало всѣмъ паркамъ и садамъ, которые мы видимъ, а теперь не до парковъ. Такъ вотъ этакую бы готовую старинную усадьбу подыскать, чтобы и парки при ней были, и пруды бы въ паркахъ, и караси бы въ прудахъ водились, и плодовитый садъ чтобы тутъ же находился, а въ бочку́ бы харчевенку съ продажей распивочно и на вынос поставить. Да за грошъ бы, непремѣнно за грошъ.

Сколько тутъ пота мужичьяго пролилось, сколько бабьихъ слезъ эти парки видѣли—Разуваевъ объ этомъ не хочетъ и знать. До сихъ поръ старики поминаютъ: „вонъ въ этомъ мѣстѣ трясина была, такъ мы мѣшками землю таскали—смотри, каку́ гору́шу взбодрили!“—но Разуваеву и до этого дѣла нѣтъ. Онъ знаетъ только, что совре-

мѣному помѣщику все это не къ рукамъ. да и самъ помѣщикъ. по нынѣшнему времени, тутъ не ко двору. Помѣщикъ—онъ человѣкъ невѣрный, а нужны люди постоянные, вѣроятные, то-есть либо кабатчики, либо оголтѣлые мужики. А сверхъ того Разуваевъ имѣетъ простодушно-наглое убѣжденіе, что стоитъ только помахать у помѣщика подъ носомъ ассигнаціей, чтобъ онъ сейчасъ же, отъ одного ассигнаціоннаго запаха, впалъ въ изнеможеніе.

И вотъ, благодаря этой наглости съ одной стороны и сознанію беззащитности съ другой, мое сладкое умираніе было самымъ нахальнымъ образомъ прервано. Уже съ самаго начала открытія непріязненныхъ дѣйствій, съ появленіемъ первыхъ гиканій, я смутно почувствовалъ, что мое дѣло не выгоритъ, что, такъ или иначе, я долженъ буду уступить силѣ обстоятельствъ. Въ самомъ дѣлѣ, что я могъ предпринять, чтобы оградить себя отъ Разуваева? Жаловаться на него—куда? И притомъ что-нибудь одно: или умирать, или утруждать начальство просьбами, а одновременно заниматься и тѣмъ, и другимъ—развѣ это съ чѣмъ-нибудь согласно? Если же прибѣгнуть къ партикулярнымъ мѣрамъ взысканія, то и тутъ ничего не подѣлаешь. Плюнешь Разуваеву въ лицо—онъ утрется, своротишь ему скулу—онъ въ баню сходитъ и опять ее на старое мѣсто вправитъ. Словомъ сказать, съ какой стороны къ нему ни приступись — онъ неуязвимъ. Пожалуй, еще заноситъ: „Веселися, храбрый россъ!“ и заставитъ слушать себя стоя...

Въ одно прекрасное утро, взглянувъ въ окно, обращенное въ паркъ, я увидѣлъ, что по одной изъ расчищенныхъ для моихъ прогулокъ аллей ходятъ двое мужчинъ, посматриваютъ кругомъ хозяйскимъ глазомъ, мѣряютъ шагами пространство и даже деревья пересчитываютъ. Вглядѣвшись пристальнѣе, я узналъ въ посѣтителяхъ Разуваева и Граціанова. Вотъ они скрылись въ чащѣ, вотъ опять выглянули, подошли къ пруду, причемъ Разуваевъ силюнулъ на посинѣвшій ледъ; вотъ подошли къ рѣшеткѣ, отдѣляющей огородъ отъ сада, и что-то высчитываютъ—должно быть, сколько тутъ грядъ можно обработать, и съ чѣмъ именно. Вотъ наконецъ они возвращаются, опять останавливаются и толкуютъ, вотъ подходятъ къ дому.

Черезъ минуту въ передней у меня раздался звонокъ...

IV.—Finis Монрепо.

Когда продавецъ недвижимаго имущества входитъ въ сношенія съ покупателемъ, то совѣтуемъ первому не только не утаивать недостатковъ продаваемаго имѣнія, но объяснять оные съ полною откровенностью. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что умный продавецъ никогда не скажетъ, что имѣніе его ничего не стоитъ, но сошлется или на недостатокъ капиталовъ, или на собственныя свои, владѣльца, невѣжество и нерадивость. Такая откровенность почти всегда удается, ибо всякій покупатель непремѣнно мнитъ себя агрономомъ, а ежели у него, вдобавокъ, есть нѣсколько лишнихъ тысячъ рублей, то къ таковому самомнѣнію обыкновенно присоединяется увѣренность, что по мѣрѣ размѣна крупныхъ ассигнацій на мелкія неголное имущество будетъ постепенно превращаться въ золотое дно. Одинъ нашъ знакомый, напримѣръ, такъ рекомендовалъ свое Монрепо лицу, интересовавшемуся пріобрѣтеніемъ онаго:

„Земля у меня,—писалъ онъ,—отчасти худородная, отчасти изъ песковъ состоящая, но ежели приложить трудъ, умѣніе и капиталъ, то... Баженовъ пишетъ: извѣстно, что даже зыбучіе пески, ежели... Совѣтовъ повѣствуетъ: ежели зыбучіе пески... Но въ особенности рекомендую нѣкоторыя подозрительнаго свойства залежи, которыхъ въ имѣніи очень достаточно и которыя, по недостатку капиталовъ, не были, къ сожалѣнію, подвергнуты изслѣдованію. Судя однакожъ по ржавчинѣ, покрывающей воды и ростущіе злаки, можно предположить“...

И что же! откровенность эта имѣла самый полный успѣхъ! Прошло очень немного времени, какъ въ Монрепо уже разгуливалъ новый владѣлецъ и въ свою очередь обдумывалъ наилучшую для онаго рекомендацію!

Изъ неизданнаго сочиненія: „Совѣты благоразумія при продажѣ земельныхъ недвижимыхъ имуществъ“.

Разуваевъ предсталъ передо мной радостный, румяный, свѣтлый. Онъ увѣренно протянулъ мнѣ руку, держа ее ладонью вверхъ.

— Ну, баринъ, по рукамъ!—воскликнулъ онъ, повидимому не питая ни малѣйшаго сомнѣнія, что именно эти самыя слова ему сказать надлежитъ.

— По какому случаю?

— Да такъ ужъ, хлопай! въ накладѣ не будешь! хорошее слово услышишь!

— Покуда что услышу, а до тѣхъ поръ лучше было бы, кабы вы безцеремонность-то посократили.

Разуваевъ взглянулъ на меня, слегка подбочинился и грустно покачалъ головой.

— Ахъ, баринъ вы, баринъ! Поглижу я на васъ, на барь,— все-то вы артачитесь!

И затѣмъ, вынувъ изъ кармана большой и туго набитый бумажникъ, присовокупилъ:

— Вотъ!

Приводя эту сцену, я отнюдь не преувеличиваю. Въ послѣднее время русское общество выдѣлило изъ себя нѣчто на манеръ буржуазіи, то-есть новый культурный слой, состоящій изъ кабатчиковъ, процентщиковъ, желѣзнодорожниковъ, банковыхъ дѣльцовъ и прочихъ казнокрадовъ и міроѣдовъ. Въ короткій срокъ эта праздношатающаяся тля успѣла опутать всѣ наши палестины; въ каждомъ углу она сосетъ, точитъ, разоряетъ и, вдобавокъ, нахальничаетъ. Въ большихъ центрахъ она теряется въ массѣ прочихъ праздношатающихся и потому не слишкомъ бьетъ въ глаза, но въ малыхъ городахъ и въ особенности въ деревняхъ она положительно подла и невыносима. Это — ублюдки крѣпостного права, выбивающіеся изъ всѣхъ силъ, чтобы возстановить оное въ свою пользу, въ формѣ менѣе разбойнической, но несомнѣнно болѣе воровской.

Помѣщикъ, еще недавній и полновластный обладатель сихъ мѣстъ, исчезъ почти совершенно. Онъ захудалъ, струсилъ и потому или бѣжалъ, или сидитъ, спрятавшись, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ сейчасъ побѣжитъ. Мужикъ ничего отъ него не ждетъ; буржуа-міроѣдъ смотритъ такъ, что только не говоритъ: а вотъ я тебя сейчасъ слопаю; даже попъ — и тотъ не идетъ къ нему славить по праздникамъ, ни о чемъ не докучаетъ, а при встрѣчахъ впадаетъ въ учительный тонъ.

Оставшись съ клочками земли, которые самъ облюбовалъ при составленіи уставныхъ грамотъ и не безъ грѣха утянулъ отъ крестьянскихъ надѣловъ, помѣщикъ не знаетъ, что̀ съ ними дѣлать, какъ ихъ сберечь. Видитъ самъ, что онъ къ дѣлу не приготовленъ, на выдумки не гораздъ, да притомъ и лѣнивъ, и что, слѣдовательно, что̀бы онъ ни предпринялъ — ничего у него не выйдетъ. Между тѣмъ надо жить. И жить не власть имѣющимъ, не привилегированнымъ, а зауряднымъ партикулярнымъ человѣкомъ. И прежде былъ онъ негораздъ и неретивъ, но прежде у него былъ подъ руками „вѣрный человѣкъ“, который и распоряжался и присматривался за него, а ему только денежки на столъ выкладывалъ: пей, ѣшь и веселись! Увы! скоро исполнится двадцать лѣтъ, какъ „вѣрнаго человѣка“ и слѣдъ простылъ. „Нѣтъ вѣрныхъ людей! пропалъ, изворовался вѣрный че-

ловѣкъ!“—воніютъ во всѣхъ концахъ разсѣянные остатки старинаго барства, и воніютъ не напрасно, ибо каждому изъ нихъ предстоитъ ухитить разрушающееся гнѣздо, да и въ домашнемъ обиходѣ дворянскій обычай соблюсти, то-есть имѣть чай, сахаръ, водку, табакъ. На все это потребенъ рубль, рубль и рубль; а откуда его добыть тому, кто „вѣрнаго человѣка“ лишился и не успѣлъ проникнуть ни въ земство, ни въ мировыя учрежденія?

А „вѣрный человѣкъ“ притаился тутъ же подъ бокомъ и обростаетъ да обростаетъ себѣ полегоньку. Помѣщикъ, Сидоръ Кондратьичъ Прогорѣловъ, нѣкогда звалъ его Егоркой, потомъ сталъ звать Егоромъ Ивановымъ, потомъ—Егоромъ Иванычемъ, а теперь уже и прямо произноситъ полный титулъ: Егоръ Иванычъ господинъ Груздёвъ. Егорка прижалъ въ свое время у Сидора Кондратьича нѣсколько сотенъ рублей; Егоръ Ивановъ — опуталъ ими деревню; Егоръ Иванычъ съѣздилъ въ городъ, узналъ, гдѣ раки зимуютъ, и открылъ кабакъ, а при немъ и лавку, въ качествѣ подспорья къ кабаку; а господинъ Груздёвъ ужъ о томъ мечтаетъ, какъ бы ему „банку“ устроить и въ конецъ родную палестину слопать. Тщетно Сидоръ Кондратьичъ изъ глубины взволнованной души воніетъ: „давно ли Егорка при мнѣ въ прохвостахъ состоялъ!“ — на эти вопли Егорка совершенно резонно ему возражаетъ: „одни это съ вашей стороны, Сидоръ Кондратьичъ, нестоющія слова!“

Однакожъ и Егорка выступаетъ на арену дѣятельности не Богъ знаетъ съ какимъ запасомъ. И онъ негораздъ и невѣжественъ, и онъ ретивъ только галдѣть да зубы заговаривать. Но у него есть готовность кровопійствовать — и это значительно помогаетъ ему. Готовность эту онъ выработалъ еще въ то время, когда въ „подломъ видѣ“ состоялъ, но тогда онъ употреблялъ ее за счетъ своего патрона, и за это-то именно и получилъ титулъ „вѣрнаго человѣка“. Теперь онъ пользуется ею ужъ „для себя“, и пользуется, разумѣется, шире, рисковаиѣе. Но, сверхъ того, у него есть и еще подспорье: онъ совсѣмъ не думаетъ о томъ, что ожидаетъ его впереди. Можетъ быть, изъ него выйдетъ *господинъ* Груздёвъ, а можетъ быть онъ угодитъ въ острогъ. Разумѣется, лучше сдѣлаться *господиномъ* Груздёвымъ, но, съ другой стороны, и въ Сибири люди живутъ. Не выгорѣло—только и всего; а чтобы совѣстно было или больно—ни капельки. Понятно, что, заручившись двумя столь драгоцѣнными ка-

чествами, онъ всякую мышь, всякую букашку, въ травѣ ползущую— все видитъ.

И вотъ наконецъ совершилось. Миновавши чудеснымъ образомъ каторгу, Егорка откуда-то добываетъ себѣ шитый мундиръ и окончательно дѣлается Егоромъ Иванычемъ господиномъ Груздёвымъ. Онъ пьетъ кровь уже въявь и въ то же время сознаетъ себя „столпомъ“. Все кругомъ „подражаетъ“ ему, заискиваетъ, льститъ. Уѣздныя власти заѣзжаютъ къ нему и по пути, и безъ пути, пьютъ въ его домѣ, закусываютъ и, въ случаѣ административныхъ затрудненій, прибѣгаютъ къ его помощи. Кто купитъ недоимщицкій скотъ?— Егоръ Иванычъ. Къ кому обратиться съ приглашеніемъ о пожертвованіи?—къ Егору Иванычу. А глядя на властей, и помельче сошка чувствуетъ, какъ раскипается у нея сердце усердіемъ къ Егору Иванычу. Батюшка обѣдни не начинаетъ до пріѣзда его въ храмъ; волостной старшина совмѣстно съ писаремъ контракты для него сочиняютъ, коими закрѣпляютъ въ пользу его степенства всю волость, а сотскіе и десятскіе всѣ глаза проглядѣли, не покажется ли гдѣ Егоръ Иванычъ, чтобы броситься впередъ и разгонять на пути его чернядь.

Видя такое общее „подражаніе“, Егорка начинаетъ больше и больше входить въ азартъ. Онъ уже не разъ видѣлъ себя въ мечтахъ перебравшимся въ Петербургъ и оттуда дѣлающимъ экскурсіи „для дебаширства“ въ Парижъ, Ниццу, Баденъ-Баденъ и проч.; но покуда это—еще идеалъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Покамѣстъ ему и дома жить хорошо. Только вотъ Сидоръ Кондратьичъ словно бѣльмо на глазу у него торчитъ. Струсилъ онъ, захудалъ, а все-таки помнитъ, что Егорка въ прохвостахъ у него состоялъ. Да и гнѣздо у него такое насижено, какъ будто бы именно тутъ, а не въ иномъ мѣстѣ „господину“ быть надлежитъ. Знаетъ Егорка, что все это, въ сущности, пустяки, что не въ преданіяхъ прошлаго сила—и все-таки кипятится: какъ-ни-какъ, а надо Сидора Кондратьича изъ здѣшняго мѣста выкурить, надо гнѣздомъ его завладѣть. Ибо тогда и только тогда онъ во истину *господинъ* Груздёвъ будетъ.

Сказано—сдѣлано. Предпринимается цѣлый рядъ подвоховъ. Еще будучи въ „подломъ видѣ“, Егорка-вѣрный человѣкъ до тонкости вызналъ Сидора Кондратьича и очень хорошо понимаетъ, на какой струнѣ надлежитъ играть, чтобъ его заставить лѣзть на стѣну

или ввергнуть въ уныніе. И вотъ не проходитъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ бывшій властитель сихъ мѣстъ видитъ себя лишеннымъ огня и воды и дѣлается притчей во языцѣхъ. Рабочіе къ нему не идутъ, поля у него не родятъ, коровы его не доятъ, овцы чихаютъ... дурракъ! Даже черядь, которая спеціально рождена для того, чтобы слезы лить, и та весело гогочетъ, слушая анекдоты объ Егоркиныхъ подвохахъ и Прогорѣловскомъ простодушіи. А ежели не донимаютъ простые подвохи, то пускаются въ ходъ подвохи сложные, какъ-то: доносы, нашептыванья, раздаются слова: „книжки читаетъ“, „народъ смущаетъ“, „соблазнъ заводитъ“. Долго не вѣритъ Сидоръ Кондратычъ ушамъ и глазамъ своимъ, но наконецъ убѣждается, что надо бѣжать, бѣжать безъ оглядки, сейчасъ...

Я не утверждаю, разумѣется, что все написанное выше составляетъ общее правило. Есть и тутъ исключенія, но ихъ такъ мало и они такъ своеобразны, что большинству, состоящему изъ простыхъ смертныхъ, трудно и мечтать о томъ, чтобъ попасть въ ряды счастливцевъ. Вотъ эти исключенія. Во-первыхъ, дѣятели земскихъ и мировыхъ учрежденій, потому что они сами всегда могутъ притѣснить; во-вторыхъ, землевладѣльцы изъ числа крупныхъ петербургскихъ чиновниковъ, потому что они могутъ содѣйствовать Груздёвскимъ предпріятіямъ и, сверхъ того, служить украшеніемъ Груздёвскихъ семейныхъ торжествъ, какъ-то: крестинъ, свадебъ и проч.: въ-третьихъ, землевладѣльцы изъ ряду вонъ богатые, считающіе за собой земли десятками тысячъ десятинъ, которые покуда еще игнорируютъ Груздёвыхъ и отсылаютъ ихъ для объясненій въ конторы; и въ-четвертыхъ, землевладѣльцы не особенно вліятельные, но обладающіе атлетическимъ тѣлосложеніемъ и способные произвести ручную расправу. Вотъ единственныя лица, передъ которыми новоявленный русскій буржуа до поры до времени не пахальствуетъ.

Повторяю, это совсѣмъ не тотъ буржуа, которому удалось неслыханнымъ трудолюбіемъ и пристальнымъ изученіемъ профессіи (хотя и не безъ участія кровопійства) завоевать себѣ положеніе въ обществѣ; это—просто праздный, невѣжественный и притомъ лѣнивѣйшій забулдыга, которому, благодаря слѣпой случайности, удалось уйти отъ каторги и затѣмъ слопать кишащія вокругъ него массы „рохлей“, „ротозѣевъ“ и „дураковъ“.

Хотя Разуваевъ еще мелко плаваль, но уже былъ, такъ сказать,

на линіи Груздёвыхъ. По крайней мѣрѣ идея грабежа была ужъ вполнѣ имъ усвоена. Я зналъ его очень давно, еще въ то время, когда онъ состоялъ дворовымъ человѣкомъ моего сосѣда по прежнему имѣнію, корнета Отлетаева. Тогда Анатошка Разуваевъ, молодой и красивый парень, пользовался довѣріемъ корнетши Отлетаевой, а камеристка послѣдней, Аннушка, тоже молодая и красивая дѣвица, пользовалась таковымъ же довѣріемъ со стороны самого корнета. Года два или три эти люди жили безмятежно, довольные собой, какъ вдругъ эмансипація все это счастье перевернула вверхъ дномъ. И Анатолій, и Аннушка тотчасъ же на-отрѣзъ отказались отъ напершничества, хотя корнетъ и корнетша доказывали, что имѣютъ право еще въ теченіе двухъ лѣтъ пользоваться ихъ услугами. Дѣло не обошлось безъ формальнаго разбирательства, но по тогдашнему либеральному времени кончилось тѣмъ, что возмутившимся „хамамъ“ выданы были увольнительныя свидѣтельства. Немедленно послѣ этого молодая чета вступила въ законный бракъ, а затѣмъ и навсегда исчезла изъ родовыхъ палестинъ. И вотъ, спустя пятнадцать лѣтъ, я вновь встрѣтился съ ними, и встрѣтился какъ чужой, потому что Разуваевъ ни словомъ, ни движеніемъ не выдалъ, что когда-то зналъ меня.

Какъ бы то ни было, но въ эту минуту нахальство Разуваева какъ-то непріятно на меня подѣйствовало. Къ сожалѣнію, ежели я способенъ понимать (а стало быть и оправдывать) извѣстныя жизненныя явленія, то не всегда имѣю достаточно выдержки, чтобы относиться къ нимъ объективно, когда они становятся ко мнѣ лицомъ къ лицу. Поэтому я вмѣсто отвѣта указалъ Разуваеву на дверь, и онъ былъ такъ любезенъ, что сейчасъ же послѣдовалъ моему молчаливому приглашенію.

Но тутъ-то именно и начались для меня глупѣйшія испытанія. Вечеромъ того же дня явился Лукьянычъ и вмѣсто того, чтобы, по обычаю, повздыхать да помолчать, вступилъ въ собесѣдованіе.

— Разуваева-то вы давеча прогнали?

— Я его къ себѣ не приглашалъ, а стало быть и отъ себя не прогонялъ. А такъ-какъ онъ ворвался ко мнѣ нахаломъ, то, разумѣется, я...

— Про то я и говорю, что прогнали.

Лукьянычъ помолчалъ съ минуту, потомъ крякнулъ, переступилъ,

съ ноги на ногу и какъ-то особенно пошевелилъ плечами. Значитъ, будетъ продолженіе.

— А онъ къ вамъ за дѣломъ пріѣзжалъ.

— Да, показывалъ бумажникъ; вотъ за это-то я и указалъ ему на дверь.

— Угоду онъ у васъ купить охотится — оттого и бумажникъ показывалъ. Чтобъ, значитъ, сумленія вы не имѣли.

— А коли дѣло хочетъ дѣлать, такъ долженъ говорить по-человѣчьему, а не махать бумажникомъ у меня передъ глазами.

— Такъ-то оно такъ.

Опять минута молчанія и опять перестукиніе съ ноги на ногу.

— Нехорошо въ здѣшнемъ мѣстѣ, нескладно.

— Что такъ?

— Народу настоящаго нѣтъ. Мелкій народъ, гадёнокъ. Глаза бѣлые, лопочутъ по своему, не разберешь. Ни ему приказанье отдать, ни отъ него резонъ выслушать... право!

— Такъ вѣдь это не со вчерашняго дня.

— То-то, говорю: нехорошо здѣсь. Сидишь, молчишь — того гляди, остáтній умъ промолчишь.

— Да ты сказывай прямо: съ Разуваевымъ, что-ли, разговаривалъ?

— А хоть бы и съ Разуваевымъ... Разуваевъ самъ по себѣ, а я самъ по себѣ.

— Ну, хорошо: продать такъ продать. А куда потомъ дѣваться? надо же гдѣ-нибудь помирать?

— Я въ свое мѣсто уйду, къ Успенью-Матушкѣ.

— А я куда уйду?

— Неужто жъ мѣстовъ не найдется!

— То-то вотъ и есть, что нынче нигдѣ притаиться нельзя. Только-что затворишься — смотришь, анъ кто-нибудь и заглянулъ.

— Кабы вы меня слушали, этого бы не было. Говорилъ я тогда: не нужно мужикамъ Свѣтлички отдавать — нѣтъ, отдали. А пустошоночка-то какая! кругленькая, веселенькая, двадцать десятинокъ — въ самую могуту! И лѣсокъ березовый по ней, грибовъ сколько, все бѣлые. Все село туда за грибами ходитъ. Выстроили бы тамъ домокъ, въ пропорцію; какъ захотѣли, такъ и жили бы.

— Да ты къ чему это говоришь? уйти, что-ли, отъ меня хочешь?

— Уйти мнѣ отъ васъ никакъ невозможно. Я покойному вашему папенькѣ образъ снималъ, чтобъ быть, значитъ, завсегда при васъ. А только я по мужицкому своему разуму говорю: нехорошо здѣсь.

— Стало быть, продать?

— Это какъ вамъ будетъ угодно.

— И опять искать?

— И опять сыскать можно. Только ужъ надо съ умомъ. Чтобъ Разуваевыхъ, значитъ, не было. Вонъ онъ и теперь свищетъ да гамитъ по ночамъ, а лѣтомъ, пожалуй, и вовсе въ трубу трубить будетъ... По прежнему, по старинному, въ шею бы ему за это накласть, а нынче, вишь, не дозволено.

— Чудакъ! да вѣдь и тамъ, и во всякомъ мѣстѣ свой Разуваевъ найдется!

— На что такое мѣсто выбирать? Надо такое избрать, чтобы никѣмъ-никого опричь своихъ. Живемъ, значитъ, одни, ни мы никого не замаемъ, ни насъ никто не замай. Вотъ какое мѣсто искать нужно.

— Ну, прощай покуда.

— Спокойной ночи-съ.

Всю ночь я не могъ заснуть. Все мнѣ представлялся вопросъ: въ самомъ дѣлѣ, что я буду дѣлать, если Разуваеву вздумается по ночамъ въ трубу трубить? Да и не одному Разуваеву, а вообще всякому. Должно быть, ужъ это судьба такая: насчетъ чтеніевъ строго, а въ трубу трубить у сосѣда подъ ухомъ—можно. Весь арсеналъ воздѣйствій, кажется, во всякое время на-лицо: и ежовыя рукавицы, и баранiй рогъ, и злачныя мѣста—а кому они служатъ защитой? Хорошо еще, что не всѣ знаютъ, что озоричать свободно—иначе всѣ, у кого мало-мальски досугъ есть, непремѣнно затрубили бы въ трубы. Какъ тутъ быть? неужто приносить жалобы, подавать прошенія, нанимать адвоката, ходатайствовать? неужто, наконецъ, бѣжать?

И на другой день утромъ голова моя была полна этими мыслями. Уныло бродилъ я по комнатамъ и отъ времени до времени посматривалъ въ окно, словно желая удостовѣриться: все ли стоитъ на ста-

ромъ мѣстѣ и не бѣжало ли къ Разуваеву? Мартъ подходилъ уже къ концу; время стояло хмурое, хотя въ воздухѣ все-таки чуялась близость весны. Деревья въ паркѣ стояли обнаженныя, мокрыя; на цвѣтникѣ, передъ домомъ, снѣгъ посинѣлъ и, весь источенный, долеживалъ послѣдній срокъ; дорожки, по мѣстамъ, пестрѣли желтыми пятнами; нѣсколько поодаль, на огородѣ виднѣлись совсѣмъ черныя гряды, а около парниковъ шла усиленная дѣятельность. За зиму рабочій людъ отдохнулъ и приготовлялся къ серьезному труду. Вотъ и я за зиму отдохнулъ и приготовляюсь продолжать отдыхать и лѣтомъ. Какой отдыхъ пріятнѣе: зимній или лѣтній?—оба въ своемъ родѣ хороши! Зимой хорошо отдыхать, переходя въ туфляхъ изъ комнаты въ комнату; лѣтомъ хорошо отдыхать, бродя по аллеямъ и внимая пѣнію зябликовъ и чижей. Но ежели все сложилось такъ хорошо — зачѣмъ же я буду уступать это хорошее какому-то Разуваеву? И какое право онъ имѣетъ прямо или косвенно заявлять, что я кому-то мѣшаю и что вообще я здѣсь не ко двору?

Среди этихъ сѣтованій явился давно небывалый гость: батюшка. На вопросъ: чѣмъ потчивать? онъ только горько усмѣхнулся, какъ бы вопрошая: а какіе теперь дни? забылъ?

— Не полагается?

— То-то, что не полагается. И изъ міранъ благочестивые—и тѣ ни вина, ни елея не дерзаютъ.

Мы оба нѣсколько минутъ помолчали, слегка удрученные.

— Былъ я у васъ на мельницѣ,—началъ батюшка:—полезное заведеньице!

— Выгоды мало приноситъ, батюшка.

— И выгода будетъ, ежели къ рукамъ. Коли помольцевъ мало, самимъ по осени, въ дешевое время, зерно можно скупать, а весной, въ дорогое время, мукой продавать—убытка не будетъ. Вотъ тоже огородъ у васъ. Мѣсто обширное: сколько одной овощи насадить можно, окромя ягодъ и всего прочаго!

— И сажаемъ, батюшка, да тоже безъ особенной выгоды. Сами, должно быть, потребляемъ, а на сторону мало продаемъ.

— И на сторону можно бы продавать, коли съ разумѣніемъ. Возьмемъ хоть бы ягоды: земляника, малина, смородина,—на все покупщикъ найдется.

— Кабы былъ покупщикъ—отчего бы не продать!

— Искать, сударь, надо—и найдется. Толцыте и отверзется. По здѣшнему мѣсту да покупщика не сыскать! Да тутъ на одномъ огурцѣ фортуну сдѣлать можно.

Однакожъ воспоминаніе объ овощахъ (особенно ежели съ елеемъ) повидимому подѣйствовало на батюшку раздражительно. Онъ слегка повернулся, провелъ рукою по волосамъ, какъ бы отгоняя „мечтаніе“. потомъ вздохнулъ и перешелъ къ злакамъ.

— Вотъ тоже луга у васъ. Мѣсто здѣсь потное, доброе, только ума требуетъ. А вы сѣете-сѣете, и все у васъ кислица замѣсто тимоѳеевки родится.

— Такъ, стало быть, Богу угодно, батюшка.

— Знаю, что безъ Бога нельзя. Прогнѣвлять Его не слѣдуетъ —вотъ что̀ главнѣе всего. А затѣмъ и самому необходимо заботу прилагать, дабы Богъ на наши благополезные труды благосердымъ окомъ взиралъ. Вотъ тогда будетъ родиться не кислица, а тимоѳеева трава.

— Что жъ, батюшка, кажется, я ничего такого не дѣлаю, за что̀ бы Богу гнѣваться на меня.

— То-то и есть, что „не дѣлать“-то мы всѣ мастера, а нужно „дѣлать“, да только такъ „дѣлать“, чтобъ Богу пріятно было. Тогда у насъ будетъ кормовъ изобиліе: и сами будемъ сыты, и скотины не изобидимъ. Скажемъ, напримѣръ, о картофелѣ. Плантаціи вы завели значительныя. картофелю прошлой осенью нарыли достаточно, а между прочимъ добрую половину свиньямъ скормили. Свиньи же, по неимѣнію борова, плода не принесли.

Послѣднее замѣчаніе поразило меня. Въ самомъ дѣлѣ, меня преслѣдуетъ неудача особаго рода. На скотномъ дворѣ у меня мужской плодъ положительно не въ авантажѣ. Третій годъ, напримѣръ, мы ищемъ селезня для утокъ, и что̀ ни купимъ—опять окажется утка. И вотъ, вслѣдствіе этого преобладанія женскаго элемента надъ мужскимъ, куры не несутся, коровы доятъ мало и телятся не каждогодно. А одна корова такъ положительно добродѣтельная. Въ теченіе четырехъ лѣтъ всего одинъ разъ телилась, да и то самымъ необыкновеннымъ образомъ. Никто ничего не подозрѣвалъ, а она между тѣмъ однажды вечеромъ не пришла со стадомъ домой, а на утро, только солнышко встало, слышимъ: мычитъ, умница, у воротъ, а за нею теленочекъ. Радостямъ и изумленіямъ не было конца. „Вотъ умница.

вотъ красавица! и гдѣ это она?“ сыпалось на нее со всѣхъ сторонъ, и всякій спѣшилъ чѣмъ-нибудь порадовать умную коровку. Радовался и я, и подарилъ „Умницѣ“ „Домашнюю Бесѣду“ за цѣлый годъ. Но съ тѣхъ поръ „Умница“ — ни гугу. Покушаетъ, ляжетъ, взглянетъ на небо, зажмуритъ глаза — и только. Не разъ я спрашивалъ у Лукьяныча, что̀ за причина такая? Но у него всегда одинъ отвѣтъ: либо — „стало быть, нѣтухи своего дѣла не понимаютъ“, либо — „стало быть, быкъ не солòщь попался“. Прекрасно; но кто же долженъ за этимъ наблюдать?!

Разумѣется, въ виду этихъ фактовъ я ничего дѣльнаго на укоризны батюшки возразить не могъ.

— Опять же лѣсъ, — продолжалъ между тѣмъ батюшка: — съ тѣхъ поръ, какъ имѣніе къ вамъ перешло, онъ даже въ ростѣ прибавляться пересталъ. Мужики въ немъ жердинкъ рубятъ, бабы — вѣники рѣжутъ. А ежели бы этотъ самый лѣсъ да въ надежныя руки — онъ бы процентъ принесъ!

Я молчалъ, потому что сознавалъ батюшкину правду, какъ она ни была для меня обидна. А батюшка все больше и больше хмурилъ брови и началъ даже разжизаться.

— Куры не несутся, — говорилъ онъ негодующимъ голосомъ: — коровы молока не даютъ, поля не родятъ, мельница издержекъ не окупаетъ, лѣсъ надлежащаго прироста не даетъ — по вашему, какъ это называется?

Я такъ и ждалъ, что онъ выпетъ изъ кармана листокъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и закричитъ: „измѣна!“

— А по моему, — продолжалъ онъ: — это и для правительства прямой ущербъ. Правительство источниковъ новыхъ не видитъ, а стало быть и въ обложеніяхъ пренону находитъ. Въ случаѣ, напримѣръ, войны — какъ тутъ быть? А окромѣ того и мѣстность здѣшняя терпитъ. Сколькимъ сирымъ и неимущимъ было бы существованіе обезпечено, ежлибъ съ вашей стороны прилично направленіе сельскохозяйственной дѣятельности было дано! А вѣдь и по христіанству, сударь, грѣшно сирыхъ не призирать.

Батюшка опять-таки былъ правъ; но такъ-какъ онъ разсердился, то, по закону возмездія, счелъ нужнымъ разсердиться и я.

— Ну-ну, батя! — сказалъ я: — увѣщевать отчего не увѣщевать, да не до седьмого пота! Куры яицъ не несутъ, а онъ правительство

приплелъ... ишь вѣдь! Вотъ я намеднись въ газетахъ читалъ: такой же батя, какъ и вы, опасеніе выражалъ, дабы добрыя сѣмена не были хищными птицами позобаны. Хоть я и не приравниваю себя къ „добрымъ сѣменамъ“—гдѣ ужъ!—а сдается, будто вы съ Разуваевымъ сзобать меня собрались.

— Что вы! Христосъ съ вами!—смягчился батюшка:—я вѣдь для вашей же пользы! Вижу, что ни въ чемъ благопоспѣшенія нѣтъ, думаю: кому же, какъ не пастырю, о семъ предстательствовать!

— Нѣтъ, вы лучше прямо скажите: Разуваевъ васъ ко мнѣ подослалъ?

Батюшка слегка крякнулъ и ужъ совсѣмъ было-сконфузился, но сейчасъ же впрочемъ оправился.

— А хоть бы и Разуваевъ? отчего же бы и отъ него препорученія не принять, ежели изъ того обоюдная польза произойти должна? Въ сихъ случаяхъ пастырю даже въ обязанность вмѣняется...

— Позвольте, да развѣ я въ газетахъ публиковалъ или кому сказывалъ, что дачу продаю?

— Объ этомъ, конечно, не слыхалъ, а только для всѣхъ видимо. Призору настоящаго нѣтъ, предпріятій тоже не видится — вотъ и сдается, словно бы дѣло къ недальнему концу приближается.

— Вы такъ полагаете?

— Вмѣстѣ съ прочими и я. Нерѣдко мы съ попадьей про васъ поминаемъ: совсѣмъ не такъ господинъ устроился, какъ ему надлежитъ! Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, гдѣ, сударь, вамъ за экой угодой самимъ вездѣ усмотрѣть?

— А какъ бы, по вашему, мнѣ устроиться надлежало?

— Да такъ думается: десятинки двѣ-три, не больше; домичекъ небольшой, садикъ при немъ, аллейка для прохладности... чисто, аккуратно! А изъ живности: курочекъ съ пятокъ, ну, коровка, чтобъ молочко свое было.

— За этимъ значитъ, я буду въ состояніи усмотрѣть?

— Гдѣ и сами присмотрите, а гдѣ и Лукьянычъ поможетъ. Женщину тоже хорошую подыскать можно, чтобъ за курами да за коровой ходила.

Именно это самое говорилъ мнѣ вчера Лукьянычъ. Да я и самъ — развѣ я, въ сущности, когда-нибудь мечталъ о другомъ! Пять

курочекъ и одна коровка — вотъ все, что мнѣ нужно, съ чѣмъ я могу справиться! Да и это нужно совсѣмъ не для того, что оно, въ самомъ дѣлѣ „нужно“, а только для того, чтобъ около дома не было ужъ черезъ-чуръ безмолвно, чтобы что-нибудь по близости мычало, кудахтало. Взялъ бы я въ товарищи Лукьяныча и скотницу Матрену, слушалъ бы, какъ они, съ утра прикончивъ съ дѣлами, взапуски зѣваютъ и чешутся спинами объ дверные косяки. И мнѣ было бы хорошо, и всѣмъ было бы хорошо. Правительство находило бы новые источники, а Разуваевъ призиралъ бы сирыхъ и немущихъ, предоставляя имъ пахать землю, полоть гряды въ огородѣ и проч. Тѣмъ не менѣе я не рѣшился въ эту минуту сознаться передъ батюшкой, что онъ отгадалъ мои тайныя помышленія!

— Благодарю за предику, — сказалъ я: — но откровенно сознаюсь, что таковыя бываютъ пріятны лишь во благовременіи. Такъ и Разуваеву передайте.

На этотъ разъ батюшка взаправду огорчился и даже слегка побѣлѣлъ въ лицѣ. Онъ поспѣшно засучилъ рукава своей ряски, взялъ шляпу и сталъ искать глазами образа.

— Образокъ-то маленькій! — сказалъ онъ: — сразу и не отыщешь!

Онъ произнесъ это съ улыбочкой, что впрочемъ не мѣшало мнѣ прочесть на его лицѣ: „МАТЕРІАЛЫ!! Правительству новыхъ источниковъ дохода не предоставлять — первое; пастырей духовныхъ не чтить и совѣтами ихъ небрежетъ — второе“.

— Говѣть-то будете? — спросилъ онъ уже совсѣмъ умиленнымъ голосомъ.

— Я, батюшка, въ городѣ...

Онъ радушно пожалъ мнѣ руку на прощанье, по увѣренію моему вѣры не далъ, и на лицѣ его я прочиталъ новый „матеріалъ“: „утверждаетъ, якобы говѣлъ въ городѣ, но навряд ли — третье“.

Распростившись съ батюшкой, я вышелъ изъ дому и направился въ огородъ. Тамъ, около парниковъ, сидѣлъ садовникъ Артемій, порядочно навеселѣ, и ронталъ.

— Какой это навозъ? — вопіялъ онъ: — развѣ на такомъ навозѣ можетъ настоящая овощь вырости?

Съ этими словами онъ нагнулся, зачерпнулъ изъ парника рукой и поднесъ горсть къ самому моему лицу.

— Вотъ, сударь, извольте смотрѣть!

И затѣмъ, не выжидая моего отвѣта, продолжалъ:

— Навозъ для парниковъ долженъ быть конскій, чистый... одно чтобы кало! А у насъ ка̀къ? Я говорю: давай мнѣ навозу чистаго, чтобы, значитъ, все одно какъ печь, а Лукьянычъ: „ступай въ свиной хлѣвъ, тамъ про тебя много припасено!“ Развѣ такъ возможно... ахъ-ахъ-ахъ!

— Ну, старикъ, какъ-нибудь...

— Позвольте вамъ, господинъ, доложить: и васъ за эти самыя слова похвалить нельзя. Потому я—садовникъ, и всякій, значитъ, беретъ это въ разсужденіе. Теперича вы, напримѣръ, усадьбу свою продавать вздумали... хорошо! Приходитъ, значитъ, покупатель, и первымъ дѣломъ: садовникъ! кажи парники! Что̀ я ему покажу? А почему, скажетъ, въ парникахъ у тебя ничего не ростетъ? А?

Но я уже шелъ дальше, на скотный, и только слышалъ, какъ въ догонку мнѣ укоризненно раздавалось.

— Я выпилъ: это дѣйствительно! да вѣдь не на ваши, а на свои... ахъ, господинъ, господинъ!

На скотномъ меня ждала радость: „Умница“ опять отелилась.

— Телочку принесла... пестренькую,—радовалась старуха Матрена, но вдругъ словно спохватилась, вздохнула и прибавила:—а по настоящему, лучше, кабы бычка принесла!

— Отчего такъ?

— Все равно рѣзать велите: бычка не такъ бы жалко.

— Почему же ты думаешь, что я рѣзать велю?

— Такъ неужто жъ Разуваеву отдавать? будетъ съ него, толстомясаго, и старыхъ коровъ. Вонъ и Машка пороситься собралась—стало быть, и поросятъ для Разуваева беречи будете?

Рѣшительно, даже кругомъ меня, и въ домѣ, и во дворѣ, все въ заговорѣ. Положимъ, это не злостный заговоръ, а, напротивъ, унылый, жалѣющій, но все-таки заговоръ. Никто въ меня не вѣритъ, никто отъ меня ничего солиднаго не ждетъ. Вотъ Разуваевъ—другое дѣло! Этотъ подтянетъ! Онъ свиной навозъ въ конскій обратитъ! онъ заставитъ коровъ доить! онъ такого пѣтуха предоставитъ, что куры только ахнутъ!

Всѣ боятся Разуваева, никто не любитъ его, и въ то же время всѣ сознаютъ, что Разуваева имъ не миновать. Вотъ ужъ полгода,

какъ рабочіе мои предчувствуютъ это, и въ моихъ глазахъ самымъ заискивающимъ образомъ снимаютъ шапки передъ нимъ.

Продолжая мою экскурсію, прихожу къ сѣнному сараю; тамъ работники: первый Иванъ да другой Иванъ прошлогоднее сѣно перебиваютъ и для чего-то съ одной стороны на другую его перетаскиваютъ.

— Что это вамъ вздумалось?

— Ѳедотъ Лукьянычъ велѣлъ.

— Зачѣмъ?

— У насъ спереди-то съ гнильцой сѣно лежало, а сзади зеленое, вѣдренное; такъ теперь похуже-то сѣно къ стѣнѣ переложимъ, а хорошее будетъ впереди.

— Сами себя, стало быть, тѣшить хотите?

— Нѣтъ, а на случай ежели примѣрно покупатель...

Я прекращаю разговоръ и спрашиваю:—гдѣ Лукьянычъ?

— Съ Андреемъ за рѣку въ лѣсъ пошелъ.

— Зачѣмъ же Андрея взялъ?

— У насъ въ прошломъ году за рѣкой порубочка была, такъ хворостку пошли на это мѣсто покидать, чтобъ покупателю, значитъ...

Я поворачиваюсь и быстро заканчиваю свой осмотръ. „Неужто же я въ самомъ дѣлѣ продаю?—спрашиваю я себя.—Ежели продаю, то какимъ же образомъ я какъ будто не сознаю этого? ежели же не продаю, такъ вѣдь это просто разоренье: никто никакой работы не дѣлаетъ, а всѣ только дыры замазываютъ да приготовляются кому-то показать товаръ лицомъ“.

— Стакнулись что-ли вы съ Разуваевымъ?—накинулся я на Лукьяныча, какъ только увидѣлъ его.

— Зачѣмъ съ Разуваевымъ! Свѣтъ не клиномъ сошелся: можетъ, и окромя покупатель сыщется!

Онъ высказалъ это съ такою невозмутимой увѣренностью, что мнѣ ничего другого не оставалось, какъ замолчать.

Разумѣется, молчать—самое лучшее. Но какъ молчать, когда булавки со всѣхъ сторонъ такъ и впиваются въ васъ? какъ молчать, ежели комнаты нетоплены, ежели вы ежечасно рискуете остаться въ положеніи человѣка, выброшеннаго на необитаемый островъ, ежели самыя обыкновенныя жизненныя удобства ежеминутно грозятъ сдѣлаться для васъ недоступными?

Я знаю, что мой личный казусъ ничтоженъ, но развѣ я одинъ? Развѣ такія руины, какъ я, не считаются тысячами, десятками тысячъ? руины, жалобно вымирающія по своимъ угламъ? руины, питающіяся крупицами, остающимися отъ трапезы міроѣдовъ? руины, ежеминутно готовыя превратиться въ червонныхъ валетовъ?

Предположите, что я представляю собой типъ старокультурнаго человѣка средняго пошиба, не обладающаго сильными матеріальными средствами, но и не совсѣмъ обдѣленнаго; человѣка, помнящаго крѣпостное право съ его привольями; человѣка, смолоду выработавшаго себѣ потребность извѣстныхъ удобствъ; человѣка, ни къ какому дѣлу не приготовленнаго (ибо и дѣла въ то время не предвидѣлось), и — что̀ важнѣе всего — человѣка, совершенно неспособнаго къ физическому труду. Сей человѣкъ ни въ чемъ не можетъ лично помочь себѣ; онъ не можетъ сдѣлать шагу въ жизни безъ того, чтобы не потребовать чьей-нибудь услуги. Для него одного нужно нѣсколько человѣкъ, которые постоянно заботились бы о томъ, чтобы онъ былъ накормленъ, одѣтъ, обутъ, не задохся отъ собственныхъ міазмовъ, не закоченѣлъ отъ холода. Чтобы связать эти постороннія существованія съ своимъ, онъ долженъ имѣть на-готовѣ приманку, то-есть деньги, и эти деньги, въ большинствѣ случаевъ, онять-таки добыть при помощи посторонних людей. Но развѣ эти люди, которыхъ онъ заманиваетъ деньгою, не понимаютъ, что они существуютъ не для себя? развѣ есть возможность устроить такой миражъ, который заставлялъ бы ихъ думать, что, соблюдая мою выгоду, холя и покоя меня, они не мою выгоду соблюдаютъ, а свою, не меня покоятъ и холятъ, а себя?

Даже при крѣпостномъ правѣ такого миража нельзя было устроить, а теперь уже стало и совсѣмъ ясно, что только нужда можетъ заставить постороняго человѣка принять участіе въ холеніи другого человѣка, хотя бы и „барина“. А ежели нужда, то, стало быть, надлежитъ удовлетворять ей вотъ до этой черты и ни на волосъ больше. И вотъ затѣвается борьба или, лучше сказать, какая-то безтолковая игра въ прятки, въ неохоту, въ нехотѣніе. Допустимъ, что подневольный человѣкъ въ этой борьбѣ ничего не выиграетъ, что онъ все-таки и впередь останется прежнимъ подневольнымъ человѣкомъ; но вѣдь онъ и безъ того никогда ничего не выигрываетъ, и безъ того онъ осужденъ „слезы лить“ — стало быть, какой же ему, все-таки, резонъ усердствовать и потрафлять? А культурный человѣкъ про-

играетъ положительно. Не говоря уже о матеріальныхъ ущербахъ, чего стоютъ нравственныя страданія, причиняемыя вѣчно-присущимъ страхомъ безпомощности?

Сапоги нечищены, комнаты нетоплены, обѣдъ неготовленъ—вотъ случайности, среди которыхъ живетъ культурный обитатель Монрепо. Случайности унизительныя и глупыя, но для человѣка, не могущаго ни въ чемъ себѣ помочь, очень и очень чувствительныя. И что всего мучительнѣе—это сознаніе, что только благодаря тому, что подневольный человѣкъ еще не вполнѣ уяснилъ себѣ идею своего превосходства, случайности эти не повторяются ежедневно.

Затѣмъ, какъ человѣкъ, возлежавшій на лонѣ крѣпостного права и питавшійся его благостынями, я помню, что у меня были „права", и притомъ въ такихъ безграничныхъ размѣрахъ, въ какихъ никогда самая свободная страна въ мірѣ не можетъ надѣлить излюбленнѣйшихъ дѣтей своихъ. Ибо что можетъ быть существеннѣе, въ смыслѣ экономическомъ, права распоряжаться трудомъ постороняго человѣка, распоряжаться легко, безъ предвамѣренныхъ подвоховъ, просто: „пойди и сработай то-то!" Или что можетъ быть дѣйствительнѣе, въ смыслѣ политическомъ, какъ право распоряжаться судьбой постороняго человѣка, право по усмотрѣнію воздѣйствовать на его физическую и нравственную личность? Насколько подобныя „права" нравственны—это вопросъ особый, который я охотно разрѣшаю въ отрицательномъ смыслѣ, но несомнѣнно, что права существовали и что ими пользовались. Вопросы о нравственности или безнравственности извѣстнаго жизненнаго строя суть вопросы высшаго порядка, которые и натурамъ свойственны высшимъ. Только абсолютно-чистыя и высоко-нравственныя личности могли, въ пылу „пользованія", волноваться такими вопросами и разрѣшать ихъ радикально. Средній же культурный человѣкъ, даже въ томъ случаѣ, ежели чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ, считалъ дѣло удовлетворительно разрѣшеннымъ, если ему удавалось въ свои отношенія къ подневольнымъ людямъ ввести такъ-называемый патріархальный элементъ и за это заслужить кличку „добраго барина". Онъ никогда не былъ героемъ и ясно понималъ только одно, что за предѣлами крѣпостного права его ожидаетъ неумѣлость и безпомощность. И потому старался отвѣчать на запросы совѣсти не прямыми разрѣшеніями, а лукавыми поддѣлками. Поддѣлки эти отнюдь не обѣляли его, а скорѣе обнаруживали

безхарактерность и слабость; но даже и за эту безхарактерность онъ держался цѣпко, какъ за что-то оправдывающее или, по малой мѣрѣ, смягчающее. И съ этою же безхарактерностью остался и теперь, когда на практикѣ увидѣлъ свою безпомощность, неумѣлость и сиротливость.

Мнѣ скажутъ, что это типъ вымирающій—это правда, но, увы! онъ еще не вымеръ. И еще скажутъ, что это типъ несимпатичный—и это правда, но и это не мѣшаетъ ему существовать. Притомъ же онъ далъ отпрыскъ. Я надѣюсь, что этотъ отпрыскъ будетъ нѣсколько иного характера, но покуда онъ еще не настолько опредѣлился, чтобы заключать объ его пригодности къ жизни въ тѣхъ хищническихъ формахъ, въ какихъ она сложилась въ послѣднее время. Мнѣ кажется даже, что то характеристическое условіе, которое мы привыкли связывать съ представленіемъ о культурности, то-есть отсутствіе возможности обойтись безъ посторонней услуги, существуетъ и для отпрыска въ той же силѣ, какъ и для стараго, отживающаго дерева.

Не знаю, какъ кому, а на мой взглядъ, ежели по обстоятельствамъ нѣтъ другого выбора, какъ или быть „рохлей“, или быть „кровопивцемъ“, то я все-таки роль „рохли“ нахожу болѣе приличною.

Какъ культурный человѣкъ средняго пошиба, я мирно доживаю свой вѣкъ въ деревнѣ. Я выбралъ деревню, во-первыхъ, потому, что городская жизнь для меня несподручна, во-вторыхъ, потому, что я имѣю привязанность къ „своему мѣсту“, и, въ-третьихъ, потому, что я имѣю наклонность къ унынію, и нигдѣ такъ полно не могу удовлетворить этой потребности, какъ въ деревнѣ. Затѣмъ, какъ человѣкъ старокультурный, я никому ненуженъ и даже ни для кого непонятенъ. Я не имѣю достаточно денегъ, чтобы призирать сирыхъ и немущихъ, и тѣмъ менѣе — чтобы веселить сердца Осьмушниковыхъ и Колупаевыхъ, забирая у нихъ на книжку водку и колоніальный товаръ. Я не имѣю достаточно знаній, чтобы подѣлиться ими и выказать свое превосходство и полезность. Наконецъ, я говорю совсѣмъ другимъ языкомъ и, вдобавокъ, оказался даже недостойнымъ принять участіе въ земскихъ и мировыхъ учрежденіяхъ. Все это ставитъ меня въ совершенную невозможность что-нибудь предпринять и въ какомъ бы то ни было смыслѣ играть дѣятельную роль. И я, дѣй-

ствительно, не только не „дѣйствую“, а просто-на-просто сижу и ничего не дѣлаю. Имѣю ли я право на это?

Въ глазахъ закона я это право имѣю. Я знаю, что было бы очень некрасиво, еслибъ вдругъ всѣ стали ничего не дѣлать: но такъ какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что существуютъ на свѣтѣ такіе неусыпающіе черви, которымъ никакъ нельзя „ничего не дѣлать“, то я и позволяю себѣ маленькую льготу: съ утра до ночи отдыхаю одѣтымъ, а съ ночи до утра отдыхаю въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Повидимому и закону все это отлично извѣстно, потому что и опъ съ меня за мое отдыханіе никакого взыска не полагаетъ.

Оказывается однакожъ, что и ничегонедѣланіе представляетъ своего рода угрозу. „Ничего-то не дѣлать всѣ мы мастера,—говоритъ батюшка: — а надобно дѣлать, и притомъ такъ, чтобы Богу было пріятно“. И при этомъ умиленнымъ гласомъ вопрошаетъ: „а говѣть будете?“ Ахъ, батюшка, батюшка! да какъ же мнѣ быть, ежели я иначе жить не умѣю, ежели съ пеленокъ все говорило мнѣ о ничегонедѣланіи, ежели это единственный грузъ, которымъ я успѣлъ запастись въ жизни и съ которымъ добрелъ до старости? И не сами ли вы, батюшка, при крѣпостномъ правѣ возглашали: „рабы, господамъ повинуйтеся и послужите имъ въ веселіи сердца вашего“? Да, наконецъ, съ которыхъ же поръ ницціе духомъ, ротозѣи, рохли, простофили, дураки начали стоять на счету враговъ отечества?

А Граціановъ такъ даже положительно подозрѣваетъ, что если я „ничего не дѣлаю“, то это значитъ, что я фрондирую. Или, въ переводѣ на русскій языкъ: фордыбачу, артачусь, фыркаю, хорохорюсь, нѣтушусь, кажу кукишъ въ карманѣ (вотъ какое богатство синонимовъ!). И все это, какъ истинно лукавый и опасный человѣкъ, дѣлаю „промежду себя“. Допустимъ однакожъ, что это такъ. Допустимъ, что я дѣйствительно „недоволенъ“ и съ своей личной точки зрѣнія, и съ болѣе общей, философской. Допустимъ, что я, возлежа на одрѣ, читаю Кабе, Маркса, Прудона и даже — horribile dictu! — такую заразу, какъ „Впередъ“ или „Набатъ“. Но развѣ быть недовольнымъ „промежду себя“ воспрещено? Развѣ гдѣ-нибудь написано: вмѣняется въ обязанность быть во что бы то ни стало довольнымъ? Наконецъ, развѣ погибнутъ государство, общество, религія оттого, что я... кажу кукишъ въ карманѣ?

Граціановъ думаетъ, что погибнутъ, а вслѣдъ за нимъ также

думаютъ: Осьмушниковъ, Колупаевъ, Разуваевъ. Всѣ они, вмѣстѣ взятые, не понимаютъ, что̀ значатъ слова: государство, общество, религія, но трепетать готовы. И вотъ они бродятъ около меня, киваютъ на меня головами, шепчутся и только-что не въ глаза мнѣ говорятъ: уйди!

Да, трудно себѣ представить, какая существуетъ масса людей средняго пошиба, людей, ничѣмъ не прославившихся, но и ни въ чемъ не проштрафившихся, которымъ жить тошно. Къ прирожденной безпомощности, неумѣлости и строптивости въ послѣднее время присоединились еще намеки и покиванія. Можно ли представить себѣ существованіе менѣе защищенное? Конечно, можно, скажутъ мнѣ— и укажутъ на мужика. Но, по моему мнѣнію, мужикъ уже до того незащищенъ, что тутъ самая незащищенность почти равняется защищенности. А вѣдь культурному человѣку съизмала говорили: „ты —краса вселенной, ты—соль земли!“—и вдругъ является какой-нибудь уроженецъ ретирадныго мѣста и безъ околичностей говоритъ: „уйди... сочувствователь!“

„Сочувствователь“—это новое модное слово, которое стремится затмить „нигилистовъ“ и которое исключительно имѣетъ въ виду людей культуры. Вмѣсто обвиненія въ фактѣ является обвиненіе въ сочувствіи—и дешево, и сердито. Обвиненіе въ фактѣ можно опровергнуть, но какъ опровергнуть обвиненіе въ „сочувствіи“? Желаніе понять и выяснить извѣстное явленіе въ ряду условій, среди которыхъ оно народилось—сочувствіе ли это? Да, выискиваются люди, которые утверждаютъ во всеуслышаніе, что все это—сочувствіе. Кто же эти люди?—это граждане ретирадныхъ мѣстъ, которые, благодаря смутѣ, вышли изъ первобытнаго заключенія и, всѣ пропитанные вонью его, стремятся заразить ею вселенную. Это люди, которымъ необходимо поддерживать смуту и питать племя человѣконенавистничества, ибо они знаютъ, что не будь смуты, умолкнетъ ненависть —и имъ вновь придется сдѣлаться гражданами ретирадныхъ мѣстъ.

Я очень хорошо понимаю, что волна жизни должна идти мимо вымирающихъ людей старокультурнаго закала. Я знаю, что жизнь сосредоточивается теперь въ окрестностяхъ питейнаго дома, въ области объегориванья, среди Осьмушниковыхъ, Колупаевыхъ и прочихъ столповъ; я знаю, что на нихъ покоятся всѣ упованія, что съ ними дружитъ все, что̀ не хочетъ знать иной почвы, кромѣ непосредственно-

дѣловой. Я знаю все это и не протестую. Я недостоинъ жить и умираю. Но я еще не умеръ—какъ же съ этимъ быть?

Есть у меня одна претензія: безъ утѣсненія прожить послѣдніе дни. Конечно, я не могу въ точности опредѣлить, сколько осталось этихъ дней счетомъ, но неужто-жъ нельзя имѣть сколько-нибудь терпѣнія? И что же! оказывается, что даже для осуществленія этой скромнѣйшей претензіи необходима „протекція". Я долженъ припомнить старинныя связи, долженъ утруждать напоминаніемъ о своемъ забытомъ существованіи, долженъ обращаться къ просвѣщенному содѣйствію. Конечно, въ этомъ содѣйствіи мнѣ не будетъ отказано, и въ концѣ концовъ я получу-таки право безнаказанно „артачиться" и „показывать кукишъ въ карманѣ", но, ради Бога, развѣ нельзя отъ одной мысли объ этой предварительной процедурѣ сойти съума?!

Свѣтлая недѣля прошла на селѣ очень весело. Много было пѣсенъ, довольно и дракъ. Колупаевъ, Осьмушниковъ и Прохоровъ давно такъ бойко не торговали; батюшка ходилъ по избамъ, поздравлялъ хозяевъ съ праздникомъ и собиралъ крутыя яйца: даже въ мое уединеніе доносились клики ликованія, хотя по случаю праздниковъ Монрепо было пустыннѣе, нежели въ обыкновенные дни. Вся прислуга точно съ цѣпи сорвалась; появлялась въ домъ лишь на минуту, словно для того только, чтобы узнать, живъ ли я, и затѣмъ вновь убѣжала бѣгомъ на село принять участіе въ общемъ веселіи. Даже Лукьяныча я никакъ не могъ дозваться, хотя и слышалъ, что гдѣ-то недалеко кто-то зѣваетъ; потомъ оказалось, что и онъ, по своему, соблюдалъ праздничный обрядъ, то-есть сидѣлъ, пока свѣтло, за воротами на лавкѣ и смотрѣлъ, какъ пьяные, проходящіе мимо усадьбы, теряли равновѣсіе, падали и барахтались въ грязи посередь дороги.

Всѣ сельскіе нотабли посѣтили меня, пили водку, ѣли ветчину и крутыя яйца. И какъ мнѣ показалось, съ какимъ то напряженнымъ любопытствомъ вглядывались въ обстановку моего дома—точно старались запомнить, гдѣ что стоитъ. Колупаевъ даже провелъ рукой по обоямъ залы и сказалъ:

— Обои-то, кажется, новенькіе поставить собирались?

— Собирался.

— И купили, сударь?

— Купилъ.

— Такъ-съ. Въ сохранности, стало быть, лежать?

— Лежать.

Однимъ словомъ, повидимому начали ужъ подозрѣвать, не замышляю ли я, чего добраго, что-нибудь утаить или въ другое мѣсто потихоньку перевезти.

Въ началѣ недѣли Граціанова не было дома: онъ ѣздилъ въ городъ христосоваться съ полицейскимъ управленіемъ. Въ серединѣ недѣли, однакожъ, вернулся и привезъ свѣжія политическія новости. Новости эти, впрочемъ, заключались единственно въ томъ, что отпускъ никому ужъ спуску не будетъ (помнится однакожъ, что и послѣ новогодней поѣздки онъ эту же новость привезъ). Баловства этого чтобъ ни-ни! Особливо ежели кто книжки читаетъ или неприличію званію себя ведетъ — сейчасъ въ кутузку и... фюить! Въ концѣ недѣли посѣтилъ и меня, и при этомъ выказалъ такой величественный видъ, что я даже удивился, какъ это онъ меня удостоилъ.

— Откровенно вамъ скажу,—началъ онъ послѣ обычныхъ настоящихъ привѣтствій:—очень меня моя нынѣшняя поѣздка въ городъ порадовала.

— Награду получили?

— Насчетъ награды: исправникъ поцѣловалъ — только и всего. А главное: наконецъ-то за умъ взялись!

— Новенькое что-нибудь?

— Да-съ; теперь, доложу вамъ, спуску не будетъ! И нашему брату приходится ухо востро̀ держать, а что касается до иныхъ прочихъ...

— Ну, слава Богу!

Повидимому, однакожъ, онъ не ожидалъ съ моей стороны такого восклицанія. По крайней мѣрѣ онъ взглянулъ на меня и чуть замѣтно ухмыльнулся.

— Что̀ вы улыбаетесь?—полюбопытствовалъ я.

— Да такъ, знаете... А впрочемъ...

— То-то „впрочемъ“! А я вамъ на это скажу: иногда мы ищемъ, думая осиное гнѣздо обрѣсти, а вмѣсто того обрѣтаемъ сокровище! Имѣйте это въ виду.

— Превосходно-съ!

Мы оба на минуту замолчали, и, кажется, оба мысленно воскликнули: „однако!“

— Вы, я слышалъ, имѣніе-то продавать хотите?—началъ онъ вновь.

— И я со стороны слыхалъ объ этомъ, но самъ ничего не знаю.

— Отчего бы и не продать?

— А отчего бы продать?

— Выгоды для васъ держать въ здѣшнемъ мѣстѣ имѣніе нѣтъ —вотъ что. Сами вы занимаетесь мало, Лукьянычъ—старъ. На вашемъ мѣстѣ я совѣмъ бы не такъ поступилъ.

— А какъ, напримѣръ?

— Да купилъ бы рощицу десятинки въ двѣ, въ три, выстроилъ бы домичекъ, садикъ бы развелъ, коровку, курочекъ съ пятокъ... Все передъ глазами—любезное дѣло!

— Представьте себѣ, что ужъ цѣлый мѣсяцъ я эти совѣты выслушиваю.

— А, по моему, благіе совѣты всегда выслушивать пріятно. Да-съ. Пора господамъ-дворянамъ за умъ взяться, давно пора! А все гордость путаетъ: мы, дескать, интеллигенція—а гдѣ ужъ!

— Однако вы и резонерствомъ заниматься стали?

— Нельзя; всѣмъ заниматься приходится, наша должность такая. Вотъ въ „Вѣдомостяхъ“ справедливо пишутъ: вся наша интеллигенція—фальшь одна, а настоящій-то государственный смыслъ въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду обрѣтается. Тамъ, дескать, съ основанія Россіи не чищено, такъ сколько одной благонадежности накопилось! Разумѣется, не буквально такъ выражаются, своими словами я пересказываю.

— Вѣрно, что своими словами.

— Такъ вотъ и дѣльнѣе бы было, въ виду этого себя ограничивать. Собственность-то подъ силу, значитъ, выбирать, да и вообще... Ну, скажите на милость: можете ли вы за всей этой махиной усмотрѣть?

— Да я и не претендую на это.

— А найдись ловкій человѣкъ—тотъ усмотритъ. Надъ тѣмъ и мужики не подумаютъ озоровать. Это чтобы луга травить или лѣсъ рубить—сохрани Богъ.

— Кто жъ этотъ „ловкій“? Разуваевъ, что-ли?

— А хоть бы и Разуваевъ.

— Надоѣлъ онъ мнѣ—вотъ что!

— Первымъ дѣломъ, устроилъ бы онъ въ здѣшнемъ паркѣ гулянье, а между прочимъ вотъ тамъ на уголку торговлю бы прохладительными напитками открылъ...

— Да, хорошо это... Гм... такъ вы думаете, что отнынѣ спуску ужъ не будетъ?

— Да-съ, не дадутъ-съ, подтянутъ-съ!

— Слава Богу! а то совсѣмъ было-распустили!

— Теперь—конецъ!

— Всему вѣнецъ! Вонъ изъ Москвы пишутъ: „умниковъ“-де въ рѣкѣ топить надо...

— Тсс...

— Да! такъ вы, кажется, объ Разуваевѣ начали что-то говорить?

— Просилъ онъ узнать, не примете ли вы его!

— Былъ вѣдь онъ у меня... И такой странный: вынулъ изъ кармана бумажникъ и началъ передъ глазами махать имъ. А впрочемъ день на день не приходится. Я вообще трудно рѣшаюсь, все думаю: можетъ, и еще Богъ грѣхамъ потерпитъ! И вдругъ выдастся часъ: возьми все и отстань!

— Значитъ, такъ ему и сказать?

— Да, пусть придетъ. Такъ и скажите: вѣрнаго, молъ, еще нѣтъ, а на то похоже!

— А какъ бы для васъ-то было хорошо!

Наконецъ Граціановъ ушелъ, я же по обыкновенію началъ терзать себя размышленіями. „Умникъ“ я или „неумникъ“? спрашивалъ я себя. Самолюбіе говорило: умникъ; скромность и чувство самосохраненія подсказывали: нѣтъ, неумникъ. А что, ежели въ самомъ дѣлѣ умникъ?—вѣдь здѣсь не токмо рѣка, но и море, пожалуй, не далеко! Долго ли умника утопить?

Какая, однакожъ, странная эта московская топительная программа! Какъ понимать ее? Кто будетъ разсортировывать умниковъ отъ неумниковъ, первыхъ ставить ошуюю, а вторыхъ — одесную? Вотъ, я думаю, одесную-то видимо-невидимо наберется! Нагайдятъ, насмердятъ—не продохнешь!

Въ прежнія времена процедура разсортировки умниковъ отъ

неумниковъ происходила очень просто. Явится, бывало, кто-нибудь изъ лицъ, на заставахъ команду имѣющихъ, выстроитъ всѣхъ въ шеренгу и кликнетъ: „зачинщики (по нынѣшнему—„умники"), впередъ!" Сейчасъ-это выйдутъ впередъ зачинщики, каждый получитъ, что̀ ему по расчисленію полагается—и правъ. Всякій знаетъ, что, получивъ надлежащее, онъ спокойно можетъ смѣшаться съ массою заурядныхъ смертныхъ и что до слѣдующаго раза его тревожить не будутъ; въ слѣдующій же разъ, можетъ быть, и совсѣмъ Богъ помилуетъ.

Нынче, съ упраздненіемъ заставъ, распорядиться такимъ образомъ некому. Некому выкликать кличъ, некому дѣлать расчисленія, некому воздавать надлежащее: стало быть, по-неволѣ разсортировка „умниковъ" и „неумниковъ" должна быть предоставлена молодцамъ изъ Охотнаго ряда, а гдѣ такового не имѣется—Осьмушниковымъ, Колупаевымъ, Разуваевымъ и молодцамъ, на переяхъ у нихъ возлежащимъ. Какой же возможенъ для нихъ критеріумъ для расцѣнки! Критеріумъ этотъ одинъ: кто въ книжку читаетъ, кто чисто ходитъ, въ кабаки не заглядываетъ (но къ Донону), подходя не сквернословитъ (но потихоньку и по-французски), кто не накладываетъ, не ляпаетъ—тотъ и „умникъ"! Но вѣдь и московскіе сочинители тонительныхъ программъ тоже и въ книжку читаютъ, и даже перомъ балуютъ — стало быть, и они „умники"? Или, быть можетъ, они только полуумники?

И еще: немного говорилъ Граціановъ, да много сказалъ. Нынъ вѣдь: „ведетъ себя несвойственно званію"—какъ это понимать? Напримѣръ, хоть бы я. Земли я лично не пашу, ремесломъ никакимъ не занимаюсь, просто сижу и совѣмъ ничего не дѣлаю—кажется, что это званію моему не несвойственно? А между тѣмъ несомнѣнно, что, говоря свои жестокія слова, онъ имѣлъ въ виду именно меня. Ужъ не уныlость ли моя ввела его въ заблужденіе? Имѣетъ, дескать, постоянно унылый видъ и этимъ другихъ не только отъ дѣла, но даже отъ пляски отбиваетъ... Господи помилуй! Да послѣ того какъ меня „обидѣли", какой же видъ болѣе приличествуетъ моему званію, какъ не унылый! Меня „обижаютъ", а я буду суетиться, предлагать услуги и ликовать... Ни за что! На зло буду слезы лить—глядя!.. Однако и это вещь непріемлемая, если умненько со мной поступить. Я унылъ, но могу и такъ повеселиться. Куплю гитару и „Самоповѣйній нѣ-

сенникъ", и когда Колупаевъ, въ сопровожденіи подносчиковъ и иныхъ кабацкихъ чиновъ придутъ тонить меня, яко „умника", я предъявлю ему вещественныя доказательства и возглашу: я совѣмъ не „умникъ", но такой же курицынъ сынъ, какъ и вы всѣ! И при этомъ, пожалуй, такое еще слово вымолвлю, что они шапки передо мной снимутъ! Что̀ нужно, чтобы произвести во мнѣ подобное превращеніе?—нужно очень немногое: приказать. Прикажите унылый видъ прекратить—и я прекращу.

Вообще я не понимаю, изъ чего Граціановъ тревожитъ себя и хлопочетъ. Вмѣсто того, чтобъ гнѣваться, полемизировать, ссылаться на свидѣтельство гражданъ ретроградныхъ мѣстъ и даже „подъ рукой" скрежетать зубами, объявилъ бы прямо: „веселися, храбрый россъ!"—давнымъ бы давно я трепака отхватывалъ. Да и этого не надо, совѣмъ ничего не надо. Просто надлежитъ оставить меня въ жертву унылости—только и всего. Ибо повторяю: ежели бы и въ самомъ дѣлѣ унылостью моею я хотѣлъ намекнуть, что „хорохорюсь", „кажу кукишъ въ карманъ"—эка важность! Кажу такъ кажу, хорохорюсь такъ хорохорюсь—пущай!

Изъ всего вышеписаннаго всякій можетъ заключить, что я и самъ не весьма отличнаго о себѣ мнѣнія. Ибо что̀ же можетъ быть мнѣ лестно: человѣкъ „артачится", „фордыбачитъ", а его не только за это не бьютъ, но даже и вниманія никакого на это не обращаютъ! Однакожъ и тутъ загвоздка есть. Говорятъ, будто бы это „не-отличное мнѣніе" касается не столько самого меня, сколько тѣхъ тенетъ, въ которыхъ я отъ рожденія путаюсь. Вотъ, моль, какая тутъ затаенная мысль. Но ежели это и такъ—эка важность! Были бы тенета, а тамъ, какъ я о нихъ „промежду себя" полагаю—это потомъ какъ-нибудь на досугѣ разберется. А покуда: „веселися, храбрый россъ!"—и шабашъ.

До меня даже такіе слухи доходятъ, будто бы Граціановъ ночей изъ-за меня не спитъ. Говорятъ, будто онъ такъ выражается:—Кабы у меня въ стану все такіе „граждане" жили, какъ Колупаевъ да Разуваевъ—я былъ бы поперекъ себя толще, а то вотъ принесла нелегкая эту „заразу"... И при послѣднихъ словахъ будто бы заводитъ глаза въ сторону Монрепо...

А я, признаюсь, на его мѣстѣ все бы спалъ. Спалъ бы да тучнѣлъ...

нѣлъ, да во снѣ отъ времени до времени бредилъ: „веселися, храбрый россъ!“ И достаточно.

Самъ себя человѣкъ изнуряетъ, самъ развращаетъ свою фантазію до того, что она начинаетъ творить неизглаголаемая, самъ сны наяву видитъ—да еще жалобы приноситъ! Ахъ, ты... Вотъ и сказалъ бы, кто ты таковъ, и нужно бы сказать, а боюсь—какихъ еще доказательствъ нужно для безпрепятственности спанья?

Ничтожный я! ничтожный! ничтожный! Ваше благородіе! господинъ Граціановъ! какъ вы полагаете, легко ли съ этакимъ эпитетомъ на свѣтѣ жить?

„Ничтожный“—это подлежащее. А сказуемое—фюитъ! Связки—не полагается. Вѣдь вонъ онъ, мой синтаксисъ-то, каковъ! А ваше благородіе еще почивать не изволите! Изволите говорить: зараза! Ахъ-ахъ-ахъ!

Нѣтъ, лучше бѣжать. Но вопросъ: куда бѣжать? Желалъ бы я быть „птичкой вольной“, какъ говоритъ Катерина въ „Грозѣ“ у Островскаго, да вѣдь Граціановъ, того гляди, и канарейку слопаетъ! А кромѣ какъ „птички вольной“, у меня и воображенія не хватаетъ, кѣмъ бы другимъ быть пожелать. Ежели конемъ степнымъ, такъ Граціановъ заарканитъ и начнетъ подъ верхъ муштровать. Ежели буй-туромъ, такъ Граціановъ будетъ для бифштексовъ воспитывать. Но что всего замѣчательнѣе—животнымъ еще все-таки вообразить себя можно, но человѣкомъ—никогда!

Человѣкъ—это общепринятый нѣтухъ. Такъ гласитъ анекдотъ о человѣкѣ Платона, и этотъ анекдотъ, возведенный въ идеалъ, преподанъ, яко руководство, и въ наши дни.

Но бѣжать все-таки надо. Какая бы метаморфоза ни приключилась, во что бы ни обратиться, хоть въ червя ползучаго, все-таки надо бѣжать. Двѣ-три десятины, коровка, пять курочекъ—всѣ въ одинъ голосъ такъ говорятъ? Мнѣ — двѣ десятины; Осьмушниковымъ и Разуваевымъ — вселенная! Такова внутренняя политика. Ежели старые столбы подгнили, надо искать новыхъ столбовъ. Да вѣдь новые-то столбы и вовсе гнилые... ахъ, господинъ Граціановъ!

Не малодушіе ли это, однакожъ, съ моей стороны, не преувеличеніе ли? Вѣдь жилъ же я до сихъ поръ—живъ есмь и жива душа моя!—вѣроятно, ежели и впредь буду жить—и впредь никто меня не съѣстъ. Допустимъ, что все это такъ. Но, во-первыхъ, развѣ такъ

живутъ люди, какъ я до сихъ поръ жилъ? А во-вторыхъ, какой горькій искусъ нужно вынести на своихъ плечахъ, чтобы дойти до подобнаго малодушія, до подобныхъ преувеличеній. Вѣдь и малодушіе не по произволу является, но сходственно съ обстоятельствами дѣла. Легко указывать на человѣка и восклицать: „вотъ рабъ лукавый!“—но что же ему дѣлать, если у него, кромѣ лукавства, услады иной въ жизни нѣтъ?

Чуть ли не съ Кантемира начиная, мы только и дѣлаемъ, что жалуемся на „дурныя привычки“. Распущенность, разпузданность, равнодушіе, лѣность, малодушіе, лукавство, лицемѣріе, лганье—вотъ каковъ багажъ. Конечно, обладающее подобными привычками общество едва ли можетъ чѣмъ-либо заявить себя со стороны производительности, а скорѣе обязывается жить со дня на день, пугливо озираясь по сторонамъ. Но для того, чтобъ дурныя привычки исчезли, надобно прежде всего, чтобъ онѣ сдѣлались невыгодны. Рамки такія нужны, въ которыхъ даже невзначай не представилось бы повода для проявленія этихъ привычекъ. А гдѣ эти рамки взять?

Обратить строгое вниманіе на выборъ подчиненныхъ—отлично. Строжайше соблюдать законъ—превосходно. Не менѣе строго соблюдать экономію — лучше придумать нельзя. Судя по всему, все это такъ и будетъ. И вотъ, когда это случится, тогда и я утрачу дурную привычку преувеличивать. А до тѣхъ поръ—и радъ бы, да не могу.

Впрочемъ я однажды ужъ оговорился, что мой личный казусъ ничтоженъ. Повторяю это и теперь. Что я такое—„ихé“! Одно только утѣшительно: вѣдь и всѣ остальные—ихé, всѣ до единаго. Но какое странное утѣшеніе!

Разуваевъ явился ко мнѣ на другой день и на этотъ разъ былъ удивительно милъ. Расчесалъ кудри, тщательно вымылся, надѣлъ новый сюртукъ и нитаны на-выпускъ. Вообще, повидимому, понялъ, что пришелъ не въ харчевню. Даже про старинное наше знакомство помянулъ и съ благодарностью отозвался при этомъ о коринѳѣ Отлетаевой.

— Кабы онѣ въ тѣ поры не зачинали суда, а честью попросили,—сказалъ онъ:—я, можетъ, и по сейчасъ бы вѣрный слуга для нихъ былъ.

— Ну, гдѣ ужъ!—усомнился я.

— Вѣрное слово, вышескородіе. говорю: даже и теперича завсегда помню, что я ихній рабъ состоялъ.

— Что ужъ о старыхъ дѣлахъ вспоминать. лучше о нынѣшнихъ потолкуемъ. Торгуете?

— И нынче дѣла нельзя похулить. надо правду сказать. Народъ нынче очень ужъ оплошалъ. такъ. значитъ. только случая опускать не слѣдуетъ.

— Частенько-таки я въ послѣднее время такія слова слышу. но, признаюсь. удивляюсь. По моему, ежели народъ оплошалъ. да еще вы случаевъ упускать не будете—вѣдь этакъ онъ. чего добраго. и вовсе оплошаетъ. Откуда вы тогда барыши-то свои выбирать надѣетесь?

— Ахъ, вашескородіе! йёнъ доста-а-нетъ!

Онъ сказалъ это съ такой невозмутимой увѣренностью, что мнѣ невольно пришло на мысль: что же такое. однакожъ. намъ въ дѣтствѣ твердили о курицѣ. несшей золотыя яйца? Какъ извѣстно. владѣлецъ этой курицы, наскучивъ получать по одному яйцу въ день и желая заразъ воспользоваться всѣми будущими яйцами, зарѣзалъ курицу. и. разумѣется, не только обманулся въ своихъ мечтаніяхъ. но утратилъ и прежній скромный доходъ. Легенда эта (въ смыслѣ результата) всегда казалась мнѣ достойною вѣрія, и я вполнѣ искренно думалъ, что человѣкъ, зарѣзавшій драгоцѣнную курицу, былъ глупый человѣкъ и совершенно правильно за свою глупость пострадалъ.

И вотъ теперь Разуваевъ объявляетъ прямо, что все это вздоръ. Судя по его словамъ, курица не перестаетъ нести золотыя яйца. даже если она съѣдена. Это какая-то вѣчная. дважды-волшебная курица. которую ничто не беретъ. ничто доканать не можетъ. Это—курица-миѳъ, курица-безсмыслица, но въ то же время курица. подлинное существованіе которой можетъ подтвердить такой несомнѣнный экспертъ куриныхъ дѣлъ, какъ Разуваевъ. И мнѣ кажется, что наши экономисты и финансисты недостаточно оцѣниваютъ этотъ фактъ. ибо въ противномъ случаѣ они не разглагольствовали бы ни о сокровищахъ. въ нѣдрахъ земли скрывающихся, ни о сокровищахъ, издаваемыхъ экспедиціей заготовленія бумагъ, а просто-на-просто объявили бы: ежели въ одномъ карманѣ пусто, въ другомъ ничего, то распори курицѣ брюхо, выпотроши. свари. съѣшь. и пускай она продолжаетъ

нести золотыя яйца по прежнему. И она будетъ нестись — въ этомъ порукою Разуваевъ.

„Пёнъ доста-а-нетъ!“ Просто, глупо — и между тѣмъ изумительно глубоко. Эту фразу слѣдовало бы золотыми буквами начертать на всѣхъ пантеонахъ, ибо, въ сущности, на ней одной издревле всѣ экономисты и финансисты вйсятъ.

— Однако вы, какъ я вижу, и финансистъ!—похвалилъ я.

— Я-то-съ? — помилуйте, вашескородіе! такъ маленько мерёкаемъ *), а чтобы настоящимъ манеромъ произойти—такого разума отъ Бога еще не удостоены-съ.

— Ахъ, Анатолій Иванычъ, Анатолій Иванычъ! да вѣдь и всѣ мы, голубчикъ, только мерёкаемъ!

— Нѣтъ-съ, вашескородіе, слыхалъ я, что бываютъ и настоящіе по этой части ходаки. Прожженые, значитъ. Взглянетъ—и сразу все нутро высмотритъ.

— Это только такъ издали кажется, мой почтенный, что онъ нутро видитъ, а въ дѣйствительности онъ то же самое усматриваетъ, что и мы съ вами. Только мы съ вами мерёкаемъ кратко, а онъ пространо. Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, а намерёкать могу съ три короба—вотъ и разгадка вся.

— Это такъ точно-съ.

— Одинъ придетъ, померёкаетъ; другого завидки возьмутъ—придетъ и наизново перемерёкаетъ. И все одно и то же выходитъ. А мы, простецы, смотримъ издали, какъ они сами себѣ хвалы слагаютъ, и думаемъ, что и впрѣсть какой свѣтъ ихъ осіялъ!

— И это истинная правда-съ.

— И ежели по правдѣ говорить, такъ вы ужъ черезъ-чуръ скромнаго о себѣ мнѣнія. Именно вы-то и не мерёкаете, а самое нутро видите. „Пёнъ достанетъ!“ Ахъ, голубчикъ! неужто же вы не понимаете, что вы—финансистъ?

Не знаю, насколько понялъ меня Разуваевъ, но знаю, что онъ остался польщенъ и доволенъ. Разумѣется, онъ воспользовался моею

*) Для незнакомыхъ съ этимъ выраженіемъ считаю нелишнимъ пояснить, что „мерёкать“ значитъ кое-что понимать, на бобахъ разводить. Первоначальнымъ корнемъ этого выраженія былъ, очевидно, глаголъ „мерещиться“. Мерещится знаніе, а настоящаго нѣтъ.

словоохотливостью, чтобы при первой же возможности перейти къ дѣйствительному предмету своего посѣщенія.

— Главная причина,— сказалъ онъ:—время теперь самое подходящее. Весна на дворѣ, огородъ работать пора, къ посѣву приготовляться. Ежели теперь время опустилъ — послѣ его ужъ не наверстать.

— Но почему же вы думаете, что я упущу?

— Вашескородіе! позвольте вамъ доложить! Ну, какая же есть возможность вамъ за всѣмъ усмотрѣть-съ!

— Однако, шло же какъ-нибудь до сихъ поръ.

— Какъ-нибудь—это такъ точно-съ. А намъ надо не какъ-нибудь, а чтобы настоящимъ манеромъ. Вашескородіе! позвольте вамъ доложить! Совсѣмъ бы я на вашемъ мѣстѣ... ну, просто совсѣмъ бы не такъ я эту линію повелъ!

— Что же бы вы сдѣлали?

— Очень просто-съ. Купилъ бы двѣ-три десятники-съ, выстроилъ бы домичекъ по препорціи, садичекъ для прохладности бы развелъ, коровку, курочекъ съ пятокъ... Мило, благородно!

Стало быть, и онъ. Всѣ какъ одинъ, почти слово въ слово: должно быть, однакожъ, частенько-таки они обо мнѣ бесѣдуютъ. Вотъ онъ, vox populi— теперь только я понимаю, что не покориться ему нельзя. Ежели люди такъ увѣренно ждутъ — стало быть, они имѣютъ къ тому основаніе; ежели они съ такою тщательною подробностью опредѣляютъ, что для меня нужно — стало быть, они положительно знаютъ, что я сижу не на своемъ мѣстѣ, что здѣсь я помѣха и безобразіе, а вонъ тамъ, на двухъ десятинахъ, я придусь какъ разъ въ самую мѣру. И что всего важнѣе — это же самое сознавалъ я и самъ. Давно ужъ сознавалъ, да самолюбіе, должно быть, мѣшало вступить на новый путь, а можетъ быть и просто лѣнь...

Вѣроятно эта же самая причина существовала и теперь. Я очень радушно побесѣдовалъ съ Разуваевымъ, но ни своей цѣны ему не объявилъ, ни объ его цѣнѣ не спросилъ. Словомъ сказать, ни на чемъ не покончилъ. Однакожъ, видимо было, что Разуваевъ, уходя отъ меня, былъ значительно ободренъ. Онъ быстрымъ окомъ окинулъ мою обстановку, какъ бы желая запечатлѣть ее въ своей памяти, и на прощанье долго и умильно смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Онъ понялъ, что я все еще „артачусь“, и былъ такъ любезенъ, что взглянулъ на

эту слабость снисходительно. Въ самомъ дѣлѣ, не Богъ же знаетъ, что̀ съѣстъ человѣкъ, ежели и подождать двѣ-три недѣли, а онъ между тѣмъ жалованье рабочимъ за мѣсяцъ заплатитъ... Во всякомъ случаѣ я почти убѣжденъ, что отъ меня онъ побѣжалъ къ своимъ единомышленникамъ, и что тамъ все единогласно уже рѣшено и скомпоновано. Можетъ быть, и Лукьянычъ тамъ, вмѣстѣ со всѣми, совѣты подаетъ...

— Лукьянычъ! а, Лукьянычъ! гдѣ ты?—испугался я.

— Здѣсь я,—отозвался голосъ изъ передней.

— Разуваевъ-то вѣдь въ сурьёзъ покупать приходилъ.

— Неужто-жъ въ шутку!

— Истинный ты Езопъ! никакъ съ тобой говорить настоящимъ манеромъ невозможно.

— Чего „настоящимъ манеромъ"! Апрѣль въ половинѣ, пахать пора, а гдѣ у насъ навозъ-то?

— Такъ неужто за зиму не накопилось?

— Спросите у садовника, куда онъ его дѣвалъ.

— Такъ, значитъ, продать?

— Это какъ вамъ будетъ угодно.

— Да ты-то, ты-то что̀ думаешь! Чай, не цѣпями у тебя языкъ скованъ—шевели!

— И то умаялся, еще при папенькѣ при вашемъ шевелившии. Говорилъ въ то время: не покупайте, зачѣмъ вамъ! — нѣтъ, купили...

— Ну, ступай!

Но прошла Святая, прошла Ѳомина недѣля, а я все еще артачился и недоумѣвалъ. Вонъ выѣхалъ Иванъ старшій съ сохой на полосу противъ усадьбы, перекрестился и пошелъ ковырять. Ишь ковыряетъ! даже изъ оконъ видно, какъ онъ на каждомъ шагу пронашку за пронашкой дѣлаетъ... такъ бы и налетѣлъ! Смотрю, анъ и Разуваевъ стоитъ на дорогѣ и тоже на пашню любуется: только понапрасну, моль, землю болтаютъ! Наконецъ онъ не вытерпѣлъ, крикнулъ: „а ты бы, Иванъ, сохой-то не все нанусто, а и въ землю бы попадалъ!" И Иванъ понялъ, что это не напрасный окрикъ, что когда-нибудь онъ отзовется на немъ, и началъ въ землю сохой попадать. „Но-но, милякъ! Нно... стерво!" слышатся мнѣ черезъ полуотворенное окно поощренія, посылаемыя имъ рыжему мерину.

Главное препятствіе для окончательной развязки представляла повидимому мысль: наступаетъ лѣто — куда дѣваться? Ежели въ Петербургъ или въ Москву ѣхать—упаси Богъ! Тамъ теперь такіе фундаменты закладываются и такія созидаются зданія, что того и гляди задавятъ. Ежели за границу ѣхать — не лежитъ у меня сердце къ этой „за-границѣ“. Во-первыхъ, англичанъ на каждомъ шагу встрѣчаешь: ходятъ прямо, надменно, и у каждаго на лицѣ: „Afghanistan—jamais!“ Это, то-есть, насъ, русскихъ, они такъ дразнятъ. Ахъ, господа, господа! Съ которыхъ уже поръ вы твердите: jamais, да jamais, а мы между тѣмъ, не торопясь да Богу помолясь, смотрите-ка куда забрались! Одно нехорошо: объяснить имъ это прямо нельзя—того гляди, проштрафишься. Онъ говоритъ: jamais! а я отвѣтить ему не могу. Почемъ я знаю, что̀ по обстоятельствамъ дѣла и въ согласность съ высшими соображеніями слѣдуетъ въ данную минуту говорить? Можетъ быть: pour sûr, а можетъ быть и—jamais. Такъ ужъ лучше пусть онъ одинъ дразнится, а мы помолчимъ—вотъ оно, положеніе-то, каково! Во-вторыхъ, настоящей прислуги за границей нѣтъ. Коли хотите, цѣлые города (курорты) существуютъ, гдѣ кромѣ лакеевъ и людей другихъ не найдешь, а все-таки подлиннаго, „своего“, лакея нѣтъ. Тамошній лакей жадный, прожженый, онъ всякому служить готовъ, а потому ни настоящей сноровки, ни преданности съ него спросить нельзя. А намъ нуженъ лакей постоянный, чтобъ съ утра до вечера все одного и того же человѣка видѣть. Въ-третьихъ, за границей очень ужъ чисто. Вычистятъ съ утра и хотятъ, чтобы цѣлый день чисто было. А намъ это невозможно. Помню, я въ прошломъ году людскія помѣщенія на скотномъ дворѣ вычистить собрался: нанялъ поденщицъ (на свою-то прислугу не понадѣялся), самъ за чисткой наблюдалъ, чистилъ день, чистилъ другой, одного убѣленнаго и ошпареннаго клопа цѣлый ворохъ на полосу вывезъ—и вдругъ вижу, смотритъ на мои хлопоты старшій Иванъ и только-что не въявь говоритъ: дай срокъ! я завтра же всю твою чистоту въ лучшемъ видѣ загажу. Такъ-то и всѣ. Нельзя намъ чисто жить, недосугъ. Да и приспособленій у насъ не заведено. За границей машинами улицы поливаютъ, а мы — ковшечкомъ! за границей громадными щетками грязь вычищаютъ, а мы—метелками. И не то чтобъ мы не понимали, что̀ хорошо, что̀ худо; спросите у перваго встрѣчнаго: что̀ лучше, въ чистотѣ ли жить, или въ грязи барахтаться—

навѣрное всякій скажетъ: „какъ можно: въ грязи или въ чистотѣ?" Но черезъ минуту непремѣнно прибавитъ: „ахъ, баринъ, баринъ!"

Словомъ сказать, ни въ столицѣ, ни за границей—нигдѣ жить охоты нѣтъ. Купить бы гдѣ-нибудь въ Пронлёванскомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Гнилушки, двѣ-три десятинки—именно такъ, ни больше, ни меньше—да вѣдь, пожалуй, въ поискахъ за этимъ эльдорадо все лѣто пройдетъ...

Очень возможно, что я долго бы такимъ образомъ недоумѣвалъ, еслибъ не пришелъ ко мнѣ на помощь неожиданный случай и не ускорилъ развязку.

Сейчасъ послѣ Фоминой я получилъ письмо отъ стариннаго моего пріятеля и школьнаго товарища, Ивана Косушкина (есть такая фамилія и очень древняя: и въ Смоленскѣ Косушкины сидѣли, и въ Тушино бѣгали, но нигдѣ „косушки" не забывали и тѣмъ прославились). Письмо гласило слѣдующее:

„Соломенное Городище, 26-го апрѣля.

„Ау, дружище! гдѣ ты и какъ живешь? Ежели въ Монрепо унываешь, то брось все, продавай за грошъ и кати сюда! Ибо лѣта наши приходятъ преклонныя, и слѣдовательно закатъ дней своихъ намъ не унывающе, но веселящеся провести надлежитъ.

„Скоро будетъ два года, какъ я поселился здѣсь, поселился повидимому случайно, а на повѣрку выходитъ, что навсегда. Вотъ краткая повѣсть о моемъ переселеніи.

„Я родился въ Аркадіи, и у меня было свое Монрепо; но въ послѣднее время такъ оно мнѣ опостылѣло, что я, какъ помѣшанный, слонялся изъ угла въ уголь. Дѣло въ томъ, что покуда были на-лицо разные Евдокимычи, да Климычи, да Аксиньюшки, жилось хоть и не особенно сладко, но все-таки жилось. Жилъ и я. Никто не тревожилъ меня, никто „распоряженіями" не донималъ. Придетъ кто-нибудь насчетъ покоса переговорить — ступай къ Евдокимычу; дровецъ не продадите ли — ступай къ Климычу; маслица нѣтъ ли залишняго—ступай къ Аксиньюшкѣ. Какъ ужъ они тамъ ладились—не знаю, но денегъ на расходы не требовали, и даже меня отъ времени до времени кушиками побаловывали. Но что важнѣе всего—я былъ увѣренъ (да и теперь вѣрю), что дѣло у насъ идетъ среднимъ ходомъ, безъ грабежа, но и безъ мотовства, смирно, честно, благородно...

И вдругъ, среди этакой-то тишины и во всемъ благого поспѣшенія, налетѣлъ на насъ вихрь: стали старики помирать. Сначала умеръ Евдокимычъ, потомъ Климычъ, а наконецъ и Аксиньюшка.

„Умирали по очереди, безмолвно, точные младенцы. Сначала недѣли двѣ морщится, скучный ходитъ (Евдокимычъ говорилъ: „въ первую холеру я съ покойнымъ папенькой вашимъ въ ростепель въ Москву ѣздилъ—съ тѣхъ самыхъ поръ ноги мозжатъ"), потомъ влѣзаетъ на печку и ужъ не слѣзаетъ оттуда: значитъ, смерть идетъ. И дѣйствительно, не пройдетъ и мѣсяца—смотришь, плютъ за священникомъ. Причастится, особоруется и совсѣмъ ужъ притихнетъ. А къ вечеру икнетъ—и нѣтъ его. Тяжелѣе другихъ умирала Аксиньюшка: все каялась мнѣ, что „еще при покойницѣ матушкѣ вашей новинку утаила", и просила простить. Точно ли она утаила новинку, или въ порывѣ предсмертнаго самобичеванья наклепала на себя—сказать не могу: но, вспоминаючи матушкинъ „глазокъ-смотрокъ", сдается мнѣ, что врядъ ли отъ ея вниманія могла укрыться цѣлая недостающая новина.

„Не думай однакожъ, что я пишу идиллію, и тѣмъ паче, что любуюсь ею. Отлично я понимаю, какимъ образомъ сложился типъ крѣпостного нѣстуна, и почему всѣ эти Евдокимычи до конца оставались у меня. Прежде всего у нихъ ногъ ужъ не было, чтобъ бѣжать, а во-вторыхъ, отъ отца съ матерью они навѣрное и безъ ногъ бы ушли, потому что тѣ были господа настоящіе, и хотя особенно блестящихъ хозяйственныхъ подвиговъ не совершали, но любили игру „въ каторгу", то-есть съ утра до вечера суетились, пороли горячку, гоношили, а стало быть съумѣли бы и со стариковъ „спросить". Ну, а мнѣ все равно: живите, только меня не трогайте!

„Когда всѣ перемерли, я остался одинъ лицомъ къ лицу съ Монрепо. Ужасно это тяжелое чувство: въ первый разъ въ жизни напалъ на меня страхъ. Спать по ночамъ не могъ; все чудилось: зачѣмъ же Монрепо-то не умерло? и кто меня теперь успокоитъ? кто добро мое сбережетъ? Пришлось нанимать чужака.

„Явился чужеянинъ и говоритъ: „Филаретъ Семеновъ Перебѣжчиковъ, здѣшняго города мѣщанинъ; надѣюсь вашей милости заслужить". Что жъ, очень радъ; вотъ ключи, вотъ планы: съ остальнымъ сами постепенно познакомитесь. Но на первыхъ же порахъ началъ меня этотъ человѣкъ огорчать. Прежде всего охалъ распоряженія

Евдокимыча и даже попытался набросить на нихъ неблаговидную тѣнь. Потомъ сталъ каждый вечеръ ходить, спрашивать, какое на завтрашній день распоряженіе будетъ (да еще цѣлыхъ два ему выложи: одно на случай, коли ежели вёдро, а другое на случай, коли ежели Богъ дождичка пошлетъ). А я почемъ знаю? Кому видиѣе, какъ по обстоятельствамъ дѣла поступать надлежитъ, мнѣ или ему? Но ты, конечно, понимаешь, что нельзя же прямо человѣку сказать: отстань, потому что я ничего не знаю и ничѣмъ распорядиться не могу... Вотъ я распоряжался, распоряжался, да и затосковалъ.

„А къ этому вскорѣ присоединилось и еще обстоятельство: прислали къ намъ въ уѣздъ новаго начальника. Глаза какъ плошки, усы какъ у таракана, изъ устъ пахнетъ „Московскими Вѣдомостями“. Стараго-то — отличный былъ, царство небесное! — смѣнили за то, что все въ городѣ сидемъ сидѣлъ (кстати, онъ мнѣ потомъ жаловался: „вѣдь и Илья-Муромецъ, говоритъ, сколько лѣтъ сидемъ сидѣлъ, однако, когда понадобилось“...). Такъ новый, какъ дорвался до мѣста, такъ и поѣхалъ. Ѣздитъ, братецъ, по проселкамъ и все людей выдергиваетъ да въ плѣнъ уводитъ. Завелся, видишь ли, „духъ“ какой-то въ нашихъ палестинахъ, такъ вотъ по этому случаю. У меня не былъ, а проѣхалъ мимо не разъ. Смотрѣлъ я на него изъ окна въ бинокль: сидитъ въ телѣгѣ, обернется лицомъ къ усадьбѣ и вытаращитъ глаза. Думалъ я, думалъ: никогда у насъ никакого „духа“ не бывало, и вдругъ завелся... Кого ни спросишь: что̀, моль, за духъ такой? — никто ничего не знаетъ, только говорятъ: строгость пошла. Разумѣется, затосковалъ еще пуще. А ну, какъ и во мнѣ этотъ „духъ“ есть? и меня, въ преклонныхъ моихъ лѣтахъ, въ плѣнъ уведутъ!

„Взялъ и вдругъ все продалъ. Трактирщикъ тутъ у насъ по близости на пристани процвѣлъ — онъ и купилъ. Въ немъ ужъ навѣрное никакого „духу“, кромѣ грабительства, нѣтъ, стало быть ему честь и мѣсто. И сейчасъ, на моихъ глазахъ, покуда я пожитки собиралъ, онъ и распоряжаться началъ: птицу на скотномъ перерѣзалъ, карасей въ прудѣ выловилъ, скотъ угналъ... „А потомъ, говоритъ, начну домъ распродавать, лѣсъ рубить, въ два года выручу два капитала, а наконецъ и пустое мѣсто за-дешево продамъ“.

„Признаюсь, однакожъ, что на первыхъ порахъ тоскливо было. Во-первыхъ, странно съ непривычки такія фразы слышать: „а под-

свѣчничекъ-то вы, кажется, съ собой нашъ уложили?“ или: „тутъ полотенчико прежде висѣло, такъ какъ прикажете, ваше оно или наше будетъ?“ А во-вторыхъ, продать-то я продалъ, а какъ съ собой поступить—не знаю. На всякій случай, однакожъ, отправился въ „губернію“, думаю: тамъ моя невинность виднѣе будетъ. Проѣзжаю мимо Соломеннаго Городища, смотрю и не вѣрю глазамъ: волшебство! При самомъ въѣздѣ въ городъ, безъ конца тянется заборъ, а за забором зелени, зелени—цѣлое море! И домъ большой, и развалины какія-то въ сторонѣ. Спрашиваю на станціи: что за штука? — отвѣчаютъ: жилъ-былъ здѣсь откупщикъ, и водочный заводъ у него былъ (это развалины-то), а теперь, дескать, домъ съ землей продаются. Сейчасъ же побѣжалъ смотрѣть. Мѣсто—двѣ десятины: въ самый разъ, значитъ, и то, пожалуй, за всѣмъ не усмотришь; заборъ —подгнилъ, а мѣстами даже повалился, надо новый строить; домъ ежели маленько его поправить, то хватитъ надолго: и мебель есть, а въ одной комнатѣ даже ванна мраморная стоитъ, въ которой жидовинъ-откупщикъ свое тѣло бѣлое нѣжилъ; руина.... ну, это, пожалуй, „интересъ“, и больше ничего: однако существуетъ легенда, будто по ночамъ здѣсь собираются сирые и немущіе, лижутъ кирпичи, нѣкогда обагрявшіеся сивухой, и бываютъ пьяны. Но садъ— волшебство! Ни цвѣтниковъ, ни аллей, а все вишни, вишни, вишни, смородина, смородина, смородина! Это „онъ“ все на „предметъ настоекъ“ разводилъ! И все запущено, разрослось, переплелось... Словомъ сказать, такъ мнѣ вдругъ захотѣлось тутъ умереть, что сейчасъ же и поскакалъ въ Москву и въ два дня кончилъ.

„И ко всему этому — здѣшній начальникъ оказался смирный. Любознательный, но смирный. Пріѣхалъ ко мнѣ на новоселье, посидѣлъ, побесѣдовалъ и вдругъ задумался. „Такъ вы,—говоритъ, —къ намъ“...—Совѣмъ, говорю.—„Аттестатъ у васъ есть?“— Вотъ онъ.—Посмотрѣлъ, перелистовалъ: служилъ тамъ-то и тамъ-то, аттестовался способнымъ и достойнымъ, въ походахъ не бывалъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоялъ... Вздохнулъ.—„А знаете ли,— говоритъ,—я, воля ваша, этого не понимаю: къ намъ... совѣмъ... что такое значитъ?“—Да просто значитъ, что къ вамъ совѣмъ— и больше ничего.—„Помилуйте... что же такое у насъ?.. никто къ намъ... никто, никогда... и вдругъ!“—Да вѣдь надо же гдѣ-нибудь жить?—„Такъ-то такъ... а все-таки... ну, какую вы здѣсь прелесть

нашли! городишко самый пустой, бѣлаго хлѣба не сыщешь... никто къ намъ никогда... и вдругъ вздумалось!.." Это было такъ мило, что я не выдержалъ и расцѣловалъ его. И вотъ съ тѣхъ поръ мы друзья. Чтобъ окончательно его успокоить, я отвелъ въ домѣ квартиру для полицейскаго чина, истребилъ всѣ книги, вмѣсто газетъ выписалъ „Московскія Вѣдомости" и купилъ гитару. Все прошлое лѣто, днемъ и ночью, я держалъ окна настежь: приди и вижь!

„Итакъ, бросай свое Монрепо и пріѣзжай сюда. Ничего кромѣ ношеннаго платья не привози, но гитарой запасись непремѣнно: это придаетъ шикъ благонамѣренности. Ежели есть прислуга, особенно ежели ветхая, въ родѣ моего Евдокимыча, то также привози, потому что это придастъ нашему сожительству шикъ респектабельности: авторитеты, значитъ, признаемъ. По исполненіи сего, заживемъ отлично. Будемъ вдвоемъ сидѣть у открытаго окна, бряцать на струнахъ и пѣть:

Ахъ, что кому до насъ!
Когда праздничекъ у насъ,
Мы зароемся въ соломку,
И никто не найдетъ насъ!
Тирунинь! тирунинь! тирунинь!

„Помнишь?

„Затѣмъ, жму твою руку и жду. Vale.

Иванъ Косушкинъ.

„P. S. Забылъ сказать: при домѣ есть сажалка и въ ней караси. Караси, да ежели въ сметанѣ... это что же такое!!"

Первою мыслію по прочтеніи этого письма было: такъ вотъ онъ, двѣ десятины, о которыхъ мнѣ цѣлый мѣсяцъ твердятъ! Затѣмъ, черезъ часъ я уже былъ у Разуваева, и мы въ два слова кончили. Finis Монрепо!

V.—Предостереженіе.

Посвящается кабатчикамъ, мѣнялам, подрядчикамъ, желѣзнодорожникамъ и прочихъ міроѣдскихъ дѣлъ мастерамъ.

Я, отставной корнетъ Прогорѣловъ, нѣкогда крѣпостныхъ дѣлъ мастеръ, впослѣдствіи оголтѣлый землевладѣлецъ, а нынѣ пропащій человѣкъ—я обращаю къ вамъ рѣчь мою!

Вся цивилизованная природа свидѣтельствуетъ о скоромъ пришествіи вашемъ. Улица ликуетъ, дома терпимости прихорашиваются, половые и гарсоны въ трактирахъ и ресторанахъ въ ожиданіи млѣютъ, даже стерляди въ трактирныхъ бассейнахъ — и тѣ рѣзвѣе играютъ въ водѣ, словно говорятъ: слава Богу! кажется, скоро начнутъ ѣсть и насъ! По всей веселой Руси, отъ Мѣщанскихъ до Кунавина включительно, раздается одинъ кличъ: идетъ чумазый! Идетъ, и на вопросъ: „что̀ есть истина?“ твердо и неукоснительно отвѣтитъ: „распивочно и на-выносъ!“

Присутствуя при этихъ шумныхъ предвкушеніяхъ будущаго распивочнаго торжества, пропащіе люди жмутся и ждутъ... Они понимаютъ, что „чумазый“ придетъ совсѣмъ не для того, чтобы „новое слово“ сказать, а для того единственно, чтобъ показать, гдѣ раки зимуютъ. Они знаютъ также, что именно на нихъ-то онъ прежде всего и обрушится, дабы впослѣдствіи уже безъ помѣхи производить опыты упрощеннаго кровопивства; но неотразимость факта до того ясна, что имъ даже на мысль не приходитъ обороняться отъ него. Придетъ „чумазый“, придетъ съ ногъ до головы наглый, съ цѣпкими руками, съ несытой утробой—придетъ и слопаетъ! Только и всего.

И не одна безсознательная кунавинская природа привѣтствуетъ ваше пришествіе: нѣтъ, слухи о васъ проникли даже въ ту среду, которая уже привыкла формулировать свои предвидѣнія и чаянія. И эта среда вмѣстѣ съ Кунавинымъ спѣшитъ всѣмъ возвѣстить ваше пришествіе, какъ вѣрнѣйшій залогъ грядущаго обновленія.

Прежде всего васъ привѣтствуютъ наши „охранители“. Пропащіе люди, которыхъ они когда-то изъ всѣхъ силъ старались пристроить, нынѣ до смерти надоѣли имъ. Сантиментальничаютъ, ропщутъ, не то просятъ прощенья, не то грубятъ. Что-то невнятное происходитъ: не поймешь, гдѣ тутъ слава и гдѣ стыдъ. И въ довер-

шеніе всего, до того обнажились, что даже на табакъ подчаску не изъ чего дать. И это люди, которые когда-то не только сами называли себя столпами, но даже и были оными! Какимъ чудомъ случилось, что, обнажаясь все больше и больше, они постепенно выродились въ пропащихъ людей?

Исторія этого превращенія для охранителей представляетъ какую-то неисповѣдимую загадку. Но еще болѣе загадочнымъ кажется то, что, несмотря ни на какія умертвія, пропащій человѣкъ все-таки еще живъ состоитъ. Жизнь съ пассивнымъ упорствомъ держится въ этомъ расшатанномъ организмѣ, держится на ряду съ явнымъ оголтѣніемъ... И кто знаетъ? можетъ быть, именно благодаря этому упорству, была одна минута, когда казалось, что вотъ-вотъ все русское общество вступитъ на стезю абсолютнаго и безповоротнаго безстолбія... Да, было и такое время, было! все въ русской жизни было! Такое было время, когда все смѣшалось, когда самые несомнѣнные столпы, казалось, потонули въ зіяющей бездиѣ, чтобы не вынырнуть изъ нея никогда! Хорошо, что Богъ пронесъ мимо эту дурную фантасмагорію; но охранители и донынѣ не могутъ забыть о краткомъ періодѣ этого „чуть-чуть не безстолбія", и, разумѣется, вспоминаютъ о немъ не только съ тоскою, но и съ омерзѣніемъ... Было такое время... га!

Да, слово „столпъ" не пустой звукъ, но одна изъ тѣхъ живыхъ и несомнѣнныхъ конкретностей, временное исчезновеніе которыхъ производитъ замѣтную пустоту въ кодексѣ благоустройства и благочинія. Столпы — это выдающіеся пункты, около которыхъ ютится мелкота, иногда ропщущая, но въ большинствѣ случаевъ безнадежно изнемогающая. Столпы даютъ тонъ этой мелкотѣ, держатъ ее въ изумленіи, не допускаютъ обрости. Однимъ своимъ присутствіемъ они съ большимъ успѣхомъ устраняютъ вредныя мечтанія, нежели самыя дѣятельныя разслѣдованія корней и нитей. Разслѣдованіе налетитъ и исчезнетъ: столпы же всегда тутъ, безотлучно... вплоть до изгноя. Мелкота съ суевѣрнымъ страхомъ взираетъ на ихъ незыблемость и инстинктивно понимаетъ, что совмѣстное существованіе незыблемости и мечтаній — дѣло не только немыслимое, но и прямо противоестественное. Едва рожденныя, вредныя мечтанія тутъ же немедленно и умираютъ. Или, лучше сказать, они даже не рождаются, а только отъ времени до времени заносятся въ видѣ эфектнаго слуха, со

стороны, не поселяя въ столпахъ ни малѣйшей тревоги своимъ эфемернымъ появленіемъ...

Вотъ почему столпы считаются существеннѣйшимъ подспорьемъ, и вотъ почему, когда наступаетъ моментъ изгноя, благоразумные охранители заранѣе подстерегаютъ этотъ моментъ и дѣлаютъ нужныя приспособленія, дабы старые, подгнившіе столпы были немедленно замѣнены новыми...

Нынѣ, къ безмѣрной радости охранителей, пробѣлъ, причиненный кратковременнымъ безстолбіемъ, пополненъ. „Чумазый человѣкъ“ — въ виду у всѣхъ: человѣкъ свѣжій, непреклонный и расторопный, который навѣрное освободитъ охранителей отъ половины гнетущей ихъ обузы. Нѣтъ нужды, что онъ еще недостаточно поскоблился, что онъ не тронутъ наукой и равнодушенъ къ памятникамъ искусства, что на знамени его только одна надпись читается явственно: расшивочно и на-выносъ... Охранитель видитъ въ этомъ не препятствіе, но залогъ. Чѣмъ меньше бродитъ въ обществѣ превыспренностей, тѣмъ прочнѣе оно стоитъ—это истина, которая нынѣ бьетъ въ глаза даже будочникамъ. Что такое „общество“?—это фикція и больше ничего. Объ этой фикціи отъ времени до времени упоминается, потому что совсѣмъ забыть о ней какъ-то совѣстно, но въ сущности... Ахъ, тѣмъ-то вѣдь и дорогъ „чумазый человѣкъ“, что, имѣя его подъ рукой, о всѣхъ вообще фикціяхъ навсегда можно забыть, и нисколько не будетъ совѣстно. Ему ни „общество“, ни „отечество“, ни „правда“, ни „свобода“—ничто ему доподлинно неизвѣстно! Ему извѣстенъ только грошъ—ну, и пускай онъ надѣлаетъ изъ него пятаковъ!

Слѣдомъ за охранителями привѣтствуютъ чумазаго человѣка и публицисты. Никогда не было потрачено столько усилій на разъясненіе принциповъ собственности, семейственности и государственности, никогда съ такою настойчивостью, съ такими угрозами не было говорено о необходимости огражденія этихъ принциповъ. Знаете ли, ради чего поднялась эта суматоха? ради чего такъ усиленно понадобилось ограждать огражденное и разъяснять разъясненное?—все ради васъ, кабатчики и мѣнялы! все ради того, чтобъ для васъ соотвѣтствующую обстановку устроить и ваше пришествіе приличнымъ образомъ объяснить.

Въ старое время, и въ обществѣ, и въ литературѣ было насчетъ

этого болѣе нежели просто. Люди наиболѣе заинтересованные столь же мало думали о вопросахъ собственности, семейственности и государственности, какъ мало думаетъ человѣкъ, которому приходится періодически совершать одинъ и тотъ же путь, о домахъ и заборахъ, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ этого пути. Зачѣмъ мнѣ, крѣпостныхъ дѣлъ мастеру, было напоминать о существованіи какихъ-то „принциповъ“ собственности, семейственности и государственности, когда я самъ былъ ходячимъ гимномъ этимъ принципамъ? Зачѣмъ мнѣ было подстрекать самого себя на постиженіе какихъ-то усложненій, когда стоило только протянуть руку, чтобъ безъ всякаго постиженія получить желаемое? Всѣ эти „принципы“ я не имѣлъ надобности ни расчленять, ни смаковать, ни ограждать ихъ, потому что они представляли собой стихію до такой степени мнѣ родную, что я только весело плавалъ въ ней, какъ рыба въ водѣ. Мнѣ и на мысль не приходило, что я могу захлебнуться или потонуть въ ней (знаю, что подъ конецъ я захлебнулся-таки, но вѣдь за то и наплавался же!). Ничѣмъ она не угрожала мнѣ, а только ласкала и нѣжила.

И вдругъ все измѣнилось. По волѣ судебъ, насталъ періодъ безстолбія и всѣхъ напугалъ. Начали рыться, доискиваться причинъ и наконецъ пришли къ такому заключенію, что даже и въ родной стихіи нельзя безсрочно плавать, не понимая, что̀ дѣлаешь. Умозаключеніе это прямо противорѣчило исторической практикѣ, побѣдоносно доказавшей, что столпы именно до тѣхъ поръ и стоятъ крѣпко, пока крѣпко стоитъ безсознательность; но такъ какъ безстолбіе одолѣвало, то приходилось довольствоваться хоть какимъ-нибудь выходомъ, чтобы такъ или иначе освободиться отъ ненавистнаго явленія. Понадобилось уяснить составныя части стихіи, указать наилучшіе способы управленія ею. Вотъ эту-то задачу и приняла на себя публицистика. Она объяснила, что жизнь совсѣмъ не такъ проста, какъ это казалось намъ, крѣпостныхъ дѣлъ мастерамъ, что, напротивъ того, она представляетъ сплошную цѣпь большихъ и малыхъ „принциповъ“, которые постоянно и ревниво надлежитъ держать передъ глазами, дабы благополучно провести свою ладью къ желанной пристани.

Но коль скоро однажды объявилась необходимость „принциповъ“, то, само собой разумѣется, потребовались и знаменосцы для нихъ. Мы, крѣпостныхъ дѣлъ мастера, не могли быть таковыми, во-пер-

выхъ, потому, что людей, однажды уже ославленныхъ въ качествѣ выслужившихъ срокъ, было бы странно вновь привлекать къ дѣятельному столпослуженію, а во-вторыхъ, и потому, что, какъ я уже сказалъ выше, надъ всей нашей крѣпостной жизнью тяготѣлъ только одинъ рѣшительный принципъ: какъ только допущены будутъ разъясненія, расчлененія и разслѣдованія, такъ тотчасъ же всѣ мы пропали! Требовались люди болѣе подходящіе, такіе, которые зубами вцѣпились бы въ врученныя имъ знамена и всечасно памятовали, что плошать въ дѣлѣ держанія знаменъ—отнюдь не допускается. Такими людьми оказались—вы, кабатчики, желѣзнодорожники, мѣщяне и прочіе міроѣдскихъ дѣлъ мастера! Публицисты отлично угадали, что цѣлые васъ въ настоящее время людей не найти, и въ восторгѣ отъ этой находки воскликнули: „долой безстолбіе! вотъ они, новоявленные наши столпы!“

И точно: безстолбіе какъ-то вдругъ кануло, и ежели о немъ изрѣдка вспоминаютъ и теперь, то для того лишь, чтобы съ пылающими отъ стыда щеками воскликнуть: „ужели когда-нибудь былъ этотъ позоръ?“ Отнынѣ на васъ, кабатчики и мѣщяне, покоятся всѣ упованія. Вы совершите то, что не съумѣли свершить даже мы, ваши достославные предшественники; вы съ неумолимою логикою проведете принципъ умиротворенія посредствомъ обездоленія. Мы, крѣпостныхъ дѣлъ мастера, какъ-то задумывались передъ громадностью этой задачи. Не скажу, чтобы насъ останавливали на этомъ пути какія-нибудь соображенія высшаго порядка, но мы все-таки понимали, что если начать обездоливать вплотную, то изъ этого, чего добраго, въ концѣ концовъ, произойдетъ обездоленіе нашей собственной утробы. Вы и въ этомъ отношеніи поставлены гораздо выгоднѣе, нежели мы. Арена вашего обездоленія такъ безконечна и такъ загадочна, что даже при самой неисповѣдимой наглости всегда будетъ казаться, что еще не все вычерпано, что затерялся еще гдѣ-то уголокъ, въ которомъ процессъ обездоленія не совершилъ всего своего круга.

Въ виду столь несомнѣнныхъ свидѣтельствъ и я, Прогорѣловъ, не имѣю возможности сомнѣваться: да, вы грядете —это не тайна и для меня. Но, признаюсь откровенно, увѣренность эта не наполняетъ моего сердца сладкой надеждой, но, напротивъ, заставляетъ меня съ нѣкоторымъ трепетомъ приподнимать завѣсу будущаго и отыскивать

тамъ совсѣмъ не тѣ ликующіе тоны, которые обѣщаютъ наши охранители и наши публицисты.

Не думайте однакожъ, кабатчики и мѣщалы, что я сграю къ вамъ завистью и что именно это дурное чувство препятствуетъ мнѣ привѣтствовать васъ. Нѣтъ, тутъ совсѣмъ не то. Вотъ ужъ двадцать лѣтъ сряду, какъ я состою въ званіи пропащаго человѣка, и мнѣ кажется, что этого періода времени вполнѣ достаточно, чтобы пролить бальзамъ забвенія на какіе угодно сердечные роптоты. На первыхъ порахъ я дѣйствительно волновался и представлялъ изъ себя не то невинно-падшаго, который успѣлъ-таки припрятать въ укромномъ мѣстѣ кой-какія уцѣлѣвшія крохи, не то человѣка, приведеннаго въ восторженное состояніе отъ безпрерывной молотьбы по головѣ. Подъ вліяніемъ свѣже-нанесенной обиды я или ехидствовалъ, или извергалъ цѣлые потоки ропотовъ, причемъ такъ безтолково кричалъ, что не только не вникалъ въ смыслъ собственныхъ рѣчей, но, въ большинствѣ случаевъ, за гвалтомъ не умѣлъ даже хорошенько разслышать ихъ. Но вдругъ промелькнула свѣтлая минута. Я вслушался, вникъ и... покраснѣлъ. Я понялъ, что мой ропотъ былъ чѣмъ-то нелѣпымъ по существу и безконечно неуклюжимъ по формѣ: что по существу я обнаруживалъ только голую алчность, а по формѣ —только беззавѣтнѣйшую невѣжественность. Съ тѣхъ поръ я смирился и замолчалъ. Изрѣдка, правда, и теперь кое-что сболтну въ одномъ изъ тѣхъ тихихъ пріютовъ, которые извѣстны подъ именемъ земскихъ учрежденій, но сболтну неувѣренно и какъ-то невнятно, съ пропусками. Точь-въ-точь, какъ органчикъ, котораго валъ, отъ времени и жестокаго обращенія, утратилъ три четверти своихъ колышковъ.

И знаете ли что̀ еще! Съ тѣхъ поръ какъ я покраснѣлъ и сознался, что титулъ пропащаго человѣка прикрѣпленъ за мной безповоротно—я полюбилъ это скромное званіе. Иногда мнѣ даже сдается, что оно близко граничитъ съ званіемъ человѣка вообще, что въ этомъ качествѣ ему предстоитъ хорошая и прочная будущность, и что ежели для увѣковѣченія родовъ пропащихъ людей не будетъ заведено бархатныхъ и иныхъ книгъ, то не потому, чтобы люди сіи не были того достойны, а потому что, разъ испытавъ тщету увѣковѣченій, они и сами едва ли пожелаютъ ихъ возобновленія. Повторяю: я до того примирился съ мыслью, что я пропащій человѣкъ, что воспоминанія ми-

нувшей славы уже не пробуждаютъ во мнѣ ни безплодной горечи, ни несбыточныхъ надеждъ. Я знаю, что исторія назадъ не возвращается, что даже гнусное не повторяется въ ней въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, но или развивается въ формы гнуснѣйшія, или навсегда прекращается, и что, стало быть, Прогорѣловымъ—какъ бы они ни воплялись—повториться въ прежнихъ формахъ (а новыхъ они сами не выдержатъ) не суждено. Одно меня заботитъ въ моемъ новомъ положеніи: съумѣю ли я настолько совладать съ собою и съ своимъ прошлымъ, чтобы сдѣлаться во истину порядочнымъ пронащимъ человѣкомъ, то-есть человѣкомъ долга, добра, чести и труда?

Итакъ, не по чувству зависти я воздерживаюсь отъ поздравленія васъ съ пріѣздомъ, а просто потому, что меня береть оторопь. И не за себя я боюсь—чего ужъ! изъ меня все, даже страхъ вынули!—но за отечество.

Какъ ни безшабашно прошла моя жизнь, однако помаялся-таки я на своемъ вѣку, а тѣмъ временемъ кое-что и пристало ко мнѣ. Я, Прогорѣловъ, грамотенъ—вотъ въ чемъ суть. Преимущество ли это мое, или злосчастіе—всяко можно судить. Это преимущество, потому что грамота помогла мнѣ нестыдно и безболѣзненно (по крайней мѣрѣ относительно) перекочевать изъ категоріи столповъ въ категорію пронащихъ людей; это злосчастіе—потому что грамота же помѣшала мнѣ всецѣло отдаться восторгамъ возрожденія и этимъ самымъ уподобила мое существованіе ладьѣ, плавающей по волнамъ житейскаго моря безъ кормила и весла.

Правда, что моя грамота—нельзя сказать, чтобъ черезъ-чуръ ужъ сложная, но важно ужъ то, что она потревожила мой почивавшій внутренній міръ и въ то же время внушила мнѣ вкусъ къ нѣкоторымъ нелишнимъ наблюденіямъ и оцѣнкамъ.

Благодаря этимъ наблюденіямъ, я знаю, напримѣръ, что независимо отъ клейменыхъ русскихъ словарей въ нашей жизни выработался свой собственный подспудный словарь, имѣющій очень мало сходства съ клейменными. И представь себѣ, Разуваевъ, что когда рѣчь идетъ о выраженіяхъ еще не утвердившихся, новоявленныхъ, каковы, напримѣръ: интеллигенція, культура, дирижирующіе классы и проч., то я положительно предпочитаю послѣдній первымъ. Я инстинктивно чувствую, что клейменые словари фаталистически обречены на повтореніе задовъ. Ихъ міросозерцаніе—мое міросозерцаніе:

условности, которыя связываютъ ихъ, суть тѣ же, которыя связываютъ и меня; словомъ сказать, словари эти несомнѣнно сочинены самимъ мной, еще въ ту эпоху, когда я какъ сыръ въ маслѣ катался. Такъ что еслибъ я руководствовался только ими, то положительно все сомнительное и неясное такъ навсегда и осталось бы для меня сомнительнымъ и неяснымъ. Но, по счастью, рядомъ съ клеймеными словарями существуетъ толковый интимно-обывательскій словарь, который провидитъ и отлично объясняетъ смыслъ даже такихъ выраженій, передъ которыми клейменый словарь стоитъ, уставясь лбомъ въ стѣну. Вотъ къ этому-то неизданному, но превосходнѣйшему словарю я всегда и обращаюсь, когда мнѣ нужно вложить персты въ язвы.

Возьмемъ хоть бы данный случай. Вездѣ кругомъ говорятъ: грядутъ кабатчики, мѣнялы, желѣзнодорожники и прочіе міроѣдскихъ дѣлъ мастера. Желая объяснить себѣ это явленіе, я прежде всего обращаюсь къ обывательскимъ наблюдательнымъ реестрамъ, и вижу, что вы значитесь въ нихъ тако:

„*Разуваевъ*, Анатолій, бывшій халуй (понимаю). Занимается кабаками, а нынѣ, сверхъ того, и *интеллигенціей* (не понимаю).

„*Губошлеповъ*, Іона, бывшій цѣловальникъ (понимаю). Занимается поставкой для арміи и флотовъ гнилыхъ сухарей (еще бы не понимать!), а нынѣ, сверхъ того, *дирижирующій классъ*“ (не понимаю). И т. д., и т. д.

Очень возможно, что для публицистовъ, подчасковъ и прочихъ экспертовъ науки подчеркнутыя мною опредѣленія вполнѣ ясны, но для меня — человѣка только потревоженнаго наукой — нѣтъ. Поэтому я по старой привычкѣ беру сначала клейменый словарь и спѣшу справиться въ немъ: что̀ сей сонъ значитъ? Но, увы, никакихъ утѣшеній въ немъ не обрѣтаю, кромѣ того, что интеллигенція есть интеллигенція, а правящій классъ есть тотъ, который правитъ. Тогда я припоминаю, что у насъ есть еще неизданный интимно-обывательскій толковый словарь, мысленно развертываю его и читаю слѣдующее:

„*Интеллигенція*, или кровопивство...

„*Правящій классъ*, или шайка людей, втихомолку отъ начальства объегоривающая...“

Дальше я уже не читаю: съ меня довольно. Искомая язва глядитъ мнѣ прямо въ глаза, сіяющая, обнаженная, вполнѣ достовѣр-

ная. Нѣтъ нужды, что прочитанныя опредѣленія противорѣчатъ безсознательной номенклатурѣ, усвоенной мною съ пеленокъ: то, что открылось передо мной, такъ прозрачно-ясно, что я забываю всѣ пеленки, заподозрѣваю всѣ клейменые словари и вѣрю только ему одному, нашему единственно правдивому и единственно прозорливому подонлечному толковому русскому словарю!

И затѣмъ цѣлый рядъ мыслей, самаго внезапнаго свойства, такъ и роится въ моей головѣ.

Горе—думается мнѣ—тому граду, въ которомъ и улица, и кабаки безнужно скулятъ о томъ, что собственность священна! навѣрное въ градѣ семъ имѣетъ произойти неслыханнѣйшее воровство!

Горе той вси, въ которой публицисты безнужно и настоятельно вопіютъ, что семейство—святыня! навѣрное надъ этой весью невдолгѣ разразится колоссальнѣйшее прелюбодѣйство!

Горе той странѣ, въ которой шайка шалопаевъ во всѣ трубы трубитъ: „государство, mon cher! — c'est sacrrrré!“ Навѣрное въ этой странѣ государство въ скоромъ времени превратится въ расхожій пирогъ!

А работа воображенія не только не отстаетъ отъ работы мысли, но по обыкновенію даже опережаетъ ее. Картины слѣдуютъ за картинами... ужасъ! Представьте себѣ эту неусыпающую свару, въ которой отнятіе перемѣшано съ прелюбодѣяніемъ и терзаніемъ пирога! Осуществите ее въ цѣлой массѣ лицъ, искаженныхъ жаждой любостяжанія и любострастія; заставьте этихъ людей метаться, рвать другъ друга зубами, срамословить, сквернячать, убивать и, въ довершеніе всего, киньте куда-нибудь въ уголъ или на хоры горсть шутовъ-публицистовъ, умиленно поющихъ гимны собственности, семейственности и государственности! Ужели возможна картина болѣе потрясающая? Бѣжать отъ нихъ! бѣжать! бѣжать!—вотъ единственная мысль, которая угнетаетъ мозгъ при видѣ этихъ озлобленныхъ, бѣсноватыхъ существъ. Но куда бѣжать?

Вотъ чего я, Прогорѣловъ, страшусь и чего—увы!—я не могу не провидѣть въ ближайшемъ будущемъ. Во истину говорю: никогда ничего подобнаго не бывало. Ужасно было крѣпостное мучительство, но оно имѣло опредѣленный районъ (каждый мучительствовалъ въ предѣлахъ своего гнѣзда) и потому было доступно для надзора. Ваше же мучительство, о міроѣды и кровопійственныхъ дѣлъ мастера, есть

мучительство вселенское, неуличимое, не знающее ни границъ, ни даже ясныхъ опредѣленій! Ужели это прогрессъ, а не наглое вырожденіе гнусности меньшей въ гнусность сугубую?

Интеллигенція! дирижирующіе классы! И при семъ въ скобкахъ: „сюжетъ заимствованъ съ французскаго!“ Слыханное ли это дѣло! И какъ отвѣтъ на эти запросы—„Разуваевъ бывый халуй“! Разуваевъ, заспанный и пахучій, буйный, безшабашный, безвременно оплывшій, съ отяжелѣвшею отъ винаго угара головой и съ хмельною улыбкою на устахъ. Подумайте! да онъ—въ ту самую минуту, какъ вы, публицисты, призываете его: „иди и володѣй нами!“—даже въ эту торжественную минуту онъ пущаетъ враскосъ глаза, высматривая, не лежитъ ли гдѣ плохо!

Знаетъ ли онъ, что̀ такое отечество! слыхалъ ли онъ когда-нибудь это слово! Ахъ, это отечество! По настоящему-то вѣдь это нестерпимѣйшая сердечная боль, непереста̀ющая, гложущая, гнетущая, въ конецъ изводящая человѣка—вотъ какое значеніе имѣетъ это слово! А Разуваевъ думаетъ, что это падаль, брошенная на расклѐваніе ему и прочимъ кровопійственныхъ дѣлъ мастерамъ!

. . . . . .

Но да свершится. Исторія имѣетъ свои повороты, которые невозможно измѣнить, а тѣмъ менѣе устранить. Это, конечно, не слѣпой фатализмъ, передъ которымъ не остается ничего другого, какъ преклониться, и не произволъ, которому люди подчиняются, потому что за нимъ стоитъ цѣлый легіонъ темныхъ силъ: но все-таки это законъ, и именно законъ послѣдовательнаго развитія однихъ явленій изъ другихъ. Явленія приходятъ на арену исторіи какъ бы крадучись и почти не обнаруживая своей внутренней подготовки—вотъ почему они въ большинствѣ случаевъ кажутся намъ внезапными или произвольными. Но подготовка эта несомнѣнно существовала—только мы, ошеломленные исконной репутаціей несмѣняемости, которою пользовались явленія предшествующія, проглядѣли ее. Такъ что когда новыя вещи, новые порядки и новыя дѣла являются во всеоружіи совершившагося факта, то мы видимъ себя безсильными не только для борьбы съ ними, но и для смягченія безполезныхъ наглостей подкравшагося торжества.

Увы! міровѣдскій періодъ, очевидно, еще не исчерпалъ всего своего содержанія. Ему еще предстоитъ сказать рѣшительное слово, и

чѣмъ ближе къ концу будетъ приходить его рѣчь, тѣмъ жестче и неумолимѣе выскажется это послѣднее слово. Жизнь выработала извѣстную сумму приманокъ, имѣющихъ несомнѣнно кровопійственный характеръ, и покуда эти приманки носятъ названіе утѣхъ, къ нимъ все-таки не перестанутъ устремляться завистливые взоры тѣхъ, кто не боится рисковать или кто суевѣрно надѣется на свою счастливую звѣзду. Покуда мудрость текущей минуты будетъ учить, что въ виду устраненія жизненныхъ огорченій человѣческое естество необходимо упразднить, а на мѣсто его водворить и утвердить естество волчье, до тѣхъ поръ всякій могущій вмѣстить будетъ прямо или косвенно черпать изъ кладезя этой мудрости. Принципъ утѣхъ — великій принципъ, которому суждено вѣчно плѣнять человѣческія сердца, и ежели тутъ есть бѣда, то не въ томъ, что люди желаютъ наслаждаться утѣхами, а въ томъ, что по обстоятельствамъ эти утѣхи нерѣдко получаютъ характеръ звѣриный и человѣконенавистническій. Вотъ когда жизнь выработаетъ новаго сорта утѣхи, тогда самъ собою изнеетъ и міроѣдскій періодъ. А покуда, повторяю, придется еще много услышать жестокихъ и безчеловѣчныхъ словъ и долго оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ всякаго рода безстыжествъ и неключимостей.

Какъ бы то ни было, но я взялся за перо совсѣмъ не съ тѣмъ, чтобы протестовать. Я только намѣренъ высказать нѣсколько благожелательныхъ соображеній, которыя, по мнѣнію моему, вамъ, новоявленнымъ столпамъ, въ видахъ собственной пользы не лишне было бы принять къ свѣдѣнію.

Я самъ, пропащій человѣкъ Прогорѣловъ, былъ въ свое время столпомъ и самъ безчисленно прегрѣшалъ. Я былъ и отнимателемъ, и прелюбодѣемъ, и измѣнникомъ казеннаго интереса, и не только не полагалъ въ томъ грѣха, но и вполнѣ искренно былъ убѣжденъ, что именно на этихъ трехъ китахъ міръ стоитъ. Только теперь, когда меня безповоротно произвели въ чинъ пропащаго человѣка, я понялъ, что никакихъ тутъ китовъ нѣтъ. Во всякомъ случаѣ то, что мнѣ предстоитъ сказать по этому поводу, будетъ плодомъ моего собственнаго опыта и моей собственной долголѣтней міроѣдской практики. Стало быть вѣрно.

Начнемъ съ отечества. Отвѣть, Разуваевъ! знаешь ли ты, что такое отечество?

Сдѣлавши этотъ вопросъ, я натурально стараюсь уловить, какое

онъ произвелъ на тебя впечатлѣніе. И долженъ сказать, что впечатлѣніе это, на мой взглядъ, не весьма удовлетворительное. Прежде всего ты изумленъ и таращишь глаза, словно спрашиваешь: и зачѣмъ ему это слово понадобилось? Нельзя даже поручиться, что ты не думаешь, что это слово бунтовское, заключающее въ себѣ „филантропію“... Потомъ, однакожъ, ты начинаешь шутки шутить, зубы заговаривать: „кто же, молъ, такого пустяка (ты употребляешь не это слово, а другое, но я изъ учтивости о немъ умалчиваю) не знаетъ!“ Но наконецъ, прижатый къ стѣнѣ, ты какъ-то загадочно киваешь въ ту сторону, гдѣ имѣетъ квартиру становой приставъ Граціановъ.

Твой кивокъ въ сторону Граціанова убѣждаетъ меня, что ты смѣшиваешь отечество съ начальствомъ, или, по малой мѣрѣ, ставишь представленіе о первомъ въ зависимость отъ представленія о послѣднемъ. Исполнять приказанія начальства—вотъ, по твоему, что́ значитъ быть истиннымъ сыномъ отечества. Ясно, что ты ровно ничего не понимаешь.

Тогда я за тѣми же разъясненіями обращаюсь къ твоему публицисту (онъ тебя провидѣлъ, облюбовалъ, онъ же, стало быть, обязывается и отвѣчать за тебя), въ чаяніи, что этотъ шустрый малый съумѣетъ яснѣе формулировать то, что́ ты въ столиновой своей необорзанности только бормочешь. Но, увы! и отъ него ничего, кромѣ бормотанія, въ отвѣтъ не слышу. Онъ легкомысленно перебѣгаетъ отъ одного признака къ другому; онъ упоминаетъ и о географическихъ границахъ, и о расовыхъ отличіяхъ, и о равной для всѣхъ обязанности законовъ, и о присягѣ, и объ окраинахъ, и о необходимости обязательнаго употребленія въ присутственныхъ мѣстахъ русскаго языка, и о господствующей религіи, и объ арміи и флотахъ, и въ концѣ концовъ все-таки сводитъ вопросъ къ Граціанову. Словомъ сказать, онъ тоже смѣшиваетъ отечество съ государствомъ и правительствомъ, подчиняя представленіе о первомъ представленію о двухъ послѣднихъ.

Смѣю тебя увѣрить однакожъ, что представленія эти совершенно различныя и что смѣшеніе ихъ можетъ привести къ такимъ запутанностямъ, которыя на практикѣ бываютъ равносильны бѣдствіямъ.

Итакъ, въ чемъ же тутъ различіе?

Прежде всего отечество — привлекаетъ; государство — обязываетъ; начальство — приказываетъ. Все это функціи, конечно, очень

почтенныя, но и за всѣмъ тѣмъ совершенно различныя. Дальше. Представленію объ отечествѣ соотвѣтствуетъ представленіе о правахъ и обычаяхъ, объ играхъ, пѣсняхъ и пляскахъ, о примѣтахъ и суевѣріяхъ, о пословицахъ, поговоркахъ, притчахъ и сказкахъ и наконецъ о томъ неклейменомъ, но несомнѣнно ходячемъ словарѣ, о которомъ я упомянулъ уже выше. Представленію о государствѣ соотвѣтствуетъ представленіе о законахъ, о коммиссіяхъ, издающихъ сто-одинъ томъ трудовъ, о географическихъ границахъ, объ арміяхъ и флотахъ, о податяхъ и повинностяхъ, о казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, о дипломатическихъ нотахъ и о клейменыхъ словаряхъ. Представленію о начальствѣ соотвѣтствуетъ представленіе о департаментахъ, канцеляріяхъ и штабахъ, о предписаніяхъ, подтвержденіяхъ и о тщетныхъ ожиданіяхъ на сіи предписанія отвѣтовъ, о маршировкахъ и обмундировкахъ, о наградахъ, повышеніяхъ, увольненіяхъ и перемѣщеніяхъ и наконецъ паки о предписаніяхъ и подтвержденіяхъ.

Отечество говоритъ тебѣ кратко: „живи!“ даже не прибавляя при этомъ: играй, пой пѣсни, пляши, сказывай сказки и проч. Оно знаетъ, что и безъ его напоминанія все сіе тебѣ свойственно. Государство тоже говоритъ: „живи!“ но прибавляетъ: „и повинуйся закону“. Начальство выражается такъ: „живи, но ожидай предписаній и подтвержденій!“

Ужели и теперь не ясно, что это функціи совершенно другъ отъ друга отличныя?

Но будемъ продолжать наши сравненія.

Отечество есть тотъ таинственный, но живой организмъ, очертанія котораго ты не можешь отчетливо для себя опредѣлить, но котораго прикосновеніе къ себѣ ты непрерывно чувствуешь, ибо ты связанъ съ этимъ организмомъ непрерывною пуповиной. Онъ, этотъ таинственный организмъ, былъ свидѣтелемъ и источникомъ первыхъ впечатлѣній твоего бытія; онъ надѣлилъ тебя способностью мыслить и чувствовать: онъ создалъ твои привычки, далъ тебѣ языкъ, вѣрованія, литературу, онъ обогрѣлъ и пріютилъ тебя, словомъ сказать, сдѣлалъ изъ тебя существо, способное жить. И всего этого онъ достигъ безъ малѣйшаго насилія, однимъ теплымъ и безконечно любовнымъ къ тебѣ прикосновеніемъ. Онъ сдѣлалъ даже больше того: неусыпно обнимая тебя своею любовью, онъ и въ тебѣ зажегъ священную искру любви, такъ что и тебѣ нигдѣ не живется такою пол-

ною, горячею жизнью, какъ подъ сѣнью твоего отечества. Ты слово скажешь — въ отечествѣ тебя понимаютъ; ежели это слово умное — возвеличатъ и воздвигнутъ монументъ; ежели оно глупое — забранятъ и простятъ. Ты сдѣлаешь движеніе — въ отечествѣ сразу угадываютъ, куда оно клонится; ежели это движеніе осмысленное — скажутъ: „даже жестъ у него умный и благородный!“; ежели оно нелѣпое и противоестественное — опредѣлятъ въ актеры въ Александрінскій театръ: играй съ Новиковымъ и Петина! Всякій поступокъ твой въ отечествѣ оцѣнятъ, не прикидывая къ нему абсолютныхъ критеріумовъ, а довольствуясь правиломъ: по здѣшнему мѣсту и такъ сойдетъ! Самый плохой человѣкъ — и тотъ найдетъ въ своемъ отечествѣ массу такихъ же плохихъ людей, которые будутъ вмѣстѣ съ нимъ на бобахъ разводить, вмѣстѣ ѣсть печатные пряники, вмѣстѣ горевать и радоваться. Даже мерзавецъ — и тотъ обрящетъ цѣлую уйму сомерзавцевъ, съ которыми можетъ по душѣ поговорить. Нигдѣ на чужбинѣ ты ничего подобнаго не найдешь: ни сочувствія, ни снисходительности, ни даже порицанія. Вездѣ, кромѣ своего отечества, ты чужой; ни тебя никто въ земскія учрежденія не выберетъ, ни ты никого въ земскія учрежденія не выберешь. Только въ отечествѣ тебѣ до всего дѣло, даже въ такомъ отечествѣ, гдѣ на каждомъ шагу тебѣ говорятъ: „не суйся! не лѣзь впередъ! не твое дѣло!“ Пускай говорятъ! ты все-таки всѣмъ существомъ своимъ сознаешь, что дѣла у тебя по горло, и что еслибъ ты даже желалъ послѣдовать совѣту о несованіи носа, никакъ это невозможно выполнить, потому что дѣло само такъ и подступаетъ къ твоему носу. Словомъ сказать, только тутъ, только охваченный волнами роднаго воздуха, ты чувствуешь себя способнымъ къ жизни существомъ, хозяиномъ „своего дѣла“, человѣкомъ, котораго понимаютъ и который въ то же время самъ понимаетъ.

Всѣ эти блага наполняютъ твое существо такою полнотою довольства, какой ничто другое не можетъ тебѣ дать. А довольство, въ свою очередь, полагаетъ начало другому не менѣе сладкому чувству — чувству признательности и солидарности. Не довольствуясь отвлеченной идеей отечества, ты ищешь олицетворить его въ чемъ-нибудь конкретномъ, и въ этихъ поискахъ прежде всего наталкиваешься на своихъ соотечественниковъ. Кто далъ тебѣ это чувство довольства? кто далъ тебѣ славу, ежели ты силенъ, и снисхожденіе,

ежели ты слабъ? Кто окружилъ тебя почетомъ или накрылъ покровомъ забвенія, смотря по тому, что ты заслужилъ? Кто сказалъ тебѣ: вотъ въ чемъ твоя заслуга и вотъ въ чемъ твой стыдъ? Все это дали и сказали тебѣ твои соотечественники. Во всякомъ другомъ мѣстѣ, отъ всѣхъ другихъ людей ты слышалъ только одинъ разговоръ: столько-то франковъ и столько-то сантимовъ; только здѣсь, въ отечествѣ, съ тобой разговаривали по человѣчьему, только здѣсь признали въ тебѣ существо, которое можно хвалить или порицать и котораго дѣйствія во всякомъ случаѣ слѣдуетъ считать обязательно-вмѣняемыми. Какъ же тебѣ не быть безконечно признательнымъ этимъ людямъ, которые ни разу не проглядѣли въ тебѣ человѣка, которые могли любить, ненавидѣть, даже презирать тебя, но одного не могли: остаться къ тебѣ равнодушными? Какъ тебѣ не считать себя солидарнымъ съ ними, какъ всеминутно отъ глубины благодарнаго сердца не восклицать: о, плоть отъ плоти моей и кость отъ костей моихъ!— когда и у нихъ при видѣ твоемъ дыханіе спирается въ зобу? Какъ не броситься въ огонь и въ воду ради присныхъ твоихъ? какъ не принять смерть, мучительство, позоръ ради друговъ твоихъ? О, Разуваевъ! сдѣлай милость, пойми меня! вѣдь они, они одни признали въ тебѣ подлиннаго человѣка, одни они напоили тебя и радостью, и мучительствомъ, и позоромъ—какой же высшей награды можно желать?

Вотъ отчего говорится, что нѣтъ отечества краше собственнаго отечества; вотъ отчего ни о чемъ не болитъ сердце такою острою болью, какъ объ отечествѣ. Люди изнываютъ подъ непосильнымъ бременемъ этой боли, сходятъ съ ума, рѣшаются на самоубійство. Стоитъ одинокій человѣкъ гдѣ-нибудь на берегу Средиземнаго моря, среди залитой лучами солнца природы, и чувствуетъ, какъ капля по каплѣ истекаетъ его сердце кровью. Ахъ, что-то тамъ дѣлается, въ этихъ дорогихъ сердцу палестинахъ, гдѣ „С.-Петербургскія“ и „Московскія Вѣдомости“ издаются (wo die Citronen blühen)? Чай, Оденька Неугодовъ закусываетъ, Петръ Толстолобовъ цыркаетъ... ахъ, такъ бы и летѣлъ туда! хоть невидимкой посидѣлъ бы въ томъ засѣданіи коммиссіи, когда она, издавъ сто-одинъ томъ трудовъ, сама наконецъ приходитъ къ заключенію, что все земное ею свершено, и что затѣмъ ей ничего другого не остается, какъ разойтись! Да, хочется и туда! не для смѣха хочется, а потому что нутро горитъ по

присным и другам, потому что память о них даже в лучах этого горящаго солнца не может до конца потонуть.

До какой степени живуче это чувство неразрывности с отечеством даже в плохих людях, доказательством тому может служить слѣдующій, правда, довольно банальный примѣр. Колесит гуляющій русскій человѣк по бѣлу свѣту, сыплет марками и франками, улачивает тринкгельды и пурбуары — и все ему почета ни от кого нѣт. Наконец наступает рѣшительный момент: жизнь в обществѣ кельнеров, гарсонов и метрдотелей наскучила, франки приходят к концу—айда домой! Начинаются разсчеты: столько-то на разставанье с Парижем, столько-то — на ознакомленіе по пути с садом Кроля, столько-то—на дорогу... И представь себѣ, Разуваев! такова сила инстинктивной вѣры в привѣчающія свойства отечества, что ежели нѣт совсѣм завалящих денег, то гуляющій человѣк в своих путевых разсчетах как-то совсѣм забывает Россію. Только бы до Эйдткунена доѣхать, а там как-нибудь... вѣдь там ужь Россія! И дѣйствительно, доѣхали до Вержболова, а здѣсь ужь давно ждут: пожалуйте по этапу! Ну, что ж! по этапу, так по этапу! Бывали! видали!

Я знаю, Разуваев, что разъясненія эти утомили тебя, но я остановился на них потому, что надо же тебѣ знать, что̀ такое отечество и почему так естественно его любить. Вѣдь ты грядешь с тѣм, чтоб играть роль, ты даже в обывательских книгах в графѣ „чѣм занимается“ отмѣчен: „дережирующій класс“ — надо же, чтоб ты понимал, что̀ именно разумѣли наши предки, говоря: земля наша велика и обильна, но порядку в ней нѣт. Но, сверх того, я и не для тебя одного пишу. Помимо тебя, на свѣтѣ существуют легіоны вертопрахов, которые слишком охотно говорят о прекращеніях и вовсе не думают о том, что отечество не прекращать, а любить надлежит. Пускай и они тронутся моими стенаньями, пускай скажут себѣ: „да, онъ правъ! если мы присных своих предадим расточенію, то с кѣм же сами останемся? кто будет нас красавцами называть?“

Идея отечества одинаково для всѣх плодотворна. Честным она внушает мысль о подвигѣ, безчестных — предостерегает от множества гнусностей, которыя без нея несомнѣнно были бы совершены. Есть еще и другая идея, в том же смыслѣ плодотворная — это идея

о судѣ потомства; но такъ какъ она непосредственнаго дѣйствія не оказываетъ, то и доступна лишь людямъ, не чуждымъ обобщеній,—тогда какъ мысль о томъ, какъ будетъ принятъ тотъ или другой поступокъ въ средѣ соотечественниковъ, бьетъ прямо въ чувствительное мѣсто и отчасти имѣетъ даже угрожающій характеръ. Ибо нѣтъ презрѣнія существеннѣе того презрѣнія, которымъ пользуется человѣкъ отъ своихъ соотечественниковъ.

Но, можетъ быть, ты скажешь на это: „вѣдь самъ же ты, за нѣсколько страницъ выше, утверждалъ, что и мерзавцу въ своемъ отечествѣ веселѣе, потому что онъ найдетъ тамъ массу вполнѣ однородныхъ сомерзавцевъ, съ которыми ему можно душу отвести: стало быть, дескать, и я: подберу подходящую компанію, и будемъ мы вкупѣ сомерзавствовать, а до прочаго намъ дѣла нѣтъ". Прекрасно; дѣйствительно, ты можешь такую компанію обрѣсти. Но вѣдь ежели я рисовалъ тебѣ подобную перспективу, то, право, не для того, чтобъ ты непремѣнно въ ней искалъ себѣ успокоенія, а только на случай крайности. Не спорю, можно такъ искусно нырнуть въ шайку спеціалистовъ, что ею, такъ сказать, отъ всего остальнаго свѣта себя загородить; но не забывай, что въ такой шайкѣ тебѣ предстоитъ только бражничать да по душѣ калякать, а вѣдь тебѣ главнѣйшимъ образомъ надо объегоривать и дѣла дѣлать. Вотъ эти-то послѣднія функціи и вынудятъ тебя отъ времени до времени выбѣгать изъ шайки и обращаться къ прочимъ партикулярнымъ людямъ. Теперь представь себѣ слѣдующее. Допустимъ, что въ виду засилія, которое ты взялъ, партикулярные люди не посмѣютъ совершенно уклониться отъ сношеній съ тобой; но такъ какъ имъ извѣстно, что ты несомнѣнный кровопивецъ, то они непремѣнно хоть частицу сокровища да утаятъ отъ тебя. Если же имъ о кровопивствѣ твоемъ неизвѣстно, если ты съумѣлъ—не скажу сдѣлаться честнымъ человѣкомъ, но по крайней мѣрѣ прикинуться таковымъ, то они не только *все* свое сокровище, но и тѣла, и души—все полностью тебѣ препоручатъ. Не ясно ли, что даже въ такомъ дѣлѣ, какъ облапошиванье, быть кровопивцемъ загадочнымъ выгоднѣе, нежели неприкрытымъ нахаломъ, который всей своей физіономіей только-что не говоритъ: что-жъ ты задумался, не плюешь въ меня? плюй!

Осторожность и загадочность—вотъ школа, которую ты обязываешься пройти, если хочешь, чтобы въ тебѣ во истину видѣли „дири-

жирующій классъ". Ибо обыватель простодушенъ, и ежели видитъ, что на него наступаютъ съ тѣмъ, чтобы горло ему перекусить, то уклоняется. Но когда его потихоньку невѣдомо гдѣ сосутъ, онъ только перевертывается.

Теперь—о государствѣ. Эта идея тоже плодотворная, но только въ другомъ родѣ и въ другой степени. Но ты и ее смѣшиваешь съ Граціановымъ, а публицисты твои—съ цензурнымъ вѣдомствомъ: а потому надо и въ данномъ случаѣ кое-что тебѣ пояснить. Скажемъ такъ: отечество—отъ Бога, государство—дѣло изобрѣтательности человѣческаго ума. Вотъ главное и существенное различіе между отечествомъ и государствомъ; остальныя подробности ты можешь сообразить самъ по тому же масштабу. Необходимо, впрочемъ, помнить еще слѣдующее: въ представленіи о государствѣ ты не встрѣтишься ни съ подблюдными, ни съ свадебными пѣснями, ни съ сказками, ни съ былинами, ни съ пословицами, словомъ сказать — ни съ чѣмъ изъ всего цикла тѣхъ нѣжащихъ явленій, которыя обдаютъ тебя тепломъ, когда ты мыслишь себя лицомъ къ лицу съ отечествомъ. Ничего подобнаго государство тебѣ не дастъ, но у него имѣется въ рукахъ громадная привилегія: оно властно обезпечить или не обезпечить твоему отечеству спокойное пользованіе этими благами. Это обстоятельство очень важно, и ты отнюдь не долженъ упускать его изъ вида, если хочешь умненько вести дѣла свои. Такъ что ежели, напримѣръ, ты сдуру будешь молить Бога, чтобъ государство не обезпечивало хороводовъ и игръ, но воспрещало и преслѣдовало оные, то, во-первыхъ, молитва твоя не будетъ угодна Богу, а во-вторыхъ, ты самъ же первый почувствуешь на себѣ ея неблагопріятныя послѣдствія, если Провидѣніе допуститъ осуществленіе ея. Знай, Разуваевъ, что только народы веселые и хороводолюбивые къ объегориванію ласковы; народы же угрюмые, узаконеніями неносильно изнуряемые, даже для самыхъ изобрѣтательныхъ кровопивцевъ даютъ мало пищи. Отданные въ жертву унылости, они безмолвно изнемогаютъ безъ малѣйшей надежды когда-нибудь нагулять приличное тѣло. Кости да кожа — поистинѣ съ такого одра больше двугривеннаго и ожидать нельзя! Это не я говорю, а исторія.

Не менѣе плодотворна и идея о начальствѣ. Идея эта тебѣ небезъизвѣстна—этого отрицать нельзя, но все-таки скажу, даже и ее ты какъ-то неблагородно представляешь себѣ. Начальство представ-

ляется тебѣ чѣмъ-то такимъ, что наполняетъ крикомъ вселенную, а въ свободное отъ криковъ время принимаетъ баранка въ бумажкѣ. Нѣтъ, это не такъ; это идеалъ, уже вышедшій изъ употребленія, и притомъ такой, который не за что было бы любить. Но не любить начальства нельзя, такъ какъ и оно, совмѣстно съ государствомъ, для того установлено, дабы наидѣйствительнѣйше обезпечивать неприкосновенность хороводовъ и игръ. А потому, ежели ты будешь въ молитвахъ своихъ упоминать о начальствѣ (это полезно: „да тихое житіе поживемъ"), то проси Бога такъ, чтобы въ начальственныхъ распоряженіяхъ было больше снисходительности и менѣе настоятельности, и чтобы, не теряя изъ вида спасительной строгости, начальство въ то же время памятовало, что и оно, яко изъ человѣковъ состоящее, прегрѣшать можетъ. Именно такъ и молись, ибо въ противномъ случаѣ результатъ одинъ: кости да кожа, съ его неизбѣжнымъ послѣдствіемъ въ формѣ постепеннаго закрытія заведеній, гласящихъ: распивочно и на-вынось.

Итакъ, три главныхъ объекта предстоятъ для твоей, Разуваевъ, любви:

Во-первыхъ, отечество, которое ты обязываешься любить—будемъ говорить кратко — за то, что оно твое отечество и его тебѣ далъ Богъ.

Во-вторыхъ, государство, которое ты долженъ любить ради отечества, дабы послѣднее не впало въ уныніе и свойственные ему игры и смѣхи неповрежденными схоронило.

Въ-третьихъ, начальство, которое ты долженъ любить тоже ради отечества и по той же причинѣ.

Какъ видите, во всѣхъ трехъ случаяхъ отечество стоитъ на первомъ планѣ. Я знаю, что для себя это сущій сюрпризъ, но что же дѣлать, мой другъ! я бы и самъ радъ всѣхъ поровнять, но такъ ужъ выходитъ.

Повторяю: все сейчасъ изложенное я высказалъ по собственному опыту. Когда я былъ столпомъ, то такъ же, какъ и ты, Разуваевъ, ровно ничего не понималъ. Для меня это было еще постыднѣе, потому что я грамотенъ. Грановскаго слушалъ, Бѣлинскаго читалъ, восторгался, трепеталъ отъ умиленія — и, представь себѣ, всѣ эти восторги и умиленія я словно во снѣ или въ фантастическомъ представленіи проходилъ! Отслушаешь, бывало, Грановскаго, а черезъ

часъ, какъ ни въ чемъ не бывало, думаешь: „а что кабы кто у меня душу купилъ!“ Какимъ образомъ происходилъ чудодѣйственный процессъ этого жизненнаго двоегласія — объ этомъ цѣлые томы психологическихъ изслѣдованій можно написать; но онъ происходилъ несомнѣнно, и я былъ въ немъ дѣйствующимъ лицомъ. Я безъ умолку болталъ о любви къ отечеству — и въ годину опасности жертвовалъ на алтарь отечества чужія тѣла; я требовалъ, чтобъ отечественный культъ былъ объявленъ обязательнымъ, но лично на встрѣчу врагу не шелъ, а нанималъ за себя пропойца. И въ довершеніе всего я снабжалъ пожертвованныхъ и нанятыхъ мною „защитниковъ“ сапогами на картонныхъ подошвахъ и, прося у Бога побѣдъ и одолѣній, нимало не думалъ о томъ, далеко ли уйдутъ на картонныхъ подошвахъ мои ратнички... И вотъ за это теперь я — пропащій человѣкъ.

Я говорилъ себѣ: отечество — святыня! объ этомъ во всѣхъ стихотвореніяхъ упоминается. Но ежели мое личное процвѣтаніе не поставлено въ прямую зависимость отъ процвѣтанія отечества, то пускай оно остается святыней, а я буду процвѣтать особо. Правда, въ моей головѣ иногда мелькала мысль, что это выводъ лукавый и постыдный, что, слѣдуя Грановскому и Бѣлинскому, его надлежало бы какъ разъ вывороти ть наизнанку, то-есть сказать: ежели мое личное процвѣтаніе не поставлено въ зависимость отъ процвѣтанія отечества, то я самъ, по совѣсти, обязанъ устроить эту зависимость; но я какъ-то ухитрялся обходить эту назойливую мысль и предпочиталъ оставаться при первоначальной редакціи. Я срывалъ цвѣты удовольствія, а соотечественники мои унывали: я праздновалъ, а соотечественники мои новинны бѣша работѣ; я былъ изъятъ отъ тѣлесныхъ наказаній, а соотечественники мои были изъяты отъ наградъ. И въ то же время я слушалъ Грановскаго, восторгался, восклицалъ: „отечество — святыня!“ И вотъ за это теперь я — пропащій человѣкъ.

Прорывались, однакожъ, минуты, когда мнѣ думалось: а вѣдь, несмотря на процвѣтаніе, все-таки въ моемъ существованіи есть что-то непрочное и какъ бы неблаговонное. Куда бы я ни сунулъ свой носъ, вездѣ на встрѣчу мнѣ раздавался окрикъ: „чего съ жиру бѣсишься! твое дѣло не лѣзть, а другимъ примѣръ подавать!“ „Подавать примѣръ“ — это, по тогдашнему времени, значило: собственнымъ тѣломъ такую филантропію пропагандировать, чтобы никто

своего носа отнюдь никуда не совалъ. И что же! перваго окрика было вполнѣ достаточно, чтобъ я убѣдился. Мнѣ какъ-то сразу сдѣлалось ясно, что дѣйствительно я съ жиру бѣшусь, а не по настоятельной внутренней нуждѣ дѣйствую, что, въ сущности, для меня даже выгоднѣе не совать носа, потому что тогда и въ мою мурью никто носа не сунетъ. И, заручившись этою столповою мудростью, я ни за себя, ни за другихъ—ни за кого пальцемъ не шевельнулъ. Ни за кого не заступился, никого не загородилъ грудью и въ то же время умилялся и восклицалъ: „отечество—святыня!“ И вотъ за это теперь я—пропащій человѣкъ.

Какъ въ былое время мнѣ ни до кого не было дѣла, такъ теперь никому нѣтъ дѣла до меня. Никто ко мнѣ не устремляется, никто отъ меня ничего не ждетъ, никто даже въ толкъ не можетъ взять, хочу ли я чего-нибудь, или просто блажу. А я между тѣмъ... понялъ! Я понялъ, что такое отечество, понялъ, почему оно вправѣ требовать отъ сыновъ своихъ жертвъ и даже самоотверженія, и—увы! понялъ даже и то, почему отъ меня лично оно ни жертвъ, ни самоотверженія не требуетъ: оно лучше меня самого знаетъ, что я дать ему ничего не могу. Оставленный всѣми, отживній, выдохшійся, я обязываюсь изнывать въ отчужденіи, услаждая себя лишь надеждой, что когда-нибудь мой сынъ или внукъ утопятъ званіе пропащаго человѣка въ званіе человѣка вообще и сына отечества въ особенности. То-есть тогда, когда даже потроховъ моихъ въ помнѣ не будетъ. Скажи, можно ли представить себѣ боль, горшую этой!

Вотъ отъ этой-то боли я и желаю предостеречь тебя, Разуваевъ. Не иди по стопамъ моимъ, и ежели достигнешь производства въ столпы, то не понимай этого званія въ черезъ-чуръбуквальномъ смыслѣ, но потщись изъ недвижимаго имущества превратиться въ движимое. Люби отечество свое, люби! Служи ему собственнымъ лицомъ, а не чрезъ посредство наемниковъ: не процвѣтай особо, совмѣстно съ твоими соотечественниками, не утопай въ бездѣльничествѣ и равнодушіи, но стой грудью за други своя, жертвуй своими интересами, своею личностью, самоотвергайся! Ежели тебѣ жалко поступиться рублемъ, то поступись хоть двугривеннымъ. Все это для тебя даже необходимѣе, нежели для меня. Мы, Прогорѣловы, столповали въ такое тугое время, когда люди больше глазами хлопали, нежели понимали; тебѣ, Разуваевъ, предстоитъ столповать въ такое время, когда даже и мелкотѣ приходитъ на умъ: „а что, ежели этотъ самый кусъ, который

онъ къ устамъ поднесетъ, взять да вырвать у него?“ И вырвутъ— не сомнѣвайся, а тебя произведутъ въ пропащіе люди, и все это произойдетъ тѣмъ легче, что на твое мѣсто давно ужъ самъ себя намѣтилъ новый столпъ: содержатель дома терпимости Ротозѣевъ... Вотъ сколько васъ тамъ, въ щеляхъ, притаилось... столповъ!

Однимъ словомъ, люби отечество—и вѣрь, что убытка не будетъ. А затѣмъ мнѣ остается условиться еще насчетъ нѣкоторыхъ подробностей, и задача моя будетъ кончена.

По поводу вашего появленія было поднято много разнаго принципіальнаго разговора. Собственность, семейство, государство—вотъ тріада, которую, по мнѣнію охранителей и публицистовъ, вы призваны защитить и навсегда утвердить. Прекрасно: постараемся же сговориться, въ какой мѣрѣ и какъ ловчѣе все это осуществить.

„Собственность“ — ты понимаешь достаточно, то-есть всѣмъ своимъ нутромъ. „Все,—говоришь ты,—что я успѣлъ опустить въ *свой* карманъ, помѣстить въ *своей* квартирѣ, запереть въ *свою* шкатулку, все, что я могу, по личному усмотрѣнію, перенести въ другое мѣсто и въ случаѣ банкротства спрятать—все это есть собственность движимая. Дома же и земли, которые я не могу ни перенести, ни спрятать, но могу: первые, застраховавъ въ двойной цѣнности, поджечь, а вторыя, исхлопотавъ отъ установленныхъ баснописцевъ залоговыя свидѣтельства (съ виньетками и картинками), заложить въ кредитномъ учрежденіи—это собственность недвижимая“. То же самое говорятъ и твои юристы и публицисты, только съ несравненно меньшей ясностью, что впрочемъ и вполнѣ естественно, ибо на неясности почіетъ ихъ право на полученіе гонорара.

Все это, однакожъ, относится къ собственности уже осуществившейся, то-есть опущенной въ карманъ, запертой въ шкатулку или получившей отъ нотаріуса надлежащую санкцію. О томъ же, какимъ образомъ произошелъ процессъ этого осуществленія, тутъ вовсе умалчивается, а мнѣ сдается, что съ точки зрѣнія принципіальностей это-то именно и важно. Какимъ образомъ запутался въ твоемъ карманѣ рубль? какъ случилось, что, постепенно перекладывая запутавшіеся рубли изъ кармана въ шкатулку, ты наконецъ воскликнулъ: „а теперь пойдемъ къ нотаріусу и постараемся опредѣлить, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ недвижимаго имущества“?

Ежели ты дѣйствительный поборникъ принциповъ, ежели ты во истину призванъ оградить и утвердить оные, то ты поймешь мое безпокойство. Прямо тебѣ говорю: какъ насадитель и оградитель принципа собственности, ты долженъ такимъ образомъ вести свои дѣла, чтобы во всякое время дать отчетъ относительно способовъ пріобрѣтенія. По крайней мѣрѣ я, Прогорѣловъ, былъ въ старые годы вполнѣ на этотъ счетъ чистосердеченъ. „Все, что вы видите, говорилъ я, все это перешло ко мнѣ отъ папеньки и маменьки (были и исключенія, но очень немного), я же только одно усовершенствованіе въ доставшемъ имуществѣ допустилъ: заложилъ оное въ опекунскомъ совѣтѣ“. По моему мнѣнію, не меньшее чистосердечіе въ этомъ смыслѣ обязываешься выказать, Разуваевъ, и ты.

Но тутъ-то именно ты и начинаешь увертываться. На одно набрасываешь покровъ давности (тоже, братъ, принципъ!), на другое —покровъ коммерческой тайны. А юристы и публицисты твои, такъ тѣ даже прямо говорятъ, что такъ какъ въ данномъ случаѣ истцовъ въ виду не имѣется, то и надлежитъ въ требованіи чистосердечнаго отчета отказать. И отказываютъ—что будешь дѣлать! И даже правильно отказываютъ, потому что допусти васъ подноготную разворачивать, вы и сами исклеузничаетесь, и другихъ до смерти заклеузничаете.

Однако, для партикулярнаго человѣка это не резонъ, ибо онъ не юристъ и не публицистъ, а простой сынъ отечества. Какъ только онъ замѣчаетъ, что отвѣтчикъ начинаетъ ссылаться на отсутствіе истцовъ, такъ тотчасъ начинаетъ подозрѣвать: а вѣдь отсутствующій-то истецъ,-пожалуй, и есть именно я, партикулярный человѣкъ!

Допустить, чтобъ эта мысль утвердилась въ немъ—очень невыгодно, потому что, развивая, провѣряя и дополняя ее, онъ можетъ придти къ выводамъ по истинѣ поразительнымъ. Какъ юристъ, ты ясно понимаешь, чѣмъ ты вправѣ „воспользоваться“, что вотъ это ты можешь „оттягать“, а вотъ это—просто „отнять“; но партикулярный человѣкъ, какъ сынъ отечества, во всемъ этомъ сомнѣвается. Какъ юристъ, ты говоришь: „какъ взялъ, такъ и отдай!“—а онъ, какъ сынъ отечества, возражаетъ: „и все-таки ты поступай побожески!“ Какъ юристъ ты говоришь: „своими ли глазами ты смотрѣлъ? своими ли руками бралъ?“...—а онъ, какъ сынъ отечества, возражаетъ: „и все-таки ты меня обманулъ, зубы мнѣ заговорилъ!“ Какъ

юристъ, ты его убѣждаешь: „ты пропустилъ всѣ сроки, не жаловался, не апеллировалъ, на кассацію не подалъ, кто жъ виноватъ, что ты прозѣвалъ?“—а онъ, какъ сынъ отечества, возражаетъ: „гдѣ же это видано, чтобъ изъ-за какихъ-то кляузъ у меня мое отнимать?“ Какъ юристъ, ты говоришь: „я за своей собственностью блюду, а ты за своею блюди!“ а онъ, сынъ отечества, возражаетъ на это: „воръ!“

Конечно, всѣ эти возраженія ничтожны и будутъ оставлены безъ послѣдствій; но когда живешь среди сыновъ отечества, то надобно заранѣе приготовиться къ тому, чтобы и ничтожныя возраженія выслушивать. Сыны отечества простодушны и неразвиты, и въ довершеніе всего каждый изъ нихъ наивно думаетъ: своего-то вѣдь жалко. Очень можетъ быть, что это и предразсудокъ; но что же дѣлать, мой другъ! онъ настолько живучъ, что не принять его къ свѣдѣнію — просто нельзя.

Я думаю впрочемъ, что ты до извѣстной степени удовлетворишь этому предразсудку, если признаешь совмѣстное существованіе своей собственности и чужой. Это будетъ и просто, и благородно. Неусыпно стеречь свою шкатулку и въ то же время не подбирать ключа къ шкатулкѣ сосѣда; держаться обѣими руками за рубль, запутавшійся въ карманѣ, и въ то же время не рыться, ежели видишь такой же рубль въ карманѣ пріѣзжаго... что можетъ быть величественнѣе этого зрѣлища! Вотъ задачи, которыя предстоитъ осуществить истинному радѣтелю принципа собственности, и, по моему, это задачи очень хорошія, особливо ежели выраженіе о подбираніи ключа не принимать въ исключительно буквальномъ смыслѣ, но стараться какъ можно шире распространять его дѣйствіе. Не пренебрегай имп, Разуваевъ! Не разоряй, не грабь, и на вопросъ: кого же ты будешь допекать послѣ того, какъ въ конецъ допечешь обывателя?—не отвѣчай съ нахальствомъ: „йёнъ доста-а-нетъ!“ Нѣтъ, когда-нибудь наступитъ минута, что и онъ не достанетъ, ибо всякому доставанію положенъ предѣлъ, а слѣдовательно положенъ предѣлъ и твоимъ допеканьямъ.

Человѣкъ ни къ чему не относится съ такою чувствительностью, ничего такъ ревниво не оберегаетъ, какъ ту совокупность матеріальныхъ удобствъ, которыми онъ успѣлъ обставить свою жизнь. Малѣйшій ущербъ, приводящій къ стѣсненію этой обстановки, заставляетъ его рыться и искать глазами, гдѣ обидчикъ? И такъ какъ обид-

чика-имярека никогда на-лицо не оказывается, то онъ невольно приходитъ къ необходимости обобщать и распространять...

Ужели ты не боишься тѣхъ горькихъ послѣдствій, которыя неизбѣжно должны произойти изъ подобныхъ обобщеній?

Итакъ, будь умѣренъ и помни, что титулъ дирижирующаго класса, который ты стремишься восхитить, влечетъ за собой не одни права, но и обязанности. Обязанности эти, въ томъ, что̀ касается принципа собственности, гласятъ такъ: „не укради!“ А такъ какъ по обстоятельствамъ времени такая редакція представляется черезъчуръ уже строгою, то мы можемъ смягчить ее такъ: не до конца обездоливай, но непремѣнно оставляй обывателю столько, чтобы изобрѣтательность его и впредь находила для себя поводъ изощряться. Ежели ты изъ рубля отнимешь половину—это, я полагаю, будетъ вполнѣ прилично: ежели ты отнимешь изъ рубля восемь гривенниковъ, то это будетъ ужъ кровопійственно, но все-таки выносимо. Остальнаго не отнимай: пускай опять разживается!

Затѣмъ на очереди стоитъ принципъ семейственности, который тоже обязываешься ты оградить. Сознаюсь откровенно: мы, Прогорѣловы, достаточно-таки порастатали этотъ принципъ, или, лучше сказать, до того его обнажили, что, въ концѣ концовъ, въ немъ ничего не осталось, кромѣ въѣзжаго салона, въ которомъ во всякое время происходили разговоры объ улучшеніи быта милой бездѣлицы. И вотъ, когда дѣти перестали поздравлять родителей съ добрымъ утромъ и цѣлованіемъ родительскихъ ручекъ выражать волнующія ихъ чувства по поводу съѣденнаго обѣда, когда самоваръ, около котораго когда-то ютилась семья, исчезъ изъ столовой куда-то въ буфетную, откуда чай, разлитый рукою наемника, разносился по закоулкамъ квартиры, когда дни именинъ и рожденій сдѣлались пустою формальностью, служащею лишь поводомъ для вышивки—только тогда прозорливые люди догадались, что семейству угрожаетъ дѣйствительная опасность. Начали думать, соображать, какъ этому дѣлу помочь, и, разумѣется, прежде всего бросились за справками. Оказалось, что вездѣ было такъ. Во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, гдѣ Прогорѣловы завѣдывали дѣлами культуры, вездѣ они низвели семейный вопросъ до уровня милой бездѣлицы. Изъ драмы сдѣлали оперетку, изъ совмѣстнаго скитанія—изъ спальной въ дѣтскую, изъ дѣтской на кухню, потомъ въ столовую, гостиную и обратно че-

резъ всѣ инстанціи въ спальню—вольное катанье на тройкахъ въ трактиръ „Самаркандъ“. И вездѣ же на смѣну ослабѣвшимъ Прогорѣловымъ явились люди свѣжіе, неиспорченные, которые тѣмъ съ большей готовностью подняли брошенныя въ грязь знамёна, что въ совершенствѣ поняли, какую службу они могутъ сослужить. У всѣхъ на памяти, какъ ловко подняла, въ тридцатыхъ годахъ, знамя семейственности и домашняго очага западно-европейская буржуазія, и какъ крѣпко она держалась за него, пока вѣчно достойныя памяти Наполеонъ III, при содѣйствіи Оффенбаха, Шнейдерши и нынѣшней неутѣшной вдовы, не увлекъ ее въ сторону милой бездѣлицы.

Въ виду столь рѣшительныхъ справокъ предполагалось, что то же самое произойдетъ и у насъ. Сначала Прогорѣловы распатаютъ, а потомъ кабатчики и мѣнялы утвердятъ. Первая часть этой программы уже выполнена, но будетъ ли выполнена послѣдняя—это еще вопросъ.

Мнѣ кажется, что наиболѣе существеннымъ препятствіемъ въ этомъ смыслѣ явится родъ вашихъ занятій. Вы, кабатчики, желѣзнодорожники и мѣнялы, не имѣете занятій осѣдлыхъ и производительныхъ, но исключительно отдаетесь подстерегательствамъ и сводничествамъ. Въ согласность этому и жизнь ваша получила характеръ кочевой, такъ что большую ея часть вы проводите внѣ домовъ своихъ, въ Кунавинѣ. Но о какихъ же принципахъ можетъ быть рѣчь въ Кунавинѣ?

Очевидно, что публицисты, возложившіе на васъ обязанность утвердить принципъ семейственности, совсѣмъ проглядѣли эту обстановку. Ихъ ввела въ заблужденіе ваша грубость, которую они приняли за патріархальность. Въ то время, когда у западно-европейскаго буржуа наполеоновскаго образца „l'eau vient à la bouche“ — у васъ „текутъ слюни“: въ то время, какъ у того же буржуа изъ устъ вылетаетъ цѣлый фейерверкъ милыхъ мерзостей — изъ вашей утробы извергается какое-нибудь односложное паскудство; въ то время, какъ западная буржуа разговариваетъ, убѣждаетъ, умоляетъ,—вы, „глядя по товару“, выкладываете болѣе или менѣе крупную ассигнацію, кратко присовокупляя: „Машка, пошевеливайся!“ Не спорю, съ точки зрѣнія ясности намѣреній, ваши „слюни“ сравнительно менѣе паскудны, нежели французское l'eau à la bouche, но спрашивается: что же однако общаго между кунавинскими „слюнями“

и семейственностью? О какомъ тутъ „утвержденіи" можетъ идти рѣчь?

Поэтому, въ смыслѣ семейственности, я не надѣюсь на тебя, Разуваевъ! Ничего ты не утвердишь. Но такъ какъ на тебя обращены всѣ взоры и такъ какъ, въ качествѣ новоявленной „интеллигенціи", чаша сія ни въ какомъ случаѣ не минетъ тебя, то, по мнѣнію моему, ты только тогда успѣешь... ну, хоть притвориться поборникомъ чистоты семейнаго очага, когда радикально измѣнишь родъ своихъ занятій. Перестань заниматься кабаками, не подстрекивай, не сводничай, сократи до минимума экскурсіи въ Кунавино, производи, а не маклери — это до извѣстной степени осадитъ тебя, утретъ твои „слюни" и приведетъ въ порядокъ твои утробныя урчанія. Но будетъ ли и за всѣмъ тѣмъ принципъ семейственности тобой утвержденъ — на это, я полагаю, и прозорливѣйшій изъ публицистовъ утвердительнаго отвѣта не дастъ. „Да и отвѣтить тутъ можно только одно: не будетъ, навѣрное не будетъ — вотъ и все.

Въ заключеніе еще одинъ вопросъ: о неоставленіи присныхъ безъ заступленія, или же — что то же самое — о непримѣненіи къ нимъ принципа предательства.

Я, Прогорѣловъ, совершенно некомпетентенъ по этому вопросу. Всю жизнь я столповалъ за свой собственный счетъ, а о присныхъ слышалъ только за обѣдней въ церкви. Тѣмъ не менѣе, возобновляя въ памяти процессъ моего переименованія изъ столповъ въ пропащіе люди, я долженъ сознаться, что въ числѣ причинъ этого превращенія немаловажную роль играло и то, что я процвѣталъ независимо отъ процвѣтанія моихъ соотечественниковъ, что я ни за кого не поревновалъ, никого своей грудью не заслонилъ. Стало быть, ежели ты желаешь столповать продолжительно и благополучно, то не только не долженъ брать примѣровъ съ меня (къ чему ты, мимоходомъ сказать, черезъ-чуръ наклоненъ), но, напротивъ, обязываешься поступать совершенно наоборотъ. Я равнодушествовалъ — ты сострадай: я бездѣйствовалъ — ты хлопочи: я держался правила: носа изъ мурьи не совать — ты выбѣгай изъ мурьи какъ можно чаще, суй свой носъ, суй! Хлопочи объ концессіяхъ, но не забывай и о соотечественникахъ. Это хорошо зарекомендуетъ тебя въ ихъ глазахъ и ихъ самихъ заставитъ надѣяться и вѣрить въ лучшіе дни. Выйдетъ ли что-нибудь изъ этихъ хлопотъ, надеждъ и вѣрованій — это вопросъ

другой. и ежели ты хочешь, чтобъ я отвѣтилъ на него по совѣсти. то изволь, отвѣчу! не выйдетъ ничего, потому что у тебя и на умѣ ничего такого—чтобъ что-нибудь вышло—нѣтъ. Но все-таки старайся, радѣй, хлопочи!

За симъ моя рѣчь кончена. Вкратцѣ она можетъ быть резюмирована такъ:

Люби отечество, чти государство, повинуйся начальникамъ.

Блюди свою собственность, но не отказывай и присному твоему въ правѣ имѣть таковую.

О Кунавинѣ по возможности позабудь.

А главное, все-таки: люби, люби и люби свое отечество! Ибо любовь эта дастъ тебѣ силу и все остальное безъ труда совершить.

III.

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ

[1866—1869 гг.]

I. -Завѣщаніе моимъ дѣтямъ.

Не вдругъ.

Бабушка Татьяна Юрьевна не даромъ говаривала: „другъ ты мой сердешный, свѣтъ-Николашенька (говорила покойница все слогомъ госпожи Кохановской, почему даже лейбъ-компанцы, и тѣ ее какъ огня боялись), помни ты, свѣтъ, рѣчь мою великую: не молви ты слова, языка твоего напередъ не прикусивши".

Съ этой поговоркой я весь вѣкъ пожилъ, и не только ни въ чемъ не проштрафился, но даже привилъ къ уразумѣнію многихъ другихъ прекраснѣйшихъ поговорокъ. Бывали случаи: смерть хочется нагрубить, такъ бы, кажется, и отпортовалъ, да вспомнишь Татьяну Юрьевну, укусишь языкъ и смолчишь. Много-много, что заплачешь. Начальники знали это, и всегда меня жалѣли. Нѣтъ-нѣтъ, да что-нибудь и простятъ. Въ тридцатыхъ годахъ строгій всѣмъ приказъ былъ: картофель, вмѣсто хлѣба, на поляхъ сѣять— я не сѣялъ: простили. Въ 1849 году велѣно было бочки съ водой на домахъ держать—я не держалъ; простили. Сосѣдъ у меня былъ, капитанъ Пафнутьевъ, такъ тотъ, бывало, такъ и вскинитъ. Полѣзетъ это къ самому начальнику: „мое ли, говоритъ, или ваше дѣло знать, какой хлѣбъ на поляхъ мнѣ сѣять?" А я, напротивъ того, приду, тихимъ манеромъ доложу, и если начальство сердито — замолчу. Потомъ опять приду, опять тихимъ манеромъ доложу, и ежели опять начальство сердито—запла̀чу. И что̀ же вышло? Пафнутьевъ-капитанъ и картофель сѣялъ, и бочку съ водой на домѣ держалъ, а я сѣялъ хлѣбъ, заправскій, государи мои, хлѣбъ, а бочки съ водой и въ глаза не видалъ.

Слабомыслов исправникъ у насъ былъ: „Проси, говоритъ, у меня милости,—отца родного съѣмъ; а будешь, говоритъ, по закону требовать, а тѣмъ паче по естеству—шабашъ. Потому, естество—оно глупо. По естеству тебѣ ѣсть хочется, а въ регламентахъ того не написано,—ну и шабашъ. А ты проси милости,—и дастся".

Говорилъ я тоже, и не разъ, этому капитану Пафнутьеву: „Пафнутій Пафнутьичъ! говорю: а вы бы простить попросили!" —такъ онъ даже зашипѣлъ на меня... За что же этакихъ-то и любить?

Бабушка Татьяна Юрьевна такъ въ этихъ случаяхъ поступала. Придетъ, бывало, къ ней мужикъ хлѣба или лѣсу просить—она на него: „да ты, свѣтъ, бѣлены никакъ объѣлся, что меня, государыню, въ боярскомъ моемъ дѣлѣ нудить изволишь?" И не только прогопитъ ни съ чѣмъ, а временемъ даже высѣчь изволитъ. Напротивъ того, который мужикъ молчитъ—тому дастъ. И хлѣба, и лошадь, и лѣсу на избу—всего: даже чего не нужно, и того дастъ. Почему? а потому, что боярское сердце ея этимъ веселится, а веселится оно, когда ей, государынѣ, самой того хочется!

И такъ она этой своей политикой всю вотчину устроила, что когда вступилъ въ управленіе имѣніемъ паненька Иванъ Матвѣичъ и, по обычаю, спросилъ мужичковъ, довольны ли они и не нужно ли чего, то они не отвѣчали, а только лапу сосали.

Я знаю, что нынѣшніе капитаны Пафнутьевы (много ихъ нынѣче развелось, да вѣдь и бабушка Татьяна Юрьевна не промахъ была, тоже не малое потомство послѣ себя оставила) скажутъ: „бабушка-то ваша, видно, набитая дура была, да и грозы надъ собой не видала, а потому по-дурьи надъ всѣмъ и чудила". Однако, не будетъ ли, господа Пафнутьевы, такое сужденіе ваше слишкомъ рѣзко?! Побесѣдуемъ, господа, побесѣдуемъ.

Начнемъ съ того, что сужденіе это основано на какихъ-то якобы правахъ. Всякій человѣкъ—утверждаютъ Пафнутьевы—имѣетъ нѣкоторыя права, удовлетвореніе которыхъ есть каждаго священный долгъ и обязанность. На семъ основаніи—продолжаютъ они—будто бы такъ должно быть: ежели я чего хочу, то чрезъ минуту чтобъ было исполнено; а ежели исполненія нѣтъ—сейчасъ бунтъ!!! И вотъ такой премудрый ихній кодексъ называютъ они свободой.

Полно, такъ ли, господа Пафнутьевы, такъ ли?

Скажи мнѣ, во-первыхъ, высокоумный господинъ Пафнутьевъ,

въ какомъ ты видѣ отъ утробы матерней на свѣтъ произошелъ?—Ты произошелъ нагъ и безпомощенъ! Какія имѣлъ ты при этомъ права? —Никакихъ, кромѣ тѣхъ, чтобы заявлять слезами о твоей наготѣ и безпомощности! Согласись, что права не великія, но и сіи кто тебѣ далъ?

Ихъ дала тебѣ почтеннѣйшая твоя родительница, которая, по добротѣ своего сердца, не всегда для усмиренія твоего къ помощи розги прибѣгала, но по временамъ простирала тебѣ и руку помощи... тебѣ, нагому и безпомощному! Могъ ли ты вынудить къ тому твою родительницу?—Нѣтъ, не могъ, ибо, какъ сказано выше, былъ нагъ и безпомощенъ. Вынудило же ее къ тому собственное ея материнское благопзволеніе!

Итакъ, вотъ твои „якобы права“ при рожденіи... по истинѣ *якобы* права!

Пойдемъ далѣе. Ты взросъ, Нафнутьевъ, достигъ тѣхъ лѣтъ, когда подобныхъ тебѣ отдаютъ въ кадетскіе корпуса и гимназіи. Спрашиваю я тебя: имѣлъ ли ты *право* требовать, чтобы тебя приняли въ одно изъ сихъ заведеній?—Нѣтъ, не имѣлъ, да и на умъ бы тебѣ такое право никогда не взошло, ибо ты тѣмъ временемъ въ бабки на улицѣ съ мальчишками игралъ, а не объ образованіи ума и сердца думалъ! Однако ты отданъ былъ въ заведеніе... почему? не по праву ли?—Нѣтъ, не по праву, а потому, что заведенія тѣ, по благопзволенію начальства, въ потребномъ количествѣ устроены, и, по благопзволенію же начальства, Нафнутьевыхъ принимать въ нихъ велѣно. Не будь сихъ заведеній... скажи, не остался ли бы ты свинопасомъ? И кичился ли бы ты тогда симъ завиднымъ твоимъ *правомъ*?

Итакъ, вотъ твои „якобы права“ по воспитанію и образованію. Тверже ли они тѣхъ, которыя якобы пріобрѣтены тобой при рожденіи?

Пойдемъ еще далѣе. Ты вышелъ изъ заведенія и поступилъ на службу. Ты скажешь, что имѣлъ на то право, ибо получилъ при окончаніи наукъ чинъ? Но этотъ чинъ... кто наградилъ имъ тебя? Настоятельно спрашиваю: кто тебя наградилъ?—Не знаешь?—ну, такъ я тебѣ скажу: тебя наградило имъ начальство! Самъ посуди: развѣ можетъ существовать естественное отношеніе между твоимъ чиномъ и науками?—Нѣтъ, не можетъ! А такъ какъ, тѣмъ не менѣе,

нѣкоторое отношеніе (хотя и неестественное) тутъ существуетъ, то спрашивается: кто, кромѣ начальства, установить его могъ?

Итакъ, вотъ твои „якобы права“ при вступленіи на поприще государственной дѣятельности... Тверже ли они тѣхъ, которыя приведены въ двухъ первыхъ примѣрахъ?

Пойдемъ ли еще далѣе? Поведемъ ли бесѣду о твоихъ взрослыхъ лѣтахъ, о старости?.. О, Пафнутьевъ! проживи съ мое, и увидишь, что знаменитыя твои права подлинно столь уже знамениты, что стоитъ человѣку, даже не одаренному сверхъестественною физическою силою, ткнуть въ нихъ пальцемъ, и образуется тутъ—не права, а простая дыра!

Знаю я: положеніе твое не легкое. Съ одной стороны, смущаемый врагами внѣшними—другими подобными тебѣ Пафнутьевыми, съ другой стороны, неся въ самомъ себѣ врага внутренняго — высокоумный твой разумъ,—ты ежечасно волнуешься призраками, ежечасно мечтаешь: „а что, ежели я попробую?!“

Не пробуй.

Пробы твои приведутъ лишь къ тому, что прочіе Пафнутьевы надъ тобою же насмѣются: что они же, предварительно смутивши тебя, будутъ, при видѣ твоего пораженія, восклицать: „фигу съѣлъ! фигу съѣлъ!“ А высокоумный твой разумъ... куда дѣнется онъ тогда съ своими мечтами? какія новыя выдумки предложитъ къ твоему утѣшенію?

Но что же мнѣ дѣлать? спрашиваешь ты: куда дѣваться отъ враговъ и недруговъ? какъ устроить колеблющуюся судьбу свою? На это отвѣчаю тебѣ: умудрись.

Изъ предъидущаго ты убѣдился, что правъ никакихъ нѣтъ, а существуютъ лишь „якобы права“ (вижу, что на устахъ твоихъ блуждаетъ недовѣрчивая улыбка, но нимало не боюсь ея): это самое должно указать тебѣ путь.

Правъ нѣтъ; тѣмъ не менѣе, не могу отказать тебѣ въ томъ, что въ сердцѣ твоемъ, по временамъ, совершаются нѣкоторыя движенія, что движенія сіи заставляютъ тебя устремляться, простирать руки и т. д. Движенія сіи, другъ мой, на языкѣ психологовъ, называются желаніями, или иначе: желанія суть такія предъявленія твоего естества, которыя, образуя совокупность личныхъ твоихъ вожделѣній, при осуществленіи ихъ въ натурѣ, необходимо должны быть приве-

дены въ надлежащее соотвѣтствіе. Или еще иначе: желанія суть натуральныя вожделѣнія, представляемыя на благоусмотрѣніе. Посмотримъ, Пафнутьевъ, каковы-то твои желанія?

Если бы ты, напримѣръ, пожелалъ слона проглотить, то какъ думаешь: могло ли бы такое твое желаніе быть приведено въ соотвѣтствіе? или если бы ты, будучи младенцемъ, пожелалъ натянуть на себя панталоны твоего родителя, то и этому твоему желанію, по твоему, преградъ ставить не слѣдуетъ? или, еслибъ, будучи отъ рожденія слабоумнымъ, пожелалъ бы имѣть разсужденіе о предметахъ возвышенныхъ... и тутъ, стало быть, остановить тебя нельзя?

Но нѣтъ, ты не настолько неразумень, чтобъ утверждать что-нибудь подобное. Ты соглашаешься со мной, что ни слона проглотить, ни малолѣтнему сыну въ родительскія панталоны облекаться, ни слабоумному о возвышенныхъ предметахъ разсуждать—невозможно. Дитя прикасается ручкой къ раскаленному металлу и обжигается—что было бы, еслибъ надъ нимъ не бодрствовала тайно другая рука, которая отъ обжиганій его оберегаетъ и предохраняетъ? Была бы погибель, была бы смерть... ты это понимаешь.

Но ежели ты это понимаешь, то долженъ понимать и то, что желанія у тебя могутъ быть всякія: такія, которыя приносятъ честь твоему уму и сердцу, и такія, которыя не только чести тебѣ не приносятъ, но которыхъ исполненіе можетъ быть сопряжено для тебя даже съ опасностью жизни; такія, коихъ осуществленіе благовременно, и такія, которыя могутъ быть удовлетворены лишь завтра или черезъ мѣсяцъ, или черезъ годъ, или даже черезъ сто и тысячу лѣтъ. Кто судья въ этомъ дѣлѣ? Кто можетъ раздѣлить твои желанія на категоріи, а сіи послѣднія—на роды и виды? Не ты ли? Но вѣдь ты только можешь желать, а не анализировать... Кто же? отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ томъ опредѣленіи, которое дано мною желаніямъ вообще. *Желанія*, сказалъ я выше, *суть натуральныя вожделѣнія, представляемыя на благоусмотрѣніе*... Ужели этого недостаточно, чтобъ вразумить тебя?

Не думай, однакоже, чтобы я предлагалъ устройство особенной какой-либо канцеляріи для разбора твоихъ желаній — нѣтъ, я далекъ отъ такой мысли, хотя, сама по себѣ взятая, она весьма почтенна. Я далекъ отъ этой мысли лишь потому, что канцелярія въ семъ разѣ навѣрное превратится въ цѣлое министерство: министерство же

образуетъ изъ себя пять отдѣльныхъ главноуправленій, что̀, по нынѣшнему состоянію финансовъ, едва ли не будетъ для государства отяготительно. Итакъ, пускай канцелярія на этотъ случай замѣнится однимъ общимъ представленіемъ о начальствѣ.

Ежели нѣтъ у тебя правъ, а есть одни желанія, ежели сіи послѣднія разнообразны и ежели, притомъ, канцеляріи учредить невозможно, то ясно, что разборъ твоихъ вожделѣній можетъ принадлежать лишь начальству. Во-первыхъ, оно стоитъ на высотѣ; во-вторыхъ, — одарено мудростію; въ-третьихъ, наконецъ, — можетъ дать и не дать. Скажи: обладаешь ли ты хотя однимъ изъ сихъ качествъ?

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, предъ умственнымъ нашимъ окомъ образуются два предмета: съ одной стороны — ты, Пафнутьевъ, предъявляющій желаніе, съ другой стороны — начальство, могущее дать или не дать. Въ сихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ какъ долженъ ты поступить?

Долженъ ли ты послѣдовать примѣру столько разъ упомянутаго мною капитана Пафнутьева, который, бывало, какъ дорвется до начальства, такъ сейчасъ: фф!... жж!... зз!...? или же обязываешься докладывать начальству тихо и просить себѣ милости?

Предлагаю тебѣ эти вопросы, и внутренно самому себѣ удивляюсь. Ужели, говорю я себѣ, можетъ найтись въ мірѣ человѣкъ, который бы давно сихъ истинъ для себя не рѣшилъ? Или тебя въ школахъ ничему не учили? или ты позабылъ все выученное, и надо тебѣ оное повторить?.. Не долгіе же плоды твоего ученія!!

Займемся повтореніемъ.

Вначалѣ земля наша была пуста — кто ее заселилъ? Звѣри свободно ходили изъ края въ край — кто имъ надлежащія мѣста опредѣлилъ? Приходили печенѣги, приходили татары, мужей побивали, а женъ уводили въ плѣнъ — кто ихъ побѣдилъ? Фабрикъ и заводовъ не было — кто ихъ основалъ? Просвѣщенія не было — кто его учредилъ? Люди питались злаками, самые цари изволили лакомиться уткой съ шафраномъ — кто надлежащія къ питанію средства преподалъ и указалъ? Не было ни земскихъ, ни уѣздныхъ судовъ, а тѣмъ паче магистратовъ и ратушъ — откуда восприяли они начало? Не было ни общественнаго здравія, ни общественнаго благоустройства, ни общественнаго спокойствія, не было ни мостовыхъ, ни паспортовъ,

ни такъ на хлѣбъ печеный и въ мукѣ, ни раздѣленія говядины на сорта — откуда все это явилось?

Откуда? Кто?

Вотъ то-то, мой другъ! Когда тебѣ разсуждать не слѣдуетъ — ты разсуждаешь; когда же, напротивъ того, остротѣ твоего ума ничто не мѣшаетъ — ты оставляешь оную втунѣ! Не означаетъ ли это, что умъ твой развращенъ и пресыщенъ? что онъ, подобно желудку гастронома, требуетъ не здоровой пищи, а пораженной тлѣніемъ и разлагающейся?

Мало тебѣ напоминаній древне-историческихъ — укажу нѣчто изъ недавней, хотя и минувшей практической твоей жизни.

Когда служитель твой оказывалъ тебѣ неповиновеніе и грубость — не на съѣзжую ли ты его отсылалъ? Когда крестьянинъ твой не платилъ даней — съ чьею помощью ты его къ исполненію обязанностей обращалъ? Когда тебѣ нужно было что-либо утянть, кого-либо обидѣть и притѣснить — къ кому ты прибѣгалъ?

„А кто тебѣ помогъ силутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на сто тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было?“ спрашивалъ нѣкто Сквозникъ-Дмухановскій одного провинившагося купца, и тутъ же совершенно резонно отвѣчалъ: „я помогъ тебѣ, козлиная борода!“

Вотъ о чемъ всечасно надлежитъ тебѣ вспоминать, Нафнутьевъ, а не смущать себя указаніями, которыя предлагаетъ высокоумный твой разумъ! Подумай: вѣдь разумъ твой глупъ: онъ разсуждаетъ помимо практики, помимо исторіи; а куда же ты дѣнешься съ практикой? куда спрячешь исторію?

Ты говоришь: сова усматриваетъ лежащаго въ кустахъ зайца, мгновенно налетаетъ и, впиваясь въ него одной лапой, другую держитъ на-отмашь. Она напередъ знаетъ, что вспуганный заяцъ понесется съ быстротой молніи, и разсчитываетъ, что не можетъ остановить его неистовый скокъ иначе, какъ ухватившись простертою лапой за какой-либо встрѣченный предметъ (для того-то она и простираетъ ее). Но, увы! (это все ты говоришь) разсчетъ ея не всегда вѣренъ. Случается часто, что, ухватившись за древесный сукъ, она не только не удерживаетъ разскакавшагося зайца, но оставляетъ на сукѣ свою

лапу, и впослѣдствіи истекаетъ кровью. Тѣмъ не менѣе (ты же продолжаешь), несмотря на подобныя гибельныя послѣдствія и несомнѣнныя свидѣтельства о томъ исторіи, ни одна сова въ мірѣ до сихъ поръ не останавливается подобными соображеніями, но всѣ онѣ продолжаютъ производить нападенія на зайцевъ тѣмъ самымъ порядкомъ, какой указываетъ инстинктъ.

Другой примѣръ: волкъ забирается ночью въ овчарню. Производя это въ ночное время и потаеннымъ образомъ, онъ тѣмъ самымъ явно доказываетъ, что предвидитъ въ будущемъ нѣчто не вполнѣ для себя благопріятное. А предвидитъ онъ вотъ что: проснется овчаръ, и не только помѣшаетъ волку исполнить задуманное, но еще намнетъ бока, а быть можетъ, лишитъ и жизни. Такъ оно и бываетъ. Тѣмъ не менѣе, говоришь ты, ни предвидѣніе, ни даже увѣренность не могутъ удержать волка въ его стремленіи: несмотря на очевидную опасность, онъ лѣзетъ въ овчарню... и погибаетъ!

Подобно сему, продолжаешь ты, и я, Пафнутьевъ, не знаю, что ждетъ меня впереди, но правъ своихъ не отстаивать не могу...

Прекрасно.

Стало быть, ты волкъ? стало быть, ты хищная сова? Ты самъ сознаешь, стало быть, что идешь въ овчарню не открыто и при свѣтѣ дня, но прокрадываешься ночью и потаеннымъ манеромъ? Въ такомъ случаѣ, напрасно же оговариваешься невѣдѣніемъ объ ожидающей тебя участи: я могу предсказать ее тебѣ. Ты оставишь свою руку на томъ самомъ сукѣ, который думаешь ухватить, и получишь казнь въ той самой овчарнѣ, въ которой мечтаешь быть властелиномъ!

Того ли ты хочешь?

Любя размышленіе, я иногда думаю: Господи, что дѣлается, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ! кто скажетъ навѣрное, съ кѣмъ идти, куда стремиться, кого слушаться? Не слушаться — не могу (привыкъ съизмалѣтства); но кого, Господи! кого? Кто разберетъ, гдѣ похвальное, гдѣ непохвальное, что на пользу, что во вредъ, чему радоваться и чѣмъ печалиться? И должень сознаться, что результатъ моихъ размышленій таковъ: ничего не понимаю.

Оглядываясь кругомъ себя, что вижу? Статскіе и дѣйствительные статскіе совѣтники громко проповѣдуютъ, что все сіе надо уничтожить и сдать въ архивъ; а тайные совѣтники, внимая имъ, улы-

баются! Почтеннѣйшіе генералы съ ужасомъ восклицаютъ: „какъ мы могли жить! какъ мы не задохлись!“ И, сказавши это, начинаютъ въ смѣшномъ и невѣроятномъ видѣ представлять, какая маршировка была! Пафнутьевъ прямо говоритъ, что онъ не Пафнутьевъ (кто же ты? ужъ не потомокъ ли того поджараго француза, котораго въ 1812 году спасъ отъ голодной и холодной смерти почтеннѣйшій твой родитель и который впослѣдствіи столь постыдно отплатилъ ему за гостепріимство?) и что ему надобно съ кѣмъ-то покумиться! Въ одномъ журналѣ нѣкоторый птенецъ (сказываютъ, даже дворянскій сынъ) печатно высказался: никогда не прощу моей родительницѣ, ибо она уже тѣмъ меня унизила, что заставляла ребенкомъ сосать грудь свою! На кого надѣяться? Въ комъ видѣть опоръ?

Заговорилъ ты, Пафнутьевъ, о правахъ—это такъ! Но подумалъ ли ты о томъ, какую матерію шевелишь? о томъ, напримѣръ, что матерія эта подобна навозной кучѣ, которую чѣмъ болѣе разрываешь, тѣмъ болѣе отъ нея пахнетъ? Или ты мнишь найти въ ней жемчужное зерно? Или ты обольщаешь себя мыслію: только бы мнѣ свое получить, а насчетъ прочихъ поревную особо... Легковѣрный!

Бабушка Татьяна Юрьевна такъ на этотъ счетъ выражалась: „положи ты мнѣ, свѣтъ-Николашенька, только одинъ пальчикъ въ ротъ, а тамъ ужъ я сама всю твою ручку скушаю!“ Незабвенная бабушка! сколько разъ на дню я тебя вспоминаю, глядя на нынѣшнихъ Пафнутьевыхъ! Несчастные, они полагаютъ, что какъ они легко покумились, такъ же легко впослѣдствіи и раскумиться могутъ... Какая самонадѣянность!

И вѣдь еслибъ доподлинно жить тебѣ худо было—ну, тогда, съ Богомъ! грубя! а то вспомни, какъ ты проводилъ время, какими пользовался пріятностями? Встанешь ты утромъ—умываться тебѣ подастъ меньшій братъ твой! захотѣлъ чаю — чай подастъ меньшій братъ твой! пожелалъ кушать—завтракъ, обѣдъ и ужинъ готовитъ меньшій братъ твой: пришло время спать—постелю стелетъ меньшій братъ твой! одѣваетъ и раздѣваетъ—все тотъ же меньшій братъ твой. Твоего собственнаго труда было только—ѣсть, пить, спать да протягивать руки и ноги. Какихъ же еще тебѣ якобы правъ нужно? или ты подлинно захотѣлъ тѣхъ, которыми пользовался меньшій твой братъ? Такъ ли? точно ли ты ихъ захотѣлъ?

Дѣти! нѣтъ гнуснѣе поступка, какъ отрекаться отъ самого себя.

Одинъ Пафнутьевъ говоритъ: „я лыкомъ шитъ“; но ежели это и подлинно такъ, то слѣдуетъ ли объявлять объ томъ всенародно? Не лучше ли было бы, если бы ты это скрылъ? а если скрыть нельзя, то не умѣе ли, если бы ты, не выставляя себя срамцомъ, напротивъ того, всѣмъ и каждому говорилъ: „блаженно и лыко, которымъ я сшитъ... твори, Господи, волю твою!“ Другой Пафнутьевъ повѣствуетъ: „предки мои въ крестовыхъ походахъ не были, а все тарелки подавали!“ Но что же дѣлать, мой другъ, ежели крестовыхъ походовъ не было, а были тарелки? и слѣдуетъ ли изъ того, чтобъ ставить тарелки въ укоръ?—Отнюдь. Предки твои дѣйствительно подавали тарелки, но они дѣлали это любя, и нерѣдко получали за то лакомые куски. Зачѣмъ же ты забываешь о лакомыхъ кускахъ и помнишь лишь о тарелкахъ? Наконецъ, третій Пафнутьевъ продолжаетъ: „чортъ ли въ томъ, что я Пафнутьевъ, коль скоро никакихъ дѣлъ мнѣ рѣшать не предоставлено!“ Такъ, мой другъ, такъ! А проэкзаменовать тебя, такъ вѣдь ты и дѣлъ-то никакихъ, пожалуй, назвать не умѣешь... рѣшитель! И куда тебя, подъ стекло что-ли посадить дѣла-то рѣшать! вотъ удивленіе-то будетъ! вотъ утѣха! Рѣшитель! И вѣдь всякій секретно про себя думаетъ: „семъ-ка отрекусь я отъ самого себя, можетъ никто не замѣтитъ!“ Вотъ такъ права!

Горько. Была одна доблесть: смиреніе, но и та досталась какъ бы исключительно въ предѣлъ господину Аксакову, который хотя и старается, но успѣетъ... врядъ ли!

И еще говаривала бабушка: „Обманывать, свѣтъ- Никалашенька, точно что грѣхъ, а потихоньку можно. И отъ покойницы-маменьки сколько разъ потихоньку дѣлывала—ничего, сходило! Конечно, не безъ того, чтобы изрѣдка и не потрепать, да вѣдь въ нашемъ дѣлѣ, свѣтъ-Николашенька, за тычкомъ и не угоняешься!“

Часто задумываюсь я надъ этими словами незабвенной бабушки, и спрашиваю себя: ужели сія добрая хранительница моей юности, весь вѣкъ свой бывшая образцомъ добродѣтелей, не только оправдывала, но и внушала ложь?.. Не можетъ этого быть!

Такъ оно и выходитъ.

Ели я захочу съ чѣмъ-нибудь сравнить человѣческую жизнь, то, конечно, лучшаго примѣра не найду, какъ домашнее наше хозяйство. И та, и другое до крайности разнообразны; и та, и другое по-

глощаютъ множество предметовъ самаго противоположнаго свойства. Предметы эти, скучиваясь въ одну массу, ограничиваются другими сосѣдними предметами, утрачиваютъ часть своихъ первоначальныхъ свойствъ, занимаютъ каждый свое мѣсто и, въ концѣ концовъ, образуютъ такъ-называемую гармонію. Валяется, напримѣръ, на полу негодный лоскутокъ бумажки—добрая хозяйка поднимаетъ его, и мыслитъ: „въ хозяйствѣ онъ пригодится“. И дѣйствительно, не проходитъ минуты, какъ бѣжитъ старшій сынъ и спрашиваетъ: „мамаса! бумазки!“ Попадается подъ руки дряная тряпица, сальный огарокъ, обрывокъ стараго мужнина носка—добрая хозяйка ничѣмъ не пренебрегаетъ, все прибираетъ въ особое мѣсто, ибо все это въ хозяйствѣ можетъ понадобиться. Маленькой Лёлѣ захотѣлось устроить куклу—старую тряпку и обрывокъ носка можно употребить на набивку ея; у маленькаго Пети насморкъ сдѣлался—сальнымъ огаркомъ можно носикъ ему помазать! И вотъ такимъ образомъ въ старыя времена составлялись значительныя состоянія! Не то же ли самое замѣчаемъ мы и въ жизни?—рѣшительно то же. Есть средства, которыя строгими моралистами хотя и осуждаются, но которыя въ жизненной экономіи бываютъ не только пригодны, но даже необходимы. Почему? а потому просто, что средства эти, будучи употреблены во благовременіи и обставлены цѣлою совокупностію другихъ соотвѣтствующихъ условій, не только утрачиваютъ свой огорчительный для моралиста характеръ, но даже дѣлаются какъ бы вовсе непредосудительны. Такъ, напримѣръ, обманъ превращается въ „потихоньку“, присвоеніе чужой собственности—въ „благопріобрѣтеніе“, обольщеніе чужой жены или дочери—въ модное занятіе ферлакурствомъ! Кто и когда возставалъ противъ „потихоньку“, противъ „благопріобрѣтенія“, противъ „ферлакурства“? Никто и никогда!

Вотъ первое основаніе неизбѣжности того, что̀ добрая моя бабушка разумѣла подъ словомъ „потихоньку“. Но есть еще второе и третье основаніе.

Одинъ штабъ-офицеръ въ минуту откровенности говорилъ мнѣ:

— Въ 18** году, когда я командовалъ драгунскимъ полкомъ, то изрядно мошну свою поправилъ!

— Стало быть, ва-шество, это изъ казеннаго ящика-съ?—спросилъ я его.

— А ты, можетъ быть, думалъ, изъ носу?—отвѣчалъ штабъ-

офицеръ и, оставивъ вопросъ безъ дальнѣйшаго разъясненія, разразился веселымъ, громкимъ смѣхомъ.

— Стало быть, ва-шество, секретно изволили?—продолжалъ я, все еще не понимая причины его смѣха.

Но на это штабъ-офицеръ даже и не отвѣтилъ, а только тоненькимъ голосомъ передразнилъ: „стало быть, ва-шество, секретно изволили?“

Въ то время я не понялъ этого изреченія, и долго, по простотѣ своей, думалъ: если штабъ-офицеръ секретно лазилъ въ казенный ящикъ, то, стало быть, онъ дѣлалъ недозволенное; а ежели дѣлалъ недозволенное, то, стало быть, обманывалъ! Теперь я все это понимаю: онъ просто дѣйствовалъ „потихоньку“ — и больше ничего. Ибо что̀ такое обманывать? Обманывать значитъ отрицать, говорить: „не знаю“, когда знаешь, утверждать, что ты видѣлъ человѣка съ двумя головами, когда такового отнюдь не видывалъ, и вообще вводить въ заблужденіе. Спрашиваю: вводилъ ли кого-нибудь въ заблужденіе штабъ-офицеръ?—формально никого не вводилъ. Отрицалъ ли что̀? —ничего не отрицалъ, ибо никто у него ничего не спрашивалъ! Онъ просто говорилъ себѣ: „я теперь въ такомъ положеніи, что могу соблюдать права; но такъ какъ меня могутъ изловить, то буду соблюдать ихъ потихоньку!“ Вотъ и все.

Одинъ извѣстнѣйшій либералъ, когда я отправлялся въ губернскій городъ Семиозерскъ по дѣлу о прекаціяхъ, далъ мнѣ такого рода инструкцію:

— Вы, mon cher, — сказалъ онъ мнѣ: — дѣйствуйте больше посредствомъ обѣщаній! Promettez-leur ceci, promettez-leur cela: и когда приведете ихъ къ одному знаменателю, тогда...

— Стало быть, ва-шество, обмануть приказывать изволите?— спросилъ я, совершенно позабывъ о штабъ-офицерѣ.

Такъ либералъ мой даже побагровѣлъ весь отъ негодованія.

— Кто вамъ приказываетъ обманывать? Кто вамъ рекомендуетъ „обманывать“? — наскочилъ онъ на меня: — ему говорятъ: дѣйствуйте потихоньку, а онъ—„обманывать“! Обманывать! а? обманивать! Извольте, сударь, отправляться и дѣйствовать, какъ вамъ приказано!! Обманывать!?

Это второе основаніе.

А вотъ и третье. Почему обманъ вреденъ? потому что онъ про-

изводить соблазнъ. Я отрицаю, изобрѣтаю вымышленныя повѣствованія, словомъ сказать, ввожу ближняго въ заблужденіе; лакей мой слышитъ это и разсуждаетъ: „ежели баринъ такъ вретъ, то почему же не начать врать и мнѣ?“ И начинаетъ. Съ этой минуты жизнь моя окончательно отравлена. Онъ будетъ утверждать, что я обѣдалъ, тогда какъ я не обѣдалъ; будетъ съ испуганнымъ видомъ восклицать, что въ домѣ пожаръ, тогда какъ пожара никакого нѣтъ: наконецъ прибѣжитъ и скажетъ, что барыня разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, тогда какъ никакого разрѣшенія совсѣмъ не послѣдовало. Кончится это, разумѣется, тѣмъ, что я сокрушу ему зубы или переломлю ребро, и за это, по строгимъ нынѣшнимъ порядкамъ, попаду подъ судъ. Судъ, съ своей стороны, приговоритъ меня на поселеніе... Вотъ плоды!! Но этого мало: глядя на меня и на моего лакея, и другіе примутся за то же ремесло, и произойдетъ тогда нѣчто необыкновенное: всѣ мы, сколько насъ ни есть, будемъ другъ друга обманывать. „Ты, братъ, солгалъ!“ буду говорить я своему сосѣду. „Да вѣдь и ты, братъ, солгалъ!“ будетъ отвѣчать онъ мнѣ... Какая же польза отъ этого? Какое поученіе? Напротивъ того, ежели я дѣлаю „потихоньку“, то никто ничего не знаетъ, а всякій думаетъ, что я ничего не дѣлаю. Между тѣмъ я своего-таки добиваюсь, и соблазна никакого не произвожу. Вижу я, напримѣръ, что нѣкто за мной примѣчаетъ—я погожу; вижу, что онъ отвернулся—я опять за свое дѣло. И ежели тогда мой лакей вздумаетъ обыкновенно обрадовать меня рожденіемъ нерожденнаго сына, то я съ полнымъ достоинствомъ ему возражу: „опомнись, мой другъ! развѣ ты слышалъ, чтобы я кого обманулъ? бери, братецъ, примѣръ съ меня!“

Нафнутьевъ! ты, который мнишь себя высокоумнымъ—размысли объ этомъ!

Сего числа пришелъ ко мнѣ старшій сынъ мой, Петенька, съ обыкновенною своею просьбой: „папа! дай лялька!“ Я, съ своей стороны, по обыкновенію, началъ доказывать маленькому шалуну, что отъ лялька у него животикъ заболитъ и зубки испортятся. Но неопытный младенецъ на сей разъ перехитрилъ опытнаго старца.

„Мнѣ бы, папаса, эту лялька только въ ручкахъ подержать!“ сказалъ онъ мнѣ, и едва лишь я успѣлъ удовлетворить его невинному

желанію, какъ маленькій хитрецъ эту самую „ляльку“ мгновенно въ моихъ глазахъ проглотилъ!..

Подивись, о, Пафнутьевъ, практической мудрости невиннаго младенца!

Въ прежнія времена жили мы между собой очень дружно. Никакихъ этихъ „якобы правъ“ не знали, а знали только, кому что̀ принадлежитъ. И сообразно съ этимъ обстаивали.

Въ то время всѣ бѣды отъ нашей неукротимости на насъ насылались. Виноваты мы были. Не то чтобы словомъ или ласкою, а больше все кулачищемъ этимъ да арапникомъ... Однако, и за всѣмъ тѣмъ средства изыскивали.

Начать съ того, что всѣ мы другъ дружкѣ либо родня, либо кумовья были. Хлобыстовскіе родня Дракиным, Дракины въ свойствѣ съ Расплюевыми, а Расплюевы чуть ли не приходятся внучатными самому Гвоздилову. Вотъ они стѣна стѣной и стоятъ. Проштрафится, бывало, Дракинъ—сейчасъ къ Расплюеву.

— Такъ и такъ—бѣда!

— Опять изувѣчилъ?

— И всего-то одну плюху... не понимаю даже, что̀ съ нимъ случилось: какъ закатился!

— Ладно.

Ѣдетъ Расплюевъ къ Хлобыстовскому, отъ Хлобыстовскаго къ другому Дракину, отъ другого Дракина къ Гвоздилову: всѣмъ говоритъ: такъ и такъ. Посудятъ, порядятъ между собой и опредѣлятъ: стоять.

Сейчасъ наведутъ это на нихъ пушку—стоятъ. Пустятъ въ разсыпную картечью—стоятъ. Науськаютъ шавокъ такихъ, что и въ уши, и въ носъ, и въ глаза вцѣпятся—стоятъ. На все про все одинъ отвѣтъ: знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ, а, должно полагать, случилось съ нимъ это отъ нетрезвой жизни. (Ты скажешь, Пафнутьевъ: „вѣдь вотъ же, обманываютъ!“ а я тебѣ отвѣчу: нѣтъ, не обманываютъ, а оказываютъ лишь временное укрывательство проштрафившемуся сочлену.) Что̀ жъ бомбардиры-то наши? А вотъ что: попалятъ, попалятъ, увидятъ, что втунѣ, и разойдутся!

А правъ не было.

Вторымъ обстоятельствомъ, скрѣплявшимъ насъ, было родство, такъ сказать, духовное. Всѣ мы были люди, всѣ человѣки, всѣ чувствовали свои слабости. Если виноватъ Хлобыстовскій, виноватъ Расплюевъ, виноватъ Гвоздиловъ—могутъ ли они другъ передъ другомъ носъ задирать? Ну, и выходила у насъ тутъ дисциплина, не та дисциплина, которая нынѣче: слушай, дескать, меня не потому, чтобъ резонъ тебѣ слушать, а потому что я такъ вздумалъ,—а настоящая, естественная, такъ сказать, дисциплина. Потому какъ мы всѣ во грѣсѣхъ равны, то если бы кто и пикнулъ—сейчасъ ему зеркало: смотрись! А такъ какъ смотрѣть нечего, то бо́льшею частью тѣмъ и оканчивалось, что пошумятъ, пошумятъ между собой, а потомъ и опредѣлятъ: стоять! А почему стоять? а потому, государи мои, что тронь изъ насъ одного—куда жъ бы дѣвались всѣ прочіе?

Ну, и опять наводятъ пушки, опять напускаютъ шавокъ—не шелохнемся, всѣ какъ одинъ! Что́ жъ бомбардиры-то наши? а вотъ что́: поналятъ, поналятъ, увидятъ, что втунѣ—и разойдутся.

А правъ не было.

Третье: не было въ насъ строптивости никакой. Какъ чувствовали мы себя во всемъ виноватыми, то моды-то эти надобно было бросить. Ну, и начальство тоже видѣло: люди—дескать, грѣшные, виноватые, что́ съ нихъ возьмешь! А мы, между тѣмъ, кто съ баранкомъ въ бумажкѣ, кто съ поклонцемъ, кто со слезами... И такъ, государи мои, наплачемъ да наслюнявимъ, что не бывало, кажется, дѣла такого, котораго бы мы на свой ладъ во всѣхъ статьяхъ не обдѣлали.

А правъ не было!..

Такъ бывало въ старое время. Посмотримъ, каковы-то порядки завелись нынѣче.

Для сего стóитъ только оглянуться кругомъ. Оглядываюсь и что́ же вижу? вижу раздоръ, вижу распри, вижу розни!

На дняхъ иду по улицѣ, встрѣчаю Пафнутьеву дочь. Идетъ-это стриженая, словно въ старину наказанныя дѣвки хаживали, идетъ и подъ-мышкой книгу-Бокль держитъ. Досадно мнѣ, знаете, сдѣлалось, потому что, все-таки, своя... Пафнутьева!!

— Ну-съ, говорю, сударыня—гуляете-съ?

— Гуляю-съ, говоритъ.

— Мамашенька съ папашенькой какъ-съ? либеральничаютъ-съ?

— Да что, говоритъ, мамаша съ папашей! Вотъ крѣпостное право ужъ упразднили—можетъ быть, и ихъ скоро упразднятъ!

Какова-съ?!

Иду далѣе, встрѣчаю Пафнутьева сына; этотъ, напротивъ того, совсѣмъ какъ козелъ лохматый. Еще досаднѣе стало.

— Ну-съ, говорю, гуляете-съ?

— Гуляю-съ, говоритъ, а самъ дерзко-предерзко въ глаза мнѣ смотритъ.

— Какъ, говорю, папаша въ своемъ здоровьи? либеральничаетъ?

— Нынче, говоритъ, этакими-то либералами заборы подпираютъ, а не то чтобы что...

Каково-съ?

Это по части родственныхъ узъ.

А вотъ и по части сословной.

Завелась у насъ эта эмансипація. Начальство ее придумало, оно же и приказать изволило—не спорю! Надо, стало быть, исполнять. Кто исполнители?—Пафнутьевы. Каковы исполнители???

Не могу продолжать.

И послѣ такихъ-то поступковъ поднимать рѣчь о какихъ-то якобы правахъ?!

Сего числа былъ у меня братъ отца Порфирія, прихода нашего іерея. Разговорились о нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

— Доложу вамъ, сударь, вотъ хоть бы насчетъ этихъ самыхъ правъ,—сказалъ мнѣ почтенный братъ іерея.—Сидѣли мы однажды у господина Дракина за столомъ, и какъ была у насъ тутъ изрядная тонка, то я, признаться, за этимъ самымъ столомъ и уснулъ. И что жъ бы вы думали г. Дракинъ надо мной сдѣлали? Припечатали-это къ столу мою бороду и въ ту жъ минуту надъ самой моей головой изъ пистолета выстрѣлили... Такъ я, сударь, двѣ недѣли послѣ того собственныя своея слюны не могъ глотать!

А правъ не было!!

Изъ-за чего ты бьешься, Пафнутьевъ? изъ-за чего цѣловаться лѣзешь?—По истинѣ, это сюжетъ для меня отмѣнно любопытный!

Поди сюда и давай бесѣдовать.

Станешь ли ты служительскія должности исполнять?—нѣтъ, не

станешь. Для чего же ты утверждаешь и всенародно говоришь, что служительскія должности не суть постыдны?—ты молчишь!

Станешь ли ты съ служителями обѣдать, будешь ли служительскими лакомствами лакомиться, примешь ли участіе въ служительскихъ удовольствіяхъ, посадишь ли служителя съ собой рядомъ въ карету?—нѣтъ, не станешь, не будешь, не примешь и не посадишь. Для чего же ты говоришь, что общество служительское не есть гнусно?—ты молчишь!

Согласишься ли ты охотой идти въ солдаты? чинить мосты и дороги? исправлять подводы?—нѣтъ, не согласишься. Для чего же ты твердишь, что это есть всякаго прямой долгъ и обязанность?—ты молчишь!!

Отъ дальнѣйшихъ вопросовъ воздержусь.

Но, быть можетъ, ты скажешь: „все сіе будутъ исполнять другіе, а я только буду направлять“?.. Такъ тебя и пустили!!

Да, дѣти! вы не знаете, какое время, какое ужасное время переживаютъ ваши отцы! Вы даже не повѣрите, чтобы могло когда-нибудь такое время существовать:

Чтобы дѣти не уважали своихъ родителей.

Чтобы служители не слушались господъ, а, напротивъ того, грубили имъ и даже дразнились.

Чтобы члены одной и той же семьи, вмѣсто того, чтобы подать руку помощи, высовывали другъ другу языки.

Чтобъ мелкихъ денегъ не было.

Чтобъ крупныхъ денегъ не было.

Чтобы вдругъ цѣлая масса людей оказалась ни на что негодною, кромѣ раскладыванья гранъ-пасьянса.

Спите, милыя! И пусть ангелъ-хранитель оградитъ даже сны ваши отъ представленія тѣхъ горестей, которыя, подобно ядовитѣйшимъ насѣкомымъ, изъязвляютъ и поядаютъ отцовъ вашихъ.

А все ты, Пафнутьевъ! ты, ты, ты!

Ты началъ съ того, что не хотѣлъ бочки съ водой на домѣ твоемъ поставить—смотри же теперь, любуйся на дѣла рукъ твоихъ! И если

бы ты еще доподлинно эту бочку не поставилъ, а то вѣдь только накричалъ, нашумѣлъ!.. Что жъ вышло? А вотъ что. Первое, служители твои слышали, какъ ты кричалъ и шумѣлъ, и заключили, что, стало быть, шумѣть и кричать можно. Второе, слышавши твои крики, они въ то же время видѣли, что на тебя, все-таки, никто не посмотрѣлъ, а изъ этого заключили, что ты сѣчешь и рубишь, и въ полонъ берешь, а впередъ, братъ, не подвигаешься! Что малый-то ты, стало быть, дрянь! И первое взяли себѣ къ руководству, а второе къ соображенію.

Другіе-то, другіе-то, покорные-то, за что тутъ страдаютъ?

Вѣрь, Пафнутьевъ, мнѣ самому тяжело обращаться къ тебѣ съ упрекомъ. Я знаю, что ты, все-таки, Пафнутьевъ, и что твоя бабушка моему дѣдушкѣ кумой была. Но я вынужденъ къ тому и вынужденъ слѣдующимъ, совершенно неносимымъ обстоятельствомъ.

На дняхъ мы съ женой обѣдаемъ. Подаютъ супъ (стерляжьей ухи, братъ, мы нынче ужъ не ѣдимъ: достатки не тѣ), въ супѣ волосъ.—Это что? спрашиваю я своего Ничарду.—Волосъ-съ, отвѣчаетъ Ничарда, да такъ вѣдь, канальи, любезно, какъ будто бы этому дѣлу такъ и быть надлежитъ. Стерпѣлъ.

Подаютъ жаркое, къ жаркому салатъ (только сію роскошь себѣ и позволяемъ, да и то потому, что свои оранжереи есть), въ салатѣ червякъ ползетъ.

— Это что?—спрашиваю я опять.

— Червякъ-съ—отвѣчаетъ Ничарда.

— Червякъ-то червякъ, да зачѣмъ онъ сюда попалъ?

— Попалъ-съ,—отвѣчаетъ Ничарда. Опять стерпѣлъ.

Подаютъ пирожное, въ пирожномъ мочалка.—Это что?—Мочалка-съ.—Зачѣмъ мочалка?—Да что вы ко мнѣ пристали!..—Не стерпѣлъ...

На другой день слѣдствіе.

И такимъ образомъ каждый день. Скажи, Пафнутьевъ, статочное ли дѣло такъ жить?

Я добръ; но ежели мнѣ съ намѣреніемъ не даютъ ѣсть—я свирѣпѣю.

Я добръ; но ежели встрѣчаю въ своей постели битое стекло—я свирѣпѣю.

Я добръ; но ежели на мое приказаніе истопить печку отвѣчаютъ: „поспѣешь!“—я свирѣпѣю.

Статочное ли дѣло такъ жить?—вновь спрашиваю я тебя.

А мы живемъ. Мы всѣ, потомки бабушки Татьяны Юрьевны, такъ живемъ!

И не ропщемъ, а ждемъ помилованья.

Не далѣе, какъ вчера, читалъ я повѣсть о многострадальномъ Іовѣ... Ахъ, какая это книга! прочти ты ее, Пафнутьевъ!

Былъ вечеръ, на дворѣ гудѣла вьюга; сторожа разбѣжались (да врядъ ли, впрочемъ, и приходили). Я крикнулъ: „чаю!“—но отвѣта не получилъ, ибо лакейская была пуста. Мы ходили съ женой по опустѣлымъ комнатамъ нашего стараго дома и разсуждали о томъ, сколько нужно имѣть въ наше время терпѣнія, снисхожденія и кротости: вдали раздавались голоса дѣтей, укладывавшихся спать, и между ними голосъ старухи-няньки, которая, безъ всякой робости, кричала: „цыцьте вы, пострѣлята! и то ужъ изъ милости паскудникамъ вашимъ служу!“ Въ это время взоры наши упали на книгу объ Іовѣ.

Результатомъ этого чтенія было то, что мы вдругъ какъ бы помолодѣли. Откуда взялась бодрость, надежда, увѣренность... даже объ чаѣ забыли!

— Ты видишь, мой другъ,—говорила жена:—если стада отнимаются, то они же и опять посылаются; если рабы разбѣгаются, то они же и опять возвращаются!—Стоитъ только подождать...

— Стоитъ только подождать,—повторилъ я въ сладкой задумчивости.

И затѣмъ весь остальной вечеръ мы были веселы, а за ужиномъ даже вспомнили одного веселаго сосѣда, который всякій разъ, какъ что-нибудь ѣстъ, предлагаетъ себѣ вопросъ: „а ну, Петръ Петровъ, отвѣчай, подлинно ли ты галантиръ или битое мясо ѣшь?“ И самъ же себѣ отвѣчаетъ: „нѣтъ, не галантиръ и не битое мясо ты ѣшь, а ѣшь ты, Петръ Петровъ, послѣднее свое выкупное свидѣтельство!“

И еще утѣшило насъ съ женой вотъ что: Пафнутьевъ нашъ хоть о правахъ и толкуетъ, однако, коли есть въ надеждѣ рубль серебра стибрить, такъ онъ тоже малый не промахъ. Вотъ хоть бы онамедни: собрались милые люди вкупѣ (все для тѣхъ же „якобы правъ“

своихъ), а объ чемъ же сперва-наперво рѣчь повели? А вотъ объ чемъ: „ты, говоритъ, получи жалованья тысячу рублевъ, и мнѣ предоставь тысячу рублевъ, и ему тысячу рублевъ“... И такъ это занятно у нихъ вышло, что даже прохожіе, и тѣ удивлялись: какіе такіе земскіе дѣятели собрались? Сказываютъ, инымъ по пятнадцати цѣлковеньких отсчитали—и тѣми не погнушались, взяли... Хвалю!

За что хвалю! за то и хвалю, что, значитъ, молодцы—значитъ, не все еще пропало... Не смотри, дескать, милый человѣкъ, что я о правахъ болтаю, а покажи мнѣ десятирублевенькую...

Хвалю!

Но и за всѣмъ тѣмъ, все-таки, грустно. Поймутъ ли Пафнутьевы, или не поймутъ, а время не ждетъ. Оно неумолимо косѣкаетъ и виноватаго, и праваго, и строптиваго, и покорнаго.

Дѣти, ужели оно не пощадитъ и васъ?

II.—Новый Нарцизъ

или

ВЛЮБЛЕННЫЙ ВЪ СЕБЯ.

Цѣлый мѣсяцъ городъ въ волненіи, цѣлый мѣсяцъ нельзя съѣсть куска, чтобы кусокъ этотъ не былъ отравленъ — или: „рутинными путями, проложенными самолюбивою и всесосущею бюрократіей“, или „великимъ будущимъ, которое готовятъ Россіи новыя учрежденія“. Кажется, будто у всякаго человѣка вбитъ въ голову гвоздь. Люди скромные и, повидимому, порядочные — и у тѣхъ глаза горятъ дикимъ огнемъ, и тѣ ходятъ въ изступленіи. Одинъ говоритъ о попахъ, другой — о мостахъ, третій — о „всеобщемъ и неслыханномъ распространеніи пьянства“, четвертый — о наидешевѣйшемъ способѣ изготовленія нижняго бѣлья для лицъ гражданскаго вѣдомства, пользующихся въ мѣстной больницѣ; всякій за что-нибудь ухватился, всякій убѣждаетъ, угрожаетъ, и такъ какъ всѣ говорятъ вдругъ, то никто ничего не понимаетъ, никто никому не внимаетъ и никто никому не отвѣчаетъ...

Даже лица такъ-называемаго „посторонняго вѣдомства“ увлекаются общей тревогой и тоже начинаютъ говорить о мостахъ, о понтонахъ и объ изготовленіи нижняго бѣлья. Редакторъ мѣстныхъ вѣдомостей выскребъ цѣлую статью подъ названіемъ „Сѣятели и Дѣятели“, въ которой выразилъ твердую увѣренность, что вопросъ о снабженіи мѣстной больницы новыми и хорошо вылуженными мѣстными рукомойниками получитъ, наконецъ, надлежащее разрѣшеніе. Полиціймейстеръ, который сначала ожидалъ не-вѣсть какого волненія и даже мечталъ о томъ, какъ онъ, во главѣ пожарныхъ, ворвется, разсѣетъ и расточитъ, теперь этотъ самый полиціймейстеръ, узнавши, что дѣло идетъ о рукомойникахъ, охотно пристаетъ къ диспутирующимъ и говоритъ: „гм... да... рукомойники... хвалю!“ Предсѣдатели, засѣдатели, завѣдующіе отдѣльными частями, управляющіе—всѣ открыто выражаютъ удивленіе: какъ это имъ никогда даже въ голову не зашло разсмотрѣть вопросъ о нижнемъ бѣльѣ, какъ въ его сущности, такъ и въ отношеніи къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя изъ сего проистечь должны. Словомъ, нѣтъ того живого дыханія, которое не принимало бы живѣйшаго участія, не оказывало бы содѣйствія, не удивлялось, не хвалило...

Представьте себѣ, что вы приглашены на раутъ, на одинъ изъ тѣхъ раутовъ, гдѣ еще вчера вы были увѣрены встрѣтить столь извѣстную картину нашего провинціальнаго гостепріимства: столы, покрытые зеленымъ сукномъ, и тѣ интимнаго свойства разговоры, которые въ особенности веселятъ сердца дамъ. Что сдѣлалось съ этимъ раутомъ? Гдѣ глубокомысленные споры о королѣ самъ-другъ и о королѣ самъ-третей, гдѣ веселый смѣхъ, раздававшійся во всѣхъ углахъ, гдѣ интимные разговоры?

— А у насъ сегодня „коммиссію“ выбрали!—говоритъ полиціймейстеру молоденькая дамочка, и вдругъ задумывается, какъ будто нѣчто ущемило ея ничѣмъ дотолѣ нетревожившееся сердечко.

Полиціймейстеръ вздрагиваетъ, ибо все еще опасается волненія.

— Коммиссію-съ? какую же это коммиссію-съ? —ловко выпытываетъ онъ, стараясь скрыть подозрительное выраженіе своихъ глазъ.

— Мы еще сами... то-есть, конечно, мы знаемъ, но наши messieurs не условились еще, какъ ее звать... Нѣкоторые изъ нашихъ messieurs предлагали назвать ее иностраннымъ словомъ „ревизіонная“, но мой Alexandre положительно сказалъ имъ: —messieurs, вы

забываете 1864 годъ!—вмѣшивается другая дамочка, которой очень хочется показать, что она не чужда „Московскихъ Вѣдомостей“.

Полицiймейстеръ окончательно убѣждается, что тревожить пожарныхъ надобности не предстоитъ.

— Господа! да скажите же, чѣмъ замѣнить это поганое французское слово „матеріалъ“?—мучительно вопіетъ кто-то изъ „свѣтелей“, обращаясь къ окружающимъ.

Въ отвѣтъ вдругъ налетаетъ заблудившееся гдѣ-то облако исконно-русской веселости и разражается ливнемъ.

— Сапожный товаръ!—предлагаетъ одинъ.

— Мусоръ!—остроумничаетъ другой.

— Съ позволенія сказать!—совѣтуетъ третій.

— Никакъ не называть, а дѣйствовать обиняками,—рѣшаетъ четвертый.

— Позвольте, господа, разсказать вамъ одинъ анекдотъ насчетъ этого самаго „обиняка“...

Начинается неудобный для печати разсказъ, который на минуту успокоиваетъ взволнованные умы. Но это спокойствіе кратковременное; чрезъ мгновенье, вновь начинается рознь, раздоръ и галдѣнье.

— Нѣтъ, вы не можете себѣ представить, что̀ такое эти попы! —говоритъ одинъ собесѣдникъ другому.

— Позвольте! — отвѣчаетъ другой собесѣдникъ: —итакъ, я имъ говорю: господа, говорю я, вы не имѣете никакой идеи о томъ, что̀ происходило въ нашей больницѣ, пока мы не приняли ее въ свое завѣдыванье! Это, говорю я...

— Я представляю факты; попы, говорю я...

— Вотъ простой фактъ, говорю я:—однажды вечеромъ, я прихожу въ больницу, разумѣется, секретно, и вижу рукомойники...

— Одинъ попъ дошелъ до такой дерзости...

— Гдѣ же вода?—спрашиваю я:—отчего нѣтъ воды?

Свѣтели крѣпко держатъ другъ друга за пуговицы, взапмно обдаютъ себя брызгами, негодуютъ, волнуются, иронизируютъ, хохочутъ и никакъ не понимаютъ, что каждый изъ нихъ ораторствуетъ, негодуетъ, иронизируетъ единственно для самого себя.

— Давеча зашелъ у насъ разговоръ о мостахъ,—ораторствуетъ, между тѣмъ, другой свѣтель: — предлагаю я, знаете, этотъ сборъ, чтобы съ каждаго, значитъ, воза по силѣ возможности... и вдругъ

это Петръ Ивапычъ: „позвольте, говоритъ, приняли ли вы во вниманіе, что въ семъ разѣ расходы взиманія могутъ превысить доходы поступленія?“ Я, знаете, туда-сюда — куда тебѣ, такъ и сыплетъ словами!—„Вы приняли ли, милостивый государь, во вниманіе, что при каждомъ мостѣ необходимо будетъ поставить сторожа, что для каждаго сторожа необходимо будетъ выстроить хижину, ибо въ нашемъ климатѣ...“—И пошелъ, и пошелъ! И такъ онъ меня, старика, обидѣлъ, что я слова не придумалъ ему въ отвѣтъ...

— Хорошо-съ,— вступается третій сѣятель:—сборъ съ мостовъ —это можно. Но приняли ли вы, почтеннѣйшій Николай Степанычъ, въ соображеніе вотъ какую штуку. Теперича, вы ѣдете...

— Ѣду-съ.

— Позвольте, не въ томъ штука, что вы ѣдете, а въ томъ, что у васъ въ карманѣ нѣтъ денежнаго знака менѣе... ну, положимъ. хоть двугривеннаго...

Присутствующіе начинаютъ смекать, въ чемъ дѣло, и лица ихъ нѣсколько проясняются.

— Ну-съ, пріѣхали вы къ мосту, подходитъ къ вамъ сторожъ и требуетъ двѣ копѣйки. Хорошо-съ. Вы вынимаете двугривенный; онъ отвѣчаетъ, что у него сдачи всего три копѣйки! Спрашивается: какъ поступить въ этомъ разѣ: пропустить ли васъ безъ платежа денегъ, или же заставить возвратиться до ближайшаго селенія, чтобъ размѣнять вашъ двугривенный на менѣе цѣнные денежные знаки? А если въ ближайшемъ селеніи всѣхъ капиталовъ въ совокупности три копѣйки съ половиной? а если у васъ не двугривенный, а цѣлый рубль?

Сѣятель постепенно поднимается, поднимается съ мѣста и, наконецъ, взвивается во весь ростъ.

— Заставить ли васъ, — уже не говоритъ, а гремитъ онъ: — заставить ли васъ совершить вашъ путь обратно? А если и на обратномъ пути такой же мостъ? Заставить ли васъ жить между двумя мостами неопредѣленное время?!

Въ виду такого множества вопросовъ, присутствующихъ прошибаетъ потъ.

— Нѣтъ, вы выслушайте меня, да ради же Христа выслушайте меня!—раздается среди всеобщаго хаоса голосъ еще одного сѣятеля, который, повидимому, до того ужъ надоѣлъ, что всѣ отъ него убѣжали.

— Только ужъ эти мнѣ поны—вотъ они у меня гдѣ сидятъ!

Хозяинъ дома только ходитъ и отдувается. Ему смерть хочется помѣстить и свою ленточку въ общую сокровищницу вопроса о рукомойникахъ, но онъ видитъ, что тутъ ужъ не до него, и потому слоняется изъ угла въ уголъ, какъ оглашенный, и самымъ любезнымъ образомъ всѣмъ улыбается. Подойдетъ къ одному—одинъ обрызжетъ, подойдетъ къ другому—другой обрызжетъ. „Видно, только въ этомъ и раутъ весь состоять будетъ!“ восклицаетъ онъ мысленно, и клянетъ ту минуту, когда посѣтила его голову ужасная мысль о созваніи сѣятелей.

Вотъ правдивая, хотя и довольно грустная картина нашего современнаго провинціальнаго существованія. Конечно, сѣятелямъ хорошо; они, какъ молодыя рыбки, рѣзво плещутся въ безбрежномъ океанѣ словоизверженій; но каково другимъ? каково тѣмъ, во-первыхъ, кои, за недостаткомъ сѣмянъ, къ сѣянію не призываются, и, во-вторыхъ, тѣмъ, коимъ угрожаетъ въ ближайшемъ будущемъ быстрое обсѣмененіе? Какую роль должны играть эти люди въ происходящихъ передъ ихъ глазами словесныхъ турнирахъ? Должны ли они ожидать предстоящаго оплодотворенія съ смиреніемъ и кротостью, или обязаны озаботиться пріисканіемъ мѣръ, чтобы сдѣлать это оплодотвореніе взаимнымъ, то-есть, со временемъ, въ свою очередь, обсѣменить самихъ сѣятелей?

Но пуще всего достается тутъ бюрократамъ. Съ ними обходятся или совсѣмъ безцеремонно, т.-е. напрямки объявляютъ, что часъ ликвидаціи для бюрократіи насталъ, или же пренебрежительно-снисходительно, какъ будто говорятъ: „О, любезные! куда ужъ вамъ рѣшать вопросы о рукомойникахъ!“ И никто, положительно-таки никто не хочетъ признать за бюрократіей никакихъ заслугъ... даже въ прошедшемъ; никто не хочетъ сообразить, что не съ неба же свалились всѣ эти вопросы о рукомойникахъ, а были вызваны на свѣтъ, поставлены и разработаны все тою же бюрократіей...

И что всего замѣчательнѣе, бюрократы не только не протестуютъ, но, напротивъ того, понуриваютъ головы и поджимаютъ хвосты, какъ бы говоря: „Что съ васъ взять! извѣстно, мы народъ отпѣтый!“ удостовѣряются ли они, что время постепенно оцѣниваетъ ихъ, провидятъ ли, что исторія, въ дѣлѣ оцѣниванья, никогда не останавли-

вается на половинѣ пути, но всегда покажетъ сначала цвѣточки, а потомъ уже ягоды и плоды?

Вообще, вопросовъ возникаетъ множество. Признаюсь, однако, что я отнюдь не встрѣчаю затрудненій въ разрѣшеніи ихъ. Я твердо убѣжденъ, что въ концѣ концовъ теорія взаимнаго оплодотворенія восторжествуетъ, и тогда сразу и сами собой прекратятся всѣ недоумѣнія. Образуются одни обширныя объятія, которыя заключатъ въ себѣ и сѣвателей, и сѣемыхъ, да кстати прихватятъ и бюрократовъ. И будетъ тогда радость великая; бюрократъ укажетъ на сѣвателя и скажетъ: „весь въ меня!"; сѣватель укажетъ на бюрократа и скажетъ: „вотъ моя опора!"; сѣемые, съ своей стороны, будутъ въ умиленіи прилгсывать и приговаривать: „Concordia res parvae crescunt", что въ русскомъ переводѣ означаетъ: „вотъ они! вотъ наши благодѣтели!". И тогда-то во истину разрѣшится вопросъ о нижнемъ бѣльѣ, который нынѣ лишь безплодно волнуетъ умы и поселяетъ въ обществѣ раздоръ, анархію и чуть не братоубійство.

Не могу сказать, чтобъ съ моей стороны были какія-нибудь препятствія къ появленію сѣвателей. Напротивъ того, я очень радъ. Я знаю, что для многихъ сѣватели хуже ножа востраго, но убѣжденъ, что мнѣніе это совершенно ошибочно и имѣетъ источникомъ какую-то заносчивость нѣкоторыхъ изъ нихъ. Какой-нибудь алармистъ, взирая, какъ у иного сѣвателя нѣна изъ устъ клубится, готовъ воскликнуть: „пожаръ!" Я же, напротивъ, при этомъ видѣ восклицаю: „плоть отъ плоти! кость отъ костей!" и затѣмъ только утѣшаюсь и окрыляюсь. Я знаю, что нѣна въ этомъ случаѣ служитъ сама себѣ и поводомъ, и содержаніемъ, и цѣлью, что стоитъ только обтереть губы сѣвателя платкомъ, чтобъ увидѣть, что съ исчезновеніемъ нѣны болѣе ничего не осталось. Никакихъ этакихъ порывовъ или поползновеній... ей-Богу, никакихъ! Изъ-за чего же тутъ волноваться? Изъ-за чего трепетать? Изъ-за какихъ-нибудь „рутинныхъ путей"? Изъ-за какой-нибудь якобы предстоящей „ликвидаціи"! Да Боже меня упаси!

Надо же, наконецъ, понять, что никакая цѣна въ мірѣ не можетъ обойтись безъ такъ-называемыхъ ораторскихъ движеній, и что всѣ эти „рутинные пути" и „ликвидаціи" — не больше, какъ удобная

формула, къ которой прибѣгаетъ ораторъ, дабы выразить въ самомъ лучшемъ видѣ нареніе своей души. Душа парить—кому и когда бывалъ отъ того вредъ? Рѣшительно никому и никогда, а польза, напротивъ того, большая. Душа паритъ—слѣдовательно, ораторское искусство неуклонно идетъ впередъ; душа паритъ—слѣдовательно, отечественная литература ежедневно обогащается новыми терминами: душа паритъ—слѣдовательно, отечественная исторія украшается новыми подвигами, отнюдь не уступающими таковымъ же старымъ...

Надо смотрѣть въ глубь, милостивые государи! надобно смотрѣть въ глубь!

Смотрю въ глубь, и что вижу?

Какой вопросъ прежде всего занялъ умы сѣвателей?—Вопросъ о снабженіи другъ друга фондами. Мнѣ тысячу, тебѣ тысячу—вотъ первый вопль, первое движеніе. Спрашивается: когда и какой бюрократъ имѣлъ что-нибудь сказать противъ этого? Когда и какой бюрократъ не изнывалъ при мысли о лишней тысячѣ? Когда и какой бюрократъ не былъ убѣжденъ, что Россія есть пирогъ, къ которому можно свободно подходить и закусывать?—Никакой и никогда.

Какимъ образомъ достать эти тысячи? Какъ устроить, чтобъ бумажный дождь падалъ въ изобиліи и безпрепятственно? Отвѣтъ: сходить въ карманъ своего ближняго. И практично, и просто. Но спрашивается: когда и какой бюрократъ предлагалъ что-либо иное? —Никакой и никогда. Напротивъ того, не были ли они всѣ и всегда на сей счетъ единодушны?

Чѣмъ заявить міру о своемъ существованіи? Чѣмъ ознаменовать свой въѣздъ въ дебри отечественной цивилизаціи? Отвѣтъ: пререканіями по дѣлу о выѣденномъ яйцѣ. Спрашивается: когда и какой бюрократъ не облизывалъ себѣ губы при словѣ „пререканія“? Когда и какой заскорузлый новытчикъ не сгаралъ жаждой уязвить другого, не менѣе заскорузлаго новытчика?—Никакой и никогда. Помилуйте! да въ пререканіяхъ-то именно и таится самая настоящая бюрократическая сласть!

И затѣмъ міріадами, какъ тучи комаровъ, выступаютъ впередъ вопросы о рукомойникахъ, вопросы о нижнемъ бѣльѣ, вопросы о становомъ приставѣ, дозволяющемъ себѣ ѣздить на трехъ лошадяхъ, вмѣсто двухъ... Спрашивается: когда и какой бюрократъ не скорбѣлъ этими вопросами? Когда и какой не чувствовалъ священнаго

ужаса при мысли о невычищенной плевальницѣ, о ненатертыхъ, какъ зеркало, полахъ!—Никакой и никогда.

А потому я не только не озлобляюсь и не огорчаюсь, но радуюсь...

Я радуюсь, потому что ничто окрестъ меня не измѣнилось, что хотя изъ всѣхъ щелей вылѣзаютъ запросы, но запросы эти мнѣ словно родные, да и отвѣты на нихъ тоже словно родные. Выходя изъ дома, я, какъ рыбакъ рыбака, издалека усматриваю моего милаго сѣятеля и кричу ему: „ау!“ И хотя онъ ни подъ какимъ видомъ не хочетъ отвѣтить на мой окликъ, но я нимало не обижаюсь этимъ, ибо знаю, что онъ, какъ малый конфузливый, еще не пріобыкъ.

Я радуюсь, потому что сѣятель не перевернулъ вверхъ дномъ моего отечества, что онъ сразу понялъ, что возмущать воду, коей поверхность гладка, не слѣдуетъ, что вызывать наружу раны, кои скрыты, не полезно; что вообще соображать, испытывать, изслѣдовать—голова заболитъ. Онъ принялъ то самое наслѣдство, которое я ему оставилъ, и лѣзетъ изъ кожи, чтобъ сохранить его неприкосновеннымъ и неизмѣннымъ.

Если онъ поднялъ (и именно въ укоръ мнѣ поднялъ) вопросы о рукомойникахъ и нижнемъ бѣльѣ, и если онъ пользуется этими вопросами, чтобы наглядно показать мою неспособность и поразить меня —я прощаю ему. Отъ него я охотно снесу всевозможныя укоризны и пораженія, и положительно ни однимъ словомъ не отвѣчу на нихъ. „Виноватъ! не досмотрѣлъ!“ — вотъ единственное оправданіе, которое я могу допустить въ свою пользу на скользкомъ поприщѣ рукомойниковъ. И твердо вѣрю, что сѣятель, въ свою очередь (хоть и не скоро!), проститъ меня.

Ты мнѣ милъ, сѣятель! ты мнѣ родственъ, а потому я радуюсь, утѣшаюсь и надѣюсь. Всюду, куда ни обращу свои взоры, я вижу свое собственное отраженіе, и такъ какъ я очень высокаго понятія о моей дѣятельности, то весьма естественно, что мнѣ приходитъ на мысль: если я одинъ столько дѣлъ надѣлалъ, то чего не предприму, чего не совершу въ согласіи съ такими ребятами!

И тѣмъ не менѣе, о, сѣятель, я примѣчаю въ тебѣ нѣкоторый порокъ, который можетъ со временемъ погубить тебя. Въ чемъ заключается этотъ порокъ—ты увидишь изъ слѣдующаго за симъ разсказа.

Вотъ, наконецъ, и послѣдній актъ драмы. Въ городѣ предсказываютъ нѣчто необыкновенное. Выжившая изъ ума, но все еще принимающая дѣятельное участіе въ политическихъ раздорахъ, бабушка Татьяна Юрьевна (она же въ просторѣчіи именуется Наной) торжественно увѣряетъ, что готовится „лекведація“. Рѣзвыя дѣвицы-внучки подхватываютъ это выраженіе и трунятъ надъ бабушкой.

— Какъ, бабушка? какъ? „лекведація“? пристаютъ онѣ и, обращаясь къ одному изъ вѣчно-слоняющихся франтовъ-свѣтелей, продолжаютъ:—слышите, мьё? бабушка увѣряетъ, что сегодня будетъ „лекведація“!

— „Лекведація“! charmant!

— „Лекведація“! impayable!

— Да, мои миленькія, „лекведація“!—шамкаетъ бабушка:—сегодня братецъ Сила Терентьичъ побѣдитъ братца Терентья Силыча!

(Несмотря на то, что первый — оберъ-свѣтель, а послѣдній — оберъ-бюрократъ, прозорливая бабушка продолжаетъ называть ихъ „братцами“.)

Съ почтительною осторожностью вхожу я на хоры той самой залы, въ которой, по словамъ свѣтелей, изготовляется великое будущее Россіи. Тихо. И публика, и свѣтели—все смолкло подъ гнетомъ впечатлѣнія, произведеннаго заключительною рѣчью одного изъ ораторовъ, смѣлая мысль котораго, по поводу вопроса о возобновленіи верстовыхъ столбовъ, успѣла, въ какую-нибудь четверть часа, облетѣть всѣ страны Европы, сходить въ Америку, окунуться въ мракъ прошедшаго и приподнять таинственную завѣсу будущаго. Въ воздухѣ коломъ стоятъ и „рутинные пути“, и „великое будущее“, и „твердыя упованія“, и „свѣтлыя надежды“, словомъ, все, чѣмъ красна рѣчь всякаго благонадежнаго свѣтеля. Сидящія на хорахъ дамы обмахиваются вѣерами и встрѣчаютъ мое появленіе съ видимою недовѣрчивостью, какъ будто подозрѣваютъ, что я хочу „смутить веселость ихъ“. Но такъ какъ я ни на чью веселость не посягаю, а хочу только поучиться, то и пробираюсь себѣ полегоньку впередъ, въ тотъ укромный уголокъ, гдѣ привитаетъ добрая бабушка Татьяна Юрьевна, окруженная рѣзвушками-внучками.

— Что, родной, много ли сегодня душъ по міру пустилъ?—спрашиваетъ меня бабушка, какъ только замѣчаетъ, что я стремлюсь пристроиться поближе къ ней.

Въ сущности, она любитъ меня (я знаю довольно много скандалезныхъ анекдотовъ, которые, по временамъ, сообщаю ей и до которыхъ она страстная охотница); но съ тѣхъ поръ, какъ случилась извѣстная „катастрофа“, милая бабушка глубоко убѣждена, что каждый бюрократъ поставилъ себѣ за правило ежедневно „пускать по міру“ по нѣсколько душъ „неповинныхъ“, и потому, при всякой встрѣчѣ, считаетъ полезнымъ напомнить мнѣ объ этомъ.

— Да человѣка съ четыре!—скромно отвѣчаю я, и съ удовольствіемъ вижу, что отвѣтъ мой производитъ весьма пріятное дѣйствіе на внучекъ-вострушекъ.

Однако, внизу что-то позамялось. Слышится шопотъ, образуются кружки; нѣкоторые изъ сѣтителей спѣшатъ сходить въ буфетъ и возвращаются оттуда значительно пріободренными. Бабушка впадаетъ въ забытье, и, словно въ бреду, спрашиваетъ, скоро ли будутъ палить.

— Слышите, мсьё? слышите? — подхватываютъ внучки:—бабушка спрашиваетъ: скоро ли будутъ палить?

Я начинаю доказывать, что бабушка не совсѣмъ неправа, и что ежели взглянуть на предметъ съ точки зрѣнія переносной, то, пожалуй, окажется...

— Шт!..—внезапно раздается по залѣ. Я умолкаю, бабушка просыпается, внучки превращаются въ слухъ. Сѣтели скучиваются въ одну группу.

Сила Терентьичъ требуетъ слова. Но, съ непривычки, онъ такъ сильно сконфуженъ, что нѣкоторое время только шевелитъ усами. Онъ сознаетъ, что ему, какъ сѣтителю изъ сѣтителей, предлежитъ сказать комплиментъ, но въ сѣдой его головѣ, кромѣ „милости просимъ откушать“, ничего не слагается. Наконецъ, чувство долга оказываетъ свое дѣйствіе, изъ устъ почтеннаго старца вылетаетъ ожидаемый комплиментъ.

— Итакъ, господа,—говоритъ онъ:—слава Богу, все кончилось. Съ Божьей помощью, мы наше дѣло сдѣлали. Во-первыхъ, назначили нашимъ будущимъ дѣятелямъ приличное содержаніе: во-вторыхъ, кого слѣдуетъ обложили соотвѣтствующими сборами. Въ эту минуту нѣтъ почти ни одного благороднаго дворянина, который бы не получалъ содержанія, и намъ остается только разойтись и принести домой пріятныя впечатлѣнія. Себя не хвалю. Если и есть у меня

заслуги, то онѣ не мои, а моихъ благородныхъ господъ сослуживцевъ. Мнѣ оставалось смотрѣть и радоваться... и въ особенности благодарить. Да-съ, благодарить-съ (Сила Терентьичъ низко кланяется, касаясь рукой земли). Я очень понимаю, господа, что труда было довольно, что на насъ были обращены взоры цѣлой губерніи, и что, несмотря на это, мы превозмогли. То-есть, превозмогли мои благородные сослуживцы; я же, съ своей стороны, могу только радоваться и благодарить. Да-съ, благодарить-съ. Можетъ быть, я не литераторъ и не все выразилъ, но скажу: губернія видѣла, и часъ этотъ пробьетъ въ потомствѣ. Милости просимъ откушать!

Сила Терентьичъ обходитъ сѣятелей и поочередно со всѣми цѣлуется. „Благодарю!“ — „Милости просимъ откушать!“ — вотъ лестные звуки, которые льются изъ устъ его и которые, казалось, должны бы тронуть даже каменныя сердца. Но, увы! мельница спущена, затворъ потянутъ, вода бѣжитъ и жерновъ мотается, какъ угорѣлый, на своей оси, изумляя и огорчая вселенную безплотнымъ досужествомъ.

На этотъ разъ роль жернова берется выполнить Woldemar Кочкариковъ. Онъ лихо выступаетъ на середину, вставляетъ въ глазъ стеклышко, выворачиваетъ голову назадъ и вообще старается придать своему туловищу тотъ самый видъ, который, во дни юности, составилъ ему репутацію на балахъ у Кесеніихъ. Между сѣятелями Кочкариковъ слыветъ умникомъ. Онъ считается спеціалистомъ по части желѣзныхъ дорогъ, потому что ѣзжалъ по николаевской дорогѣ: спеціалистомъ по части кредита, потому что закладывалъ свои имѣнія въ опекунскомъ совѣтѣ; спеціалистомъ по части народной нравственности, потому что держитъ около десятка кабаковъ; спеціалистомъ по части мостовъ и перевозовъ, потому что не далѣе, какъ прошлой весной единолично и собственноручно разбилъ на голову цѣлую армію перевощиковъ за то, что они замѣшкались подать ему паромъ, и, наконецъ, спеціалистомъ по части больницъ, потому что видалъ-таки на своемъ вѣку виды. Поэтому, когда, при обсужденіи какого-нибудь дѣла, сѣятели становятся въ тупикъ, то обыкновенно кладется резолюція такого рода: „сѣятелю Кочкарникову, какъ спеціалисту по части такой-то, поручить озаботиться о безотлагательномъ устройствѣ въ нашей губерніи желѣзныхъ дорогъ и о неотложномъ усовершенствованіи народной нравственности“. И затѣмъ сѣятели успокоиваются, въ твердой увѣренности, что желѣзные пути бу-

дуть безотлагательно устроены, а народная нравственность неотложно усовершенствована.

Понятно, что появленіе такого человѣка должно произвести нѣкоторый трепетъ въ публикѣ. Дамочки колышутся: демуазельки мечутся и безъ толку лепечутъ на всѣ стороны: „ахъ, ma chère! ахъ, ma chère!“ Одна барыня на-сосяхъ втихомолку молится Богу, чтобъ будущій плодъ ея былъ похожъ на Кочкарникова; бабушка просыпается и думаетъ, что вокругъ нея происходитъ „воспоминаніе баталіи при Гангеудѣ!“

— Въ мое время тоже въ колокола звонили... да! а лгали какъ... ужасти! — обращается она ко мнѣ и тутъ же опять засыпаетъ...

— Позвольте мнѣ, господа, сдѣлать небольшую поправку къ привѣтствію нашего почтеннаго представителя!—начинаетъ Кочкарниковъ среди общаго молчанія.—Съ свойственною ему скромностью, онъ умолчалъ о тѣхъ трудахъ, которые подняты имъ лично на пользу общественнаго благоустройства, развитія и процвѣтанія...

Но такъ какъ ораторъ съ утра ничего не ѣлъ, то въ эту минуту передъ глазами его внезапно проносятся: майонезы изъ дичи, майонезы изъ рыбы, уха изъ стерлядей, отпоенная до-бѣла телятина, однимъ словомъ, вся сласть, которую, черезъ какой-нибудь часъ, ему, вмѣстѣ съ прочими, предстоитъ обонять, ощущать и смаковать. На душѣ его становится горько. Зачѣмъ онъ началъ болтать? Къ чему онъ добровольно отдаляетъ отъ себя мигъ блаженства? На секунду онъ даже останавливается въ нерѣшимости и думаетъ, не наплевать ли. Прозорливѣйшіе изъ зрителей начинаютъ безпокоиться, ибо провидятъ борьбу, которая происходитъ въ ораторѣ. Но ораторъ уже сбросилъ съ себя иго кухоннаго матеріализма: онъ вздрагиваетъ и полегоньку трясетъ головой, какъ бы освобождая свою мысль отъ ненужныхъ примѣсей. Черезъ минуту онъ попрежнему свѣжъ и бодръ и какъ ни въ чемъ не бывало продолжаетъ выбрасывать изъ себя потоки.

— Да, господа,—говоритъ онъ:—это было отрадное и отчасти грустное время. Это было время борьбы съ бюрократіей и всею ея темною свитой. Окрылялись молодыя надежды, развивались молодыя упованія, росли и крѣпли въ тиши молодыя силы. Кровавое знамя соціализма пряталось. Чувствовалось жутко и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко

и отрадно. Какъ путникъ, застигнутый въ степи бураномъ, прислушивается, не донесется ли до него звукъ колокола родной колокольни, такъ и мы, въ нашемъ святомъ дѣлѣ, среди тѣхъ великихъ задачъ молодого возрожденія, которыя намъ предстояли, прислушивались... чутко прислушивались...

Опять проносятся майонезы и сюпремы, а бѣлоснѣжная телятина, словно живая, такъ и глядитъ въ глаза. Ораторъ съ трудомъ, но превозмогаетъ.

— И вотъ,—продолжаетъ онъ:—среди этихъ надеждъ, среди этихъ молодыхъ усилій и молодыхъ упованій, въ самомъ жару битвы, наша алчущая мысль, наше жаждущее чувство были внезапно удовлетворены самымъ блистательнымъ, даже, можно сказать, самымъ неожиданнымъ образомъ. Да, „неожиданнымъ“, смѣло повторяю это слово.—ибо никто не могъ и не имѣлъ права ожидать ни той полноты, ни той беззавѣтности! („Майонезы! майонезы!“ словно злой духъ какой шепчетъ на ухо.) Среди этихъ трудовъ, видовъ и предположеній, въ виду открывавшихся кругозоровъ, мы встрѣтили, милостивые государи, руководителя! („Майонезы!“) Мы были путниками—и перестали быть ими: мы были отданы на жертву стихіямъ —и пріобрѣли надежный кровъ, подъ сѣнію котораго наши молодыя упованія могли окрыляться, наши молодыя силы — укрѣпляться и развиваться. Наша мысль не блуждала, ибо нашла для себя надлежащую руководящую нить; наша рука била прямо, цѣлила вѣрно, ибо опорой ей былъ твердый оплотъ. Если мы, на первыхъ порахъ, могли еще на минуту усомниться насчетъ размѣра слѣдующаго намъ содержанія, то сомнѣнія эти, милостивые государи, разсѣялись, подобно туману, удручающему въ осенніе дни поля земледѣльца...

„Майонезы! майонезы!“... Ораторъ изнемогаетъ.

— Сила Терентьичъ! — съ трудомъ дотаскиваетъ онъ свой грузъ:—съ свойственною вамъ скромностью, вы хотѣли умолчать о трудахъ своихъ! Вы хотѣли всю честь нашего молодого возрожденія приписать намъ, вашимъ слабымъ сотрудникамъ...

— Прихлебателямъ!—вдругъ совершенно явственно раздается по залѣ. Всѣ глаза ищутъ дерзкаго нарушителя общественнаго порядка, но виновницею оказывается старая бабушка, которая и въ забытьи не утратила своей прозорливости. Чтобъ избѣжать повторе-

нія подобныхъ сценъ, ее увѣряютъ, что давно ужъ отъужинали. и увозятъ домой.

— Прихлеба... то-бишь, сотрудникамъ. Но мы этого не допустимъ („нѣтъ! нѣтъ! не допустимъ!“ гудитъ кругомъ сѣятельскій рой). Мы скажемъ вамъ: въ первый разъ въ жизни вы сказали слово, не согласное съ истиной! Нѣтъ. не тотъ дѣйствительный сѣятель, который исполняетъ предначертанія и приводитъ къ осуществленію преднамѣренія! Не тотъ. Тотъ дѣйствительный труженикъ и сѣятель, достойнѣйшій нашъ Сила Терентьичъ (произнося эти слова, ораторъ снисходительно улыбается, какъ будто говоритъ: а дай-ко, я тебя пощекочу!), который эти предначертанія умѣетъ впушить, который, расширяя горизонты, изыскиваетъ пути, тотъ, наконецъ, который, на самыхъ этихъ путяхъ, умѣетъ найти дѣятелей, бодрыхъ не дерзостью или самонадѣянностью, но твердою и неуклонною готовностью слѣдовать по указанной разъ стезѣ. Нашъ трудъ скроменъ, Сила Терентьичъ! нашъ трудъ невеликъ! Не на насъ были обращены взоры цѣлой губерніи, Сила Терентьичъ! нѣтъ, не на насъ! Они были обращены на нашего руководителя... они были обращены на васъ.

— Милости просимъ откушать!—начинаетъ Сила Терентьичъ, но тутъ поднимается такая суматоха, что голосъ достойнаго представителя совершенно теряется. Его окружаютъ; кричатъ: „на васъ! на васъ!“—такъ что онъ видитъ себя въ необходимости опять со всѣми цѣловаться. Пользуясь этимъ случаемъ, благоразумнѣйшіе изъ сѣятелей успѣваютъ сбѣгать въ буфетъ и подкрѣпиться.

„А семка, и я что-нибудь хлопну!“ думаетъ между тѣмъ Сеня Накатниковъ, и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, тутъ же приводитъ намѣреніе свое въ исполненіе.

— Господа, мы забываемъ достойныхъ членовъ нашей коммиссіи!—взываетъ онъ.—Нѣтъ слова, что мы потрудились, да и достойнѣйшій представитель нашъ тоже потрудился, но спрашиваю я васъ: что бы это такое было, если бы у насъ не было коммиссіи? Не забудьте, господа, что прежде всего намъ надо было собрать факты, а гдѣ ихъ взять? Гдѣ, спрашиваю я васъ, отыскать факты? и какъ ихъ взять? Факты, говорю я, бываютъ разные. Есть факты подходящіе, есть факты неподходящіе, есть даже факты, которые совсѣмъ, такъ сказать, не факты... Вотъ это я называю: трудъ! Однажды я возвращаюсь въ четвертомъ часу ночи изъ клуба („было мало-мало

вынито!“ вдругъ шевчетъ воскресшее воспоминаніе), и замѣчаю въ домѣ одного изъ членовъ коммиссіи огонь. Слѣзаю, стучусь, вхожу — и что же вижу? Сидитъ почтенный нашъ сотоварищъ съ перомъ въ зубахъ... по правую руку—счеты... по лѣвую—книга исписанной цифрами бумаги... вдали—потухшая сигара! Вотъ это я называю: трудъ, потому что это фактъ. Что сдѣлали бы мы безъ факта? что сталось бы съ нашими трудами, если бы они не были основаны на фактахъ? Эти факты кто намъ далъ? Спрашиваю: кто, такъ сказать, возродилъ факты изъ пепла? Чѣмъ мы сильны передъ бюрократіей, какъ не тѣмъ, что у насъ фактъ, а у ней одни рутинные пути? Спрашиваю: кто далъ намъ этотъ фактъ?—и отвѣчаю: намъ дала его коммиссія. Надъ чѣмъ трудился почтенный нашъ сотоварищъ въ тиши уединенія?—Надъ фактомъ. Что озабочивало мысль этого истиннаго пустынника въ столь неурочное время?—Фактъ... Послѣ этого что жъ еще говорить? Что еще говорить? спрашиваю я васъ. Нужно ли прибавлять, какого рода фактомъ приличествуетъ ознаменовать заключеніе нашей дѣятельности? Если древніе римляне даже гусямъ...

Оратору не даютъ кончить. Клики: „благодаримъ! благодаримъ!“ прерываютъ его рѣчь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ намѣревался сдѣлать краткую экскурсію въ исторію гусей. Члены коммиссіи: два брата Зуботыкины, одинъ Недотыкинъ и одинъ Перетыкинъ, выступаютъ впередъ. Ихъ поочередно цѣлуютъ, но самые сладкіе безе, конечно, достаются на долю Недотыкина, въ которомъ всѣ сразу узнали „истиннаго пустынника“, отыскивавшаго въ четвертомъ часу ночи фактъ съ перомъ въ зубахъ.

Недотыкинъ—человѣкъ не безъ дарованій. Онъ одинъ изъ всѣхъ „свѣтилей“ знаетъ табличку умноженія до такой степени твердо, что можетъ во всякое время съ увѣренностью отвѣтить, что $8 \times 9 = 72$. Сверхъ того, онъ скроменъ и трудолюбивъ. Какой-нибудь свѣтилъ возьмется счетъ провѣрить, возится съ нимъ, пока совсѣмъ не измаслитъ, и все-то у него неудача: либо приложитъ конѣйку, либо не доложитъ двѣ. Сейчасъ къ Недотыкину. Недотыкинъ взглянетъ, сообразитъ, поколдуетъ („шестью-шесть“, „семью-семь“, „восемью-девять“ и т. д.), и смотришь—недоложенная конѣйка найдена и отечество нѣкоторымъ образомъ спасено. На этомъ основаніи свѣтили прочатъ Недотыкина въ мѣстные финансисты и опасаются только одного: что, по врожденной скромности, у него не хватитъ смѣлости.

чтобъ вольнымъ духомъ заключать займы, черезъ что, конечно, финансовое положеніе страны утратитъ много блеска. Что касается до меня, то я, съ своей стороны, никакихъ препятствій къ совершенію Недотыкинымъ блестящей карьеры не встрѣчаю, ибо нахожу равно сроднымъ истинному финансисту: и скромность фіалки, въ тиши уединенія протверживающей табличку умноженія, и дерзновеніе орла, съ высотъ заоблачныхъ испытующаго, не выглядываетъ ли изъ чьего-либо кармана кредитный рубль, могущій послужить на пользу.

Недотыкинъ смущенъ: похвалы застали его врасплохъ въ то самое время, когда въ головѣ его почти совершенно удовлетворительно разрѣшалась задача: „летѣло стадо гусей“, въ примѣненіи къ общесвѣтельскому дѣлу. Тѣмъ не менѣе, онъ понимаетъ, что его цѣловали не даромъ, что самый воздухъ, которымъ онъ дышетъ, заряженъ жаждой комплимента. Скрѣпя сердце, онъ начинаетъ:

— Право, господа, я не знаю... какъ членъ коммиссіи, я даже просто не вижу... Семенъ Семенычъ говоритъ: „не будь коммиссіи“, а я, напротивъ того, говорю: „не будь васъ“. Это глубокое мое убѣжденіе; это убѣжденіе и всѣхъ моихъ товарищей. Вы насъ просвѣтили, насъ направили и наставили—что же намъ оставалось дѣлать! Оставалось покориться волѣ Провидѣнія и благодарить. Мы и благодаримъ, и не только благодаримъ, но и присовокупляемъ: во всякое время общество найдетъ насъ готовыми. Позвольте же, господа, отъ полноты души возвратить вамъ тотъ братскій поцѣлуй, которымъ вы почтили меня и моихъ товарищей.

Недотыкинъ лѣзетъ цѣловаться. Раздаются сочныя чмоканья; на хорахъ слышится движеніе стульевъ. Сила Терентьичъ разѣваетъ ротъ, чтобы въ сотый разъ вымолвить: „милости просимъ откушать!“

— Позвольте, господа!—вдругъ воетъ кто-то изъ толпы.— Я нахожу, что наше торжество будетъ неполно, если мы не сдѣлаемъ участникомъ его нашего уважаемаго товарища, Владиміра Тимофеича Кочкарникова. Владиміръ Тимофеичъ! положа руку на сердце, вы можете сказать себѣ и вашему уважаемому семейству: да, я жилъ не даромъ! я сдѣлалъ все для родной земли, что было въ моихъ силахъ! Съ вашей просвѣщенной помощью, мы пришли къ разрѣшенію вопроса о проведеніи путей въ нашемъ краѣ! Благодаря вашимъ неутомимымъ изысканіямъ, вопросъ объ усовершенствованіи народной нравственности для насъ окончательно уяснился! Вы первый открыли

ту тѣсную, неразрывную связь, которая существуетъ между общественнымъ призрѣніемъ и хозяйственнымъ способомъ заготовленія больничнаго бѣлья и вещей! По вашей плодотворной иниціативѣ состоялась у насъ вѣчно памятная резолюція: немедленно принять мѣры къ искорененію пьянства! Вы указали на опасность, которою угрожаютъ странѣ безпрерывные захваты алчной и безпочвенной бюрократіи! Вы, наконецъ, подняли нашъ духъ, подвергнувъ тщательной критикѣ вопросъ о взаимномъ самовознагражденіи! Хвала вамъ, Владиміръ Тимоѳеичъ! Хвала и вѣчное, неугасимо-благодарное пламя сердецъ нашихъ! Думаю, милостивые государи, что выражаю нашу общую мысль, говоря: Владиміръ Тимоѳеичъ! передайте всему вашему многоуважаемому семейству, что вы много потрудились, много поревновали для родной земли, и что родная земля благодаритъ васъ!

Кочкариковъ блѣденъ, какъ полотно: у него, что называется, дыханіе въ зобу сперло. Но на этотъ разъ представленіе о майонезахъ и сюпремахъ дѣйствуетъ такъ побѣдительно, что онъ даже не поддается искушенію болтовни и рѣшается покончить какъ можно скорѣе.

— Господа,—говоритъ онъ:—вмѣсто отвѣта, позвольте припомнить вамъ одно обстоятельство. Когда ваше высокое довѣріе налагало на меня новыя обязанности, я сказалъ: господа! я силенъ только вами! Отъ души повторяю это теперь, въ эту торжественную минуту, и клянусь...

Кочкариковъ закусилъ нижнюю губу и умолкаетъ, ибо желудокъ его окончательно отощалъ. Всѣ бросаются на него и съ остервенѣніемъ мнутъ въ объятіяхъ. Стулья на хорахъ вновь начинаютъ двигаться.

— А старичка! старичка-то и позабыли!—укоряетъ чей-то голосъ съ хоръ.

Выводятъ подъ-руки „старичка“, отставного инженеръ-прапорщика Дѣдушкина, такого дряхлаго, что онъ и самъ сомнѣвается, точно ли онъ живъ. Про „старичка“ разсказываютъ, что онъ получилъ свой чинъ еще при Петрѣ I за то, что построилъ въ селѣ Преображенскомъ первую фортецію, которую великій отрокъ изволилъ потомъ самолично взять приступомъ съ своими потѣшными.

Но инженеръ-прапорщику уже не до хвастовства. Онъ кланяется и издаетъ слабый писк.

Въ залѣ пусто; изъ норъ выходятъ крысы. Онѣ степенно ползутъ одна за другой и скучиваются на серединѣ. Поднимается писк. Повидимому, онѣ подражаютъ. Одна, совсѣмъ сѣдая, съ оттопыривающимися во всѣ стороны усами, кажется, говоритъ: „милости просимъ ко мнѣ на сало!“ Другія, по очереди, хвастаютъ.

Сторожъ, свидѣтель этого противоестественнаго сходбища, убѣгаетъ въ смятеніи...

III.—Легковѣсные.

Чѣмъ больше ветшаетъ міръ, тѣмъ бо́льшая накопляется въ немъ сумма опытности. Отношенія упрощаются: сомнѣнія уступаютъ мѣсто увѣренности: истины, до познанія которыхъ человѣкъ въ былое время доходилъ путемъ нелегкой борьбы, становятся простыми аксіомами, никакой борьбы не требующими. Простодушный славянинъ, который нѣкогда училъ нашихъ предковъ почаще повторять изреченіе: „да будетъ намъ стыдно“, конечно, первый устыдился бы своей наивности, еслибъ всталъ изъ гроба и взглянулъ на успѣхи своихъ потомковъ.

Во всемъ мы успѣли, во всемъ отрезвились. Чѣмъ дальше мы идемъ, тѣмъ болѣе и болѣе убѣжденія наши теряютъ свою призрачность и, взамѣнъ того, пріобрѣтаютъ драгоцѣнныя качества осязательности и плотности. Громъ гремитъ, собака лаетъ, мѣдные лбы торжествуютъ — вотъ тѣ простыя истины, до которыхъ мы додумались и на которыхъ зиждется наше будущее благополучіе. Мы признаемъ за истину только ту истину, которая бьетъ насъ по лбу и механически поражаетъ наши чувственные органы; мы заносимъ въ наши лѣтописи только тотъ фактъ, который имѣетъ за собой привилегію факта совершившагося. Все прочее пріурочивается нами въ области мечтаній; а такъ какъ мечтанія безплодны (аксіома), то мы и относимся къ этому „прочему“ ежели не съ ненавистью, то съ ироническимъ сожалѣніемъ. Откуда пришли къ намъ наши непреложныя истины, что̀ производитъ громъ, почему лаетъ собака, почему торжествуютъ лбы мѣдные, а не простые — мы надъ этимъ не задумы-

ваемся и не желаемъ себѣ объяснить; мы просто принимаемъ это, какъ фактъ глухой и неотразимый. Заслышавъ громъ, мы говоримъ: вотъ громъ; заслышавъ лающую собаку, мы говоримъ: вотъ лающая собака.

Цѣль всѣхъ нашихъ стремленій и заботъ заключается въ томъ, чтобы навсегда освободиться отъ какихъ бы то ни было сомнѣній и создать для себя то положеніе счастливой увѣренности, въ которомъ можно было бы жить, не задумываясь и не размышляя. Каждый изъ насъ облюбовываетъ себѣ извѣстныя рамки, прилаживается къ нимъ и затѣмъ уже заботится только о томъ, какъ бы не переступить границы и не очутиться невзначай въ области неизвѣстнаго. Впереди — мотается кусокъ, на который устремлены всѣ взоры и который служитъ путеводною звѣздой въ нашемъ странствіи...

Нельзя, однакожъ, сказать, чтобъ эти прилаживанія доставались намъ безъ усилій — совсѣмъ напротивъ! Нѣтъ ничего болѣе хрупкаго, какъ тѣ рамки, къ которымъ мы такъ старательно прилаживаемся, и нѣтъ ничего болѣе цѣпкаго, какъ то *неизвѣстное*, отъ котораго мы такъ упорно отворачиваемся. Поэтому, чтобы удержаться въ рамкахъ и защитить ихъ отъ наплыва неизвѣстнаго, отъ насъ требуется довольно подвиговъ и даже не мало насилій... Но, положимъ, что мы не постоимъ за подвигами; положимъ, что наши понятія о нравственномъ содержаніи поступковъ, о чести и правдѣ настолько упростились, чтобы не допустить насъ споткнуться въ нашемъ рьяномъ стремленіи къ *куску* — какой же собственно получится результатъ этихъ подвиговъ и насилій? — А вотъ какой: въ ту минуту, когда мы уже достигаемъ *куска*, когда мы осязаемъ руками цѣль нашихъ вожделѣній — оказывается, что питательность его болѣе нежели сомнительна, что онъ и самъ уже подвергся нѣкоторымъ органическимъ измѣненіямъ, вслѣдствіе напора того же „неизвѣстнаго“, съ которымъ мы вели такую неутомимую борьбу!

Такимъ образомъ, преслѣдуя мечтателей, мы сами оказываемся мечтателями сугубыми, и, къ тому же, мечтателями недальновидными, грубыми и нелѣпыми!

Спрашивается: для чего мы трудились, подвизались и насильствовали?

Было время, когда въ нашемъ обществѣ большую роль играли такъ-называемые кашлуны мысли. Эти люди, разъ ухватившись за идейку, усаживались на ней вплотную, переворачивали на всѣ стороны, жевали, разжовывали и пережовывали, дѣлались рьяными защитниками ея внѣшней и внутренней неприкосновенности и, обезпечивши ее разъ навсегда отъ всякаго дальнѣйшаго развитія, тихо и мелодично курлыкали. Я до сихъ поръ не могу забыть тѣхъ томныхъ, разслабляющихъ звуковъ, которыми ознаменовалась эпоха нашего возрожденія. Были въ то время такіе сладкіе катышки, которые какъ только попадутъ въ ротъ—такъ съ ними и не разстанешься. Кашлуны же народъ добродушный, къ ѣдѣ ласковый и къ утученію своихъ тѣлъ весьма склонный. Они не только съ жадностью ловили тѣ катышки, которые бросались имъ чьею-то щедрою рукою, но даже охотно разрывали вольный навозъ и отыскивали въ немъ катышки совершенно мнимые. И поднималось у нихъ тутъ то равномѣрное, самодовольное курлыканье, которое многихъ, даже проницательныхъ людей ввело въ обманъ, дало поводъ думать, что навѣрное въ Россіи наступилъ золотой вѣкъ, коль скоро въ ней такъ изобильно развелась птица-кашлунъ, и притомъ такая гладкая и такъ самодовольно курлыкающая.

Но само собою разумѣется, что птицѣ, обладающей такимъ важнымъ изъяномъ, не суждено быть ни законодательницей міра, ни властительницей думъ. Оказалось, что одни изъ катышковъ, которые такъ жадно проглатывались глупою птицей, заключали въ себѣ отраву, другіе же не могли быть переварены, по неумѣлости и глупости. Сверхъ того, однообразное и приторное курлыканье кашлуновъ до того опротивѣло, до того раздражило всѣмъ нервы, что птицу, наконецъ, перестали кормить. Однимъ словомъ, птица задумалась, и черезъ короткое время вся безъ остатка подохла.

Гдѣ вы, воспѣтые нѣкогда мною литераторы-обыватели? Гдѣ вы, непреклонные обличители исправниковой неосновательности и городничества заблужденія? Гдѣ раздается ваше томное курлыканье, и раздается ли оно? Или, быть можетъ, оно облеклось въ иныя, болѣе соотвѣтствующія требованіямъ времени формы и изрыгается по безчисленнымъ закоулкамъ любезнаго нашего отечества въ видѣ истерическаго ругательства, съ пѣной у рта, съ устремленіемъ глазей и судорогою въ искаженныхъ чертахъ лица?

Какъ бы то ни было, но курлыканье безвозвратно смолкло, и взамѣнъ его общественная наша арена огласилась ржаніемъ рѣзвящихся жеребятъ.

Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ это веселое ржаніе, особливо въ полѣ и въ лѣтнее время на зарѣ. Въ общемъ говорѣ просыпающейся природы оно выдѣляется какою-то особенно свѣжею мелодіей. Да и сама по себѣ картина рѣзвящагося жеребенка дѣйствуетъ на душу освѣжительно. Стрѣлою несется молодой сосунокъ по необозримому полю—и вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный, потомъ раза два-три взлягнулъ задними ногами, и опять заржалъ, и опять понесся. Эти ланцады и курбеты, этотъ внезапный рѣзвый бѣгъ куда-то впередъ, это словно струей пронизывающее воздухъ ржаніе—все это, вмѣстѣ взятое, представляетъ такое прелестное зрѣлище невинной необдуманности, что сердце самое огорченное невольно заражается безотчетной веселостью, и человѣкъ самый суровый, самый преисполненный гражданскихъ доблестей, нѣтъ-нѣтъ, да вдругъ и вскинетъ ногами въ воздухѣ.

Почему намъ нравится такая картина? Не потому ли, что она воскрешаетъ передъ нами идиллическій и всегда любезный намъ образъ невинности? Что хочетъ выразить жеребенокъ своими порывистыми скачка́ми и курбетами, своимъ несущимся по вѣтру хвостомъ, своимъ мелодическимъ ржаніемъ? Очевидно, онъ хочетъ только сказать: „посмотрите, какъ мои прыжки безотчетны, какъ я воленъ скакать и прямо, и вкось, и на гору, и въ оврагъ—всюду, куда несутъ меня мои быстрыя ноги!“ И вотъ, наше сердце невольно влечется къ этому маленькому, красивому созданьицу; насъ трогаетъ и его молодая, безпечная удаль, и ничѣмъ необъяснимая внезапность движеній, и даже самая непредусмотрительность въ различеніи опасностей. Сравнивая эту картину безотчетно рѣзвящейся невинности съ картиною мрачнаго коварства людей, мы невольно восклицаемъ: „Ахъ! если бы и люди могли такъ носиться по полямъ любезнаго намъ отечества, злоумышляли не коваретвуя, но наполняя воздухъ веселымъ и мелодичнымъ ржаніемъ!“

Представьте же себѣ, что ваше мимолетное мечтаніе внезапно осуществляется; представьте себѣ, что идиллія, которою вы только-что наслаждались, происходитъ не въ необозримости полей, а на тѣсномъ пространствѣ Невскаго проспекта, Кузнецкаго Моста либо ка-

кой-нибудь Московской или Дворянской улицы губернскаго города. Представьте себѣ цѣлые табуны молодыхъ жеребятъ, оторванныхъ отъ родныхъ стеней и рѣзвящихся въ окрестностяхъ Казанскаго моста или Тверского бульвара! Какъ сладко должно встрепенуться ваше сердце при звукахъ веселаго ржанія! какимъ умильнымъ огнемъ должны загорѣться ваши глаза при видѣ безпримѣрныхъ по своей бойкости прыжковъ! Еще такъ недавно вы видѣли въ этомъ самомъ мѣстѣ нелѣпо переваливавшихся съ боку на бокъ каплуновъ, которые топтали какія-то идейки, подобно тому, какъ топчетъ безсмысленный индюкъ бросаемую ему рукавицу—и вдругъ какая счастливая перемѣна!

Бѣдные, ожирѣвшіе каплуны! вы ли не старались? вы ли, съ неслыханнымъ трудолюбіемъ, не копались на всѣхъ заднихъ дворахъ нашего отечества, отыскивая всевозможныя нечистоты и полегоньку заглаживая и засыпая ихъ песочкомъ? И что жъ! вы забыты! вы презрѣны? Вы отданы на поруганіе какимъ-то красивымъ, но легкимъ звѣрькамъ, которые плѣняютъ одною безотчетностью прыжковъ и мелодичностью ржанія!

Нѣтъ спора: маленькій жеребчикъ—прелестное, превеселое и прерраціозное животное; но представьте себѣ (въ скотскомъ быту это, вѣдь, очень возможно), что этотъ милый, рѣзвый жеребчикъ вдругъ взбѣсился! Что можетъ тогда произойти? Какими горькими и неисчислимыми послѣдствіями можетъ отозваться это несчастіе на тѣхъ, которые слишкомъ довѣрчиво любовались его рѣзвыми движеніями? Я былъ однажды свидѣтелемъ рѣдкаго и потрясающаго зрѣлища: я видѣлъ взбѣсившагося клопа. Въ ряду вонючихъ насѣкомыхъ клопъ почему-то пользуется у насъ репутаціей испытанной и никѣмъ неоспариваемой благонамѣренности. Оттого ли, что нравы этого слѣпорожденнаго паразита недостаточно изслѣдованы и, вслѣдствіе того, онъ живетъ окруженный ореоломъ таинственности, мѣшающей подступиться къ нему, или оттого, что мы видимъ въ немъ нѣчто въ родѣ олицетворенія судьбы, обрекшей русскаго человѣка на покусыванье—какъ бы то ни было, но клопъ взбѣсился, и никто изъ обывателей не только не обратилъ должнаго вниманія на это обстоятельство, но, напротивъ того, всякій продолжалъ считать клопа другомъ дома.

Можете себѣ представить, какую тьму народа перепортилъ этотъ негодный паразитъ, какъ широко онъ воспользовался тѣмъ ореоломъ благонамѣренности, которымъ мы окружили его! Одѣвшись личиною смиренія, онъ заглядывалъ въ тюфяки и перины безпечно спящихъ людей и нерѣдко въ теченіе одной ночи поражалъ ядомъ цѣлыя семейства. Десятки и сотни людей пропадали безслѣдно, а клопъ все не унимался, все жалилъ и жалилъ. Онъ и о-сю пору продолжалъ бы жалить, еслибъ, съ одной стороны, не истощился запасъ тѣлъ, а съ другой стороны не обманулъ его пораженное бѣшенствомъ собственное обоняніе, наткнувшее его на рожонъ. Но онъ и теперь еще живъ въ своей стѣнной скважинѣ, онъ и теперь по временамъ набѣгаетъ на безпечныхъ, когда благопріятствуетъ темнота ночи...

Повидимому, стоитъ только протянуть руку, чтобъ сдѣлать клопа навсегда безвреднымъ, но оказывается, что это совсѣмъ не такъ легко, какъ можно предположить съ перваго взгляда. Есть какая-то темная сила, которая будитъ надъ клопомъ и препятствуетъ протянуть руку именно въ ту самую минуту, когда онъ наиболѣе вреденъ. И вотъ, вонючій, слѣпорожденный паразитъ становится дѣйствующимъ лицомъ, и никто противъ этого не протестуетъ! Мало того: онъ впадаетъ въ неистовство, онъ безъ разбору впивается во всякое тѣло, лежащее поперекъ его тѣсной дороги—и ему рукоплещутъ! Находятся, конечно, люди, которые взираютъ на это съ прискорбіемъ, но фактъ уже совершился, клопъ забралъ силу, и только случайность, такая же бѣшеная случайность, какъ и та, которая породила самое бѣшенство, можетъ положить предѣлъ его слѣпому неистовству.

Немного нужно сообразительности, чтобы оцѣнить положеніе, которое поставлено въ зависимость отъ необузданности дряннаго клопа!

Но отъ клоповной необузданности нѣтъ надобности дѣлать salto mortale, чтобы дойти до необузданности жеребячьей. Покуда жеребята рѣзвятся, носятся по полямъ и играютъ—они забавны; но когда глаза ихъ наливаются кровью, когда они начинаютъ безъ резона брыкаться, когда ржаніе ихъ принимаетъ зловѣщій тонъ—тогда берегитесь ихъ! Нѣтъ злобы болѣе неотразимой, какъ злоба жеребячья, ибо она встаетъ передъ вами нежданно-негаданно и всегда изъ-за пустяковъ; нѣтъ злобы болѣе неутомимой, ибо она рветъ и грызетъ, не различая предметовъ и не сознавая сама, что попадаетъ ей на зубы.

Я знаю, размышленія мои могутъ показаться читателю навѣянными минутнымъ мизантропическимъ настроеніемъ, и, слѣдовательно, односторонними и исключительными. Но попытайтесь же поискать ту границу, гдѣ оканчиваются мизантропическія и могутъ начаться довѣрчивыя отношенія, и вы, конечно, не найдете ея. Бываютъ минуты въ жизни обществъ, когда всякая возможность подобной границы устраняется сама собою; бываютъ положенія, къ которымъ нельзя относиться по произволу, такъ или иначе, но въ виду которыхъ дѣлается обязательнымъ именно то, а не иное отношеніе. Горечь недовѣрія отнюдь не принадлежитъ къ тѣмъ праздничнымъ и наряднымъ одеждамъ, рядиться въ которыя составляетъ удовольствіе; напротивъ того, это костюмъ очень стѣснительный и даже невыгодный. Но что же вы будете дѣлать, если, въ данную минуту, это единственная одежда, которая приходится впору?

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на предметъ хладнокровно и найдите хотя малѣйшее разумное основаніе, которое объяснило бы это странное присутствіе жеребятъ на аренѣ человѣческихъ дѣйствій. Допустите шансы самые выгодные: предположите, что жеребята заранѣе застрахованы отъ припадковъ бѣшенства и навсегда останутся тѣми рѣзвыми, веселыми жеребятами, какими они представляются вашимъ предубѣжденнымъ взорамъ. Но вѣдь все-таки это не люди, все-таки это не болѣе какъ звѣрьки!

Да и нужна ли намъ рѣзвость? необходимо ли топтать отечественныя поля? Право, это еще вопросъ, и, притомъ, вопросъ очень серьезный и очень сомнительный. Рѣзвость, употребляемая на то, чтобы, распустивъ по вѣтру гриву, безотчетно носиться по полямъ и оврагамъ, на то, чтобы безцѣльно рыть копытами землю и оглашать природу ржаніемъ—ужели можно изобрѣсти такую гнетущую необходимость, при помощи которой представлялась бы возможность осмыслить подобную безпутную картину?

Легковѣсные люди—вотъ дѣйствительные, несомнѣнные герои современнаго общества. Чѣмъ легковѣснѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ можетъ претендовать на успѣхъ, тѣмъ болѣе можетъ держать; а ежели онъ вѣсомъ менѣе золотника, то это такой завидный удѣлъ, при которомъ никакихъ препонъ въ жизни для человѣка существовать

не можетъ. Законы физики торжествуютъ: легкія тѣла поднимаются вверхъ; тѣла плотныя и вѣскія остаются въ низменностяхъ. Золотники стоятъ тріумфаторами по всей линіи и во всѣхъ профессіяхъ; они цѣпляются другъ за друга, подталкиваютъ и выводятъ другъ друга, и, въ концѣ концовъ, образуютъ такую плотную массу, сквозь которую нельзя пробиться даже при помощи осадныхъ орудій.

Еще очень недавно вы видѣли этихъ безконечно-малыхъ, еще недавно вы думали, что они не больше, какъ жужжащіе комары, которые потому только и обращали на себя ваше вниманіе, что отъ нихъ нужно было отмахиваться... Увы! теперь это не просто комары, а цѣлая масса комаровъ, претендующая затмить собой солнечный свѣтъ. Ихъ жужжаніе—не просто жужжаніе, а совокупность милліоновъ жужжаній, имѣющая всѣ признаки труднаго гласа. И—ужасъ! — за этими золотниками уже видѣются десятыя и сотыя доли золотниковъ, которыя тоже цѣпляются въ гору, и, конечно, не заставятъ себя долго ждать, дабы своимъ безконечнѣйшимъ ничтожествомъ побѣдить безконечное ничтожество золотниковъ.

Было время, когда властителемъ моихъ думъ былъ знаменитый витій и философъ Ѳеденька Кротиковъ. Назойливый болтунъ, бездонный носитель либеральной галиматьи—онъ, повидимому, соединялъ въ себѣ всѣ данныя, чтобъ сдѣлаться героемъ и львомъ своего времени. Признаюсь, я думалъ, что нельзя изобрѣсти героя болѣе легковѣснаго; я даже упрекалъ себя въ преувеличеніи. И что же — ничуть не бывало! Ѳеденька оказался слишкомъ увѣсистъ, слишкомъ глубокомысленъ и дальновиденъ. Онъ подавилъ золотниковъ основательностью, бойкостью и прозорливостью своихъ сужденій; онъ возбудилъ въ нихъ опасенія шириною и солидностью своихъ взглядовъ —и вотъ, безконечно-малые скучились, составили комплотъ, сговорились и свергнули-таки Ѳеденьку съ пьедестала!

Ѳеденька пріунылъ и поникъ головою. По-прежнему въ немъ безпрепятственно совершается процессъ болтанія, но онъ уже сознаетъ, что болтовня не къ мѣсту, когда все въ природѣ вѣщаетъ о подтягиваніяхъ, подбираніяхъ и энергическихъ постуканіяхъ; по-прежнему онъ смотритъ фофаномъ, но, увы! фофаномъ не торжествующимъ, а грустнымъ и словно приниженнымъ.

— Ты видишь!—сказалъ мнѣ этотъ проштрафившійся гигантъ, встрѣтившись на дняхъ со мною на улицѣ и указывая на рой без-

конечно-малыхъ, суетившихся тутъ же, у нашихъ ногъ:—ты видишь ли малыхъ сихъ? Но подожди! то ли еще будетъ! Эти неизмѣримо-малые—великаны въ сравненіи съ тѣми неизмѣримо-малѣйшими, которые придутъ на ихъ мѣсто!

Затѣмъ Ѳеденька съ головой окунулся въ бездну умѣреннаго либерализма и болѣе уже не выглядывалъ оттуда. Онъ разсказывалъ мнѣ о своихъ подвигахъ на поприщѣ постепеннаго преуспѣянія, о томъ, сколько требовалось осторожности, осмотрительности и даже самоотверженія, чтобы не погубить молодые, нѣжные всходы общественной самодѣятельности, и проч. и проч. Внимая рѣчамъ его, я очень мало понялъ, но въ то же время, въ первый разъ въ жизни, удивился ихъ мудрости. Меня какъ-то непривычно поразили звуки человѣческаго голоса. Я сравнивалъ эту ровную, гладкую, словно кантель тянущуюся рѣчь съ утробнымъ стенаніемъ золотниковъ, и вздыхалъ... почти плакалъ! И еслибъ у меня нашелся подъ руками лавровый вѣнокъ, я непремѣнно возложилъ бы его на чело этого пустопорожняго мудреца.

Все проходитъ, все измѣняется. Были идеи—онѣ переродились въ слова; были слова—они смѣнились безсвязнымъ, любострастнымъ стенаніемъ. Увы! намъ ужъ не до идей! Теперь мы съ сожалѣніемъ вспоминаемъ даже о словахъ, даже о тѣхъ скудно надѣленныхъ внутреннимъ содержаніемъ рѣчахъ, которыми отягощали намъ слухъ пустопорожніе мудрецы! Мы жалѣемъ объ нихъ, потому что въ нихъ, все-таки, слышались знакомые человѣческіе звуки. Представители бездоннаго краснорѣчія становятся въ нашихъ глазахъ любезными, даже великими; ибо если они не обладали идеями въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, то несомнѣнно, что у нихъ существовали нѣкоторые обрывки идей. Цѣпляясь за эти обрывки, можно было докопаться до исходнаго пункта, можно было хотя на время установить бродячую мысль оратора.

Увы! драгоцѣнные обрывки мысли исчезаютъ безслѣдно, исчезаютъ въ виду всѣхъ! Безсвязный гулъ, который издаетъ толпа „легковѣсныхъ“, не только не имѣетъ ничего общаго съ мыслью, но даже находится въ явно враждебныхъ къ ней отношеніяхъ. Коли хотите, анализируя этотъ гулъ пристальнѣе, вы, конечно, рискуете отыскать въ немъ нѣчто похожее на внутреннее содержаніе, но это внутреннее содержаніе тѣмъ только и отличается отъ наглой безсмыслицы, что

въ основѣ его лежитъ доходящая до остервенѣнія ненависть къ мысли. И тутъ уже нечего ждать ни суда, ни разбирательства: всякая мысль, каково бы ни было ея содержаніе, одинаково противна золотнику уже по тому одному, что она мысль, а не похоть, не вожделѣніе. Убѣжденія самыя разнообразныя, самыя противорѣчивыя уравниваются передъ безграничною злобой похотливой легковѣсности: всѣ они подлежатъ преслѣдованію и казни потому только, что напоминаютъ о существованіи ненавистной мысли.

Въ противность указаніямъ теоріи постепеннаго совершенствованія родовъ и видовъ, „легковѣсный“ побѣдоносно доказываетъ, что существуетъ на свѣтѣ такой видъ человѣка, который не только чуждъ закону совершенствованія, но даже способенъ возвратиться къ положенію первоначальной борьбы за существованіе. Трудно себѣ представить человѣка, который былъ бы вполнѣ свободенъ отъ мысли, который могъ бы чувствовать только голодъ, страдать только отъ любострастныхъ желаній и ощущать только физическую боль; однако, такой человѣкъ существуетъ. Это „легковѣсный“, это герой современности. Онъ изгналъ мысль изъ домашняго употребленія, онъ сверг-нулъ съ себя ея тягостное иго, и на этой побѣдѣ основалъ свое величіе. Посмотрите, какъ онъ волнуется; какъ онъ ловко, по временамъ, скользитъ, лавируетъ, а по временамъ и перескакиваетъ черезъ препятствія: какъ онъ подставляетъ ножку другимъ, подобно ему безконечно-малымъ, какъ онъ стремится, изгибается, цѣпляется... Взгляните впередъ, и вы навѣрное убѣдитесь, что тамъ, гдѣ-то, вдали, мотается *кусокъ*... Вотъ единственный поводъ, который заставилъ вспыхнуть пожаромъ вожделѣніе въ этомъ легковѣсномъ ничтожествѣ, вотъ единственная приманка, которая могла пробудить инстинкты его безконечно-малаго существа! Не подходите къ нему въ это время: онъ на охотѣ, онъ жируетъ и можетъ укусить.

Я встрѣтился недавно съ однимъ товарищемъ по школѣ. Ребенкомъ онъ былъ такъ-себѣ: не слишкомъ фискалилъ, подсказывалъ довольно удовлетворительно и даже по временамъ курилъ въ печку, хотя никогда не попадался. Идя разными дорогами, мы давно потеряли другъ друга изъ виду, какъ вдругъ я узрѣлъ его во всеоружіи! Оказалось, что онъ уже имѣетъ прочное общественное положеніе, что онъ заказываетъ платье у лучшихъ портныхъ, что кокотки, въ его присутствіи, пламенѣютъ и что въ будущемъ его, несомнѣнно, ожи-

дастъ блестящая перспектива. Взглядъ у моего друга дѣтства былъ смѣлый, свѣтлый, но ничего не выражающій, кромѣ пронзительности; тонъ голоса твердый и увѣренный.

— Какія же, однако, твои цѣли, мой другъ?—спросилъ я его.

— А ближайшая моя цѣль—съѣсть вотъ этотъ кусокъ ростбифа (дѣло было въ ресторанѣ),—сказалъ онъ мнѣ, и отъ предположенія тотчасъ же перешелъ къ исполненію.

— Но потомъ?

Онъ взглянулъ на меня, какъ будто изумился моему любопытству; однакожъ отвѣтилъ:

— А потомъ—мы выпьемъ, если хочешь, по стакану добраго лафита!

— Да... но не вся же жизнь тутъ... Вѣроятно, есть цѣли, есть убѣжденія...

Онъ опять взглянулъ на меня, но на этотъ разъ уже не съ изумленіемъ, а съ строгостью.

— Убѣжденія, любезный другъ?—сказалъ онъ мнѣ:—ты говоришь объ убѣжденіяхъ? Такъ я отвѣчу тебѣ на это, что убѣжденія могутъ имѣть только люди безпокойные. Мы—люди спокойные и довольные, мы не страдаемъ такъ-называемыми убѣжденіями, а видимъ и признаемъ только долгъ... ты понимаешь—*долгъ*! Мы стремимся и достигаемъ!

Сказавши эти слова, онъ величественно всталъ съ дивана, кивнулъ головой буфетчику и вышелъ изъ ресторана, не доѣвши даже своего завтрака. Я устремился ему во слѣдъ, чтобы спросить, что же, наконецъ, гнуснаго заключается въ словѣ „убѣжденіе“, но онъ былъ уже далеко! Я могъ любоваться только, какъ сверкала вдали его круглая, гладкая шляпа и мелькали по тротуару проворныя его ноги.

Я увѣренъ, что съ той достопамятной минуты онъ питаетъ ко мнѣ злобу непримиримую, и что представься удобный случай — онъ позабудетъ всѣ связи прошлаго и отомститъ-таки мнѣ за свой неудавшійся завтракъ.

Но воспоминанія увлекаютъ меня. Былъ у меня и другой товарищъ, по фамиліи Швахконфъ, по ремеслу баронъ. Спеціальность его состояла въ томъ, что онъ ни на одномъ языкѣ не имѣлъ таланта выражаться по-человѣчески, и всѣмъ и каждому жаловался, что у него нѣтъ въ головѣ никакой „мизль“ (мысль). Встрѣчаю на дняхъ

и его — тоже чуть не сплошь изукрашенъ алмазами общественнаго довѣрія; тоже—взглядъ, смѣлый, ничего не выражающій, кромѣ пронзительности; тоже—голосъ властный, увѣренный, способный выражать твердость и непреклонность.

— Ну что, какъ наша „мизль“?—спрашиваю я его по старой, закоренѣлой привычкѣ.

— Мой „мизль“—нѣтъ „мизль“!—отвѣтилъ онъ мнѣ съ такимъ уморительнымъ глубокомысліемъ, что я не вытерпѣлъ и бросился его цѣловать.

Передо мною воскресло далекое прошлое. Мнѣ вспомнилось, какъ этотъ добродушный Швахконфъ натуживался и потѣлъ въ поискахъ за мыслью, какъ мы, его неразумные товарищи, издѣвались надъ этими потугами и наперерывъ другъ передъ другомъ предлагали къ его услугамъ самыя изумительныя, самыя безпримѣрныя мысли. Стало быть, однако, этотъ человѣкъ чувствовалъ когда-то потребность мысли! стало быть, онъ сознавалъ, что безъ мысли не жить ему на свѣтѣ! И вдругъ, какой страшный переворотъ! „Моя мысль—нѣтъ мысли!“ Сквозь какое горнило сугубыхъ гнусностей долженъ былъ пройти этотъ простодушный субъектъ, чтобы придти къ такому отчаянному афоризму!

Безстыдство, какъ замѣна руководящей мысли; сноровка и ловкость, какъ замѣна убѣжденія; успѣхъ, какъ оправданіе пошлости и ничтожества стремленій—вотъ тайна вѣка сего, вотъ девизъ современнаго тріумфатора! „Прочь мысль! прочь убѣжденія!“ на всѣ лады вопіетъ побѣдоносное комариное воинство, и горе тому профану, который врѣжется въ этотъ сплошной рой съ своими такъ-называемыми idées de l'autre monde.

Таковы современные властители нашихъ думъ.

„Легковѣсный“ встрѣчается всюду, во всѣхъ кружкахъ такъ-называемаго общества. Вы его можете узнать по наглости взгляда, по искусственной развязности поступи, по плотоядному выраженію улыбки, по растлѣнной беззастѣнчивости рѣчей. Жаргонъ этой современной jeunesse dorée не просто ничтоженъ, но посрамителенъ для человѣческаго слуха. Это какой-то каскадъ нескладныхъ словъ, не соединенныхъ между собою никакою внутреннею связью и возбуж-

дающихъ въ собесѣдникѣ не отвѣтную работу мысли, а поползновенія похоти.

„Легковѣсный“ лѣнивъ, несмотря на свою юркость; неспособенъ, несмотря на то, что за все берется; невѣжественъ, несмотря на то, что никогда не краснѣетъ. И за всѣмъ тѣмъ онъ успѣваетъ. Онъ нагль и угодливъ въ одно и то же время, и своею открытой враждой къ мысли зарекомендовываетъ себя съ наилучшей стороны. Съ этимъ скуднымъ запасомъ онъ забираетъ все вверхъ и вверхъ, ничего не видя, ничего не понимая, не имѣя даже никакихъ цѣлей, кромѣ самаго процесса забиранія вверхъ. „Ты взялся за дѣло,—говорите вы ему.—но вѣдь ты понятія о немъ не имѣешь, ты даже въ первый разъ услышалъ о немъ въ ту минуту, какъ взялся за него!“ Но онъ не удостоитъ васъ даже отвѣтомъ на такую рѣчь; онъ просто посмотритъ на васъ съ своимъ простодушнымъ безстыдствомъ, какъ бы говоря: „чудакъ! да развѣ нужно понимать дѣло, чтобы браться за него!“

Единственное ремесло, по части котораго „легковѣсный“ искусенъ—это ремесло подтягиванья, подбиранія возжей и изготовленія ежовыхъ рукавицъ. Это ремесло простое, не требующее особенной расточительности умственныхъ богатствъ, но потому-то оно и оказывается по плечу „легковѣсному“. „Подтягивай!“ „поддавай!“ „держи на-готовѣ рукавицы!“—словно волнами несется изъ легковѣснаго лагеря, и дѣлается вчужѣ страшно за эту безграничную пустыню, которая такъ легко передаетъ изъ края въ край всякіе безсмысленные звуки!

— Mon cher!—говорилъ мнѣ на дняхъ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ подтягивателей:—mon cher! все это такъ расползлось, распустилось, что подтянуть слѣдуетъ непремѣнно.

Въ этой рѣчи нѣтъ ни одного слова, которое было бы не праздно, которое имѣло бы опредѣленный смыслъ, а между тѣмъ вы слышите ее чуть не на каждомъ шагу. Она говорится одними, подхватывается другими, и вотъ въ воздухѣ образуется густой столбъ подтягивательнаго смрада, смысла котораго вы не можете объяснить, но который потому-то и страшенъ, что къ нему нельзя подойти ни съ какой стороны. „Ужели Россія—это и есть та самая скотина, которую слѣдуетъ подтянуть?“ съ изумленіемъ спрашиваете вы себя.

Но это-то именно и несносно въ „легковѣсныхъ“. Очень ужъ

они невразумительны. Говорятъ все какія-то заштатныя, упраздненныя слова, а объясниться по поводу ихъ не могутъ. Не столько обидно самое предполагаемое подтягиванье, сколько неопредѣленность угрозъ и посуловъ. Неизвѣстно оружіе, неизвѣстно требованіе, неизвѣстно ни время, ни мѣсто—все это опутываетъ какимъ-то мракомъ, все поселяетъ безотчетное опасеніе. Пронесетъ или не пронесетъ? Помилуетъ ли Богъ или не помилуетъ?—вотъ трудные вопросы, надъ которыми мы ломаемъ многострадальныя наши головы и въ зависимость отъ которыхъ становится человѣческое спокойствіе.

Само собой разумѣется, что подобное положеніе не можетъ быть названо ни особенно блестящимъ, ни особенно твердымъ, ни особенно радостнымъ. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе уродливое, нежели жизнь, составленную изъ однихъ подтягиваній! трудно выдумать нигилизмъ болѣе безсодержательный, нежели этотъ дикovинный подтягивательный нигилизмъ! Неужто не все уже достаточно подтянуто? Ужели подтягивательная практика не завершила своего цикла?

Нѣтъ зрѣлища болѣе уморительнаго и въ то же время болѣе жалкаго, какъ зрѣлище „легковѣсныхъ“, когда они примутся разсуждать о принципахъ. Да, и у нихъ есть принципы, и даже „великіе принципы“—excusez du peu! Что̀ это за „принципы“?—это принципы! что̀ за „великіе принципы“?—это великіе принципы!—Вотъ все толкованіе, котораго вы добьетесь въ отвѣтъ на ваши запросы. Это просто заколдованный кругъ, въ которомъ подлежащее такъ же легко ставится на мѣсто сказуемаго, какъ и сказуемое на мѣсто подлежащаго. Это заштатныя, упраздненныя слова.

— Господа! принципы—прежде всего!—вопіетъ одинъ „легковѣсный“.

— Господа! надо спасти принципы! — вторитъ ему другой „легковѣсный“.

— Господа! надо ясно поставить принципы!—приглашаетъ третій.

„Принципъ, принципа, въ принципѣ, о принципѣ“—такъ и сыплется со всѣхъ сторонъ и изо всѣхъ устъ. О, тайна россійскаго праздпословія! Кто разгадаетъ тебя?

Намъ не въ первый разъ встрѣчаться въ жизни съ упраздненными словами, не въ первый разъ томиться подъ игомъ ихъ. Не

мало такихъ словъ произнесли въ свое время каплуны мысли: не мало произносится ихъ въ настоящую минуту; не мало предвидится этого добра и въ будущемъ. Но странно, что слова эти часъ отъ часу становятся глуше, неожиданнѣе и даже односложнѣе. Каплуны размазывали фразисто и угнетали съ помощью многоэтажныхъ періодовъ; теперь мы слышимъ легковѣсно-отрывистыя восклицанія: „поддавай! натягивай! подбирай!“ и проч. Ужели въ будущемъ мы осуждены на односложные звуки?

Одна изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ способностей „легковѣснаго“ — это способность проникновенія. Онъ не изобрѣтателенъ, не глубокомысленъ, не обладаетъ познаніями, и, при всемъ томъ, нѣтъ профессіи, въ которую не забрался бы этотъ духовный недоросль и въ которой не оставилъ бы онъ легкой погадки. Готовность и развязность замѣняютъ ему всевозможныя качества; онъ ни надъ чѣмъ не задумывается, ни передъ чѣмъ не останавливается, и неуклонною стопой шествуетъ въ храмъ славы съ единственною цѣлью снѣвѣжничать въ немъ. Существуютъ легковѣсные публицисты, легковѣсные романисты, легковѣсные администраторы, легковѣсные экономисты, моралисты, финансисты и т. д. Сколь разнообразны вольныя художества въ россійской имперіи, столь же разнообразны и профессіи легковѣсныхъ.

Призовите „легковѣснаго“ и велите ему написать романъ на тему: „Она приподняла подолъ“; онъ настрочитъ двадцать печатныхъ листовъ, и ни разу, на всемъ пространствѣ этой трудной, многострадательной путины, не сойдетъ съ своей темы. Онъ не засмотрится въ сторону, не увлечется ни умомъ, ни добродѣтелями своихъ героевъ: онъ исполнитъ заказъ въ точности, и когда принесетъ свое произведеніе, то вы, не читавъ его, уже почувствуете, что отъ него пахнетъ подоломъ.

Призовите „легковѣснаго“ и велите ему написать курсъ астрономіи на тему: „Пускай астрономы доказываютъ“ — онъ и это исполнитъ въ точности. Онъ докажетъ, что существуетъ на свѣтѣ даже астрономія легковѣсная, въ силу которой солнце восходитъ и заходитъ по усмотрѣнію околоточныхъ надзирателей, и когда принесетъ

свое сочиненіе, то вы, не читавъ его, почувствуете, что отъ него пахнетъ будкою.

Онъ докажетъ, что можно быть администраторомъ на тему: „По улицѣ мостовой“, финансистомъ—на тему: „Нѣтъ денегъ—передъ деньгами“, экономистомъ—на тему: „Бѣдность не порокъ“, моралистомъ—на тему: „Избраннѣйшія мѣста изъ сочиненій Баркова“. Нѣтъ для него недоступнаго, нѣтъ той трудной задачи, которую бы онъ не растлилъ легковѣсностью.

Это качество считается у насъ драгоцѣннымъ; на него указываютъ, какъ на вѣрнѣйшій залогъ того, что русская земля не оскудѣетъ дѣлателями. Безъ свѣдѣній, безъ приготовленія, съ одною развязностью, мы бросаемся въ пучину дѣятельности, тутъ тяпнемъ, тамъ ляпнемъ... И вотъ, при помощи этого безцѣннаго свойства, въ цѣлой природѣ нѣтъ мѣста, въ которомъ бы мы чего-нибудь не натяпали!

Полюбуйтесь, какъ играетъ на солнцѣ эта разноцвѣтная мошкара. Ни на мгновеніе она не останется спокойною, но все кружится, все жужжитъ. Если вы думаете, что это мошкара праздношатающаяся и бездѣльничествующая, то ошибаетесь: нѣтъ, это мошкара подвижничествующая и занятая, это мошкара безъ устали безлѣйствующая на тему: „По улицѣ мостовой“, и неуклонно морализирующая на тему: „Она приподняла немного подолъ“. Поймите, сколько должно быть у нея труда и заботъ! И какія потребны нечеловѣческія усилія, какой нуженъ кропотливый надзоръ за собою, чтобы ни разу въ продолженіе цѣлой жизни не промолвиться ни однимъ живымъ дѣломъ и не отступить ни на волосъ отъ заказной темы!

И послѣ этого выискиваются огорченные субъекты, которые позволяютъ себѣ увѣрять, что у насъ недостатокъ въ дѣятеляхъ! Помилуйте! да у насъ ихъ такое обиліе, что если всѣхъ спустить съ цѣпи, то они въ одну минуту готовы загадить все наше будущее!

Пойдите во всякое время на Невскій проспектъ—какъ они шаркаютъ и гремятъ, какъ пронзительно испытуютъ пространство, какъ гордо несутъ свои головы! Кто эти „они“? Это они, это строители нашего будущаго!

Загляните въ Михайловскій театръ во время представленія „La Belle Hélène“—какъ они стонутъ, какъ плещутъ руками, какъ визжатъ при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи, обнажающемъ

корпусъ г-жи Деверіа! Кто эти „они“? Это они, это строители нашего будущаго!

Прислушайтесь къ жужжанью нашихъ литературныхъ захолустьевъ—какъ они клевещутъ, какъ развязно формулируютъ всевозможныя обвиненія! Кто эти „они“? Это они, это строители нашего будущаго!

Вездѣ, гдѣ пахнетъ разложеніемъ, гдѣ слышится растлѣнное слово—вездѣ „легковѣсный“ является безпримѣрнымъ трудолюбцемъ и неутомимымъ строителемъ будущаго.

Ужели и сего не довольно? Ужели мы имѣемъ поводъ опасаться, что Русь когда-нибудь оскудѣетъ дѣятелями?

Нѣтъ, этого не будетъ. Родникъ, который источаетъ намъ „легковѣсныхъ“, такъ богатъ ключами и бьетъ такой сильной струей, что нѣтъ ни малѣйшаго повода ожидать, чтобъ онъ когда-нибудь истощился. Это правда, что „легковѣсные“—плотоядны и въ этомъ качествѣ охотно поѣдаютъ другъ друга, но, съ другой стороны, ихъ наготовлено такъ много и сами они такъ легко зарождаются, что возлагать какія-либо упованія даже на ихъ плотоядность было бы величайшею опрометчивостью.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что одинъ порядочный морозъ можетъ разомъ погубить безчисленное множество комаровъ; но это не даетъ права надѣяться, чтобы комариный родъ изгибъ на вѣки вѣковъ. Увы! достаточно одного пасмурнаго, влажнаго дня, чтобъ воинство возстановилось во всемъ своемъ составѣ, и даже болѣе полномъ и сильномъ, нежели когда-либо. Что нужды, что это будутъ иные, новые комары—все-таки, это будутъ не орлы, а комары, и интересоваться тѣмъ, какъ называются они по имени и отчеству, можетъ только праздное любопытство.

Такъ точно и „легковѣсные“. Они могутъ временно пропасть, но изгибнуть не могутъ. Въ ту самую минуту, когда вы считаете воздухъ навсегда очищеннымъ отъ нихъ, они уже гдѣ-то зарождаются, гдѣ-то взыграли, гдѣ-то роятся. Еще мгновеніе—и они уже носятся по полямъ и оврагамъ, они брыкаются и кусаютъ, и побѣдоносно гремятъ неизмѣнную пѣснь о подтягиваньи, которую повторяетъ за ними тысячеустое эхо...

IV.—Литературное положеніе.

Одинъ изъ самыхъ характеристическихъ признаковъ современности—это совершенно особенное положеніе литературы въ русскомъ обществѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ наше общество до того развилось и умудрилось, что уже не оно руководится литературою, но, наоборотъ, литература находится у него подъ надзоромъ. Завелись соглядатаи, наблюдатели, руководители и вдохновители, но болѣе всего развелось равнодушныхъ, которыхъ нельзя подкупить ни пріятнымъ словомъ, ни даже талантливостью и въ глазахъ которыхъ литература есть одна изъ тѣхъ прискорбныхъ и жалкихъ потребностей, которыя, подобно домамъ терпимости, допускаются въ обществѣ, какъ необходимое зло.

Было время, когда литература заявляла претензію на монополію мысли—это, конечно, было съ ея стороны нѣсколько затѣйливо; но, по крайней мѣрѣ, затѣйливость эта ставила званіе литератора на извѣстную высоту. Нынче на литературномъ рынкѣ оказывается такъ много продающихъ и такъ мало покупающихъ, что прежнія высоты, у всѣхъ на глазахъ, превращаются въ несомнѣннѣйшія низменности, а бывшій горделивый монополистъ мысли все больше и больше пріобрѣтаетъ отличительныя качества зайца.

Какихъ-нибудь четыре, пять лѣтъ времени—а какъ многое измѣнилось! Сколько умолкло, сколько попикло головами! Сколько, напротивъ того, выползло на Божій свѣтъ такихъ, которые и не надѣялись когда-либо покинуть тѣ темныя норы, въ которыхъ они безсильно злоумышляли!

Не подлежитъ никакому спору, что ремесло русскаго литератора вообще не можетъ похвалиться блестящимъ прошедшимъ. Мы всѣ еще помнимъ то время, когда мысль находилась подъ гнетомъ столь несомнѣнныхъ ограниченій, что читателю потребно было не мало усилій и изворотливости, чтобы побѣдить ту темноту и запутанность выраженія, на которую осуждено было слово. Это было, конечно, не ободрительно, но, по крайней мѣрѣ, писатель того времени зналъ, что у него есть публика, которая ищетъ его понять, зналъ, что нѣтъ въ Россіи того захолустья, въ которомъ бы не бились молодыя сердца,

не пламенѣла молодая мысль подъ впечатлѣніемъ высказаннаго имъ слова. Быть можетъ, это была случайность, но случайность, во всякомъ случаѣ, благопріятная. Вспомнимъ Грановскаго, Бѣлинскаго и другихъ, которыхъ имена еще такъ недавно сошли со сцены; вспомнимъ то движеніе мыслей и чувствъ, которому было свидѣтелемъ современное имъ поколѣніе, вспомнимъ увлеченія, восторги, споры... Вспомнимъ все это, и, взирая на современное умудрившееся общество, скажемъ: да! увлеченія безплодны, увлеченія легкомысленны, увлеченія больше всего преждевременны!

Современный литераторъ всего меньше „властитель думъ“: современный литераторъ—это парія, это почти прокаженный. Это существо забитое, вѣчно жмущееся къ сторонѣ; существо, коснѣющимъ языкомъ и съ безконечными оговорками сознающееся въ своемъ ремеслѣ. Его терпятъ, на него смотрятъ съ снисходительнымъ состраданіемъ потому единственно, что литература въ цѣломъ мірѣ признается какъ одна изъ функцій общественнаго бытія. Извѣстно, что когда общество создается, то въ основаніе его, по заведенному порядку, полагается множество разнаго рода матеріаловъ, изъ коихъ одни должны служить краеугольными камнями, другіе—орнаментами. Предполагается, что общество не можетъ существовать безъ благоустройства и благочинія, безъ народнаго продовольствія и народной нравственности, безъ справочныхъ и сложныхъ цѣнъ (сіи суть краеугольные камни), но, съ другой стороны, невозможно также допустить, чтобъ общество могло обойтись безъ наукъ и искусствъ (сіи суть орнаменты). Планъ начертанъ и апробованъ, и не исполнить его нѣтъ никакой возможности. Этотъ планъ, раздѣленный на множество клѣтокъ, заключаетъ въ каждой изъ нихъ либо краеугольный камень, либо орнаментъ, при чемъ строжайше наблюдается, дабы камни не смѣшивались ни между собою, ни съ орнаментами, такъ какъ подобное смѣшеніе можетъ нанести ущербъ отдѣлкѣ плана. Заключенный въ свою клѣтку, со всѣхъ сторонъ окруженный краеугольными каменьями, что можетъ совершить бѣдный, безпомощный литераторъ? на какіе подвиги онъ можетъ отважиться?

Очевидно, что подвиги эти не могутъ быть ни особенно интересны, ни особенно разнообразны. Какъ бы мы ни украшали клѣтку, все же изъ нея ни подъ какимъ видомъ не выйдетъ вселенной; какъ бы мы ни уподобляли поэта или публициста, сидящаго въ клѣткѣ,

орлу парящему или соловью, въ трелях изнемогающему, все же это будетъ только орелъ или соловей, то-есть, въ обоихъ случаяхъ, птица, которой и свойственны подвиги птичьи, а не человѣческіе.

Но это-то несомнѣнно и имѣлось въ виду при устроеніи общества по предначертанному плану. Предполагалось, что каждая клѣтка сохранитъ свою чистоту во всей ея первобытной безпримѣсности; что поэты, отнюдь не прикасаясь къ краеугольнымъ камнямъ, будутъ воспѣвать красоты природы, поздравлять съ именинами и писать мадригалы, акростихи, тріолеты и буриме; прозаики же, ораторы и публицисты предъявятъ образцы недерзостнаго краснорѣчія съ оттолчкой (одно изъ соловьиныхъ колѣнъ) и усугубленіемъ. Затѣмъ общество, съ своей стороны, за каждую удачную оттолчку, за каждый ловко скомпонованный тріолетъ будетъ жаловать по двугривенному. Понятно, что задуманная въ такомъ видѣ клѣтка литературы и искусствъ не могла изображать ничего иного, кромѣ клѣтки, изъ которой слышалась по временамъ трель соловья, а по временамъ свистъ скворца. Но, съ другой стороны, общество, платившее по двугривенному за мадригалъ, также не могло не замѣтить, что какъ ни пріятны для слуха оттолчки, усугубленія и трели, но во всякомъ случаѣ они далеко не столь увѣсисты, какъ тѣ булыжники, кои именуются краеугольными. Спора нѣтъ, хорошъ тріолетъ:

Лизета—чудо въ бѣломъ свѣтѣ...

но, въ сравненіи съ „учрежденіемъ губернскихъ правленій“, онъ далеко не выдерживаетъ даже снисходительной критики. Смекнувъ это, общество, естественно, пришло къ заключенію, что ремесло поэта, оратора и публициста есть ремесло пустое и легкомысленное, необходимое лишь для наполненія праздной клѣтки, во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ безполезное.

Этотъ взглядъ на литературу до такой степени укоренился въ обществѣ, что и до сихъ поръ большинство его очень неподатливо на уступки въ этомъ смыслѣ. Въ сущности, большинство цивилизованное и большинство нецивилизованное разнятся на этотъ счетъ очень немного. Если нецивилизованная толпа называетъ литератора „физикомъ голландскимъ“, то толпа цивилизованная видитъ въ немъ нѣчто въ родѣ трактирной арфистки, вѣчно голодной, и потому вѣчно и умильно кривляющейся. Это его существенное назначеніе, это де-

визъ той клѣтки, въ которую онъ посаженъ, и покуда онъ не выходитъ за предѣлы этого девиза, покуда онъ поздравляетъ, акростишествуетъ и изнемогаетъ въ треляхъ, толпа терпитъ его и даже смотритъ на его эквилибристическія усилія съ сострадательною благосклонностью.

Но за предѣлами девиза начинается ненависть.

Бываютъ такія минуты въ жизни обществъ, когда краеугольные камни вдругъ приходятъ въ движеніе и перемѣшиваются какъ бы подъ вліяніемъ волшебства. Для орнаментовъ это моменты самые опасные и соблазнительные, и благоразумнѣйшіе изъ нихъ именно такъ и взираютъ на это дѣло. Они еще глубже забиваются въ клѣтку и всѣ старанія свои употребляютъ на то, чтобы какъ-нибудь пропѣть совсѣмъ по-соловьиному. Не такъ бываетъ съ орнаментами юными и неопытными: они не понимаютъ опасности и прельщаются только соблазномъ. Видя, что большинство краеугольныхъ камней сдвинулось, они уже ни о чемъ больше не думаютъ, а открыто присоединяютъ свои голоса къ хору обывательскихъ голосовъ, празднующихъ побѣду. Странное зрѣлище являетъ тогда природа: птицы, простыя, ощипанныя птицы, начинаютъ изрекать человѣческіе глаголы, тыкаютъ носами въ кучу и извлекаютъ оттуда не червей навозныхъ и прочую благопотребную снѣдь, а какіе-то вопросы! Можно себѣ представить, какое дѣйствіе производитъ это зрѣлище на толпу, при укоренившемся въ ней убѣжденіи о безполезности и негодности птицъ ни къ какому разумному дѣлу!

Надо сказать правду: способность пѣть по-соловьиному и парить по-орлиному является здѣсь какъ нельзя болѣе кстати. Никогда никакой хоръ цивилизованныхъ подъячихъ не пропоетъ съ такою ясностью нѣсенки о значеніи того или другого краеугольнаго камня, съ какою сдѣлаетъ это любой птице-литературный хоръ. Тамъ, гдѣ подъячій недоумѣваетъ и путается въ пріисканіи надлежащихъ формулъ, птица-литераторъ не только отыскиваетъ самую суть булыжника, но тутъ же начертываетъ образъ, который наиболѣе для этой сути приличествуетъ. Это послѣднее качество, въ особенности, повергаетъ толпу въ безпредѣльное изумленіе. Толпа всегда и вездѣ лицемѣрна: она сидитъ, крѣпко уцѣпившись за свои булыжники, и закрывшись ими, какъ щитомъ, думаетъ, что, исполнивъ этотъ обрядъ, она исполнила все, что предписывается законами ходячей нравствен-

ности. Сверхъ того, она убѣждена, что ее никто не видитъ. И вдругъ выискивается цѣлый хоръ лиходѣевъ, который безцеремонно проникаетъ въ самое капище нашего потаеннаго разврата, который дѣлаетъ подробный инвентарь нравственному хламу, накопившемуся на днѣ капища, и, совершивъ все это, начинаетъ беззастѣнчиво взирать на насъ тѣми самыми глазами, которыми мы, и только мы одни, взирали на себя въ тѣ рѣдкія минуты, когда въ насъ пробуждалась совѣсть. И кто же эти лиходѣи? Кто эти безстрашные изслѣдователи нашего домашняго хлама? Это птицы, простыя, оцѣпанныя птицы!

Толпа протираетъ глаза и не можетъ придти въ себя. Ей нѣкоторое время кажется, что она слышитъ все тѣ же поздравительные стихи, но только въ новой, не совсѣмъ привычной для нея формѣ. Это время для птицъ самое льготное. Онѣ щелкаютъ, заливаются и свистятъ на всѣ лады и на всей своей волѣ; онѣ оперяются—оперяются, вспархиваютъ, машутъ крыльями и вдругъ взмываютъ вверхъ, очаровывая зрителей смѣлостью полета и обширностью описываемыхъ въ воздухѣ круговъ. Ничто не удовлетворяетъ ихъ: ни конопляное сѣмя, ни манная каша, ни жованный хлѣбъ; „мало! еще!“ свистятъ онѣ, разыгравшись. О, незабвенное зрѣлище! о, сладкія минуты птичьихъ надеждъ!

Но вотъ въ толпѣ начинается говоръ и слышится сдержанный ропотъ. Ея будущее казалось такъ свѣтло—и вдругъ она усматриваетъ въ немъ только птицъ, безъ толку наполняющихъ воздухъ щебетаніемъ. Она начинаетъ совѣщаться, переговариваться и злоумышлять; она знаетъ, что птицы безхитростны и безпечны, что онѣ никогда не умѣли отличить кормъ вольный отъ корма, разсыпаннаго кругомъ силковъ. Въ надеждѣ на эти птичьи качества, она ждетъ...

И дѣйствительно, случайно напущенный птицами мракъ мало-по-малу разсѣевается, и свѣтъ снова и безвозвратно вступаетъ въ права свои. Случая, простого случая достаточно толпѣ, чтобы, по-прежнему, занять тѣ позиціи, съ которыхъ она была временно сбита. И чѣмъ дряннѣе этотъ случай, тѣмъ радостнѣе хохочетъ толпа, тѣмъ неистовѣе плещетъ руками. „Птица-то! птица-то! смотри, какого напустила туману!“ воютъ современные фарисеи, все еще ощупывая себя и не вѣря глазамъ своимъ, что бока у нихъ невредимы.

— Ату его! ату-у-у-у!—вдругъ раздается побѣдный гласъ по всей линіи.

Съ той минуты, какъ раздался этотъ зловѣщій кликъ, скорогечное торжество литературныхъ птицъ уже кончилось. Захваченныя врасплохъ, свѣтозарныя одежды надаютъ сами собою, и передъ изумленными взорами любопытствующихъ предстоитъ простая птица, въ томъ видѣ, въ какомъ она должна быть въ самый цвѣтущій періодъ линянія, съ слегка пораженной головой и съ надломанными крыльями. „Ты не оправдалъ моего довѣрія! ты злоупотребилъ моимъ добродушіемъ!“ тычетъ въ укоръ толпа, и какъ ни темно подобное обвиненіе, но на сей разъ обыватели достаточно остроумны, чтобы не только постичь его, но и развить во всей ужасающей полнотѣ.

Нѣтъ ничего горчѣе и въ то же время нѣтъ ничего комичнѣе, какъ положеніе бѣдной, ощипанной птицы, которую упрекаютъ въ томъ, что она не оправдала довѣрія.

— Помилуйте! да я кружился, игралъ... я...—лепечетъ смущенный зябликъ-литераторъ.

— Врешь? ты не оправдалъ моего довѣрія! ты злоупотребилъ моимъ добродушіемъ!—продолжаетъ кричать толпа, не внемля никакимъ оправданіямъ.

И вотъ, на помощь этой толпѣ, изъ самой среды зябликовъ, отдѣляются опытныя охочія птицы и помогаютъ управиться съ злополучнымъ пернатымъ воинствомъ. „Мы не литераторы, кричатъ онѣ бойко и весело:—мы не имѣемъ съ литературой ничего общаго! Мы нѣли и свистали въ то время, когда литература сочиняла поздравительные стихи; теперь же мы просто благонамѣренные обыватели, пріобрѣвшіе нѣкоторую опытность въ формулированіи обвиненій!“

Для толпы подобныя охочія птицы — сущій кладъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите любого изъ нашихъ обывателей; пойдите во всякое время на Невскій проспектъ и отдѣлите отъ этого праздношатающагося стада какого хотите субъекта — что вы получите?—вы получите извозчика по убѣжденіямъ, извозчика по развитію, извозчика по надеждамъ и стремленіямъ! Какое дѣло извозчику до литературы, до умственнаго труда вообще? Можетъ ли интересовать его что-нибудь, находящееся внѣ самаго простого брюшного матеріализма? Могутъ ли эти первоначальные организмы, эти сектаторы брюхопоклонничества чѣмъ-нибудь тревожиться, особливо въ тѣ ликующія минуты, когда двери ресторановъ отворены настежь, а камеліи и кокотки такъ и шмыгаютъ по торцовой мостовой? Ежели они и по-

дозрѣваютъ, что въ движеніи мысли скрывается нѣчто для нихъ зловредное, то подозрѣваютъ это смутно: формулировать же и даже излагать свои опасенія не могутъ. Понятно, какъ кстати являются тутъ на выручку охочія птицы. Иныя изъ нихъ за двугривенный, другія—просто за сладкій пирожокъ, одинъ—съ сугубымъ ехидствомъ, другія—просто по невѣдѣнію, но въ окончательномъ результатѣ каждая и во всякомъ случаѣ можетъ подать дѣловой совѣтъ, каждая укрѣпитъ и наставитъ, каждая съумѣетъ сформулировать противъ чего угодно и какое угодно обвиненіе.

И вотъ начинается спѣшная и дѣятельная работа: охочія птицы устраиваютъ гласныя и негласныя гнѣзда, и, засѣвши въ нихъ, съ прилежностью и азартомъ приступаютъ къ дѣлу обострѣливанія литературы...

. . . . . .

Но отвратимъ взоры отъ этого плотояднаго зрѣлища и спросимъ себя: ужели, въ самомъ дѣлѣ, двугривенный или сладкій пирожокъ имѣютъ столь значительную внутреннюю цѣнность, чтобы за сію мзду стопло отдавать на поруганіе дѣло мысли?

И виновата ли мысль въ томъ, что она не останавливается, что она обладаетъ способностью проникновенія, что она ищетъ постичь и усвоить себѣ явленія жизни?

Или забыты всѣ преданія? или понятія о литературной честности и приличіяхъ до такой степени упростились, что пѣтъ болѣе ни препятствій, ни преградъ для подвиговъ благоустройства и благочинія?

Ужели и съ какихъ именно поръ мысль пріобрѣла свойства разрывной бомбы? Ужели, не шутя, отъ нея слѣдуетъ ожидать не обновленія, а обветшанія и смерти общества?

Ужели, наконецъ, охочіе люди не понимаютъ, что, ругаясь надъ мыслью, отдавая ее на пронятіе, они косвеннымъ образомъ ругаются надъ самими собою, ибо и они, хоть въ прошедшемъ, хоть въ дѣтски-поздравительныхъ формахъ, а все-таки были причастны дѣлу мысли?

Ужели все это не сказка, не безобразный сонъ, а горькое свидѣтельство голой дѣйствительности?

Но будемъ снисходительны къ двугривенному; эта монета, хотя и малая, все-таки доступна для пониманія, ибо представляетъ собою извѣстное число фунтовъ хлѣба. Для здороваго соглядатая, котораго желудокъ снабженъ жерновами, требующими безпрерывной ра-

боты, и который, сверхъ того, обязанъ моціономъ, это обстоятельство очень важное. Бѣдность и сила аппетита одни могутъ въ этомъ случаѣ опредѣлить мѣру человѣческихъ подвиговъ, одни могутъ провести ту черту, за которою начинается вмѣняемость. Но что сказать о тѣхъ износившихся, но сытенькихъ старичкахъ, которые каверзничаютъ и предаютъ изъ-за сладенькаго пирожка? Ужели они не понимаютъ, что у нихъ даже зубовъ нѣтъ, чтобы съѣсть этотъ лакомый кусокъ?

Повторяемъ, толпа не имѣетъ надобности въ обвинительныхъ органахъ—ихъ въ достаточномъ количествѣ выдѣляетъ сама литература. Подвижники этой новаго рода благонамѣренности въ совершенствѣ понимаютъ свое ремесло и приступаютъ къ нему съ осмотрительностью и знаніемъ дѣла, заслуживающими лучшей участи. Съ одной стороны, они вполнѣ знаютъ, чего именно хочетъ толпа, и какого рода обвиненія соотвѣтствуютъ мѣрѣ ея роста; съ другой стороны, имъ небезъизвѣстны и нѣкоторыя провинности литературы, которыя, будучи приведены въ соотвѣтствіе съ ростомъ толпы, могутъ дать пищу свойства несомнѣнно уголовнаго. И такъ это удобно устраивается, что толпѣ остается только изрекать приговоры и приводить ихъ въ исполненіе.

Насытившись зрѣлищемъ подниманія ногъ, посрамивши слухъ соотвѣтственною бесѣдою, толпа любитъ поговорить о нравственности, о томъ, какой она представляетъ важный рычагъ въ обществѣ, и какъ она въ особенности необходима... въ простомъ классѣ.

— Для нихъ вѣдь это одно утѣшеніе! —мудрствуетъ одинъ.

— Не столько утѣшеніе, сколько узда!—изрекаетъ другой.

— И утѣшеніе-съ, и узда-съ!—рѣшаетъ третій.

Что нужды до того, что разсужденія эти своею азбучностью напоминаютъ знаменитое изреченіе Подколесина: „да, брать, жениться —это не то, что: эй, Иванъ! сними сапоги!“—охочая птица очень хорошо понимаетъ, что хочетъ толпа, и что она хлопочетъ собственно объ охраненіи нравовъ... въ простомъ классѣ! и, смѣтивъ это, спѣшитъ обвинить литературу въ безнравственности.

Наругавшись до отвала надъ русскимъ именемъ и у себя, и за границей, наговорившись вслласть о безнравственности, невѣжествѣ и грубости русскаго мужика, толпа охотно предается на досугѣ словеснымъ излія̀ніямъ о сладостяхъ патріотизма, о томъ, какъ это чув-

ство возвышаетъ душу и какъ, въ особенности, необходимо развивать его... въ простомъ классѣ.

— О, родина святая!
Тебя я вижу вновь! —

гремитъ цивилизованная толпа, кстати припомнивъ куплетъ изъ водевиля „Матросъ“.

— A tous les coeurs bien nés que la patrie est chère! —

вторитъ хоромъ другая, такая же цивилизованная толпа.

— Да-съ, для нихъ-съ, для этихъ sauvages—это единственная узда-съ!—рѣшаетъ какой-нибудь нищій духомъ, исправляющій на время должность мудреца.

Охочая птица слышитъ это и начинаетъ уразумѣвать, что толпѣ почему-то желательно распространеніе патріотическихъ чувствъ... въ простомъ классѣ. Не ясно ли, что тутъ какъ нельзя болѣе кстати обвинить литературу въ пропагандѣ космополитизма!

Изворовавшись въ концѣ, изнемогая подъ бременемъ неправыхъ стяжаній, толпа съ удвоеннымъ удовольствіемъ бесѣдуетъ о сладостномъ чувствѣ собственности, о томъ, что въ немъ заключается единственное твердое основаніе всякаго общества, о томъ, какъ грустно, какъ неутѣшительно, что такое высокое чувство такъ мало укоренилось... въ простомъ классѣ.

— А вѣдь это единственная узда! — вѣщаетъ общественный мудрецъ, въ арсеналѣ котораго, повидимому, накоплено столько уздъ, что ими легко можно взнуздать цѣлую вселенную.

Охочая птица, сейчасъ только получившая двугривенный, конечно, не можетъ не раздѣлять этихъ сожалѣній. Опасаясь за цѣлость своей подачки, она трепещетъ, волнуется, негодуетъ. Результатомъ этихъ волненій оказывается обвиненіе въ неуваженіи къ собственности и въ распространеніи пагубнаго коммунизма.

Нужно ли продолжать этотъ перечень плодовъ досуга толпы и тѣхъ напастей, поклеповъ и обвиненій, которыя возникаютъ изъ нихъ для литературы?

Каждая новая минута приноситъ новое обвиненіе, новую клеузу на голову бѣдной литературы! устрашенные и убѣжденные, брюхопоклонники роютъ копытами землю, сверкаютъ глазами, скрежещутъ зубами и показываютъ кулаки.

— Га!—урчатъ они:—такъ вы вотъ какъ! такъ-то воспользовались вы нашимъ довѣріемъ! вы хотѣли посягнуть на священные принципы семейства и собственности! вы хотѣли отдать на поруганіе святое пламя любви къ отечеству! такъ мы же съумѣемъ поставить васъ въ надлежащія границы! съумѣемъ привести къ одному знаменателю.

И затѣмъ наступаетъ эпоха приведенія литературы къ одному знаменателю, которая собственно и составляетъ нашъ золотой вѣкъ наукъ и искусствъ.

Куда исчезли таланты? спрашиваютъ уцѣлѣвшіе тамъ и сямъ ревнители литературы.—Приведены къ одному знаменателю.—Куда дѣвалась бодрая и смѣлая русская мысль? — Приведена къ одному знаменателю.—Куда скрылось живое, образное русское слово?—Приведено къ одному знаменателю! И что̀ это за прелестное, для всѣхъ одинаково ясное выраженіе! Съ какою простотою оно устраняетъ всѣ возраженія, разъясняетъ всѣ сомнѣнія!

Журналы, бывшіе нѣкогда проводниками и возбудителями русской мысли, хирѣютъ и чахнутъ; тѣ рѣдкія книги, какія появляются, —свидѣтельствуютъ о полнѣйшей несамостоятельности русской мысли.

Пристыженный и сконфуженный, писатель самъ начинаетъ сомнѣваться: не обманулъ ли онъ и впрямь довѣрія публики? Дѣйствительно ли было дано ему это довѣріе и на что̀ уполномочивался онъ имъ? Оказывается, что довѣрія никакого и никогда не было, что ежели онъ одно время кружился и взмывалъ, то это было просто дѣло случая—и ничего больше. Откуда же эти упреки? откуда это злобное урчаніе? Въ виду всякаго рода западней и ловушекъ, писатель невольно стушевывается, измѣняетъ прежней искренности, дѣлается робокъ, не знаетъ, на какую ногу ступить. Что̀ ни шагъ, то улика; что̀ ни слово, то подвигъ благочинія. По неволѣ, мысль теряетъ всякую бодрость и, въ отчаяніи, даже пробуетъ стать на стезю рутины. Но здѣсь новая неудача: рутина поражена смертью, рутина противна; нѣтъ средствъ приступиться къ ней, не рискуя наложить руку на собственную свою дѣятельность. Что̀ жъ остается? остается проникнуться тѣми отличительными свойствами зайца, о которыхъ говорено выше.

Но чѣмъ смиреннѣе становится бѣдный писатель, чѣмъ запутаннѣе и робче выступаетъ его мысль, тѣмъ обширнѣйшее представ-

ляется поле для подозрѣній и инсинуацій. У брюхопоклонника, между множествомъ постыдныхъ слабостей, есть одна очень пагубная—это убѣжденіе, что онъ хитеръ и что его не проведешь ни подъ какимъ видомъ. Это общая слабость людей недалекихъ и неразвитыхъ, которые весьма часто, задавшись подобною мыслью, поступаютъ наперекоръ не только здравому смыслу, но и собственнымъ своимъ выгодамъ. Одержимый опасеніемъ, что его хотятъ надуть, брюхопоклонникъ заранѣе видитъ во всякомъ писателѣ человѣка, начиненнаго разрывнымъ составомъ, и ежели ему доказываютъ, что писателей больше нѣтъ, а есть быстроногіе зайцы, то онъ совершенно основательно возражаетъ: „эге! меня, друзья, не проведешь! я-то вѣдь очень хорошо понимаю, что все это львы, инкогнито жирующіе въ маскарадѣ подъ личиною зайцевъ!“ Затѣмъ никакія дальнѣйшія увѣренія ни къ какому результату привести не могутъ.

И снова начинается поставленіе въ надлежащія границы, снова проповѣдуется теорія приведенія къ одному знаменателю, подкрѣпляемая, для большей убѣдительности, теоріей ежовыхъ рукавицъ, теоріей макаровъ, гдѣ-то телятъ не гоняющихъ, и воронъ, куда-то костей не заносящихъ...

Казалось бы, при такой обстановкѣ, давно бы сгинуть и пропасть слѣдовало—такъ нѣтъ! Есть какая-то нелѣпая живучесть въ этомъ постыломъ литературномъ ремеслѣ, есть въ немъ нѣчто такое, совершенно неуловимое и необъяснимое, что такъ и манитъ впередъ и впередъ, какъ манитъ какого-нибудь прохожаго праздная куча народа, собравшагося на мосту. Продирается бѣдняга сквозь толпу: мнутъ ему бока, обзываютъ нелегкими именами... и вотъ онъ, наконецъ, у цѣли! Смотритъ внизъ, а тамъ вода и на поверхности ея—пузыри!

Зачѣмъ онъ шелъ?

Да; никогда еще литература не была такъ приниженна, такъ покинута, какъ въ настоящее безпутно-просвѣщенное и безцензурное время. „Довольно!“ кричатъ со всѣхъ сторонъ общественные мудрецы, и такова рѣшительная сила этого оклика, что никому не приходитъ даже на мысль отнестись къ нему безъ вниманія.

— Да помилуйте же!—могутъ намъ возразить:—что же чи-

тать? чѣмъ увлекаться? Старыя литературныя силы подорвались сами собою: новыхъ, свѣжихъ талантовъ не нарождается—не поощрять же литературу изъ-за того только, что тутъ примѣшалось названіе литературы!

Совершенно справедливо; литература дѣйствительно обновляется слабо и медленно; она не представляетъ въ настоящую минуту ни особенно сильныхъ дѣятелей, ни увлекающихъ толпу талантовъ. Но не оттого ли происходитъ это, что въ публикѣ исчезъ даже самый вкусъ къ литературѣ? не оттого ли, что публика всѣ предпочтенія свои направила совсѣмъ въ другую сторону, едва ли не совершенно противоположную интересамъ и сущности литературнаго дѣла?

Вспомнимъ сороковые годы; вспомнимъ, что и тогда литература наша, съ формальной стороны, была далеко не въ бѣломъ тѣлѣ, что тогда даже существовали для нея такія ограниченія, которыхъ теперь и въ поминѣ нѣтъ—и что же? она, все-таки, дѣлала свое дѣло; не чувствовалось недостатка въ дѣятеляхъ, слово не было поражено безсиліемъ и вялостью, мысль работала и протѣснялась наружу, несмотря на непрерывную цѣпь силковъ. Отчего же въ то время могъ существовать подобный фактъ! А оттого, милостивые государи, что публика относилась къ литературѣ сочувственно, и, въ виду этого сочувствія, безсиліе поражало не литературную профессію, а тѣ ограниченія, которыя были противъ нея направлены. Нѣтъ сомнѣнія, что это же сочувственное отношеніе публики обусловливало и появленіе новыхъ литературныхъ дѣятелей, ибо дѣятели не нарождаются внезапно, но появляются или не появляются въ прямомъ соотвѣтствіи съ запросами публики.

Нынѣ ограниченіе даже сравнительно слабое падаетъ на писателя двойнымъ гнетомъ: во-первыхъ, какъ ограниченіе, а во-вторыхъ, какъ предметъ издѣвокъ и нотѣхъ для разгулявшейся публики. Писатель въ бѣдѣ! да это такое лакомое увеселительное зрѣлище, съ которымъ можетъ развѣ сравниться зрѣлище канканирующей „Belle Hélène“.

— А посмотримъ, какъ-то ты теперь заноешь!—урчатъ одни расходившіеся брюхопоклонники.

— Посмотримъ, какъ-то ты станцуешь!—вторятъ другіе.

— Поджаривай его! поджаривай!—воютъ третьи.

Согласитесь, милостивые государи, что, при подобныхъ поощре-

нихъ, можетъ быть рѣчь только о самосохраненіи, а отнюдь не о новыхъ литературныхъ подвигахъ.

Нерѣдко случается слышать, что современному обществу не до литературы, что вниманіе его поглощено интересами иного, высшаго рода, что оно устраивается и собирается, что въ немъ безпрерывно становятся на очередь вопросы, разрѣшеніе которыхъ, по необходимости, стоитъ на первомъ планѣ, такъ какъ съ этимъ связано обезпеченіе будущей организаціи общества.

Похвально. Никто не будетъ спорить, что ежели общество занято устройствомъ своего будущаго, что ежели думы его направлены къ тому, чтобы начавшееся въ этомъ смыслѣ движеніе не осталось, по его безпечности, безплоднымъ, то, само собой разумѣется, что интересы литературнаго дѣла должны... но нѣтъ! почему же, однако, они *должны* отойти на второй, или, лучше сказать, на послѣдній планъ? Почему же литературѣ не сказать и свое слово объ этихъ *иныхъ, важныхъ* интересахъ, которые занимаютъ общество? Почему участіе ея въ этомъ дѣлѣ признается пзлишнимъ и чуть ли не вреднымъ? Почему уровень мысли литературной считается болѣе низменнымъ, нежели уровень мысли обывательской! Вотъ, милостивые государи, тѣ вопросы, на которые естественно наталкивается мысль, и которые мы охотно предлагаемъ вашему премудрому разрѣшенію.

Съ своей стороны, слѣдуя указаніямъ простого здраваго смысла, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что участіе литературы не только не должно мѣшать обществу въ его заботахъ объ организаціи, но даже способно оказать ему существенную въ этомъ смыслѣ помощь. Обыватели вообще легко успокоиваются: нерѣдко случается даже, что они хватаются за сваливпуюся къ нимъ съ неба манну для того единственно, чтобы пріобрѣсть въ ней приличный предлогъ для успокоенія. „Ахъ, какъ мы заняты! даже потъ градомъ льетъ!“ охотно повѣствуетъ обыватель, изыскивая тысячу хитросплетенныхъ маневровъ, чтобы скрыть отъ слишкомъ любопытныхъ взоровъ, что онъ занятъ совсѣмъ не дѣломъ, а успокоеніемъ. И затѣмъ, выставивши однажды на показъ свои труды и заботы, утвердивши между всѣмъ брюхопоклонниками свою репутацію трудолюбца, онъ уже не стѣсняется постановкой дальнѣйшихъ вопросовъ, въ родѣ нижеслѣдующихъ: „да помилуйте, до того ли намъ!“ — „да увольте! развѣ вы не видите?“ и т. д.

Занятіе, заключающееся единственно въ тревогѣ о занятіи, трудъ, заключающійся въ заигрываніи съ трудомъ—вотъ та сладкая, неоцѣненная штука, къ которой всякій стремится обыватель всѣми силами души своей. Это счастливѣйшее изъ всѣхъ возможныхъ разрѣшеній той неразрѣшимой задачи о вѣчномъ, невозмутимомъ покоѣ, которая съ дѣтства составляла предметъ его пламеннѣйшихъ мечтаній. Если я сегодня, ложась на ночь, въ блаженномъ самодовольствѣ восклицаю: „Господи! что за время! что за тревожное время! и сколько предстоитъ впереди труда!“ — то кто же можетъ воспретить мнѣ и завтра, ложась на ночь, предаться подобнымъ же блаженнымъ восклицаніямъ? Такимъ образомъ, игра въ трудъ можетъ продлиться безконечное время, и труда, все-таки, не будетъ. „Устраиваемся! организуемся! хлопотъ полонъ ротъ! занятій по горло!“—вотъ твердокаменная крѣпость, неприступить которой даже генію Вобана изобрѣсти трудно. Подите, вытаскивайте оттуда обывателя, однажды какъ онъ забрался въ нее! Кто обладаетъ клещами, достаточно для того цѣпкими? Кто можетъ совершить такой подвигъ?

Этотъ подвигъ способна и можетъ совершить одна литература. Тамъ, гдѣ обыватель только тревожится и сомнѣвается одинъ-на-одинъ съ самимъ собою, литература формулируетъ свою мысль ясно и во всеуслышаніе: тамъ, гдѣ обыватель видитъ только предлогъ, чтобы поплотнѣе вылежаться, литература усматриваетъ возможность дальнѣйшаго движенія и развитія, и указываетъ на нее. Что въ силахъ совершить разрозненныя, полусонныя единицы, ежели у нихъ нѣтъ арены, на которой могла бы свободно вырабатываться общая руководящая мысль? Что могутъ эти единицы даже въ томъ случаѣ, если у нихъ и есть такая арена, но арена односторонняя, заражен-ная ненавистью, нетерпимостью и исключительностью? Очевидно, что имъ будетъ предстоять только безъ конца восклицать: „Господи! сколько дѣла! сколько дѣла!“ Но ежели между ними найдутся люди добросовѣстные, то они навѣрное къ этому восклицанію прибавятъ: „и ничего-то вѣдь я не дѣлаю, ни къ чему-то не приступаюсь, да и приступиться, признаться, не могу!“

Такимъ образомъ, отсутствіе руководящей мысли, бѣдность и недостаточность разработки, боязнь анализа—вотъ совершенно достаточныя причины для объясненія того повальнаго равнодушія, которое точитъ наше общество даже относительно самыхъ близкихъ ему инте-

ресовъ. „Да; не къ одной литературѣ безучастно наше общество, но и къ тому дѣлу организаціи, о которомъ оно такъ безпрерывно и надоѣдливо толкуетъ. Скажемъ больше: очень можетъ статься, что и литературу постигло общественное равнодушіе именно потому, что область, которую постепенно захватываетъ послѣднее, сдѣлалась до того несоразмѣрно обширною, что въ нее неминуемо попадаетъ все, встрѣчающееся на дорогѣ. Говорятъ, что старые порядки слишкомъ туго поступаются, что горячая дѣятельность въ этомъ туго-уступленномъ была бы равносильна устраненію бури въ стаканѣ воды, что самолюбію обывателя нелестно устраняться тамъ, гдѣ уже все устроено безъ него, и т. д. Но гдѣ же, однако, видано, чтобы старые порядки поступались щедро и даже помимо заявленій обывателей? Гдѣ видано, чтобы прекрасная пословица „по Сенькѣ шапка“ прилагалась наоборотъ? Гдѣ найдется примѣръ, чтобъ прежде устраивали шапку, а потомъ прилаживали къ ней Сеньку? Очевидно, что ничего подобнаго нигдѣ не видано и не слыхано, что обдѣлывать Сеньку по шапкѣ противно даже всѣмъ правиламъ человѣколюбія. Очевидно также, что всѣ эти объясненія причинъ общественнаго индифферентизма суть не что иное, какъ недобросовѣстные изгороты, направленные къ защитѣ чего-то другого, въ чемъ намъ неудобно всенародно сознаться.

Въ сущности, мы защищаемъ одно—нашу исконную безпечность и праздность. Въ этомъ заключается вся загадка нашего безсознательнаго индифферентизма, все объясненіе, почему этотъ индифферентизмъ относительно литературы возвышается, по временамъ, до ненависти. Но даже и эта ненависть не можетъ претендовать на названіе силы, несмотря на то, что иногда она дѣйствуетъ безспорно язвительно. Это просто на-просто сила безсилія.

Теперь понятно, почему намъ такъ противна литература. Она претитъ намъ потому, что ей самой, какъ представительницѣ мысли противно наше умственное безсиліе, наша праздность, наши со дня-на-день оттягаемые посулы дѣятельности. Мысль не можетъ имѣть въ глазахъ нашихъ особенной привлекательности уже по тому одному, что, забравшись однажды въ голову, она тревожитъ и понуждаетъ. „Буря въ стаканѣ воды!“—да ошибемся же хоть разъ правдою и отвѣтимъ искренно: сами-то видимъ ли мы что-нибудь далѣе этого стакана! И можемъ ли мы, по совѣсти, отрицать, что этотъ стаканъ

воды не есть единственное внутреннее море, которое доступно нашимъ силамъ и нашему кругозору?

Литературное ремесло окажется еще болѣе невыгоднымъ, ежели мы примемъ въ соображеніе, что въ понятіи толпы слово литераторъ есть не что иное, какъ глухой псевдонимъ. Толпа, вообще и вездѣ, не отличается прозорливостью; она съ трудомъ отличаетъ друзей отъ недруговъ и въ большинствѣ случаевъ даже не понимаетъ, какимъ образомъ между ею и литературой могутъ образоваться отношенія доброжелательныя или злокозненныя. У насъ это явленіе обнаруживается въ формахъ еще болѣе яркихъ и рѣзкихъ. У насъ и такъ-называемая цивилизованная толпа не всегда умѣетъ опредѣлить физіономію писателя, даже еслибъ онъ пользовался и извѣстностью и ея благоволеніемъ (конечно, мы говоримъ здѣсь о массѣ общества, а не о тѣхъ газетно-журнальныхъ ницейкахъ, которые вникаютъ въ дѣятельность писателя даже сверхъ необходимой пропорціи).

Но это было бы еще не важно, еслибъ недостатокъ проницательности касался исключительно личности того или другого писателя: это было бы только прискорбно для его самолюбія — не больше. Но очевидно, что тутъ идетъ рѣчь совсѣмъ не о личности писателя, а именно о мысли, которой эта личность служитъ представительницею. Очевидно, что тутъ прежде всего не понимается мысль, а затѣмъ ужъ утопаетъ въ туманѣ и физіономія писателя. Спрашивается: возможно ли, при такой туманности представленій, ожидать преданнаго отношенія къ мысли? возможно ли надѣяться, чтобъ общество когда-нибудь заявило о своей устойчивости въ интересахъ мысли?

Первое естественное послѣдствіе такой шаткости отношеній обнаруживается въ томъ, что писатель, не имѣя въ виду данныхъ для опредѣленія, къ кому именно обращается его слово, почти всегда дѣйствуетъ на удачу. Можетъ случиться, что слово это падетъ на почву добрую и возроститъ плодъ добрый, но можетъ случиться и такъ, что слово падетъ въ навозъ и возроститъ крапиву. Тутъ, стало быть, ужъ не до прозелитизма, когда дѣло идетъ объ отсутствіи даже той простой понимающей среды, безъ которой дѣятельность писателя есть дѣятельность, вращающаяся въ пустотѣ. А второе естественное послѣдствіе вотъ какое: когда писатель, случайно или неслучайно, под-

падаетъ оналѣ общества, когда его настигаетъ невзгода, то тутъ ужъ не только нѣтъ рѣчи о друзьяхъ или недругахъ, но просто-на-просто всѣ обыватели безразлично сливаются въ одинъ хоръ, и всѣ едиными устами воютъ: „ату его! крѣпче! крѣпче! вотъ такъ!“ И такимъ образомъ выходитъ, что человѣкъ сей, который наивно мнилъ, что защищаетъ чьи-то интересы, отстаиваетъ чье-то человѣческое достоинство, нерѣдко оказывается первѣе всего поруганнымъ отъ своихъ естественныхъ кліентовъ!

Результатъ нежеланный, но далеко не столь неожиданный, чтобъ его нельзя было предвидѣть заранѣе.

Торжество силы еще отнюдь не утратило въ глазахъ толпы, рѣшительнаго своего вліянія. Въ сущности, ей очень мало дѣла до внутренняго содержанія торжества: ей нравятся его внѣшнія декораціи, ей нравится тотъ блескъ и шумъ, которыми, по принятому обычаю, сопровождаются всякія потоптанія, подавленія и поруганія. Труба трубитъ, штандартъ скачетъ, а затѣмъ Гарибальди или Францискъ въѣзжаетъ въ Неаполь — толпа одинаково зѣваетъ, одинаково плещетъ руками. Но ежели уже въ этихъ, такъ сказать, парадныхъ случаяхъ, толпа безразлично относится къ предметамъ своихъ восторговъ (благо есть торжество), то понятно, каковы должны быть эти восторги при видѣ торжества всецѣлаго, торжества безъ промаху, торжества, не испытывающаго даже возраженія! И что намъ древній Римъ съ его Сципіонами, Цезарями, Катонами? Развѣ у насъ мало найдется своихъ Цезарей, своихъ Катоновъ... вскормленныхъ на лонѣ управы благочинія!

Этихъ безъ пороху палящихъ Цезарей, этихъ Катоновъ, клянущихся гибелью новому Карѳагену — литературѣ, развелось нынѣ болѣе, даже нежели указываетъ потребность самая прихотливая. Нѣтъ того ничтожнѣйшаго гранителя мостовыхъ, который бы не сверкалъ глазами, не чувствовалъ прилива негодованія, котораго уста не изрыгали бы хулу при одномъ упоминаніи о литературѣ. „Литература — это развратный домъ; литература — это систематическая пропаганда анархіи; литература — это организованное посягательство на жизнь и спокойствіе общества!“ — вотъ что вѣщаютъ новые Катоны-чревовѣщатели, и толпа, внимающая этимъ мудрымъ вѣщаніямъ, не только не задается вопросомъ: какимъ же образомъ, однако, мы живы? — но любитъ подобныхъ глашатаевъ истины, благоговѣетъ передъ ихъ

безотчетнымъ мужествомъ и нанимаетъ охочаго-зяблика-гимнослагателя, который, за умѣренную плату, готовъ пѣть и славу, и срамъ своего отечества.

Толпа не только раболѣпна, но и труслива. Писатель, который, по самому свойству своей дѣятельности, можетъ вліять на нее только нравственно, прежде, нежели всякій другой, убѣждается въ этой истинѣ. Еще вчера онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ баловня фортуны, еще вчера около него тѣснился кружокъ людей, громко заявлявшихъ о сочувствіи—и вотъ достаточно одной минуты, чтобы поставить его въ то нормальное одиночество, изъ котораго, при извѣстныхъ условіяхъ жизни, ему не надлежало и выходить. Эту минуту—вы можете не только предугадать, но даже почти осязать. Она идетъ на васъ въ образѣ доносительно-прожорливой щуки, при видѣ которой, подобно брызгамъ, брызнутъ во всѣ стороны рѣзвящіеся вкупѣ пискари.

Мѣстность, надъ которою разразился подобный щучій погромъ, дѣлается на долгое время неспособною для произрастанія иныхъ злаковъ, кромѣ волчцовъ и крапивы. Обыватели злопамятны: они изъ поколѣнія въ поколѣніе передаютъ разсказы о мученической смерти, постигшей окуней, и остерегаютъ птенцовъ своихъ отъ общенія съ литературой. Мыслебоязнь становится лозунгомъ не только настоящаго, но и будущаго; она всасывается съ материнскимъ молокомъ; она, подобно злокачественной сыпи, передается наслѣдственно.

А такъ какъ подобныхъ мѣстностей намъ не занимать-стать, то дѣлается отчасти даже холодно при мысли о той силѣ, которую, съ теченіемъ времени, должны забрать волчцы.

Итакъ, съ одной стороны, неустойчивость, какъ слѣдствіе непониманія мысли и нежѣнія поводовъ привязаться къ ней; съ другой стороны, та же неустойчивость, какъ слѣдствіе природной податливости и рыхлости обывательскихъ нравовъ... невольно спрашиваешь себя: какую же цѣль имѣетъ существованіе литературы? Кому она нужна? что она можетъ?

И между тѣмъ, все-таки, сдается, что литература нѣчто еще можетъ. Самая живучесть ея даетъ поводъ думать, что будущее принадлежитъ ей, а не брюхоподклонникамъ.

Что торжество брюхоподклонниковъ есть фактъ совершившійся и

неподлежащій спору—это такъ, но прежде, нежели выводить какія-либо заключенія, вглядитесь ближе въ это явленіе, вслушайтесь пристальнѣе въ эти ликующіе клики, и вы убѣдитесь, что тутъ уже кроется какой-то изъянъ. Лица побѣдителей не поражаютъ тою полнотою самодовольства, какая приличествуетъ лицамъ дѣйствительныхъ тріумфаторовъ: торжественные ихъ гимны отличаются шумомъ и восторженностью, но истинной, проливающей въ душу безмятежіе, гармоніи все-таки не даютъ. Ясно, что современный тріумфаторъ еще не считаетъ своего дѣла завершеннымъ, что онъ еще чувствуетъ потребность кой-кого ущипнуть, кой-кого уязвить, кой-кого умертвить. Онъ мраченъ и даже, по временамъ, уподобляясь разъяренному самцу гориллы, плотоядно щелкаетъ зубами. Онъ боится, чтобъ у него какъ-нибудь не отняли то мясо, на которое онъ заглядывается; онъ боится, чтобы между нимъ и тою растлѣнною наготою, которая одна въ состояніи пробуждать его вожделѣнія, не опустился, сверхъ ожиданія, занавѣсъ. Все это заставляетъ заключать, что матеріалъ исчерпанъ еще не весь...

Еслибы на сценѣ были одни тріумфаторы, тогда живописцу оставалось бы только бросить свои кисти, или же нарисовать на полотнѣ пятно, и подписать подъ нимъ: „Мракъ временъ“. Но оказывается, что дѣло совсѣмъ не такъ просто: что рядомъ съ тріумфаторами усматриваются и побѣжденные, и что шумные и восторженные клики первыхъ удачно оттѣняются голосами стенящихъ, алчущихъ и вопіющихъ. Такимъ образомъ, общій голосъ торжества утрачиваетъ до извѣстной степени томительное свое однообразіе и является полною музыкальною пьесой. Побѣжденные еще на-лицо: они изранены, искалѣчены, но не изгибли.

Какъ хотите, а это, все-таки, признакъ. Ежели еще не вполнѣ устранилась потребность озираться, преслѣдовать и подозрѣвать, стало быть, не все еще предано безпробудному сну, стало быть, еще живо въ обществѣ нѣчто такое, что не допускаетъ его окончательно обрюзгнуть и умереть. Конечно, время, которое мы переживаемъ, и тревожно, и тяжело, но все же оно подчиняется извѣстнымъ опредѣленіямъ, и слѣдовательно не можетъ быть названо мракомъ временъ въ полномъ значеніи этого слова. Осмотритесь кругомъ, и вы увидите, что уже найдены нѣкоторыя рамки для болѣе правильнаго теченія жизни, а этого одного достаточно, чтобъ освѣтить будущее лучомъ надежды.

Положимъ, что рамки эти пришли къ намъ какъ будто со стороны, что общество тутъ ни-при-чемъ, и даже нерѣдко высказываетъ, по поводу ихъ, чувство явно враждебное; но утѣшимся тѣмъ, что это рамки такого рода, которыя, будучи разъ поставлены, сдвигаются съ мѣста гораздо труднѣе, нежели даже прилаживаются къ нему. Говорятъ, что отыскать рамки для задуманнаго дѣла уже значитъ на половину обезпечить успѣхъ его — и это вполнѣ справедливо. Важно уже то, что брюхоноклонникъ видитъ передъ собой эти рамки и привыкаетъ къ нимъ; привычка — великое дѣло; и если она однажды пріобрѣтена, то человѣкъ даже закоснѣлый начинаетъ мало-по-малу усматривать выгоды, которыя представляетъ для него лучшій порядокъ вещей. Необходимость ограничивать свои желанія желаніями другихъ, необходимость смягчать дикость инстинктовъ—вотъ та великая школа, которой суждено въ будущемъ покорить вредную секту брюхоноклонниковъ.

Еслибъ не было побѣжденныхъ, не было бы и тріумфаторовъ. Ежели мысль содрагается при видѣ ходячихъ крашеныхъ гробовъ, то та же самая мысль съумѣетъ, даже сквозь сплошную массу живыхъ могилъ, провидѣть иныя сферы, иные интересы и требованія, иную температуру, иную жизнь. Какъ ни обширно кладбище, но около него отитится жизнь. Исторія не останавливается оттого, что ничтожество, невѣжество и индифферентизмъ дѣлаются на время какъ бы закономъ и обезпеченіемъ мирнаго человѣческаго существованія. Она знаетъ, что это явленіе преходящее, что и подъ нимъ, и рядомъ съ нимъ, не угасая, теплится правда и жизнь.

V.—Сеничкинъ ядъ.

Прежде, нежели приступить къ предмету настоящей статьи, я считаю нелишнимъ опредѣлить, что такое благонамѣренность.

Признаюсь откровенно, обязанность эта застаетъ меня нѣсколько врасплохъ, ибо слово „благонамѣренность“ произошло на свѣтъ такъ недавно, что даже значеніе его не вполнѣ опредѣлилось въ сознаніи общества. Толкуютъ его больше фигурами и уподобленіями. Такъ на-

примѣръ, если я вижу человѣка, участвующаго своими трудами въ „Сѣверной Пчелѣ“, въ „Нашемъ Времени“, въ „Сѣверной Почтѣ“ — я говорю себѣ: это человѣкъ благонамѣренный. Если я вижу человѣка, посѣщающаго балы гг. Марциникевича, Заллера, Наумова и другихъ — я говорю себѣ: это человѣкъ благонамѣренный. Почему я такъ говорю — я не знаю, но чувствую, что говорю правду, и всякій, кто слышитъ меня, говорящаго такимъ образомъ, тоже чувствуетъ, что я говорю правду. Совсѣмъ другое дѣло, если я вижу человѣка, таинственно пробирающагося въ редакцію газеты „Голосъ“: тутъ я прямо говорю себѣ: нѣтъ, это человѣкъ неблагонамѣренный, ибо въ немъ засѣлъ Ледрю-Ролленъ. И напрасно Андрей Александрычъ Краевскій будетъ увѣрять меня, что Ледрю-Ролленъ былъ, да весь вышелъ — я не повѣрю ему ни за что, ибо знаю стойкость убѣжденій Андрея Александрыча и очень помню, какъ онъ, еще въ 1848 году, боролся съ Луи-Филиппомъ и радовался паденію царства буржуазіи.

Но отвратимъ наши взоры отъ этого печальнаго зрѣлища и будемъ продолжать фигуры и уподобленія. Прежде всего благонамѣренный человѣкъ долженъ обладать хорошимъ поведеніемъ. Хорошее это поведеніе состоитъ въ слѣдующемъ. Утромъ благонамѣренный человѣкъ встаетъ и читаетъ „Сѣверную Почту“, и узнавъ оттуда, въ чемъ должна заключаться сегодняшняя благонамѣренность, отправляется побесѣдовать съ г. Старчевскимъ, который сообщаетъ ему, что подписчики „Сына Отечества“ будутъ уплачивать за пересылку этого журнала не по три рубля, какъ подписчики прочихъ газетъ, но по одному рублю въ годъ. Подъ вліяніемъ этой бесѣды, благонамѣренный заходитъ къ Доминику, гдѣ съѣдаетъ три пирожка, а буфетчику сказываетъ, что съѣлъ одинъ. Затѣмъ, до обѣда онъ гуляетъ по Невскому, потомъ обѣдаетъ въ долгъ у Дюссо, а вечеромъ отправляется въ Михайловскій театръ и день оканчиваетъ блистательнымъ образомъ на балѣ у гостепріимныхъ принцессъ вольнаго города Гамбурга.

Если вы спросите меня, какимъ образомъ я во всѣхъ описанныхъ выше дѣйствіяхъ нахожу благонамѣренность, я могу истолковать вамъ это. Сколько я могъ понять изъ объясненій людей свѣдущихъ, слово „благонамѣренность“, въ современномъ его значеніи, имѣетъ смыслъ весьма ограниченный и притомъ совершенно спеціальный. Человѣку, который рѣшается стать въ ряды благонамѣренныхъ, стоитъ только сказать себѣ: „другъ мой! ты можешь, если хочешь, заимствовати

латки изъ чужихъ кармановъ, ты можешь читать „Сынъ Отечества“: но въ вознагражденіе за это ты обязанъ имѣть хорошій образъ мыслей“. Отсюда другая черта благонамѣренности—хорошій образъ мыслей. Что такое этотъ „хорошій образъ мыслей“—этого я объяснить не умѣю, потому что это выраженіе скорѣе чувствуется, нежели понимается.

Тѣмъ не менѣе, если судьба заставитъ васъ потолкаться нѣкоторое время между людьми благонамѣренными, и если вы возьмете на себя трудъ вдуматься въ ихъ рѣчи и дѣйствія, вы поймете и это. Вы поймете, напримѣръ, что отличительный признакъ хорошаго образа мыслей есть невинность. Невинность же, съ своей стороны, есть отчасти отсутствіе всякаго образа мыслей, отчасти же отсутствіе того смысла, который даетъ возможность различить добро отъ зла? Не размышляйте и читайте романы Поль-де-Кока—вотъ краткій и незамысловатый кодексъ житейской мудрости, которымъ руководствуется современный благонамѣренный человѣкъ. Иблаго ему. Если онъ утаилъ о двухъ излишне съѣденныхъ пирожкахъ, то это простится ему, потому что отъ этого нѣтъ ущерба ни любви къ отечеству, ни общественному благоустройству. Одно только можетъ повлечь для него за собой непріятность: это—если фактъ утаенія вызоветъ за собой протестъ; но и тогда Доминикъ ему только замѣтитъ, что на будущее время онъ долженъ быть осмотрительнѣе, то-есть скрадывать пироги ловче и глотать ихъ быстрѣе. И болѣе ничего. Потому, главное, все-таки, въ томъ заключается, чтобы не размышлять. Танцуйте канканъ, развлекайтесь съ гамбургскими и отчасти ревельскими принцессами, но, Бога ради, не увлекайтесь. Посѣщайте Михайловскій театръ, наблюдайте за выраженіемъ лица г-жи Нанталь-Арно въ знаменитой ночной сценѣ пьесы „Nos intimes“, слѣдите за безпрерывнымъ развитіемъ бюста г-жи Мила, ѣшьте, пейте, размножайте человѣческій родъ, читайте „Наше Время“, но, Бога ради, не увлекайтесь. Если же вамъ непремѣнно нужно мыслить, то бесѣдуйте съ „Сыномъ Отечества“, ибо мысли, порождаемыя этими бесѣдами, не суть мысли, но тѣлесныя упражненія...

Такимъ образомъ, съ помощью фигуръ и уподобленій, мы догадываемся, наконецъ, что такое этотъ „хорошій образъ мыслей“, который, въ послѣднее время, пустилъ такіе сильные корни въ нашемъ обществѣ. Сидите ли вы въ театрѣ, идете ли вы по улицѣ · вы на

каждомъ шагу встрѣчаете людей, которыхъ наружность ничего инаго не выражаетъ, кромѣ того, что ихъ отлично кормятъ. Тутъ не можетъ быть рѣчи объ убѣжденіяхъ, а тѣмъ менѣе о недовольствѣ кѣмъ и чѣмъ бы то ни было: въ этихъ ходячихъ могилахъ все покончено, все затихло. Самый добродушный изъ нихъ на ваши приставанья отвѣтитъ: „mon cher! qui est-ce qui en parle!“ но менѣе добродушный фыркнетъ и огрызнется, какъ песъ, къ которому неосторожно подойдутъ въ то время, когда онъ ѣстъ. Слѣдовательно, благонамѣренность не исключаетъ и нѣкотораго остервенѣнія, которое, такимъ образомъ, составляетъ третью характеристическую черту ея.

Какая причина этого остервенѣнія, гдѣ источникъ этой благонамѣренной плотоядности? Устали ли мы отъ политическихъ потрясеній? Ненытали ли мы на себѣ безплодность и вредоносную силу утопій? Разочаровались ли мы? Очаровывались ли когда-нибудь? Гдѣ та сирена, которая насъ, гибнущихъ плавателей, соблазнила сладкогласнымъ своимъ пѣніемъ?

Странное дѣло! мы не можемъ указать на какія-либо политическія потрясенія (слава Богу!), мы не можемъ сослаться ни на какія утопіи (ухъ, слава Богу), и, въ тоже время, не можемъ скрыть, что сирена, все-таки, существуетъ. Многіе даже видѣли ее и увѣряютъ, что она ходитъ въ вицъ-мундирѣ.

Увы! нѣніе сирены отразилось даже на литературѣ нашей. Изъ загнанной и трепещущей она превратилась въ торжествующую и ликующую, изъ скептической въ вѣрующую, изъ заподозрѣнной въ благонамѣренную и достойную довѣрія. Дѣятели, цѣлую жизнь дразнившіе и уськавшіе общественное мнѣніе, всенародно бьютъ себя въ грудь, всенародно раздираютъ на себѣ одежды и признаютъ себя удовлетворенными. „Мальчишки!“ стонетъ на всѣ лады одинъ: „нигилисты!“ подвизгиваетъ ему другой. И хотя это обвиненіе есть единственное, которое успѣла ясно сформулировать кающаяся русская литература, но, вѣроятно, оно признается достаточно капитальнымъ, если журналы серьезные и, повидимому, благонамѣренные рѣшаются настаивать на немъ.

Вновь спрашиваю я: что за причина такого безпримѣрнаго наплыва благонамѣренности въ нашу литературу?

Увы! я просто думаю, что всему причиной четвертакъ, тотъ самый четвертакъ, объ отношеніяхъ котораго къ русской литературѣ и

ея дѣятелямъ такъ остроумно выразился московскій публицистъ, М. Н. Катковъ: четвертака, дескать, при нихъ плохо не клади—стащатъ! Какъ! воскликнетъ читатель, эта самая русская литература, которая такъ много тщеславилась своею гордою неприступностью, которая такъ строго преслѣдовала Булгарина за его легкіе нравы—вдругъ соблазнилась на четвертакъ! Да-съ, такъ именно разсказываютъ свѣдущіе люди, и, къ сожалѣнію, нѣкоторые признаки заставляютъ сознаться, что они не неправы.

Но положимъ, что свѣдущіе люди ошиблись; положимъ, что не буквально же четвертакъ соблазнилъ нашу литературу, что эта мелкая монета служитъ лишь фигурою уподобленія—тѣмъ не менѣе это обидно. Это обидно потому, что слово четвертакъ представляетъ здѣсь идею дешевизны; это обидно потому, что четвертачизмъ, претерпѣвавшій доселѣ въ русской литературѣ постыднѣйшее крушеніе, несмотря на гигантскія, въ своемъ родѣ, усилія Ѳ. В. Булгарина, начинаетъ приживаться въ ней именно въ такую минуту, когда всего менѣе можно было этого ожидать. Тутъ еще не было бы дива, еслибъ во времена Булгарина четвертакъ обладалъ обаятельною силой: тогда и провіантъ былъ дешевый, да и политическіе интересы сосредоточивались исключительно на разъясненіи вопроса, откуда произошла Русь. Ясно, что это были интересы четвертаковые и что защищать за четвертакъ происхожденіе Руси отъ норманновъ было и непредосудительно, и необременительно. Но и за всѣмъ тѣмъ наша литература выказывала пронзмъ неслыханный: защищала норманское происхожденіе Руси даромъ. Напротивъ того, теперь, когда, съ одной стороны, жизненные припасы поднялись въ цѣнѣ необычайно, когда, съ другой стороны, политическій горизонтъ съ каждымъ днемъ расширяется, литература, вмѣсто того, чтобы быть на стражѣ, оказываетъ малодушество безпримѣрное и выдѣляетъ изъ себя публицистовъ, которые за четвертакъ поютъ хвалебные гимны всему безъ различія и призываютъ кару небесъ на мальчишекъ и нигилистовъ!

Что сей сонъ значитъ?

Или мы были героями во времена Булгарина потому только, что передъ глазами нашими не блисталъ заманчиво четвертакъ? — Можетъ быть.

Или мы были такъ слабы и ничтожны въ то время, что намъ и четвертака никто не считалъ за нужное посулить? — Можетъ быть.

Или наша изобрѣтательная способность до такой степени притупилась объ варяговъ, что когда настало, наконецъ, время для вопросовъ болѣе серьезныхъ и жизненныхъ, мы не отыскали въ себѣ никакихъ отвѣтовъ на нихъ, и потому нашли для себя болѣе покойнымъ и выгоднымъ дуть въ нашу маленькую дудочку на заданную тему? —Можетъ быть.

Или же, наконецъ, тутъ имѣется съ нашей стороны тонкій разсчетъ, и мы думаемъ, что со временемъ наши фонды поднимутся?— Можетъ быть.

Я не рѣшаю этихъ вопросовъ, а только излагаю ихъ. Я считаю себя лѣтописцемъ; я даже не группирую фактовъ и не выжимаю изъ нихъ нравоученія, но просто утверждаю, что въ нашу общественную жизнь, равно какъ и въ нашу литературу проникла благонамѣренность. Съ одной стороны, общество убѣдилось окончательно, что оно таки-подвигается; съ другой стороны, литература, удачно воспользовавшись этимъ настроеніемъ, начала сочувственно и весело строить цѣлыя системы на мотивъ: чего же тебѣ еще нужно?

Я увѣренъ, что извѣстіе это въ особенности порадуетъ провинціальнаго читателя. Въ самомъ дѣлѣ, видя, какой переполохъ царствовалъ въ нашихъ журналахъ до 1862 года, какими словесными подзатыльниками угощали въ нихъ другъ друга россіяне, бѣдный, удаленный отъ свѣта провинціалъ могъ и невѣсть что подумать. Ему могло показаться, что старому веселью конецъ пришелъ, что хорошихъ людей моль поѣла и что на мѣстѣ ихъ некстовствуютъ все мальчишки да нигилисты... Ничуть не бывало! утѣшаю я его: все это было до 1862 года, но въ этомъ году россіяне вступили въ новое тысячелѣтіе... Какъ же тутъ не созрѣть, какъ не пойти въ сѣмена!

Изъ всего сказаннаго выше явствуетъ, что одинъ изъ существенныхъ признаковъ нашей благонамѣренности заключается въ ненависти къ мальчишкамъ и нигилистамъ. Что такое нигилисты? что такое мальчишки?

Слово „нигилисты“ пущено въ ходъ И. С. Тургеневымъ и не обозначаетъ собственно ничего. Въ романѣ г. Тургенева, какъ и во всякомъ благоустроенномъ обществѣ, дѣйствуютъ отцы и дѣти. Если есть отцы, слѣдовательно должны быть и дѣти — это бы, пожалуй, не новость: новость заключается въ томъ, что дѣти не въ отцовъ

вышли, и вслѣдствіе этого происходятъ между ними безпрестанные репримандьі.

Отцы — народъ чувствительный и вѣруютъ во все. Они вѣруютъ и въ красоту, и въ истину, и въ справедливость, но больше прохаживаются по части красоты. Они проливаютъ слезы, читая Шиллерову „Resignation“: они играютъ на віолончели, а отчасти и на гитарѣ, но не остаются нечувствительными и къ четвертакамъ. „Да, люди, о которыхъ я докладывалъ выше, какъ о поддавшихся обаянію четвертака—это все отцы. Вообще, это народъ легко очаровывающійся. Когда-то они были друзьями Бѣлинскаго и поклонниками Грановскаго, но, по смерти своихъ руководителей, остались, какъ овцы, безъ пастыря. Очарованія ихъ приняли характеръ безпорядочный, почти растрепанный: съ одной стороны — Laura am Clavier, съ другой — тысяча рублей содержанія, даровая квартира и нѣсколько пудовъ сальныхъ свѣчей — вотъ двѣ мучительныя альтернативы, между которыми проходитъ ихъ жизнь. Тѣмъ не менѣе, надо отдать имъ справедливость: Лаура съ каждымъ днемъ все дальше и дальше отодвигается на задній планъ, и все ближе и ближе придвигается тысяча рублей содержанія. Способность очаровываться осталась та же, но предметъ ея измѣнился и измѣнился потому, что нѣтъ въ живыхъ ни Бѣлинскаго, ни Грановскаго. Будь они живы, они, конечно, сказали бы „отцамъ“: цыцъ! и тогда—кто можетъ угадать, чѣмъ увлекались бы въ настоящую минуту эти юные старцы?

Въ противоположность отцамъ, дѣти представляютъ собой собраніе невѣрующихъ.

— Вы не вѣрите ни во что... даже? — вопрошаетъ Базарова одинъ изъ Кирсановыхъ.

— Даже,—отвѣчаетъ Базаровъ, вовсе не заботясь о томъ, что онъ дѣлаетъ этотъ отвѣтъ въ домѣ Кирсановыхъ и что, по всѣмъ правиламъ гостепріимства, гость обязанъ говорить хозяевамъ лишь пріятныя и угодныя вещи.

Не вѣрить въ „даже“, а вѣрить въ лягушекъ! Соблазняется красивыми плечами женщины, и при этомъ не содрагается при мысли, что красивыя плечи составляютъ лишь тлѣнную оболочку нетлѣнной души. Кромѣ того: а) на красоту вообще взираетъ съ той же точки зрѣнія, съ какой г. Семевскій взираетъ на русскую исторію; б) не тоскуетъ по истинѣ, ибо не признаетъ науки, скрывающейся, какъ

извѣстно, въ стѣнахъ московскаго университета: в) эстетическими вопросами не волнуется, на віолончели не играетъ и романсовъ не поетъ, и г) обаятельную силу четвертака отвергаетъ положительно... Спрашиваю я васъ: какъ назвать совокупность всѣхъ этихъ зловредныхъ качествъ? какъ назвать людей, совокупившихъ въ себѣ эти качества? Я знаю, госпожа Коробочка назвала бы ихъ фармазонами, полковникъ Скалозубъ назвалъ бы волтерьянцами: но Кирсановъ не захотѣлъ быть подражателемъ и назвалъ нигилистами...

Какъ бы то ни было, но „благонамѣренные“ накинулись на слово „нигилистъ“ съ ожесточеніемъ; точь-въ-точь, какъ благонамѣренные прежнихъ временъ накидывались на слова „фармазонъ“ и „волтерьянецъ“. Слово „нигилистъ“ вывело ихъ изъ величайшаго затрудненія. Были понятія, были явленія, которыя они до тѣхъ поръ затруднялись — какъ назвать; теперь этихъ затрудненій не существуетъ: все это нигилизмъ; были люди, которыхъ физіономіи имъ не нравились, которыхъ рѣчи производили въ нихъ нервное раздраженіе, но они не могли дать себѣ отчета, почему эти люди, эти рѣчи производятъ на нихъ именно такое дѣйствіе: теперь все сдѣлалось ясно: да потому просто, что эти люди — нигилисты! Такимъ образомъ, нигилистъ, не обозначая собственно ничего, покрываетъ собой всякую обвинительную чепуху, какая взбредетъ въ голову благонамѣренному, и еслибъ Иванъ Никифорычъ Довгочхунъ зналъ, что существуетъ на свѣтѣ такое слово, то онъ навѣрное назвалъ бы Ивана Иваныча Перепенко не дуракомъ съ писаною торбою, а нигилистомъ. Человѣкъ, который ходитъ по улицѣ безъ перчатокъ — нигилистъ, и человѣкъ, который заявитъ сомнѣніе насчетъ либерализма Василія Александрыча Кокорева - тоже нигилистъ. Онъ нигилистъ! онъ не вѣритъ ни во что святое! вопятъ благонамѣренные, и само собой разумѣется, что Василію Александрычу это нравится. Однимъ словомъ, нигилистъ есть человѣкъ, безпрерывно испускающій изъ себя какой-то тонкій ядъ, отъ котораго мгновенно дуреютъ слабыя головы мальчишекъ!

Это переноситъ меня къ далекимъ днямъ моей молодости. Зналъ я тогда одно семейство, жившее очень почтенно и патріархально и состоявшее изъ большого числа членовъ, между которыми были и старики, и взрослые, и подростки. Семейство наслаждалось тишиною и блаженствовало; оно имѣло тотъ форменный взглядъ на нравствен-

ность и человѣческія обязанности, который составляетъ счастіе людей, желающихъ прожить свой вѣкъ безъ тревогъ и волненій. Конечно, такъ и прожили бы эти добрые люди, еслибы, къ несчастью, не замѣшался тутъ Сенчка.

Сенчка былъ просто добрый малый, живній большею частью въ отдаленіи отъ родныхъ, и потому нѣсколько отвыкшій отъ этого безшумнаго, обрядпаго жизненнаго строя, который царствовалъ въ его семействѣ. Нельзя сказать, чтобъ его не любили домашніе; напротивъ того, на него возлагались даже какія-то честолюбивыя родовыя надежды, такъ какъ онъ одинъ изъ всего семейства состоялъ на государственной службѣ и обѣщалъ когда-нибудь чего-нибудь достигнуть и тѣмъ прославить родъ Горбачевскихъ. Тѣмъ не менѣе, обольщеніе было непродолжительно: за Сенчкой, во время побывокъ его въ родномъ домѣ, стали замѣчаться какія-то прорухи, какое-то не то чтобы озлобленіе, но полное равнодушіе къ родпымъ интересамъ.

Но это все бы еще ничего: оказалось, что Сенчка разливаетъ ядъ и дѣйствуетъ посредствомъ его на подростковъ.

Выходитъ изъ института невинная дѣвица, внучка и дочь семейства, и поселяется у родныхъ. Она уважаетъ дѣдушку, боготворитъ бабушку, цѣлуетъ ручки у папеньки и маменьки, бесѣдуетъ и споритъ по вечерамъ съ приходскимъ батюшкой насчетъ того, дѣйствительно ли существовали на свѣтѣ Лазарь богатый и Лазарь бѣдный, или это только такъ, притча? Однимъ словомъ, родные не налюбуются милымъ ребенкомъ и всѣ въ одинъ голосъ кричатъ: что за милое, что за невинное созданіе! Но вотъ пріѣзжаетъ въ побывку Сенчка... Онъ привозитъ съ собой нѣсколько французскихъ романовъ—наша институтка слышитъ это верхнимъ чутьемъ; она украдкой отъ родныхъ бѣгаетъ въ Сенчкину комнату и читаетъ... Сенчка разсказываетъ, на какихъ онъ балахъ въ Петербургѣ бываетъ (онъ бываетъ исключительно у Марцинкевича), какая въ Петербургѣ опера и въ какія неслыханныя платья облекается г-жа Наталь-Арно, изображая маркизъ. Институтка слушаетъ это сначала однимъ ухомъ, потомъ обоими; потомъ она задумывается, потомъ ей плохо спится ночь... Въ одно прекрасное утро она начинаетъ плакать и не хочетъ диспутировать съ бабушкой; она не называетъ бабушку „божественной“, и послѣ обѣда забываетъ поцѣловать руку у папеньки. Мало того:

она вдругъ начинаетъ рѣзвиться и бѣгать по комнатѣ; она садится за фортепьяно и не то чтобы играетъ, но какъ-то безпорядочно стучитъ по клавишамъ; наконецъ, она открыто называетъ родныхъ тиранами, желающими загѣсть ея молодые годы.

— Это Сеничкинъ ядъ!—шепчутъ родственники:—это все Сеничкинъ ядъ дѣйствуетъ!

— Помилуйте, маменька!—оправдывается Сеничка:—какой тутъ ядъ! просто-на-просто Катенькѣ повеселиться хочется! просто-на-просто молодая кровь въ ней играетъ!

— Нѣтъ, это твой ядъ!—твердятъ хоромъ родственники и спѣшатъ удалить Сеничку.

Пріѣзжаютъ на каникулы дѣти—гимназисты: бабушка осматриваетъ ихъ и говоритъ: „молодцы!“; маменька спрашиваетъ, какія у нихъ отмѣтки, и получаетъ отвѣтъ, что все пять да четыре. Петровъ постъ; дѣти кушаютъ постное, вмѣстѣ съ Катенькою и прочими членами семейства: они дѣлаютъ это даже съ охотою... И вдругъ пріѣзжаетъ Сеничка.

— Дяденька! у насъ постное!—спѣшатъ сообщить ему гимназисты.

— Стану я постное ѣсть!—огрызается Сеничка и объясняетъ, что будетъ есть скоромное.

Декорація мѣняется. На другой день, за обѣдомъ, всѣ ѣдятъ постное, одному Сеничкѣ подаютъ скоромное. Гимназисты ѣдятъ плохо.

— А что, друзья, вкусно?—подшучиваетъ Сеничка, видя, какъ они заглядываются на его котлетку.

Родитель гимназистовъ слегка блѣднѣетъ; бабушка строго посматриваетъ на Сеничку. Но дѣло уже сдѣлано: гимназисты плачутъ; Катенька вторитъ имъ; жареный въ постномъ маслѣ картофель такъ и уносятъ обратно нетронутый.

— Это Сеничкинъ ядъ!—шепчутъ родственники:—это все Сеничкинъ ядъ дѣйствуетъ.

— Помилуйте, маменька!—оправдывается Сеничка:—какой тутъ ядъ! просто-на-просто дѣтямъ ѣсть хочется, потому что они растутъ.

— Нѣтъ, это твой ядъ!—рѣшаетъ семейный ареопагъ и спѣшитъ какъ-нибудь удалить Сеничку.

Всѣ, даже рабы и рабыни, находятся подъ вліяніемъ Сенничкина яда. Кормили ихъ прежде, напримѣръ, кислымъ молокомъ, и они не жаловались, и вдругъ дернула же нелегкая Сенничку спросить у Тонки-подлеца:

— А что, братъ, съ кислаго-то молока, чай, животъ подвело?

И вотъ на другой день исторія: кислое молоко рабы въ помойную яму вылили, и хотя господа, все-таки, ничего другого не дали, однако огорчились.

— Это все Сенничкинъ ядъ!—шепчутъ родные.

— Да помилуйте, маменька! чѣмъ же я виноватъ, что у васъ люди голодны!—оправдывается Сенничка.

— Нѣтъ, это твой ядъ!—рѣшаетъ семейный ареопагъ и сѣшитъ какъ-нибудь освободиться отъ Сенички.

Подобно этому Сеничкѣ, нигилисты обязаны выносить на себѣ всѣ грѣхи міра сего. Тявкнетъ ли на улицѣ шавка—благонамѣренные кричатъ: „это нигилисты подъучили ее“; пойдетъ ли безо времени дождь—благонамѣренные кричатъ: „это нигилисты заговариваютъ стихіи!“ Этого мало: лѣтомъ 1862 г., по случаю частыхъ пожаровъ въ Петербургѣ ходили слухи о поджогахъ—благонамѣренные воспользовались этимъ, чтобъ обвинить нигилистовъ; образовалась какая-то неслыханная потаенная литература—благонамѣренные возопили: „это они! это нигилисты!“ Злорадство дошло до той степени безобразія и нелѣпости, что благонамѣренные готовы были, чтобъ у нихъ самихъ поснимали головы, лишь бы имѣть право сказать: „это они! это нигилисты!“

Я совершенно согласенъ, что люди, поджигавшіе Петербургъ, суть нигилисты, но въ такомъ случаѣ какой же резонъ слово „нигилистъ“ смѣшивать съ словомъ „мальчишки“? Допустимъ, что слово „нигилистъ“ выражаетъ собой совокупность всевозможныхъ позорныхъ понятій, начиная отъ неношенія перчатокъ и кончая отрицаніемъ Кокоревскаго либерализма—чѣмъ же тутъ виноваты мальчишки? Посредствомъ какого адскаго сцѣпленія идей прилетаютъ они къ нигилизму? Умышленно ли это дѣлается, или неумышленно?

Прежде всего, примемъ въ соображеніе, что слово „мальчишки“ имѣетъ смыслъ нарочито презрительный. И дѣйствительно, сила заключается не въ словѣ, а въ томъ понятіи, которое оно выражаетъ: „мальчишки“ же выражаютъ собой еще болѣе, нежели „нигилисты“.

Нигилистомъ можетъ быть человѣкъ всякаго возраста: такъ напримѣръ, Аркаша Кирсановъ покидаетъ ремесло нигилиста тотчасъ же, какъ только собственнымъ умомъ доходитъ до убѣжденія, что никакіе нигилизмы на свѣтѣ не стоютъ ничего передъ тѣми положительными утѣхами, которыя можетъ доставить ему соединеніе съ милой Катей (сестра г-жи Одинцовой). Стало быть, по этой теоріи ничто не мѣшаетъ быть нигилистомъ Н. Ф. Павлову, хотя, быть можетъ, у него, отъ преклонности, ни одного волоса на головѣ нѣтъ, и благонамѣреннымъ—г. Чичерину, хотя онъ еще очень молодой человѣкъ. Напротивъ того, слово „мальчишки“, такъ сказать, подрываетъ будущее Россіи, ибо обращается преимущественно къ молодому поколѣнію, на которомъ, какъ извѣстно, покоятся всѣ надежды любезнаго отечества. Подъ этимъ словомъ подразумѣвается все, что не перестало еще расти; М. Н. Катковъ взираетъ на П. М. Леонтьева и говоритъ: „вотъ мѣра человѣческаго роста!“ и затѣмъ всякій индивидуумъ, который имѣлъ несчастіе родиться двумя минутами позднѣе г. Леонтьева, поступаетъ въ разрядъ мальчишекъ. Не хитро, но за то просто и удобно.

Таковы физическія условія мальчишества: въ чемъ же должны заключаться условія нравственныя? Очевидно, въ томъ же, въ чемъ и нравственныя условія нигилистовъ, т.-е. въ отсутствіи всякихъ нравственныхъ условій. Мальчишки не вѣрятъ въ науку, ибо не читаютъ статей г. Молинари; мальчишки не вѣрятъ въ искусство жить на свѣтѣ, ибо не читаютъ статей г. Юркевича: мальчишки—это, по счастливому выраженію „Времени“, „пустые и безмозглые крикуны, портящіе все, до чего они дотронутся, марающіе иную чистую, честную идею уже однимъ тѣмъ, что они въ ней участвуютъ: мальчишки—это свистуны, свистящіе изъ хлѣба и только для того, чтобы свистать, выѣзжающіе верхомъ на чужой, украденной фразѣ, какъ верхомъ на палочкѣ, и подхлестывающіе себя маленькимъ кнутикомъ рутиннаго либерализма“...

Однимъ словомъ, мальчишество есть нѣчто въ родѣ грѣха первороднаго: мальчишка уже тѣмъ виноватъ, что онъ мальчишка: мальчишка фаталистически обреченъ на нигилизмъ.

Онъ не можетъ ни серьезно мыслить, ни серьезно думать—потому что онъ мальчишка: онъ не смѣетъ ни о чемъ имѣть своего сужденія—потому что онъ мальчишка: его мысль, его тѣлодвиженія,

все его существо, однимъ словомъ, необходимо должны заключать въ себѣ нѣчто озорное, имѣющее особый пасквильный смыслъ — потому что онъ мальчишка. „Угодно вамъ папиросу?“ спрашиваетъ мальчишка у благонамѣреннаго, и благонамѣренный фыркаетъ и злится, потому что думаетъ: „га! это онъ не спроста мнѣ папироску предлагаетъ! онъ хочетъ этимъ показать, что я до такой степени ослабъ, что даже папироску выкурить не въ состояніи!“ Каждое слово мальчишки подвергается толкованію самому инквизиторскому, въ каждомъ его дѣйствіи видится поползновеніе протанцовать карбонарскій канканъ.

Ожесточеніе благонамѣренной прессы, а за нею и благонамѣренной части общества доходитъ до того, что если мальчишка умираетъ, то никому не придетъ въ голову сказать: вотъ погибаетъ человѣкъ жертвою... ну, положимъ хоть заблужденій! но всякъ говоритъ: „вотъ погибаетъ мальчишка“, т.-е. негодяй, т.-е. нигилистъ, т.-е. человѣкъ, не различавшій своего отъ чужого! Откуда это проклятое „то-есть“? Отчего если оно не всегда выражается, то всегда подразумѣвается? А просто оттого, что дѣло идетъ объ „мальчишкахъ“ — и все тутъ!

Мальчишество — это преступленіе, за которое уличенный въ немъ лишается даже права апеллировать. Благонамѣренный не станетъ и разговаривать съ мальчишкой: „это мальчишка!“ — скажетъ онъ и самодовольно пройдетъ себѣ мимо...

„Да, горько родиться „мальчишкой“, но какъ же, съ другой стороны, и не родиться-то имъ?

Всякій мужчина, какъ бы онъ ростъ ни былъ, имѣлъ свой періодъ мальчишества, только не всякій это помнитъ. Иной думаетъ, что онъ такъ-таки и вышелъ изъ головы Юпитера, какъ Минерва, во всеоружіи; иной забылъ, что онъ не далѣе, какъ въ 1861 году, былъ еще мальчишкой; иной и не забылъ, и даже не скрываетъ, что не забылъ: „ну, да, говоритъ, я былъ мальчишкой, покуда не коснулась меня благодать благонамѣренности... что жъ изъ того! а если меня опять коснется благодать мальчишества, я опять буду мальчишкой... что жъ изъ того?“ Такимъ образомъ, одни дѣйствуютъ по безпамятству, другіе — потому, что дѣло это торговое и завсегда въ нашихъ рукахъ состоитъ.

Къ послѣднему разряду дѣятелей я не обращаюсь: я знаю, что они еще не разъ въ своей жизни будутъ и мальчишками, и благона-

мѣренными, смотря по тому, гдѣ больше ножевщики. Это паразиты, которые обращаютъ вниманіе исключительно на то, чье тѣло представляется болѣе пухлымъ, и лоснящимся, чтобъ угнѣздиться именно тамъ, гдѣ болѣе обезпечено ѣды. Я обращаюсь къ людямъ просто забывчивымъ и спрашиваю: неужели вы въ самомъ дѣлѣ забыли? неужели вы дошли до состоянія опрѣсноковъ безъ всякихъ тревогъ, безъ всякой борьбы? неужели вы не метались и не кинѣли? неужели вы сошли на путь благонамѣренности такъ же случайно и безразлично, какъ заходятъ современные франты въ тотъ или другой танцклассъ? Нѣтъ, это невѣроятно. Это невѣроятно, потому что нѣтъ того человѣка, котораго заплесневѣлая душа не умилилась бы передъ воспоминаніемъ о давнопрошедшихъ, сладкихъ дняхъ молодости; нѣтъ того дряхлаго, тупого старика, котораго голова не затряслась бы сочувственно, котораго морщины не освѣтились бы лучомъ радости, когда на него хоть на мгновенье, хоть случайно пахнётъ свѣжимъ ароматомъ навсегда утраченной весны жизни. Ибо каково бы ни было содержаніе молодости (положимъ, что оно было безнутно, съ вашей *нынѣшней* точки зрѣнія), все же она говоритъ о силѣ, говоритъ о надеждахъ, о жаждѣ подвига, говоритъ о той книгѣ жизни, которая когда-то читалась легко и которая туго и тупо дается осторожно-каплуньему пониманію старчества.

Да не подумаетъ, однакожъ, читатель, что я взываю о сожалѣніи къ мальчишкамъ, что я для того обращаюсь къ памяти благонамѣренныхъ, чтобы сказать имъ: и вы были молоды, и вы заблуждались, такъ имѣйте же снисхожденіе къ молодости и заблужденіямъ другихъ! Нѣтъ, я просто становлюсь на историческую почву и говорю благонамѣреннымъ: вспомните то время, когда вы были мальчишками, и поищите въ своей памяти, не было ли и тогда „благонамѣренныхъ"? Думаю, что этого вопроса достаточно, чтобы заставить ихъ покраснѣть.

Нѣтъ, я не прошу для мальчишекъ ни сожалѣнія, ни даже снисхожденія. Я нахожу, что мальчишество — сила, а сословіе мальчишекъ — очень почтенное сословіе. Самая остервенѣлость вражды противъ нихъ свидѣтельствуетъ, что къ мальчишкамъ слѣдуетъ относиться серьезно, и что слова: „мальчишки!", „нигилисты!", которыми благонамѣренные люди вѣчаютъ всѣ свои диспуты, по поводу почтительно дѣлаемыхъ мальчишками представленій и домогательствъ, въ сущ-

ности изображаютъ не что иное, какъ худо-скрытую досаду, нѣчто въ родѣ плача Адама объ утраченномъ раѣ.

Въ чемъ же собственно дѣло? Гдѣ побудительная причина тѣхъ ожесточенныхъ походовъ, которые поднимаются „благонамѣренными" противъ „мальчишекъ"? Какія, наконецъ, права „мальчишекъ" на общее вниманіе?

Отвѣтъ на эти вопросы не такъ затруднителенъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Нельзя не сознаться, что общій уровень жизни измѣняется; многое, съ чѣмъ мы сжились, оказывается несостоятельнымъ; чувствуется тяжесть какая-то; видится и сознаётся, что нѣтъ существа живого, которое могло бы сказать, что ему живется хорошо. Мы, благонамѣренные, также это чувствуемъ, и въ то же время не можемъ ничего выдумать къ облегченію нашихъ собственныхъ болей!

И вотъ, въ то самое время, когда мы вздыхаемъ и недоумѣваемъ, гдѣ-то вдали, въ какомъ-то непризнанномъ захолустьи зарождается нѣчто новое; міазмы мало-по-малу разрѣжаются, жизнь становится и привѣтливѣе, и свѣтлѣе. Откуда этотъ успѣхъ?

Увы! Какъ ни малъ успѣхъ, но источникъ его, все-таки, не столько въ насъ, благонамѣренныхъ, сколько въ мальчишествѣ, въ той освѣжающей силѣ, которую оно представляетъ. Изъ того, что практическое осуществленіе новыхъ жизненныхъ формъ большею частью зависитъ отъ насъ, благонамѣренныхъ, и производится нами, вовсе не слѣдуетъ, чтобы отъ насъ же исходила и инициатива ихъ...

. . . . . .

Итакъ, если мы видимъ, что жизнь сдѣлала шагъ впередъ, если мы самихъ себя сознаемъ лучше и чище...

Мы клянемъ мальчишество, мы презираемъ его, и въ то же время, неслышно для насъ самихъ, признаемъ его силу и подаемъ ему руку. Не будь мальчишества, не держи оно общество въ постоянной тревогѣ новыхъ запросовъ и требованій, общество замерло бы и уподобилось бы заброшенному полю, которое можетъ производить только репейникъ и куколь.

Я могъ бы привести тысячи примѣровъ изъ практики въ доказательство справедливости моего положенія, и если не дѣлаю этого, то единственно изъ опасенія, чтобъ изъ того не вышло какой-нибудь нелитературной полемики. Дозволю себѣ одинъ казенный вопросъ:

давно ли называлось мальчишествомъ, карбонарствомъ, волтерьянствомъ все то добро, которое нынѣ во-очію совершается? И нельзя ли отсюда придти къ заключенію, что и то, что нынѣ называется мальчишествомъ, нигилизмомъ и другими, болѣе или менѣе поносительными именами, будетъ *ко дѣ-нибудь* называться добромъ?

VI.—Русскіе „гулящіе люди“ за границей.

Сомнѣваюсь, чтобъ сатирическое перо могло сыскать для себя сюжетъ болѣе благодарный и болѣе неистощимый, какъ „Русскіе за границей“. Тутъ все даетъ пищу, и съ какими бы намѣреніями вы ни приступили къ этому предмету, все будетъ хорошо. Не говоря уже о томъ энергическомъ, безпощадномъ остроуміи, которымъ обладали великіе юмористы, подобные Гоголю — остроуміи, относящемся къ предмету во имя цѣлаго строя понятій и представленій, противоположныхъ описываемымъ, даже такой незлобивый, невинный сатирикъ, какимъ былъ, напримѣръ, Загоскинъ—и тотъ находилъ возможность относиться къ этому богатому сюжету если не глубоко, то, по крайней мѣрѣ, искренно и весело. Говорятъ, будто Гоголь имѣлъ намѣреніе изобразить впечатлѣнія русскаго воина старыхъ временъ, путешествующаго за границей. Дѣйствительно, трудно себѣ представить что-нибудь соблазнительнѣе, грандіознѣе подобной темы! Тутъ было цѣлое стройное міросозерцаніе, хотя не имѣвшее, съ внутренней стороны, строго-человѣческаго характера, но наружными своими признаками не дозволявшее сомнѣваться, что обладатель его принадлежитъ къ человѣческой семьѣ; однимъ словомъ, тутъ было нѣчто такое, что носило на себѣ человѣческій образъ, но мысль имѣло не человѣческую; тутъ во-очію повторялся миѳъ сирены, только наоборотъ, т.-е. бралася человѣческій хвостъ и приставлялась къ нему рыбья голова. Задача величественная и для сатирическаго пера весьма лестная.

Я не бывалъ за границей, но легко могу вообразить себѣ положеніе россіянина, выползшаго изъ своей скорлупы, чтобы себя показать и людей посмотрѣть. Все-то ему ново, всего-то онъ боится, потому что изъ всѣхъ формъ европейской жизни онъ всецѣло воспри-

нялъ только одну—искусство, не обдирая рта, ѣсть артишоки и глотать устрицы, не проглатывая, въ то же время, раковинъ. Всякій иностранецъ кажется ему высшимъ организмомъ, который можетъ и мыслить, и выражать свою мысль; передъ каждымъ онъ ёжится и труситъ, потому что—кто жъ его знаетъ? а вдругъ не доглядишь за собой и сдѣлаешь нѣвѣсть какое невѣжество! Въ Россіи онъ ѣхалъ на перекладныхъ и колотилъ по зубамъ ямщиковъ; за границей онъ пересѣлъ въ вагонъ и не знаетъ, какъ и передъ кѣмъ излить свою благодарную душу. Онъ заигрываетъ съ кондукторомъ и стремится поцѣловать его въ плечико (потому что вѣдь, извѣстно, у насъ нѣтъ средины: либо въ рыло, либо ручку пожалуйте!); онъ заговариваетъ со своимъ vis-à-vis и все-то удивляется, все-то удивляется, все-то ахаетъ! „Я россіянинъ, слѣдовательно я дуракъ, слѣдовательно отъ меня пахнетъ", говоритъ вся его съёжившаяся фигура.

— Vous êtes russe, monsieur?—спрашиваютъ его.

— Oui-съ; да-съ!—бормочетъ сконфуженный россіянинъ.—Ne désirez-vous pas du champagne?

И радъ-радёхонекъ, если предложеніе его принято, ибо тутъ представляется ему случай предпринять цѣлый рядъ растлѣнныхъ разсказовъ о томъ, что Россія—страна антропофаговъ, что въ Россіи нельзя жить, что въ Россіи не имѣется образованнаго общества, и проч., и проч. И откуда что̀ полѣзетъ! откуда явятся и юморъ, и игривость, и развязныя манеры! Да назовите самаго заклятаго врага, посулите ему какую угодно награду за то, чтобъ изобразить гнусность—никто, ей-Богу, никто не устроитъ этого такъ живо и осязательно, какъ путешествующій ради бездѣльничества россіянинъ. Эти господа изъ ёрничества умѣютъ создавать художественную картину: они прилгутъ, прихвастнутъ даже, лишь бы краски ложились погуще, лишь бы никто и сомнѣваться не смѣлъ, что они дѣйствительно гнусны и растлѣнны. Послушать ихъ, такъ всѣ они сплошь курицыны дѣти, что на этомъ зиждутся ихъ политическіе принципы, и что это же служитъ краеугольнымъ камнемъ ихъ союза семейственнаго и гражданскаго.

— Я курицынъ сынъ—куда же мнѣ съ этакой рожей въ люди лѣзть!—резонно размышляетъ вояжёръ-россіянинъ, и, въ силу этого разсужденія, извиняется, лѣзетъ цѣловаться и потчуетъ шампанскимъ.

Многіе объясняютъ это явленіе отчасти легкостью и общительностью славянской природы, отчасти живою потребностью самооплеванія, которая будто бы составляетъ основную черту россіянъ; но я, съ своей стороны, думаю, что, помимо двухъ этихъ признаковъ, имѣется еще и другая, болѣе глубокая причина, заставляющая нашихъ путешествующихъ соотечественниковъ пребывать, такъ сказать, въ непрерывномъ стыдѣ. Я согласенъ, что общительность есть въ своемъ родѣ похвальное качество, но не въ силахъ себѣ представить, чтобъ она могла возвышаться до перенесенія побоевъ и поощренія, потому что тутъ даже и общительности-то никакой нѣтъ. Я согласенъ также, что и потребность самооплеванія есть очень живая и, притомъ, законная потребность, но не въ состояніи вообразить себѣ, чтобъ она могла доходить до наслажденія своимъ безобразіемъ и до привлеченія къ таковому же наслажденію лицъ совершенно посторонихъ. Не вѣрнѣе ли видѣть въ этомъ явленіи нѣкоторый протестующій писк, нѣкоторую самолюбивую, но застѣнчивую мысль, что „я-то, дескать, парень лихой, а вотъ соотечественники-то мои — куда плохой народъ!“ Но объ этомъ я поговорю впослѣдствіи, а теперь разскажу тѣ факты, которые навели меня на изложенныя выше размышленія.

Меня навело на нихъ письмо г. Касьянова, напечатанное въ 16 № „Дня“ и разсказывающее нѣсколько весьма характеристическихъ чертъ о способахъ времяпрепровожденія русскихъ *путящихъ людей* за границей. Предетавьте себѣ, оказывается, что эти ребята ѣздятъ за границу совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы людей посмотрѣть и ума-разума набраться, а за тѣмъ единственно, чтобъ стыдиться самихъ себя и своего отечества! Даже нѣмецъ, даже какой-нибудь гессенъ-филиппсталь-баркфельдецъ, говоритъ г. Касьяновъ, и тотъ скажетъ вамъ съ гордостью, ткнувъ себя пальцемъ въ грудь: hier pocht ein hessen-philippstahl-barkfeldsches Herz, а русскій *путящій человѣкъ* не только не говоритъ этого, не только не тыкаетъ себя въ грудь, но даже не чувствуетъ въ этомъ ни малѣйшей потребности, ибо, повидимому, увѣренъ, что тамъ, въ этой груди, у него заключается не сердце, а что-то въ родѣ голубиной погадки. Скромность мрачная и даже не имѣющая въ себѣ ничего отрезвительнаго: но если подобная скромная увѣренность уже есть, если она однажды уже засѣла, то я не вижу ничего удивительнаго въ томъ, что *путя-*

ній человѣкъ не тыкаетъ себя пальцемъ въ грудь: во-первыхъ, незачѣмъ; во-вторыхъ, замараешь палецъ...

И представьте себѣ, за такую-то скромность *гуляющіе люди* не только-что наградъ не получаютъ, а напротивъ того, довольствуются оплеухами и подзатыльниками! И гдѣ же? въ столицѣ всемірнаго просвѣщенія, въ томъ самомъ Парижѣ, который русскіе *гуляющіе люди* до сихъ поръ совершенно наивно принимали за второе и даже чуть ли не за первое свое отечество, ибо Россія... что̀ такое Россія?—это не что иное, какъ несносная и прискорбная оболочка, горькимъ насильствомъ судебъ накинутая на просвѣщеннаго *гуляющаго человѣка*, тогда какъ Парижъ... Парижъ!..

Русскихъ обвиняютъ въ космополитизмѣ; по крайней мѣрѣ, наши публицисты уже нѣсколько лѣтъ сряду убиваются, доказывая, какъ это вредно и какъ это стыдно, но убиваются, какъ кажется, съ успѣхомъ довольно сомнительнымъ. Я не беру на себя труда судить, въ какой степени справедливо это мнѣніе относительно большинства русскихъ,—я думаю даже, что оно совершенно голословно и безосновательно, однако относительно *гуляющихъ* русскихъ людей въ немъ есть извѣстная доля правды. То-есть, не то чтобы люди эти были космополитами въ серьезномъ значеніи этого слова; гораздо будетъ правильнѣе, если мы скажемъ, что глаза у нихъ прожорливые и завистливые: гдѣ бы ни увидали хорошую ѣду или по части юбокъ угодья привольныя, такъ туда сейчасъ и прильнутъ. Прильнутъ туда такимъ образомъ, что никакъ ихъ оттоль и не отскоблишь: ни физическими репримандами, ни нравственными подзатыльниками. Это космополитизмъ желудочно-половой, имѣющій въ предметѣ кровавый ростбифъ Шеве, Вефура и всѣхъ странъ лоретокъ, и совершенно чуждый какого-либо политическаго оттѣнка. То-есть, коли хотите, онъ и есть, этотъ политическій оттѣнокъ, но исключительно направленный въ одну сторону: въ сторону цѣлованія плечиковъ. Былъ во Франціи Карлъ X—русскій гуляющій человѣкъ называлъ его королемъ-рыцаремъ и боготворилъ; былъ король Людовикъ-Филиппъ—гуляющій человѣкъ называлъ его образцомъ семейныхъ добродѣтелей и боготворилъ: наконецъ, теперь есть императоръ Наполеонъ III—гуляющій человѣкъ называетъ его великимъ племянникомъ и боготворитъ. Тутъ идетъ рѣчь совсѣмъ не о политикѣ, а о томъ, чтобы около кого-нибудь потереться. Говорятъ, многіе изъ *гуляющихъ* людей, цѣ-

ною неимовѣрныхъ усилій, проникали даже до Гарибальди, и я этому совсѣмъ не удивляюсь. Тутъ вся штука въ томъ, чтобы около кого-нибудь потереться — это ужъ такое особенное удовольствіе.

И послѣ такихъ-то сверхъестественныхъ доказательствъ сочувствія къ великимъ принципамъ цивилизаціи, вдругъ потерпѣть пораженіе самое постыдное, и потерпѣть его даже не въ Парижѣ, а въ самомъ Баль-Мабилѣ, этомъ третьемъ и едва ли не самомъ любезномъ отечествѣ русскаго *гуляющаго человѣка*! Вотъ что пишетъ объ этомъ предметѣ корреспондентъ газеты „День“, г. Касьяновъ:

„Баль-Мабиль очень сочувствуетъ полякамъ — очень; всѣ гризетки преклоняются предъ общественнымъ мнѣніемъ, вся канканирующая и неканканирующая публика повторяетъ, какъ истину, о которой уже и не спорятъ, что Франція, toujours si libérale, si généreuse, должна помочь „народному мученику“ и освободить его отъ *варваровъ*... Варвары! Чего ни дѣлали мы, чтобъ попасть въ другой чинъ, сколько поклоновъ и милліоновъ потрачено, чтобы заслужить повышенія въ европейцы, чтобы *своими* сочла насъ Европа — ничто не береть! Чуть что задѣнетъ ее за живое, все старое выплываетъ вновь, и опять „казакъ“, „кнутъ“, „варваръ“ на языкѣ у каждаго француза, отъ пляшущаго на балахъ въ Тюльери до пляшущаго въ Баль-Мабилѣ. Недавно, говорятъ, на балѣ въ этомъ знаменитомъ заведеніи, толпа окружила одного господина, который почему-то подалъ ей поводъ думать, что онъ русскій. „Вонъ его, вонъ!“ заревѣла публика: „мы не хотимъ видѣть русскихъ! пусть убирается онъ къ своимъ казакамъ, на родные снѣга!“ и пр. и пр. Господину этому грозила серьезная опасность: шляпу съ него сбили, пинки посыпались въ него со всѣхъ сторонъ. „Я не русскій, я не русскій!“ завопилъ онъ жалостливымъ голосомъ... „Не русскій, такъ кричите: да здравствуетъ Польша!“ Господинъ прокричалъ, но какъ-то нерѣшительно. „Громче, громче!“ повелѣла толпа. Господинъ повиновался. „Кто же вы?“ продолжали подозрительно допрашивать его Баль-Мабильскіе гости. „Я... полякъ“... „Полякъ? Зачѣмъ же вы здѣсь, отчего вы не уѣхали драться съ русскими?“... „Я поѣду, непремѣнно поѣду“. — „Вонъ его, вонъ поляка, который пляшетъ въ Парижѣ въ то время, какъ въ Польшѣ дерутся, вонъ!“... И господина выгнали.

„Послѣ этого изгнанія русскихъ изъ Баль-Мабиля, постигъ, какъ слышно, русскихъ таковой же остракизмъ и въ Прадо, и въ

Шато-де-Флёръ, и въ нѣкоторыхъ театрахъ. Бѣдные! Пришлось-таки страдать за національность, отъ которой всю жизнь отрекались и которой, пуще грѣха, стыдились!.. Съ мальчишками, съ воспитанниками политехнической школы — не совѣтую теперь встрѣчаться на улицѣ ни одному русскому. И не только въ Парижѣ, даже въ Германіи, нѣмцы, какъ картофель на сковородѣ, горячатся и нинятъ „симпатіями“ къ Польшѣ: за табль-д'отами въ отеляхъ происходятъ иногда очень и очень непріятныя сцены. Разсказываютъ, что въ Дрезденѣ дѣти одного русскаго, поселившагося тамъ помѣщика были вываляны въ грязи мальчишками по наущенію какой-то польской патріотки. Однимъ словомъ, дѣло дошло до того, что русскимъ, пребывающимъ за границею и вращающимся не въ самомъ высшемъ кругу, приходится на каждомъ шагу испытывать всевозможныя униженія и оскорбленія. Конечно, русскій человѣкъ на обиду сносливъ, да и брань на вороту не виснетъ — но всему есть предѣлы. Остается или бѣжать домой, въ Россію, или же отрекаться, стократъ отрекаться отъ своей народности — отъ всякой солидарности съ своимъ народомъ и своимъ отечествомъ!“

Г. Касьяновъ изъ всего этого выводитъ довольно меланхолическія заключенія: я же, напротивъ того, болѣе склоненъ выводить заключенія веселыя, потому что положительно-таки не понимаю, какое дѣло Россіи до русскихъ гуляющихъ людей. Я представляю себѣ физіономію этого господина, который „жалостливымъ голосомъ вопилъ: я не русскій! я не русскій!“ — и въ сердце мое закрадывается змій сомнѣнія: а что, если парень-то солгалъ! ахъ, срамъ какой! И не потому меня такъ ужасаетъ эта идея, чтобы я вообще не одобрялъ лганья — нѣтъ, я, на основаніи многихъ свидѣтельствъ исторіи, очень понимаю, что лганье, употребляемое въ приличномъ количествѣ, придаетъ даже рѣчи особенный острый вкусъ, а потому, что какъ же это человѣкъ до того растерялся, что и солгать-то какъ слѣдуетъ не съумѣлъ! „Я... полякъ“... пронищалъ этотъ странствующій рыцарь, когда за него принялись поплотнѣе, и, конечно, не только не оправдался въ глазахъ канканирующаго міра, но еще болѣе обвинилъ себя. „Ты полякъ... и танцуешь!“ воскликнули негодующія гризетки, и, само собой разумѣется, принялись за него еще плотнѣе. Сбили съ него шляпу и не забыли наградить пинками: „это за то, что ты варваръ и угнетатель русскій, а вотъ это за то, что ты — танцующій по-

лякъ". Однимъ словомъ, человѣкъ, не милости своей опрометчивости, единовременно получилъ возмездіе за двѣ національности. То-то онъ изумился! А между тѣмъ дѣло могло бы кончиться весьма просто и даже не безвыгодно для него, если бы онъ не лгалъ, а просто-напросто заявилъ канканирующему міру настоящую истину. Напримѣръ, если бы онъ сказалъ: „messieurs! я не русскій и не полякъ — я просто желудочно-половой космополитъ": онъ сказалъ бы сущую правду и въ то же время обезоружилъ бы негодующихъ гризетокъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это все равно, какъ бы онъ сказалъ: господа! вы ошибаетесь, я просто гороховый шутъ! Развѣ есть такая нація? развѣ есть такой народъ, который бы называлъ дѣтей своихъ гороховыми шутами? Увы! даже въ географіи Арсеньева такой націи не замѣчено, а потому никто объ ней не знаетъ, никто по поводу ея не тревожится. Не потревожились бы и гризетки. Онѣ потолковали бы между собою, переглянулись бы, да и пошли бы себѣ канканировать, какъ ни въ чемъ не бывало. И бока были бы цѣлы, и отечество осталось бы въ сторонѣ.

Вотъ какъ вредно и невыгодно бываетъ лгать безъ размышленія, лгать, не взвѣсивши предварительно, какія можетъ имѣть для насъ послѣдствія ложь, повидимому даже самая правдоподобная.

Воображаю я себѣ, какую ужасную ночь долженъ былъ провести этотъ русско-угнетающій-поляко-канканирующій космополитъ! Какъ онъ явился безъ шляпы въ свой отель? Что онъ долженъ былъ отвѣчать на вопросъ строгаго прислужника: „Канинъ! куда ты дѣвалъ свою шляпу?" Упорствовалъ ли онъ въ системѣ лганья, отвѣчалъ ли: „служитель! я потерялъ мою шляпу въ борьбѣ за отечество!" или же предпочелъ быть откровеннымъ: „такъ и такъ, братецъ, солгалъ — и за то пострадалъ!" и при этомъ подарилъ служителю сто франковъ, чтобъ только онъ молчалъ? Есть ли у этого гуляющаго человѣка семейство? съ какими глазами явился онъ, безъ шляпы, къ женѣ и дѣтямъ послѣ такого неожиданаго репримanда? Слегъ ли онъ горячкой въ постель, или на другой день, встрепенувшись какъ ни въ чемъ не бывало, отправился, взамѣнъ Мабиля, въ Шато-де-Флёръ или въ Прадо, и тамъ въ другой разъ получилъ потасовку?

Всѣ эти вопросы невольно толпятся въ моей головѣ, и если я не разрѣшаю ихъ, то вовсе не потому, чтобы они не были интересны съ психологической точки зрѣнія, и не потому, чтобы мнѣ было чего-то

совѣстно, а просто потому, что такое разрѣшеніе увлекло бы меня слишкомъ далеко.

Но, независимо отъ изложенныхъ выше поучительныхъ выводовъ, разсказанный г. Касьяновымъ фактъ наводитъ еще и на другія мысли. Признаюсь откровенно, онъ даже оскорбляетъ меня. Я очень хорошо понимаю, что русскіе гулящіе люди временъ Фонвизина и даже Гоголя имѣли какой-то поводъ стыдиться, млѣть и вообще относиться къ своему отечеству съ обиднымъ равнодушіемъ. У нихъ были на это свои резоны—положимъ, ложно понятые—но, все-таки, резоны. У нихъ не было гласности, а о самоуправленіи въ то время и понятія никто не имѣлъ. Самая устность была, такъ сказать, въ зародышѣ, по которому нельзя было даже судить, что̀ изъ нея выйдетъ: что-нибудь благопотребное, или же совсѣмъ непотребное. Лишенный всѣхъ этихъ благъ, оставленный на произволъ всѣмъ вѣтрамъ, человѣкъ чувствовалъ себя одинокимъ, оторваннымъ отъ своей родины. Онъ не имѣлъ сочувствія ни къ успѣхамъ, ни къ бѣдствіямъ ея, потому что и тѣ, и другія равно до него не касались. Онъ говорилъ себѣ: развѣ я тутъ при чемъ-нибудь состою? развѣ это *мое* дѣло, что я изъ-за него расшибаться долженъ?—и этими размышленіями оправдывалъ себя. Положеніе жалкое, безнравственное, почти невѣроятное, но его можно было объяснить.

Возьмите, напримѣръ, путешествующаго англичанина: онъ вездѣ является гордо и самоувѣренно и вездѣ приноситъ съ собой свой родной типъ, со всѣми его сильными и слабыми сторонами. Вы чувствуете, что эти стороны—его собственныя, и что онъ правильно поступаетъ, не утаивая ихъ. Почему онъ такъ поступаетъ? а потому именно, что знаетъ, во-первыхъ, что типъ этотъ нѣчто выработалъ не только для своей родной страны, но и въ общечеловѣческомъ смыслѣ, и, во-вторыхъ, что онъ самъ лично въ этой общей работѣ совсѣмъ не пятая спица въ колесницѣ, а, напротивъ того, прямо ея участникъ и дѣлатель.

Подобное же явленіе, разумѣется, въ болѣе своеобразной сферѣ, повторяется и у насъ, а именно въ сферѣ мужицкой. Русскій мужикъ точно такъ же является самимъ собою, то-есть простымъ, непринужденнымъ, и точно такъ же не придетъ ему въ голову стыдиться того, что онъ русскій. Почему? А все потому же, что онъ за-

нять дѣломъ, что онъ чувствуетъ себя не только не лишнимъ, а совершенно необходимымъ дѣятелемъ въ русской семьѣ.

Одинъ *гуляющій* русскій человѣкъ шатается безъ дѣла, и потому не можетъ ни къ чему себя пріурочить. Въ отношеніи къ иностранцамъ онъ чувствуетъ, что какъ-будто что-то укралъ; въ отношеніи къ своимъ чувствуетъ, что какъ-будто что-то продалъ. Одиноко и безучастно носится онъ съ своимъ чревомъ по Европѣ, приводя въ изумленіе своей плотоядностью и веселой похотливостью своихъ нравовъ...

Повторяю: все это было понятно во времена Фонвизина и даже не лишено смысла во времена Гоголя. Но теперь это просто даже оскорбительно. Теперь у насъ существуетъ гласность, существуетъ земство и судъ: у насъ совершилась, безъ разговоровъ, одна изъ величайшихъ реформъ, какія въ другихъ странахъ никогда безъ разговоровъ не совершались; чего еще надо? Какія можемъ мы принести оправданія? Можемъ ли сказать, что у насъ скучно?—нѣтъ, намъ укажутъ, что въ одномъ Петербургѣ развелось прошлой зимой до 60 танцклассовъ, и что никто не препятствуетъ завести таковые въ Корчевѣ и въ Арзамасѣ! Можемъ ли мы сказать, что стѣснены?—нѣтъ, мы имѣемъ право хоть цѣлый день проводить въ халатѣ! Можемъ ли сказать, что наше возрожденіе дѣло намъ чуждое, что насъ не привлекаютъ и т. д.?—нѣтъ, мы имѣемъ право и бесѣдовать, и даже излагать свои мысли письменно, хотя, конечно, не безъ осторожности.

Да-съ; однако, и за всѣмъ тѣмъ, по свидѣтельству г. Касьянова, русскій гуляющій человѣкъ продолжаетъ вести себя столь же неодобрительно, какъ бы ничего сего не произошло. Неужели же не проймешь его никакими гласностями, никакими реформами? Неужели никакія возрожденія, никакія усилія не прольютъ живительнаго луча въ его занѣмѣвшее сердце?

Что бы такое сдѣлать, чтобы удовлетворить скучающихъ гуляющихъ русскихъ людей—я, просто, недоумѣваю... Реформу, что-ли, какую-нибудь новую сочинить, или какую-нибудь изъ старыхъ реформъ уничтожить—право, ужъ и не знаю. Но, принимая въ соображеніе, что здѣсь нужно имѣть въ виду преимущественно элементъ чревно-половой, я полагаю, что самымъ лучшимъ способомъ удовлетворенія представляется ѣда какая-нибудь необыкновенная, или же

вотъ еслибъ всю Россію можно было превратить въ сплошной танцкласъ. Тогда, надо думать, *сущіе* русскіе люди сидѣли бы дома и не носились бы съ своимъ чревомъ по чужимъ странамъ, а ѣздили бы въ Калязинъ или въ Пошехонье.

Но фактъ этотъ до такой степени замѣчателенъ, что я рѣшительно не могу отстать отъ него, не разъяснивши его до конца. Извѣстно, что съ нѣкотораго времени современное русское общество распалось на двѣ половины: „отцовъ“ и „дѣтей“; поэтому для меня очень любопытно знать, къ которой изъ этихъ двухъ враждующихъ сторонъ принадлежалъ тотъ русскій, который въ Баль-Мабилѣ понесъ наказаніе за грѣхъ двухъ національностей. Къ сожалѣнію, г. Касьяновъ ни слова не говоритъ объ этомъ, но, за всѣмъ тѣмъ, я, все-таки, надѣюсь, съ помощью нѣкоторыхъ наведеній, возстановить истину въ дѣйствительномъ ея видѣ.

Первый признакъ, который останавливаетъ мое вниманіе,—это мѣсто происшествія. Баль-Мабиль. Кто изъ русскихъ оказываетъ болѣе наклонности посѣщать подобныя увеселительныя собранія? Говоря по совѣсти, таковую наклонность преимущественно оказываютъ „отцы“ или же такія „дѣти“, которыя, такъ сказать, сдѣлались „отцами“ въ самую минуту своего рожденія. Догадку эту я основываю на томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что въ „отцахъ“ въ особенности и во всѣ времена было развито чувство изящнаго, развито даже въ ущербъ другимъ дѣятелямъ человѣческаго организма. Рядомъ съ этою потребностью изящнаго и какъ бы послѣдствіемъ ея являлась чувствительность сердца, способность воспламеняться при малѣйшемъ намекѣ на существо другого пола. Само собой разумѣется, что такой воспламеняемости весьма много способствовало крѣпостное право, которое давало возможность удовлетворять ей почти безъ всякихъ препятствій. Постоянно питаемая и изощряемая, она, наконецъ, пріобрѣтала тотъ характеръ устойчивости и чуткости, который дѣлалъ „отцовъ“ способными и достойными во всякое время и во всякомъ мѣстѣ. Теперь представьте себѣ такого способнаго человѣка, вдругъ очутившагося вић сферы крѣпостного права, гдѣ-нибудь за границей. Какъ долженъ онъ поступить, чтобы и туда перенести весь тотъ комфортъ, которымъ привыкъ наслаждаться у себя дома, гдѣ-нибудь въ селѣ Загибѣевкѣ? Краснорѣчіемъ онъ не обладаетъ, убѣждать не умѣетъ, шаркать ножкой не обученъ. Чтобъ выполнить все это,

онъ долженъ дѣйствовать посредствомъ денегъ и обращаться съ своими предложеніями туда, гдѣ таковыя принимаются съ охотою. Болѣе злачнаго въ этомъ смыслѣ мѣста, какъ Баль-Мабиль, едва-ли найдется что-либо въ цѣломъ мірѣ: это ужъ такой пріютъ, гдѣ изящное добывается во всякое время и безъ всякихъ затрудненій, съ помощью одного презрѣннаго металла. Поэтому-то русскіе „отцы" издревле такъ и любили посѣщать это мѣсто: оно напоминало имъ родную Загибѣвку, съ тѣмъ только различіемъ, что въ Загибѣвкѣ для нихъ достаточно было манія руки, а въ Баль-Мабилѣ они обязаны предъявлять доказательства болѣе уважительныя. Во всякомъ случаѣ, „отцы" доказывали совершенно осязательно, что, съ помощью ли одного манія руки, или съ присовокупленіемъ денегъ, но устроить крѣпостное право, гдѣ бы то ни было, для нихъ ничего не значитъ.

Никакими подобными качествами „дѣти" не обладаютъ: ни сильно развитымъ чувствомъ изящнаго, ни чрезвычайными въ этомъ смыслѣ способностями. Крѣпостное право, котораго благами они не успѣли насладиться, подѣйствовало на нихъ отрицательно, т.-е. возбудило отвращеніе къ началу, питавшему его. Въ какихъ бы формахъ оно ни высказывалось. Это народъ, не только не посѣщающій танцклассовъ, въ родѣ Мабиля, но вообще мало общительный. Они больше всего любятъ бесѣдовать съ пріятелями, и преимущественно бесѣдуютъ объ осуществленіи „невидимаго", или, говоря иначе, о свѣтопреставленіи. Это послѣднее занятіе до такой степени неподозрительно, что даже люди свѣдущіе и опытные, спеціально занимающіеся устраненіемъ подозрительныхъ занятій, и тѣ находятъ, что это ничего, допустить можно! „Лишь бы о текущихъ-то вопросахъ не разсуждали, лишь бы на практическую-то арену не выходили!" говорятъ эти опытные люди, и успокоительно вздыхаютъ, видя, какъ кротко выносятъ „дѣти" невзгоды жизни, и какъ они убиваются надъ поднятіемъ таинственной завѣсы будущаго. Какъ бы то ни было, составляетъ ли эта скромность достоинство „дѣтей", или ихъ недостатокъ, во всякомъ случаѣ происшествіе, случившееся въ Баль-Мабилѣ, касается не ихъ, потому что ихъ тамъ навѣрное не было.

Второй признакъ, останавливающій мое вниманіе, заключается въ томъ, что неизвѣстный отрекся отъ своей національности. Во-первыхъ, это ложь, къ которой „дѣти", по наивности и сердечной про-

стотѣ, совсѣмъ неспособны: во-вторыхъ, это, наконецъ, глупость. Хвѣрять въ глаза цѣлый канканирующій міръ, что я не я — воля ваша, а это даже не просто ложь, но ложь глупая и притомъ безполезная. „Дѣти“ не въ состояніи прибѣгнуть къ ней уже по тому одному, что такая штука совершенно противна очевидности. Отцы, въ этомъ отношеніи, были въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи: они, отъ рожденія, могли притвориться чѣмъ угодно, во-первыхъ, потому, что никто съ нихъ за это не взыскивалъ, во-вторыхъ, потому, что и власть у нихъ большая была.—Ванька! я шахъ персидскій?—Шахъ персидскій-съ.—Анъ врешь, я турецкій султанъ!—Турецкій султанъ-съ. — И такимъ образомъ они могли воображать себя чѣмъ хотѣли, и никто имъ на это не возражалъ; мудрено ли, что это обратилось имъ, наконецъ, въ привычку? Напротивъ того, „дѣти“ лишены этого подспорья, потому что его у нихъ нѣтъ, и слѣдовательно по-неволѣ обязываются быть тѣмъ, чѣмъ ихъ создали обстоятельства. „Дѣти“ не стыдятся своего отечества уже по тому одному, что относятся къ нему раціонально, то-есть принимаютъ его такъ, какъ оно есть, со всѣмъ его хорошимъ и дурнымъ. Какъ то, такъ и другое они и себѣ объясняютъ, и другимъ объяснить могутъ; а извѣстно, что при помощи объясненій все излишнее, напускное—всѣ ореолы, равно какъ и мраки—исчезаетъ само собою, и остается одна истина, которая никогда человѣку противна быть не можетъ. „Дѣти“ не скажутъ, что мы, дескать, шапками всѣхъ забросаемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не полѣзутъ цѣловать плечико...

Да, это „отцы“, это они — тѣ *цѣлые* русскіе люди, которые даже въ Бал-Мабилѣ не умѣютъ канканировать съ достоинствомъ; это тѣ самые, которые всякому кондуктору на желѣзной дорогѣ готовы сказать: „ваше превосходительство“; это тѣ самые, которые потчуютъ шампанскимъ и изъ ёринчества умѣютъ создавать живыя и художественныя картины.

Другой анекдотъ изъ жизни русскихъ *цѣлыхъ людей* за границей разсказываетъ „Современная Лѣтопись“. Дѣло идетъ о двухъ знатныхъ русскихъ дамахъ, которыя до того увлеклись какимъ-то докторомъ сомнамбулизма, уроженцемъ русской Польши, Ольшинскимъ, называвшимъ себя Лондинскимъ, что въ теченіе какихъ-ни-

будь шести лѣтъ (шесть лѣтъ сряду быть глупымъ!) довѣрили ему сумму, превышающую 2 милліона франковъ. Да не подумаетъ однакожъ читатель, что такая почтенная цифра была вручена Лондинскому такъ, ради пріятныхъ его манеръ; нѣтъ, русскія дамы руководились при этомъ глубокимъ разсчетомъ: онѣ страстно желали разбогатѣть и потому отдавали свои деньги *вѣрному человѣку*, точно такъ же не задумываясь, какъ во время оно другіе люди, не задумываясь же, затратили бы значительныя суммы на отысканіе философскаго камня!

Желаніе пріумножить капиталы можетъ имѣть и выгодныя, и невыгодныя послѣдствія для лица, которое имъ обуреваетъ. Но для того, чтобъ эти послѣдствія были выгодны, необходимо, прежде всего, въ подробности разсмотрѣть, въ чемъ заключается то предпріятіе, на которое рѣшаешься. Напримѣръ, еслибъ въ настоящее время воскресло знаменитое въ свое время „общество для заводской обработки животныхъ продуктовъ", и еслибъ самъ Василій Александрычъ Кокоревъ завѣрялъ, что это предпріятіе отличное, я никакъ не рѣшился бы рискнуть своимъ капиталомъ, даже въ томъ случаѣ, еслибъ такой у меня и былъ. Потому, не натуральное это дѣло. Во-первыхъ, завода или совсѣмъ не выстроятъ, или выстроятъ такой, въ которомъ ни дверей, ни оконъ, ни печей, ни трубъ нѣтъ; во-вторыхъ, скота или совсѣмъ не купятъ, или купятъ такой, который не имѣетъ ни жиру, ни мяса, ни костей, ни кожи; въ-третьихъ, наконецъ, если и пустятъ кое-какъ дѣло въ ходъ, то прибыли отъ него пойдутъ на обѣды и на овацiи, а мнѣ, какъ акціонеру, все-таки не попадетъ ничего въ карманъ, да и обѣдать, пожалуй, меня не позовутъ. Зная все это очень твердо и принимая притомъ въ соображеніе, что „милліардъ въ туманѣ" (знаменитая, въ своемъ родѣ, статья г. Кокорева), все-таки, еще не „милліардъ въ рукахъ", я всякой сиренѣ, которая бы предприняла уловлять меня подобными предположеніями, отвѣчалъ бы кратко, но сильно: vade retro, satanas! Или, говоря другими словами: быть можетъ, я и дамъ что-нибудь этой сиренѣ на бѣдность, но дальше гривенника и въ этомъ смыслѣ, все-таки, не пойду.

Знатныя русскія дамы все это забыли, и — что больше всего — выказали себя самыми сомнительными патріотками. Если онѣ непремѣнно желали потратить свои два милліона франковъ, если потеря эта составляла для нихъ удовольствіе, то почему онѣ не устроили

такого дѣла въ отечествѣ? почему онѣ не отдали своихъ денегъ въ упомянутое мною общество заводской обработки животныхъ продуктовъ, или въ общество водопроводовъ, или въ общество „Кавказъ и Меркурій“? Я совершенно увѣренъ, что общества эти не только приняли бы ихъ вклады съ благодарностью, но тутъ же проглотили бы ихъ такъ, что и слѣда потомъ не сыскать.

Но онѣ предпочли истратить деньги въ столицѣ цивилизаціи и ввѣрили ихъ Лондинскому, который, какъ славянинъ по происхожденію, поспѣшилъ доказать имъ, что, имѣя съ нимъ дѣло, онѣ поступаютъ точно такъ же, какъ бы находились въ своемъ отечествѣ.

И дѣйствительно, предпріятія, которыми Лондинскому удалось увлечь русскихъ дамъ, имѣютъ характеръ совершенно отечественный. Это серебристосвинцовые рудники на островѣ Сардиніи (Domus nova и Domus di Maria), это несуществующій банкирскій домъ въ улицѣ Рише (не тѣ ли же общества обработки животныхъ продуктовъ или разработки лѣсовъ?). Надувательство поражаетъ своею легкостью и простотою. Никто ни о чемъ не разспрашиваетъ, никто ни въ чемъ не сомнѣвается. Лондинскій приходитъ къ нѣкоторому проходимцу Лемете и откровенно говоритъ ему: „хочешь получить нѣсколько милліоновъ русскихъ рублей?“ Разумѣется, Лемете соглашается, является съ Лондинскимъ, ходъ видомъ капиталиста, къ знатнымъ русскимъ дамамъ, получаетъ отъ нихъ нѣсколько милліоновъ рублей, а имъ, взамѣнъ того, объявляетъ, что онѣ имѣютъ честь быть основательницами несуществующаго банкирскаго дома Лемете и Лондинскаго. № 26, *улица Рише.*

Пришли, понюхали и ушли. Ждутъ русскія знатныя дамы день, ждутъ другой—нѣтъ Лондинскаго, нѣтъ Лемете! Что-жъ, можетъ быть, они удержаны нездоровьемъ, а можетъ быть, даже заботами объ интересахъ своихъ клiентокъ? Увы! оказывается нѣчто худшее: оказывается, что и тотъ, и другой—переодѣтые мошенники, что Domus nova—нуфъ, Domus di Maria—заблужденіе, а банкирскій домъ въ улицѣ Рише—просто милая шутка, имѣющая цѣлью изслѣдовать, до какихъ границъ можетъ простираться простодушіе русскихъ дамъ за границей.

И вотъ, въ исправительномъ трибуналѣ департамента Сены разыгрался послѣдній актъ этой драмы. Лондинскій убѣжалъ въ Россію и, къ довершенію всего, пишетъ оттуда успокоительныя письма, удосто-

вѣряющія, что всѣ его кредиторы будутъ удовлетворены. Однако на сей разъ русскія дамы не повѣрили и подали на доктора сомнамбулизма жалобу. Исправительный трибуналъ рѣшилъ: 1) Лондинскаго заключить на 5 лѣтъ въ тюрьму и взыскать съ него пени 3.000 фр. (заочно); 2) Лемете заключить въ тюрьму на 15 мѣсяцевъ и взыскать 500 фр. и 150.000 фр. въ пользу истицъ. О прочихъ дамскихъ претензіяхъ трибуналъ предоставилъ вѣдаться особо.

Вотъ какое происшествіе случилось съ русскими знатными дамами въ столицѣ цивилизованнаго міра. Оказывается, что русскія дамы, настолько гордыя въ своемъ отечествѣ, что считаютъ для себя унизительнымъ сообщество людей средняго рода, за границей оставляютъ свою кичливость и являются болѣе ласковыми. Это и естественно, потому что вѣдь за границей не то, что у насъ: за границей каждый колбасникъ есть урожденный философъ, а каждый парфюмёръ—урожденный политико-экономъ. А куафёры! душки куафёры! эти естественные производители грядущаго русскаго поколѣнія! а этотъ милый французскій жаргонъ, посредствомъ котораго можно всякую пакость такимъ образомъ выразить, что отъ нея повѣетъ совсѣмъ не пакостью, а благоуханіемъ! Согласитесь, что вѣдь нельзя же и не ласкать подобныхъ людей!

Я не знаю, что сказали, прочитавъ этотъ фактъ, учредители бывшихъ воскресныхъ школъ и члены общества распространенія безполезныхъ книгъ; я не знаю, облизнулись ли они, подумали ли: „Эхъ, кабы этакую-то сумму да намъ! какихъ бы мы дѣлъ надѣлали!“ Но я знаю навѣрное, что учредители русскихъ „Domus di Maria“ именно облизнулись и совсѣмъ не шутя возроптали, что вотъ все иностранцамъ да иностранцамъ, а насъ, все-таки, мимо да мимо!

VII.—Нашъ „savoir vivre“.

„Нынче, мой другъ, народъ не то чтобы простъ, а какъ-то очень ужъ глупъ сталъ. Все самъ себя обманываетъ, самъ себя прельщаетъ, даже словно самъ у себя украсть хочетъ. Назоветъ-это вещь другимъ именемъ, и думаетъ, что и вещь другая сдѣлалась. Возьми, напримѣръ, хоть то: выдумали теперь какой-то „savoir vivre“, а разбери ты его какъ слѣдуетъ, этотъ ихній savoir vivre,—анъ выйдетъ то же мошенничество!“ Эти слова принадлежатъ не мнѣ, а бабушкѣ Прасковьѣ Павловнѣ, которая во всемъ околоткѣ извѣстна своею мудростью и откровенностью (однажды она, за эту самую откровенность, чуть-чуть не была водворена въ городъ Варнавинъ). Вообще, это женщина, которая придерживается старыхъ порядковъ, а проэатѣи современныхъ либераловъ отзывается такъ: „повѣрь, душа моя, что все это одинъ savoir vivre!“

Признаюсь, хотя я далеко не убѣдился въ справедливости сравненія дорогой бабушки, тѣмъ не менѣе для меня несомнѣнно, что на свѣтѣ, дѣйствительно, существуетъ какой-то „savoir vivre“, повидимому, обладающій замѣчательною творческою силою.

Куда ни посмотришь — вездѣ savoir vivre. Тотъ пріобрѣлъ многоэтажный домъ, другой—стянулъ нѣлую желѣзную дорогу, третій—устроилъ свою служебную карьеру, четвертый—отлично женился, пятый—набралъ денегъ и бѣжалъ за границу... И все съ помощью какого-то таинственнаго savoir vivre! Право, даже любопытно становится.

— Разсудите, пожалуйста!—говорилъ мнѣ на дняхъ одинъ знакомый:—вотъ человѣкъ, который, продавая мнѣ имѣніе, показывалъ чужой лѣсъ за свой собственный! Ну, не подлецъ ли?

— Зачѣмъ же подлецъ?—хладнокровно оправдывался такъ-называемый „подлецъ“.—Спрашиваю я васъ: ежели я что имъ показываю, должны ли они моими показами руководствоваться?

И разсудилъ, взвѣсилъ, разсмотрѣлъ, и нашелъ, что, дѣйствительно, тутъ нѣтъ никакой подлости, а есть savoir vivre—и больше ничего.

— Вообразите!—вопіялъ другой мой знакомый:—вотъ чело-

вѣкъ, который моимъ именемъ выманилъ у моего кредитора пятьдесятъ тысячъ—и скрылъ! ну, не мошенникъ ли?

— Зачѣмъ же мошенникъ? — оправдывался обвиняемый:—разсудите сами: ежели я подлинно что̀ у нихъ просилъ, должны ли они были моими просьбами руководствоваться?

Я опять разсудилъ, и опять нашелъ, что мошенничества тутъ нѣтъ, а есть довольно крупный savoir vivre—и ничего больше.

— Позвольте!—остановилъ меня третій знакомый:—вотъ вамъ субъектъ: онъ былъ моимъ ходатаемъ по дѣламъ, выигралъ мой процессъ, взыскалъ деньги и прикарманилъ! ну, не бездѣльникъ ли?

— Зачѣмъ же бездѣльникъ?—оправдывался субъектъ:—разсудите сами: ежели я что̀ для нихъ, по ихъ порученью, дѣлаю, должны ли они за мной смотрѣть, или нѣтъ?

И я опять разсудилъ, что тутъ нѣтъ никакого бездѣльничества, а есть savoir vivre—и больше ничего!

И что̀ всего замѣчательнѣе, потерпѣвшія стороны сами очень хорошо понимали, что во всемъ этомъ главную роль играетъ savoir vivre. Если онѣ жаловались на своихъ обидчиковъ, то въ этихъ жалобахъ слышался матеріальный ущербъ, а отнюдь не нравственная сторона вопроса: „Только отдай ты мнѣ, что у меня укралъ,—звучало въ ихъ голосѣ,—а ужъ я тебѣ и съ своей стороны покажу savoir vivre!“ И въ ожиданіи этого они готовы были не только примириться съ своими обидчиками, но и обозвать ихъ голубчиками...

— Ахъ, какой умный! Что̀ за голова! Что̀ за savoir vivre! и вотъ говорятъ, что у насъ нѣтъ смѣлости и предпріимчивости!—случается слышать вездѣ, гдѣ соберется кучка гуляющихъ русскихъ людей.

Полюбопытствуйте разспросить, кому слагаются эти похвалы, и вы убѣдитесь, что тутъ навѣрное или стянули желѣзную дорогу, или пустили по міру десятки и сотни семействъ.

— Вотъ-то дурачина! вотъ-то пентюхъ и оселъ!—опять раздается все въ той же толпѣ гуляющихъ русскихъ людей.

И опять полюбопытствуйте! и опять убѣдитесь, что тутъ идетъ рѣчь о какомъ-нибудь наивно-простоватомъ труженикѣ, на которомъ довѣрчивая компанія развязныхъ дармоѣдовъ (поклонниковъ savoir vivre) рѣшилась создать свое благополучіе. И вѣрьте мнѣ, нѣтъ того поноснаго ругательства, нѣтъ того презрительнаго выраженія, которое

бы не послали вслѣдъ простаку гуляющіе русскіе люди! „фофанъ! соломенная голова! ослиныя уши! курицынъ сынъ!“ такъ и стонутъ они своими утробными голосами.

Бабушка! бабушка! ужели же ты и въ самомъ дѣлѣ была права, утверждая, что savoir vivre и мошенничество—одно и то же?

Но я все еще сомнѣваюсь; все еще стараюсь увѣрить себя, что savoir vivre—самъ по себѣ, а мошенничество само по себѣ. Поэтому буду говорить здѣсь только о savoir vivre.

Savoir vivre, какъ и всякая другая творческая сила, переживаетъ въ своемъ развитіи очень много самыхъ разнообразныхъ фазисовъ. Сначала она представляетъ собой явленіе простое и малосодержательное, потомъ все больше и больше усложняется и набирается соковъ: наконецъ лопается, словно пышный кактусъ, и, не опасаясь публичности, предъявляетъ изумленному міру разнообразіе и полноту своего содержанія.

Самая простая и однообразная форма, въ которой проявляется savoir vivre — это тайное присвоеніе платковъ, скрывающихся въ чужихъ карманахъ. На предпріятія подобнаго рода обыкновенно рѣшаются такіе люди, у которыхъ нѣтъ своихъ собственныхъ платковъ, но такъ какъ при этомъ не требуется ни глубины взглядовъ, ни обширности соображеній, то, по бо́льшей части, умѣлыхъ людей этой категоріи называютъ карманными ворами и бьютъ (за то именно бьютъ, что взгляды у нихъ поверхностные и цѣли ограниченныя). Понятно, какая нужна осмотрительность, чтобы проводить savoir vivre въ этой простой и нѣсколько грубой формѣ; но понятно также и то, что, въ виду безпрестанныхъ опасеній, дѣло это само собой не можетъ удержаться на первоначальной своей точкѣ, но будетъ постоянно стремиться расширить и распространить свою арену.

И дѣйствительно, savoir vivre въ скоромъ времени усложняется и входитъ въ послѣдующій фазисъ своего развитія. Устраиваются дома, деревни, капиталы, дороги; устраиваются карьеры и браки; появляются проекты ограбленія въ столь обширныхъ размѣрахъ, что польза ихъ такъ и бьетъ всѣмъ въ глаза. Предпріятія такого рода, конечно, уже гораздо труднѣе, ибо предполагаютъ знаніе человѣческаго сердца и извѣстную смѣлость взгляда. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ,

они и легче, потому что не сопровождаются заушеніемъ и оплеваніемъ. Они производятся у всѣхъ на виду и при открытыхъ дверяхъ, а потому пріобрѣтаютъ характеръ турнира. Безстрашнѣйшими и безупречнѣйшими рыцарями этого savoir vivre исторія предетавляетъ намъ бывшихъ откупщиковъ; въ будущемъ мы можемъ усматривать зачатки такого же рыцарства въ блистательно начинающемся желѣзнодорожномъ дѣлѣ. „На то война!“ говорятъ пропагандисты этого savoir vivre, и съ самою утонченною вѣжливостью преломляютъ копья.

— Какую я, душа моя, дорогу получилъ!—говорилъ мнѣ на дняхъ одинъ прекрасный молодой человѣкъ, котораго до сихъ поръ я имѣлъ наивность считать пустѣйшимъ малымъ:—объѣденіе!

— Что же такое?

— Кромѣ песку и выси поднебесной—ничего!

И затѣмъ онъ началъ мнѣ разъяснять. Милліоны и сотни тысячъ такъ и лились изъ его устъ, словно это совсѣмъ не милліоны и не сотни тысячъ, а какіе-нибудь презрѣнные мѣдяки.

— Ты понимаешь? я взялъ—и сейчасъ въ сторону! и у меня осталось...

Опять посыпались милліоны и тысячи, такъ что мнѣ, подъ конецъ, сдѣлалось тошно.

— Послушай, другъ мой, а вѣдь я думалъ, что у тебя соломенная голова!—сказалъ я:—ты, пожалуйста, меня извини!

— Извиняю, душа моя, все извиняю!—отвѣчалъ онъ, и въ порывѣ счастья (вотъ какъ оно украшаетъ человѣка!) не только извинилъ, но бросился даже цѣловать меня, повторяя: —Не-ски! не-ски!

— Но позволь, однако, что скажетъ Катковъ? — остановилъ его.

— Разрѣшилъ!

Понятно, что такого рода savoir vivre никакъ нельзя сравнивать съ первымъ. Это даже почти не savoir vivre, а, такъ сказать, законная дань качествамъ ума и сердца. Тутъ нѣтъ ничего... совсѣмъ ничего... Тутъ просто развязность, изобрѣтательность, сноровка, знаніе географіи... и пески!

Но по мѣрѣ того, какъ мы привыкаемъ къ такому savoir vivre, по мѣрѣ того, какъ онъ доставляетъ намъ деньги, комфортъ и всеобщее уваженіе, нашъ умственный горизонтъ расширяется самъ собою

я предъявляетъ взору такія перспективы, которыхъ мы прежде не могли даже и предвидѣть. Мы начинаемъ терять способность различать не только между своимъ и чужимъ платками, но даже и между всевозможными платками вообще, кому бы они ни принадлежали и въ чьихъ бы карманахъ ни находились. Всякій платокъ представляется намъ олицетвореніемъ афоризма: res nullius caedet primo occupandi. Не только поступки и дѣйствія наши проникаются ученіемъ о непреложности savoir vivre, но и наши сужденія, наши попытки произвести нравственную оцѣнку такого-то поступка или дѣйствія, весь нашъ умственный и нравственный обиходъ всецѣло подчиняются ему...

Это, конечно, самый счастливый и самый цвѣтущій періодъ savoir vivre; это самая совершенная форма его. Если первая изъ упомянутыхъ выше формъ можетъ быть охарактеризована изреченіемъ: на ворѣ шапка горитъ, вторая—изреченіемъ: не ойманъ—не воръ, то третью всего приличнѣе формулировать такъ: и ойманъ, да не воръ, потому что кому же судить?

Бабушка! бабушка! что ты надѣлала? Съ какою цѣлью ты поселила во мнѣ разладъ?

Кто растолкуетъ мнѣ, какое дѣйствительное значеніе заключается въ словѣ „воръ“? Кого долженъ я разумѣть настоящимъ воромъ, и кого—просто агентомъ общества savoir vivre? Кому могу я пожать руку, кому обязываюсь плюнуть на оную?

Куда я теперь дѣнусь? Ежели бѣжать въ степи, то вѣдь и онѣ прорѣзываются нынѣче желѣзными дорогами, а вмѣстѣ съ ними и туда проникаетъ savoir vivre.

Неслыханное зрѣлище представляютъ эти прекрасныя, дѣвственныя русскія степи! Хищный волкъ подходитъ къ робкому барану, но не хватаетъ его за шиворотъ, а, любезно виляя хвостомъ, спрашиваетъ: „позволите ли васъ скушать?“ Лисица, забравшись въ куритникъ, не душитъ и не терзаетъ, но ищетъ успокоить всполохнувшихся куръ и вкрадчивымъ голосомъ вопіетъ: „посмотрите, милыя, какъ я васъ оцинлю!“ Эта душегубствующая любезность, это умиротворяющее хищничество приводятъ меня въ трепетъ и ужасъ. Я чувствую, какъ капли пота выступаютъ у меня на лбу, какъ холодѣетъ спина и начинаютъ дрожать ноги...

Тысячи разнородныхъ экземпляровъ человѣка проходятъ мимо меня, и—странное дѣло!—никому-то не стыдно, никто не краснѣетъ!

Всѣ идутъ очень свободно; всѣ разговариваютъ и беззастѣнчиво передаютъ другъ другу свои вчерашнія и сегодняшнія prouesses.

— Слышали, какую штуку Ѳедька удралъ?—говоритъ одинъ.

— Слышалъ, какой Сережа проектъ ко всеобщему ободранію сочинилъ?—вторитъ другой.

— А! вотъ и онъ! Сережа! Сережа! къ намъ! сюда! Quand on parle du soleil, on en voit les rayons!—сыплется со всѣхъ сторонъ.

Сережа приближается; онъ сытъ, доволенъ и, сверхъ того, чувствуетъ, что его уважаютъ. Его окружаютъ, ему льстятъ, около него лебезятъ. Что же мудренаго—онъ финансистъ!

— Ну, что, шалопаи! хотите въ компанію?—благосклонно спрашиваетъ онъ, подавая собесѣдникамъ концы пальцевъ.

— Сережа! голубчикъ! хоть чуточку!—вопіетъ одинъ.

— „Пѣтушкомъ“!—осклабляется другой.

Остальные облизываются.

— Вы, однако, должны знать, messieurs, что это дѣло серьезное... очень, очень серьезное!—глубокомысленно провозглашаетъ Сережа.

— Ужъ я! ужъ мы! только допусти!

— А помнишь ли ты, соломенная голова, какъ ты у братьевъ наслѣдство укралъ?—внезапно врывается въ бесѣду чей-то фофанскій голосъ, очевидно, обращающійся къ Сережѣ.

— Что касается до этого, то... nous en parlerons plus tard, mon cher! Теперь же могу сказать тебѣ одно: въ наше время жизнь дается только тѣмъ, кто ее съ бою беретъ, а не тѣмъ, кто передъ нею слюни точитъ!—произноситъ Сережа и величественно удаляется, сопровождаемый толпою поклонниковъ.

Это—послѣднее слово современнаго savoir vivre. Умѣть эскамотировать шары, съ утра до вечера рыскать по городу и топтать въ передняхъ ковры—это называется брать жизнь съ бою! сидѣть спокойно дома и чуждаться охватившей всѣхъ жажды стяжанія... стяжанія во что бы то ни стало—это называется точить слюни.

— Совсѣмъ насъ узнать нельзя!—говорилъ кто-то на дняхъ въ какомъ-то учено-обѣденномъ обществѣ:—просто, мы не славяне,

а англо-саксы какіе-то сдѣлались! такъ и хватаемъ! такъ и хватаемъ!

— Клюемъ отлично!—прибавилъ другой:—только какъ бы не наклеваться на замаскированный крючокъ!

— Съ Божьею помощью, этого не случится!—прервалъ третій, который, повидимому, еще не успѣлъ сбыть свои акціи и котораго воспоминаніе о крючкѣ сильно передернуло.

Однимъ словомъ, восторгъ общій. Ученыя общества надѣются и провидятъ новые залоги преуспѣянія; публицисты млѣютъ руками и подаютъ благоразумные совѣты; генералы входятъ въ общеніе съ простыми негоціантами, задаютъ обѣды съ музыкой и говорятъ спичи; присяжные повѣренные предлагаютъ свои услуги.

Никогда не было на Руси такого веселья! Были мы грубы и неотесаны: только и было на языкѣ: мошенники да мошенники! И вдругъ... savoir vivre!

— N'est-ce pas que cela applanit bien des choses?—говорила на дняхъ одна прекрасная кокотка и говорила сущую правду.

И за всѣмъ тѣмъ, меня тревожатъ два вопроса:

Вопросъ первый. Какимъ образомъ могло случиться, что соломенныя головы вдругъ сдѣлались и экономистами, и финансистами, и чуть-чуть не политиками?

Вопросъ второй. Ежели справедливо, что отъ всѣхъ этихъ затѣй нахнетъ милліонами, то съ какого благодатнаго неба должны свалиться на насъ эти милліоны?

Первый вопросъ разрѣшается очень легко: именно потому-то и имѣютъ успѣхъ соломенныя головы, что онѣ соломенныя.

Нѣтъ ничего проще, какъ устройство соломенной головы. Правда, что она не отличается прочностью и что чрезъ ея скважины очень скоро стекаетъ всякая мысль, которая въ нее извнѣ вливается; но за то въ нее и попадаетъ всякій соръ гораздо удобнѣе, нежели въ обыкновенную человѣческую голову. Она постоянно раскрыта для каждаго вѣтра, хотя бы даже и зловоннаго, но поэтому-то самому такъ быстро и колеблется всякими дуновеніями. Обыкновенная голова имѣетъ способность задерживать мысли и комбинировать ихъ съ тѣмъ мыслительнымъ капиталомъ, который нажитъ прежде. Напротивъ того, соломенная голова ничего не задерживаетъ и не имѣетъ

надобности комбинировать, потому что мысли проходятъ сквозь нее, какъ сквозь пустое рѣшето. Это качество во многомъ ее облегчаетъ: оно дѣлаетъ ее быстро-воспламеняющеюся, оно дозволяетъ ей дѣйствовать, ничѣмъ не стѣсняясь. Не нужно быть ни экономистомъ, ни финансистомъ, ни политикомъ, чтобы скалить зубы на чужой платокъ. Для этого требуются только крѣпкіе инстинкты плотоядности и чревоугодничества, а затѣмъ званія экономистовъ, финансистовъ и политиковъ придутъ сами собою.

Нахальство, нестѣсняемость, развязность и постоянное, неуклонное стремленіе къ куску—вотъ основанія и принципы этой новой экономической науки.

Что такое рубль? откуда онъ выходитъ? какая его родословная? —все это вопросы, совершенно чуждые соломенной головѣ, и я положительно утверждаю, что только при отсутствіи этихъ вопросовъ и можно дѣлать тѣ операціи, которыя она дѣлаетъ.

Соломенная голова разсуждаетъ такъ: рубль—это рубль, и ничего больше. Она думаетъ, что это какая-то заблудшая овца, которая родилась на монетномъ дворѣ или въ мѣняльной лавочкѣ, потомъ шаталась гдѣ-то безъ дѣла, и теперь, благодаря ея savoir vivre, лѣзетъ къ ней въ карманъ.

Соломенная голова даже не знаетъ, что будетъ дѣлать эта заблудшая овца у нея въ карманѣ. „Полагать надо,—думаетъ она,—что пошевелится она тамъ малое время безъ призрѣнія, покуда не пристроится опять къ какому-нибудь мѣняльѣ, и опять надо будетъ ее оттуда вытаскивать...“

Что такое „операція“? Что изъ нея выйдетъ? насколько она можетъ подѣйствовать въ томъ или другомъ смыслѣ? и на что подѣйствовать? и эти вопросы точно также чужды соломенной головѣ, и я точно также утверждаю, что только при совершенной свободѣ отъ нихъ можно дѣйствовать на-отмашь и не стѣсняясь, то-есть такъ именно, какъ дѣйствуетъ всякая соломенная голова.

— Пе-ски! пе-ски! —радостно восклицалъ мой юный пріятель, о которомъ я повѣствовалъ выше, и разсуждалъ такъ наивно, что даже нѣтъ возможности спросить его: „да чему же ты, дурашка, радуешься? что тебѣ вдругъ такъ весело сдѣлалось?“ Нельзя сдѣлать ему этотъ вопросъ уже по тому одному, что онъ и слово „пески“ во всемъ его объемѣ постигнуть и объяснить не можетъ.

Многіе думаютъ, что тутъ кроется какая-то тайна. Совѣмъ никакой тайны нѣтъ, а дѣло самое обыкновенное. Нахальство и стремительность въ достиженіи цѣлей (а слѣдовательно и успѣхъ) столь же свойственны соломеннымъ головамъ, сколько совѣстливость и нѣкоторая нерѣшительность свойственны обыкновеннымъ головамъ человѣческимъ. Это истина, которую подтверждаетъ и исторія. Стоитъ только ничѣмъ не брезгать да вольно ходить, и вдругъ очутишься такимъ финансистомъ, что самъ Молинари руками разведетъ.

Говорятъ, что мы не славяне, а англо-саксы. На чемъ. однако, основано такое мнѣніе? На томъ ли, что мы очень жадны? на томъ ли. что насъ, при видѣ гривенника, кидаетъ въ озноб? Но есть нѣкоторое животное, боровомъ называемое, которое и того жаднѣе, но которое, за всѣмъ тѣмъ, никому и въ голову на приходило называть англо-саксомъ! Стало быть, это вздоръ, а правда—вотъ она: всѣ мы бахвалы-лежебоки, которымъ легкій трудъ очень нравится. И ничего болѣе.

Изъ всего изложеннаго видно, что многіе вопросы, которые на первый взглядъ кажутся очень трудными, въ сущности разрѣшаются самымъ свободнымъ образомъ. Итакъ, не завидуй, читатель, успѣху соломенныхъ головъ и будь доволенъ тѣмъ, что у тебя на плечахъ голова обыкновенная! Suum cuique: имъ—рубль и соломенный намётъ на плечахъ; тебѣ — голова и три копѣйки мѣдныхъ. Чей удѣлъ счастливѣе?

Гораздо труднѣе разрѣшить вопросъ нумера второго, а именно: съ какого благодатнаго неба имѣютъ свалиться на насъ ожидаемые милліоны?

Но такъ какъ вопросъ этотъ дѣйствительно очень труденъ, то я предпочитаю не разрѣшать его. Будемъ думать, что онъ когда-нибудь разрѣшится самъ собою.

Меня всегда удивляло, почему savoir vivre такъ мало развитъ между такъ-называемою меньшею братьею? И что всего замѣчательнѣе—чѣмъ бѣднѣе эта меньшая братія, чѣмъ слабѣе въ ней развиты всякаго рода промышленныя и цивилизующія поползновенія, тѣмъ менѣе оказывается и чувства savoir vivre.

Меньшая братія не знаетъ ни заемныхъ писемъ, ни векселей, ни сохранныхъ расписокъ, ни контрактовъ. Пробовали давать меньшему брату взаймы денегъ безъ всякихъ документовъ—отдаетъ; пробовали заключать съ нимъ самыя, что̀ называется, удовлетворительныя условія безъ малѣйшаго посредства бумаги—исполняетъ. Какъ ни испытывали его savoir vivre, какъ ни старались возбудить его въ немъ—не оказывается, да и все тутъ.

Если меньшій братъ взялъ у васъ денегъ и предвидитъ, что ему нечѣмъ будетъ заплатить въ срокъ, то онъ уже заго̀дя мучится и всею своею фигурою говоритъ: виноватъ! То пройдетъ мимо васъ, потупивъ глаза, то вдругъ взглянетъ на васъ... ка̀къ взглянетъ! Тогда изъ него хоть веревки вей. По первому вашему мановенію, онъ начинаетъ и пахать, и бороновать, и сѣять, и косить, и жать, или, другими словами, дѣйствовать хребтомъ, и дѣйствуетъ имъ до тѣхъ поръ, покуда вы сами, наконецъ, не скажете: довольно!

— А вѣдь это, братъ, только проценты! долгъ-то, братъ, самъ по себѣ!—инсинуируете вы ласково.

— Ну, само собой! долгъ—это, разумѣется, само собой!—отвѣчаетъ онъ, и какъ благодаренъ-то, какъ благодаренъ онъ вамъ, что позволили ему подѣйствовать мало-мало хребтомъ...

И въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое ему хребетъ! онъ дѣйствуетъ имъ такъ свободно и ловко, какъ будто онъ у него не свой, а казенный!

Вотъ къ какимъ прекраснымъ результатамъ можно придти, ежели сойдутся вмѣстѣ: съ одной стороны savoir vivre, а съ другой—недостатокъ въ оном̀ъ.

То ли дѣло — другъ мой, Ѳеденька Козелковъ! Онъ три года долженъ мнѣ нѣкоторую сумму, и всякій разъ, какъ мы встрѣчаемся, не онъ робѣетъ передо мной, а я передъ нимъ. Онъ такъ развязно подходитъ ко мнѣ, такъ любезно спрашиваетъ о моихъ занятіяхъ, что я чувствую себя не только очарованнымъ, но даже боюсь, буквально боюсь, чтобъ онъ какъ-нибудь не проговорился о своемъ ничтожномъ должкѣ!

Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что, тѣмъ не менѣе, большинство воровъ, грабителей, разбойниковъ и т. д., все-таки, выходитъ изъ меньшей братіи, и слѣдовательно... Позвольте, господа! во-первыхъ, можно поручиться заранѣе, что всѣ эти воры, грабители и т. д. болѣе или менѣе уже принадлежатъ къ числу тропутыхъ стремленіемъ

къ savoir vivre; во-вторыхъ, возьмите ихъ численное отношеніе къ массѣ меньшей братіи, и вы несомнѣнно увидите, что объ этомъ даже и говорить не стоитъ.

Но чѣмъ больше мужикъ опрягется, тѣмъ настоятельнѣе начинаютъ взывать въ немъ инстинкты savoir vivre. Изъ простого чибиса онъ дѣлается коршуномъ, изъ барана—волкомъ. Правда, что ни орломъ, ни львомъ онъ, все-таки, никогда не сдѣлается. но вѣдь и мѣсто наше такое... по нашему мѣсту. и волка очень довольно.

Онъ начинаетъ отрицаться, утаивать, отговариваться запамятованіемъ, и всѣ эти акты своего savoir vivre сопровождаетъ вздохами. „Ничего я этого не знаю“, „никогда я у тебя не бралъ“, „и напрасно ты меня этимъ дѣломъ безпокоишь“—вотъ слова, которыя изрекаютъ его уста въ этотъ первый періодъ его превращенія. Потомъ онъ мало-по-малу входитъ въ разсмотрѣніе среды, въ которой живетъ, и, тщательно изучивъ положеніе каждаго изъ ея членовъ, начинаетъ производить свои финансовыя операціи въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Потомъ голову его постепенно начинаетъ угнетать мысль о всеобщемъ ограбленіи; ему становится тѣсно въ деревнѣ; ему надо губернію, двѣ губерніи, три губерніи... цѣлую Россію! И вотъ онъ бредетъ откуда-нибудь. изъ родной Замануловки, бредетъ пѣшкомъ, не спитъ, не ѣстъ, не пьетъ, все думаетъ: какъ бы обдѣлать дѣло въ лучшемъ видѣ! И вдругъ, спустя полгода. вы узнаете, что у насъ въ городѣ народился новый финансистъ.

— Кто такой? кто такой?—спрашиваете вы съ жадностью.

— Представьте... простой мужичокъ! и даже неграмотный!—отвѣчаетъ вамъ одна изъ соломенныхъ головъ, плѣненная проектомъ всеобщаго уязвленія.

— Что жъ онъ такое сочинилъ? — продолжаете вы ваши вопросы.

— Ну, это покамѣстъ еще тайна!

Оказывается, однакожъ, что мужичокъ-финансистъ, при помощи авоськи да небоськи, ничего не упустилъ изъ вида: что онъ не только поверхность земли, но и самыя ея нѣдра предположилъ устроить и привести въ порядокъ, чтобъ не лежали праздно, а приносили посильный плодъ на пользу и радость любезному отечеству.

Появляются проекты объ эксплуатаціи собачьяго помета, проекты о собраніи на всемъ пространствѣ Россіи рыбьихъ костей, о заселеніи

несчаныхъ степей, объ обращеніи безплодныхъ мѣстъ въ плодоносныя...

— Иванъ Иванычъ! голубчикъ! такъ мы, стало быть, собачій пометъ собирать станемъ?—спрашиваетъ соломенная голова, готовая, въ порывѣ энтузіазма, даже и на этотъ подвигъ.

— На что-же-съ! Мы только акціи выпустимъ-съ!—отвѣчаетъ мужичокъ-финансистъ, и затѣмъ начинаетъ обстоятельно и толково объяснять сокровенную сущность проекта.

Я отнюдь не говорю и не думаю, чтобы у этого мужичка-финансиста была соломенная голова (я скорѣе готовъ назвать ее булыжниковою), но предоставляю читателю судить о тѣхъ, кто соблазняется проектами, до концепціи которыхъ онъ дошелъ собственнымъ умомъ...

На дняхъ я читалъ книгу Тенэ: „Paris en Décembre 1851“ и убѣдился, что современный savoir vivre ведетъ свое начало изъ переворота 2-го декабря 1851 года. Мало того: эта книга доказала мнѣ, что истинный savoir vivre можетъ быть иногда доведенъ даже до размѣровъ полнаго свободомыслія.

Никто не станетъ отрицать, что Кавеньякъ, Шангарнье, Шарласъ, Тьеръ, Викторъ Гюго и множество другихъ жертвъ декабрьскаго переворота — люди умные и довольно проницательные. Многіе утверждаютъ, что они въ этомъ отношеніи стоятъ даже выше, нежели какіе-нибудь Морни, Сентъ-Арно и Мопа и другіе герои того же закала, которые невѣдомо откуда взялись и расцвѣли въ ночь съ перваго на второе декабря (въ Тьерѣ и Шангарнье нельзя даже отвергать и замѣчательнаго savoir vivre). И вотъ, однакожъ, эти внезапные выходцы неизвѣстности, эти простые люди, незнакомые ни съ міромъ, ни съ его ухищреніями, вдругъ, въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ часовъ, становятся выше, опытнѣе и дальновиднѣе тѣхъ, которые въ продолженіе многихъ и многихъ лѣтъ уловляли вселенную! Надо же, чтобъ была какая-нибудь причина, объясняющая столь загадочное явленіе.

По моему мнѣнію, такое извращеніе естественнаго порядка въ дѣлѣ уловленія произошло единственно оттого, что ни Тьеръ, ни Шангарнье, ни Кавеньякъ не умѣли возвыситься до того свободомыслія, до котораго разомъ возвысились простые рыбари, никогда не

стѣснявшіеся никакими соображеніями. Кажется, что̀ можетъ быть легче, какъ войти цѣлой ордой въ домъ къ спящему человѣку и пришибить его, а кто же, кромѣ совершенно свободомыслящаго человѣка, рѣшится на такой подвигъ? Что̀ можетъ быть проще насилія, пошлѣе коварства, нахальнѣе необузданности, и между тѣмъ, кто, кромѣ субъекта, вполнѣ освободившагося отъ всякихъ нравственныхъ обязательствъ, охотно согласится на такіе поступки, которые повлекутъ за собой для него названіе человѣка коварнаго, нахальнаго и необузданнаго? Всѣ подобнаго рода дѣйствія не требуютъ ни ума, ни особенныхъ способностей; единственное условіе, которому они подчиняются—это условіе внезапности. Сюрпризы, изготовляемые при помощи savoir vivre, тѣмъ именно и благонадежны, что къ нимъ нельзя приготовиться, и что, слѣдовательно, ни умъ, ни проницательность, ни таланты—ничто не можетъ устоять противъ нихъ, ничто не можетъ ихъ отразить. Это своего рода кирпичи, внезапно сваливающіеся съ крыши и сразу убивающіе человѣка—что̀ противъ нихъ подѣлаешь?

„Сберегайте ваши силы и утомляйте силы обывателей“. „По временамъ ушибайте, но дѣлайте видъ, что это произошло невзначай“. „Обманывайте, обманывайте и обманывайте!“ Ничего не можетъ быть проще и даже глупѣе этихъ аксіомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ прояснились наши понятія, какія обширныя перспективы открылись передъ нами! Мы нашли средство вывести эти аксіомы изъ той спеціальности, въ которой онѣ первоначально замыкались, и отыскивать для нихъ такія примѣненія, которыя едва-ли снились даже изобрѣтателямъ ихъ. Мы переносимъ эти аксіомы во всевозможныя жизненныя сферы, какія доступны нашему пониманію; мы видимъ въ нихъ не только идеалъ практической мудрости, но и единственное условіе какихъ бы то ни было успѣховъ. Мы обманываемъ, обманываемъ, обманываемъ...

Съ одной стороны—savoir vivre, съ другой—толпа, до которой имѣетъ дѣло этотъ самый savoir vivre. Какъ ни простъ сей послѣдній, какъ ни ограничены его цѣли, все-таки онъ знаетъ, чего хочетъ, и, слѣдовательно, обладаетъ извѣстною дозой рѣшимости. Онъ тогда только и выходитъ, когда уже заранѣе опредѣлитъ и свои собственныя позиціи, и точку, въ которую предстоитъ ему цѣлиться. Совсѣмъ другой видъ представляетъ толпа: какъ ни предполагайте ее проницательною, она уже по тому одному не въ силахъ ничего предпри-

нять, что не знаетъ, откуда и какого рода камень будетъ въ нее брошенъ. Она можетъ выдѣлять изъ себя великихъ и геніальныхъ людей, она можетъ совершать чудеса самопожертвованія и доблести, но противъ неожиданностей и разставляемыхъ ловушекъ ничего сдѣлать не въ состояніи.

На этомъ-то именно и основанъ весь разсчетъ такъ-называемаго savoir vivre, и вотъ этотъ-то именно разсчетъ и поняли въ совершенствѣ такъ-называемыя соломенныя головы.

Когда мы дойдемъ до той степени естественности и простоты взглядовъ, что, встрѣчаясь на улицахъ, будемъ говорить другъ другу:

— Поздравь меня, душенька! я только-что сію минуту у Доминика пирогъ съ прилавка благополучно стащилъ!

— Эка невидаль! А я вчера тридцать тысячъ укралъ — и то никто не примѣтилъ!

Когда, говорю я, мы достигнемъ такого свободомыслія, что перестанемъ отличать свои карманы отъ чужихъ, тогда настанетъ для насъ тотъ блаженный періодъ, въ которомъ нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ, ни злыхъ, ни добрыхъ, ни дурныхъ, ни красивыхъ, а существуютъ одни умѣлые люди.

Я не утверждаю, что мы были очень близки къ этой волшебной цѣли; но достойно замѣчанія, что уже теперь, когда мы находимся еще на половинѣ пути къ ней, истинно умными людьми называются только люди умѣлые. Ихъ однихъ цѣнятъ, одними ими дорожатъ. Все остальное, не подходящее къ этому идеалу, составляетъ собраніе такъ-называемыхъ têtes creuses, о которыхъ не можетъ быть даже помина, когда идетъ рѣчь о развернутомъ фронтѣ разнообразныхъ актовъ нашего savoir vivre.

Мнѣ кажется, однако, что мы могли бы имѣть и еще больше успѣха, если-бъ дѣйствовали нѣсколько смѣлѣе и увѣренѣе. Насъ смущаетъ мысль, что мы, все-таки, не больше, какъ les cadets de la civilisation, и что настоящихъ образцовъ даже въ такомъ простомъ дѣлѣ дать никому не можемъ. Французское мастерство продолжаетъ застилать намъ глаза и отнимаетъ у нашихъ попытокъ всякую оригинальность. Въ этомъ случаѣ образованность и слишкомъ большая начитанность, по моему мнѣнію, даже вредны. Не будь у насъ этой

боязни идеаловъ, этого обожанія чужой цивилизаціи, мы не падали бы въ обморокъ при мысли: что-то скажутъ наши учители? — но устраивали бы свое дѣло собственными средствами, какъ Богъ на душу положитъ... И навѣрное дѣлали бы много, прочно и хорошо.

Укажу, напримѣръ, на слѣдующее простое дѣло: укралъ человѣкъ сумму, или, лучше сказать, не укралъ, а незамѣтнымъ образомъ совершилъ экспропріацію. Фактъ, повидимому, простой и совершенно безобидный—и что жъ вы, однакожъ, думаете?—поднялась какая-то разноголосица, устроился чуть ли не цѣлый турниръ! по поводу такого-то, ничего не стоющаго факта! Одни говорятъ (къ счастью еще, что случились люди вполнѣ компетентные!): если укралъ —пускай пользуется! другіе говорятъ: нѣтъ! воровать не позволяется, потому что такимъ манеромъ скоро не будешь знать, цѣлесообразно или нецѣлесообразно выходить на улицу одѣтымъ и имѣть при себѣ платокъ?

— Этакъ, батюшка, куски изо рта вырывать будутъ? — говорили голоса болѣе рѣшительные.

— Такъ вы скорѣе глотайте!—возражали имъ голоса не менѣе рѣшительные.

Я понимаю, что въ вопросѣ столь великой важности подобный разладъ совершенно умѣстенъ; тѣмъ не менѣе, онъ все-таки настолько прискорбенъ, что служитъ почти единственною помѣхою для нашего поступанія впередъ. Еслибъ мы были на этотъ счетъ согласны, еслибъ мы одинъ разъ навсегда сказали другъ другу: прочь сомнѣнія! укравшій—пусть пользуется! оплошавшій—пусть вкушаетъ плоды экспропріаціи!—нельзя даже исчислить, до какихъ геркулесовыхъ столповъ цивилизаціи мы могли бы дойти! Всякій, видя насъ, говорилъ бы: вотъ люди, которые знаютъ, чего хотятъ! вотъ люди, на которыхъ можно положиться, какъ на каменную стѣну! Тогда какъ теперь, видя наши неурядицы, всѣ говорятъ: вотъ слабое, преждевременно отжившее поколѣніе, которое препирается даже насчетъ такихъ общеизвѣстныхъ предметовъ, какъ экспропріація!

Нѣтъ: какъ ни несомнѣнно мое уваженіе къ старой бабушкѣ, я ни подъ какимъ видомъ не могу согласиться съ нею. Savoir vivre и мошенничество, можетъ быть, двѣ равно великія, но въ то же

время совершенно различныя силы. Большая разница: *вырвать* у ближняго изо рта кусокъ наглымъ образомъ—и *вынуть* тотъ же кусокъ такъ, чтобъ никто не замѣтилъ: насколько первое зазорно, невѣжливо и оскорбительно, настолько второе естественно... почти законно!

Пускай огорченные идеологи ораторствуютъ насчетъ развращенности нравовъ; пускай какой-нибудь обозлившійся мизантропъ провозглашаетъ, что наше время можетъ представить только ядовитые продукты умственнаго и нравственнаго гніенія; скажемъ другъ другу разъ навсегда: это говоритъ зависть, ограниченное скудоуміе—и, затѣмъ, станемъ добре.

На свѣтѣ слишкомъ много простосердечныхъ людей, чтобъ можно было допустить ихъ невозбранно коптить небо. Пожалуй, они закоптятъ его такъ, что намъ, людямъ умѣлымъ, нельзя будетъ прямо взглянуть на солнце. Этотъ народъ плодущъ и назойливъ: его необходимо разрѣжать частью посредствомъ водворенія... въ извѣстныхъ границахъ, частью посредствомъ проглатыванія. Только въ этомъ разрѣженномъ состояніи можно допустить участіе столь безпокойнаго элемента въ общемъ жизненномъ хорѣ: только въ этомъ видѣ онъ можетъ быть разсматриваемъ не только какъ извѣстный, не оскорбляющій слуха диссонансъ, но даже какъ нѣкоторая нелишняя поправка нашему слишкомъ разыгравшемуся savoir vivre.

Нѣтъ спора, снисходительность и великодушіе похвальны; но и они становятся притворными, какъ скоро употребляются безъ мѣры и несвоевременно. Время не терпитъ: каждая минута приноситъ за собой капиталы; намъ предстоитъ шарить, хватать, глотать—а мы, вмѣсто того, станемъ распускать слюни и слушать проповѣди о воздержаніи и какихъ-то ядовитыхъ продуктахъ нравственнаго гніенія! Да поймите же, наконецъ, до какой степени это несообразно и глупо!

Итакъ, будемъ великодушны, но въ то же время и тверды. Пускай наша снисходительность умѣрится бодростью и неуклоннымъ шествіемъ впередъ. Сверхъ того, не станемъ стѣсняться чужими образцами, но изберемъ себѣ тѣ пути, которые укажутъ намъ наши собственные инстинкты любостяжанія. И да не постыдимся.

VIII.—Проектъ современнаго балета.

(По поводу «Золотой рыбки».)

Я люблю балетъ за его постоянство. Возникаютъ новыя государства; врываются на сцену новые люди; нарождаются новые факты; измѣняется цѣлый строй жизни: наука и искусство съ тревожнымъ вниманіемъ слѣдятъ за этими явленіями, дополняющими и отчасти измѣняющими самое ихъ содержаніе—одинъ балетъ ни о чемъ не слышитъ и не знаетъ; одинъ балетъ съ истинно-трогательнымъ постоянствомъ продолжаетъ возглашать: „vive Henri IV!“ въ то время, какъ Наполеониды...

Балетъ—консерваторъ по преимуществу, консерваторъ до самозабвенія. Онъ знаетъ, что цвѣтущее его состояніе тѣсно связано съ большею или меньшею солидарностью тѣхъ краеугольныхъ камней, которыми отъ времени до времени бросаетъ въ публику русская публицистика: онъ чтитъ эти камни, потому что они въ лицахъ присутствуютъ въ первыхъ рядахъ партера, и охотно посвящаетъ себя на служеніе имъ. „Пускай астрономы доказываютъ, что земля вокругъ солнца обращается“, говоритъ онъ, и вмѣстѣ съ публицистами убѣждаетъ, что въ балетно-благоустроенномъ мірѣ никакихъ подобнаго рода стѣсненій допущено не можетъ быть, ибо здѣсь все зависитъ отъ усмотрѣнія балетмейстера. Вотъ первый краеугольный камень, связующій балетъ съ консерватизмомъ.

Владычествуя за канибрата въ сферѣ духовъ и видѣній, повелѣвая стихіями, распоряжаясь свободно теченіемъ небесныхъ свѣтилъ, балетъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, возвышаетъ умъ и сердце человѣка. Это краеугольный камень нумера второго. Консерваторы любятъ нарить духомъ и возноситься сердцемъ при видѣ порхающихъ балеринъ: они любятъ уноситься мыслью въ трансцендентальныя сферы при видѣ коротенькихъ газовыхъ юбочекъ; они любятъ умиляться духомъ при видѣ маленькихъ ножекъ, которыя поднимаются... поднимаются... Съ своей стороны, балетъ очень хорошо сознаетъ благотворное дѣйствіе, производимое имъ на консерваторовъ, и потому усугубляетъ свое служеніе консервативнымъ началамъ до самоотверженія. Въ порывѣ преданности, онъ дѣлается даже либеральнѣе и

рискуя произвести въ театрѣ консервативную революцію, неустанно взывать къ корифейкамъ: „выше! выше!“

Еслибъ было достовѣрно доказано, что „духа долины“ не существуетъ — что̀ сталось бы съ балетомъ? Еслибъ явился новый Галилей, который, передъ зрителями первыхъ рядовъ Большого театра, выразилъ бы робкое предположеніе, что „пламя любви“ есть не болѣе, какъ балетный предразсудокъ — что̀ сталось бы съ консерваторами? И балетъ, и консерваторы очень хорошо понимаютъ, что въ Галилеяхъ заключается ихъ погибель, и потому тѣснѣе и тѣснѣе скрѣпляютъ связующія ихъ узы, давая торжественную клятву не имѣть иной вѣры, кромѣ вѣры въ „пламя любви“, и не руководиться иными убѣжденіями, кромѣ убѣжденій „духа долины“.

О, Галилеи! найдется ли у васъ достаточно силъ, чтобы сокрушить этотъ крѣпкій балетно-консервативный союзъ?!

Но никогда еще единомысліе балета и консервативныхъ началъ не выражалось съ такою яркостью, какъ въ балетѣ „Золотая рыбка“, поставленномъ прошлаго года на сценѣ петербургскаго Большого театра. Тутъ все, отъ перваго до послѣдняго антракта, съ изумительною послѣдовательностью поставлено въ явное противорѣчіе не только съ Галилеемъ, но даже съ географіей Арсеньева и исторіей Смарагдова (два авторитета, допускаемые даже консерваторами, конечно, не слишкомъ рьяными). Но потому-то именно этотъ балетъ и получилъ такой необыкновенный успѣхъ. Консерваторы поняли, что онъ не только возвышаетъ умъ и сердце, но имѣетъ еще весьма важное воспитательное значеніе, что онъ, убѣждая зрителей незыблемо хранить вѣру въ „духа долины“, въ то же время вырываетъ съ корнемъ послѣднее зло, подрывавшее эту вѣру, и смѣлою рукою сводитъ „Географію“ съ ея пьедестала.

И въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое „География“? География — говоритъ г. Арсеньевъ — есть землеописаніе. Несмотря на ощутительную загадочность этого опредѣленія, въ немъ чувствуется нѣкоторая конкретность. Изъ-за „землеописанія“ выглядываютъ знакомыя намъ физіономіи странъ и народовъ, съ ихъ именами и историческими особенностями, а пожалуй даже и съ притязаніями. Консерваторскому чувству это противно. Консерваторское чувство желало бы, чтобы географія была именно только землеописаніемъ, и чтобы затѣмъ, перевернувши первую страницу, можно было сказать: ничего въ волнахъ

не видно! Поэтому консерваторы давно уже подозрѣвали географію въ неблагонамѣренности и измѣнѣ, и даже пробовали, при помощи публицистовъ, пускать въ нее краеугольными камнями довольно увѣсистаго свойства, но до сихъ поръ усилія ихъ почему-то не имѣли надлежащаго успѣха. И вотъ, эту безцѣнную услугу, которая оказалась не подъ силу даже русской публицистикѣ, удалось оказать „великой консервативной партіи“ поборнику совершенно новому и неизвѣстному—однимъ словомъ, скромному балетмейстеру петербургскаго Большого театра, г. Сенъ-Леону.

Но чтобы понять всю великость подвига, совершеннаго г. Сенъ-Леономъ, необходимо разсказать здѣсь вкратцѣ содержаніе измышленнаго имъ балета.

Дѣйствіе открывается на берегу Днѣпра. Повидимому, такое опредѣленное обозначеніе мѣстности обнаруживаетъ въ авторѣ нѣкоторое поползновеніе примирить балетъ съ географіей, но, въ сущности, какъ увидимъ ниже, это съ его стороны только хитрость. Г. Сенъ-Леонъ, какъ опытный боецъ, знаетъ, что къ сильному врагу слѣдуетъ подходить съ осторожностью, и потому на первыхъ порахъ рѣшается менажировать его. Въ дѣйствительности, декорація представляетъ не Днѣпръ, а рѣку Стиксъ, на берегахъ которой, въ противность явному свидѣтельству миѳологіи, рѣзвятся сказочные поселяне и поселянки. Эти простодушныя дѣти природы, какъ и водится, препровождаютъ время въ плескахъ и играхъ. Почему они пляшутъ? Они пляшутъ потому, что налаживаютъ сѣти; они пляшутъ потому, что готовятъ лодку; они пляшутъ потому, что они поселяне, и въ этомъ качествѣ *должны* плясать. Выбѣгаетъ Галя (г-жа Сальвіони) и машетъ руками, въ знакъ того, что у нея есть старый мужъ, который только спитъ, а ее, Галю, совсѣмъ не утѣшаетъ. Пользуясь симъ случаемъ, поселяне пляшутъ опять. Этимъ временемъ Тарасъ закидываетъ сѣти въ Днѣпръ и вылавливаетъ золотую рыбку, которая, однакожъ, оказывается не рыбкою, а прехорошенькою дѣвочкой. Тарасъ отпускаетъ „рыбку“ на волю, то-есть не потрошитъ ее на уху, а бросаетъ обратно въ Стиксъ, и въ благодарность за это получаетъ отъ нея кучу раковинъ. „Лишь бы ты чего захотѣлъ,—говоритъ милая дѣвица,—брось одну раковину въ воду, и желаніе твое мигомъ сбудется“. Затѣмъ, согласно съ желаніями Тараса, начинается цѣлый рядъ превращеній: сначала является

новое корыто, потомъ изба и, наконецъ, боярскія хоромы. Галя дѣлается „боярыней“ и пріобрѣтаетъ себѣ въ услуженіе пажа, въ образѣ котораго искусно скрываетъ себя та же золотая рыбка.

Свидѣтельствуюсь всѣми историческими и географическими учебниками, принятыми въ руководство и непринятыми (апокрифическими), что въ Днѣпрѣ никогда и никто золотыхъ рыбокъ не лавливалъ, а въ особенности рыбъ, имѣющихъ человѣческій образъ. Ходили, правда, слухи, что рѣка эта населена русалками, а окрестности ея вѣдьмами, но ни Смарагдовъ, ни даже Кайдановъ никогда не признавали за этими слухами никакой достовѣрности. Сверхъ того, никто не вправѣ игнорировать, что, вслѣдствіе распространенія просвѣщенія, всѣ эти дамы давно уже выдержали экзамены на домашнихъ учительницъ и, оставивъ прежнія непроизводительныя занятія, разселились по разнымъ закоулкамъ нашего обширнаго отечества, гдѣ и проживаютъ въ качествѣ гувернантокъ. Г. Сенъ-Леонъ, конечно, знаетъ это, а ежели знаетъ, то ясно, что слово „Днѣпръ“ употреблено имъ единственно въ пику географіи и съ злостнымъ намѣреніемъ погубить ея до сихъ поръ незапятнанную репутацію. И дѣйствительно, совершивъ это сокрушительное дѣло, г. Сенъ-Леонъ уже не стѣсняется никакими географическими терминами, и прямо выводитъ зрителя на ровное мѣсто, гдѣ ничего не видно, а видна одна высь поднебесная.

Я нарочно наблюдалъ, въ продолженіе перваго акта, за старичками-консерваторами, сидящими въ первыхъ рядахъ креселъ. Сначала, при имени Днѣпра, ихъ физіономіи хмурились, но потомъ, по мѣрѣ разъясненія дѣла, постепенно разглаживались: когда же золотая рыбка появилась въ образѣ пажа, то уничиженіе географіи явилось столь несомнѣннымъ, что лица всѣхъ озарились сладкою консервативною улыбкою. Такому удовлетворительному результату немало, впрочемъ, способствовала г-жа Кашперева, игравшая роль золотой рыбки. Старички-консерваторы съ нечеловѣческимъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ движеніемъ этого прелестнаго ребенка, и еслибы не подагра, то навѣрное улетѣли бы вслѣдъ за нимъ въ то время, какъ онъ исчезаетъ въ картонныхъ волнахъ псевдо-Днѣпра.

Я совершенно понимаю порывы старичковъ. Г-жа Кашперева очаровательна, и не летѣть за нею невозможно. Но, съ другой стороны, принимая во вниманіе: 1) что старички сіи, судя по совер-

женнымъ ихъ лѣтамъ, занимаютъ, по малой мѣрѣ, мѣста особъ на заставахъ команду имѣющихъ, и 2) что съ отлетомъ ихъ остался бы неразрѣшеннымъ вопросъ о разныхъ по части заставъ усовершенствованіяхъ — я не могу, въ то же время, не удивляться прозорливости начальства, которое, вмѣстѣ съ страстными порывами, снабдило старичковъ и подагрою.

Второе дѣйствіе застаетъ Галю боярыней. Но этого ей уже мало; въ сердцѣ ея роятся иныя желанія. Тутъ, какъ нельзя болѣе кстати, врывается въ комнату лучъ мѣсяца („пускай астрономы доказываютъ! пускай доказываютъ!"), и глазамъ Гали представляется чудная картина: царица, окруженная блестящимъ дворомъ. Декорація перемѣняется — и Галя царица! Сцена представляетъ парадные аппартаменты во дворцѣ, и передъ изумленными глазами зрителей проходитъ великолѣпнѣйшая процессія. Процессія эта состоитъ исключительно изъ министровъ (по крайней мѣрѣ, garde des sceaux былъ тутъ навѣрное), и мнѣ сдается, что присутствующій тутъ г. де-Персиньи (до сихъ поръ не могущій позабыть, что онъ совсѣмъ не Персиньи а Fialin) или г. де-Лавалеттъ, то они несомнѣнно приняли бы эту сцену на свой счетъ. Министры подносятъ Галѣ корону, но она, припоминая изъ Кайданова, что „корона есть бремя", нѣкоторое время колеблется. Тогда первый министръ употребляетъ рѣшительное средство, чтобы побѣдить эти колебанія: „помилуйте! да вѣдь это бумажный колпакъ!" — говоритъ онъ — и, къ общей радости остальныхъ министровъ, достигаетъ вожделѣнной цѣли. На сценѣ начинаются танцы, а за кулисами выкатывается бочка пѣшаго для прочихъ балетныхъ подданныхъ.

Но, увы! Галя не оправдываетъ ни довѣрія, ни надеждъ своихъ подданныхъ. Она, какъ женщина легкомысленная, сразу пускается въ плясъ и даже увлекаетъ въ оный четырехъ министровъ. Образуется прелестнѣйшій pas de cinq, и Галя съ удовольствіемъ усматриваетъ, что ея министры способны всякую реформу вытанцовать въ лучшемъ видѣ, а со временемъ, быть можетъ, будутъ въ состояніи и couronner l'édifice.

Я опять взглянулъ на „старичковъ-консерваторовъ": на сей разъ они летѣли за г-жею Сальвіони. Вновь пришлось изумиться предусмотрительности начальства, снабдившаго „старичковъ" подагрою; но, съ другой стороны, принимая во вниманіе: 1) что въ усовершен-

ствованіяхъ по части застав настоятельной надобности не предстоитъ, и 2) что за симъ къ безпрепятственному отлету „старичковъ“ за г-жами Канцыревой и Сальвіони никакихъ затрудненій не представляется — я не могъ не сознаться, что даже для самой мудрой предусмотрительности имѣются естественные предѣлы, преступать которые не надлежитъ.

Начинается третій актъ, который есть не что иное, какъ организованная галиматья, а потому разсказать его содержаніе нѣтъ возможности. Замѣчательнѣе всего въ этомъ актѣ появленіе „фантастическаго крестьянина“ и полетъ г-жи Сальвіони на коврѣ-самолетѣ...

Я въ третій разъ взглянулъ на „старичковъ-консерваторовъ“, съ намѣреніемъ въ третій разъ удивиться предусмотрительности начальства, но, сообразивъ обстоятельства сего дѣла и имѣя въ виду: 1) что распредѣленіе человѣческихъ немощей ни въ какомъ случаѣ отъ усмотрѣнія начальства зависѣть не можетъ, и 2) что за симъ всякое сужденіе объ этомъ предметѣ, по малой мѣрѣ, преждевременно — *опредѣлилъ*: не давая ни ближайшаго, ни дальнѣйшаго развитія размышленіямъ о „старичкахъ-консерваторахъ“, оныя прекратить, предоставивъ, впрочемъ, ихъ участь милосердію г-жъ Сальвіони и Канцыревой.

Вотъ краткое содержаніе балета „Золотая рыбка“, привлекшаго въ Большой театръ многочисленную публику. Я вполнѣ понимаю цѣли, руководившія г. Сенъ-Леономъ при сочиненіи этого балета, и даже безоговорочно одобряю ихъ... Я увѣренъ даже, что если-бъ г. Сенъ-Леонъ могъ разрѣшить корифеямъ и корифейкамъ говорить, то онъ непремѣнно заставилъ бы ихъ говорить по-гречески или по-латыни, все въ видахъ достиженія тѣхъ же консервативно-миѳологическихъ цѣлей... Но я позволяю себѣ усомниться въ одномъ: для чего тутъ необходимо посрамленіе географіи? и дѣйствительно ли усматриваются въ ней такія вредоносныя начала, которыя могутъ серьезно тревожить такъ-называемую „великую консервативную партію“?

Положа руку на сердце, я отвѣчаю: нѣтъ, никакихъ вредоносностей за географіей не водится! Говоря по совѣсти, географія, и въ особенности „сокращенная“, есть наука очень и очень полезная. Съ помощью ея можно во всякое время снаряжать экспедиціи, заключать трактаты, расширять и исправлять границы, руководясь единственно одною удобностью. Въ этомъ смыслѣ пользуются географіей москов-

скіе публицисты безъ всякаго опасенія—и что же? выходитъ хорошо! Потому что, не будь географіи, мы именно блуждали бы, такъ сказать, въ непрерывномъ ужасѣ. Задумавши снарядить экспедицію, мы не знали бы, куда ее снарядить; задумавши побѣдить—не знали бы, кого побѣдить; задумавши занять денегъ—засовывали бы руки совсѣмъ не въ тѣ карманы. Я увѣренъ даже, что не только географія, но и исторія, и ариѳметика, и самый „Домашній лечебникъ“ кн. Енгалычева не суть вредны. Дѣло только въ томъ, чтобы извлекать изъ нихъ благопотребное, а непотребное отбрасывать и отсѣкать. Такъ, напримѣръ: достовѣрно извѣстно, что безъ помощи „исторіи“ мы не имѣли бы понятія о многихъ полезнѣйшихъ мѣропріятіяхъ, а безъ твердаго знанія таблички умноженія не могли бы вести правильный счетъ податямъ и повинностямъ. Посему, опасаться географіи нѣтъ основанія; надо только быть твердымъ, а остальное приложится само собою.

Мнѣ всегда казалось, что не тотъ истинный консерваторъ, который фантастически преслѣдуетъ географію, исторію и ариѳметику, но тотъ, который усматриваетъ въ сихъ „краткихъ руководствахъ“ полезныя вспомогательныя науки для сочиненія руководящихъ публицистическихъ статей. Не тотъ истинный консерваторъ, который заставляетъ танцовщицъ поднимать ноги въ видахъ посрамленія ариѳметики, но тотъ, кто, съ удовольствіемъ взирая на порхающихъ корифекъ, въ то же время отчетливо сознаетъ, что $2 \times 2 = 4$. Я самъ пламенный консерваторъ; я самъ истинно скорбѣлъ, когда крѣпостные мои мужички и т. д. Я самъ питаю несокрушимую вѣру въ „духа долины“ и въ „дочь фараона“; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я положительно хочу знать, въ Рязани или въ Пензѣ они привитаютъ, и ежели мнѣ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ неудовлетворительно, то мысль моя мутится и самая вѣра охладѣваетъ.

Вопросъ о примиреніи балета и съ консервативно-вспомогательными науками занималъ меня не малое время. Проникнутый важностью этой задачи, я не лѣнился, какъ „рабъ лукавый“, но старался доказать примѣнимость моей мысли на практикѣ, и въ порывѣ усердія не мало-таки перепортилъ бумаги. Сначала я сочинилъ балетъ, подъ названіемъ: „Добродушный Гостомыслъ и варяги, или всякое дѣло надо дѣлать подумавши“, но сообразилъ, что сюжетъ этотъ несравненно съ бо́льшимъ знаніемъ обработывается газетой

„Москва“. Потомъ сочинилъ балетъ, подъ названіемъ: „Административный Пирогъ, *или* Безпримѣрное объѣденіе“: но одинъ отставной цензоръ завѣрилъ меня, что постановка такого балета будетъ едва ли не преждевременна. Наконецъ, я остановился на третьемъ сюжетѣ, который, по мнѣнію моему, долженъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Льщу себя надеждою, что представители санктпетербургскихъ театральныхъ искусствъ оцѣнятъ мои усилія и поставятъ на сцену балетъ моего сочиненія съ великолѣпіемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ его достоинству.

Вотъ моя программа:

МНИМЫЕ ВРАГИ

или

ВРИ И НЕ ОПАСАЙСЯ.

Современно-отечественно-фантастическій балетъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ и въ 4-хъ картинахъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Отечественно-консервативная Сила, скрывающаяся подъ именемъ Ивана Ивановича Давилова.

Обиралов
Дантистъ } наперсники и друзья Давилова.

Отечественный либерализмъ, скрывающійся подъ именемъ Хлестакова. Пасынокъ Давилова.

Госпожа Взятка, женщина уже въ лѣтахъ, но вѣчно юная.

Аннета Постепенная, молодая женщина.

Лганье
Вранье
Излишняя Любознательность
Чепуха } Отечественно-анакреонтическія фигуры.

Мужики. Полицейскіе солдаты. Внутренняя стража.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Картина I.

Обширная комната въ городѣ Глуповѣ. По срединѣ стоитъ столъ, покрытый сукномъ. На столѣ безпорядочно валяются кипы бумагъ.

I.

Толпа обывателей, около которыхъ суетятся и исполняютъ свое дѣло Обираловъ и Дантистъ. Обыватели съ радостью развязываютъ кошельки и подставляютъ шеи. Давиловъ сидитъ у стола, погруженный въ чтеніе бумагъ. Онъ думаетъ: „сегодня придетъ моя милая Взятка, и мы соединимся съ нею на вѣки!“

II.

Внезапно чернильница, стоящая на столѣ, разбивается въ дребезги, и изъ нея вылетаетъ Аннета Постепенная. Она стоитъ нѣкоторое время на одной ножкѣ, потомъ съ очаровательною граціей ударяетъ Давилова пальчикомъ по лысинѣ. Давиловъ въ изумленіи простираетъ руки, какъ бы желая поймать чародѣйку. „Кто ты, странное существо, и какое зло сдѣлала тебѣ эта бѣдная чернильница, за которое ты такъ безжалостно разбила ее?“ Но Аннета смотритъ на него съ грустною и въ то же время кокетливою улыбкою. „Пойми!“ говоритъ она, и исчезаетъ тѣмъ же путемъ, какимъ появилась. Чернильница возрождается на столѣ въ прежнемъ видѣ. Давиловъ хочетъ устремиться за очаровательницею, но, вмѣсто того, попадаетъ пальцемъ въ чернильницу. — „Пойми!“ повторяетъ онъ въ раздумьи: что хотѣла она сказать этимъ „пойми“?

III.

Между тѣмъ Обираловъ уже выпотрошилъ мужиковъ, а Дантистъ обратилъ въ пепелъ множество зубовъ. Обираловъ легкимъ прикосновеніемъ руки выводитъ Давилова изъ раздумья. Но Давиловъ долго еще не можетъ придти въ себя и, безпрестанно повторяя: „пойми!“, устремляется къ тому мѣсту, гдѣ скрылась очаровательница, но снова попадаетъ пальцемъ въ чернильницу. Въ это время изъ рукъ Оби-

ралова внезапно вынархиваетъ Взятка и разомъ овладѣваетъ всѣми помыслами Давилова. Происходитъ:

Танецъ Взятки.

Взятка порхаетъ по сценѣ и легкими, граціозными скачками даетъ понять, что сдѣлаетъ счастливымъ того, кто будетъ ея обладателемъ. Она почти неодѣта, но это придаетъ еще болѣе прелести ея соблазнительнымъ движеніямъ. Давиловъ совершенно забываетъ о недавней незнакомкѣ и съ юношескою страстью устремляется къ новой очаровательницѣ. Онъ старается уловить ее: движенія его порывисты и торопливы; ловкость по истинѣ изумительна. Но Взятка кокетничаетъ и не дается; вотъ-вотъ онъ прикасается уже къ ея таліи —какъ она ловко выскользаетъ изъ его рукъ, и вновь быстро кружится въ бѣшеной пляскѣ. Наконецъ, утомленная и тронутая мольбами своего любовника, она постепенно ослабѣваетъ... ослабѣваетъ... и тихо исчезаетъ въ карманѣ Давилова. Обиралов и Дантистъ, умиленные, стоятъ въ почтительномъ отдаленіи и слегка подтанцовываютъ.

IV.

Мужики, видя, что сердца начальниковъ радуются, сами начинаютъ приходить въ восторгъ, и выражаютъ его благодарными тѣлодвиженіями, которыя постепенно переходятъ въ —

Большой танецъ Лаптей.

Въ танцѣ этомъ принимаютъ участіе: Давиловъ, Обиралов и Дантистъ, въ качествѣ корифеевъ.

V.

— Спасибо, друзья!—говоритъ Давиловъ мужикамъ и обѣщаетъ имъ дать на водку, когда будутъ деньги. Затѣмъ обращается къ Обиралову и Дантисту и говоритъ:—Друзья! вы лихо поработали сегодня! Теперь пойдемте въ трактиръ и тамъ славно закусимъ и выпьемъ!—Онъ уже застегиваетъ вицъ-мундиръ и хочетъ взяться за шляпу, какъ чернильница вновь разлетается въ дребезги, и на столѣ опять появляется Аннета Постепенная. Она попрежнему стоитъ

на одной ножкѣ, по видъ ея строгъ.—Слушай,—говоритъ она Давилову:—я предупреждала тебя, но ты не внялъ словамъ моимъ и продолжаешь безобразничать съ паскудною Взяткою. Итакъ, буду ясна: вызови немедленно изъ заточенія твоего пасынка, Хлестакова, или... ты погибнешь.—Сказавши это, Анпета исчезаетъ, оставляя всѣхъ присутствующихъ въ ужасѣ и стоящими на одной ногѣ. Картина.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Картина II.

Пустынное мѣстоположеніе, отданное въ надѣлъ крестьянамъ. Болото, по коему произрастаютъ тощія сосны. Въ глубинѣ сцены секретная хижина. На соснахъ заливаются публицисты:

Сироты ли мы, ахъ, сиротушки!
Забубенныя мы, ахъ, головушки!
А и нѣтъ у насъ отца съ матушкой,
А и есть у насъ только дѣтушки!
А и первой-етъ сынъ несмышленочекъ,
А второй-етъ сынъ да дурашливый,
А и треть-етъ сынъ—хуже перваго,
А четвертый сынъ—хуже третьяго,
А и пятый сынъ—самый жалконькій,
Самый жалконькій, вовсе гнусненькій,
И проч., и проч.

I.

Изъ самой глубины трясины появляются три отечественно-анакреонтическія фигуры: Іганье, Вранье и Излишняя Любознательность. Нѣкоторое время онѣ какъ бы не узнаютъ другъ друга, но черезъ минуту недоразумѣніе исчезаетъ, и друзья цѣлуются. Начинается совѣщаніе.—Я буду лгать умышленно! говоритъ Іганье.—Я буду врать что попало! говоритъ Вранье.—А я буду подслушивать, скромно отзывается Излишняя Любознательность. Іганье и Вранье останавливаются, пораженныя находчивостью своей подруги,

и съ нѣкоторою завистью смотрятъ на нее.—Вы будете мнѣ помогать, будете, такъ сказать, популяризировать меня, еще скромнѣе прибавляетъ Излишняя Любознательность, и этою привѣтливостью возвращаетъ на лица собесѣдницъ безпечное выраженіе.—Не станцовать ли намъ что-нибудь, покуда не пришелъ нашъ добрый другъ и начальникъ Хлестаковъ? предлагаетъ Вранье.—Пожалуй, соглашается Лганье, — но гдѣ онъ такъ долго пропадаетъ, бѣдненькій? —Внимайте! я повѣдаю вамъ ужасную тайну, отвѣчаетъ Излишняя Любознательность. Начинается:

II.

Секретный танецъ Излишней Любознательности.

„Прошлую ночь“—такъ танцуетъ она—„я, по обыкновенію своему, тихо-тихо, скромно-скромно, чутко-чутко послѣдовала за нимъ. Все покровительствовало мнѣ: и испаренія, поднимавшіяся отъ нашей трясины, и отсутствіе луны, и тихое, усыпляющее щебетаніе публицистовъ. Однако я шла и озиралась: что, думала я, если меня поймаютъ! Что сдѣлаютъ со мной? закатаютъ ли до смерти, или просто ограничатся однимъ шлепкомъ?

„Однако я шла, готовая вынести побои и даже самую смерть... и что же? На верху неприступной скалы я увидала чертогъ, весь залитый свѣтомъ! Тихо-тихо, скромно-скромно, чутко-чутко приложила я глаза и уши къ скважинѣ... и что же? Я увидала Хлестакова, который, вмѣсто того, чтобы стоять на стражѣ, покоился въ объятіяхъ дѣвицы Постепенной!“

III.

Протанцовавъ все вышеизложенное, Излишняя Любознательность вдругъ останавливается. Она догадывается, что сдѣлала дѣло совершенно безполезное и даже глупое, что Хлестаковъ ея другъ и руководитель, и что, слѣдовательно, подсматривать за нимъ нѣтъ никакой надобности. „Зачѣмъ я подслушивала? зачѣмъ подглядывала?“ говоритъ она, и въ негодованіи на свой собственный поступокъ высоко поднимаетъ ногу.

IV.

„Теперь слушайте же и меня!“ говоритъ Іанье и начинаетъ:

Танецъ Іанья.

„Я тоже внимательно слѣдило за нашимъ другомъ и покровителемъ Хлестаковымъ, и, видя его грустнымъ, отъ всей души соболѣзновало. Однажды, узрѣвъ его гуляющимъ на берегу нашей трясины, я не вытерпѣло и подошло къ нему.—Покровитель! сказало я, отчего такъ грустенъ твой видъ?—Мой вѣрный слуга, отвѣчалъ онъ мнѣ: я грущу, потому что не знаю, какое сдѣлать употребленіе изъ прекрасныхъ способностей, которыми наградила меня природа!.. Тогда я предложило ему мой проектъ всеобщаго оболганія, и...“

V.

Но здѣсь Іанье останавливается, съ непритворной грустью спрашиваетъ себя: „Зачѣмъ лгать?“ „Кого облыгать?“ и, въ заключеніе, поднимаетъ одну ногу.

VI.

„Нѣтъ, послушайте-ка вы меня!“ вступаетъ въ свою очередь Вранье и вслѣдъ затѣмъ начинаетъ:

Танецъ Вранья.

„На дняхъ я встрѣтило нашего милаго Хлестакова въ самомъ оригинальномъ положеніи:

„Онъ лежалъ, животомъ кверху, на берегу нашей трясины и грѣлся на солнцѣ.—Что ты, mon cher, тутъ дѣлаешь? спросило я его (вѣдь вы знаете, я съ нимъ на ты) и что означаетъ эта оригинальная поза?—Молчи, отвѣчалъ онъ мнѣ: я сочиняю либеральныя измышленія! Ты знаешь, продолжалъ онъ, послѣ краткаго молчанія, отеревъ слезы, струившіяся изъ его глазъ:—ты знаешь, другъ, что я сдѣлался руководителемъ по части отечественной благонамѣренности... и... и...—Тутъ онъ вновь залился слезами, и сквозь всхлипыванья я могло разобрать только слѣдующее: — ‚До тѣхъ поръ не успокоюсь, покуда не переломаю всѣ ребра!“

VII.

Протанцовавъ это, Вранье намѣревается сдѣлать антраша; но такъ какъ для всякаго ясно, что все разсказанное имъ есть не что̀ иное, какъ сплошной вздоръ, то и Вранье не можетъ воздержаться отъ горькаго вопроса: „Зачѣмъ я врало?“ Въ негодованіи на себя, оно высоко поднимаетъ одну ногу.

VIII.

Такимъ образомъ, всѣ трое стоятъ нѣкоторое время каждый съ одной поднятой ногой. Въ глубинѣ сцены является Чепуха. Быстрымъ и смѣлымъ скачкомъ она перелетаетъ всю сцену и становится между упомянутыми тремя анакреонтическими фигурами.—Вы совершили множество ненужныхъ подвиговъ, говоритъ она:—потому что съ вами была я!—Начинается:

Большой танецъ Чепухи.

„До тѣхъ поръ“—танцуетъ она—„покуда я буду съ вами, вы не будете имѣть возможности ни подслушивать, ни лгать, ни врать безнаказанно. Всѣ ваши усилія въ этомъ смыслѣ будутъ напрасны, потому что всякій, даже не учившійся въ кадетскомъ корпусѣ, разгадаетъ ихъ! Вы будете подслушивать, лгать и врать безъ системы, единственно для препровожденія времени. Всякій, встрѣтившись съ вами, скажетъ себѣ: будемъ осторожны, ибо вотъ это — излишняя любознательность, вотъ это—постыдное лганье, а это—безмозглое вранье! Вы думали, что уже эмансипировались отъ меня—и горько ошиблись, потому что владычество мое далеко не кончилось! Вы не уйдете отъ меня нигдѣ, не скроетесь даже въ эту трясину: вездѣ я застигну васъ и буду руководящимъ началомъ всѣхъ вашихъ дѣйствій! Вы спросите, быть можетъ, зачѣмъ я это дѣлаю?..“

IX.

Чепуха останавливается и въ недоумѣніи спрашиваетъ себя: зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, она такъ дѣлаетъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ она высоко поднимаетъ ногу. Начинается:

Танецъ Четырехъ Поднятыхъ Ногъ,

который прерывается—

Чрезвычайнымъ волненіемъ публицистовъ.

какъ бы возвѣщающихъ прибытіе нѣкоторыхъ важныхъ незнакомцевъ. Незнакомцы эти суть не кто иные, какъ Давиловъ и Хлестаковъ. Они проходятъ съ поникшими головами черезъ сцену и скрываются въ секретную хижину. Публицисты свищутъ: „Вотъ они! вотъ наши благодѣтели!“

Картина III.

Внутренность секретной хижины.

I.

Давиловъ и Хлестаковъ предаются воспоминаніямъ. Оба растроганы.—Сколько лѣтъ я томился въ изгнаніи! говоритъ Хлестаковъ:—оторванный жестокимъ вотчимомъ отъ чрева любимой матери, я скитался по этимъ пустыннымъ мѣстамъ, но и среди уединенія посвящалъ свои досуги любезному отечеству!—Прости меня, мой другъ! отвѣчаетъ Давиловъ:—вѣдь я думалъ, что ты либералъ!—Какъ „либералъ“? но теперь, въ сію минуту, развѣ я не либералъ?—Кхе-кхе! дѣлаетъ Давиловъ.—Такъ позвольте вамъ сказать, милый папенька, что вы не понимаете, что̀ такое либерализмъ! Сказавши эти слова, Хлестаковъ даетъ знать музыкѣ умолкнуть, а публицистамъ приказываетъ свистать. Начинается:

Большой танецъ Отечественнаго Либерализма.

„Что̀ такое либерализмъ? Это нѣчто тонкое, легкое, неуловимое, какъ то на̀, которое я выдѣлываю. Это шалунья-нимфа, на которую можно смотрѣть издали, какъ она купается въ струяхъ журчащаго ручейка, но изловить которую невозможно. Это волшебный букетъ цвѣтовъ, который удаляется отъ вашего носа по мѣрѣ того, какъ вы

приближаетесь, чтобы понюхать его. Это милая мечта, которая сулитъ впереди множество самыхъ разнообразныхъ яствъ, въ дѣйствительности же кормитъ одною постепенностью. Это тотъ самый кукишъ, котораго присутствіе вы чувствуете между вторымъ и третьимъ пальцами вашей руки, но который уловить ни подъ какимъ видомъ не можете! Поймите, какая это умная и подходящая штука! Какъ она угодна нашимъ нравамъ и какъ мы должны гордиться ею! Мы ничего не выдумали—даже пороха!—но выдумали „либерализмъ“, и сразу стяжали вѣчное право на безсмертіе! Жгучій и пламенный съ виду, онъ не жжетъ никого, но многимъ позволяетъ грѣть около себя руки. Грозный съ виду, онъ никого не устрашаетъ, но многимъ подаетъ утѣшеніе. Всякій ждетъ, всякій заранѣе проливаетъ слезы умиленія... И опять, все-таки, ждетъ, и опять проливаетъ слезы умиленія, ибо ждать и проливать слезы—есть удѣлъ человѣка въ сей юдоли плача!“

Хлестаковъ падаетъ въ изнеможеніи на полъ.

Большая треть публицистовъ.

II.

— Гм... я убѣждаюсь, что ты совершеннѣйшая... то-есть, что ты благороднѣйшій юноша, хотѣлъ я сказать!—говоритъ Давиловъ: —и потому, вотъ что я придумалъ: забудемъ прошлое и заключимъ союзъ!—Съ охотою, но предварительно я долженъ предложить тебѣ нѣсколько условій, безъ соблюденія которыхъ никакой союзъ между нами невозможенъ.—Слушаю тебя съ величайшимъ вниманіемъ.—Во-первыхъ, ты долженъ прекратить нагубныя сношенія съ Взяткою (отрицательное движеніе со стороны Давилова)... Не опасайся! я вовсе не требую, чтобъ ты отказался отъ секретнаго съ нею обхожденія, но ради самого Создателя, ради всего, что тебѣ дорого, не показывайся съ нею въ публичныхъ мѣстахъ и дѣлай видъ, что она тебѣ незнакома! Ты не знаешь... нѣтъ, ты не знаешь, сколько вреда приноситъ откровенное обращеніе съ Взяткою! Это бросается въ глаза всякому; самый малоумный человѣкъ—и тотъ понимаетъ подъ Взяткою что-то нехорошее, несовмѣстное съ либерализмомъ. Всякій, встрѣтившись съ тобой на дорогѣ, говоритъ: „вотъ взяточникъ!“ и никто не скажетъ: „вотъ либералъ!“ До сихъ поръ ты бралъ взятки и давилъ... Продолжай и на будущее время! но дѣлай

такъ, чтобъ никто не смѣлъ называть тебя ни взяточникомъ, ни Даниловымъ!—Стало быть... потихоньку можно? робко спрашиваетъ Даниловъ. — Потихоньку... можно: (съ жаромъ) все потихоньку можно!—Ну-съ... второе условіе?—Второе условіе—удали изъ числа твоихъ приближенныхъ Чепуху!—Эту за что жъ?—Другъ! Чепуха опаснѣе даже Взятки. Если Взятка маретъ отдѣльнаго человѣка, то Чепуха кладетъ свое клеймо на цѣлыя группы людей, на цѣлый порядокъ, на цѣлую систему! Отъ Взятки мы можемъ отдѣлаться секретнымъ съ ней обхожденіемъ; отъ Чепухи—никогда и ничѣмъ. Она сопровождаетъ насъ всюду; она отравляетъ всѣ наши дѣйствія... она дѣлаетъ невозможною... систему! Наконецъ, сознаюсь ли тебѣ? Я самъ, какъ ты меня видишь... самъ не свободенъ до нѣкоторой степени отъ Чепухи!—Но вѣдь Чепуха сколько разъ спасала меня, выручала меня изъ бѣдъ?—Это нужды нѣтъ: отнынѣ, вмѣсто Чепухи, тебя должна спасать Неуклонность...

Начинается:

Большой танецъ Неуклонности,

который отличается тѣмъ, что его танцуютъ не сгибая ногъ и держа голову наоборотъ.

III.

Друзья задумываются и полчаса молчатъ. Въ это время публицисты чистятъ носы, какъ бы приготовляясь занѣть по первому требованію. Въ самомъ дѣлѣ, моментъ этотъ наступаетъ. Хлестаковъ выходитъ изъ задумчивости и говоритъ:—Третье условіе—ты долженъ умѣть танцовать „танецъ честности“.

Начинается:

Большой танецъ Честности,

во время котораго публицисты поютъ:

Ахъ, когда же съ поля чести
Русскій воинъ удалой...

Но „танецъ честности“ рѣшительно не вытанцовывается. Напрасно понуждаетъ Хлестаковъ свои ноги; напрасно публицисты то ускоряютъ, то замедляютъ темпъ, съ цѣлью придти въ соотвѣтствіе

съ ихъ покровителями — ничто не помогаетъ. Опечаленный неудачею, но въ то же время скрывая оную, Хлестаковъ развязно говоритъ: —Все равно, будемъ, вмѣсто этого, танцовать:

Большой танецъ Благонамѣренности,

который и танцуетъ, подъ свистъ публицистовъ, поющихъ:

По улицѣ мостовой...

IV.

— Это все?—спрашиваетъ Давиловъ.—Покамѣстъ, все, и ежели ты согласенъ, то мы можемъ приступить къ написанію взаимнаго оборонительно-наступательнаго трактата.—Согласенъ!—Въ такомъ случаѣ идемъ въ секретную комнату...

Открывается трапъ, и друзья исчезаютъ. Публицисты поютъ:

Тихо всюду! глухо всюду!
Быть тутъ чуду! быть тутъ чуду!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Картина IV.

Прелестное мѣстоположеніе; въ глубинѣ сцены храмъ Славы.

Содержаніе этой картины составляетъ процессъ Чепухи съ Излишнею Любознательностью, Лганьемъ и Враньемъ. Судьи: Хлестаковъ и Давиловъ; ассесоръ: Обираловъ; протоколистъ: Дантистъ. Чепуха доказываетъ свои права и опирается преимущественно на то, что она одна въ состояніи смягчить слишкомъ суровую послѣдовательность прочихъ анакреонтическихъ фигуръ. Послѣднія, однакожъ, оправдываются, и говорятъ, что малый ихъ успѣхъ происходитъ единственно отъ участія Чепухи. Хлестаковъ колеблется; но Давиловъ явно склоняется на сторону подсудимой. Выходитъ рѣшеніе: „Подсудимую Чепуху учинить отъ слѣдствія и суда свободною и допустить, попрежнему, въ число анакреонтическихъ фигуръ“. Въ народѣ раздаются клики восторженной радости; судьи взволнованы. Затѣмъ происходитъ:

Шествіе во храмъ Славы.

Дошедши до порога храма Славы, Хлестаковъ и Давиловъ, „какъ бы волшебствомъ какимъ“, сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое и принимаютъ двойную фамилію Хлестакова-Давилова. Съ своей стороны, Взятка и Анета Постепенная тоже сливаются въ нераздѣльное цѣлое и принимаютъ двойную фамилію Взятки-Постепенной. Начинается:

Апофеозъ.

Хлестаковъ-Давиловъ стоитъ на возвышеніи, освѣщаемый молніей. По сторонамъ народъ, публицисты, фотографы и стража. Передъ Хлестаковымъ-Давиловымъ, на колѣняхъ, Взятка-Потихоньку-Постепенная на бархатной подушкѣ приподноситъ кованный изъ золота гербъ рода Хлестаковыхъ-Давиловыхъ.

Римскій огурецъ.

Народъ въ упоеніи пляшетъ; однако порядокъ не нарушается, потому что изъ-за кулисъ выглядываютъ будочники.

Занавѣсъ падаетъ.

IX.—Хищники.

Пою похвалу силѣ и презрѣніе къ слабости.

Я слишкомъ близко видѣлъ крѣпостное право, чтобы имѣть возможность забыть его. Картины того времени до того присущи моему воображенію, что я не могу скрыться отъ нихъ никуда. Я видѣлъ разумныя существа, которыя, зная, что въ данную минуту ихъ ожидаетъ истязаніе или позоръ, или *сами*, или *собственными руками*, чтобъ получить это истязаніе или позоръ. Я видѣлъ глаза, которые ничего не могли выражать, кромѣ испуга; я слышалъ вопли, которые раздирали сердце, но за которыми не слышалось ничего, кромѣ физической боли; я былъ свидѣтелемъ звѣрскихъ вожделѣній, которыя

разгорались исключительно по поводу куска хлѣба. Въ этомъ царствѣ испуга, физическаго страданія и желудочнаго деспотизма нѣтъ ни одной подробности, которая бы минула меня, которая въ свое время не причинила бы мнѣ боли. Надѣюсь, что это своего рода отправный пунктъ, и, притомъ, достаточно твердый, чтобъ дать мнѣ право съ нѣкоторымъ знаніемъ дѣла говорить о томъ, какое несомнѣнное значеніе имѣетъ въ жизни сила, и какъ ничтожна и даже презрѣнна, въ сосѣдствѣ съ нею, слабость.

Да и не я одинъ: мы всѣ, сколько насъ ни есть, всѣ не свободны отъ этихъ привидѣній прошлаго; для всѣхъ они составляютъ неотразимый отправный пунктъ. Они до такой степени залегли въ основу всего нашего бытія, что мы не можемъ сдѣлать шагу, не справившись съ ними. Мы охотно называемъ ихъ призраками (отъ призраковъ, все-таки, до извѣстной степени, освобождаетъ время); но нѣтъ, это даже не призраки. Это что-то такое, до того сопричастное намъ, такъ могущественно окрашивающее всякій поступокъ нашъ, что свѣтъ самый яркій, заклинанія самыя страшныя оказываются ничтожными, чтобъ отогнать чудовище, гоняющееся за нами по пятамъ. Мы напрасно будемъ бороться съ нимъ, напрасно будемъ поднимать безсильныя руки, чтобъ поразить его: мы ничего не достигнемъ, не поразивши напередъ самихъ себя. Придутъ иные люди, которые познаютъ иную истину, произнесутъ иное слово; но мы, люди преданія, люди роковыхъ воспоминаній, мы не знаемъ другой истины, не произнесемъ другого слова, кромѣ: да торжествуетъ сила и да погибнетъ слабость! Одни изъ насъ произнесутъ это слово съ горечью, другіе—съ самодовольствомъ; но даже тѣ, которые искренно почувствуютъ приливъ негодованія при этихъ словахъ, должны будутъ въ полной мѣрѣ смириться передъ горькимъ смысломъ, скрывающимся въ нихъ, и безъ оговорокъ признать обязательное ихъ значеніе. Что пользы въ негодованіи и злобѣ, когда надъ нами тяготѣетъ фатализмъ? когда мы сами не вѣримъ творческой силѣ этого негодованія? когда мы ничего не можемъ, ни передъ чѣмъ не дерзаемъ?

Я никогда не видалъ, чтобы баранъ охотно шелъ не только на бойню, но даже вообще куда бы то ни было, куда ему идти не хочется. Обыкновенно, когда желаютъ получить хорошія котлеты, то барана волокомъ волокутъ къ мѣсту избіенія, и никто не внушаетъ ему при этомъ, что существуетъ на свѣтѣ какое-то отвлеченное понятіе, въ

силу котораго онъ, въ данный моментъ, долженъ не упираться, а устремляться. Баранъ совсѣмъ не настолько простъ, чтобъ повѣрить подобнымъ внушеніямъ. Тѣмъ не менѣе, не можетъ подлежать сомнѣнію, что такія понятія существуютъ, что они заставляютъ существа гораздо болѣе разумныя двигаться и производить такія дѣйствія, которыя прямо противоположны не только ихъ выгодамъ, но даже простому чувству самосохраненія. Но, можетъ быть, скажутъ мнѣ: потому-то эти существа и двигаются, что они разумныя! Да; можетъ быть и такъ; но въ такомъ случаѣ невольно спрашиваешь себя: сквозь какое наслоеніе горечей, недоумѣній и нравственныхъ противорѣчій нужно было пройти, чтобъ получить въ результатѣ чудовищную безсмыслицу, дающую право гражданства косвенному самоубійству? сколько напрасныхъ подвиговъ требовалось, чтобы добровольно перепутать всѣ понятія и извратить всѣ инстинкты?

И тѣмъ не менѣе сила всегда была силою, даже во времена самаго глухого крѣпостничества. Человѣкъ, державшій камень за пазухой, всегда сознавалъ себя бодрѣе и безопаснѣе, нежели тотъ, кто прямо живьемъ отдавался въ руки. Конечно, въ то время и съ самымъ сильнымъ человѣкомъ можно было поступить на всей своей волѣ; но, все-таки, требовалъ съ застать его врасплохъ, подойти къ нему сзади, а у большинства рыцарей безнаказанной онлеухи даже на это не ставало ни терпѣнія, ни сноровки. Слабаго же человѣка можно было перевернуть вверхъ дномъ во всякое время и безъ малѣйшихъ сноровокъ. Понятно, почему борьбѣ съ слабостью всегда отдавалось предпочтеніе.

Собственно говоря, тутъ даже и борьбы не было, потому что бороться съ слабостью, по малой мѣрѣ, столь же легко, какъ и ломать растворенную настежь дверь или брать приступомъ крѣпость, не защищаемую никакимъ гарнизономъ. Сколько легчайшихъ тріумфовъ можно одержать въ самое короткое время! сколько одержать блестящихъ побѣдъ? Будь дверь нѣсколько приперта, или, по крайней мѣрѣ, заронись въ насъ убѣжденіе (положимъ, даже ложное), что она приперта — очень можетъ статься, что мы и не подошли бы къ ней. Кто знаетъ, что тамъ, за этою дверью? сказали бы мы себѣ, и благоразумно прошли бы мимо. Много-много, что поскрипѣли бы зубами. Тогда какъ дверь, отворенная настежь — вѣдь это явный, организованный разсчетъ на нашу храбрость, вѣдь это прямое приглашеніе

войти и распорядиться! Какъ воздержаться тутъ? Какъ не размахнуться на существо, которое столь радушно пригибается для полученія ожидаемаго удара?

Мы каждоминутно, сами того не замѣчая, давимъ ногами и, слѣдовательно, лишаемъ жизни множество мельчайшихъ организмовъ, которые пресмыкаются на пути нашемъ, и нимало не формализируемся этимъ. Это одно уже доказываетъ, какъ гнусна слабость и какъ мало она имѣетъ правъ на существованіе. А такъ какъ это фактъ глухой и неотразимый, такъ какъ мы на слоновъ не наступаемъ, а наступаемъ именно и исключительно на однихъ букашекъ, червей и другихъ пресмыкающихся, то очевидно, что въ этомъ фактѣ мы почерпаемъ для себя право выводить всякія дальнѣйшія заключенія и сравненія. Но главное заключеніе будетъ, все-таки, таково: слабость презрѣнна, и потому для нея нѣтъ мѣста въ мірѣ. Всѣ остальные выводы и сравненія будутъ только болѣе или менѣе остроумными варіантами на эту главную тему.

Самъ наступай, самъ дави—кто же мѣшаетъ тебѣ?—вотъ резоннѣйшій изъ всѣхъ увѣтовъ, какіе мнѣ когда-либо случалось слышать по этому поводу. Ежели Петръ и Павелъ сильны, отчего же ты, Иванъ, слабъ? Въ самомъ дѣлѣ, отчего ты слабъ, несчастный Иванъ? Клянусь, что ты самъ никогда не разрѣшишь этой задачи! Но ежели ты не умѣешь даже догадаться, въ чемъ тутъ сущность, то естественно, что долженъ и вкушать плоды своей недогадливости.

Все это очень логично. Это тотъ же дарвинизмъ, только переложенный на русскіе нравы и прикрытый россійскимъ вицъ-мундиромъ. Но когда я помышляю объ этомъ неупустительномъ примѣненіи законовъ борьбы, не знаю почему, мнѣ вдругъ дѣлается совѣстно. За кого совѣстно? за тѣхъ ли слабыхъ и безоружныхъ, которыхъ мы безнаказанно топчемъ ногами?—Нѣтъ, не за нихъ! Эти мелкія козявки погибаютъ такъ скромно и неслышно, что даже малѣйшимъ писконъ не даютъ повода для проявленія какихъ бы ни было чувствъ по случаю ихъ погибели. И радъ бы пособолѣзновать, да не знаешь объ чемъ... Да, за нихъ стыдиться и краснѣть нечего. Ихъ назначеніе было погибнуть, и они исполнили его честно. И тѣмъ не менѣе стыдъ, все-таки, остается стыдомъ. Онъ покрываетъ пурпуромъ щеки, онъ заставляетъ опускать глаза. По поводу чего же?

Мнѣ кажется, что тутъ играютъ роль не столько участвующія

въ спорѣ стороны (даже сами тріумфаторы тутъ едва ли при чемъ-нибудь состоятъ), сколько нравственная сущность вопроса... А кромѣ того, быть можетъ, немалое значеніе имѣютъ и нѣкоторыя этимологическія затрудненія, которыя возникаютъ при этомъ. Станешь придумывать, напримѣръ, какимъ именемъ назвать эти странныя отношенія, вслѣдствіе которыхъ ломать отворенную дверь признается болѣе умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ, нежели ломать дверь, замкнутую на запоръ—и не придумаешь... И застыдишься...

Тѣ, которые говорятъ: зачѣмъ напоминать о крѣпостномъ правѣ, котораго уже нѣтъ? зачѣмъ нападать на лежачаго?—говорятъ это единственно по легкомыслію. Хотя крѣпостное право, въ своихъ прежнихъ, осязательныхъ формахъ, не существуетъ съ 19-го февраля 1861 года, тѣмъ не менѣе оно и до сихъ поръ остается единственнымъ живымъ мѣстомъ въ нашемъ организмѣ. Оно живетъ въ нашемъ темпераментѣ, въ нашемъ образѣ мыслей, въ нашихъ обычаяхъ, въ нашихъ постукахъ. Все, на что бы мы ни обратили наши взоры, все изъ него выходитъ и на него опирается. Изъ этого живоноснаго источника доселѣ непрерывно сочатся всякія нравственныя и умственныя оглушенія, заражающія нашъ воздухъ и растлѣвающія наши сердца трепетомъ и робостью.

Хищничество—вотъ наслѣдіе, завѣщанное намъ крѣпостнымъ правомъ; вотъ стихія, которая движетъ нами, передъ которою мы преклоняемся и раболѣпствуемъ, которую мы во всякую минуту готовы обожествить. Прежнія пресловутыя поговорки, въ родѣ: „съ сильнымъ не борись“, „куда Макаръ телятъ не гонялъ“, „куда воронъ костей не заносилъ“, несмотря на ихъ ясность и знаменательность, представляютъ лишь слабые образчики той чудовищной терминологіи, которую выработало современное хищничество. Эта терминологія—вся сплошь какое-то дикое озлобленное цыканье, въ которомъ нельзя отличить ни одного членораздѣльнаго звука, но которое и во снѣ заставляетъ насъ цѣпенѣть... А еще говорятъ: нѣтъ крѣпостного права! Нѣтъ, оно есть; но имя ему: хищничество. Это единственная сила, притягивающая къ себѣ современнаго человѣка, это единственное понятіе, насчетъ котораго не существуетъ разногласія.

Вездѣ, гдѣ мы замѣчаемъ хищничество, мы встрѣчаемъ его уже организовавшимся, представляющимъ нѣчто солидное, способное и нападать, и защищаться. Правда, это организація не очень мудрая (взялъ въ руки жердь—махай ею направо и налѣво!), но вѣдь тамъ и не требуется мудрости, гдѣ галушки сами собой въ ротъ лѣзутъ. Тутъ нужно только какъ можно чаще разѣвать пасть и проглатывать. Напротивъ того, слабость не только зарекомендовываетъ себя полною неспособностью къ организаціи, но, сверхъ того, почти всегда является деморализированною. Всѣ хитрости, на которыя она, по временамъ, поднимается, всѣ уступки, которыя считаетъ нужнымъ дѣлать—все это не только не спасаетъ ее отъ когтей хищничества, но даже укрѣпляетъ послѣднее, даетъ ему новое оружіе. „Эге! такъ ты еще извиваешься! такъ тебѣ въ петлю-то лѣзть не хочется! погоди же, я тебя оглушу!“—такъ хихикаетъ злорадное хищничество, и затягиваетъ да затягиваетъ понемножку мертвую петлю, отъ которой столь неискусно отбивалось обезумѣвшее отъ страха безсиліе. И вотъ, въ результатѣ оказывается, что разумнѣе и даже разсчетливѣе поступаетъ та слабость, которая не хитритъ и не уступаетъ, а прямо просовываетъ голову въ петлю... Сознаніе страшное, но, по крайней мѣрѣ, оно находитъ для себя смягчающее обстоятельство въ томъ, что при существованіи его не представляется слишкомъ легкаго повода для дешевыхъ издѣвокъ.

Увы! въ этомъ случаѣ, какъ ни кинь, все будетъ клинъ. И слабость извивающаяся, и слабость, отдающаяся живьемъ,—все на руку хищничеству, все укрѣпляетъ и украшаетъ его! Не знаешь даже, чему отдать преимущество. Вы можете имѣть безчисленное множество камней за пазухой, и, все-таки, ни однимъ изъ нихъ не воспользуетесь. И не только не воспользуетесь, но постараетесь какъ-нибудь незамѣтнымъ образомъ ихъ обронить. Полезно бы было даже, еслибъ вы заранѣе убѣдились въ неизбѣжности этого результата заназушныхъ камней, потому что это убѣжденіе избавитъ васъ отъ потери времени и отъ лишнихъ безполезныхъ движеній. Что пользы въ резонахъ, доводахъ, убѣжденіяхъ? Если вы обладаете ими, то постарайтесь забыть объ этомъ, постарайтесь обронить вашъ умственный капиталъ такъ, чтобы никто этого не заподозрилъ. Хищничество не внимаетъ и не убѣждается, но раздражается и поступаетъ.

Въ этомъ весь секретъ хищничества, что оно не внимаетъ, а

поступаетъ: въ этомъ вся выгода его позиціи. Если оно и встрѣчаетъ случайный отпоръ, то и тутъ не останавливается и не старается одолѣть его, но идетъ далѣе и ищетъ добычи въ другомъ мѣстѣ. Жертвъ такъ много, что формализироваться и умѣрять свой бѣгъ изъ-за одной, почему-то не сразу отдающейся жертвы—совершенно неблагоразумно. Хищничество знаетъ, что когда-нибудь оно, все-таки, воротится къ прежнему мѣсту, подойдетъ сзади, застигнетъ врасплохъ и ударитъ-таки жердью неподающееся сразу безсиліе. Это своего рода охота, въ которой выраженіе: „не застрѣлилъ!“ вовсе не означаетъ буквально: „не застрѣлилъ“, а только: „на первый разъ промахнулся“, или: „не успѣлъ застрѣлить“.

Объясню примѣромъ, какъ выгодно иногда бываетъ не вникать и не резонировать, но прямо поступать.

Когда-то была у меня знакомая барыня. Это была женщина избалованная и несомнѣнно легконравная. Тѣмъ не менѣе, въ ней еще сохранились, повидимому, нѣкоторыя смутныя представленія, которыя до извѣстной степени сдерживали ее и препятствовали слишкомъ неразсчетливому примѣненію теоріи laissez faire, laissez passer къ такому щекотливому дѣлу, какъ вольное обращеніе. Очень можетъ статься, что это было съ ея стороны и неискренно, но, по мнѣнію моему, есть случаи, въ которыхъ ограниченіе проявленій искренности не только не оскорбляетъ человѣческой совѣсти, но даже настоятельно требуется ею. Взирая на эту женщину, я говорилъ себѣ: вотъ субъектъ достаточно развращенный, но я, все-таки, радъ, что она сознаетъ необходимость сдерживать себя, потому что это доказываетъ, что и для нея еще есть возможность возврата. Точно такъ какъ, взирая на человѣка, внутренно стремящагося произвести заушеніе, но воздерживающагося отъ того, я всегда говорю: конечно, этотъ человѣкъ изъ насилія сдѣлалъ руководящій законъ всего своего существованія, но я, все-таки, радъ, что онъ сдерживаетъ свои порывы, потому что это доказываетъ, что и относительно заушеній можетъ существовать нѣкоторая спасительная пренона...

И вотъ эту-то самую женщину я встрѣтилъ на дняхъ ночью на улицѣ. Она шла не совсѣмъ твердо, но смѣло и бойко смотрѣла въ глаза проходящимъ.

— Ну, что? какъ живется?—спросилъ я ее.

— Какъ видишь... бодрствую!

— Какъ же это, однако?—вновь началъ я, недоумѣвая: — ночью? на улицѣ?

— И ночью, и днемъ, и во всякое время... дуракъ!

Только тогда я понялъ, только тогда я сказалъ себѣ: вотъ женщина, вступившая на тотъ самый путь, на которомъ не внимаютъ, но поступаютъ!

Не знаю почему, но, когда я сталкиваюсь съ современнымъ хищничествомъ, мнѣ невольно припоминается эта странная ночная встрѣча на улицѣ. И въ самомъ дѣлѣ, сходство положеній поразительное. Вся внѣшняя форма осталась; какъ будто даже сохранился и прежній человѣческій обликъ: утратился только стыдъ—и что-жъ? Пропалъ стыдъ—пропала и потребность внимать; а если пропала потребность внимать, то, стало быть, ничего болѣе не осталось, какъ поступать, поступать и поступать.

Благо тому, кто съумѣетъ достигнуть этого яснаго воззрѣнія на міръ: благо тому, кто найдетъ въ себѣ достаточно силы, чтобы въ упоръ сказать проходящимъ: „презирайте меня! я настолько усовершенствовался, что даже болѣе, чѣмъ готовъ!“ Этотъ счастливый смертный можетъ быть твердо увѣренъ, что онъ-то и есть тотъ самый бодрый духомъ субъектъ, котораго ни оплевать, ни презрѣть никто не посмѣетъ!

Повидимому, слабость такъ сама по себѣ неинтересна, что хищничеству положительно нѣтъ даже повода обращать на нее вниманіе. Есть, однакожъ, причины, которыя объясняютъ это вниманіе довольно удовлетворительно.

Первая причина—опасеніе совмѣстничества. Какъ ни чахлы куски, выпадающіе на долю безсилія, какъ ни мало опасности представляютъ сами безсильные, хищничество не забываетъ, что міръ, въ которомъ оно дѣйствуетъ, есть міръ фантастическій, богатый всякаго рода сюрпризами. Уроки, вынесенные изъ крѣпостного права, до того вошли въ общественную совѣсть, что представляютъ руководящій кодексъ не только для хищничества, но и для безсилія. Нѣтъ той невозможности, которая не казалась бы возможною въ этой темной области чудесъ. Отсюда—необходимость предупредить эту возможность и сдѣлать безсиліе настолько очевиднымъ для себя самого,

чтобы самая мысль о сюрпризахъ представлялась ему не иныче, какъ въ видѣ діавольскаго искушенія.

Очень часто, разсматривая какой-нибудь отдѣльный фактъ, въ которомъ безсиліе играетъ свою обычную роль оглушаемаго, и не умѣя себѣ объяснить, какую выгоду извлекаетъ хищничество изъ своего систематическаго преслѣдованія слабости, мы склоняемся къ мысли, что онъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ просто съ жиру, изъ одного безкорыстнаго желанія поиграть локтями.

— Жигнули!

— Поджарили!

— Въ лоскъ разорили!

Вотъ современнѣйшій изъ всѣхъ современныхъ разговоровъ, который на каждомъ шагу поражаетъ нашъ слухъ. Прислушавшись къ нему, мы приходимъ въ недоумѣніе. Мы спрашиваемъ себя, что сотворилъ сей человѣкъ, котораго „жигнули“, „поджарили“, „разорили“, и, по собраніи справокъ, убѣждаемся, что человѣкъ этотъ —простой смертный, на ряду съ прочими унавоживавшій вселенную. „Просто бѣсятся наши хищники отъ прилива праздности!“ восклицаемъ мы, думая разрѣшить этимъ восклицаніемъ наше недоумѣніе.

Но это только обманъ чувствъ, или, лучше сказать, слѣдствіе нашей неспособности обобщать факты. Изъ того, что, въ данномъ случаѣ, хищничество дѣйствуетъ, не обнаруживая непосредственнаго разсчета, отнюдь нельзя выводить заключенія объ его дѣйствительной неразсчетливости. Оно бьетъ тотъ или другой экземпляръ безсилія совсѣмъ не потому, чтобъ это составляло для него наивное и безцѣльное препровожденіе времени, а потому, что этотъ экземпляръ есть представитель цѣлой породы, которая руководствуется все тѣми же обычаями щучьяго велѣнья, которыми руководствуется и хищничество. Избивая данный экземпляръ, оно, въ то же время, косвенно избиваетъ породу и, такимъ образомъ, блюдетъ за неприкосновенностью кусковъ.

Но есть и другая причина, побуждающая хищничество интересоваться слабостью. Это — брезгливость относительно всего, что̀ не носитъ на себѣ печати изящества. Чѣмъ выше мы поднимаемся по ступенямъ цивилизаціи, тѣмъ болѣе развивается въ насъ чувство изящнаго, чувство комфорта. Мы не только желаемъ сидѣть, ходить и ѣхать удобно, но требуемъ, чтобы при отправленіи всѣхъ этихъ

удобствъ ничто не оскорбляло нашего зрѣнія, не рѣзало нашего слуха, не смущало спокойствія нашей души. Не даромъ въ благоустроенныхъ и населенныхъ центрахъ не терпятъ присутствія нищихъ на улицахъ; не даромъ учреждаютъ комитеты для разбора и призрѣнія ихъ. Это дѣлается совсѣмъ не изъ непосредственнаго участія къ нищимъ, а для того, чтобъ они не оскорбляли взоровъ людей, удобно идущихъ и удобно ѣдущихъ, чтобы несвоевременно своею назойливостью не отвлекали ихъ отъ цѣлей, которыя они преслѣдуютъ. Хищничество знаетъ это общее правило благоустройства городовъ и селеній и примѣняетъ его къ своимъ потребностямъ. Хищничество—это, такъ сказать, высшая ступень цивилизованнаго комфортолюбія. Всякая фальшивая нота непріятно звучитъ въ его ушахъ, всякій болѣзненный вопль заставляетъ оглядываться. Но спрашивается: найдется ли въ мірѣ предметъ, который былъ бы фальшивѣе и болѣзненнѣе безсилія? Есть ли въ природѣ зрѣлище, которое возбуждало бы болѣе презрѣнія и даже справедливаго негодованія, нежели зрѣлище безсильнаго человѣка, который сидитъ, ходитъ, ѣстъ и вообще производитъ всякія отправленія, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ не гадина, а человѣкъ, имѣющій право дышать воздухомъ и пользоваться лучами солнца!

— Представьте себѣ, вѣдь еще вздумалъ упираться, гадина!—говорилъ мнѣ однажды молодой хищникъ, разсказывая исторію своей расправы съ какою-то очень ничтожною и безотвѣтною козявкою: —мы его, знаете ли, за волосы—такъ пѣтъ! корячиться вздумалъ... клопъ постельный!

Я взглянулъ хищнику въ лицо: оно пылало такимъ искреннимъ негодованіемъ, что мнѣ сдѣлалось жутко.

— И онъ васъ очень больно укусилъ... этотъ клопъ?—спросилъ я не безъ волненія.

— Кто укусилъ? кого укусилъ? кто вамъ говоритъ, что укусилъ?—напустился онъ на меня:—развѣ эта мерзость кусаетъ? ее нужно истреблять... потому... потому...

Онъ не могъ докончить, потому что негодованіе сковывало его мысль, сдавливало горло и задерживало тамъ приличныя случаю выраженія.

А говорятъ, что крѣпостничество умерло и погребено. Какимъ

же именемъ слѣдуетъ назвать явленія только-что нами описанныя и несомнѣнно существующія?

Это именно самый любопытный моментъ въ исторіи развитія хищничества, тотъ моментъ, когда оно не только поступаетъ, но и сентиментальничаетъ, то-есть выставляетъ на видъ свои добродѣтели.

Если кто-нибудь написалъ книгу: „Избранные анекдоты изъ жизни Картуша", и разсказалъ бы въ ней, какъ этотъ знаменитый мужъ, обобравъ нѣкотораго субъекта, не только не извинился передъ нимъ, но даже разсердился за то, что тотъ не поблагодарилъ его, то всякій, конечно, назвалъ бы такой разсказъ небылицею. Картушъ не могъ заявлять подобныхъ претензій уже по тому одному, что у него не было для того лишняго времени. Что-нибудь одно: или платки воровать, или пускаться въ сердечныя изліянія.

Но если я разскажу нѣчто подобное о современномъ хищничествѣ, то не только не буду въ противорѣчіи съ истиной, но, напротивъ того, констатирую одну изъ самыхъ существенныхъ чертъ этого интереснаго явленія.

Хищничество идетъ дальше какого-нибудь презрѣннаго Картуша: оно грабитъ, разоряетъ и уязвляетъ, и въ то же время находитъ справедливымъ, чтобы въ уязвленномъ субъектѣ играло сердце. Оно любитъ видѣть лица довольныя, и ежели факты не соотвѣтствуютъ его ожиданіямъ, то укоряетъ въ неблагодарности и нераскаянности.

Оно смотритъ на свои подвиги какъ на „науку". Этотъ взглядъ есть также несомнѣнное и прямое наслѣдіе крѣпостного права. Мы всѣ помнимъ, какъ сѣкли и истязали и вслѣдъ затѣмъ заставляли цѣловать истязующую руку. Это называлось „благодарить за науку". Благодарящій обязывался имѣть видъ бодрый и напредки готовый, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ рисковалъ возбудить вопросъ: „эге, братъ! да ты, кажется недоволенъ!" Опасѣе этого вопроса ничего не могло предстоять, ибо съ той минуты, какъ онъ возникалъ, обвиняемый навсегда поступалъ въ разрядъ нераскаянныхъ и неисправимыхъ.

Что такое нераскаянность?—нераскаянность есть то самое состояніе человѣческаго сердца, въ которомъ находится, напримѣръ, лакей, не вычистившій барскихъ сапоговъ и не чувствующій при этомъ угрызенія совѣсти.

Повтореніе или рядъ такого рода нераскаянностей составляетъ то, что мы называемъ неисправимостью.

Въ бывалыя времена, если нераскаянность и неисправимость свивали себѣ гнѣздо въ сердцѣ меньшаго брата, то это неизбѣжно доводило его послѣдняго или до ссылки въ Сибирь, или до отдачи въ солдаты. Иногда, впрочемъ, нераскаянныхъ отдавали въ пудретное заведеніе.

— Не то, сударь, больно, что сапоги третій день стоятъ нечищенные! важно ожесточеніе, важна нераскаянность!

Такого рода прибаутками отшучивались мы, въ былыя времена, когда дѣлали распоряженіе объ исправленіи меньшаго брата на конюшнѣ и желали придать этому распоряженію нѣкоторый лоскъ законности.

Бываютъ минуты въ жизни обществъ, когда особенно много является нераскаянныхъ. Однимъ изъ такихъ моментовъ были мѣсяцы, непосредственно предшествовавшіе упраздненію крѣпостного права. Въ это достопамятное время нераскаянныхъ толпами приводили въ губернскія правленія и рекрутскія присутствія; пудретныя заведенія тоже были переполнены. И еслибъ правительство не приняло мѣръ, то легко можетъ статься, что вся Россія попала бы въ разрядъ нераскаянныхъ.

— За что ихъ ссылаютъ?— спрашиваешь, бывало, какого-нибудь довѣреннаго холопа, пригнавшаго въ городъ цѣлую деревню нераскаянныхъ (въ то время „нераскаянный“ меньшій братъ приговорялся вмѣстѣ со всѣми нераскаянными домочадцами и даже съ нераскаянными грудными младенцами; на мѣстѣ оставлялось только нераскаянное имущество, то-есть дома и скотъ меньшихъ братьевъ).

— За ихнюю нераскаянность-съ... Потому, значитъ, помѣщикъ имъ добра желаютъ-съ, а они этого понять не хотятъ.

— Что же, однако, они сдѣлали?

— Сѣкли ихъ, значитъ... ну, а они, вмѣсто того, чтобъ благодарить за науку, совершенно, значитъ, никакого чувствія...

Это было послѣднее слово крѣпостного хищничества. Получай въ зубы, и да величитъ душа твоя. Это же послѣднее слово и хищничества современнаго.

Я мало чему удивляюсь, мало отъ чего прихожу въ негодованіе. Когда на моихъ глазахъ изъ моего ближняго выпускается извѣстная

порція сока, зрѣлище это не производитъ во мнѣ нервной дрожи, но только заставляетъ зажмурить глаза и поскорѣе пройти мимо. Я слишкомъ хорошо затвердилъ изреченія: „не ваше дѣло“ и „васъ никто не спрашиваетъ“, чтобъ не принять ихъ къ непремѣнному руководству и исполненію. Но, признаюсь, ученіе, въ силу котораго истязуемый субъектъ обязывается не только съ кротостью принимать побои, но и производить по этому поводу благодарныя тѣлодвиженія, всегда поражало своею смѣлостью. Мнѣ кажется даже, что ежели въ основаніи его и лежитъ извѣстная доля истины, то, все-таки, пропагандировать его слѣдуетъ какъ можно осторожнѣе, ибо не всякій подобную истину можетъ вмѣстить.

Мнѣ очень часто случалось вести объ этомъ предметѣ очень поучительные разговоры съ людьми свѣдущими и опытными.

— Послушайте!—говорилъ я:—какъ хотите, а я рѣшительно понять не могу, зачѣмъ вы требуете, чтобъ у меня сердце играло, когда вы производите надо мной опыты истребленія насѣкомыхъ? Я согласенъ, что вы имѣете за себя право хищничества — ну, и пользуйтесь имъ, какъ заблагоразсудите! Хлопайте, отравляйте, упраздняйте — но къ чему же нужна вамъ моя благодарность? что можетъ прибавить къ вашему благополучію веселіе моего сердца?

— Гм... а понять, однако, не трудно!

— Растолкуйте, пожалуйста!

— И растолковать не трудно. Вы, можетъ быть, слышали, что есть на свѣтѣ вещь, которая называется стронтивостью? Это та самая, которую необходимо истребить. И только.

Да, и только. Если у васъ вынимаютъ изъ кармана платокъ, спѣшите показать вашему вору видъ, что вы очень счастливы: тогда, быть можетъ, онъ дастъ вамъ другой, похуже. Но Боже васъ сохрани придти въ негодованіе и закричать: „караулъ!“—воръ непремѣнно разсердится и сниметъ съ васъ, за грубость, и сюртукъ.

Тѣмъ не менѣе, я позволяю себѣ думать, что эта требовательность хищничества не только излишня, но даже свидѣтельствуетъ о какой-то чрезмѣрной изнѣженности. Оскорблять человѣка, и въ то же время хотѣть, чтобъ онъ не оскорблялся — помилуйте! да вѣдь въ этомъ даже нѣтъ смысла, потому что тутъ одна половина предположенія явно противорѣчитъ другой. Только слишкомъ избалованный человѣкъ можетъ съ столь безумной отвагой предаваться подобнымъ капризамъ

мысли: только слишкомъ забубенная и крѣпко выкованная голова можетъ ихъ выносить, не ощущая при томъ ни малѣйшаго безпокойства. Ужели же вы не чувствуете, о хищники, что тутъ есть провалъ, что въ этомъ предположеніи потерянъ цѣлый членъ, отсутствіе котораго даже препятствуетъ образованію правильнаго силлогизма?!

Или, быть можетъ, вы и чувствуете это, да говорите себѣ: ну, что-жъ, и пускай будетъ провалъ! чѣмъ больше безсмыслицы и роваловъ, тѣмъ меньше строптивости, тѣмъ менѣе разговоровъ!

Правильно.

Ты несомнѣнно ошибешься, читатель, ежели приймешь написанное выше къ той или другой общественной сферѣ, къ тому или другому общественному классу. Я совсѣмъ не Петровъ и Ивановъ имѣю въ виду, и даже не статскихъ и коллежскихъ совѣтниковъ (хотя многіе изъ нихъ не безъинтересны), а вообще *весь* общій строй современной жизни, въ которомъ дѣйствующими лицами могутъ найтись и Петры, и Иваны, и статскіе, и всякіе другіе совѣтники. *Все* общественную ниву заполонило хищничество: *все* ее, вдоль и поперекъ, избороздило оно своимъ проклятымъ плугомъ. Нѣтъ уголка въ цѣломъ мірѣ, гдѣ не раздавались бы жалобы на упадокъ жизненнаго уровня, гдѣ не слышалось бы вопля: нѣтъ убѣжища отъ хищничества! некуда скрыться отъ него! Головы несомнѣнно мѣдныя—и тѣ тронулись имъ, и тѣ поняли, что слабость презрѣнна, и что только сила, грубая, неразумная сила имѣетъ право на существованіе. Повсемѣстно идетъ чавканье и заглатываньe, а челюсти такъ торопливо работаютъ, что по-неволѣ становится холодно. Невольно спрашиваешь себя: что же будетъ, когда хищники переѣдятъ всѣхъ слабыхъ и ни одного изъ нихъ не останется на-лицо, чтобы отвѣтить на мучительные и всеминутные запросы плотоядности? какъ поступятъ они? начнутъ ли рвать за горло другъ друга, или же сочтутъ свою миссію оконченною и положатъ зубы на полку?

Вопросъ этотъ такъ заинтересовалъ меня, что я счелъ нелишнимъ предложить его на заключеніе глубокомысленному моему другу, Ѳеденькѣ Козелкову.

— Какъ ты думаешь, другъ мой,—спросилъ я его: —когда вы переѣдите всѣхъ мирно удобряющихъ землю обывателей, какъ поступите вы?

Оденька временно затруднился, однакожъ не отказался отъ разрѣшенія вопроса.

— Думаю,—отвѣчалъ онъ:—что тогда мы начнемъ ѣсть другъ друга... потому что... ты понимаешь... безъ пищи...

— Позволь, однако, мой другъ! Знаю я, что безъ пищи неловко, но вѣдь вы и другъ друга, въ концѣ концовъ, поѣдите—что же тогда?

— Но вѣдь кто же нибудь да останется!—разсудилъ онъ: — и я полагаю, что судьба этого оставшагося будетъ не изъ плохихъ...

— Глупенькій! да ты предположи, что этотъ оставшійся—ты! Что жъ ты дѣлать будешь? вѣдь ты всѣхъ переѣшь, ты даже Деверію съѣшь—куда же ты дѣнешься?

Эта мысль видимо изумила Оденьку; въ его глазахъ блеснулъ почти лучъ мысли. Опасность, которую я такъ неожиданно раскрывалъ передъ его умственнымъ взоромъ, расположила его сердце къ благодарности, такъ что онъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, рѣшился даже пожать лишній разъ мою руку (одинъ Богъ только знаетъ, какъ онъ разсчетливъ на эти пожатія!).

— Во всякомъ случаѣ,—сказалъ онъ мнѣ:—догадка твоя весьма остроумна и стоитъ того, чтобъ надъ ней поработать! Было бы болѣе, нежели прискорбно, еслибъ я... или кто-нибудь другой (прибавилъ онъ скромною скороговоркой)... былъ вынужденъ на такую печальную и радикальную мѣру, какъ...—Онъ становился, видимо затрудняясь...

— Какъ съѣсть Деверію?—выразилъ я его мысль.

— Ну да... ты понимаешь... есть такіе предметы, по поводу которыхъ безъ боли нельзя даже приподнимать завѣсу будущаго!

Однако онъ ее приподнялъ, эту завѣсу. Спустя нѣсколько дней, встрѣтившись со мною, онъ сказалъ:

— Знаешь ли, я много думалъ о томъ, что мы въ послѣдній разъ говорили съ тобой, и пришелъ къ такому результату: да, мы *должны* будемъ временно положить зубы на полку! И сверхъ того,—прибавилъ онъ,—озаботиться объ умноженіи народонаселенія!

Какъ ни проста (почти даже глупа) форма, въ которой выразилась мысль Оденьки, я нашелъ, однакожъ, что она не только справедлива, но даже обнаруживаетъ замѣчательную желудочную преду-

смотрительность. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, я счелъ необходимымъ нѣсколько испытать моего юнаго друга.

— Какъ, душа моя, ты находишь необходимымъ принять мѣры къ увеличенію народонаселенія? Но ежели результатомъ этихъ мѣръ будетъ расположеніе нигилистовъ?

— Все равно! нигилистовъ, коммунистовъ... даже сепаратистовъ! лишь бы было съѣдобное! Конечно, это самая трудная, можно сказать даже, почти невыполнимая сторона задачи, но если это нужно... если обстоятельства потребуютъ... если, наконецъ, законъ политической необходимости... я готовъ!

Рѣшимость, съ которою Ѳеденька произнесъ эти слова, была такъ велика, что и меня заставила призадуматься. Повидимому, онъ былъ до того убѣжденъ, что даже посѣтовалъ на Каткова и Скарятина, которые, по словамъ его, дѣйствовали неблагоразумно и неразсчетливо, пропагандируя въ литературѣ мысль, что нигилистовъ слѣдуетъ вываривать изъ общества, какъ клоповъ изъ кроватей.

— Ты пойми, мой другъ, что, все-таки, они... дворяне!—сказалъ онъ, многозначительно прикладывая палецъ къ губамъ.

И затѣмъ онъ подробно изложилъ мнѣ свой планъ. Планъ этотъ былъ хорошъ несомнѣнно: сперва наплодить нигилистовъ, потомъ съѣсть ихъ, потомъ опять наплодить—это до такой степени просто и ясно, что даже можетъ привести въ умиленіе. Но для того, чтобы осуществить этотъ планъ, все-таки необходима разсчетливость, а слѣдовательно и контроль. Нужно опредѣлить заранѣе порцію каждаго дня, чтобы оскудѣніе въ нигилистахъ оставалось незамѣтнымъ и чтобы масса съѣдобнаго матеріала пребывала всегда неизмѣнною. Для этого понадобятся нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія и даже точныя статистическія изслѣдованія. Уяснить точную цифру хищниковъ въ данной мѣстности и обезпечить для нихъ вполнѣ вѣрные источники продовольствія—дѣло не легкое. Не нужно ли для этого придумать новое вѣдомство, или хоть канцелярію, или, по малой мѣрѣ, какое-нибудь ученое общество? Эти затрудненія я счелъ невозможнымъ скрыть отъ Ѳеденьки, но онъ и тутъ успокоилъ меня, сказавъ, что возбудитъ этотъ важный вопросъ въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій географическаго общества.

Но, увы! не всѣ хищники настолько предусмотрительны, какъ Ѳеденька. Большинство ихъ рѣшительно глотаетъ зря, полагая, въ-

роятно, что запасъ нигилистовъ и демагоговъ неистощимъ, и что стоитъ только окунуть руку въ какое-нибудь учебное заведеніе, чтобы вытащить оттуда нигилиста...

Дай Богъ. А. все-таки, какъ-то боязно. Что, если и въ самомъ дѣлѣ опасенія Оеденьки оправдаются? Что, если наступитъ такая минута, когда на всемъ земномъ шарѣ останется только *одинъ* хищникъ самъ-другъ съ г-жею Деверія?

Эта мысль наполняетъ мое сердце ужасомъ. Но не хочу обольщать себя: вопросъ, который она заключаетъ, есть во истину насущнѣйшій изъ всѣхъ современныхъ вопросовъ.

Къ удивленію, онъ слишкомъ мало распространенъ въ обществѣ. Хищники, увлеченные успѣхомъ, какъ будто совсѣмъ не думаютъ о будущемъ и, играючи, срываютъ цвѣты удовольствія. Вездѣ, куда ни придете, вездѣ только и слышите растлѣнные разговоры о томъ, какъ достойна уваженія сила, и какъ презрѣнна и достойна поруганія слабость. И разговариваютъ такъ просто, какъ будто это дѣло совсѣмъ-совсѣмъ безспорное, и не видать ему конца края.

— Вотъ, батюшка, сила-то что значитъ!—говорятъ одни:—даже въ глазахъ силы большей, силы несомнѣнной, она, все-таки, не перестаетъ быть силой! даже несомнѣнная сила—и та считаетъ нелишнимъ ее менажировать и договариваться съ нею!

— Взгляните, напримѣръ, на такого-то Икса!—прибавляютъ другіе:—не проходитъ дня, чтобы онъ чего-нибудь не надебоширничалъ, однако его не знаетъ ни полиція, ни мировой судъ! Почему-съ, смѣю васъ спросить? а просто потому, что это мужчина сильный и изъ себя видный! Взгляните, напротивъ того, на какого-то Зета! вотъ онъ и не дебоширничаетъ, даже по серединѣ тротуара никогда не пройдетъ, а все къ сторонкѣ жмется,—а изъ части да изъ суда не выходитъ! А отчего, спрашиваю я васъ? а все оттого, милостивые государи, что Зетъ видомъ жидокъ, и что за такую его провинность всякаго порядочнаго человѣка такъ и подмываетъ ковырнуть ему масла, ушибить колѣномъ или сдѣлать всяческую другую непріятность!

Понятно, какія поученія выводятъ для себя ревнители хищничества изъ этихъ разсужденій. Сила, думаютъ они, одна успѣваетъ,

а слѣдовательно къ ней одной и тяготѣть надлежитъ. Отсюда та громадная масса, которая постепенно скопляется около всякаго хищника и которая служитъ ему отчасти съѣдобнымъ матеріаломъ, отчасти орудіемъ для уловленія простодушныхъ и слабыхъ. Мало-помалу въ этой компактной толпѣ упраздняются понятія о добромъ и зломъ, о правомъ и неправомъ, о полезномъ и вредномъ. Что такое долгъ? Что такое право и правда? Какія отношенія человѣка къ обществу? Все это вопросы лишніе, пустые, созданные плѣнною мыслью идеологовъ только для затрудненія и отравы жизни. Хищничество, хищничество и хищничество—вотъ единственный свѣтящій маякъ жизни, вотъ единственный кодексъ, обязательный для современнаго человѣка; все остальное—хаосъ и смятеніе.

Міръ представляется чѣмъ-то въ родѣ громаднаго пирога съ начинкой, къ которому чѣмъ чаще подходишь закусывать, тѣмъ сытѣе будешь. Что нужды, что видиѣется уже край пирога, что скоро, быть можетъ, на блюдѣ останутся одни объѣдки! Хищничество не любитъ ни обобщать, ни распространять положеній далѣе видимыхъ ихъ предѣловъ: ему нѣтъ дѣла ни до завтрашняго дня, ни до тѣхъ, которые придутъ послѣдними и не найдутъ на столѣ ни крошицы. Лишь бы мы были тучны и сыты, лишь бы наши утробы ломились отъ пресыщенія,—о прочемъ мы не хотимъ и вспоминать, хотя бы оно завтра же погибло и обрушилось. Мы не хотимъ подумать даже о томъ, что мы сами можемъ обрушиться вмѣстѣ съ этимъ прочимъ. А можетъ быть, какъ-нибудь да выкарабкаемся! утѣшаемъ мы себя.

Всѣ хищники таковы: всѣ они столь же предусмотрительны, какъ и самые низшіе организмы: всѣ убѣждены, что лишь бы удалось украсть сто рублей, то этому капиталу и конца никогда не будетъ.

Обличить несостоятельность этого скуднаго взгляда, показать хищникамъ не совсѣмъ свѣтлую перспективу, которая ожидаетъ ихъ въ будущемъ—это, во всякомъ случаѣ, подвигъ, достойный вниманія и заслуживающій всякаго сочувствія. Я не питаю особенной симпатіи къ хищничеству, какъ къ признаку извѣстнаго общественнаго настроенія, но каждый изъ хищниковъ, взятый въ отдѣльности, скорѣе возбуждаетъ во мнѣ сожалѣніе, нежели ненависть.

Что такое ненависть? – это, во всякомъ случаѣ, чувство ненормальное, которое можетъ быть оправдано только какъ продуктъ временнаго стеченія такихъ условій, которыя дѣлаютъ существованіе ви

лъ средѣ человѣка особенно тяжкимъ. Мы ненавидимъ извѣстныя историческія положенія, забывая, что выраженіе: „историческое“, уже снимаетъ съ нихъ всякое обвиненіе. Но еще менѣе имѣемъ мы право ненавидѣть отдѣльныя лица, принимающія участіе въ историческихъ положеніяхъ. Стало быть, не то ненавистно, что сильное заявляетъ право на существованіе, а то, что слабое считается имѣющимъ право только на погибель. Наименѣе симпатичная въ этомъ смыслѣ порода людей—это безспорно порода хищниковъ; но и ее имѣемъ ли мы основаніе ненавидѣть?—нѣтъ, не имѣемъ, ибо всякій хищникъ, въ сущности, до такой степени глупъ, что онъ легко можетъ съѣсть самого себя—и не замѣтить этого. Совмѣстно ли съ справедливостью ненавидѣть этихъ жалкихъ людей? можно ли даже прилагать къ нимъ принципъ вмѣняемости?

Вотъ почему я и не ненавижу, а только сожалѣю. Меня ужасаетъ эпоха, ужасаетъ историческое положеніе, въ которомъ погибаетъ столько живыхъ существъ... а въ томъ числѣ и хищниковъ. Да, я убѣжденъ, что и они подлежатъ закону естественнаго возмездія, что и они возвратятъ все взятое.

Нѣтъ положенія болѣе горькаго и неловкаго, какъ положеніе вчерашняго тріумфатора, переставшаго быть тріумфаторомъ нынѣшнимъ. Независимо отъ обязанности отдать (какъ говорится, до послѣдней полушки) отчетъ въ недавнихъ тріумфахъ, человѣкъ этотъ не можетъ не чувствовать себя оскорбленнымъ и оплеваннымъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда тріумфъ его былъ вполнѣ правильный, и тогда его положеніе не можетъ назваться легкимъ въ виду тѣхъ подозрѣній, которыя надъ нимъ тяготѣютъ. Правда, онъ можетъ со временемъ очиститься отъ нихъ, и послѣ того опять предпринять какой-нибудь тріумфъ; но легче произнести это слово (очиститься), нежели добиться его осуществленія. Сколько разныхъ перипетій и случайностей скрывается за этимъ словомъ! сколько систематическихъ fins de non recevoir! И все это даже въ такомъ случаѣ, когда тріумфъ былъ вполнѣ законный. Судите послѣ этого, каково должно быть положеніе такого тріумфатора, котораго всѣ тріумфы состоялись въ томъ, что онъ тогда-то столько-то укралъ, а тогда-то столько-то оглушилъ? О, это не дай Богъ какое положеніе!

Въ этихъ-то собственно видахъ я и обличаю; обличаю жалѣючи. Я не разъ выражалъ мнѣніе, что жизнь правильная, нормальная не

терпитъ тріумфовъ, и что тріумфаторство вообще есть продуктъ натянутости и неестественности общественныхъ отношеній. Этого мнѣнія я держусь и теперь. Какъ только откажемся мы отъ легкихъ и даже трудныхъ тріумфовъ, такъ, вмѣсто призраковъ, выступитъ у насъ наружу дѣйствительное дѣло. И хищники исчезнутъ...

X.—Самодовольная современность.

Всякому читателю, безъ сомнѣнія, случалось имѣть дѣло съ людьми, которыхъ ограниченность ясна съ перваго взгляда, но которые въ то же время поражаютъ своею самоувѣренностью. Изъ всѣхъ человѣческихъ типовъ это самый надоѣдливый и нестерпимый. Просто ограниченный человѣкъ хранитъ свою ограниченность про себя; онъ не совершаетъ ничего особенно плодотворнаго, но за то ничего и не запутываетъ. Совсѣмъ другое дѣло — ограниченность самодовольная, сознавшая себя мудростью. Она отличается тѣмъ, что насильственно врывается въ сферы ей недоступныя и стремится распространить свои крилѣ всюду, гдѣ слышится живое дыханіе. Это своего рода зараза, чума. Низменные идеалы, которые она себѣ выработала или, лучше сказать, которые получила въ наслѣдство вмѣстѣ съ прочею рухлядью прошлаго, перестаютъ быть *ея* идеалами, а становятся образцомъ для идеаловъ общечеловѣческихъ; азбучность становится обязательною: глупыя мысли, дурацкія рѣчи сочатся отовсюду, и совокупность ихъ получаетъ наименованіе „морали“. „Я заплатилъ за мѣсяцъ прислугѣ, я ни копѣйки не долженъ въ мелочную лавку—я счастливъ. Отчего же *моему* счастью не быть образцомъ счастья общечеловѣческаго? отчего тѣмъ законамъ, которыми я руководствуюсь въ моемъ обыденномъ хозяйствѣ, не служить руководящею нитью и въ міровой жизни?“ Такъ вопрошаетъ себя ограниченный человѣкъ, и, самодовольно убѣжденный въ своей житейской мудрости, утверждаетъ непререкаемо, что происходящія передъ его глазами запутанности и затрудненія суть не что иное, какъ созданіе разгоряченной фантазіи людей, которые не умѣютъ свести концы съ концами.

Что такого рода выводъ вполнѣ произволенъ и даже глупъ — это ясно съ перваго взгляда; но, все-таки, ясно лишь для ума, привыкшаго анализировать и разсуждать. Большинство же приходитъ къ уясненію себѣ этой произвольности чрезвычайно туго, и вотъ почему мы видимъ, что, запасшись подобными выводами, люди могутъ не только почерпать въ нихъ личную безпредѣльную самоувѣренность, но и отуманивать ими массы людей. Какъ ни загадочнымъ кажется успѣхъ ограниченныхъ людей, тѣмъ не менѣе это фактъ, противъ реальности котораго безполезно возражать. Личности подобнаго закала пользуются и авторитетомъ, и почетомъ, и даже славою. Всякой попыткѣ прорваться въ область сознательности они кричатъ на встрѣчу: довольно!—и попытка стушевывается безъ возраженій. Поэтому пренебрегать ими, смотрѣть на нихъ исключительно какъ на общественную мебель, невозможно.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я постараюсь объяснить: во-первыхъ, въ чемъ собственно заключается произвольность выводовъ, подобныхъ указаннымъ выше; во-вторыхъ, вслѣдствіе какихъ причинъ и въ какой средѣ такіе выводы получаютъ авторитетность, и, въ-третьихъ, наконецъ, къ чему можетъ придти общество, усматривающее высшій жизненный идеалъ въ ограниченности желаній и стремленій.

Что каждый имѣетъ право предъявлять свое собственное, лично ему принадлежащее, воззрѣніе на счастіе и согласно съ этимъ воззрѣніемъ устраивать свою жизнь — это истина, которую, конечно, никто не станетъ оспаривать. Личное счастіе можетъ быть усматриваемо и въ обладаніи нѣкоторыми матеріальными удобствами, и въ достиженіи цѣлей, которыя никого не занимаютъ, кромѣ лица, непосредственно ими заинтересованнаго, и даже въ простомъ соблюденіи привычекъ. Здѣсь все зависитъ отъ большей или меньшей широты міросозерцанія; а такъ какъ область міросозерцанія недоступна регламентаціи, то даже самыя пошлыя желанія и стремленія могутъ заявлять о правѣ на существованіе. „Я счастливъ, потому что на мнѣ отлично сидятъ панталоны“; „я счастливъ, потому что принятъ въ такихъ-то домахъ“; „я счастливъ, потому что у меня карета и пара лошадей“ —все это своего рода идеалы. И хотя въ нихъ нѣтъ ничего особенно умнаго, но въ то же время и незаконнаго ничего нѣтъ.

Вопросъ не въ законности личныхъ идеаловъ, а въ ихъ общеобязательности, и какъ только вопросъ этотъ рѣшается въ пользу личныхъ идеаловъ и въ ущербъ идеаламъ общимъ, такъ тотчасъ же отношенія къ жизни и ея явленіямъ становятся натянутыми и запутанными. А этой-то именно обязательности и добивается ограниченность, переносящая свое самодовольство изъ сферы домашняго очага въ сферу высшихъ человѣческихъ интересовъ.

Первое и главное основаніе, на которое въ этомъ случаѣ опирается ограниченность, заключается въ конкретности фактовъ, служащихъ для нея отправнымъ пунктомъ. „Я счастливъ, потому что не спорю съ небесами"; „я счастливъ, потому что не дѣлаю набѣговъ въ область неизвѣстнаго": я доволенъ, потому что страданіе и бѣдность, какъ общій вопросъ, не смущаютъ меня" — вотъ факты, которые можно сейчасъ же повѣрить и противъ конкретности которыхъ трудно что-нибудь возразить. Дѣйствительно, вы видите человѣка, который несомнѣнно и съ небесами не споритъ, и въ то же время несомнѣнно счастливъ. „Такъ вотъ какъ легко дается счастье-то!" думаетъ человѣкъ, взирая на румяную и раскормленную ограниченность, и до того соблазняется этою легкостью, что даже не договариваетъ: „стоитъ только быть ограниченнымъ человѣкомъ!" А между тѣмъ это недомолвка очень важная и приводящая къ цѣлому ряду запутанностей и лжей.

Въ чемъ же тутъ ошибка? Да въ томъ именно, что конкретность фактовъ, подобныхъ упомянутымъ выше, присуща только имъ самимъ и ни для какихъ обобщеній повода не даетъ. Не только конкретность такихъ фактовъ, которые имѣютъ чисто-личный характеръ, но даже и такихъ, какъ, напримѣръ, „Крестецкій уѣздъ счастливъ, потому что въ немъ существуетъ банкъ", или „городъ Скопинъ счастливъ, потому что въ немъ имѣется дѣятельный городской голова Рыковъ". Даже это не даетъ основанія сказать: такъ пусть же весь міръ будетъ счастливъ, какъ Крестецкій уѣздъ или какъ городъ Скопинъ! Единственное обобщеніе, которое можно допустить по поводу подобныхъ конкретностей — это слѣдующее: каждый человѣкъ, а также каждый городъ, каждая весь имѣютъ право быть счастливыми по своему. Идти далѣе по пути обобщеній уже значитъ прибѣгать къ подтасовкѣ, значитъ легкомысленно или преднамѣренно закрывать глаза на ту пропасть, которая лежитъ между явленіями совершенно

разныхъ порядковъ. „Стоитъ только быть ограниченнымъ“ — вотъ очень полезная въ этомъ случаѣ поправка, и всякій, вдумавшись въ нее, согласится, что могутъ быть даже такіе виды счастія, которые прямо свидѣтельствуютъ о порабощеніи духовной стороны человѣка сторонѣ животиной. Спрашивается: можно ли присвоивать такимъ видамъ личнаго счастія характеръ общеобязательный?

Отсутствіе такого рода поправки ведетъ къ весьма важному смѣшенію, а именно, къ отождествленію сферы домашняго обихода съ сферою міровой жизни. Почему идеалы общечеловѣческіе выше идеаловъ личныхъ и даже идеаловъ, напримѣръ, Крестецкаго уѣзда? А потому просто, что первые составляютъ крайнее звено въ послѣдовательной цѣпи идеаловъ, освѣщающихъ пути человѣческаго развитія? потому что они представляютъ содержащее, а личные идеалы — только содержимое; потому, наконецъ, что съ осуществленіемъ идеаловъ общечеловѣческихъ сами собою осуществятся идеалы скопинскіе, харьковскіе и раненбургскіе, а не наоборотъ. Если жизни даны широкія основанія, то подробности улаживаются вполнѣ естественно сами собой, и, притомъ, не вразбродъ, а согласно съ самыми основаніями жизни. Напротивъ, если у жизни нѣтъ прочныхъ и широкихъ основаній, то одна подробность неизбѣжно будетъ идти вразрѣзъ другой. Поэтому тѣ, которые прежде всего обращаютъ вниманіе на подробности, въ надеждѣ впослѣдствіи приладить къ нимъ жизнь, уподобляются архитектору, который, не сдѣлавъ плана зданію, лѣпитъ на удачу кирпичъ къ кирпичу. Нѣтъ слова, что иногда самыя условія общественности таковы, что благопріятствуютъ подробностямъ и враждебны общимъ идеямъ; но не слѣдуетъ забывать, что по этой-то именно причинѣ такія условія и называются печальными, но никакъ не образцовыми.

Ничего этого самодовольная ограниченность не понимаетъ, да и не можетъ понимать, во-первыхъ потому, что конкретность ея низменныхъ идеаловъ застилаетъ ей глаза, а во-вторыхъ потому, что она, по самому свойству своему, неспособна различать размѣры развивающихся передъ нею явленій. Она игнорируетъ процессъ усложненія явленій, и потому естественно умозаключаетъ, что всѣ они безразличны. По этой же причинѣ она легко допускаетъ самыя уродливыя и незаконныя обобщенія, и становится въ тупикъ при видѣ самыхъ естественныхъ проявленій прогрессирующей жизни, если они не

подходятъ подъ мѣрку простой житейской исправности. Всѣ ея выводы до того произвольны и неожиданны, что, слушая ихъ, сдается, что они выработались не въ человѣческомъ мозгу, а случайно свалились откуда-то съ колокольни.

Тѣмъ не менѣе, какъ скоро человѣкъ однажды пришелъ къ убѣжденію, что онъ мудрецъ, онъ не только не легко разстается съ этимъ убѣжденіемъ, но, напротивъ того, сгараетъ нетерпѣніемъ пропагандировать основанія своей мудрости. Какъ и всякій другой мудрецъ, онъ не хочетъ таить свою мудрость для одного себя, а хочетъ привить ее присным и неприсным, знакомым и незнакомым, всему міру. Отсюда та безконечно-раздражающая проповѣдь самодовольной ограниченности, которая раздается тѣмъ слышнѣе, что внѣшнія условія не только не ставляютъ ей въ этомъ случаѣ препятствій, но даже споспѣшествуютъ и благопріятствуютъ.

Во всѣхъ видахъ эта проповѣдь несносна и вредна. И тогда, когда она выходитъ изъ предѣловъ выраженія простого личнаго самодовольства (пропаганда собственнымъ примѣромъ), и тогда, когда не пренебрегаетъ даже насиліемъ, чтобы накрыть своимъ сѣрымъ покровомъ весь міръ (пропаганда воинствующая). Въ первомъ случаѣ раздражаетъ безконечная удовлетворенность, не подозрѣвающая даже возможности иного міросозерцанія, кромѣ низменнаго; во второмъ—смущаетъ неразборчивость въ выборѣ путей и средствъ. Въ первомъ случаѣ ограниченность говоритъ: „взгляни на меня—и убѣдись“; во второмъ—она ту же рѣчь сопровождаетъ тычкомъ, шиворотомъ, кандалами.

Трагическая сторона значительнаго скопленія ограниченныхъ людей въ извѣстной мѣстности заключается не столько въ насильственныхъ пріемахъ, которые они допускаютъ, въ видахъ успѣшнаго уловленія прозелитовъ, сколько въ томъ, что отъ этихъ людей некуда уйти, такъ что выслушиваніе азбучныхъ истинъ становится дѣйствительно обязательнымъ. Наплывъ личностей, считающихъ разсчетъ съ мелочной лавкой разрѣшеніемъ всѣхъ жизненныхъ задачъ, происходитъ не случайно, а означаетъ, что на людей такого закала является усиленный спросъ, или, лучше сказать, внезапно утвердившаяся въ большинствѣ увѣренность, что внѣ ограниченности не можетъ быть спасенія. Еще наканунѣ, ограниченные люди шныряли, собирая справки и сюсю ихъ въ одну кучу, а нынче они ужъ раскормлены, румяны и

мнятъ себя носителями руководящей мысли. Они расхаживаютъ по стогнамъ и, нимало не краснѣя, возвѣщаютъ азбучныя истины. Проповѣдуютъ, что „по рогожкѣ слѣдуетъ протягивать ножки“, что „всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ“, что „посѣешь — людей насмѣешишь“, и при этомъ такъ блаженно улыбаются, что издали можно подумать: вотъ счастливцы, разрѣшившіе себѣ задачу душевнаго равновѣсія! Бѣгите отъ этихъ людей! а если бѣжать некуда, то, дѣлать нечего, будьте къ нимъ почтительны, ибо это не просто разводители капители, но герои дня, выразители требованій минуты. Ихъ приходится выслушивать съ терпѣніемъ не по тому одному, что невыслушиваніе можетъ повести за собой злостныя для невыслушивающихъ послѣдствія (это само по себѣ), но и потому, что весь воздухъ этой мѣстности, всякій камень, каждая песчинка пропитана азбучностью.

Въ чемъ же собственно заключается тайна втягивающаго свойства самодовольной ограниченности? вслѣдствіе какихъ причинъ ограниченные люди изъ скромныхъ собирателей справокъ и наполнителей графленой бумаги вдругъ превращаются ежели не въ дѣйствительныхъ руководителей общества, то, во всякомъ случаѣ, въ его систематическихъ отуманивателей? откуда идетъ этотъ внезапный спросъ на ограниченность, который окружаетъ ее ореоломъ авторитета и почета?

Существуетъ мнѣніе, что между фактомъ господства ограниченныхъ людей и эпохами такъ-называемой общественной реакціи имѣется тѣсная органическая связь. Указываютъ, напримѣръ, на времена директоріи и первой имперіи, а въ особенности на времена владычества Наполеона III во Франціи, когда въ обществѣ дѣйствительно какъ бы потухли стремленія къ высшимъ идеаламъ и когда ограниченность, сознающая себя мудростью, не только приносила своему обладателю деньги, силу и почетъ, но даже проницательныхъ людей вводила въ заблужденіе насчетъ дѣйствительнаго своего значенія. И дѣйствительно, что̀ такое „реакція“ въ общественномъ смыслѣ этого слова? Это эпоха величайшаго умственнаго утомленія, эпоха прекращенія частной и общественной инціативы, эпоха торжества силъ, имѣющихъ значеніе не столько сдерживающее и регулирующее (это только казовый конецъ реакціи), сколько уничтожающее и мертвящее. Таково, по крайней мѣрѣ, общепризнанное представленіе о ре-

акціи, и ежели мы вспомнимъ, что всякой реакціи всегда предшествуютъ особенно энергическія усилія общества, направленныя къ пересозданію самыхъ существенныхъ его основъ, то характеръ слѣдующей затѣмъ реакціи несомнѣнно утратитъ въ нашихъ глазахъ свою загадочность. Увы! результаты реформаторскихъ усилій такъ рѣдко даютъ себя чувствовать ясно и непосредственно, что для людей средняго умственнаго уровня они представляются трудно-уловимыми. Мало того: въ глазахъ этихъ людей воспоминаніе о реформаторскихъ усиліяхъ почти всегда сопрягается съ представленіемъ о чемъ-то недокончennомъ, возбудившемъ безплодныя тревоги.

Причинъ этого явленія много, но двѣ изъ нихъ настолько важны, что невольно обращаютъ на себя вниманіе. Во-первыхъ, реформаторскія движенія почти всегда первоначально прорываются урывками, и потому даже тогда, когда уже дѣлаются достаточно сильными, чтобы развиться въ правильную организацію, достигаютъ этого не иначе, какъ допуская совмѣстное дѣйствіе элементовъ не только не однородныхъ, но даже взаимно другъ друга исключающихъ. Отсюда изумленія, раскаянія и раздоры—эти печальныя, но вполнѣ естественныя послѣдствія дѣятельности, лишенной возможности развиваться спокойно. Во-вторыхъ, благодаря разнородности побужденій, дающихъ начало реформаторскому движенію, въ основаніи этого послѣдняго всегда находится извѣстный компромиссъ, вслѣдствіе котораго старый строй далеко не все уступаетъ новому строю, а только то, о чемъ въ просторѣчіи говорится: и то слава Богу! Компромиссъ этотъ, однажды проскользнувъ въ общую систему реформаторскихъ намѣреній, гложетъ его неустанно, гложетъ до тѣхъ поръ, пока отъ системы не останется одинъ тощій остовъ. Думали, напримѣръ, достигнуть результата вполнѣ яснаго и опредѣленнаго, но по дорогѣ задались мыслью, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы — и вышло нѣчто совсѣмъ неожиданное. Понятно, что человѣкъ средняго и умственнаго уровня имѣлъ полное право изумиться этому результату и даже впасть по поводу его въ уныніе. А такъ какъ общественное большинство состоитъ именно изъ людей этого уровня, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ средѣ ихъ на первый планъ выступаютъ вопросы: изъ-за чего хлопотали, усиливались, обольщали себя надеждою? Совершивъ энергическое усиліе и выигравъ очень мало, а иногда и ровно ничего, общество проникается робостью и

умолкаетъ. Не подвиги прогресса улыбаются ему, а сказочное спокойное преуспѣяніе, которое будто бы совершается само собой. А отъ надежды на сказочный прогрессъ одинъ шагъ и до полной и неумолимой реакціи.

Такого рода колебанія между реформаторскими усиліями и реакціей всего яснѣе выразились въ названныя выше эпохи французской исторіи. Но они возможны не только въ обществахъ, стоящихъ на относительно высокой степени развитія, но даже и тамъ, гдѣ главный тонъ жизни составляютъ гладь да Божья благодать. Вглядитесь пристальнѣе въ эту, повидимому, ничѣмъ невозмущаемую жизнь, и вы замѣтите, что и здѣсь, по временамъ, пробиваются признаки реформаторскаго движенія, свидѣтельствующіе о смутномъ поползновеніи измѣнить низшую форму общественности на высшую, и что слѣдомъ за подобными поползновеніями всегда является самая безпощадная реакція. Только здѣсь реакція получаетъ характеръ еще болѣе подавляющій, потому что нельзя съ достаточною ясностью указать ни на причины регресса, ни на явленія, противъ которыхъ направляются удары его.

Вотъ въ эти-то минуты уныній и упадка общественной энергіи и происходитъ та перестановка, въ силу которой, на мѣсто убѣжденныхъ, самоотверженныхъ и страстныхъ людей, роль руководителей принимаютъ на себя проповѣдники азбучныхъ истинъ, приправленныхъ молчалинскою аккуратностью.

„Смотрите!—вѣщаютъ эти новые узорѣшители: — вы хотѣли насъ пересморить—и въ результатѣ получили шишъ! Попробуйте-ка ножить помаленьку да полегоньку, ладкомъ да міркомъ—не выйдетъ ли что-нибудь получше шиша!“ И общество внимаетъ этимъ рѣчамъ тѣмъ охотнѣе, что оно дѣйствительно работало и изнурялось себя изъза шиша. Оно не береть въ разчетъ, что шишъ есть лишь естественное послѣдствіе тѣхъ деморализующихъ компромиссовъ, которые подрывали его недавнія усилія; оно помнитъ только свой неуспѣхъ, и отъ него умозаключаетъ, что таковъ фаталистическій исходъ всѣхъ реформаторскихъ усилій вообще и во всякомъ случаѣ.

Въ такія историческія минуты всякая пошлость именуется мудростью, всякая подтасовка дѣлается дозволительною. Обличить эту наглую ложь, доказать, что счастье человѣка, усѣшно совершившаго то или другое органическое отправленіе, не имѣетъ права имено-

вать себя идеаломъ счастья общечеловѣческаго, конечно, не Богъ знаетъ какая мудрость; но тутъ дѣло не въ мудрости, а въ практической возможности подобной затѣи. Усталое большинство не только не довѣряетъ доказательствамъ, имѣющимъ отвлеченный характеръ, но положительно отрицаетъ самую умѣстность ихъ. „Видали мы этихъ идеологовъ!“ вопитъ оно на всѣ тоны: „довольно съ насъ! не отвлеченныхъ доказательствъ намъ нужно, а фактовъ!“ А эти факты представляетъ ему самодовольная ограниченность, гласящая: „смотрите, какъ я румяна, сыта и довольна!“ И они сохранятъ свою убѣдительность до тѣхъ поръ, покуда жизнь не вызоветъ на свѣтъ новыхъ фактовъ, которые своею не меньшею конкретностью разобьютъ въ прахъ конкретность старыхъ.

Такимъ образомъ, изъ всего сказаннаго явствуетъ, во-первыхъ, что вся сила самодовольной ограниченности зиждется на мнимой способности ея опорныхъ точекъ къ обобщеніямъ, и, во-вторыхъ, что успѣхъ ея проповѣди, главнымъ образомъ, обусловливается упадкомъ общественнаго духа и ослабленіемъ того импульса, который заставлялъ общество искать духовнаго уровня, нѣсколько высшаго, нежели тотъ, который предлагается афоризмами азбукъ и прописей. Но дабы сдѣлать нашу мысль болѣе ясною, возьмемъ вопросъ съ практической точки зрѣнія и посмотримъ, къ чему можетъ придти общество, видящее въ ограниченности стремленій осуществленіе жизненныхъ идеаловъ.

Непосредственный результатъ торжества ограниченности прежде всего выражается въ общей тишинѣ. Казалось бы, что лучше этого результата не надо и желать. Гдѣ человѣку благоденствовать и прогрессировать, какъ не на лонѣ мира и тишины? Гдѣ процвѣтать наукамъ и искусствамъ, развиваться гражданственности и проч., какъ не при условіяхъ тишины? И дѣйствительно, ограниченность всегда съ особенною силою напираетъ на эти условія. Тишина, по ея словамъ—это палладіумъ всяческаго процвѣтанія: она одна дастъ все: и счастіе, и успокоеніе отъ тревогъ, и исцѣленіе недуговъ, и удовлетвореніе законныхъ интересовъ.

Однакожъ на практикѣ оказывается нѣчто совершенно несоотвѣтствующее этимъ хвастливымъ обѣщаніямъ: нѣчто такое, что доказываетъ, что представленіе о тишинѣ далеко не свободно отъ нѣ-

которыхъ неясностей, которыя могутъ подать поводъ къ самымъ вопіющимъ недоразумѣніямъ.

Призывая, вслѣдъ за пропагандистами ограниченности, многожеланную тишину, мы, при всей скромности нашихъ требованій, конечно, имѣемъ въ виду не тишину для тишины, а достиженіе извѣстныхъ благъ, которыя ею охраняются. Но, къ удивленію, мы не только не получаемъ этихъ благъ, но даже дѣлаемся свидѣтелями внезапнаго исчезновенія самой общественности, то-есть того условія, отсутствіе котораго дѣлаетъ немыслимыми и процвѣтаніе, и благоденствіе, и прогрессъ.

Стало быть, въ этой тишинѣ есть органическій порокъ; стало быть, это не та „возлюбленная тишина, градовъ и весей отрада", о которой вздыхаютъ поэты, а какая-то другая, скорѣе заслуживающая названія мертвенности, нежели тишины.

Первое условіе всякой общественности—это возможность свободнаго обмѣна мыслей, возможность спора, возраженій и даже заблужденій (да, и заблужденій, потому что и они имѣютъ свое значеніе въ общей экономіи жизненнаго прогресса). Наличность этихъ условій важна не только потому, что она сообщаетъ жизни характеръ совершенствованія, но и потому, что вноситъ въ общественныя отношенія элементъ пріятности. Однообразіе воззрѣній, особливо ежели оно имѣетъ оттѣнокъ вынужденности, создаетъ однообразность потребностей и стремленій, а затѣмъ угрюмость и одичалость; напротивъ того, разногласіе въ мнѣніяхъ, приводя за собой необходимость во взаимной провѣркѣ ихъ, служитъ надежнѣйшимъ цементомъ для скрѣпленія людскихъ отношеній. Вотъ этого-то послѣдняго условія общественности именно и не допускаетъ самодовольная ограниченность, ибо она даже самое слово „тишина" опредѣляетъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было споровъ и несогласій. Опираясь на неуспѣхъ недавней „борьбы съ небомъ", она, съ свойственной всякой азбучности манерой цѣпляться за одни внѣшніе признаки факта, прямо приписываетъ его спорамъ и несогласіямъ, присущимъ борьбѣ. Какъ можно меньше сомнѣній, препирательствъ и экскурсій въ области неизвѣстнаго и какъ можно больше сосредоточенности и аккуратности въ разсчетахъ по ежедневнымъ затратамъ—вотъ девизъ торжествующей ограниченности. Въ согласность этому девизу вырабатывается цѣлый кодексъ низменнаго свойства аксіомъ, который нельзя обойти

подъ опасеніемъ ввергнуться въ бездну и на днѣ ея встрѣтить классическую гидру. Этой гидры никто никогда не видалъ, но она съ незапамятныхъ временъ служитъ отличнѣйшимъ пугаломъ. Ни спорить, ни прекословить не допускается, потому что, въ противномъ случаѣ, или въ бездну попадешь, или помѣшаешь „правильному“ прогрессу. Одного добиваться слѣдуетъ—это безусловнаго прекращенія разногласій и сомнѣній и—что̀ важнѣе всего—устраненія какой бы то ни было погони за неизвѣстностью. А отсюда единственный практическій выходъ: молчаливое и единомысленное вытаскиваніе бирюлекъ.

Не задумывайтесь! ибо задумываться — значитъ сомнѣваться, значитъ пытаться что-нибудь провидѣть, значитъ допускать возможность критическихъ отношеній. А для попытокъ этого рода есть отличное слово: „мечтательность“, въ которомъ, какъ въ пучинѣ, утопаетъ всякій порывъ самостоятельности и самодѣятельности. „Мечтательность“—это одно изъ тѣхъ непомнящихъ родства словъ, которыхъ значенія никто ясно не понимаетъ, но которыя всякій охотно употребляетъ, предполагая, что въ немъ есть нѣчто такое, чѣмъ можно заклеймить все, что̀ не по нутру. Мечтательность—это проказа, это явленіе, которое даже ограниченнаго человѣка можетъ вывести изъ состоянія самодовольнаго оцѣпенѣнія. Оставьте, милостивые государи! Оставьте мечтательность и займитесь дѣломъ, то-есть вытаскиваніемъ бирюлекъ и наставкою заплатъ! И не заглядывайте впередъ, ибо всякое заглядываніе подрываетъ тишину! Спрашивается, однакожъ: сопровождаемая подобными оговорками, въ какой мѣрѣ совмѣстна тишина съ общественностью, которая осуществляетъ собой движеніе?

Но, вычеркнувъ изъ наличности наиболѣе жизненный элементъ общественности, ограниченность идетъ еще далѣе, то-есть вводитъ въ жизнь другой элементъ, положительно ей враждебный. Этотъ другой элементъ—испугъ. Съ перваго взгляда, можно подумать, что самодовольство и испугъ — два понятія другъ друга исключающія; но въ дѣйствительности эта несовмѣстимость лишь кажущаяся. При извѣстномъ настроеніи общества, когда со всѣхъ сторонъ раздаются фразы, лишенныя содержанія, и въ нихъ однѣхъ видится спасеніе отъ недуговъ, испугъ перестаетъ представлять что-либо реальное, а дѣлается простымъ предостереженіемъ противъ всякой попытки нарушить тишину.

Люди пугаютъ другъ друга не ради того, что надъ ними виситъ дамокловъ мечъ, а ради того, чтобы оградить тишину для тишины и укрѣпить себя и другихъ въ намѣреніи не заниматься ничѣмъ, кромѣ вытаскиванія бирюлекъ. „А помните, какъ вы съ небомъ-то спорить хотѣли?“—Это вопросъ, въ сущности пустой и глупый, но, при извѣстной настроенности общества, его одного достаточно, чтобы заставить всѣхъ и каждаго какъ можно плотнѣе пригнуться къ землѣ. Въ виду этой угрозы, всякій реакціонный бредъ считается умѣстнымъ и дозволительнымъ. Ограниченные люди, наперерывъ другъ передъ другомъ, разсказываютъ анекдоты о глумленіяхъ, попраніяхъ и тому подобныхъ „безчинствахъ“. Объ „авторитетѣ“ упоминается какъ о чемъ-то поруганномъ, посрамленномъ, погубленномъ. Мудрецы вздыхаютъ, соболѣзнуютъ, устрашаютъ другъ друга, и—странное дѣло!—несмотря на пуганья, только добрѣютъ да нагуливаютъ себѣ жиру въ борьбѣ съ попраніями и глумленіями. Ясно, что испугъ въ этомъ случаѣ совсѣмъ не существенъ, что это только пробный камень, на которомъ можно не безъ выгоды испытывать личную способность закалиться въ азбучной мудрости. Но ежели занятіе такого рода и можетъ для той или другой личности представлять своекорыстный интересъ, то, все-таки, спрашивается: возможна ли общественность подъ гнетомъ неумолкающихъ устрашеній?

Отвѣтъ на оба поставленные выше вопроса не можетъ быть сомнителенъ: нѣтъ, общество, изгнавшее изъ своей среды склонность къ занятію высшими умственными интересами, — общество, съ презрѣніемъ и насмѣшкою относящееся къ такъ-называемымъ широкимъ вопросамъ жизни,—общество, подчинившееся молчанію и испугу, не имѣетъ права считать себя обладающимъ благами общественности. Это общество одичалое, живущее наудачу и даже не могущее уяснить себѣ послѣдствія, къ которымъ неминуемо должна привести его одичалость.

Первое послѣдствіе умственной одичалости—это скука. Скука, какъ общій давящій покровъ, отъ гнета котораго не освобождаются даже сами проповѣдники ограниченности.

Что такое скука?—Это отсутствіе высшихъ умственныхъ интересовъ, это—запертая дверь въ тотъ безграничный міръ умственной спекуляціи, въ которомъ каждый новый шагъ даетъ новое открытіе или новую комбинацію, въ которомъ даже простое припоминаніе фак-

товъ, уже добытыхъ и извѣстныхъ, представляетъ наслажденіе, благодаря разнообразію этихъ фактовъ и ихъ способности соединяться въ группы и давать поводъ для безконечнаго множества выводовъ. Внѣ этого міра нѣтъ прочнаго и продолжительнаго наслажденія, такъ что какія бы ни придумывались ухищренія къ усложненію низшихъ видовъ наслажденія, съ цѣлью замѣнить ими наслажденія высшей категоріи. въ результатѣ ничего не получится, кромѣ временнаго возбужденія, которое не замедлитъ уступить мѣсто пресыщенію и скукѣ.

Второе послѣдствіе умственной одичалости—общественное безсиліе. Страна, которая всецѣло посвятила себя обоготворенію „тишины“, которая отказалась отъ заблужденій и все вниманіе устремила на правильность разсчетовъ по ежедневнымъ затратамъ, можетъ считать свою роль оконченною. Это—страна мудрыхъ. Ей некуда идти, ибо передъ нею возвышается глухая стѣна, на которой начертано: „не твое дѣло“. Отъ нея нечего ждать, ибо она всѣ жизненныя задачи считаетъ исчерпанными изреченіемъ: „не твое дѣло“. Ей предстоитъ только выполненіе тѣхъ требованій обыденности, которыя равно обязательны и для человѣка, и для всякаго другого организма. Поэтому, когда ей приходится расплачиваться за свою самоувѣренную мудрость, то расплата всегда застаетъ ее врасплохъ. Всѣ обыватели мудры, но никто ни къ чему не приготовленъ, никто ничего не знаетъ, ничѣмъ не интересуется, ничего не любитъ. По-видимому, человѣкъ всю свою жизнь и все вниманіе исключительно устремлялъ на подробности, отдавался имъ до самозабвенія; а на поверку выходитъ, что онъ только заблудился въ нихъ, яснаго же представленія даже о мелочахъ не получилъ. Подробности перепутались, а общей руководящей мысли, которая помогла бы ознаться въ вавилонскомъ столпотвореніи, нѣтъ и въ поминѣ. Въ результатѣ —пустое мѣсто.

Третье послѣдствіе — неурядица не только внутренняя, но и внѣшняя. Тѣ глубоко заблуждаются, которые отождествляютъ тишину съ порядкомъ и видятъ въ первой обезпеченіе послѣдняго. Та тишина, которую проповѣдуетъ самодовольная ограниченность, есть тишина насильственная, чаще всего прикрывающая раздоры самаго вреднаго свойства. Ограниченные люди точно также способны раскаливаться и ссориться другъ съ другомъ, какъ и люди развитые.

съ тою лишь разницею, что препирательства азбучныхъ мудрецовъ не идутъ дальше вопросовъ о вывѣденномъ яйцѣ. Но низменность содержанія не только не смягчаетъ раздраженія, но даже усиливаетъ его назойливость. Нигдѣ не встрѣчается такого ожесточенія, столько зависти, интригъ, какъ въ средѣ ограниченныхъ людей, для которыхъ все сводится къ личнымъ цѣлямъ, для которыхъ до такой степени не существуетъ высшихъ интересовъ, что имъ нечему жертвовать, хотя бы они и имѣли случайную наклонность къ пожертвованіямъ. Поэтому въ обществѣ, живущемъ подъ игомъ тишины для тишины, даже подробности жизни всегда разрѣшаются согласно съ такими случайными настроеніями, которыхъ ни предвидѣть, ни предугадать нельзя; а это, въ свою очередь, кладетъ на всю жизненную обстановку печать необезпеченности и неувѣренности. Кажется, что можетъ быть общераспространеннѣе правила: „всякій сверчокъ знай свой шестокъ“?—а между тѣмъ попробуйте жить, имѣя въ запасѣ только одинъ этотъ руководящій афоризмъ, и вы убѣдитесь, что каждая минута представитъ вамъ безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ ловушекъ. Во-первыхъ, нѣтъ точнаго опредѣленія, въ чемъ заключаются права и обязанности человѣка-сверчка, а потому всякій мнитъ себя сверчкомъ особеннымъ, а иной даже и сверчкомъ-орломъ. Во-вторыхъ, такою же неопредѣленностью страдаетъ и понятіе о „шестокъ“, такъ что всегда есть опасность впасть въ ошибку и неумышленно занять шестокъ рангомъ повыше. А отсюда—вѣчное и безобразное препирательство, возникающее каждый разъ, какъ только заходитъ рѣчь объ обращеніи сверчка къ его натуральному шестку.

Наконецъ, четвертое послѣдствіе — распущенность нравовъ, этотъ достойный плодъ скуки и необходимости уразнообразить жизнь, лишенную дѣйствительныхъ элементовъ разнообразія. Зрѣлища, возбуждающія чувственность; литература, проповѣдующая низменность и пошлость; искусство, чуждающееся мысли и преслѣдующее ее презрѣніемъ и насмѣшкою—вотъ пища, которою удовлетворяется общество, примирившееся съ идеалами аккуратности и умѣренности. И напрасны будутъ усилія людей, предостерегающихъ подобное общество отъ увлеченій чувственностью и пошлостью, ибо увлеченія эти суть органическій придатокъ всего жизненнаго строя, и общество, отдавшее свои интересы подъ охрану азбучной ограниченности, не-

способно имѣть иныхъ наслажденій, кромѣ наслажденій самаго низменнаго свойства.

Таковы результаты господства самодовольной ограниченности. Быть можетъ, здѣсь далеко не все исчерпано, что можно было бы сказать объ этомъ предметѣ, но и того, что сказано, достаточно, чтобы уразумѣть, что вліяніе ограниченности не заключаетъ въ себѣ ничего плодотворнаго.

XI.—Сила событій.

Что такое „патріотизмъ“?

До послѣдняго времени *) очень немногіе задавали себѣ этотъ вопросъ: до такой степени онъ казался яснымъ и безспорнымъ. Большинство понимало подъ словомъ „патріотизмъ“ что-то врожденное, почти обязательное. Начальство, соглашаясь съ этимъ опредѣленіемъ, прибавляло, что наилучшее выраженіе патріотизма заключается въ безпрекословномъ исполненіи начальственныхъ предписаній.

Опредѣленіе большинства имѣетъ тотъ порокъ, что ничего не опредѣляетъ и, слѣдовательно, оставляетъ вопросъ открытымъ. Это все равно, какъ если бы кто сказалъ, что патріотизмъ есть любовь къ отечеству—какую пользу можно вынести изъ такого объясненія? Второе, начальственное опредѣленіе нѣсколько яснѣе, но имѣетъ другой недостатокъ, а именно: исключаетъ изъ области патріотизма цѣлую категорію лицъ, извѣстныхъ подъ общимъ наименованіемъ „начальства“. Не получая ни отъ кого предписаній, на чемъ же оно можетъ упражнять свой патріотизмъ?

Изслѣдователи болѣе смѣлые или нѣсколько далѣе и объясняли обязательность патріотизма тѣмъ, что нигдѣ человѣкъ не можетъ такъ успѣшно постигать своихъ цѣлей и вообще проявлять свою личность, какъ въ той средѣ, которая знакома ему со всѣмъ ея добрымъ и злымъ матеріаломъ. Но и это толкованіе нимало не специализируетъ разсматриваемаго явленія, потому что удобствами, доставляемыми знаніемъ среды, можно объяснить не только патріотизмъ, но и другіе

*) Писано въ 1870, вслѣдъ за развязкою франзуско-прусской войны.

инстинктъ несомнѣнно дурного свойства. И карманному вору удобнѣе проявлять свою личность въ средѣ знакомой и изслѣдованной, однако едва ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что инстинктъ воровства есть инстинктъ врожденный, невольный и обязательный.

Кажется, что вся эта путаница произошла оттого, что для объясненія нѣкоторыхъ жизненныхъ явленій мы слишкомъ безцеремонно пользуемся такими опредѣленіями, которыя сами требуютъ ближайшихъ опредѣленій. Необходимы были такія искушенія опыта, какія доставили послѣднія событія военнаго и политическаго міра (война Германіи съ Франціей), чтобъ нанести окончательный ударъ безсодержательности фразы и навсегда очистить сущность интересующаго насъ явленія отъ сѣти лицемѣрія и хвастовства, которыя опутывали его.

Первый вопросъ, который разъясняютъ послѣднія событія — это вопросъ объ отношеніи къ идеѣ патріотизма безчисленныхъ паразитовъ, наполняющихъ міръ. Могутъ ли, напримѣръ, именоваться патріотами подрядчики, поставляющіе вмѣсто ружей насквозь простыя ударныя, или кремневыя, или, наконецъ, такія кремневыя, у которыхъ, вмѣсто кремня, фигурируетъ разрисованная на манеръ кремня чурка, а также градоначальники и военачальники, поощряющіе такія поставки? Могутъ ли именоваться патріотами проходимцы въ родѣ папскихъ швейцарцевъ, или тюркосовъ, или гуляющихъ нѣмцевъ, охотно внѣдряющихся всюду, гдѣ имѣется мясистая поверхность, защищенная шерстью и волосами? Могутъ ли именоваться патріотами всякіе другіе паразиты, хотя бы и высшей школы?

Всѣ эти вопросы на первый взглядъ кажутся праздными, но если вглядѣться въ дѣло пристальнѣе, то выйдетъ, что разрѣшеніе ихъ составляетъ потребность далеко не призрачную. Почти на каждомъ шагу приходится выслушивать сужденія въ родѣ слѣдующихъ: „правда, что N ограбилъ казну, но за то какой патріотъ!“ или, „правда, что N пустилъ по міру множество людей, но за то какой христіанинъ!“ — и сужденія эти не только не убиваютъ нашу совѣсть, но даже не удивляютъ насъ. Стало быть, несовмѣстимость такихъ явленій, какъ казнокрадство и патріотизмъ, вовсе не настолько ясна, чтобы можно было считать поставленные выше вопросы окончательно упраздненными.

Причина сближеній столь странныхъ и неожиданныхъ, безспорно, заключается въ общей путаницѣ нашихъ обыденныхъ воззрѣній на жизнь. Благодаря обилію фантастическихъ элементовъ, переполняющихъ наше воспитаніе, жизнь съ дѣтства кажется намъ раздѣленною на двѣ половины, изъ которыхъ въ одной складываются интересы высшаго порядка, а въ другой—интересы порядка низшаго. Связи между этими двумя половинами не полагается, а слѣдовательно не можетъ быть рѣчи и о взаимномъ питаніи. Если низшіе интересы представляютъ сбродъ неосмысленныхъ мелочей, очутившихся рядомъ безъ всякаго порядка, то интересы высшіе представляютъ совершенно призрачный міръ, доступный всевозможнымъ толкованіямъ и перестановкамъ. Пользуясь этою разрозненностью, человѣкъ можетъ свободно переходить изъ одной половины въ другую и, не возбуждая ни въ комъ удивленія, уравновѣшивать самые гнусные поступки высокопарными и безсодержательными фразами. Завѣдомый шулеръ можетъ утверждать, что человѣкъ безъ добродѣтели—все равно, что тѣло безъ души; завѣдомый прелюбодѣй можетъ удостовѣрять, что человѣкъ, не соблюдающій семейной чистоты—все равно, что пламя, горящее тусклымъ и нетрѣющимъ свѣтомъ; завѣдомый казнокрадъ можетъ объясняться въ любви къ отечеству.

Сомнѣнія относительно правильности такого воззрѣнія на жизнь возникли давно, но, къ сожалѣнію, возникли лишь путемъ умозрительнымъ. Большинство рѣдко убѣждается умозрительными доводами и требуетъ доказательствъ осязаемыхъ, вещественныхъ. Вотъ это-то вещественное доказательство и дано нынѣ, и притомъ дано въ такихъ обстоятельствахъ, что не осталось ни одной утаенной подробности, ни одного невыясненнаго эпизода. Еслибъ обязанность представленія вещественныхъ доказательствъ выпала на долю странъ, играющей въ цивилизованномъ мірѣ роль скромной фіалки, очень можетъ быть, что истина или, по крайней мѣрѣ, большая ея часть осталась бы подъ сомнѣніемъ. Но въ настоящемъ случаѣ пропагандистомъ является самый нахальный народъ въ мірѣ, до того нахальный, что считаетъ свои давнія заслуги передъ человѣчествомъ настолько существенными, что передъ ними блѣднѣютъ даже тѣ язвы, которыя наложило двадцатилѣтнее недоразумѣніе, сдѣлавшее его добычею проходимцевъ.

Бѣдная Франція! и на этотъ разъ ты явишься искупительною жертвою! Тебя, на которую міръ смотрѣлъ какъ на пламя, согрѣв-

вавшее исторію человѣчества,—тебя въ настоящую минуту каждый мекленбургъ-стрелицкій обыватель, не обинуясь, называетъ собраніемъ „думкопфовъ“! И благо ему, этому скромному мекленбургъ-стрелицкому обывателю. Онъ получилъ отъ тебя все, что̀ ему было нужно. Въ концѣ XVIII столѣтія ты дала ему позывъ къ свободѣ; въ 1848 году ты дала ему позывъ къ осуществленію идеи о „великомъ отечествѣ“. Но и за всѣмъ тѣмъ ты, все-таки, виновата. Ты виновата тѣмъ, что не съумѣла создать „порядка“; тѣмъ, что твои почты и желѣзнодорожные поѣзды лишены правильности отчетливаго механизма; тѣмъ, что ты не выдумала ретуръ-билетовъ; тѣмъ, что ты даже по части почтовыхъ марокъ оказалась недостаточно твердою. Все это выдумали, устроили, создали зигмарингенцы, гессенцы и мекленбуржцы, и они ни за что̀ въ свѣтѣ не простятъ тебѣ этого пропуска. Покуда ты выдумывала свободу и на свой страхъ выводила жизнь на почву общественныхъ вопросовъ, мекленбуржецъ, не имѣя надобности изобрѣтать изобрѣтенное, предпочиталъ „нѣкоторую узкость взглядовъ ширинѣ ихъ“. Подъ защитою твоихъ политическихъ и соціальныхъ конвульсій, онъ втихомолку вырабатывалъ вопросъ, гораздо болѣе близкій его пониманію, а именно, вопросъ объ отношеніи проходимства и жульничества къ патріотизму, и, надо сказать правду, выработалъ его (въ обычномъ, родственномъ ему среднемъ уровнѣ) довольно удовлетворительно. Теперь онъ увѣренъ, что письмо его дойдетъ по назначенію, что каждый чиновникъ его безчисленныхъ почтовыхъ конторъ въ совершенствѣ знаетъ географію, и не зашлетъ въ Кронштадтъ письма, адресованнаго въ Канштатъ, что для неукоснительнаго избіенія думкопфовъ ему дадутъ настоящее игольчатое ружье, а не подобіе его, и что реквизиція на землѣ думкопфовъ будетъ производиться неуклонно, по строго обдуманному плану, а не какъ-нибудь безъ системы: сперва въ зубы, а потомъ рюмка водки на мировую.

Да, ты виновата. Занявшись преслѣдованіемъ міровыхъ задачъ, ты забыла, что существуютъ милліоны домашнихъ подробностей, устройство которыхъ обезпечиваетъ жизнь отъ неожиданностей. Мекленбуржцы, гессенцы, гогенцоллернцы поняли это лучше тебя, хотя, съ другой стороны, быть можетъ, они недостаточно уразумѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже самое лучшее устройство подробностей, безъ гарантіи выработанныхъ тобою общихъ идей, все-таки, не больше.

какъ зданіе, выстроенное на пескѣ. Твоя свобода безсодержательна —это такъ; твои соціальныя движенія несостоятельны—и въ этомъ нельзя сомнѣваться, ибо весь Липпе-Детмольдъ поголовно провозглашаетъ эту истину; но не существуй ихъ, не держи они міръ въ нѣкоторомъ напряженіи, какой гессенецъ поручится, что не придутъ проходимцы и не перестроятъ все по старому? Проходимцы чутки и внимательно подстерегаютъ случаи, дающіе возможность что-нибудь стянуть. Прежде всего, они стянутъ безсодержательную свободу, а потомъ созовутъ всѣхъ гессенцевъ, шаумбургцевъ и зигмарингенцевъ и при громѣ пушекъ скажутъ имъ:—Нѣтъ вамъ ни почтъ, ни почтальоновъ, ни почтовыхъ марокъ, нѣтъ ни ретуръ-билетовъ, ни игольчатыхъ ружей, ни нарѣзныхъ пушекъ; нѣтъ вамъ литературы, кромѣ „Wacht am Rhein“! Живите какъ Богъ дастъ и изнемогайте безъ литературы, безъ политики, безъ писемъ отъ родныхъ, какъ изнемогаютъ обыватели какого-нибудь Боброва или Острогожска!

Все это дѣло очень возможное (увы! многое возможно, что съ перваго взгляда кажется даже фантастическимъ), а стало быть тѣ, которые такъ охотно „предпочитаютъ нѣкоторую узкость взглядовъ ширинѣ ихъ“, едва ли вполнѣ правы въ своихъ предпочтеніяхъ. Они забываютъ, что ширина взглядовъ, въ большинствѣ случаевъ, защищаетъ подробности, достигаемыя узкостью ихъ. И притомъ, какъ опредѣлить эту „нѣкоторую“ узкость, какъ отличить ее отъ не „нѣкоторой“? Гдѣ кончается граница узкости, которой можно съ грѣхомъ пополамъ присвоить названіе разумной, и гдѣ начинается граница той узкости, которой ни на какомъ языкѣ нѣтъ другого названія, кромѣ пошлости, ограниченности, тупоумія! Это наклонность до того покатая, что, кажется, было бы всего благоразумнѣе, если бы каждому индивидууму и каждому народу предоставлено было оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Глупый да пребудетъ глупымъ; дальнозоркій и проницательный пусть останется дальнозоркимъ и проницательнымъ. Не примѣрами, въ родѣ свиницы, собирающейся зажечь море, слѣдуетъ встрѣчать политическую и общественную самоотверженность, а сознаніемъ, что безъ этой самоотверженности исторія, быть можетъ, остановила бы свое движеніе.

И представьте себѣ, читатель: несмотря на то, что честь разработки вопроса объ отношеніяхъ мелкаго жульничества къ патріотизму принадлежитъ шаумбургцамъ и детмольдцамъ, все-таки, сдается,

что популяризація и утвержденіе даже этой простой идеи будетъ принадлежать не имъ, а все тѣмъ же „думкопфамъ“, надъ которыми весь Саксенъ-Мейнингенъ въ настоящее время во все горло хохочетъ. Мейнингенецъ до того скроменъ, что даже крошечную идею вырабатываетъ исключительно для собственнаго употребленія. Напротивъ того, „думкопфъ“ нахаленъ (не даромъ нѣмецкіе публицисты такъ настойчиво упоминаютъ о гальскомъ пѣтухѣ) и, въ качествѣ наглеца, даже великія идеи бросаетъ на съѣденіе нищихъ духомъ: пускай, дескать, и они, подъ сѣнію этихъ идей, насладятся хорошими почтмейстерами и познаютъ употребленіе почтовыхъ марокъ. Что же ему будетъ стоить подѣлиться съ міромъ такою маленькою идейкой, какъ несовмѣстимость карманныхъ воровъ съ патріотизмомъ? Конечно, ровно ничего, и мекленбуржцы могутъ оставаться на этотъ счетъ совершенно спокойны: при содѣйствіи гальскаго пѣтуха, эта идейка не только не замретъ среди нихъ, но получитъ еще большее развитіе, благодаря элементу сознательности, который проникнетъ въ нее. Гальскій пѣтухъ съумѣетъ поставить принципъ на принадлежащую ему высоту, съумѣетъ выставить паразитство къ позорному столбу, съумѣетъ, наконецъ, указать подлинные предѣлы паразитства, не ограничиваясь однимъ сословіемъ коллежскихъ регистраторовъ, и разоблачить даже тѣ его признаки, которые можетъ замѣтить лишь зоркій и вполнѣ опытный глазъ. Вотъ тогда-то поймутъ зигмарингенцы, что паразитами называются не только тѣ, кои не доставляютъ писемъ по адресу или засылаютъ ихъ въ Кяхту, вмѣсто Вятки, но и тѣ, которые скрадываютъ въ свою пользу политическую и общественную свободу подъ предлогомъ ея безсодержательности, и тѣ, которые все обѣщаютъ въ минуту опасности и все отбираютъ въ моментъ торжества.

Все это такъ: все это навѣрное такъ и сбудется. Наступитъ минута, когда мейнингенцы, даже на поприщѣ ретуръ-билетовъ, не будутъ считать себя передовою націей относительно Франціи. Но какимъ образомъ могло случиться, что Франція, по иниціативѣ которой, на нашихъ глазахъ, произошло возрожденіе цѣлой Европы, пропустила между рукъ такой простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимый вопросъ, какъ вопросъ о недопущеніи паразитовъ къ участію въ управленіи почтъ и телеграфовъ? Какимъ образомъ сталось, что прохо-

димцы самые несомнѣнные, общеизвѣстные и всесвѣтные цѣлое двадцатилѣтіе стояли во главѣ ея?

Кажется, это произошло оттого, что всякое проходимство является на сцену не иначе, какъ въ блескѣ, свойственномъ безстыжеству. Безстыжество отуманиваетъ; оно на весь міръ смотритъ въ упоръ, и при этомъ лжетъ, хвастаетъ, обманываетъ въ глаза. При видѣ этой безславѣтной наглости, мнится, что за нею стоитъ что-то несокрушимое, что у нея есть какая-то роль въ исторіи. Но, кромѣ того, безстыжество обладаетъ еще однимъ качествомъ: гдѣ бы оно ни появилось, около него сейчасъ же группируется плотная масса негодяевъ. Все праздное, буйное, все обуреваемое страстью легкой наживы, живущее хищничествомъ и набѣгами — все съ непреодолимою силой влечется къ безстыжеству, устраивается подъ сѣнію его и, въ свою очередь, образуетъ оплотъ. На глазахъ у всѣхъ формируется безшабашное сконище, и формируется тѣмъ легче, что ему не нужно никакихъ пособій, кромѣ навыка и быстроты. Быстрота, оказывающая гибельное вліяніе во всѣхъ другихъ человѣческихъ предпріятіяхъ, составляетъ единственный операціонный базисъ въ дѣлахъ жульничества. Замыслите облагодѣтельствовать человѣчество — вы въ самой вашей совѣсти встрѣтите тысячи претикновеній. Она представитъ цѣлыя тьмы сомнѣній, заставитъ шагъ за шагомъ слѣдить за вашимъ предпріятіемъ, обдумывать каждую подробность, обезпечивать отъ возможности ошибокъ. Задумайте ограбить, зарѣзать, перервать горло — нѣтъ ничего легче. Будьте лишь настолько быстры въ дѣйствіяхъ, чтобы предупредить возможность сопротивленія со стороны облюбованной жертвы. Застать врасплохъ, удивить неожиданностью — вотъ что требуется. Покуда человѣкъ протираетъ глаза, можно перемѣнить всю его обстановку и даже его самого поставить вверхъ ногами. А этого-то результата только и домогается безстыжество.

Гальскій нѣтухъ не одинъ разъ пытался оградить себя отъ подобныхъ сюрпризовъ, не одинъ разъ смотрѣлъ безстыжеству въ глаза, но рѣшительнаго успѣха, все-таки, не имѣлъ. Безусловно ли онъ виновенъ въ этой неуспѣшности, или же есть для его вины какое-нибудь оправданіе?—на это всѣ дѣтмольдцы въ одинъ голосъ отвѣчаютъ: „да, виновенъ“, и не хотятъ даже прибавить: „но по обстоятельствамъ заслуживаетъ снисхожденія“. За что, однакожъ, такой строгій приговоръ? за то ли, что гальскій нѣтухъ недостаточно риско-

валъ своими судьбами, недостаточно предстательствовалъ передъ небомъ за нихъ, детмольдцевъ? за то ли, что онъ подарилъ зигмарингенцамъ только ту долю свободы, которая достаточна для изобрѣтенія почтовыхъ марокъ, но недостаточна для того, чтобъ обладающіе ею сознавали себя вполнѣ людьми? —нѣтъ, не за это сердитъ мейнингенецъ. Онъ сердитъ за то, что гальскій пѣтухъ все еще не можетъ сказать: „довольно“, тогда какъ всѣ шаумбургцы и нассаусцы давнымъ-давно опочили отъ трудовъ и сколачиваютъ копѣйка по копѣйкѣ свое благополучіе. „Посмотрите, – говоритъ мейнингенецъ: — какіе эти пошлые думкопфы! десятки лѣтъ волнуются, шумятъ и гремятъ на весь міръ, а слѣдующіе десятки лѣтъ выносятъ постыднѣйшее иго изъ всѣхъ игъ!“ И забываетъ при томъ, что и онъ самъ, и вся Европа трепетали при одномъ напоминаніи объ этомъ игѣ, хотя ни на него, ни на Европу не могли непосредственно дѣйствовать ни кассеты, ни сортидебаль наполеоновскихъ городовыхъ.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно, что идея о невмѣстимости паразитства и патріотизма, благодаря французской популяризаціи, въ самомъ ближайшемъ времени найдетъ себѣ мѣсто въ ряду афоризмовъ, наиболѣе усвоенныхъ общественною совѣстью. Какъ скоро Франція убѣдится—убѣдится и міръ.

Но, все-таки, сдается, что Франція убѣдится по своему, а не на манеръ гогенцоллернскихъ обывателей. Несмотря на горечь постигшаго ее бѣдствія (есть ли бѣдствіе горше того, какъ чувствовать себя раздавленнымъ пятою лихтенштейнца?), она не съумѣетъ „предпочесть нѣкоторую узкость взглядовъ ширинѣ ихъ“. Это ея органическій порокъ, порокъ очень капитальный, но которому она фаталистически должна подчиниться.

Въ послѣдніе двадцать лѣтъ французы дѣйствовали совершенно по-мекленбургски. Они были увѣрены, что спокойствіе ихъ обезпечено, и, кажется, имѣли даже больше основаній, нежели, напримѣръ, ганноверцы или франкфуртцы, думать, что никто не потревожитъ ихъ. Хотя почты ихъ дѣйствовали не такъ исправно, какъ по ту сторону Рейна, тѣмъ не менѣе, такъ какъ они не были лишены права жалобы на неисправность почтальоновъ, то право это до извѣстной степени смягчало горечь негодующихъ сердецъ. Конечно, они знали, что нѣкоторымъ изъ ихъ гражданъ было не безъ непріятностей, но ихъ завѣрили, что непріятности эти, въ формѣ административныхъ ссы-

локъ въ Ламбессу и Кайенну, касаются только людей безпокойныхъ, т.-е. тѣхъ самыхъ, которые страдали „шириною идей". „Будьте рессентиментами, — твердили имъ на каждомъ шагу: — и вы убѣдитесь, что все пойдетъ какъ по маслу!" И они внимали увѣреніямъ и сдѣлались рессентиментами. И вотъ, въ ту самую минуту, когда они чуть-чуть не изобрѣли какихъ-то совершенно неотразимыхъ почтовыхъ марокъ, вдругъ грянулъ громъ. Оказалось, что эти призывы къ мекленбургскому спокойствію исходили изъ стана паразитовъ, для которыхъ затишье было необходимо, чтобъ подъ сѣнью общаго безмолвія упитывать свои тѣла. Оказалось, что эти паразиты были не только хищниками, но и глупыми людьми, которыхъ способно было застать врасплохъ всякое обстоятельство, не имѣющее ближайшаго отношенія къ процессу питанія.

А вѣдь и они, конечно, не пропускали случая, чтобъ называть себя патріотами, и они до надсады кричали: „Vive la France!" — и въ то же время систематически ослабляли Францію, обезоруживали ее и дѣлали неспособной для какой бы то ни было защиты. И вотъ теперь, въ минуту разсчета, оказывается, что они были не патріотами, а только паразитами, и что идея, согрѣвающая патріотизмъ, и идея, дающая жизнь паразитству, совершенно различны и нисколько другъ на друга непохожи.

Идея, согрѣвающая патріотизмъ — это идея общаго блага. Какими бы тѣсными предѣлами мы ни ограничивали дѣйствіе этой идеи (хотя бы даже пространствомъ княжества Монако), все-таки, это единственное звено, которое пріобщаетъ насъ къ извѣстной средѣ и заставляетъ насъ радоваться такими радостями и страдать такими страданіями, которыя во многихъ случаяхъ могутъ затрогивать насъ лишь самымъ отдаленнымъ образомъ. Воспитательное значеніе патріотизма громадно: это школа, въ которой человѣкъ развивается къ воспринятію идеи о человѣчествѣ.

Напротивъ того, идея, согрѣвающая паразитство, есть идея, вращающаяся исключительно около несытаго брюха. Паразитъ настолько подавленъ инстинктами личнаго эгоизма, что не можетъ сознавать себя въ связи ни съ какой средою, ни съ какимъ преданіемъ, ни съ какимъ порядкомъ явленій. Хотя же и случается, что онъ предпочитаетъ одну территорію другой, и начинаетъ называть ее отечествомъ, но это не отечество, а только осѣдлость. Воспитательное

значеніе паразита тоже громадно: въ этой школѣ воръ мелкій развивается въ вора всесвѣтнаго.

До сихъ поръ произвольное дѣленіе жизни на двѣ половины мѣшало сознавать это различіе, но практика взяла на себя трудъ обозначить его съ опредѣлительностью почти осязательною. Отнынѣ нѣтъ больше сомнѣній. Нельзя быть паразитомъ и патріотомъ, ни въ одно и то же время, ни по очереди, то-есть сегодня патріотомъ, а завтра проходимцемъ. Всякій долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ, при исполненіи своихъ обязанностей.

—

Другой вопросъ, разрѣшеніемъ котораго угрожаетъ разыгрывающаяся подъ стѣнами Парижа драма—это вопросъ объ отношеніи къ идеѣ патріотизма людей необразованныхъ и неразвитыхъ.

Доселѣ существовало мнѣніе, что чѣмъ менѣе развитъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ способенъ быть патріотомъ. Каждый начальникъ, хотя бы и лыкомъ шитый, неизмѣнно выражался такъ:

— Не люблю я этихъ умниковъ, которые на бобахъ разводятъ, а дѣла не дѣлаютъ!

Теорія эта по прямой линіи исходила изъ той же теоріи безсознательности и врожденности. Послѣдняя implicite предполагала, что всякій вновь родившійся человѣкъ есть уже патріотъ, а такъ какъ новорожденный не грубитъ, не возражаетъ, а только портитъ пелёнки, то и казалось, что выше этого патріотизма не можетъ существовать.

Кромѣ того, существовало еще и другое соображеніе. Смѣшивали патріотизмъ съ исполненіемъ начальственныхъ предписаній, и такъ какъ послѣднія не всегда и не для всѣхъ вразумительны, то приходили къ заключенію, что вразумительность можетъ быть съ успѣхомъ замѣнена дисциплиною. Но понятія о дисциплинѣ разнообразны до крайности. Есть дисциплина свободная, которую установляютъ свободные люди, по взаимному соглашенію, въ видахъ достиженія условленныхъ цѣлей, и есть дисциплина несвободная, которую установляетъ, напримѣръ, В и дѣлаетъ ее обязательною для Z, находящагося въ совершенномъ невѣдѣніи насчетъ цѣлей, для которыхъ учреждена дисциплина. До сихъ поръ самою благонадежною признавалась именно эта послѣдняя форма дисциплины. Она

устранила разговоры. А такъ какъ развитой человѣкъ не можетъ минуты прожить безъ разговора, и сверхъ того раздражается всякою таинственностью, то изъ этого естественно вытекало заключеніе, что выноситъ дисциплину, а слѣдовательно и быть совершенно надежнымъ патріотомъ можетъ только человѣкъ совсѣмъ невѣжественный.

Исполнитель глупый, но буквально напирающій или неукоснительно отступающій, считался идеаломъ исполнителя (патріота). Всѣ стремились куда глаза глядятъ, и было великой заслугой не знать, куда стремишься. Подобнаго рода идеалъ могъ быть подорванъ только такимъ положеніемъ вещей, въ которомъ потребность разсуждать являлась бы неотразимою. Въ такъ-называемой послѣдовательности явленій минуты полной сознательности приходятъ чрезвычайно медленно, и издали можетъ казаться, что въ массахъ таится неистощимый источникъ всевозможныхъ дисциплинъ. Но вдругъ оказывается, что разсуждать необходимо, что предстоитъ одно изъ двухъ: или разсуждать, или пропáсть...

Одна изъ такихъ истинно замѣчательныхъ въ исторіи человѣчества минутъ наступила теперь.

Невозможно сказать увѣрительно, до какой степени основательны восторги публицистовъ, повѣствующіе о нѣмцахъ-пастухахъ, читающихъ въ подлинникѣ Эврипида, и о нѣмцахъ-офицерахъ, пишущихъ съ театра войны родимымъ грамотки на санскритскомъ языкѣ, но нельзя не согласиться, что человѣкъ развитой уже потому является лучшимъ патріотомъ, что, обладая идеею общаго блага и знаніемъ элементовъ, его составляющихъ, можетъ цѣлесообразнѣе дѣйствовать въ пользу торжества своей идеи.

Во-первыхъ, только человѣкъ развитой способенъ обладать представленіемъ объ общемъ строѣ явленій и объ отношеніяхъ, между ними существующихъ; невѣжественный же человѣкъ сознаетъ лишь явленія ближайшія, касающіяся его собственной личности, или личностей тѣхъ людей, которые связаны съ нимъ узами крови и безпрерывными столкновеніями на одномъ и томъ же полѣ интересовъ. Такъ-называемый patriotisme du clocher гораздо сильнѣе дѣйствуетъ въ невѣжественномъ человѣкѣ, нежели въ развитомъ, и по временамъ ограничивается районами почти микроскопическими. У насъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, сосѣднія селенія аккуратно выходятъ другъ на друга съ дреколіемъ въ рукахъ по самымъ ничтож-

ымъ поводамъ, и бьются въ кровь до тѣхъ поръ, пока голосъ капитанъ-исправника не вразумитъ враждующихъ, что всѣ они дѣти одного отечества. Курскій мужикъ навѣрное ничего не знаетъ объ Орловской губерніи; орловскій мужикъ не имѣетъ никакихъ свѣдѣній о Курской губерніи. Они не понимаютъ, зачѣмъ имъ нужны эти „другія“ губерніи, и, слѣдовательно, еще меньше могутъ интересоваться вопросомъ объ окраинахъ. Имъ извѣстно, что до нихъ не только изъ Калиша, но и изъ Воронежа, „какъ до звѣзды небесной далеко“. Если курскому мужику говорятъ: „полякъ бунтуетъ“, или: „нѣмецъ блудитъ“. то въ этихъ словахъ ему сказывается не вопросъ о цѣлости или величіи отечества, а вопросъ о рекрутчинѣ. Будетъ рекрутчина — стало быть, будетъ надобность идти невѣдомо куда. Куда идти?—онъ даже и этого не можетъ опредѣлить, потому что, говоря по совѣсти, и развитому человѣку опредѣлить это не всегда бываетъ легко. Бунтуютъ поляки, а его ушлютъ задавать страхъ уѣздному городу Соликамску. Соликамскъ, Лодейное-Поле, Бендеры. Верхнеудинскъ, Свенцяны, Белебей. Таммерфорсъ, Лодзь, Ахалцыхъ. Ахалкалаки, Вольмаръ, Корчева — вотъ сколько неизвѣстныхъ величинъ онъ обязанъ любить. Съ нами Богъ! да онъ въ первый разъ въ жизни слышитъ про эти имена! Онъ знаетъ только городъ Щигры: онъ слыхалъ, что по сосѣдству съ Щиграми существуютъ еще города Фатежъ и Короча. и что въ городѣ Курскѣ сидитъ губернаторъ. который вразумляетъ бунтующихъ и только по неизреченному своему милосердію оставляетъ невинныхъ безъ взысканія. Все остальное для него миоъ, а вы хотите, чтобъ ради этого миоа онъ сознательно и самоотверженно жертвовалъ своей головой и своими въ нотѣ лина собранными грошами! Слова нѣтъ. что онъ и можетъ сдѣлаться горячимъ патріотомъ, и смѣло полѣзетъ въ огонь и воду для исправленія границъ своего отечества. но это случится только тогда, когда его внезапный патріотизмъ будетъ неуклонно согрѣваться дисциплиною. Затѣмъ, можетъ ли патріотизмъ дисциплинированный вполнѣ замѣнить патріотизмъ свободный—это еще вопросъ. и. кажется. въ разрѣшеніи этого вопроса и заключается вся сущность дѣла.

Почти навѣрное можно сказать, что попытки замѣнить патріотизмъ дисциплиною никогда не увѣнчивались успѣхомъ. Происходитъ это оттого, во-первыхъ, что никакими мѣрами нельзя вложить душу живу въ человѣка. который можетъ дѣйствовать только какъ авто-

мать, и, во-вторыхъ, оттого, что всякая дисциплина представляетъ машину столь сложную, что строгое примѣненіе ея непремѣнно увлечетъ патріотовъ-руководителей совсѣмъ въ другую сторону отъ главныхъ цѣлей. Человѣкъ, который не знаетъ, куда онъ идетъ, весь, со всѣми своими мыслительными способностями, подавленъ этою неизвѣстностью. Онъ, какъ самый простой поденщикъ, можетъ работать со штуки, но, не зная ни значенія этой работы, ни ея примѣненій, будетъ, все-таки, дѣйствовать наугадъ, а чаще всего невпопадъ. Сработаетъ онъ мало, да и эту недостаточную работу, пожалуй, необходимо будетъ исправлять или начинать сызнова. Но и это еще не все: самое существо дисциплины таково, что требуетъ и непрерывнаго смотрѣнія, и множества такихъ дѣйствій, которыя угрожающимъ или унижающимъ своимъ характеромъ оскорбляютъ даже неразвитого человѣка. Устраивается цѣлая корпорація лицъ съ единственнымъ назначеніемъ поддерживать дисциплину, созываются комитеты, члены которыхъ получаютъ прекраснѣйшее жалованье и производятъ обмѣнъ мыслей, имѣющій въ виду ту же цѣль. Форма вытѣсняетъ сущность, призракъ пріобрѣтаетъ плоть и кровь.

Совсѣмъ иныя черты представляетъ дисциплина свободная, которою добровольно связываетъ себя человѣкъ развитой. Въ его глазахъ, отечество не просто безсвязный аггрегатъ селеній, городовъ, сословій и т. д., а цѣльный и живой организмъ, съ которымъ каждая пядь территоріи защищаетъ и питаетъ слѣдующую пядь. Если онъ успѣлъ доказать себѣ, что развитіе страны находится на ложной дорогѣ, то онъ не обязывается идти съ нимъ объ руку и не лишается черезъ то наименованія патріота. Бываютъ минуты, когда борьба противъ ложнаго общественнаго настроенія считается признакомъ высшаго и безукоризнѣйшаго патріотизма, хотя, конечно, бываютъ и иныя минуты, когда развитой человѣкъ подчиняетъ свой высшій патріотизмъ патріотизму необходимости и добровольно связываетъ себя дисциплиною. Какъ ни тяжелъ этотъ подвигъ подчиненія, но такъ какъ онъ предпринимается сознательно, то нѣтъ надобности ни слѣдить за каждымъ шагомъ этого человѣка, ни входить съ нимъ въ многословныя объясненія. Онъ отвѣтственъ не передъ шпицрутеномъ, а передъ судомъ своей собственной совѣсти. Сообразите же, насколько удобнѣе, проще и достойнѣе подобная дисциплина, и подведите итогъ капиталамъ и силамъ, которые страна пріобрѣтаетъ

оттого только, что въ идею патріотизма будетъ введенъ элементъ сознательности и умственной развитости.

Во-вторыхъ, развитой человѣкъ и въ исключительной сферѣ практическихъ примѣненій имѣетъ возможность дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ, нежели человѣкъ невѣжественный. Предложите ему вопросъ о народномъ образованіи—онъ укажетъ на лучшіе методы обученія; предложите вопросъ о земледѣліи—онъ укажетъ на лучшіе способы обработки земли. Мнѣніе, утверждающее, что рутинисты суть самые лучшіе практики и дѣльцы, можетъ пользоваться кредитомъ только въ такихъ странахъ, въ которыхъ нѣтъ истинно развитыхъ людей, а существуютъ лишь люди полуразвитые и круглые невѣжды, прикрывающіе свою невѣжественность однѣми внѣшними формами. Такіе люди дѣйствительно уступаютъ на поприщѣ практики людямъ просто невѣжественнымъ, потому что, не обладая, наравнѣ съ послѣдними, никакимъ реальнымъ знаніемъ, они, сверхъ того, пользуются еще общественнымъ положеніемъ, которое освобождаетъ ихъ отъ примѣненія даже грубой силы мышцъ. Но это, все-таки, нимало не свидѣтельствуетъ въ пользу невѣжественности, ибо отнюдь не слѣдуетъ упускать изъ виду, что невѣжественность обречена всякое дѣло начинать съ начала и только путемъ долгихъ и разорительныхъ опытовъ достигать тощихъ результатовъ. Даже въ дѣлѣ избіенія людей услуги развитого человѣка являются гораздо болѣе цѣнными, нежели услуги человѣка невѣжественнаго. Дайте ружье въ руки мужику, ничего не знающему, кромѣ сохи—и вы измучитесь въ ожиданіи, пока онъ убьетъ хоть одного думкопфа; дайте же ружье въ руки „умнику“ —вы не успѣете оглянуться, какъ онъ уже пристрѣлялъ полдюжины думкопфовъ. Мужикъ колетъ зря, не зная зачѣмъ и кого колетъ; „умникъ“ не только самъ колетъ съ разсужденіемъ, но даже можетъ начальству дать недурной по сему предмету совѣтъ.

Итакъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что подлинными патріотами могутъ считаться только развитые люди; невѣжды же обязываются любить деревню, село, городъ, а патріотами могутъ дѣлаться лишь съ помощью дисциплины.

И эту истину пришлось несчастной Франціи популяризировать своими боками, и ей же, а не Германіи, достанется честь повсемѣстнаго ея распространенія. До сихъ поръ Франція жила лихорадочною,

перемежающеюся жизнью: то освѣщала міръ лучами, то погружала его въ тьму. Это происходило, повидимому, оттого, что дѣйствительно политическою и соціальною жизнью жилъ только Парижъ и другіе немногіе центры; уровень же развитія остальнаго населенія былъ весьма невысокъ. Теперь Франціи предстоитъ такая задача: привить Парижъ къ остальному національному организму. И ежели она выполнитъ эту задачу, то мейнингенцамъ едва-ли удастся еще разъ топтать поля ея.

Зигмарингенцамъ и гессенцамъ, конечно, очень ловко говорить: „мы образованные, а вы думкопфы: наши солдаты Эврипида читаютъ, а ваши и азбукѣ обучались съ грѣхомъ пополамъ“. Они забываютъ, что и возможность наслаждаться Эврипидомъ, все-таки, до нѣкоторой степени обезпечивается тою же Франціей, то-есть Парижемъ. Представьте себѣ такое положеніе: Франція обратилась въ Испанію, Парижъ—въ Мадридъ. Что тогда будетъ?—А вотъ что: придутъ паразиты, соберутъ всѣхъ гессенцевъ и при громѣ пушекъ объявятъ: „Нѣтъ вамъ ни школъ, ни университетовъ, ни Эврипида! живите безъ наукъ и литературы, какъ живутъ жители уѣзднаго города Пудожа!“

Для насъ, русскихъ, это открытіе не новость, хоть нельзя не сознаться, что съ полною основательностью мы знаемъ только одну половину его. Намъ извѣстно, конечно, что невѣжды суть невѣжды, но здѣсь и прекращаются наши свѣдѣнія по этой части. Вопросъ о томъ, можно ли сдѣлать изъ невѣжественныхъ людей какое-нибудь употребленіе, остается открытымъ. Мы не думали объ этомъ, по недостатку элементовъ для сравненій, по невозможности опредѣлить, на что способна умственная развитость. Наше народное образованіе находится въ зачаточномъ положеніи; наше высшее образованіе прогрессируетъ заднимъ ходомъ. При такомъ положеніи дѣла весьма естественно, что не можетъ существовать ни вѣрнаго понятія о сущности вещей, ни твердыхъ и ясныхъ убѣжденій. Одно убѣжденіе, повидимому, сложилось прочно — это убѣжденіе, что знаніе есть разсадникъ бунтовъ; но если мы вглядимся въ дѣло ближе, то увидимъ, что даже и это убѣжденіе напосное. Хладные теоретики проповѣдуютъ эту quasi-истину съ чужихъ словъ. Они слышали, что

гдѣ-то, въ тридевятомъ царствѣ. Иванъ, получивъ просвѣщеніе, чуть-было не ограбилъ Петра, и въ ужасѣ за свои карманы вопіютъ: „вотъ хваленое просвѣщеніе! научили человѣка грамотѣ, а онъ на большую дорогу пошелъ!“ Но и у этой теоріи нѣтъ твердаго, реальнаго основанія, потому что, не обладая самымъ фактомъ просвѣщенія, мы не можемъ даже судить, какая въ немъ заключается сила: разрушающая или зиждущая.

Такое положеніе могло бы, впрочемъ, имѣть свои удобства, если отнестись къ нему откровенно, безъ предубѣжденій. Если нѣтъ просвѣщенія, то надобно водворить его: если школы до того рѣдки, что всякое извѣстіе объ открытіи новаго разсадника первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики заставляетъ открывать удивленные глаза, то надобно устроить такъ, чтобы подобныя извѣстія не удивляли, а казались обыденными. Говорятъ, что этого трудно достигнуть по недостатку матеріальныхъ средствъ; возраженіе это въ значительной степени утратитъ свою силу, ежели мы сообразимъ, сколько употребляется матеріальныхъ средствъ на устраненіе тѣхъ недоразумѣній, которыя приводитъ за собой отсутствіе просвѣщенія. Въ военномъ отношеніи, просвѣщеніе на половину замѣняетъ шасспо; на поприщѣ гражданскихъ доблестей—оно дѣлаетъ почти ненужнымъ такъ-называемые расходы взиманія. Стало быть, поднявши умственный уровень массъ, можно, безъ вреда для воинственныхъ упражненій, уменьшить на половину комплектъ ружей и пушекъ, ибо оставшаяся половина будетъ палить цѣлесообразнѣе. Затѣмъ, можно будетъ также на половину сократить армію чиновниковъ, такъ какъ послѣднимъ даже палить не будетъ предстоять надобности. Сколько получится экономіи отъ этихъ сокращеній, можно судить уже по тому, что если бы, напримѣръ, уменьшить на половину только число полицейскихъ управленій (по росписи государственныхъ расходовъ на этотъ предметъ по всей имперіи, за исключеніемъ Финляндіи, исчисляется около шести съ половиной милліоновъ рублей), то получится круглая цифра слишкомъ въ три милліона рублей. Какую массу людей можно напитать просвѣщеніемъ на эту сумму! А тамъ пойдутъ еще акцизные надзиратели, чиновники для составленія, чиновники для переосставленія, смотрители, предсѣдатели и даже чуть-чуть не губернаторы! И всего этого мы лишимся, во всемъ этомъ не будемъ чувствовать надобности, какъ только насъ коснется благодать просвѣщенія! Ка-

кая волшебная перспектива! Какая масса денегъ во всѣхъ карманахъ, какое довольство на всѣхъ лицахъ—и ни тѣни безпорядка!

Напротивъ, порядка будетъ еще больше, потому что примѣръ Германіи осязательно доказываетъ, что непосредственный результатъ просвѣщенія—совсѣмъ не бунты, а расположеніе читать греческихъ классиковъ въ подлинникѣ.

Не попробовать ли?

Есть еще и третій вопросъ, разрѣшеніе котораго должно значительно подвинуться впередъ вслѣдствіе откровеній настоящей войны. Это—вопросъ объ отношеніи къ идеѣ патріотизма людей, не принимающихъ участія въ дѣлахъ своей страны.

Наиболѣе распространенная изъ теорій, опредѣляющихъ отношенія отдѣльнаго человѣка къ интересамъ страны, имѣетъ девизомъ очень простое и краткое изреченіе—„не твое дѣло“. Все, что ни видится кругомъ, все очерчено чертой, преступить за которую—значитъ обнаружить поползновеніе очень опаснаго свойства. Въ громадныхъ перегородкахъ, раздѣляющихъ вселенную, мечутся міріады единицъ, изъ которыхъ каждая для каждой составляетъ заповѣдную область. Чѣмъ меньше связи между людьми, тѣмъ меньше столкновеній. Тѣмъ тише. Тишина внутри и неприступность извнѣ — вотъ идеалъ страны сильной и благоденствующей. Подъ защитою этой тишины и неприступности дѣлается какое-то дѣло, но дѣлается какъ-то само собой, какъ будто надъ сонмищемъ разрозненныхъ единицъ, присвоивающимъ себѣ названіе общества, паритъ совсѣмъ независимая сила, живущая собственною жизнью и не вѣдающая иныхъ условій, кромѣ тѣхъ, которыя заключены въ ней самой. Это сила, которая устроитъ и дисциплинируетъ тишину. Съ изумительною настойчивостью преслѣдуетъ она свою цѣль и, въ концѣ концовъ, дѣйствительно достигаетъ того, что девизъ „не твое дѣло“ не только становится внѣшнимъ правиломъ, опредѣляющимъ человѣческія дѣйствія, но входитъ въ нравы. Задачи администраціи упрощаются до безконечности: наступаетъ минута, когда начинаетъ даже казаться, что нечѣмъ управлять; передъ глазами волнуется море людей, и хотя эти люди не связаны между собой никакой общей идеей, но всѣ ихъ движенія поражаютъ точностью, всѣ приливы и отливы совершаются

съ правильностью, которой можетъ позавидовать безсознательная правильность стихіи. Это чудо достигается дисциплиною.

Этимъ все сказано. Дисциплина творитъ тишину, тишина обезпечиваетъ дисциплину. Это замкнутый кругъ, въ который не входитъ иныхъ элементовъ, кромѣ взаимнаго творчества дисциплины и тишины. Таковы требованія теоріи, и они, безъ сомнѣнія, достигали бы извѣстныхъ цѣлей, еслибы въ практическихъ примѣненіяхъ была возможна та же математическая точность, какая предполагается теоріей. Но слабая сторона теоріи „не твое дѣло“ именно въ томъ и заключается, что практическія ея примѣненія не только не отвѣчаютъ ожиданіямъ теоретиковъ, но на каждомъ шагу раскрываютъ такого рода опасности, къ которымъ можетъ остаться нечувствительнымъ развѣ слѣпой и безусловный фанатизмъ.

Самый грубый практическій способъ устраненія человѣка отъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ страны, къ которому всего охотнѣе прибѣгали теоретики тишины, заключается въ насильственномъ обреченіи массы въ жертву невѣжественности и обѣдненія. По наружности, это средство дѣйствительно кажется неотразимымъ, потому что вѣдь и въ самомъ дѣлѣ трудно представить себѣ другую силу, которая могла бы такъ всецѣло гарантировать равнодушіе къ общественнымъ интересамъ, какъ гарантируютъ невѣжественность и бѣдность. Но, въ сущности, заключеніе это, все-таки, не больше, какъ отвлеченное построеніе. Начать съ того, что даже при систематическомъ распространеніи невѣжества невозможно обезличить человѣка до такой степени, чтобы онъ сдѣлался скотомъ весь, безъ остатка. Да и не всегда выгодно окончательно обезличить человѣка, ибо даже въ сферѣ самой грубой исполнительности встрѣчается множество случаевъ, когда необходимы услуги не скотовъ, а людей. Затѣмъ, идя далѣе, мы встрѣчаемся еще съ одною случайностью, которая тоже не свидѣтельствуетъ въ пользу невѣжественности, какъ гарантіи общественной тишины. Не подлежитъ сомнѣнію, что всякій умственный уровень, отъ высшаго до низшаго, имѣетъ минуты, когда онъ выбивается изъ обычной колеи и предъявляетъ требованія, выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, а потому и не легко предусматриваемыя. Очень возможно, что эти уклоненія нежелательны, что необходимо всячески ихъ отвращать и отдалять; но такъ какъ, все-таки, фактъ существуетъ, то было бы непростительнымъ легкомыслiемъ

не принимать его въ разсчетъ. Спрашивается: въ какомъ случаѣ фактъ уклоненія долженъ облекаться въ формы болѣе мягкія—въ томъ ли, когда онъ исходитъ изъ среды, стоящей на высшемъ уровнѣ, или въ томъ, когда его создаетъ среда, находящаяся подъ исключительнымъ давленіемъ непосредственнаго чувства?

Это вопросъ очень серьезный и отъ разрѣшенія его безспорно зависятъ будущія судьбы теоріи, имѣющей девизомъ: „не твое дѣло". Что, ежели окажется, что соотвѣтствіе между равнодушіемъ къ общественнымъ интересамъ и тишиною, которымъ мы такъ охотно задаемся, есть только призрачное соотвѣтствіе? Что, ежели для уничтоженія этого призрака достаточно одного случайнаго движенія невѣжественной массы—движенія тѣмъ менѣе отвратимаго, чѣмъ больше мы возлагаемъ упованій на невозможность его? Издали намъ сдается, что невѣжественная и обнищавшая толпа занимается только равнодушіемъ, а она между тѣмъ требуетъ хлѣба и зрѣлищъ. И не справляется при этомъ ни съ положеніемъ бюджета, ни съ свѣдѣніями объ урожаяхъ, ибо все это „не ея дѣло". Непрерывный рядъ внѣшнихъ стѣсненій ограничилъ „ея дѣло" одними требованіями желудка; она приняла это ограниченіе, но зато ухватилась за оставленную ей сферу тѣмъ съ бо́льшею цѣпкостью, чѣмъ больше сдѣлано урѣзокъ и сокращеній во всѣхъ другихъ сферахъ ея жизни. Спрашивается: въ какихъ формахъ она выразитъ то единственное требованіе, которое она успѣла выяснить себѣ, не выяснивши при томъ никакихъ средствъ для удовлетворенія?

Другую, менѣе рѣзкую, но тоже очень рѣшительную форму устраненія отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ представляетъ такъ-называемая административная централизація. Путемъ болѣе сложнымъ и искусственнымъ она достигаетъ тѣхъ же результатовъ, какихъ достигаетъ и невѣжественность, то-есть полнѣйшей безучастности ко всѣмъ интересамъ, кромѣ интересовъ желудка. Въ строгомъ смыслѣ, централизація даже не можетъ существовать, если рядомъ съ нею не наконлена достаточная сумма невѣжественности, и примѣръ странъ, считающихся высокоцивилизованными, подобно Франціи, нимало не опровергаетъ этой истины.

Немыслимо, чтобъ человѣкъ развитой добровольно отказался отъ права управлять своими дѣйствіями въ пользу стороняго лица, потому что подобный отказъ былъ бы равносиленъ низведенію себя на степень

низшаго организма, а для такой прихоти не имѣется никакого разумнаго объясненія. Существованіе крѣпкой централизаціи въ странахъ цивилизованныхъ ничего не доказываетъ въ ея пользу, а убѣждаетъ лишь въ томъ, къ какимъ постыднымъ результатамъ можетъ привести неравномѣрность въ распредѣленіи благъ, которыя приносятъ съ собой высокая степень умственнаго развитія. Если центры настолько богаты просвѣщеніемъ, что могутъ, по справедливости, считать себя стоящими во главѣ человѣчества, и ежели и затѣмъ политическая и общественная жизнь страны томится подъ игомъ обезличивающихъ ее формъ, то это значитъ, что тутъ существуетъ глубокій перерывъ, котораго не можетъ наполнить даже богатое содержаніе центровъ. Даже такія существенныя выгоды, какъ, напримѣръ, народное представительство, утрачиваютъ все значеніе, благодаря изнуряющему вліянію централизаціи. Вопросы, разрабатываемые народнымъ представительствомъ, могутъ получать очень вѣрное разрѣшеніе, но для массъ это, все-таки, будутъ вопросы сторонніе, нимало ихъ не затрогивающіе. Нѣтъ посредствующихъ живыхъ звеньевъ, которыя служили бы примѣнителями и разъяснителями работы, совершающейся въ центрахъ—слѣдовательно, не можетъ быть и жизненнаго ея примѣненія. Вмѣсто этихъ живыхъ звеньевъ, посредникомъ является армія чиновниковъ, которая дѣйствуетъ, конечно, не въ смыслѣ прилаживанія общихъ вопросовъ къ требованіямъ жизни, а совершенно наоборотъ, въ смыслѣ прилаживанія жизни къ требованіямъ общихъ вопросовъ. Отданная въ жертву этимъ прилаживаніямъ, масса или загрубѣваетъ, или же протестуетъ непрерывнымъ рядомъ волненій и безпокойствъ. И, такимъ образомъ, равнодушіе, на которое возлагалось такъ много надеждъ, не только перестаетъ быть источникомъ тишины, но становится творческою силой, производящею ея нарушенія.

Но пусть будетъ такъ. Пускай высказанные выше доводы останутся неубѣдительными для теоретиковъ тишины во что бы то ни стало. При чемъ же тутъ, однакожъ, патріотизмъ? какимъ образомъ вяжется онъ съ общественнымъ индифферентизмомъ? когда онъ требуется? въ какихъ формахъ имѣетъ возможность проявлять себя?

Въ томъ-то и дѣло, что тутъ нѣтъ и не можетъ быть никакой связи, потому что нельзя ограничить индифферентизмъ исключительно одною сферою жизни и остановить его наплывъ во всѣ осталь-

ныя сферы. Нельзя сказать человѣку: „вотъ здѣсь, въ сферѣ внутреннихъ интересовъ, ты будешь индифферентенъ и скуденъ инициативой, а вотъ тамъ, въ сферѣ внѣшней безопасности, ты обязываешься быть пламеннымъ и изобрѣтать все, что̀ нужно на страхъ врагамъ“. Это невозможно, во-первыхъ, потому, что внутреніе интересы всегда ближе касаются человѣка, и, во-вторыхъ, потому, что духъ инициативы не съ неба сваливается, а развивается воспитаніемъ и практикою. Нельзя передвигать его изъ одной сферы въ другую, смотря по надобности, особенно изъ такой сферы, гдѣ онъ встрѣчаетъ примѣненіе безпрерывное, въ такую, гдѣ предстоитъ примѣнять его только, такъ сказать, въ табельные дни. Отсутствіе повседневной работы ума мало-по-малу доводитъ способности человѣка до нуля: съ чѣмъ же онъ пойдетъ на защиту отечества, когда въ этой защитѣ встрѣтится надобность? Гдѣ онъ найдетъ элементы для энтузіазма? Онъ нагъ снаружи и нагъ внутри; онъ ничего не знаетъ; онъ игнорируетъ даже ту „вещь“, во имя которой ему приводится расточать энтузіазмъ.

Но всѣ эти соображенія нимало не смущаютъ теоретиковъ молчанія, и причина тому очень простая. Въ глубинѣ души патріотизмъ столько же противенъ имъ, какъ и вообще всякое проявленіе человѣческой самодѣятельности, и только свидѣтельство исторіи (и то въ такихъ примѣрахъ, какъ Іоанна д'Аркъ, но отнюдь не въ такихъ, какъ Вильгельмъ Телль) заставляетъ ихъ признать въ этомъ явленіи нѣкоторыя небезполезныя свойства. Поэтому выраженія патріотизма хотя и допускаются, но при такихъ условіяхъ, осуществленіе которыхъ возможно только съ помощью теоріи еще болѣе искусственной, нежели изложенная выше теорія повсемѣстнаго водворенія безмолвія.

И тутъ безсознательность и врожденность служатъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ построеній. Принятыя однажды на вѣру, онѣ облегчаютъ дѣло настолько, что независимость патріотизма отъ практическихъ примѣненій кажется истиною вполнѣ доказанною и неопровержимою. Патріотизмъ врожденъ, слѣдовательно онъ всегда на-лицо, слѣдовательно его можно вызвать на сцену во всякую минуту, когда въ немъ есть надобность. Вотъ краткій, но немудрый кодексъ, которымъ руководятся теоретики народнаго обезличенія. Все равно, какъ графинъ съ водкой. Покуда нѣтъ въ водкѣ надобности, графинъ стоитъ въ шкапу; какъ только есть надобность, графинъ ста-

вится на столъ, наливается рюмка или двѣ, а затѣмъ водка опять препровождается въ шкапъ, а рюмки выполаскиваются и вытираются, чтобъ не воняли.

Такой взглядъ представлялъ бы несомнѣнныя удобства, еслибъ можно было отыскать въ человѣческомъ организмѣ такой органъ, который исключительно занимался бы пристанодержательствомъ патріотизма. Тогда представлялась бы возможность дѣйствовать по усмотрѣнію: нуженъ патріотизмъ—приподнялъ кланапъ и выпустилъ пары; не нуженъ—завернулъ кранъ и сиди спокойно безъ патріотизма. Но такого органа до сихъ поръ еще не открыто...

Настоящая война практически доказала, что патріотизмъ, болѣе нежели всякое другое проявленіе человѣческаго духа, находится въ зависимости отъ воспитанія и навыка. До сихъ поръ приходилось только догадываться въ справедливости этой истины и притомъ догадываться по фактамъ изолированнымъ и недостаточно яснымъ. Понятно, что и результаты такихъ догадокъ были недостаточны. Насъ не могло не поражать спокойствіе и чувство собственнаго достоинства, которое приноситъ съ собой, напримѣръ, англичанинъ или американецъ всюду, гдѣ бы онъ ни появился, но мы приписывали эти свойства интимнымъ особенностямъ расы, и успоконвались на этомъ объясненіи. Всякая раса, по принятому нами преданію, снабжена особою этикеткою, на выполненіе которой она осуждена самой судьбою. Одинъ народъ долженъ быть отъ природы воскламенителенъ и хвастливъ, другой — отъ природы тупъ и склоненъ къ изобрѣтенію почтовыхъ марокъ, третій—отъ природы смиренъ и несклоненъ ни къ какимъ изобрѣтеніямъ. Но такая замкнутость расовыхъ особенностей слишкомъ противорѣчитъ идеѣ человѣческаго прогресса, чтобы можно было примириться съ нею. Только комедія, да и то плохая, можетъ представить отвержденную хвастливость, отвержденное тупоуміе или смиреніе; въ жизни же всѣ эти качества точно такъ же подлежатъ законамъ разложенія, какъ и всякое другое жизненное явленіе. Вліяніе расовыхъ особенностей въ извѣстныхъ случаяхъ ослабѣваетъ и уступаетъ мѣсто вліянію воспитанія. Недостатокъ этого послѣдняго объясняетъ всѣ проявленія дикаго фанатизма съ одной стороны и презрѣнной приниженности съ другой. И хвастливость, и приниженность одинаково свидѣтельствуютъ, что человѣкъ, обладающій од-

нимъ изъ этихъ качествъ, никогда не ощущалъ себя дѣятельнымъ членомъ общества, а слѣдовательно никогда не могъ возвыситься до идеи, что общество, независимо отъ своей развитости или неразвитости, есть организмъ настолько сильный, что выдержитъ всякую правду, и съ презрѣніемъ отнесется къ хвастливости и приниженности. Если этотъ субъектъ имѣетъ способность раздражаться наносною идеей, то тѣмъ хуже для него. Это докажетъ только, что онъ во всякую минуту способенъ сдѣлать себѣ убѣжденіе, свободное отъ какой бы то ни было внутренней работы. Это наразитъ гораздо болѣе опаснаго свойства, нежели даже другой наразитъ изъ смиренныхъ, который доводитъ свое смиренномудріе до того, что охотнѣе назоветъ себя курицынымъ сыномъ, нежели признаетъ свою національность. Чтобы достичь этой степени смиренномудрія, нужно очень многое: быть можетъ, нужна даже ненависть. Но, во всякомъ случаѣ, ни тотъ, ни другой не могутъ называть себя патріотами по той простой причинѣ, что ни у того, ни у другого нѣтъ органической связи съ тѣмъ, что они называютъ своимъ отечествомъ.

Франція первая сообщила силу достовѣрности этому факту, доселѣ имѣвшему только характеръ догадки. Она практически доказала, на что была способна централизація конца XVIII столѣтія, и на что она сдѣлалась способною теперь, послуживъ двадцать лѣтъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ наѣзжихъ людей. Въ концѣ концовъ оказывается, что какъ ни противоположно было дѣйствіе этой силы въ томъ и другомъ случаѣ, все-таки оно не снимаетъ съ нея характера явленія противообщественнаго, которое вредными результатами превосходитъ даже осадное положеніе. Осадное положеніе убиваетъ жизнь общества временно; централизація отравляетъ самые корни этой жизни. Факты фанатизма и апатіи, которые доносятся до насъ съ театра войны — все это не что иное, какъ послѣдствія того стройнаго административнаго механизма, которымъ гордилась Франція и которому удивлялся весь міръ. Сегодня сжигаютъ живьемъ человѣка и чуть-чуть не вздергиваютъ на висѣлицу представителя страны за то, что онъ высказываетъ свободное мнѣніе, завтра—уходятъ съ арены военныхъ дѣйствій толпы гардъ-мобилей, объявляя, что имъ лучше дома, чѣмъ на войнѣ. Ясно, что такого рода проявленія могутъ исходить только изъ такой среды, которая не имѣетъ яснаго понятія ни объ отечествѣ, ни о долгѣ, и способна подчиняться

лишь паническимъ побужденіямъ преувеличеннаго страха и не менѣе преувеличенныхъ надеждъ.

Но ежели Франція такъ неожиданно познала на себѣ всѣ послѣдствія деморализаціи, которую влечетъ за собой искусственное обезличеніе страны, то нѣтъ сомнѣнія, что она вынесетъ изъ этого испытанія урокъ, поучительный не только для нея, но для всѣхъ соединенныхъ зигмарингенцевъ и мекленбуржцевъ. Положеніе Франціи имѣетъ ту выгоду, что ея неудачи слишкомъ ярко бросаются въ глаза, чтобы можно было скрыть ихъ и упорствовать на ложномъ пути, впредь до новыхъ неудачъ. Несмотря на свое обезличеніе, это, все-таки, народъ, выработавшій Парижъ, а въ немъ и ту арену политическихъ и общественныхъ вопросовъ, на которую одинъ за другимъ выступаютъ всѣ члены человѣческой семьи. Для такого народа, устраненіе причинъ, породившихъ неудачи, обязательно, и при томъ не частное или измороченное, а коренное, немедленное. Мекленбуржцы не понимаютъ этой обязанности; судя по прежнимъ примѣрамъ, они думаютъ, что и съ неудачами можно жить спокойно, если имѣются ретуръ-билеты, а на почтѣ не вскрываютъ посылокъ. Ихъ войска побиваютъ въ настоящую минуту думкопфовъ, и вотъ они спѣшатъ вывести изъ этого лестныя для себя заключенія. Мы, дескать, и образованные, и чиновники у насъ честнѣе, и свободы больше—а все это намъ пожаловано! Очевидно, однакожъ, что тутъ упускается изъ вида, что то положеніе вещей, которое во Франціи было лишь плодомъ исключительнаго недоразумѣнія, для многихъ странъ, не столь взыскательныхъ, есть положеніе хроническое, а для другихъ даже желательное.

Во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что громадныя событія, совершающіяся на нашихъ глазахъ, будутъ обильны не менѣе громадными результатами. И галльскій пѣтухъ, навѣрно, популяризируетъ эти результаты, и притомъ не суммарно, а во всей прискорбной ихъ полнотѣ.

Гос.
Публичная
а
Ленинграде

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА (Н. ЩЕДРИНА)

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

— въ двѣнадцати томахъ обыкновеннаго формата:

Томъ I.—Губернскіе очерки.—Матеріалы для біографіи М. Е. Салтыкова, съ портретомъ автора, его факсимиле и могильнымъ памятникомъ.
— II.—Господа Головлевы.—Сатиры въ прозѣ.
— III.—Помпадуры и помпадурши.—Невинные разсказы.
— IV.—Благонамѣренныя рѣчи.—Культурные люди.
— V.—Мелочи жизни.—Сборникъ.
— VI.—Сказки.—Пестрыя письма.—Недоконченныя бесѣды.
— VII.—Исторія одного города.—Убѣжище Монрепо.—Признаки времени
— VIII.—Дневникъ провинціала.—За рубежемъ.
— IX.—Господа Ташкентцы. — Пошехонскіе разсказы. — Круглый годъ.
— X.—Въ средѣ умѣренности и аккуратности.—Письма о провинціи.—Итоги.
— XI.—Современная идиллія.—Письма къ тетенькѣ.
— XII.—Пошехонская старина.—Брусинъ, разсказъ.

Каждый томъ—1 руб. 75 коп., съ перес. 2 руб.

По подпискѣ на 12 томовъ—**18** р., съ перес.—**21** р.

Складъ изданія:

въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича,

Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

4843
295

ГПБ Русский фонд
18.268.5.1/1